

84 (2 Рес. Акт/6)
0 484

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ОЙРОТСКИЙ КРАЙ

Ежегодная газета
Областного и
Обкома Р. К. П.

Цена
отдельного
пояра
10 рублей.

№ 1-й

Вторник 7-го ноября 1922 г.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

№ 6 (2706)

КРАСНАЯ ОЙРОТИЯ

ПОЧЕМУ ГОТОВИТЬ
ПАРК К ВЕСНЕ

Советскими и земельными
руководителями области стоят сейчас

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ПРИЗЫВНИКТАР!

Нызыл Черүгэ барар алдында уурэдүгэ јозонту болуп туругар.

Мылтыкты колго тудуп, оныла Совет јарин корууларга ууренигар.

Нызыл Черүгэ турган ичине-лэ тунгэй болуп командирлардыг јанылтазын чэн будуррп туругар.

Кызыл Ойрот

Жаскымал

Илде чыкандарга күндүлү

Бир номердин баазы 2 акса

Krestjan ulusty gazedi

19 sentjaur
№ 100
1931 çy

Ajtajlap bicigei „Krestjan ulusty gazedin“ krestjan erokö sajn çet tireli. Nojavrga 6000 TIRAZ BOLOTON!

ОЙРОТ

Советы депутатов трудящихся.
Отдадим свои голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

№ 203 (3353) | Пятница, 19 декабря 1947 г. | Цена 20 коп.

Улучшить работу сельских Советов

Новым производственным подъемом отвечают

Министерство культуры Республики Алтай
Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова

ОЙРОТИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Горно-Алтайск, 2022

Министерство культуры Республики Алтай
Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова

УДК 82
ББК 84(2 Рос.Алт)6я43
О-484

Издано к столетию со дня образования Ойротской автономной области

Ответственный за выпуск – С. К. Штанакова

Составление, подготовка текстов, приложения:
Э. П. Чинина, Т. П. Шастина, вступительная статья Т. П. Шастина,
подбор иллюстраций М. М. Алушкина

Рецензент:
Тюхтенева С. П., доктор исторических наук, этнограф

Ойротия в зеркале литературы: антология / под ред. Э. П. Чининой, Т. П. Шастиной. – 2-е изд., доп. - Горно-Алтайск: Издательство Полиграфика, 2022. - 356 с.

В антологии собраны художественные, публицистические, научные тексты на русском и алтайском языках, опубликованные в 1922–1947 гг. в Барнауле, Новосибирске, Москве; стихи, статьи и заметки из периодики и отдельных изданий Ойротской автономной области, хранящихся в НБ РА, показывающие, как год за годом формировался и развивался образ Ойротии – советской национальной автономии.

В книге воспроизведены документальные фотографии из фондов Государственного архива Республики Алтай и из журналов 1930-г., хранящихся в фондах Национального музея Республики Алтай имени А.В. Анохина.

Книга адресована исследователям и широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой Республики Алтай.

ISBN 978-5-98676-005-6

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Второе - дополненное - издание книги «Ойротия в зеркале литературы» подготовлено Национальной библиотекой Республики Алтай им. М.В. Чевалкова к столетию со дня образования Ойротской (Ойратской, как официально писали вплоть до 1932 г.) автономной области. В него включен ряд исторических документов, справочные материалы из «Сибирской советской энциклопедии», очерки сибирских и столичных писателей, позволяющие современному читателю полнее сформировать представление о периоде 1922-1947 годов в истории нашего региона.

Национальная библиотека Республики Алтай им. М.В. Чевалкова в своей каждодневной работе бережно сохраняет и активно пропагандирует культурно-историческое наследие Горного Алтая. Первое издание антологии было приурочено к столетию библиотеки, подготовка к которому в 2020 г. поставила перед коллективом главного книжного центра республики задачу осмысления своей собственной истории, чтобы соответствовать вызовам современности и не уронить ту высокую планку, которая была определена основателями первой общедоступной библиотеки в Аносе – сибирским просветителем Петром Ивановичем Макушиным и алтайским художником Григорием Ивановичем Гуркиным (мечтавшим открыть на Алтае Гуляевский музей и Потанинскую библиотеку¹). На всех этапах своей истории библиотека стремится сохранять и приумножать традиции формирования книжного собрания широчайшей краеведческой направленности, заложенные библиофилами и исследователями Алтая Степаном Ивановичем и Николаем Степановичем Гуляевыми, с приобретения библиотеки которых в 1919 г. для создания *музея-библиотеки* следует вести отсчет профессиональной библиотечной деятельности в регионе.

Наша библиотека с 1922 по 1947 гг. носила название Ойротской областной. Она была в центре самых сложных процессов, происходивших в тот невероятно насыщенный событиями период во всех сферах общественной, культурной и хозяйственной деятельности Ойротской (Ойратской) автономной области. О них ныне мы можем судить по сохранившимся книжным памятникам и документам – редкий фонд НБ РА насчитывает более 2500 единиц хранения. Среди них – первые книги на алтайском языке, первые буквари и книги для чтения для взрослых, первые областные и районные газеты, первые переводы на алтайский язык русской и мировой классики. Они доносят до нас дыхание эпохи становления огромного государства – СССР – и первые попытки осмысления маленькой автономной областью на юге Сибири своего места в жизни этого государства. В эти годы совершалось «великое кочевье» – как образно назвал писатель Афанасий Коптелов символический переход коренных жителей Горного Алтая от кочевого образа жизни к оседлому, от дикости к культуре. Важнейшую роль в этом кочевье сыграло письменное слово. В активный словарь коренного населения вошли слова *книга, чтение, грамота, изба-читальня, юрта-передвижка*, а затем *театр, кино, писатель, издательство, библиотека...* В этот период закладывались основы алтайской литературы.

Уже на первой областной партийной конференции (февраль, 1923) прозвучало требование создавать *хорошую литературу на родном языке*. Именно на 1922-1947 годы в истории алтайской литературы выпадает период становления литературы и литературного языка, творчество первого алтайского писателя-профессионала П.В. Кучияка отразило эти процессы и стало их вершинным явлением. Павел Васильевич Кучияк, поэт, драматург и прозаик, в своих произведениях сконцентрировал богатство поэтического алтайского языка, что было отмечено уже его современниками, например, Т.М. Тошковой. А произведения известного сказителя-орденоносца Н.У. Улагашева, переведенные на русский язык, по мнению этой исследовательницы, служили проводниками алтайской истории, культуры и устного народного творчества в культуру многонационального советского народа.

В Ойротской автономной области начинает формироваться медиaprостранство, на алтайском языке выпускаются газеты «Белен Бол», «Кызыл Ойрот», «Крестьян газет», «Ойроттын јери», «Ойроттын комсомолы», пропагандирующие достижения советского строя и развивающие письменную культуру коренного населения.

В поле зрения составителей антологии закономерно вошли опубликованные в Москве первые учебные пособия на алтайском языке: «Алтайдын эн баштап үрөнер бичиги» (составитель Н.А. Каланаков, 1924), «Ойрот школа» (1924), «Эрјинелү бичик» (книга для взрослых, 1925). В НБ РА сохранились первые книги, вышедшие в Улале в национальном издательстве, печатавшем политическую, учебную, художественную литературу: «Тан Чолмон» (книга для чтения, 1928), поэмы П.А. Чагат-Строева «Ойгор - Баатыр» (1926), «Кара-Корум» (1927), пьесы М.В. Мундус-Эдокова «Үенге» (1927) и др. Эти книги передают атмосферу времени. Постепенно складывается переводческая школа, и на алтайском языке выходят произведения русских классиков А. Пушкина, М. Горького, А. Чехова, И. Крылова, Н. Островского и других. В данном издании мы представляем творчество первых алтайских писателей, которые стали жертвами репрессий: А.В. Тозыякова (1882-1938), А.П. Чокова (1908-1938).

И.С. (Алтаяк) Толтока (1906- 1937), П.А. Чагат-Строева (1887-1938). На страницах антологии вы встретите имена писателей, которые остались вне внимания исследователей², но их первые литературные опыты донесли до нас утраченные ныне пласты живого метафорического алтайского языка, на тот момент еще не окончательно вычищенной идеологами обкома партии богатой лексикой устного народного творчества.

В Ойротию устремляются ученые и журналисты, кинооператоры и писатели, чтобы успеть запечатлеть для истории стремительно уходящее *проклятое прошлое* и столь же стремительно наступающее *светлое будущее*... Об Ойротии заговорили на Всесоюзных сельскохозяйственных выставках, на выставках Ассоциации художников революционной России, на страницах толстых журналов и центральных газет. И Ойротия сама стала заявлять о себе такими идеологически выверенными произведениями, как «Письмо ойротского народа великому Сталину»; «ойротская легенда», открывавшая в 1937 г. книгу «Творчество народов СССР» под редакцией М. Горького и Л. Мехлиса - «Зажглась золотая зоря»; эпическое сказание «Когутэй», вышедшее в издательстве «Academia» в 1935 г.

В 1941 г. в Ойротии впервые прошла языковедческая научная конференция, поставившая вопросы о перспективах развития ойротского литературного языка; о применении и переводе общественно-политических терминов; об алфавите ойротского литературного языка и орфографии. Участники конференции настойчиво рекомендовали создать во всех библиотеках и избах-читальнях отделения ойротской литературы, проводить для учителей литературный минимум, обратить внимание на переводы в периодической печати, для редактирования печатных материалов привлекать мастеров слова.

Национальная библиотека ставит перед собой задачу максимально полно собрать все книжные и газетные документы времени Ойротской автономной области (в 1937 г. в «Советской сибирской энциклопедии» отмечалось, что «вся книжная продукция на ойротском яз. за период с 1921 по 1931 включительно выразилась в 226 названиях, на 371 печ. листе и общим тиражом в 163 тысячи»).

По книгам можно попытаться реконструировать образ Ойротии, каким он представлялся современникам той бурной эпохи во взгляде извне и изнутри – так возник замысел этой книги. На начальном этапе её формирования ясно было только одно – в антологии должны быть представлены тексты и на алтайском, и на русском языках. А как быть с теми, что изданы на яналифе (латинице)? Э.П. Чинина кропотливо транслитерировала их на современную алтайскую графику, и тогда открылся невероятно интересный пласт раннесоветской алтайской лексики, поставивший нас перед проблемой изучения алтайского *новояза* - речевого стиля административно-бюрократического характера, перенасыщенного разноплановыми иноязычными заимствованиями, существенно затемняющими смысл высказывания.

В 1929 г. в области создается комитет по яналифу, на страницах газеты «Кызыл Ойрот» публикуются разъяснения о необходимости нового алфавита. Например, газета 1 февраля 1929 г. рассказывает о том, что татары, башкиры, буряты, якуты, казахи, киргизы и многие другие для обучения грамоте уже используют латинскую графику – яналиф. При этом упоминается, что у ойротского народа не было своего букваря, а учились в церковно-приходской школе по букварям, созданным на основе кириллицы. Сопоставив буквари, руководство Ойротской области, Комитет по яналифу решили с осени 1929 г. детей и взрослых обучать яналифу. Областное издательство стало готовить книги на яналифе, был составлен новый букварь.

Ойротия даже вступила в соревнование с Хакасией по обучению коренного населения яналифу. С одной стороны, переход Ойротии на латинскую графику позволил шире сотрудничать с другими тюркоязычными народами, с другой стороны, внутри читательской аудитории это тормозило процесс чтения. Поколение, которое училось читать на кириллице, должно было переучиваться на латинскую графику. Возникло своего рода двуязычие, газета «Кызыл Ойрот» выходила на кириллице, а с 1929 г. – на латинице.

Первоначально для антологии отбирались только знаковые, наиболее характерные для того времени тексты художественного и публицистического стиля, но это грозило субъективными оценками, и тогда было решено произвести отбор по летописному принципу, показать постепенное, от года к году, складывание мозаичного образа Ойротии как советской *восточной* национальной окраины. Внутри года-ячейки для удобства читателей, владеющих и алтайским, и русским языками, даны разные тексты на двух языках (исключение составило «Письмо ойротского народа великому Сталину»). Лишь в одном случае мы сочли возможным отступить от хронологического принципа компоновки материала, под 1936 годом добавив к очерку Н. Зарудина «Прекрасная Ойротия» критический отзыв о нем И. Тодошева, опубликованный в 1937 году, чтобы подчеркнуть приоритет

² Редактирование обращений к их творчеству – книга «Алтай совет. улэрилик» (Торно Алтайск, 1987), составленная Д. Бельчиным, куда вошли в список авторов 1920-1930-х годов Андрей Модуров, Климант Ежурзович, Алтайка Толтока и др.

идеологии над художественностью в эпоху большого террора; до ареста писателя по делу Воронского оставалось чуть меньше месяца, до расстрела - полтора.

На этом пути не хватило ресурсов собственного редкого фонда, пришлось обращаться в ведущие библиотеки Сибири и центра страны в поисках отсутствующих у нас текстов; так в качестве подарков к юбилею было получено несколько электронных копий из АКУНБ им. В.Я. Шишкова (Барнаул) и НГОНБ (Новосибирск). Часть работы с недостающими в нашем фонде номерами газеты «Кызыл Ойрот» была проделана в РНБ (Санкт-Петербург); а сибирские издания 1922 - 1947 гг. были просмотрены в НБ ТГУ (Томск). В работе по подготовке текстов к печати были задействованы общедоступные БД и электронные библиотеки. Приносим благодарность всем коллегам-библиотекарям, откликнувшимся на наши просьбы.

Годовая сетка наполнялась неравномерно: где-то было густо, где-то пусто... Оказывались и совсем «пустые» годы-ячейки, когда - в силу исторических причин - не было отдельных изданий. Было решено печатать подборки газетных материалов - в них особенно четко ощущается пульс времени. Времени, отстоящего от нас уже на сто лет... Эта солидная временная дистанция потребовала расширения книги гипертекстовыми элементами справочного характера.

Вступительная статья отразила наблюдения над вошедшим (и не вошедшим даже во второе издание по причине ограниченного объема) в книгу текстовым материалом, научные положения и выводы, апробированные нами ранее на международных и всероссийских научных конференциях.

Включенные в антологию тексты на алтайском и русском языках приведены в соответствие с современной графикой и орфографией (при написании имен собственных, прежде всего топонимов, сохранено авторское написание) и снабжены ссылками на источник, по которому текст печатается в составе данной книги. Все пояснения и примечания в текстах и постраничных сносках (кроме оговоренных) принадлежат источникам. Справочные приложения содержат пояснения лексического, исторического, биографического, этнографического характера.

Антология адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой Горного Алтая; учащимся и студентам, изучающим историю нашего региона, библиотечным работникам.

ОЙРОТИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ: ХУДОЖЕСТВЕННО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ РЕГИОНА

*Народ без книги похож на человека без зеркала:
ему не увидать своего лица*

Расул Гамзатов

Литературный образ Горного Алтая начинает формироваться в конце XVIII–нач. XIX вв. и в процессе своего развития постепенно локализуется в пределах от рая до Китая. Такая вертикально-горизонтальная ориентация, с одной стороны, задана рифменным созвучием Алтай/рай/Китай, с другой – спецификой его географического пространства, раскинувшегося в самом центре Евразии и обладающего мощным эстетическим и мифогенным потенциалом. До эпохи советских промышленных проектов эта территория сохраняла свою природную первозданность, как бы иллюстрируя лишней раз мысль Н. Бердяева: «Рай в природе сохранился в ее красоте, в солнечном свете, в мерцающих в ясную ночь звездах, в голубом небе, в подпалаточных вершинах снеговых гор...»³. Помимо того, образно соединять с Горным Алтаем топику рая и синонимизировать горный и горный миры помогает восточный пространственный вектор, «поскольку восток – это эквивалент верха»⁴ – что и сделали староверы-кержаки, пришедшие сюда в поисках Беловодья, и алтайские миссионеры. Исторически же позволяет встраивать в этот конструкт топику востока наличие пограничной линии с Китаем, факт пребывания отдельных алтайских этносов в составе Джунгарского ханства и движение «солнцу встреч» сибирских землепроходцев⁵. Директивно же территория Горного Алтая и его этносы были отнесены к *восточным* в национальной политике сталинского времени, когда о рае по понятным причинам лучше было молчать.

В год образования СССР на территории Русского Алтая (общепринятый географический термин, фиксирующий трансграничность горной страны, принадлежащей трем государствам: России, Монголии и Китаю – ныне называемой Большим Алтаем) возникла автономная область, именовавшаяся Ойратией/Ойротией. Название «Ойратия» придумал известный сибирский авантюрист В. И. Анучин⁶, предложивший на Учредительном Горно-Алтайском краевом съезде инородческих и крестьянских депутатов в феврале 1918 г. объединить земли «бывшего Государства Ойрат» (русский Алтай, земли минусинских туземцев, Урянхай, Монгольский Алтай и Джунгарию) в самостоятельную республику⁷. В силу исторических обстоятельств вопрос о национальной автономии на юге Сибири решался довольно долго, и только 1 июня 1922 г. был опубликован Декрет ВЦИК о создании автономной области ойратского народа. В неё вошли 20 волостей Горно-Алтайского и 4 волости Бийского уездов.

В ту эпоху глубинный смысл подобных переименований и переименований целых территорий и отдельных населенных пунктов состоял, как отмечает современный исследователь, в борьбе с исторической памятью⁸. Всех коренных жителей автономии стали именовать ойратами/ойротами. Новый этноним выполнял все ту же функцию борьбы с исторической памятью.

Переименование местности и её насельников порождает литературный образ «народ без имени»⁹ и в очередной раз в истории русской литературы делает эту национальную окраину «terra incognita». В данной ситуации все дореволюционные издания о Горном Алтае объявляются «буржуазными», идеологически вредными, морально устаревшими, и в текстах об Ойротии начиная с 1922 г. (с первых публикации в журнале «Сибирские огни») происходит литературное *переоткрытие*¹⁰ территории.

Примечательно, что в столичных публикациях, посвященных автономной области, использовалось документированное «Ойратия» (например: Черный А. Автономная Ойратия: к пятой годовщине // Советское строительство. – 1937. – № 7. – С. 102–107; Махоткин Г.Д. Охотничье хозяйство Ойратии // Северная Азия. – 1926. – № 5–6. – С. 133–136; Эдоков Л.М. Автономная Ойратия // Советская Азия. –

3. Бердяев Н. А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – С. 242.

4. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2. – М.: Рос. энциклопедия, 1994. – С. 364.

5. См. «С полудня солнцу встречь...» – пятую гл. уже ставшего библиографической редкостью художественно-исторического исследования Модорова Н.С. «Надежда великое начало: Очерки по истории Алтая второй половины XVI–XVII вв.» (Бийск, 2000).

6. См. о его проделках и подделках: Аладовская Л. В. В. И. Анучин в Сибири. Легенда и факты // Фольклор и литература в Сибири. Вып. 3. – Омск, 1976. – С. 145–156.

7. Майдурова Н. А. Горный Алтай в 1917- первой половине 1918 гг. (от Горной думы – к Баракоруму). – Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 2002. – С. 155–163.

8. Москвитская Д.С. О русской литературе и краеведении в эпоху культурничества и борьбы за новый быт. Статья 2. // Культурологический журнал. – 2014. – № 1 (15). – С. 13. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-russkoy-literature-i-kraevedenii-v-epoxy-kulturnichestva-i-borby-za-novyy-byt-chast-2/viewer>

9. Гордженко П. Я. Ойротия. – Новосибирск: ОГИЗ, Зансиботделение, 1931. – С. 13–19.

10. См. подробнее об этом явлении в сибирской литературе: Анисимов К. В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX–начала XX веков: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. – Томск: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 289.

1931, № 3-4. – С. 207-214), а на местах употреблялось только «Ойротия» (газета «Красная Ойротия», национальность «ойрот», Ойротский обком и т.п.).

В конце 1947 г., признав название «Ойротская автономная область» «не соответствующим исторической действительности», от него «по просьбам трудящихся» отреклись. При рассмотрении вопроса о переименовании были названы основные причины отказа: 1) «термин ОЙРОТ не привился алтайцам в качестве самоназвания»; 2) «ОЙРОТ – это алтайское произношение термина «ОЙРАТ» <...> Термин «ОЙРОТ» является синонимом терминов «калмык» или «западный монгол» и совершенно чужд алтайцам»; 3) «В преданиях алтайцев все западно-монгольские ханы выступают под общим собирательным именем «Ойрот-хан»; 4) термин «Ойрот» в Горном Алтае был знаменем объединения реакционных сил»¹¹. С начала 1948 г. в названии автономной области стал использоваться идеологически нейтральный географический термин – Горно-Алтайская.

Факт двойного директивного переименования территории позволяет рассматривать ойратский/ойротский период (1922–1947 гг.) как завершённый этап формирования образа Горного Алтая в литературе. На этом этапе в художественных, научных и публицистических текстах на русском и алтайском языках первоначально был создан образ Ойротии как типичной советской национальной окраины, затем на его основе закрепили идеологему «преодолевшие отсталость». Особняком в указанных хронологических рамках стоят тексты 1941–1945 гг., в которых всё многообразие тематики было стянуто к лейтмотиву войны и представлено по преимуществу в газетных жанрах.

Поскольку в 1921 г. на X съезде РКП (б) после доклада И. Сталина «Очередные задачи партии в национальном вопросе» все нерусские народы получили право на собственную территориальную единицу, в программно-идеологическое задание литературе было включено рассмотрение проблем таких территорий (это положение вошло и в Платформу сибирского союза писателей, созданного в 1926 г.). В период НЭПа и культурной революции уровень народов советского Востока однозначно определялся как «отсталость»; на шкале общественного прогресса это соответствовало уровням «непросвещённости», «неразвращённости»¹², что на языке художественных представлений начиная с XVIII в. репрезентировалось в диапазоне «дикарь» – «дитя природы», а на языке юридического именовалось «инородец»/«нацмен». Примером тому служит один из первых литературных опытов Г. М. Пушкирева – цикл этюдов «Младенцы гор» с его лейтмотивом «дик Алтай»: «Дик Алтай. У него все свое: своя душа, свой склад, своя прелесть, простота. И народ свой: тихий, скромный, с прекрасной душой, с душой младенца, младенца гор»¹³.

К категории инородцев в имперский период относились и старообрядцы, жившие в высокогорье в районе водораздела Оби и Иртыша. С ними литература прочно связала миф о Беловодье. Метафора Беловодья в довоенной художественно-идеологической системе переживает дальнейшую трансформацию, сливаясь с метафорой «Горный Алтай – Сибирская Швейцария»; в списке путешествующих открывателей советской terra incognita к ученым и журналистам в это время добавляются отряды альпинистов (вспомним массовое восхождение на Белуху – альпиниаду 1935 г.¹⁴), многочисленные экскурсанты-отпускники¹⁵ и даже отряды юных пионеров¹⁶. Особенно столичные писатели всё время существования Ойротии любили писать о поездках в «неизведанный край», где живут «первобытные теленгиты и тубалары» и «фанатики-старообрядцы».

Традиционная трактовка топонима Алтай (Золотые горы) позволяла в «ойротских» публикациях довоенного времени сочетать мотив скрытых сокровищ с мотивом «большого путешествия» – символического травелога «отсталых» народов в светлое будущее; народы Ойротии из «первобытных дикарей» превращались литературой в открытые сокровища (персонификацией этой идеи служил литературный образ самого известного писателя-алтайца П. В. Кучиняка). Развертываемый в публицистике как чисто прагматический (поиск сырья для индустриальных гигантов первых пятилеток или укрепление здоровья трудящихся), этот комплекс свободно комбинировался с романтическими фронтирными сюжетами в духе Майн Рида, Фенимора Купера и Джека Лондона (П. Стрижков, Л. Мартынов, М. Терентьева и др.). Горный Алтай мог образно представляться пространством столкновения

11. Сапего А. К вопросу о переименовании области // Звезда Алтая. – 1948. – № 5.

12. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авториз. пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 68–116.

13. Пушкирев Г. Младенцы гор // Сибирские огни. – 1922. – № 5. – С. 75.

14. См. об этом: Коптелов А. Л. В горах Алтая. – М., 1937; Коптелов А. Л. Восхождение на Белуху // Сибирские огни, 1935, № 6. – С. 146–172; Коптелов А. Л. Снежный пик. – М., 1947; На штурм Белухи / Под ред. Г. Тимофеева, И. Долгих, Н. Житловского. – Новосибирск, 1935.

15. В. Шемелев в отчете «Горные экскурсии рабочей молодежи» писал, что для таковых Горный Алтай «с его полудикой жизнью, с могучими горными хребтами, с вершинами, сверкающими белизной вечных снегов и ледников», с его «широко раскрытой книгой природы» и «первобытной культурой» населения как специально был создан (Сибирские огни. – 1925. – № 1. – С. 234).

16. См.: Кованов В. В горах Алтая. Всесоюзная пионерская экспедиция юных пионеров на Алтай. – М.: Молодая гвардия, 1935.

цивилизованного героя с детьми природы, с фатальными или даже мистическими обстоятельствами, он мыслился пространством инициации. К этому выводу подводит самое емкое определение литературной функции Алтая, предложенное одним из идеологов сибирской советской литературы Вивианом Итиным в рецензии на книгу Ильи Мухачева «Чуйский тракт»: «Алтай для сибирской поэзии то же, что и Кавказ для русской»¹⁷.

Но в основном риторика культурной отсталости заставляла писателей при взгляде на Ойротию извне и особенно изнутри сосредотачивать внимание на самом диком, самом патриархальном, изображать коренное население как жертву колониальной политики царизма в прошлом и великорусского шовинизма – в настоящем. К концу первого десятилетия существования автономной области был создан довольно значительный корпус посвященных ей произведений разных стилей и жанров: очерков столичных и сибирских журналистов, мемуаров, трудов историков, этнографов. В столичных издательствах выходят художественные произведения, на месте формируется переводческая школа. Бравурной кодой первого десятилетия автономии становится ойротский выпуск журнала «СССР на стройке» (1932, № 9) с текстом Марка Эгарта (ранее выпустившего книгу об Ойротии с говорящим названием «Переправа») и фотоснимками М. Альберта и С. Фридлянда, не оставляющий сомнений в том, что в жизни Ойротии доминирует красная новь.

Любые отступления от принципов национальной политики в показе национальной автономии жестоко караются – примером тому может служить история травли Л. П. Мамета, автора исследования об особенностях гражданской войны в Горном Алтае, написанного на основе тогда еще сохранявшихся документов противоборствующих сторон и по воспоминаниям участников¹⁸. В результате автор был вынужден признать, что допустил непростительные ошибки в трактовке событий начала XX века в Горном Алтае и особенно в интерпретации гражданской войны как войны национальной. На фоне множества трагических судеб писавших в Ойротии и об Ойротии в 1920–1930-е гг. (П. Я. Гордиенко, Г. И. Гуркин, В. Я. Зазубрин, Н. Н. Зарудин, И. И. Катаев, П. А. Чагат-Строев, А. В. Тозыяков и др.) его биография – остался жив (!) – выглядит счастливым исключением (что можно сказать и о писательской карьере создателя первого романа о советской Ойротии А. Л. Коптелова и создателя первых хрестоматий по литературе Сибири, много писавшего об Ойротии, – Г. М. Пушкарева).

Сегодня именно эти хрестоматии помогают понять систему формирования образа Ойротии в литературе 1922–1940 гг. (мы уже отмечали, что в период Великой Отечественной войны действовали другие художественно-идеологические нормы). Так в книге «Сибирская новь»¹⁹ новейшие произведения о Сибири были сгруппированы по хроникально-тематическому принципу (Путь к Октябрю – Октябрьская революция в Сибири – Падение Советской власти – Директория – Интервенты и Колчак – Гражданская война в Сибири – Красная армия – Годы разрухи – Новый быт – Комсомол и пионеры – Сибирский край – Сельское хозяйство – Природные богатства Сибири – Торговля – Кооперация – Народное образование – Туземцы). Символом Ойротии в этой книге становится Чуйский тракт (помещенное крошечная справочная статья «Чуйский тракт» и одноименное стихотворение Ильи Мухачева). Заключительный раздел книги весьма символичен – на фоне ярких примеров «красной нови» отчетливо проступают идеи сибирских областников: в процессе русской колонизации Сибири «туземец был оттеснен», в частности, «киргизы оттиснуты в степи по Иртышу, алтайцы и шорцы загнаны в горы... Туземцы – основное когда-то население Сибири, в царской России стали чем-то посторонним, лишним, бесправным, забитым народом...» (с. 247). При этом закономерно подчеркивалось, что советская власть резко изменила положение – «туземец из презираемого инородца – стал равноправным членом советской семьи. Туземец получил право гражданства, право самоопределения, право организации своего управления, советского строя» (с. 248).

Хрестоматия «Сибирь в художественной литературе» создавалась как «учебное пособие для школы повышенного типа, начиная со школы 2 ступени и кончая ВУЗом», пропагандирующее Сибирь на всесоюзном уровне; на местном же уровне это было руководство и стимул «для творческой работы по поднятию культуры Сибири, превращенной Октябрем из царской колонии в равноправную часть

17. Сибирские огни. 1926. № 5–6. – С. 263. Итин пишет один из самых ярких текстов об Ойротии – поэму в прозе «Каан-Кэрадэ» и по ней – один из первых в истории русской литературы киносценариев. В игровом фильме «Каан-Кэрадэ» (Крылатый бог) (Ленинградская фабрика Синодио, реж. В.Е. Фейнберг, 1929), снятом по этому сценарию, никому в столицах не известный Алтай был представлен через понятие «горца»: «На Крымское побережье (это – Алтай!) в горы на гидроплане прилетели летчики (аэропланет). Из-под тени кипарисов вышел шаман и предсказал гибель людям, осмелившимся летать. Тут прилетели иностранцы. Их повели в клуб. На клубной сцене "алтайцы" танцевали лезгинку. Зрительный зал был заполнен алтайцами с кинокадами у пояса» (Сибирские огни. – 1930. – № 3. – С. 125). К сожалению, ни одна копия этой киноленты не дошла до нашего времени.

18. Мамет Л.П. Ойротия: Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем. – М.: Наука и просвещение, 1930.

19. Сибирская новь. Хрестоматия по истории революционного движения в Сибири за 10 лет: сост. Пушкарев / Под ред. А. Антон. – Новосибирск: Сибкрайисдат, 1927.

РСФСР – СССР»²⁰. В предисловии Пушкарёв, разделяя взгляды основателей советского краеведческого движения, писал, что без истории литературы своего края краеведение будет половинчатым (с. 3). В этом издании остались лишь пять тематических рубрик: туземная Сибирь и сибирская старина, кандальская Сибирь и приискатели, крестьянская Сибирь до революции и переселение, революционное движение в Сибири и гражданская война, новая Сибирь. Работа по отбору текстов для последней рубрики приводит Пушкарёва к выводу, что большинство современных произведений не являются «вполне художественными», в них преобладают публицистические начала²¹. В этой книге ойротская тематика попала в две рубрики – «Туземная Сибирь и сибирская старина» и «Новая Сибирь».

Если сюжетно-мотивный комплекс первой рубрики хрестоматии был весьма разнообразен: быт и религиозные представления туземцев Сибири; политика русского капитала в туземной Сибири; отношение туземцев к царским чиновникам; национальный вопрос в царской Сибири; положение туземцев Сибири в дореволюционной России; национальный вопрос в СССР; положение народностей Сибири в настоящее время; Сибирь – царская колония; нравы и быт старой Сибири; мирские начала в сибирской деревне), то о новой Сибири говорить было еще практически нечего, изобрели только три темы: борьба за новый быт; отцы и дети в сибирской деревне; новая деревня (что мы можем проследить по публикациям первых областных газет «Ойротский край», «Красная Ойротия» и «Кызыл Ойрот»).

В 1930 г. Пушкарёв выпускает собственную небольшую богато иллюстрированную фототрестрепродукциями и рисунками книгу «В хребтах Алтая: Для детей среднего и старшего возраста»²², которую с позиций нашего времени можно назвать прообразом популярной энциклопедии об Ойротии²³. Характерна для того времени разгромная статья Клеопатры Гайлит²⁴, в которой эта книга рассматривается как неудачный пример произведения для детского чтения. Писательница высоко оценивала образный потенциал Горного Алтая: «Богатейший во всех отношениях участок Сибири – Алтай – уже давно привлекает к себе внимание писателей, в том числе и детских. Для писателя, как и для художника, Алтай – неисчерпаемая сокровищница» (с. 151). Упрекая Пушкарёва в обращении к аполитичным научным источникам «времен очаковских и покорения Крыма», Гайлит категорически требовала, чтобы Пушкарёв перешел «к показу такой Сибири, такого Алтая, которые встают в сознании каждого школьника как определенная, с большим удельным весом часть СССР». На наш взгляд, подобную оценку мог спровоцировать отзыв ойротского идеолога П. Я. Гордиенко о книге «В хребтах Алтая»: «Нельзя безнаказанно протаскивать на четырнадцатом году революции утверждение, что Чорос-Гуркин, Сары-Сеп-Конзычаков, Токмашев и Тибер-Петров, бывшие вдохновители контрреволюционной каракоумской авантюры, являются борцами за существование алтайца»²⁵.

В предисловии к своей «Ойротии» Гордиенко сетовал на отсутствие современных (т.е. идеологически правильных) книг о регионе, замечая, что «старые дореволюционные издания переиздаются и продолжают оставаться, как незаменимые справочники об Алтае. Быстро расхватываются книги проф. Сапожникова, Верещагина, Крылова, Пилипенко. Но все это материал устаревших обследований. Многие из них не отвечают истинному лицу современной растущей и крепнущей Советской Ойротии. Однако других книг об Ойротии нет».

Примером переработки в нужном идеологическом ключе дореволюционной научно-популярной книги может служить переиздание труда проф. В. В. Сапожникова «Пути по Русскому Алтаю» (Томск, 1912)²⁶. Его необходимость была обусловлена отсутствием «руководящей литературы», способной удовлетворить возрастающие интересы исследователей Алтая, обеспечить организацию многочисленных экскурсий в горы Алтая. Утверждалось, что издание 1912 г. значительно устарело «в части общего облика жизни Алтая и цифровых данных», указывались новейшие источники, на основе которых были сделаны необходимые уточнения. Написанный Г. Н. Потаниным специально для книги В. В. Сапожникова очерк «Население» был заменен компилятивным очерком «Ойратская автономная область», в котором угадывается рука Г. М. Пушкарёва, «замаскировавшего» статистику и новым названием базовый текст Потанина, что и позволило частично сохранить его – при условии, что партий-

20. Вейсберг Г.П., Пушкарёв Г.М. Сибирь в художественной литературе. – М.: Гос. изд-во, 1927. – С. 7.

21. Заметим, это характеризует литературу об Ойротии /Горно-Алтайской автономной области / Республике Алтай вплоть до нашего времени, последний яркий тому пример – книга Димана Белекова «С какого ты Алтая?... (Горно-Алтайск, 2018).

22. Пушкарёв Г. М. В хребтах Алтая. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930.

23. Единственное справочно-энциклопедическое издание, посвященное Горному Алтаю – «Краткая энциклопедия Республики Алтай» было издано в Новосибирске лишь в 2010 г.

24. Гайлит К. Заметки о сибирской детской литературе // Сибирские огни. – 1933. – № 5–6. – С. 150–156. К. Н. Гайлит пишет историческую повесть для детей «Грозный перевал», положив в её основу воспоминания почитаемого в советскую эпоху героя гражданской войны в Горном Алтае И. Долгих. Это идеологически «правильное» изложение, пожалуй, самого трагического эпизода из истории гражданской войны в горах Алтая – «снежного похода» и гибели отряда есаула Кайгородова. К. Н. Гайлит как жена «врага народа» была репрессирована, позднее текст был издан с послесловием горно-алтайского историка С. Пахаева – см.: Гайлит К. Н. Грозный перевал. Повесть. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1967.

25. Гордиенко П. Я. Ойротия. – Новосибирск: ОГИЗ, Запсиботделение, 1931. – С. 10.

26. Сапожников В. В. Пути по русскому Алтаю. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1926.

ные цензоры были людьми малообразованными и внимательно в содержание не вчитывались.

Новый очерк начинался с констатации этнического своеобразия Ойротии: «Помимо природных особенностей горной страны, Русский Алтай своеобразен и по основному составу своего туземного населения, объединенного в особую Автономную Область ойратского народа» (с. 14). Далее следовала статистика: «По национальному составу население области слагается из 54,57 % русских, 41,99 % алтайцев, 2,96 % киргизов и 0,48 % прочих» (с. 15) и указывалось, что алтайцы (не ойроты, не калмыки) в племенном отношении разделяются на собственно алтайцев и черневых татар, сойотов (монголов), теленгитов, телеутов, кумандинцев, туба – т. е. приводились самоназвания коренных этносов.

В том же году в «Сибирских огнях» печатаются поэма в прозе В. Итина «Каан-Кэрэдэ» (№ 1-2) и рассказ А. Сорокина «Почему улетела птица» (№ 5-6), составившие диптих о восприятии алтайцами-младенцами гор достижений технического прогресса (первая встреча с аэропланом). В поэме Итина алтайские боги Ульгень и Эрлик выступают соперниками в процессе творения, у них разные материалы для творчества. Иносказательность этой трактовки прозрачна – новый мир может быть живым, а может быть и железным... все зависит от того, из чего «мы наш, мы новый мир построим...». Экзотические алтайцы В. Итина с их колоритным шаманом Куано восхищаются естественностью и солнечным жизнелюбием. Итин, по мнению В. Зазубрина, «доказал, что «Башкирия» или «Ойротия» звучит не только так же, как «Мадагаскар», но и сильнее»²⁷ – как видим, Ойротия вписывалась в новую советскую географию, представляющую периферию мозаикой из экзотических пространств. Сорокин в рассказе о железной птице создает свой вариант сюжета о соперничестве богов, в котором Эрлик – эпигон, он по образцам Ульгенья «стал творить из пота и труда людей. Из железа <...> создал железных китов, железных плавающих тучей, железных коней, железных птиц»²⁸. Итина и Сорокина в диптихе объединяет идея естественной предопределенности человеческого мира и обреченности на провал всякой попытки вмешательства в этот процесс. Мир един, он не может быть «старым» или «новым».

По нашим наблюдениям, другое произведение А. Сорокина – опубликованная сравнительно недавно по архивным материалам повесть 1925 г. «Алтай и города»²⁹ – являет собою единственный среди раннесоветских текстов, посвященных Горному Алтаю, интеллектуально-игровой нарратив, представляющий гибель старого бога как неизбежное следствие творения нового – советского – мира. Ульгень, его помощник шаман Ано и Эрлик оказываются в повести Сорокина среди людей в эпоху грядущего переустройства созданного ими мира, накануне первой мировой войны. События начинают разворачиваться в горах Алтая, а завершаются в Нью-Йорке. Алтай (досл. Золотые горы) противопоставит в повести миру золота как последнее на Земле прибежище естественности, добра и красоты, суммарно сочетая в себе образы Беловодья и Шамбалы. Алтай Сорокина – символ природных твердынь в социальном хаосе (каким он предстаёт в тот период и у Г. Гребенщикова³⁰, и у К. Бальмонта³¹), а потому название повести может быть прочитано как «горы и города» (природное и цивилизационное); в голливудских сценах повести «Алтай и города» – это название супербоевика, который по воле Ульгенья не суждено увидеть элитарному зрителю.

В основном же Ойротия в раннесоветской литературе в духе поэтики соцреализма представляла идеальным пространством для развертывания грандиозной идеологической акции в сфере советского национального строительства. Серьезные художественные обобщения опыта создания «нового мира» стали возможны на исходе 1920-х гг. (как эпохальные события тогда отмечались пятидесятилетие советской власти, десятилетие создания СССР).

Самым первым романом о национальных отношениях в советской Ойротии стала книга украинского писателя В. З. Гжицкого «Черное озеро (Кара-кол)», написанная в 1928 г. и вышедшая в переводе на русский язык в 1930 г. Алтайцев в книге видят и о них рассуждают приехавшие из столицы ученый-историк и художник, которые не могли даже подумать, что на одиннадцатом году революции может процветать такая «дикость, приводящая к постепенному вымиранию этой нации». Еще до встречи с местными жителями шовинистическую характеристику алтайцев ученый слышит из уст возницы:

27. Пятилетие «Сибирских огней»: стенограмма // Сибирские огни. – 1927. – № 2. – С. 199.

28. Сорокин А. Почему улетела птица // Сибирские огни. – 1926. – № 5-6. – С. 43.

29. Сорокин А. С. Сочинения. Воспоминания. Письма. – Tobolsk, 2012. – С. 276–279.

30. Г. Д. Гребенщиков в Америке будет ретранслировать образ дикого, поражающего первозданностью Горного Алтая до тех пор, пока сам не станет его символом в восприятии «молодых чураевцев» [культурно-просветительная организация «Молодая Чураевка» будет создана в Харбине, откуда в Чикаго будут посылаться заметки и стихи, в частности, в ежедневной газете русских рабочих культурно-просветительных организаций «Рассвет» 24 окт. 1930 г. будет напечатано стихотворение М. Горькова «Алтай (родина Чураевки)», в котором твердыни любимого Гребенщиковым русского высокогорья осмыслены как оплот свободного творчества «среди хаоса сдвигов, идей, устремлений (ГМИЛИКА, 16015/18). Через Г. Д. Гребенщикова образ сурового и дикого Русского Алтая, неизменного в своем природном величии, уйдет в русскую Америку первой половины XX в., где станет символом молитвенного заступничества за всех, кто оказался вдали от Родины. В литературе русского зарубежья русский Алтай будет звать через тернии к звездам, будет «гасить всышки нерадостных дней» (см. Александр Ли, Алтай. Г. Д. Гребенщикову // Латв. галета «Дав Вакс» № 9 [10] от 25 февраля 1934 г. (ГМИЛИКА, 440/16), став в кругу Г. Д. Гребенщикова синонимом России.

31. См.: Бальмонт К. Д. Голубая подкова. Стихи о Сибири. – USA, Churaevka Russian Village: Alatas, 1937.

«В местечке живут преимущественно ойроты, жители Горного Алтая – нация, можно сказать, пустая <...> живут в юртах, не умываются, не признают бань, едят конину, пьют араку <...>, а русского человека не уважают»³². В курортном местечке с восхитительными горными видами (Чемал) писатель собрал столичных интеллигентов: историк Смирнов наблюдает и анализирует национальные отношения в автономии, в духе колониальной риторики подчеркивая неприкрытую ненависть алтайцев к русским; художник Ломов эмоционально переживает природную роскошь и стремится запечатлеть её, вписывая в пейзажное полотно девушку-алтайку как символ естественного человека, борющегося с темными силами; инженер Манченко изучает природные богатства и планирует светлое будущее региона на основе развития гидроэнергетики и добычи природных ископаемых. Гжицкий на основе областнических представлений Г. Н. Потанина предпринял попытку создать образ национальной интеллигенции: доктор Темир, учитель Токпак и его дочь Таня – для них мир вне Алтая не существует. В соответствии с идеологическими требованиями в романе побеждены враги советских преобразований в Горном Алтае: шаман Натрус, богач Мабаш, Триш. При этом все персонажи-алтайцы обеспокоены мыслями о вымирании или о растворении этноса в советской действительности, а приезжие уверяют их словами партийных лозунгов, что только в составе СССР нации могут существовать и процветать. Шаман, описанный как припадочный мракобес и факир-заклинатель змей в одном лице, возглавляет стихийный протест жителей долины против всего нового. Идеологема дикости и отсталости оттеняется в романе традиционным для сибирского текста русской культуры архетипом медвежьего угла (символична гибель шамана в лапах медведя).

Известно, что Гжицкий был на Алтае с киноэкспедицией³³ создателя украинского кино А. Довженко, изучая ойротов как отсталый народ. Все признаки отсталости, входящие в сталинскую модель *восточных наций*, были им обнаружены и описаны в романе, но столкновение научной объективности и творческой субъективности в оценке этого народа оказалось в пользу последней – за искажение сталинской национальной политики автор попал в лагерь.

Другой роман из «сибирской жизни», действие которого происходит в Бийске, в предгорьях и – частично – в горах Алтая – «Заваруху» Е. Чанского³⁴ – можно назвать своеобразным подступом к национально-освободительной теме на ойротском материале, так как речь в нем шла в том числе и об идеологических разногласиях между «бунтующим Каракорумом» под руководством художника Гуркина и бийскими большевиками, не желающими признать самостоятельность национально-территориального образования, созданного в Горном Алтае после Февральской революции на основе большевистских идей о праве наций на самоопределение. Идеологической критике в романе была подвергнута фоновая картина богатой и сытой жизни Алтая в предреволюционные годы и несоответствие событийного ряда исторической фактографии. Имя Евгения Волчанского (Чанского) ныне совершенно забыто. Известно только, что он «студентом был сослан в Бийск в годы первой мировой войны. После установления Советской власти стал комиссаром промышленности и торговли»³⁵.

Первым сибирским романом об Ойротии стали «Горы» В. Я. Зазубрина. Известный всей стране как автор раннесоветского бестселлера – романа «Два мира» (выдержавшего при жизни автора 12 изданий), один из идеологов и организаторов Сибирского союза писателей, Зазубрин задумал трилогию об алтайском крестьянстве в период коллективизации. Он успел напечатать в 1933 г. в журнале «Новый мир» только одну её часть – роман «Горы», в результате многочисленных обсуждений признанную современниками «советской, нужной и полезной».

Действие романа разворачивается в высокогорном селе Белые Ключи и в его окрестностях, где живут кондовые кержаки и алтайцы. Идея замкнутости и отдаленности (настоящий медвежий угол) в модели художественного пространства романа опирается не только на географические особенности высокогорья, но и на беловодский миф. *Чуждые* люди живут в Белых Ключах – необычные, непонятные, странные для главного героя произведения – *расейского* Ивана Безуглого, который в начале романа после долгого отсутствия возвращается в Белые Ключи в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам.

32. Цит. по: Гжицкий В. З. Черное озеро / авториз. пер. с укр. К. Трофимова. – М.: Советский писатель, 1960. – С. 8.

33. Как форма изучения жизни советских окраин киноэкспедиции в рассматриваемое время были весьма популярны. Режиссер А. Е. Разумный, снимавший методом погружения в жизнь алтайцев, используя порой скрытую камеру, игровой фильм «Долина слез» (в сюжете долина слез при советской власти превращается в долину счастья и труда) в 1924 г. в Ойротии, в долине р. Кан, вспоминал: «В те годы перед нами встала задача — отражение жизни разных народов, объединенных в единый Советский Союз. Коммунисты «Пролетарио» выдвинули идею создания цикла картин о малых народах, культура и быт которых были изучены очень плохо» (Разумный А. У истоков: Воспоминания кинорежиссера. М.: Искусство, 1975. URL: http://www.razumny.ru/u_istokov.pdf). При съемках таких фильмов делался «упор на культурную дистанцию, экзотичность сообщества, ориентализм, акцент на инаковое, «другое»; они «выполнили просветительскую функцию как этнографический рассказ о народе, но при этом несли идеологическую составляющую как демонстрации архаики и отсталости в противовес социалистическому укладу жизни» (Дашибалова И. Н., Базаров А. А. Кинофиксация бурят: советский репертуар в диахронии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – № 2(73). – С. 183).

34. Чанский Е. Заваруха. – М.: ЗИФ, 1930.

35. Мальцев Л. Из литературного прошлого Бийска // Алтай. – 1978. – № 4. – С. 60.

В Сибири он был в ссылке, потом в годы гражданской войны воевал в алтайском высокогорье, был тяжело ранен; там погиб его брат; в горах отряд Безуглого покончил с есаулом *Огородовым*³⁶. В начале романа на лоне природы Иван ощущает себя естественным человеком (образ первобытного предка неоднократно встает перед ним). Со знанием дела описывает Зазубрин срезку пантов маралов, качку меда, охоту на медведей, баню – традиционные занятия сибиряков, связанные с обретением силы. В первой части романа создается ощущение, что в этом медвежьем углу Безуглый обрел, наконец, свой угол, незыблемость гор ощущается им как залог незыблемости всего порядка жизни (здесь у него есть дом, пахнущий свежим хлебом, есть сын – продолжатель рода, есть простые хозяйственные дела вроде чистки навоза – есть то, о чем герой ранее и думать не мог, гонимый ветрами истории).

В историческую эпоху, когда жизнь человека могла оборваться в любую минуту, писатель ищет точку опоры не в социуме, а в вечной незыблемости гор. С вечностью и незыблемостью природного порядка связана в романе линия коренного населения высокогорья, собирательно называемого Зазубриным *алтайцами*, именно они в романе (в отличие от пришлых старообрядцев) во всех жизненных ситуациях поступают так, как по старым, редким и преледы. Историю заселения алтайского высокогорья Зазубрин описывает в свете идеологии сибирских областников «Сибирь как колония» (русские, незаконно проникавшие на земли имперских инородцев, вытеснили алтайцев в самые неподходящие для жизни места, и к ним потому отношение враждебное – Это общее место столичных публикаций об Ойротии 1920–1930-х гг.). Современность не столь однозначна, и автор сосредоточен более на этническом, нежели на идеологическом ракурсе описания инородцев.

Знатоки алтайского фольклора³⁷ и алтайских традиций, Зазубрин включает в текст романа описания жилища алтайцев (аял, юрта), одежды (шубы, шапки с кисточками), занятий (конечно, не обошлось без описания выгонки молочной самогонки-араки), воспроизводит подробности поведения алтайцев во время охоты на медведей, детали обряда весеннего шаманского камлания Ульгеню, сопровождая эти сцены соотечественными и зарубежными этнографическими текстами.

Внешне в романе всё соответствует требованиям национальной политики, проводимой Сталиным: все проявления великодержавного шовинизма клеймятся коммунистом Безуглым, представители отсталого народа бодро шагают в светлое будущее. Но нотка тревоги подспудно звучит в романе: «За индустриализацию я головой, а, сказать по совести, сердце знобит, как вздумаю, что станется с Алтаем»³⁸. Над финалом романа нависает фигура Сталина, выписанная по личным впечатлениям Зазубрина, присутствовавшего на XV съезде партии.

Эпико-романтический пафос зазубринских образов гор и их коренных насельников буквально разрил столичных прозаиков Н. Зарудина и И. Катаева, и известный творческий тандем в 1935 г. оказался в Горном Алтае. «Писатели едут по приглашению ойротского облисполкома и по зданию редакции «Новый мир» с целью написать книгу об Ойротии», – сообщали «Сибирские огни» (1935. – № 4. – С. 184). В горах их более всего интересовали старообрядцы – с Уймоном и «потомками Аввакумов» Катаева и Зарудина познакомил друг Зазубрина, Ефим Пермитин (редактор журнала «Охотник и пушник Сибири», в литературном отделе которого охотно печатались столичные писатели), к тому времени вслед за Зазубриным перебравшийся в Москву³⁹. Странствовали в горах московские писатели все лето, и судьба распорядилась так, что их последними произведениями оказались произведения, написанные на алтайском материале.

Очерк Н. Зарудина «Прекрасная Ойротия»⁴⁰, на наш взгляд, самое позитивное произведение о довоенном Горном Алтае. Этот текст ни разу не переиздавался, большая часть тиража журнала была изъята из библиотек после расстрела писателя. Горная страна в путевых заметках Зарудина действительно прекрасна! Прекрасны её горы, прекрасны её люди (в поездке писателей сопровождает зачитатель алтайской советской литературы Павел Кучняк, фамилия его не называется, но он именуется в тексте по-алтайски Ит-кулак – Собачьи Уши (к счастью, узурпировавший ойротскую тему в довоенной литературе А. Л. Коптелов в то лето отправился с альпинистами на Белуху и не успел «отравить» москвичей своим *социологическим*, по определению Н. Острогорского⁴¹ видением Ойротии). Перед

36. Фотография воспоминаний главного героя романа основана на документах периода гражданской войны в Горном Алтае.

37. В 1934 г. Зазубрин закончил редактирование русского перевода алтайского героического сказания «Когутэй», выбранного для столичного издательства исключительно по причине того, что в отличие от известных эпических текстов, записанных буржуазными исследователями, где действуют богатыри-аристократы, главным героем сказания являются бедняк Когутэй и его приемный сын Бобренок, побеждающие могущественного и богатого Караты-Кана. Редактор, искренне любивший горный Алтай, писал: «В сказке перед читателем пройдет жизнь кочевника... он увидит скотовода-алтайца, с ласковой иронией рассказывающего о себе и о своей огромной, сказочной родине (Алтайский эпос Когутэй / сказитель М. Юганзаков, пер. Г. Токашова, ред. В. Зазубрина, комм. Н. Дмитриева. – М.-Л.: ACADEMIA, 1935. – С.8).

38. Цит. по: Зазубрин В.Я. Общественные // сост. Е. Арабескин. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990. – С. 285.

39. Пермитин Е. Мир художника // Воспоминания об Иване Катаеве. – М.: Советский писатель, 1970. – С.100.

40. Зарудин Н. Прекрасная Ойротия // Наши достижения – 1936. – №11 – С. 92–109.

41. Острогорский Н. О второй книге романа «Великое кочевье»: второе открытое письмо автору – тов. Коптелову // Сибирские огни. – 1935. – № 5. – С. 154.

читателями журнала «Наши достижения» Павел Кучияк предстает истинным достижением нового строя, этот «лукавый артист, вечно молодой Собачьи Уши». Он показывает столичным литераторам Ойротию эффектно, как на сцене.

В рассказе «Под чистыми звездами», опубликованном после реабилитации, спутник Зарудина Иван Катаев вторит своему товарищу и описанием Уймонской долины, и общей тональностью восхищения красотой природы и красотой человеческих поступков. Описан один вечер на сенокосе. Завораживает поэзия труда – соревнуясь, два звена мечут стога, финал их работы наблюдают случайно попавшие к ним путешественники. Ведя повествование от первого лица, Катаев с тактом и сдержанностью рассказывает о случайно подслушанной тайне бригадира Аполлиарии Лесных – «из кержачек», неброской красоты труженицы, и её возлюбленного Тимки Вершнева, об их высоком чувстве.

Ойротия в изображении Катаева – это «уединенная горная страна, из тех, что всегда так властно манят в путешествие своей как бы вечно недостижимой синевой. Её резко увеличивали резкие ледяные вершины Катунских Альп...». Пожалуй, Катаев был единственным писателем той поры, попытавшимся определить свое отношение к высокогорью не через социологические категории, а через общечеловеческие этические: «Подступало странное, составное чувство родины и чужбины – его уже не раз испытывал я на Алтае»⁴².

В произведениях трех ярких русских писателей Ойротия (Горный Алтай) – не место политически правильного «великого кочевья»⁴³, а поистине художественное открытие. Все трое страстные охотники и неутомимые путешественники, они оказались во власти высокогорья настолько, что фактически проигнорировали рекомендованные к литературному освещению «символические признаки национальной идентичности»⁴⁴ *малых народов*. А это потенциально могло утяжелить перечень тех преступлений, которые были поставлены им, сгинувшим во время Большого террора, в вину⁴⁵.

Изучение подавляющего большинства опубликованных в центральных, сибирских и местных изданиях текстов 1922–1947 гг., посвященных автономной области, приводит к следующим заключениям:

1) в раннесоветскую эпоху среди всех «медвежьих», «диких», «отсталых», «первобытных» углов и закоулков Сибири Ойратия/Ойротия оказалась самым «удобным» претендентом на роль «подопытного» для решения художественно-идеологических задач конструирования образа национальной окраины в советской литературе. Она обладала практически полным набором признаков «культурной отсталости», что позволяло демонстрировать на её примере переход национальных меньшинств из категории «инородцев» (т.е. практически «чужих»⁴⁶) в категорию «своих»; т.е. в «братскую семью», в «союз нерушимый...».

2) Её территория не имела репутации «гиблого места», места ссылки и каторги, её малочисленное население, кочевое и полуоседлое, не было до начала гражданской войны заражено никакими оппозиционными идеями и представляло чистую доску для большевистской пропаганды.

3) У миллионных «масс пролетариата» СССР она не вызывала экономического интереса, пропагандировалась её рекреационная привлекательность.

4) У интеллигенции специфические географические, этнографические особенности и климатические условия Горного (Русского) Алтая еще в конце XIX в. создали образ неисчерпаемого научного Эльдорадо и сибирского курорта, а потому сибирские и столичные ученые, писатели и журналисты стремились попасть в Ойротию летом, чтобы совместить полезное с приятным. В отличие от Крайнего Севера (до наступления советской эпохи, как и Горный Алтай, не поддававшегося обрусению) сюда достаточно комфортно можно было добраться.

В 1947 г. готовясь отметить двадцатипятилетие Ойротии, местные авторы – идеологические работники победоносно рапортовали, что со всем этим покончено навсегда⁴⁷: Ойротия превратилась в

42. Катаев И. Под чистыми звездами // Катаев И. Под чистыми звездами: Повести, рассказы, очерки. – М.: Советская Россия. 1969. – С.376.

43. Добавим, что ни читатели, ни критики, ни участники новосибирской дискуссии о формализме и натурализме в советском искусстве не отметили художественные достоинства только что опубликованного романа А. Коптелова «Великое кочевье» (см. его первый вариант: Сибирские огни. – 1934. – №3. С. 1–133; 1935. – №3. – С. 1–167), но дружно твердили о правильном методе писателя, в заслугу которому ставился выбор темы – переход алтайцев с кочевого образа жизни на оседлый, создание колхоза. Отмечалось, что роман содержит весьма богатый материал о быте, психологии, семейных отношениях, трудовых процессах ойротов; имеет большое воспитательное значение, так как «по пути развития ойротов при советской власти, пойдут потом десятки колониальных и полуколони народов мира» (Острогорский Н. О второй книге романа «Великое кочевье»: второе открытое письмо автору – тов. Коптелову // Сибирские огни. – 1935. – № 5–6. – С. 108).

44. См. подробнее: Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939 г. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 25.

45. Шенталинский В. Расстрелянные ночи // Звезда. – 2007. – №5. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2007/5/gasstrelnye-nochi-2.html>; Яранцев В. Последняя ночь Залубрина // Москва. – 2011. – №7. URL: http://www.moskvam.ru/publications/publication_220.html

46. См. подробнее: Слокум Д. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в России // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 502–531.

47. См.: Сборник лекций к 25-летию Ойротской автономной области. – Ойрот-Тура, 1947.

страну социалистической культуры, всеобщей грамотности, развитой промышленности и сельского хозяйства. Соответственно, поскорее стремясь вычеркнуть из памяти всё, что было связано с трудностями на пути к этим свершениям, с 1948 г. литераторы постарались поскорее забыть и название области – Ойротия, и название столицы – Ойрот-Тура, и название народа – ойроты, и названия газет «Кызыл Ойрот» и «Красная Ойротия»...

Намечая линию послевоенного периода развития образа Горного Алтая в русской литературе, заметим, что она пошла по пути утраты этнографического и романтического начала. Горный Алтай постепенно становился пространством производственной прозы (А. Демченко, С. Залыгин), затем её закономерно сменила экологическая проблематика (В. Чивилихин, Е. Гуцин); кульминационным текстом этой линии стал очерк «Горный Алтай» в книге В. Распутина «Сибирь, Сибирь...»¹⁰ с её сверхзадачей показать регион без романтики. С этого очерка началось формирование современного рекреационного бренда Горного Алтая/Республики Алтай.

Но, как известно, культурные ценности не подвергаются старению, и нет-нет, да и прорвутся в современные модные литературные тексты (вспомним «Книгу воды» Э. Лимонова, «Кадын» И. Богатыревой или «Теллурию» В. Сорокина) отголоски художественных открытий, сделанных в 1922–1947 годах – в самый сложный, самый интересный и до сих пор серьезно не исследованный период развития образа Горного Алтая в литературе.

Каждый читатель увидит в зеркале литературы свой образ Ойротии, главное – в это зеркало посмотреть. Это необходимо сделать и из чисто познавательных, и из патриотических устремлений, ибо нельзя не согласиться с любившим Горный Алтай Валентином Распутиным: «Земля должна знать своих поэтов и устроителей, тогда она будет знать и свое достоинство».

*Т. П. Шастина, кандидат филологических наук,
методист научно-методического отдела ИБ РА.*

¹⁰ В. Распутин В. Г. Сибирь, Сибирь... – М.: Молодая гвардия, 1991.

НА АЛТАЕ ШУМИТ МНОГО РЕК

(Печатается по: Ерошин И. Песни Алтая. – Новосибирск, 1935. – С. 90)

На Алтае шумит много рек,
 Много рек на Алтае течет,
 А в Москве большой человек,
 Сильный там человек живет.
 Сясной он, как утес, головой,
 Его знает горный мой край.
 Слышал я, он тамыр* с беднотой
 И его ненавидит бай.
 Слышал я – его Ленин звать,
 Он простой, он без золота друг!
 Ах, как хочет его повидать
 С гор Алтая бедный пастух!
 *тамыр – друг.

1922 год

Леонид Сары-Сеп Конзычаков

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ОБ АЛТАЙЦАХ

(к вопросу о выделении автономной области «Ойрат»)

(Печатается по: Сибирские огни. – 1922. – № 1. – С. 109–115)

I

Теперешние кочевые инородцы Алтая являются потомками калмыков, пользовавшихся некогда обширными пространствами и составлявшими самостоятельное политическое целое – Джунгарию. Пространство, занимаемое этим царством, было весьма значительно: хребты Тянь-Шаня, кочевье Большой Орды да сибирская линия ограничивали его. Джунгарии принадлежал и южный Алтай, где кочевало племя урянхайцев – верховье реки Катунь и по Кок-су, каракольцев и др.

Джунгария состояла из четырех главных аймаков – племен: Чхарас, Хойт, Хошо и Торгут (или Торгоут), которые управлялись тайшами. Калмыки, составлявшие Джунгарское царство, распались на много племен, часто ссорившихся и вступающих в драку между собой, не могли не терпеть от более сильных соседей-китайцев, русских и киргиз, и положение их между Китаем и Россией представляло весьма мало удобств для развития самостоятельности и независимости их царства. Совершенно естественно, что при таких условиях враждующие племена исткали покровительства – одни у России, другие у Китая и монголов.

В 1755 году началась война между Китаем и Джунгарией, а в 1757 году Джунгария, как государство, была уничтожена и население её подверглось массовому уничтожению. Часть калмык, теснимых и уничтожаемых китайцами, бросилась бежать на север в горы Алтая и пределы России за пограничную линию. С 1755 года по 1757 год в пределы Алтая, по данным Колыванского завода и Бикатунской крепости, калмык прибыло около 22831 человек, которым и было разрешено кочевать по рекам Ине, Чарышу, Белой, Маралихе, Бие, Убе и Ульбе.

Следом за джунгарами шло монгольское войско, которое делало попытки требовать возвращения джунгарцев, но получило отказ. Так совершился переход калмык, населяющих южный Алтай, в русское подданство. Правительство, опасаясь, чтобы китайцы не предъявили новых требований, решило в 1760 году возможно скорее занять земли от Усть-Каменогорской крепости к Телецкому озеру и по горам устроить укрепления. «Для прикрытия Колыванских заводов и двоedanческих улусов, кочевавших по Аную, Катунь и др. рекам, основать колонии». Это проект, однако, не был осуществлен и все дело ограничилось лишь постройкою Бухтарминской крепости. Китайское правительство удержало за собой право джунгарских ханов взимать с некоторых из оставшихся на Алтае калмык «алма» (ясак) на богдыхана. А так как с них подати собирались и русским правительством, то они и назывались двоedanцами, т.е. платящими дань двум правительствам. На Чуе этот порядок прекратился лишь в 1866 году, вследствие особого договора между Россией и Китаем⁴⁹.

С переходом в русское подданство калмык не сразу прекратились раздоры между отдельными пле-

49. Приведенные здесь даты о присоединении алтайских калмык к России взяты из доклада начальнику Алтайского округа, составленного Н.С. Гулиевым, пользовавшимся для своего труда как имеющимися литературными, так и архивными материалами («Горный Алтай и его население». Том I. «Кочевники Бишского уезда». выпуск I и II, составил С. П. Швецов. Барнаул, 1900 год).

менами, на которые истари распался народ, точно также, как не сразу затихла их исконная вражда с киргизами.

Калмыки горного Алтая считают себя одним народом, который распадается на несколько племенных групп и 16 административных⁵⁰.

Из них 7 алтайских дючин образуют алтай, 2 чуйских (1 и 2 Чуйские волости) телесы, 4 черневых волости (Комляшская, Куземская, Южская и Кергешская) – черневые татары – Чиш-кижи, и 3 северных волости (Верхне- и Нижне-Кумандинская и Тогульская) – кумандинцы – Куманды-кижи, шорцы – Шор-кижи.

Считая себя «одним народом», калмыки признают вместе с тем, что вся территория, в пределах которой они живут и пользуются в той или иной форме угодьями, принадлежит всем им сообща, как одному целому. Именно отсюда, из этого взгляда на занимаемую землю и вытекает отсутствие границ между такими, казалось бы, крупными единицами, как волости и проч. Но последнее десятилетие, когда возникло много оседлых пунктов, когда около пятой части калмыков перешло от первобытного образа жизни к оседлому, многое резко изменилось, – создались новые между различными группами населения отношения, а вместе с тем кое-где возникли представления о границах, обособляющих пользование некоторыми угодьями среди самих калмык. Нет никакого сомнения, что распространение оседлости, которое идет на Алтае, относительно весьма быстро начавшийся процесс обособления будут все более развиваться и осложняться, а первоначальное отношение к земле, как более простое – исчезать и сглаживаться.

II

Во главе каждой дючины или волости стоял «зайсан», избираемый всеми домохозяевами данной административной единицы, но в большинстве дючин из одного определенного «сеека». Некоторые зайсаны имели помощников. Каждая дючина делилась на несколько «арманов», управляемых демичами (помощниками зайсанов) и представлявших уже не столько административную, сколько податную единицу; при этом каждый арман должен состоять приблизительно из сотни домохозяев.

Прежние деления алтайцев на дючины и волости совершенно не отвечали действительному распределению населения, и потому уже в 1900 году наблюдался процесс разложения этого строя, что особенно бросается в глаза в 7-ми алтайских дючинах, жители которых признают себя одним народом, имеющим общую землю. Несмотря на сознание своего единства, первая дючина почти совершенно уже тогда выделилась от остальных, члены её живут в определенной местности и встречаются в других пунктах очень редко, да и то в качестве временно приехавших туда; они почти не участвовали в народных съездах, «каланах»⁵¹, на которых собирались представители всех дючин, отказывались от выполнения многих повинностей, лежащих на других дючинах, и проч. Тот же процесс выделения, только менее резко выраженный, наблюдался и относительно черневых волостей, переходящих постепенно к оседлой жизни.

Тем не менее и в настоящее время сознание более тесной связи между инородцами черневыми и инородцами семи дючин довольно живо и по временам выражается в совершенно определенных фактах. Так, в 1897 году инородцы четырех черневых волостей и семи дючин составили общее совещание по вопросу «о возвращении прав кочевым инородцам на пользование черневыми лесами и их доходностью», и приглашали присоединиться также и инородцев трех северных волостей, т.е. Верхне- и Нижне-Кумандинских и Тогульской, с населением которых они считают себя одним народом и, наконец, в 1917–18 г., после Февральской и Октябрьской революций, эта связь выражена яснее посредством общих съездов в 1917 году в городе Бийске и в 1918 году в селе Улале по вопросу о выделении в автономную единицу, на каковых съездах, кроме инородцев перечисленных волостей, были и инородцы Кузнецкого уезда.

Ранее дючина представляла из себя родовую единицу, находившуюся под неограниченной властью зайсана; каковы были её размеры и границы, в настоящее время определить невозможно, во всяком случае, ни те, ни другие не совпадали с обязанностями зайсана последнего времени. Зайсан избирался пожизненно не только из определенных сееков, но даже, по возможности, из одной и той же семьи; по смерти зайсана или отказа его от должности новым зайсаном выбирали его сына; если же такового не имелось, то избирался кто-нибудь из его ближайших родственников, причем принималась в соображение и пригодность избираемого для занятия этой высокой должности. Демичи также избирались пожизненно из определенного рода.

Несмотря на такую монополию некоторых сееков относительно занятия должностей зайсанов и демичей, у алтайцев никогда не было, как нет и сейчас, разделения на сословия. Сееки, члены которых пользуются исключительным правом быть избранными в зайсаны, не составляют аристократии и ничем не выделяются от остальных; даже сын или брат зайсана не пользуется никакими привилегиями.

В 1880 году по распоряжению русской администрации зайсаны должны были избираться только

⁵⁰ Волости и дючины существовали до 1912 года включительно и лишь в 1913 году реорганизованы в волости теперешнего типа.

⁵¹ Калан – подеть. Каланы – съезды, на которых обсуждались вопросы о размере податей.

на три года, а демичи на один год, и при этом зайсаны должны были именоваться родовыми старостами, а демичи – помощниками родового старосты, причем количество демичей не должно было быть больше двух для каждой дючины.

Инородцы взволновались, увидев в этом попытку к обращению их в русскую веру. Зайсаны 2-й, 5-й, 6-й и 7-й дюжин составили приговор и ходатайствовали об оставлении им звания зайсанов и демичей. Ходатайство их не имело успеха, но на практике установился известный компромисс между старым и новым порядком. Избирая зайсана на три года, инородцы по истечении срока вновь выбирали его же, и так продолжалось до его смерти или до тех пор, пока сам не откажется.

Именуясь в официальных бумагах «родовыми старостами» и «помощниками старост», зайсаны и демичи продолжали носить прежнее название в отношениях со своим народом.

III

Религиозное воззрение инородцев Алтая отличается крайней примитивностью. В основе их религии лежит вера в существование внутри человека нескольких душ или двойников. Видя во сне умерших родственников или знакомых, первобытный человек придает этим явлениям полную конкретность и объясняет их тем, что он видел двойников тех, чьи бездыханные тела зарыты в могиле. Отсюда вывод, что душа продолжает жить и после смерти. Имея представление о душе как о точной копии живого человека, алтаец одаряет её теми же свойствами, какие имеет человек: душа также нуждается в пище и питье, живет в том же месте, где жил покойник, любит почет, рассердившись, может мстить и т.д. Поэтому в случае смерти кого-либо из взрослых членов семьи, особенно хозяина, алтаец обязательно переносит юрту на другое место, не решаясь оставить её на прежнем, где пришлось бы жить бок о бок с духом покойного, которого легко прогневить чем-нибудь и тем навлечь на себя его мечь. Смерть детей не вызывает обязательного переноса жилища, так как духи их менее требовательны, может быть, потому, что дети и при жизни не играют важной роли. Как уже сказано, первоначально в представлении первобытного человека дух является вполне конкретной личностью, имеющей определенное место жительства. С течением времени при постоянных перекочевках место смерти данной личности забывается, и в памяти народной остается только то, что какой-то дух живет где-то, причем его местопребывание отделяется от земли и приурочивается к небу или подземному миру, сообразно тому, кем был покойник при жизни. Вместе с тем видоизменяется и самое понятие о духе. Его индивидуальность ступшевывается, он уже перестает быть двойником определенной личности и делается более отвлеченным, ему начинают приписывать различные явления природы, естественное объяснение которых недоступно первобытному уму – и в конце концов прежний двойник данного человека становится невидимым бестелесным духом, одаренным сверхъестественными силами. Так из верования в двойников постепенно развивается представление о божестве.

Такому боготворению, конечно, подвергаются чаще всего родоначальники или вожди данного народа, или же его завоеватели. Это мы и наблюдаем у алтайских инородцев. У них есть боги, так сказать, родовые, т.е. такие, которым поклоняются только определенные сееки, и боги более или менее общие всем им и представляющие, судя по преданиям, чуждый, пришлый элемент.

Самым старинным богом нужно считать, по-видимому, «Койдрухана», о котором алтайцы говорят, что у них в старину был такой бог, но теперь ему никто не молится, его заменили боги новейшей формации. Нужно думать, что «Койдрухан» был одним из древнейших предков алтайского народа, но, по аналогии с подобными же фактами, является почти вытесненным из народной памяти своими позднейшими потомками – это, так сказать, вымерший бог.

Затем алтайцы имеют следующих родовых богов: Харшит, Бахтуган, Коко-Монхо, Яжилхан или Атаган, Карагуш и др.; интересно, что одному и тому же богу молятся сееки не во всей их целостности, а глядя по местностям, в которых он был известен при жизни, и представители того же рода, живущие в отдаленной местности, молятся уже другому богу. Кроме перечисленных богов, все сееки молятся еще «Дер-су», считающемуся покровителем стад.

Все названные боги являются представителями доброго начала, играющими или второстепенную роль, или сливающимися в народном представлении с главным добрым божеством алтайцев «Ульгем», которого на основании предания нужно уже отнести к богам-завоевателям.

«Ульгень»⁵² или «Бай-Ульгень» (богатый Ульгень) по преданию был сын «Улюпа» и внук «Чингисхана», управлявший некогда всем алтайским народом в качестве самодержавного государя. Об его управлении сохранились воспоминания, что он был добрый, справедливый правитель, делавший много добра своим подданным и никого никогда не наказывал сам. Ульгению поклоняется большинство алтайцев от Кузнецкого округа до реки Чуя.

Помимо перечисленных добрых богов, у алтайцев есть еще много третьестепенных, представляющих, так сказать, индивидуальных духов-покойников, которых еще не успели забыть. Значительная

⁵² «Ульгень» по-алтайски значит покойник. Возможно, что имя бога указывает, что боготворен был дух умершего.

часть инородцев признает, что добрые люди по смерти идут к Ульгению и становятся его помощниками, но большинство верует, что все люди по смерти во власти злого духа, который собственно является виновником самой смерти. Это последнее верование находится в связи с представлением о загробном мире.

Главный злой бог – «Эрлик», в некоторых местах «Дэмогу», является сильным противником Ульгения, хотя и подчинен ему. Живет Эрлик в темном месте (под землею), в противоположность Ульгению, царящему на небе. Кроме Эрлика или Дэмогу, существует бесчисленное множество подчиненных ему злых духов, известных под именем «Керьмес». Кажется, единственное назначение всех злых духов, начиная с Эрлика – это по мере сил вредить людям.

Ранее самих богов явилась на свет вода – «Учь Курбустан»⁵³.

Эти три бога, «прикочевавшие откуда-то сверху», создали двух ангелов «Кудая и Эрлика». Затем они сотворили землю «из зерна величиною с ячменное», находившегося в воде и добытого оттуда Эрликом.

По сотворении земли, светил небесных, рыбы, человека и др. животных, Учь-Курбустан разделили между собою все созданное, но Эрлику, несмотря на его просьбы, отказались дать доли, так как он мало помогал им в работе. После долгих переговоров боги наконец согласились подарить ему ямку, пробитую в земле костью одного из них, и Эрлик воспользовался подарком для того, чтобы немедленно вывести из этой ямки змею, лягушку и пр. гадов, расплзшихся оттуда по всей земле. В наказание за такое осквернение земли Учь-Курбустан прогнали его побоями в темное место, запретив ему бывать на земле где бы то ни было, кроме подаренной ему ямки, с тех пор Эрлик стал духом зла и всеми силами старается вредить творениям Учь-Курбустанов. Первое время Учь-Курбустан сами непосредственно управляли миром и учили людей, как следует жить, и люди тогда, по выражению алтайцев, «худыми делами не занимались», за что пользовались материальным благосостоянием.

Таковы в общих чертах главные религиозные воззрения алтайцев, сведенные в систему. Следуя теории, признающей началом религии поклонение предкам, приведенные выше предания можно объяснить исторически следующим образом. В горах, в пещерах, в расселинах скал («в темном месте», «под землею») Алтая жил народ, делившийся на родовые группы. Некоторые из этих групп управлялись каждая отдельным родоначальником, но другие были соединены под властью одного. Эти начальники родов, оставившие по себе более или менее прочное воспоминание, после своей смерти были возведены в ранг богов, добрых или злых, сообразно тому, какими они были при жизни. К числу таких обоготворенных начальников относятся Харшит, Бахтуган, Атаган и пр. Позднейшее происхождение имеют, по-видимому, Кудай и Эрлик. О Кудайе воспоминания настолько смутны, что он не имеет определенной личности: одни считают его имя просто нарицательным названием бога, имеющего различные индивидуальные имена: Кудай-Ульгень, Коко-Монко и др.; другие признают его ангелом, но никакой деятельной роли ему не дают. Возможно, что в действительности слово «Кудай» обозначает название какой-нибудь из высших должностей и в этом смысле являлось нарицательным именем людей, занимавших высокое положение.

Эрлик – самая рельефная и характерная фигура алтайского Олимпа наряду с Ульгением. Продолжая историческое объяснение предания, можно заключить, что Эрлик был одним из туземных начальников, призванных завоевателями помогать им в управлении вновь завоеванной страной; что он пользовался большой властью и хотел еще расширить её, в чем встретил отказ, и после этого стал устраивать различные козни и вообще противодействовать завоевателям, за что и был ими лишен власти и прогнан обратно «в темное место», т.е. в пещеры и скалы, где жил его народ; после этого Эрлик становится открытым противником их. Зато Бахтуган, Харшит и Атаган, бывшие товарищи по управлению Ульгения, этого наместника монголов, оставшиеся верными ему до конца, и после смерти возносятся к нему на небо, т.е. на высоты.

Развившись из поклонения предкам, религия алтайцев остановилась на сравнительно весьма низкой ступени. Восприняв, как можно думать, из чужеземных религий (буддийской, магометанской и христианской) такие идеи вторичного порядка, как представление о бестелесном, могущественном божестве, управляющем всем миром, или о значении нравственности в вопросах религии, она не пошла дальше первой фазы антропоморфизма в своих туземных верованиях. Так, наряду с заповедью Ульгения: «живите в мире, худо другому не делайте, работайте, не лгите, хорошо скотину держите и я буду помогать вам», заповедью, ставящею известный нравственный кодекс обязательным для приобретения помощи божества, мы встречаем верование, что душевные качества людей, их поведение не имеют никакого влияния на загробную будущность – все равно все пойдут к Эрлику, и худые, и добрые.

Внешняя, обрядовая сторона религии также стоит на очень низкой ступени развития. У алтайцев, по-видимому, нет иных религиозных обрядов, кроме «камлания» (моления) различным богам. Даже

⁵³ Нужно думать, что представление о первенстве воды во времени находится в связи со смутными воспоминаниями о том периоде, когда прилегающая к Алтаю местность была занята водою, на что указывает также предание о потопе, от которого люди спаслись на корабле, построенном Атаганом; о сотворении рыбы прежде всех живых существ (кроме ангелов и некоторых духов).

свадебные и погребальные обряды носят чисто бытовой характер и лишены религиозного элемента, если не считать погребальной трапезы, в которой, по мнению алтайцев, участвует дух покойного, и из которой развился обычай жертвоприношения богам.

Нет у алтайцев и храмов, и определенных мест для поклонения богам. Их могилы не имеют даже вида кургана, которых так много оставили на Алтае другие народы – чужь и монголы, из которых постепенно развивается идея храма.

Особого жреческого сословия также нет. Камом, т.е. жрецом, может быть всякий, если он отвечает известным условиям.

Камом может быть и женщина, но ей предоставляется камлать только Эрлику; совершать же моления Ульгеню она не имеет права, потому что, как объясняют алтайцы, одна женщина в прежние времена, когда им дозволялось это, «поднявшись на небо к Ульгеню, нагрезила там чего-то», и Ульгень в наказание лишил всех женщин дара камлания ему. Женщина не должна даже присутствовать на камланиях Ульгеню.

IV

В левобережном районе Алтая, т.е. в стойбищах бывших 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й дючин, в 1904 году близ села Усть-Кана состоялось собрание алтайцев этих дючин, именующих себя племенем Алтай-кижи или Ойрат-кижи с целью перемены веры – шаманизма – на новую – бурханизм. Это религиозное движение, проповедывавшееся простыми алтайцами, гораздо было ближе и понятнее темному инородцу, чем христианство, проповедываемое чужаками-русскими, от которых при том же алтайцы испытывают столько стеснений.

Алтаец хорошо подметил основной мотив деятельности русских, с которыми ему приходится сталкиваться, – бесцеремонное стремление к наживе – и выразил это в рассказе о том, во что обошелся алтайцу рыболовный крючок (удочка).

Привожу этот яркий рассказ целиком:

«Русский, зашедший в леса к алтайцам, занес медную удочку и начал удить рыбу. Алтаец попросил позволения попробовать это занятие. Русский согласился. К несчастью, удочка зацепилась в воде за сук и оборвалась. Тогда русский выразил полное отчаяние. Он сообщил, что удочка дана ему священником и дороже для него всего на свете. Он выразил непритворное горе: ни пьет, ни ест и лежит на берегу реки. Алтаец, испуганный, принес ему белку, но русский не утешился. Тогда он принес ему лисицу, но и это не окупало удочки. Наконец, он принес ему соболя. Русский отер слезу и отправился домой, горько жалуясь на свое несчастье. Несмотря на уплату, алтаец все еще остался в долгу и долго еще русский человек ездил в чернь собирать долги за эту драгоценную удочку». История этой удочки рисует историю отношений русских и алтайцев.

Видя и чувствуя такое отношение к себе, алтайцы не могли питать другого чувства к эксплуатирующему его элементу, кроме ненависти.

Будучи эксплуатируемыми и притесняемыми во всех отношениях со стороны пришлого элемента – русских, алтайцы жили лишь своими преданиями, которые гласили, что когда им будет совсем уже невыносимо жить, придет «хан-Ойрат» и освободит их от власти пришельцев.

Предание это гласит: «В давно минувшие годы, когда Алтай был еще не таким суровым, а, наоборот, зеленел растительностью круглый год – жил хан Ойрат. При его царствовании в Алтае не знали, что такое нужда, голод и прочие несчастья. У Ойрата была единственная дочь, «девочка с кудрявой головкой» – радость отца и алтайского народа. Вот однажды хан Ойрат сделался каким-то мрачным, каким он никогда не был, и сообщил своему народу, что духами определено алтайскому народу перенести целый ряд испытаний, а ему, Ойрату, с дочерью приказано удалиться. Посадив дочь сзади себя, хан Ойрат уехал за Кара-Иртыш, т.е. Черный Иртыш, сказав своему народу, что когда им будет сильно трудно жить, он опять вернется». Предание это заканчивается словами: «Когда опять вернется хан-Ойрат, все люди будут братья и Алтай будет благоденствовать».

Прихода вот этого-то легендарного хан-Ойрата и ожидали алтайцы чуть не каждый год, потому что жизнь их действительно становилась невыносимой. И вот в 1904 году по всему левому району Алтая, т.е. левому берегу реки Катунь, разнесся слух, что ожидаемый ими хан-Ойрат явился и ожидает к себе свой народ, и посредником между таковым и народом является алтаец Чет-Челпанов. Услышав такую весть, алтайцы взволновались и, как говорится, валом повалили за село Усть-Кан, в место, назначенное для моления по новым обрядам. Чет-Челпановым, посредством пороха, заложенного под скалу, был симулирован гром и лично им и его последователями было также симулировано и самое появление на вершине гремевшей горы трех всадников на белых лошадях и в белых одеждах, изображавших, по-видимому, хана-Ойрата, его дочь и кого-то из богов, Ульгень или Атагана. Этими же всадниками был объявлен новый закон новой веры – бурханизм.

Законодательство это в равной степени касается как шаманизма, так и русского населения. В отно-

шении первого оно запрещает кровавое жертвоприношение, заменяя его курением вереска на особо для того устраиваемых жертвенниках, в почитании белого цвета вообще, как эмблемы чистоты, но главное в этой религии то, что она проповедует о скором освобождении от русского ига алтайского народа, благодаря чему эта новая вера и имела сильное и быстрое распространение, какое она имеет и до сего времени.

V

В настоящее время алтайцы расселены от границы Китайской Республики до устья реки Топчуган (приток Чарыша), с одной стороны, и от той же границы Китайской Республики по границе Минусинского уезда Енисейской губернии, с другой.

В связи с колонизационной политикой царского правительства даже внутринадельные земли алтайцев были отведены переселенцам и поэтому в данное время население горного Алтая является смешанным, а не чисто алтайским, и даже во многих местах пришлое население количественно преобладает над алтайским, и так как при выделении данной автономной области руководствовались именно племенным составом, то значительная часть алтайцев осталась вне области.

В данное время в пределы Ойратской автономной области включено тридцать семь волостей, количество населения в которых по переписи 1917-20 гг. равно 90.825 человек обоего пола. Из них русского населения 26.597 человек обоего пола, алтайцев 64.228 человек обоего пола.

Область разбита на шесть районов. Первый – Усть-Канский, в который входит 9 волостей с населением в 17.128 человек, из них русских 6.218 и алтайцев 10.910. Второй – Горно-Онгудайский, в который входит 7 волостей с населением 16.007 человек, из них русских 5.127 и алтайцев 10.880. Третий – Улалинский, в который входит 6 волостей с населением 16.238 человек, из них русских 6.347 и алтайцев 9.891. Четвертый – Алтын-Кольский, в который входит 6 волостей с населением 14.355 человек, из них русских 8.514 и алтайцев 5.841. Пятый – Кош-Агачский, в который входит 5 волостей с населением 12.097 человек, из них русских 7.111 и алтайцев 4.986. Шестой – Таежно-Кузнецкий, в который входит 4 волости с населением около 15.000 человек.

Центром для резиденции высшей власти данной автономной области намечено село Улалинское.

**ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ДЕКРЕТ**

ОБ ОБРАЗОВАНИИ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ОЙРАТСКОГО НАРОДА

от 1 июня 1922 года

(Печатается по: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196028274&empire=1)

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

Образовать Автономную Область Ойратского Народа, как часть Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, с административным центром в с. Улалинском, в состав коей включить:

а) из Горно-Алтайского уезда, Алтайской губернии - волости: Абайскую, Катандинскую, Уймонскую, Онгудайскую, Туэктинскую, Песчанскую, Салдамскую, Шебалинскую, Улалинскую, Бешпельтирскую, Имеринскую, Чемальскую, Чергинскую, Кош-Агачскую, Киргизскую, Улаганскую, Чибитскую, Чалушманскую и Поспальскую в их современных границах;

б) из Бийского уезда, Алтайской губернии - волости: Лебедскую, Верх-Бийскую (Алтынкольскую), Успенскую и Ныргинскую в их современных границах.

2. До созыва 1-го Съезда Советов Автономной Ойратской Области, вся полнота власти в таковой в границах, указанных в § 1, принадлежит Революционному Комитету, ближайшей задачей которого является созыв 1-го Съезда Советов Ойратской Автономной Области, для каковой цели используется аппарат Горно-Алтайского Исполнительного Комитета.

3. Съезд Советов Ойратской Области избирает Исполнительный Комитет Автономной Ойратской Области, с правами Губернского Исполнительного Комитета, но с бюджетом и штатами Уездного Исполнительного комитета.

4. Народному Комиссариату по Внутренним делам, Народному Комиссариату по делам Национальностей и Сибирскому Революционному Комитету поручается образовать смешанную Комиссию для разрешения вопросов, могущих возникнуть при детальном установлении границ Автономной Ойратской Области.

5. Передачу органов управления территорий, отходящих в Автономную Ойратскую Область, закончить не позднее 15-го июня 1922 года в порядке, установленном Народным Комиссариатом Внутренних дел.

6. Вывоз имущества и перевод сотрудников из учреждений, подлежащих передаче в автономную Ойратскую Область до составления акта передачи, допускается только с разрешения Народного Комиссариата Внутренних Дел.

Председатель

Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета

М. КАЛИНИН

Секретарь

Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета

А. ЕНУКИДЗЕ

Павел Низовой

ЯЗЫЧНИКИ

(Печатается по: Низовой П. Собрание сочинений. Т. 2.

- М. - Л: Земля и фабрика, 1928. - С. 12-14; 52-57).

Впереди, позади, по сторонам – горы и горы. И на них угрюмая девственная тайга. В большом изви-
листом ущельи сверкает лента воды.

Это Алтын-коль – «Золотое озеро».

На поляне несколько десятков людей в странных одеждах, с ножами и огнивами за поясами. Широ-
кие скулы, приплюснутые носы и узкими щелями черные глаза.

А возле – белеет ряд высоких берестяных кадок – «сабо», наполненных жертвенной жидкостью.

Готовится молитвенное возношение окрестным горам, питающим скот, дающим хлеб, кедровые
орехи, охраняющим белок, козлов, маралов, и рекам, утоляющим жажду всего сущего.

Против каждого сабо – его хозяин, и одиноко, в стороне от всех – кам, в высокой барашковой шапке,
с бубном в руках.

Лучится небо. В долине безветренно и знойно, и все молчит.

Зазвенел бубен, запрыгали первобытные, гортанные звуки, понеслись к далекой, голубеющей Ал-
тын-ту.

– Амыр-найк, азрат турган малымды кудуп-тур, аюге бербе, берюзе салба...

«Мирное создание, паси скотину, которую я кормлю: медведю не давай, от волка охраняй, в яму не
ввергай. С начала века молимся мы тебе, тайга, и с начала века просим мы тебя...»

Сняв шапки, кланяются.

– На, пей, ешь! Нас не оставляй! Худо на нас не смотри! Эрликовых посланников к нам не приводи! –
Кам брызгает в сторону каждой горы жертвенной жидкостью.

Звонко гудит и бряцает бубен, торопливо льются страстные звуки, и горы, близкие и далекие, реки
ворчливые и беспокойные – равнодушно внемлют изысканным обращениям:

– Алтын колге кирген, айгыр иалду ак Чолышман... «Впадающий в «Золотое озеро», белый, с лоша-
диной гривой, Чолышман...»

... «Разостланный шелк»...

... «С высокими бровями, царь»...

Откликается ему чуткое эхо, вторят шумные водопады и полноводные весенние ручьи; поют пти-
цы, благоухают растения. И разносится молитва людей и природы окрест и всюду.

Слушает её светлый Ульгень, сидящий в своей царственной неподвижности на седьмом небе. Слу-
шает мрачный Эрлик, живущий в темном царстве при устье семи рек. Слушают: Хан-Алтай и Белый
Зайсан. Слушают десятки большкх и малых, добрых и злых духов, охраняющих и нарушающих мир и
достояние кочующего народа.

Тихо дымят в логу круглые, островерхие юрты. Возле играют нагие черноголовые ребятишки; в
долине и по ущельям пасутся стада коров и табуны коней; на склонах гор алтайки ковыряют абылом
землю, и алтайцы у костра пьют подогретую араку.

Сострадательный Каным, не оставляй их!

«Атту, тонду каан кижн,

Ады тезе, бий кижн!» –

На кол е, в одежде, царь-человек,

Жезл твой – молодой кедр;

Спина – гладкая скала;

К сиротам сострадательный;

Ты – царь-человек,

Молви слово за них

Перед господником Эрликом!

Впереди на гнедом коне трясется узкоплечая фигура Касима. Едем по ущельям и узким логам, через сопки и увалы, все выше и выше. Кедр, пихта, лиственница, кой где береза. Между толстых прямых стволов курчавится черемуха, выются упругими спиралями, всё опутывая, дикий хмель и алтайская лиана.

Я кричу в трясущуюся спину:

- Касим! Далеко ещё?

Гнедой конь сразу переходит на шаг. Касим неторопливо вынимает из-за пояса кожаный кисет с бахромой, потом огниво в медной оправе. Закурив, переводит на меня узкие черные глаза:

- Мало-мало подходи.

Помолчал и снова соблазнительное:

- Гуляйт там будет. Много арачка, много махан...

В горной долине пять остроконусных юрт и широкие клетки загонов. А с трех сторон стиснули лесистые и горные массивы, упершиеся в безоблачное, яркое небо.

Кучка мужиков втыкает шесты с белыми ленточками, вкапывает подчищенные березы; двое плетут волосяную веревку.

- Эзендер (здравствуйте)!

- Эзень, эзень (здравствуй)!

Широко зевнула скрипучая дверь - и в черной дыре старушечья голова с двумя седыми косичками. Оба шагаем туда через порог, тонем в дымную муть.

Направо, налево - все одинаковые. Полусогнувшиеся, с поджатыми ногами, сидят в два ряда, молча меняются трубками и звучно, сквозь зубы, цыркают в огонь.

- Здравствуй! Гости приехал? Нашему богу молиться?

- Якши, якши... - Кто-то пододвигает кошму и усаживает рядом с собой.

Потрескивает костер; у огня большой медный чайник...

Первую чашку хозяин подает сидящему рядом со мной каму, но тот передает её мне:

- Пей! Рус кизи якши! Алтай закон - якши!

Большая деревянная чашка с теплой аракой медленно переходит от одного к другому, проясняет лица, развязывает языки. Молчалив и сосредоточен один только большеротый, с медными глазами-пуговицами - Эзи, в большом, висящем позади меня бубне.

Тускнеет небо, за щетиной леса, на каменном кряже заалела узкая полоска. В загоне топчется только что пригнанный табун. Двое с волосяным арканом перелезли через изгородь и тихо крадутся. Сверкнула, дико извиваясь, мертвая петля, и одна из кобылиц - серой масти - судорожно задергала шеей. На веревке тотчас же повисло около десятка людей. Хрипящую, вздрагивающую, делающую бессильные попытки освободиться, её повели и привязали к одной из берез; к другим привязали еще двух - Ульгеню, Алтаю и духу - ык.

К четвертой березе подвели белого барана. Это Актяй-зану, Белому Зайсану. Вышел кам в высокой барашковой шапке, с пучком совиных перьев, встал на белую кошму. Перед ним кадка с чегенем, корытце с разведенным толканом, ведро молока утреннего удоя и несколько бутылок араки.

Курятся две кадьницы с сухим вереском; колышутся на бечевках белые ленточки.

Кони рвутся, падают на колени, дрожат, хрипло ржут. Но вокруг все спокойны; равнодушно, молча покуривают трубки. Равнодушно слушают скачущие, гонящиеся друг за другом, гортанные звуки.

Небо померкло; из ущелий ползет туман; сделалось прохладно... Потянули от березы белого барана. Вскоре задымились голова и части внутренностей. А мясо пенилось в дымящем котле.

Ночь. В юрте. Опять ни слова. Ни одного лишнего движения. Вокруг только мужчины; три ряда. Перестали даже меняться трубками. Кам на белой кошме неподвижен, смотрит вверх голов. Молодой алтаец, умыв руки, начинает сушить бубен. Бесперывно повертывает его над огнем, пробует, ударяя мягкой колотушкой, и опять сушит. И ни звука вокруг. Только за стеной шарят по земле губами лошади приезжих.

Бубен готов - гудлив и звонок.

Кам встрепенулся. Сигнал с лица задумчивость и тихо, мягкой орбой⁵⁴, стал ударять по певучей коже. Полилось негромкое мелодичное пение, разливая странно-жуткое очарование.

Усиливая звуки, кам поднимается; глаза горят, на желтых впавших щеках красные пятна. Высоко вскинув бубен, вертит им, медленно обходя вокруг костра.

Иалын куйген иалыр от-энэ.

Сургульдинын ак-аякса тэбильген,

Судызынын иер иениске бирекени.

⁵⁴ Орба - колотушка, оббитая кожей с ноги марала (Прим. авт.)

«Пылающий огонь, соединяющийся с миражом от земли и доходящий до небес, трехножный каменный очаг...»

Согнувшись, припадает ухом к тихо гудящему бубну. Не голос ли это хана-Суйлы? Нет...

Катту толду каан Суйла-каан⁵⁵
 Аттар окту тургены болгон...
 Суйла-хан, язык которого тверд!
 У которого кони быстры, как стрелы,
 Речи которого подобны книге;
 Который ничего не боится, –
 Будь ходатаем за меня пред Ульгеном!...

Тесная юрта полна призывных звуков, бряцания и стопа упругой кожи. Все склонились, дымят трубками, на лицах ползающие красные блики.

Завертелся, затопал ногами; в поднятых руках крутится бубен, – полетел в заоблачные сферы, где носятся чудовища, производящие громы и где живут козлы с сажеными рогами. Путь длинен и опасен, но впереди хан-Суйла.

Тихо звенит и бряцает бубен, тихо звенит волнующая песня. Кам снова обходит костер и направляется наружу. Теперь понесся на третью небесную сферу – «алгагала Бай-каин» – где стоит священная береза зародышей жизни. Выше каму нет пути – начинается «куй-гечкедин иери» – вечное сияние солнца. Туда полетит один только хан-Суйла, чтобы узнать от ангела Уткучи, будет ли принята приносимая жертва.

За стенами юрты – темно-синяя ночь. Слабо намечаются силуэты придвинувшихся гор. Звуки, разрастаясь, наполняют долину, со всех сторон откликаются гулким эхом и несутся в нестройном, безумном хоре к близкому, доступному небу.

Кам, утомленный, летит обратно. На молочном озере – «Сють-коль» – плавает гусь Конур-кос с тремя птенцами. Он садится на одного из них и, подражая крику птицы, направляется в юрту:

Уч балалу Конур-кос.
 Ынып, ынып, кагак, кагак...

Вертясь, подходит к своему месту. Лицо его бледно. Глаза ввалились и полузакрываются. Пение тихо угасает. Тяжелая фигура устало опускается на кошму...

Гл. XVIII

Сегодня природа в новом – неожиданном наряде, лучится, сверкает, праздничная, веселая. Через час его не будет. Но пока все в серебре. И выгоревшая трава, и одинокие, обветренные лиственницы, и обглоданные непогодами юрты – все в матовом серебре инея.

Хочется стать на безмолвной поляне, поднять руки и запеть сильно и радостно, как пел вчера кам, возвращаясь из своего путешествия.

Долго хожу по сонному аилу. Кругом безжизненно; словно изваяния, стоят у берез жертвы. Ни одного звука, никто не приветствует восходящее солнце. А оно из-за гребня леса уже вылило на поляну поток яркого света. И поляна задымилась, темнеет, покрывается лаком.

Показалась молодая алтайка с деревянным подойником.

– Доброе утро, красавица!..

В юрте еще спят, вокруг огня – десять мужских полуголых тел, едва прикрытых короткими рваными шубами.

Поднимаются, начинают умываться: набирают в рот воды и, выпуская её, водят руками по лицу. Потом садятся на корточки перед огнем сушиться...

В долине все ожило, шумит. Деловито перекликаются степенные мужские голоса; черный старик распоряжается приготовлением к торжеству.

Возле маленькой речушки сооружают «таилгу» – высокий столб с раздвоенным концом и на нем длинную жердь с поднятым верхом. Рядом – навес и две пары высоких шестов, соединенных бечевкой с ленточками. Это «тэкпыш» – лестница в небо, по которой будет подниматься душа жертвы. На конце каждого шеста – птички из теста.

Из темных логов, с горных круч медленно текут гости. На женщинах – «чегедеки» (национальная одежда), на мужчинах – островерхие лисьи шапки с кисточкой и шубы, крытые парчой и шелком. Едут важно, неторопливо, в седлах сидят прямо. Мужчины сворачивают к таилге и с поклоном кладут у ног кама жертву – «ташаур» араки. Женщины направляются к двум крайним юртам, где второй день алтайки гонят из молока водку. Присутствовать на камланиях Ульгено (высшее божество) им нельзя.

Понеслись звуки, отрывистые, звонкие, и долина наполнилась переливающимся гулом.

Толпа стоит бесстрастная, молчаливая, изредка меняются трубками. Неожиданно примешивают-

⁵⁵ Хан-Суйла – ангел, сходящий к каму (шаману) с неба во время камлания. Он сопровождает кама на небо и в ад, указывает жертву, говорит о болезни и проч. (Прим. авт.)

1922

ся два крикливо-гундосые голоса. Будто на спор гонятся друг за другом, захлебываются и так же неожиданно смолкают. И опять один звонкий тенор плавает в прозрачном утреннем воздухе.

Талай болгон канду,
Пулут болгон казиму!...
Крови в нем будет с море,
Сало в нем белизной подобно облаку.
Грива и хвост у него в сажень...

От толпы отделилось человек пятнадцать с веревками. Лошадь забеспокоилась, забила ногами, заржала... 1922 год

Глеб Пушкарев

МЛАДЕНЦЫ ГОР

(Печатается по: Сибирские огни. – 1922. – № 5. – С. 75–82)

Дик Алтай.

Оборвался утес. Сполз камнем в бешеный поток и снова полез в высь.

Была тропа – нет её, лезь в воду. Вода ревет, кричит; с боков – стены, а вверху блестит солнце, высоко, ярко...

Из-за поворота нырнула тропа и спряталась в щель: кедры, пихты, не лес – великаны. Лежит медведь – не перескочишь, объезжай.

Журчит внизу ручей – чистый-чистый, – зеркало грязней. Видно все, песчинки сосчитать можно, не замутишь, не загрязнишь. Вода – растворенный хрусталь: чиста, холодна, сладка... Метнулась тропа в горы, ушла в березняки. Заалела маральниками, зацвела пестрыми глазками, покраснела огнями – опуталась хмелем, выюном и полезла вверх к хрусталам. Зубьями блестит хрусталь – алмаз, – игрушка – здесь музыка солнца.

Блеснули снега... Смерть, холод... А под камнями... Под камнем чуть-чуть родничок капает. А возле малютка-цветочек разрыл лапками снежок.

Дик Алтай.

Внизу в долине, вверху у снегов, в тайге – в горах, везде – люди... такие же дикие, особые – алтайские.

Дик Алтай. У него все свое: своя душа, свой склад, своя прелесть, простота.

И народ свой: тихий, скромный, с прекрасной душой, с душой младенца, младенца гор.

1

Под маральниками

Забурлит весна – берегись...

Снега кипятком ошпарились, – засверлились струйками, задымились и понеслись...

Река рванула льды и бросила их на острые груды камней: довольно смерти, жизни место.

Метнулись горы зеленым налетом, бросились рябью листвы и заалели маральниками, да как! ... так фатую невесту убирают – нежной, легкой-легкой, как пух лебедя.

И внизу жизнь, там внизу, где дымятся юрты, бродят кони...

Вылезли на улицу молодые, старые.

Старый Асындай щурит глаза на солнце и сосет трубку, а ребята вертятся на лужку: хорошо... весна.

Всем легче, всем хорошо... как будто жизнь заново начинаешь.

Забывается старое, прошлое, тяжелое, мрачное.

Лучше не вспоминать.

Пока солнце, пока тепло, зачем старое, худое?

Жить, жить этим теплом, светом, зеленой травой, алеющими маральниками!

Асындай вынул трубку и сплюнул.

– Хорошо!..

– Русские придут, – думает Асындай, и легкая тень пробегает по лицу.

Знает Асындай – придет русский, притеснять станет. Много вытерпел Асындай от русского, много горя перенес он от него, но что делать?

Разве не русский отобрал у него землю; разве не русский отобрал у него скот, коней; разве не русский заставил его уйти в горы?..

Давно ли Асындай пас стада в степи, а вот теперь ушел в горы.

Хорошо в горах, тепло, уютно, а коням хуже.

– Плохо, – качает головой Асындай, – травы мало, снегу много, плохо, совсем плохо.

– А война?..

Асындай знает войну... тяжело ему было за войну, очень тяжело.

Приходили русские, требовали много, грозили, а что он, Асындай?

– Моя ничего не знает... Был человек, много людей было, кричали, говорили, ушли, а он, Асындай, ничего не знает. Асындай не воевал, у Асындай ружья нет. Был дробовик, и тот отобрали, а люди все приходят и требуют: хлеба дай, коня дай, куда люди с ружьями ушли? А разве он знает?

– Стрелять хотели.

А разве он виноват, Асындай.

– Моя не знает!

Зашумела весна, и все забылось.

Шла новая жизнь.

Все сменилось, только камни да скалы остались те же, а белый саван блеснул зеленеющей жизнью.

Устал Асындай... Устал от тревог, волнений... Он боится человека, боится первого встречного. Изда-ли увидит русского и в лес: лучше, не тронут.

Стар стал Асындай, тяжело бегать, скрываться, а хочется пожить тихо, мирно.

Помнит Асындай: цвели маральники, вольные, дикие, и никто не смел нарушить их красоту.

А пришел русский, обломал маральники, стеснил калмыка.

– Надо в горы, – понял Асындай. – В горы, здесь русский, с русским нехорошо.

И ушел Асындай в горы, туда, где привольно цветут маральники, где свободно живет калмык.

Там вверху жизнь хорошая. Там маральники цветут яркие, красивые, и внизу хотят жить такой же жизнью, не чужой, не русской, нет, своей, калмыцкой.

2

В горы

– Язень, – сказал русский, слезая с седла и привязывая коня к пряслу.

– Язень, – ответил Ахтынбай. – Иди в избу, гостем будешь. – А сам с любопытством осмотрел всего гостя: наверное, водку привез.

Русский приглашений не ждал и прямо ввалился в избу.

– Ну, тамыр, угощений давай, а у меня кой-что и получше найдется.

Ахтынбай рад. Ахтынбай все знает. Знает, что русский водки ему даст, напоят, а потом все сено купит, белок приберет, которых Ахтынбай зимой должен будет заготовить, и так все это устроит, что Ахтынбай ему же еще и должен останется. Знает Ахтынбай все это прекрасно, но разве можно устоять против рюмочки чистой, царской?

Выпил Ахтынбай рюмочку, другую, и зашумело в голове.

– Тамыр, – друг, хороший друг! В гости приезжай. Арачка будет, арачкой угощу.

– Ладно, ладно, – говорит русский, а сам подливает в стаканчик водку.

– Приеду, приеду... Еще водки привезу. Пей, Ахтынбай. Пей, друг!

Наутро болит голова, ломит все тело, внутри горит. Ахтынбай сам не свой. Жизни не рад.

Русский, – как ни в чем не бывало: ладит седло, собирается домой.

– Тамыр, – говорит Ахтынбай. – Будь друг, дай вотка. Немножко вотка, маленький вотка. Чуть-чуть. Смерть пришла... Больно... И Ахтынбай держит голову, словно боится её потерять, дергает за руку русского.

– Дай, друг... Другом будешь, белку дам... Поймаю, дам. Живую дам... Лису дам...

– Нет водки, всё выпил ты вчера... Как поило вылакал... Мне и то ничего не оставил.

– Дай, друг... Больно... не мошно... Дай, лису дам. Ей-Богу дам!

– Нету...

– Дай, друг, маленечко, стаканчик. Только стаканчик, чего хочешь дам... Горит, больно... Шибко больно.

– А ты што мне дашь, – как бы невзначай спрашивает русский, а сам продолжает налаживать седло.

– Белка дам, лисицу дам, чего хочешь, все дам..

– А сколько дашь?

– Сколько надо.

Русский думает.

– Не надо бы потакать тебе, да куда тебя денешь. Жалко тебя. Подохнешь ведь ты... Ну да ладно... Дам тебе стаканчик. Лопай, Бой с тобой.

– Вот друг! Вот друг! Все дам, все получай. Ай друг, ай тамыр! Спасибо, спасибо. Лисицу бурую дам, большую...

Ахтынбай давно пьян. В кармане у него торчит бутылка с красной головкой: русский записывает условие торга: белки, лисицы, орех – все есть тут...

– Не справит в зиму, – думает русский, – ну да ладно, Бог с ним, сочтемся!

Думал Ахтынбай долг русскому справить, да где тут. Не успел от водки опохмелиться, как приехал землемер.

- Надо землю мерить, столбы ставить.

Давно русские от калмыков землю оттягали, запахивали там, где у калмыков скот пасся. Но теперь только чиновник приехал, он все знает: как скажет, так и быть..

Болит у Ахтынбая голова, но разве можно об этом думать: надо с чиновником ехать, землю мерить, столбы ставить, а то русский землю отберет.

Целые дни Ахтынбай с другими работает, рубит лес, таскает камни, роет ямы. Чиновник пишет, значки ставит, а Ахтынбаю становится легче: наша земля, русский не будет больше отнимать, не будет землю пахать... У Ахтынбая будет сено, много сена. И русский у него теперь уж не отберет за бутылку водки. Чиновник хороший! Чиновник все знает, он говорит - земля калмыков и знаки ставит, чтоб русский пахать её не мог.

Русские тут же с чиновником ходят, столбы проверяют и смеются.

- Нет, друг Ахтынбай, земля все равно наша будет, сколь столбов не ставь.

- Наша, - спорит Ахтынбай. - Чиновник знает, спроси его! Столб наш, наша земля.

- Наша будет, - смеются русские. - Пропьешь.

День за днем все больше и больше вырастает столбов. Больше и больше веры в свою землю.

- Теперь русский ничего не сделает, чиновник все сказал... Русский полезет - нельзя! Суд будет...

Ни, теперь нельзя...

Идет дождь... Люди смокли, устали, тяжело бредут один за другим...

Ахтынбай снял шапку и крестится:

- Николинька, батюшка, будет дождичком крапать. Солнышка надо...

Дождик идет, а русский смеется:

- Тебя и Бог не слушает, а ты еще землю хочешь себе взять... Не Николе надо, а Илье... Он ведь дождичком-то ведает...

- Верно, бачка, верно, забыл, совсем забыл! И Ахтынбай, стащив шапку, снова крестится на просеку.

- Ильюша, батюшка, будет дождичком крапать... Не надо... Солнышко надо... Тепло надо, сухо...

Давно уехал чиновник, давно промелькнуло лето, увяла зелень, облысели, оголились горы, поседел камень, повыше лег снег. Табуны спустились вниз, к траве. Русские молчали, земли не трогали.

- Нельзя, чиновник не велел... Земля наша, наша!

Ахтынбай белок набил, лисиц наловил, русскому отдал, и сено отдал...

Но теперь ничего... земли у Ахтынбая много... Сена много будет на зиму, и русскому хватит, и Ахтынбаю хватит. Не надо коню Ахтынбая снег разрывать, траву искать. У Ахтынбая сено будет свежее, крупное.

Ахтынбай русского боится... а водку...

- Вотка мочно выпить. Маленький вотка.

Только Ахтынбай теперь умный - пить будет мало и ничего русскому не отдаст. Нет.

А зимой из волости пришла бумага: прислать доверенных-ходатаев о земле в волость.

Собрали доверенных, велели землю защищать и отправили к русским.

Встретили их русские с почетом: на столе в волости закуска, водка.

- Садитесь, други, гулять будем, водку пить будем!

Пили доверенные, пили русские, потом спорили, бумагу писали, опять водку пили...

Наутро доверенных по домам на телегах развезли...

Пришла весна.

Приехали русские, привезли сохи и загорелась работа. Полоса за полосой, почернела земля, взъерошилась, зазеленела щетинкой хлебов.

Пришли калмыки, пригнали свой скот, но нет: русские там с вилами, цепями:

- Земля наша, делать вам тут нечего!

- Наша земля, - спорили калмыки. - Чиновник сказал!

Но русские гнали их.

Вызвали чиновников.

Приехали чиновники. Вызвали русских, калмыков. Читали, что земля калмыков. Но русские на своем:

- Земля наша! Доверенные от земли отказались и приговор подписали. Земля наша, русская.

- Вызвали доверенных:

- От земли отказались?

- Ни, бачка, не отказывались. Наша земля!

Русские бумагу принесли. Верно: все доверенные отказались от земли в пользу русских. И руку приложили.

– Писали бумагу? – допытывался чиновник.

– Ни, бачка, не писали. Наша земля!

Русские свое: зимой были здесь, отказ писали сами.

– Были здесь зимой? – спрашивает чиновник.

– Были.

– Что делали?

– Вотка пили. Русский домой телега увозил.

– Подписывали бумагу?

– Не знаем, бачка. Пьян был, ничего не знаем.

– Да ведь от земли вы сами отказались, их земля-то теперь.

– Не знаем, бачка. Ты грамотный, тебе лучше знать.

– Да понимаете вы, дурачье, что вы сами себя губите?

– Не знаем, ничего не знаем. Ты грамотный, тебе лучше знать. Как скажешь. А земля наша. Чиновник большой сказывал.

Русские смеялись.

Яман дело, шибко яман, – говорят калмыки, забирая свой скарбишко.

– Русский пришел, все подай: землю подай, поле подай, реку отдай, жену отдай... Нельзя так, надо в горы.

3

Мошно

У старого Сагонога большое горе: утром нашли его дочь, единственную дочь Алджи, висящей на дереве...

Тяжело было Сагоногу, очень тяжело, но делать нечего.

Сняли Алджи и унесли подальше в лес: нехорошо, когда покойник близко. Страшно.

Целые дни сидит Сагоног один. Тяжело. Скучно. Никого. Один. Кругом чужие.

На улице весна. Жизнь зеленью бросилась ввысь, взметнулась на вершинах березками, вспыхнула маральниками, вверху, вверху загорелась на солнце зубьями хрусталя.

В горах и весна своя: бурная, красивая.

Не видит ничего Сагоног.

– Девка померла... Хорошая была девка!

Сагоног видит её, как живую: вольная, как Катунь, твердая, как скала.

Упряма Сагоног, но дочь еще тверже.

Искал отец женихов богатых, красивых.

– Не хочу. Подай Ассандая.

– А что Ассандай? Бедняк. Ни табунов у него, ничего. Под стать ли Сагоногу такой зять, когда Сагоног своим стадам и счет потерял? Сагоногу не надо чужих богатств, у него хватит на многих, но разве можно брать жениха без калыма?

– Отец! Отдай за Ассандая.

– Ни, не отдам. Ассандай бедный; тебе богатого жениха надо.

– Не хочу богатого.

– Ты девка хорошая. Тебе хороший жених нужен.

– Не пойду за другого.

– Пойдешь.

– Не пойду.

Скучная бродит Алджи. Сагоног прогнал Ассандая.

Алджи идет в поле. Там верный Болдырь пасет коней.

– Я тебе помогу, говорит Болдырь, – ты девка хорошая. Я помогу тебе... Я тебя бы в бабы взял, да ты не хочешь... Помогу я тебе, увезу к Ассандаю. Хочешь?..

– Куда тебе, – говорит Алджи. – Отец и до реки с тобой не отпустит – догонит.

Любит Болдырь Алджи, тоскует вместе с ней, мучается любовью к ней, а сам готов на все, даже Алджи другому отдать, только бы Алджи было хорошо.

– Я помогу тебе, – пристает Болдырь и сам не верит своим словам.

– Я умру, Болдырь, – говорит Алджи.

– Не надо умирать. Жить надо. Жить хорошо. Умирать худо. Страшно. Только старики умирают. Молодым не хорошо. Не надо.

Думал Ахтынбай долг русскому справить, да где тут. Не успел от водки опохмелиться, как приехал землемер.

- Надо землю мерить, столбы ставить.

Давно русские от калмыков землю оттягали, запахивали там, где у калмыков скот пасся. Но теперь только чиновник приехал, он все знает: как скажет, так и быть..

Болит у Ахтынбая голова, но разве можно об этом думать: надо с чиновником ехать, землю мерить, столбы ставить, а то русский землю отберет.

Целые дни Ахтынбай с другими работает, рубит лес, таскает камни, роет ямы. Чиновник пишет, значки ставит, а Ахтынбаю становится легче: наша земля, русский не будет больше отнимать, не будет землю пахать... У Ахтынбая будет сено, много сена. И русский у него теперь уж не отберет за бутылку водки. Чиновник хороший! Чиновник все знает, он говорит - земля калмыков и знаки ставит, чтоб русский пахать её не мог.

Русские тут же с чиновником ходят, столбы проверяют и смеются.

- Нет, друг Ахтынбай, земля все равно наша будет, сколь столбов не ставь.

- Наша, - спорит Ахтынбай. - Чиновник знает, спроси его! Столб наш, наша земля.

- Наша будет, - смеются русские. - Пропьешь.

День за днем все больше и больше вырастает столбов. Больше и больше веры в свою землю.

- Теперь русский ничего не сделает, чиновник все сказал... Русский полезет - нельзя! Суд будет...

Ни, теперь нельзя...

Идет дождь... Люди смокли, устали, тяжело бредут один за другим...

Ахтынбай снял шапку и крестится:

- Николинька, батюшка, будет дождичком крапать. Солнышка надо...

Дождик идет, а русский смеется:

- Тебя и Бог не слушает, а ты еще землю хочешь себе взять... Не Николе надо, а Илье... Он ведь дождичком-то ведает...

- Верно, бачка, верно, забыл, совсем забыл! И Ахтынбай, стащив шапку, снова крестится на просеку.

- Ильюша, батюшка, будет дождичком крапать... Не надо... Солнышко надо... Тепло надо, сухо...

Давно уехал чиновник, давно промелькнуло лето, увяла зелень, облысели, оголились горы, поседел камень, повыше лег снег. Табуны спустились вниз, к траве. Русские молчали, земли не трогали.

- Нельзя, чиновник не велел... Земля наша, наша!

Ахтынбай белок набил, лисиц наловил, русскому отдал, и сено отдал...

Но теперь ничего... земли у Ахтынбая много... Сена много будет на зиму, и русскому хватит, и Ахтынбаю хватит. Не надо коню Ахтынбая снег разрывать, траву искать. У Ахтынбая сено будет свежее, крупное.

Ахтынбай русского боится... а водку...

- Вотка мочно выпить. Маленький вотка.

Только Ахтынбай теперь умный - пить будет мало и ничего русскому не отдаст. Нет.

А зимой из волости пришла бумага: прислать доверенных-ходатаев о земле в волость.

Собрали доверенных, велели землю защищать и отправили к русским.

Встретили их русские с почетом: на столе в волости закуска, водка.

- Садитесь, други, гулять будем, водку пить будем!

Пили доверенные, пили русские, потом спорили, бумагу писали, опять водку пили...

Наутро доверенных по домам на телегах развезли...

Пришла весна.

Приехали русские, привезли сохи и загорелась работа. Полоса за полосой, почернела земля, взъерошилась, зазеленела щетинкой хлебов.

Пришли калмыки, пригнали свой скот, но нет: русские там с вилами, цепами:

- Земля наша, делать вам тут нечего!

- Наша земля, - спорили калмыки. - Чиновник сказал!

Но русские гнали их.

Вызвали чиновников.

Приехали чиновники. Вызвали русских, калмыков. Читали, что земля калмыков. Но русские на своем:

- Земля наша! Доверенные от земли отказались и приговор подписали. Земля наша, русская.

- Вызвали доверенных:

- От земли отказались?

- Ни, бачка, не отказывались. Наша земля!

Русские бумагу принесли. Верно: все доверенные отказались от земли в пользу русских. И руку приложили.

- Писали бумагу? - допытывался чиновник.

- Ни, бачка, не писали. Наша земля!

Русские свое: зимой были здесь, отказ писали сами.

- Были здесь зимой? - спрашивает чиновник.

- Были.

- Что делали?

- Вотка пили. Русский домой телега увозил.

- Подписывали бумагу?

- Не знаем, бачка. Пьян был, ничего не знаем.

- Да ведь от земли вы сами отказались, их земля-то теперь.

- Не знаем, бачка. Ты грамотный, тебе лучше знать.

- Да понимаете вы, дурачье, что вы сами себя губите?

- Не знаем, ничего не знаем. Ты грамотный, тебе лучше знать. Как скажешь. А земля наша. Чиновник большой сказывал.

Русские смеялись.

Яман дело, шибко яман, - говорят калмыки, забирая свой скарбишко.

- Русский пришел, все подай: землю подай, поле подай, реку отдай, жену отдай... Нельзя так, надо в горы.

3

Мошно

У старого Сагонога большое горе: утром нашли его дочь, единственную дочь Алджи, висящей на дереве...

Тяжело было Сагоногу, очень тяжело, но делать нечего.

Сняли Алджи и унесли подальше в лес: нехорошо, когда покойник близко. Страшно.

Целые дни сидит Сагоног один. Тяжело. Скучно. Никого. Один. Кругом чужие.

На улице весна. Жизнь зеленью бросилась ввысь, взметнулась на вершинах березками, вспыхнула маральниками, вверху, вверху загорелась на солнце зубьями хрусталя.

В горах и весна своя: бурная, красивая.

Не видит ничего Сагоног.

- Девка померла... Хорошая была девка!

Сагоног видит её, как живую: вольная, как Катунь, твердая, как скала.

Упрям Сагоног, но дочь еще тверже.

Искал отец женихов богатых, красивых.

- Не хочу. Подай Ассандая.

- А что Ассандай? Бедняк. Ни табунов у него, ничего. Под стать ли Сагоногу такой зять, когда Сагоног своим стадам и счет потерял? Сагоногу не надо чужих богатств, у него хватит на многих, но разве можно брать жениха без калыма?

- Отец! Отдай за Ассандая.

- Ни, не отдам. Ассандай бедный; тебе богатого жениха надо.

- Не хочу богатого.

- Ты девка хорошая. Тебе хороший жених нужен.

- Не пойду за другого.

- Пойдешь.

- Не пойду.

Скучная бродит Алджи. Сагоног прогнал Ассандая.

Алджи идет в поле. Там верный Болдырь пасет коней.

- Я тебе помогу, говорит Болдырь, - ты девка хорошая. Я помогу тебе... Я тебя бы в бабы взял, да ты не хочешь... Помогу я тебе, увезу к Ассандаю. Хочешь?..

- Куда тебе, - говорит Алджи. - Отец и до реки с тобой не отпустит - догонит.

Любит Болдырь Алджи, тоскует вместе с ней, мучается любовью к ней, а сам готов на все, даже Алджи другому отдать, только бы Алджи было хорошо.

- Я помогу тебе, - пристает Болдырь и сам не верит своим словам.

- Я умру, Болдырь, - говорит Алджи.

- Не надо умирать. Жить надо. Жить хорошо. Умирать худо. Страшно. Только старики умирают. Молодым не хорошо. Не надо.

Приезжал жених.

- Язень, - сказал он Сагоногу.

- Язень, - не поднимая головы, ответил Сагоног. - Садись.

Гость сел.

- Зачем приехал? - спросил Сагоног, подавая трубку гостю, - сказал: кури.

Гость затянулся.

- Приехал по делу. Давай девку. Торговаться будем.

- Нельзя.

- Калым большой дам.

- Ни, девки нет.

- Где девка, - спокойно спросил гость.

- Девка померла.

- Померла? Пошто померла?

- Задавилась. На сосне, на веревке задавилась. Совсем померла.

Гость смолк, замолчал и Сагоног. Оба курили.

- Яман, - нашелся сказать гость.

- Яман, - тихо повторил Сагоног и, вынув трубку изо рта, сплюнул на костер.

- Прощай, - поднялся гость, захлопывая полы шубы. - Будем другую девку искать.

- Прощай, - сказал Сагоног и сплюнул на пол.

Сидит Сагоног на пороге юрты. Солнышко греет.

Ребята повылазили из юрт. Колесом ходят по траве. Жизни в них больше, чем в самом солнце.

Уйму нет - брызжет искрами радость.

Насторожились чуткие собаки, вздрогнули.

- Цыц, - крикнул Сагоног, да поздно. Взлетела одна, другая, и понеслись стайей к дороге.

- Русский едет, - увидел Сагоног, и сердце как-то болезненно сжалось.

- Русский едет - худо будет.

Не любит Сагоног, когда русский приезжает. Всегда либо обманет, либо что-нибудь увезет. Русский зря не ездит.

- Уйми собак-от, - долетело до слуха Сагонога, - съедят.

Сагоног не спеша вынул трубку и крикнул собакам:

- Цыц, иди сюда!

Собаки смолкли. К юртам подъехало трое.

- Поп, Иван Степаныч, - узнал Сагоног, сидя на пороге.

Иван Степаныч слез с коня.

- Здорово, Сагоног.

- Язень.

- Не табыш бар?

- Зек, - так же спокойно ответил Сагоног.

Помолчали. Спутники Ивана Степаныча привязали лошадей и сели на бревне у юрты.

- Ничего, говоришь, нового нет? - загадочно спросил Иван Степаныч.

- Зек, - повторил Сагоног.

- Так, так, - повторил Иван Степаныч и лукаво подмигнул спутникам.

- Ничего, говоришь?... А где же твоя дочь, Сагоног?

- Девка помер.

- Так, так... А может, не померла девка-то?

- Девка помер, - спокойно повторил Сагоног, продолжая курить.

- А не ты ли её погубил, Сагоног? - уставился на него Иван Степаныч.

- Девка сам помер. Сам веревка надел. Моя ничего не знает. Моя утром стал - нет девка. Где девка?

А девка помер - висит на веревке.

- Так, так, так, - поддакивал Иван Степанович. - Ловко говоришь... А мы вот с Михаилом Васильевичем, - он указал на одного из спутников - другое знаем.

- Девка сам помер, - твердил Сагоног.

- А вот посмотрим. А ну-ка, Михаил Васильевич, достань-ка, что там у тебя в мешочке есть.

Михаил Васильевич вытащил сверток бумаги и протянул Ивану Степановичу.

- Читай.

- Слушай, Сагоног, что белый царь пишет: «Стало мне известно, что Сагоног погубил свою дочь...»

- Девка сам помер, сам веревка лез.

– Постой, слушай. «Погубил свою дочь и закопал её в лесу, подальше от жилья, чтобы её не найти. А потому Сагонога надо посадить в тюрьму».

– Моя не хочет в тюрьму.

«Посадить в тюрьму и сгноить его там».

– Не хочет моя в тюрьму. Моя ничего не знает. Девка сам помер. Сами в петлю лез.

Сагоног заволновался. Сунул трубку за сапог и встал с порога.

– Моя утром встал, нет девка. Где девка? Нет девка.

– И сгнойт тебя, Сагоног.

– Моя ничего не знает. Моя тюрьма не хочет.

– Слушай дальше, – медленно продолжал Иван Степанович. – Табуны твои распустить.

– Нельзя мой конь трогать, – запротестовал Сагоног. – Мой конь. Нельзя мой конь трогать.

– А богатства, – читал Иван Степанович, – отдать мне, белому царю.

Сагоног с воплем упал на землю, судорожно вырывая траву.

– Нельзя! Моя не хочет! Моя ничего не знает! Помилуй, бачка. Коня подарю, много подарю. Арачка дам, всё дам! Белка, лису дам, не тронь, бачка, не тронь, моя не хочет! Моя ничего не знает!. Девка сам помер, ей Богу, сам! Моя не трогал девку.

Сагоног захлебывался. А Иван Степанович спокойно ждал, что будет дальше. Спутники молча поглядывали на Сагонога.

– Ну, Михаил Васильевич, приступай к делу. Надо Сагонога в тюрьму вести.

Михаил Васильевич достал золотую цепь, надел на себя и громко возгласил:

– Белый царь велел тебя, Сагоног, сгноить в тюрьме, а богатства твои отобрать.

Сагоног заплакал. Старческие слезы скупно лились из глаз. Он не вытирал их.

– Слушай, Сагоног, – ласково сказал Иван Степанович. – Белый царь милостив. Он все может простить. Надо только уметь прощение получить.

– Не надо меня трогать... Мой конь, не надо... – всхлипывал Сагоног.

– Белый царь знает, что ты старый, больной, зла никому не делал, а если дочь и погубил...

– Девка сам помер!

– Так это еще простить можно... Крестись, и белый царь простит тебя...

Сагоног смолк и долго глядел на Ивана Степановича.

– Ну да, крестись, и вся недолга. Крещеному все простится. Хочешь креститься?

– Креститься? – полуспросил Сагоног, плохо представляя, что от него требуют.

– Креститься – мощно.

– Ну вот, давно бы так... Зови всех своих... Крестить будем.

Часа через два на берегу озера собрался весь аул. Тут были и старые, и малые, мужчины и женщины, с любопытством разглядывали разложенные Иваном Степановичем на столе золотые и серебряные вещи.

– Всех этим крестить будешь? – спросил молодой калмык Ивана Степановича, указывая на золоченые вещи.

– Всех...

– Тогда мощно. Крести...

Спускался вечер. Солнце зашло за скалу и вдруг из-за расселины осветило яркой полосой крестящихся.

Иван Степанович, облаченный в золоченую рясу, читал молитву, помахивая кадилом. Спутники подтягивали ему.

Люди стояли молча, спокойно.

В руках Сагонога курилась трубка.

Павел Кучияк

ОКТЯБРЬДЫН ЈЕНҰЗИ

Улгерлер јуунтызынаг алынган:

"Совет Ойроттын ѳзүми" (Новосибирск, 1935. – С. 9–11)

Башкару буржуйларда болды,
 Баштары олардын теенип турды.
 Башкыдан ала белен большевиктер,
 Башкаруны олардон аларга мендеди.

«Бүгүн көдүрилип чыгарга,
 Араай ла эрте болор туру,
 Сонзынга жетире сакыдарга,
 Сондой берери жарт туру».

«Ортозында ла көдүрилип чыгарга,
 Улу Ленин айдып турды.
 Ончо пролетариат белетеп,
 Ол ойди сакыдып турды.
 Ол ойи жууктап клеедерде,
 Отурбай большевиктер белетенди.
 Капиталист-буржуйды чачарга,
 Калапту большевиктер көндүкти.

От калапту большевиктер,
 Революцияны колго алды.
 Онын ийде-кучин корып,
 Ончо телекей кайнап чыкты.
 Октябрьдын улу башчызы,
 Ойгор-Баатыр – деп, айдышты.
 Онын чын ады болзо:
 От калапту Ленини – дешти!

Октябрь революция бүткенине,
 Озодо кыйналгандар сүүндилер.
 Озодо жыргалды сүүгендер,
 Большевиктерле удур тартыштылар.
 Каан калдыгы капиталисттерле,
 Калапту большевиктер жеңиже берди.
 Канду жууга киргенде,
 Кайран бойлорына ачынбай тургулады.

Түнде болзо уйкузы жоктон,
 Түмен актарла тартыжа берди;
 Түште дезе, амыр жоктон,
 Түнетпей актарды чача берди.
 Актарла тартыжып чыгарга,
 Аттар жакшызы жал жастанды...
 Бандиттерди жуулап үзерге,
 Ишмекчи уулдар көп короody...

1922 жыл.

*Никита Иванов-Меджит***К ГОДОВЩИНЕ ОЙРАТСКОЙ ОБЛАСТИ***(Печатается по: Ойратский край. – 1923. – № 2)*

Декрет Центрального Исполнительного Комитета Советов, изданный 1-го июня 1922 года о выделении Ойратских народов в автономную Область, был осуществлен 11-го августа минувшего года.

Получив от Центрального Советского Правительства Автономию – мы год уже просуществовали. За этот краткий период трудящееся население Ойрата если не успело еще осуществить многих задач, стоящих перед ним, если не залечило еще окончательно глубоких ран, нанесенных нам происками контрреволюции, то во всяком случае, сделанную за год работу можно расценивать так, что все, что сделано в период первого года существования Ойратской Автономной Области – обеспечивает культурное и экономическое развитие трудящихся Ойрата.

За год мы укрепили мирную обстановку, которую уже не смогут нарушить наши враги, а это уже гарантирует нам успех в остальных работах. Те, кто слепо шел за Кайгородовым, Бакичем и др. прохвостами из контрреволюционного лагеря – прозрели и увидели, что помогая им, они губят своих братьев-трудящихся. Их искреннее раскаяние советская власть принимает во внимание, но чтобы искупить перед трудовым населением свои поступки, этим лицам надо еще тверже стать на сторону трудового Государства и защищать права трудящихся; только этим они докажут, что причиненное ими зло они постараются исправить.

Итак, в первую годовщину существования Ойратской автономной области труженнику Ойрата над

лежит сказать, что самый трудный путь пройден, тяжелые цепи гнета сняты с мозолистых рук Ойрата, новый путь хотя еще и нелегкий, но он освещен восходящим солнцем братской солидарности трудящихся всего мира.

Надо продолжать твердо, без колебаний идти по этому пути, дабы достигнуть единого царства трудящихся во всем мире, под красным знаменем которого мы увидим и остальных братьев Ойротов, еще не вступивших на путь Социалистического Советского строительства.

Иван Ерошин

СОВЕТЫ МАТЕРИ

(Печатается по: Ерошин И. Песни Алтая. – Новосибирск, 1935. – С. 11-14)

– Элик, на крепкие ноги вставай, –
 Алый блеск на лице твоём,
 Золотятся молнии глаз.
 Милый сын, взглянув на тебя,
 Я припомнила юность свою,
 Проведенную в людях чужих...
 Пусть молодость будет твоя
 Темно-яркой травой весны,
 Серебристою с гор водой...
 Ты послушай горькую быль
 И запомни этот рассказ,
 Как ты помнишь о пище днем
 И об отдыхе в тихую ночь.
 Ничего нет на свете трудней,
 Тяжелей и прискорбней, сын, –
 Быть покорным, забитым рабом,
 Исполнять тирана закон,
 Непосильную дань платить.
 Только вспомню и слезы кипят.
 Холод в сердце проникнет мое,
 Меркнет радости утренний блеск,
 Солнца, счастья доброй земли
 Вдруг не видят мои глаза.
 Едких слез бледно-тусклый туман
 Застилает мой бедный путь...

Замолкла мать. И тихо поднялась
 Ее рука с давно погасшей трубкой
 К кисету с табаком. И видел сын, –
 Она боялась даже постучать,
 Чтоб выбить пепел. Будто слух ее
 Ловил шаги... Печальным сновиденьем
 Вставала перед ней нерадостная юность,
 Прошедшая по темным тропам горя...
 Набивши табаку, рука тянулась
 К костру за углем. Красный глаз огня
 Моргал на трубке. Острый дым
 Клубочками туманными рождался,
 А из клубочков в черном дымоходе,
 Синев, быстро исчезали змеи.
 Молчал и сын. Не все в словах он понял
 Рассказа матери, но музыка речей,
 Рожденная перенесенным горем
 И скорбной нищетой, глубоко западала
 В неопытное, молодое сердце,
 И яростью и гневом там цвела...
 Дымилась трубка... думы старой

Бродили по дорогам тяжелой жизни...
 Казалось сыну: матери глаза
 Кричали в темное пространство,
 И будто звали издали кого-то
 К блистающему, с гребнем серебристым,
 Костру – из камней драгоценных,
 К сердечной, до краев наполненной печалью,
 Мучительной и горестной беседе...
 Метелью звездною клубилась даль.
 А возле юрты рыхлые сугробы
 Легли песцами пышно-голубыми,
 Дымя пушистыми и теплыми хвостами...
 Погасла трубка... старое лицо
 Рассказом новым оживилось...

– Жили, сын, мы на Лебедь-реке,
 Были там конь и корова у нас,
 Был курут* и редко толкан*.
 Но приехал хитрый купец,
 Лунно-бледный огонь привез,
 Острозубый огонь в стекле.
 Твой отец пропил вскоре коня
 И корову пропил купцу.
 Твой отец спит огнем спален.
 От огня твой отец упал...
 За долги после смерти отца
 Отнял травы жадный купец,
 Занял нашу долину он
 И меня, и родных прогнал...
 Часто, сын, приходилось нам
 По весне, как мышам, копать
 Корни трав сараны*, кандыка*...
 Только вспомню, и слезы кипят...
 Бедность, бедность, как тишина...
 Пусть, мой сын, в сердце твоём
 Будет ненависть к прошлому жить!
 Эту ненависть жителей гор
 К черной птице с огромным крылом,
 К черным людям с крестом золотым
 И к жестоким, богатым купцам –
 Передай своим детям, сын!..

Костер бледнел. Пылающая нить
 Печального, глубокого рассказа
 Погасла в сумраке обид.
 А вьюга свой ткала рассказ.
 Порою в черном дымоходе
 Вилась из ясной пышной пены,
 Кипя, серебряная чаша.
 Чадил табак. По звонким красным углям
 Порхали бархатные пятна,
 И синекрылый легкий огонек
 Перебегал с сухим и тонким звуком.

1923 г.

* курут – сыр, * толкан – пицца [жареная ячменная мука], * сарана – луковица дикого таяжного растения, * кандык – корень горного растения.

ЧЕМАЛ – ХРУСТАЛЬНАЯ ВОДА*(Печатается по: Сибирские огни. – 1923. – № 3. – С. 88)*

Бурлит, руками гор отброшен
С верховьев беспредельных рвов,
Ретиво рвущий камни-ношу
О скрытые клыки горбов.

Чемал струит холодный хохот,
И пьют ущелья эха гак, –
Зеленой пеной тают вздохи
На горбоносых берегах.

Взметнули горы-великаны
Хребтов недостижимый ход.
И рев потока, в выси канув,
Растаявший – не дотечет.
А за кудрявым перевалом –
стена зеленого венца; –
Охотник ловит рев маралов
Стрелой певучего свинца.

И в синекаменные дебри,
Земли забыв зыбучий сон, –
Орел, простершись, тает в небе,
Мечами крыльев вознесен.

В ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК*(Печатается по: Власть Советов. – 1924, – № 7. – С.127)*

Вернувшийся из поездки в Ойратскую Автономную область т. Чапчаев, ездивший туда по поручению Президиума ВЦИК, сделал доклад о положении области. Заслушав доклад, Президиум ВЦИК решил оставить область в тех границах, в которых она была установлена первым декретом; сжать аппарат области до размеров уездного, ликвидировав отделы — коммунальный и иностранный и военный комиссариат, передав функции последнего Бийскому уездному военкомату; учитывая весьма тяжелое экономическое положение Ойратской области, Президиум ВЦИК предложил СНК РСФСР ассигновать необходимые средства для содержания в области государственного аппарата; признано необходимым усилить аппарат местными работниками; Ойратскому областному исполкому предложено представить смету кредитования на развитие лесного и пушного промыслов, скотоводства и пчеловодства, поручив ЭКОСО РСФСР рассмотреть эту смету.

*Леонид Потапов***НА КАМЛАНЬИ⁵⁶***(дорожные заметки)**(Печатается по: Алтайский кооператор. – 1924. – № 15. – С. 36–37)*

Из Узнези к Санаваю приехали поздно. Заходящее солнце бросало последние лучи на вершушки гор. Камланье должно было быть по случаю перехода Санава в новую юрту.

Съехались гости. Приехал утку-кам (великий кам) Сапыр Туянин, с вершины реки Куюма. Началось деятельное приготовление. В юрту носили дрова, воду. Кололи для гостей баранов.

Войдя в юрту, я увидел следующую картину: горевший костер освещал лица съехавшихся гостей. Направо, отдельной группой, сидели женщины в своих оригинальных нарядах, и все курили трубки. Налево расположились мужчины, просто одетые, тоже с дымящимися трубками. Среди последних заметно выделялись двое: старик, с чрезвычайно крупными чертами лица и поседевшей большой головой – хозяин юрты, и другой, сидевший на почетном месте, в переднем углу, мужчина средних лет.

⁵⁶ Камланье – религиозный обряд алтайских шаманистов. Шаманизм – вера в духов. Шаман-кам – духовное лицо, жрец.

приличного роста и крепкого телосложения, с симпатичным лицом, на котором было ясно выражено сознание собственного достоинства. Этот последний и был кам. Одет он был так же просто, как и все остальные.

Сев на левую сторону юрты и оставаясь в тени, я мог хорошо наблюдать за всем происходящим. По моему подсчету, всех присутствовавших было человек тридцать. Шел несмолкаемый говор, постоянно слышались: «Не табыш?», «Якши ба?» (Что нового? Как живете?) и неустанно дымились и передавались от одного к другому трубки.

Тут я заметил, что на чарыктыке (деревянные нары, идущие вдоль трех передних стен юрты) лежало приготовленное одеяние кама: маньяк (верхняя одежда) и порук (головной убор). В стороне, над таганом, нагревали бубен.

Когда бубен был достаточно нагрет, кам приступил к обряду. Он надел красивый головной убор, маньяк и, ударив в бубен, запел священные молитвы – заклинания. Медленно и плавно покачиваясь, кам оставался все время на одном месте. Я положительно залюбовался его фигурой, освещенной светом костра. Но вот он, медленно кружась, покачивая высоко поднятой головой, приблизился из переднего угла к двери, учащая при этом удары в бубен. В открытую дверь и дымоход было видно небо с слабо мерцающими звездами. Кам выпрыгнул из юрты. По звуку бубна можно было слышать, как он отдалялся от юрты. Через минуту он снова приблизился, неистово крича и ударяя в бубен. В открытую дверь что-то с шумом влетело и, взвившись кверху, упало у костра. Это был головной убор кама. Вслед за этим показался и кам. Он как будто силился войти в дверь, но его что-то отталкивало. Наконец, с большим усилием, он перешагнул порог и, шатаясь, продолжал камлать около двери. Дверь затворилась. Теперь кам, постепенно стихая, камлал, обратившись лицом к костру, изнеможенный, без шапки, и, наконец, затих.

Сев на землю, оставив в сторону бубен, низко наклонив голову, поддерживая ее рукой, этот здоровый мужчина, утомленный продолжительным экстазом, имел теперь жалкий вид. Он тяжело дышал, отплевывался и стонал, безумно вращая глазами по сторонам. Наконец, придя в себя, он отодвинулся от костра и тут же, не обращая внимания на присутствующих, улегся спать.

Началось угощение гостей, которое продолжалось до утра следующего дня, когда и кам, и гости разъехались по домам.

Тронулись вместе с ними и мы.

УЛГЕРЛЕР ЈУУНТЫЗЫНАН АЛЫНГАН:

(Кепке базылганы айыныча: "Совет Ойроттын бзүми": Новосибирск, 1935. – С. 12–13, 22–25)

Иван Эдоков

СОВЕТТИ КОЛГО АЛГАНЫ

Октябрьдын кызыл маанызы
Ороон советте јайыла берди.
Онон качкан буржуйлар
Айландыра оны курчап келди.
Калчак, Врангель, Деникиндер,
Краснов, Бакич, Юденичтер.
Төрт таладан курчап келди,
Түмен черүзи кайнап чыкты.
Оскө таланыг буржуйлары
Олорго болужын тыгытты.
Каанды ойто тургузып аларга
Кайралын олорго јетирди.
Ороон советтин ичи дезе,
Оодылып калган немедий болды.
Хозяйствозын алар болзо,
Казылып калган јердий болды.
Колкүчтүлөрдиг башчызына
Коммунист партияга баштадып,
Кызыл јалбыштын ортозында
Кызыл черү тазболо берди.
Кызыл черуге башчылар эдин,
Партия члендерин ийин турды.

Болоттый кату жүректүлөрдү
 Бойынан чыгарып берип турды.
 Сталин, Фрунзе, Ворошилов,
 Буденный оңон до өскөзү
 Буржуйларга удурлажарга,
 Кызыл черүни баштай берди.
 Партиянын кычырузыла
 Пролетар уулдары черүге келди.
 Кызыл маанынын алдына туруп,
 Каныгып өштүлөргө удурлажа берди.
 Жуулу жылдар өдүп барды,
 Жаан сорбулар жылыя берди.
 Журт хозяйство өскөлөндү,
 Жаранып өрө өзүп чыкты.
 Калчактын черүзиле согушкан жалаңдарда
 Канча мун совхоз, колхозтор төзөлдү.
 Комбайн, трактор ишке кирди,
 Культура элбеп тынгий берди.
 Врангель черүзиле жуулашкан жерде
 Днепрострой заводтор төзөлдү.
 Бойынын күчи жаан болуп,
 Бастыра телекейде билдирди.
 Деникин бийлеп жерленген жерге
 Жаан фабрик, заводтор тудулды.
 Журт хозяйствоны тынгыдар
 Жазалду машиналар жазады.
 Ороон советтин күчи десе,
 Он беш катап тыгып калды.
 Оодылып, бузылбас бойынын күчин
 Ончо талаларга көргүсти.
 Кызыл черүнин үредү күчи
 Канча катап тыгып келди.
 Качан да жендирбес күчтү болды,
 Капиталисттерден ийделү болды.

1924 жыл.

Павел Кучияк

БАШЧЫБЫСТЫН ЖОГЫНА

Жер-тенери силкингендий
 Улу башчыбыс уйуктады.
 Агаш-таштар кодорылгандый
 Телекейге ончо торгылды.
 Жаба баскан көрүктый
 Башчыбыс калганчызын тынды...
 Артып калган партияс
 Бажын эгилтип ушкурди...
 Акту күчиле жаткандардын
 Көзинин ичине жаш тоолонды.
 Башчыбыстын өштүлөри
 Чырайлары жаркындалды:
 «Большевик болгон Ленин -
 Бажы жерге көмүлди!
 Узатпай туруп бис эмди
 Барып аайын көрөли!» - дешти.
 «Он жети жылда өчүбисти
 Ойто алар болорыбыс па?
 Коммунисттерди айса болзо,

Колго тудар болорыбыс па?» – дешти.
 Коолодо кожондоп турдылар,
 Бойларына жобот болорын билбедилер.
 Коркондодо желип турдылар,
 Колын сунуп болбозын ондободылар.
 Башчыбыстын уйуктаганына
 Большевиктер жагыс ла үшкүрген...
 Баштап салган улу керегин
 Ончозы келип туткылаган.
 Эңчейип жерге тийгелекте
 Эки артык бийик көдүрдилер.
 Кодорылып жерге түшкелекте
 Корым таштан бек эттилер!
 Күнге күйбес күлөр таштый
 Мөңкүлик партияс тура берди.
 Сормо буржуйды жок эдетен
 Совет башкару тынгый берди.
 Тенгеринин күкүртиндий
 Фабрика, заводтор огыра берди.
 Тендей туруп, үн алыжып,
 Маска төөжи шынкылдай берди.
 Кара жыландый өштүлөр
 Карагуй санаазына ижендилер.
 «Кабырузы жок мал калды,
 Айдап алза кайдар?» – дешти.
 «Башчызы жок жон артты,
 Бактырып алза кайдар» – дешти.
 «Ударга болбос!» – деп,
 Ыраагынан келип көрдилер.
 Ыда бажын көрөр болзо,
 Ылан өтпөс жыш аралдый.
 Үлдү мизин көрөр болзо,
 Изүге кайылбас тош мөңкүдий.
 Оны көргөн өштүлөрдүн
 Эдинин соогы жайыла берди.
 Аттын оозын ойто тартып,
 Күүни чөкөп, жанып ийди.
 Башчыбыстын жакылтазын
 Большевиктер бүдүрө берди.
 Партиянын улу адын
 Бар күчиле чеберлей берди.
 «Онго», «солго» жай бердирбей
 Жагыс тазылга өзө берди.
 От меелейлү чын башчыбыс
 Нөкөр Сталин баштай берди.
 Буржуй калдыгын базатан,
 Пролетар диктатуразы тыгыды.
 Бузуп, айра тартып болбос,
 Ишмекчи, крестьян бирикти.

1924 жыл.

Георгий Вяткин

АЛТЫН-КОО

(Из Алтайских сказаний)

(Печатается по: Сибирские огни. – 1925. – №1. – С. 136)

Ходил по Алтаю Алтын-Коо,
 Радовал песней людей.

Теперь не знать такого
 Никому, никогда, нигде.
 Были так звонки и властны, и сладки
 Волшебные песни кайчи,
 Что даже в смертельной схватке
 Бойцы опускали мечи.
 И слушали, слушали Коо...
 От песен Коо стихали грозы,
 Редел полуночный мрак.
 А на камнях вырастали розы,
 А на песке— мак.
 И слушали, слушали Коо...
 Только Смерть, бродя по аулам,
 Не хотела слушать кайчи,—
 Пришла, навалилась, огнем дохнула,
 Сказала: «Молчи!».
 И умер Коо— баян Алтая.
 Но Слава вступила со Смертью в бой,
 И песня о Коо гремит, не смолкая,
 Звенит золотою трубой.
 И каждой весной, как память о Коо,
 Расцветают розы и мак,
 И молодость снова к бою готова,
 Как натянутый лук— саадак.
 Куда тебе, Смерть, бороться с Жизнью,
 Когда над могилой певца
 Каждое сердце готово брызнуть
 Песнями— без конца!

Порфирий Казанский

ЧЕМАЛ - АЛТАЙСКАЯ ЯЛТА
(Печатается по: Сибирь. - 1925. - №3. - С. 11 -13)

Чемал - важнейший климатический курорт Алтая. Добраться до него, с сибирской точки зрения, нетрудно.

Чемал привлекает здоровых поразительной красотой природы и интересными экскурсиями. Больных - чистейшим, насыщенным хвойными ароматами, горным воздухом. Каждое лето приезжают сюда из Западного Алтая киргизы с кобылицами и снабжают курортников кумысом; но то ли кумысники не особенно искусны, то ли буйные горные травы меняют качество молока, но во всяком случае чемальский кумыс нельзя назвать первосортным. Разумеется, это все-таки кумыс, и пьют его здесь много; но главнейшим целебным средством остается воздух. Отсюда и меткое название, данное курортникам приалтайским и алтайским крестьянством: «воздушники».

В Чемал посылают врачи и едут сами, в надежде на поправку, малокровные, переутомленные, нервно-больные, слабогрудые и чахоточные на всех стадиях болезни. Относительно последних, однако, надо сказать определенно, что климат Чемала, типично горный, с частыми резкими переменами погоды, с обильными бурными дождями, хотя и не оставляющими грязи на почве, подслоенной катунской галькой, но все же насыщающими воздух влагой, - отнюдь нельзя назвать самым подходящим для чахоточных с сильно развитой болезнью. Такие частенько простужаются сырыми утрами или вечерами, и их болезнь еще обостряется. Не одна могила приезжих курортников приютилась на скромном чемальском кладбище.

По отношению к переутомленным и нервно-больным необходимо тоже предупреждение: те из них, которым, по мнению врачей, нужен полный покой с возможным максимумом комфорта, едва ли найдут его в достаточно еще примитивных условиях чемальской курортной жизни.

Но для людей просто усталых, малокровных, нуждающихся в солнце, воздухе и отдыхе, для слабогрудых и туберкулезных в первой стадии болезни Чемал и окрестные села должны быть рекомендованы как незаменимое курортное место.

Любимое место «воздушников» - Бешпек.

Отлогий и невысокий в стороне от Катуня, Бешпек, ближе к ней, поднимается выше и круче, стано-

вится скалистым и кончается нависшим над Катунью диким хаосом скал и камней, заросшим кустами маральника (алтайского рододендрона). Это «Чертова горка». Сюда ходят сравнительно немногие, больше из молодежи, которую ни утомление, ни болезнь не могут удержать от лазания по скалам и кустам.

Большая же часть курортников ежедневно гуляет в бору, покрывающем Бешпек за исключением Чертовой горки. Бор сравнительно благоустроен, прорезан аллеями, главная из которых, разумеется, носит название «Аллеи любви».

Противоположный склон Бешпека гораздо круче; на нем выступают скалы, и весь он навис над буйным темно-синим Чемалом, вырвавшимся из долины, из-под «Верблюда» и впадающим в Катунь как раз при входе её в прорыв – ущелье между Чертовой горкой и за-катунской частью Бешпека.

Бурлит на камнях ультрамариновый, до дна прозрачный в самых глубоких местах, Чемал и между изгрызенными водой скалами влетает в Катунь, ярко отличаясь темно-синей водой от её зеленоватой, вспененной на камнях, струи.

Между сопками много морщин, горных щелей, в которых кое-где пробиваются ничтожные ключики, уходящие в землю. Из таких боковых щелей открываются иной раз неожиданно-эффективные виды.

От самого Чемала по одной из морщинок между сопками начинается подъем на «Крестовую гору».

Первый крутой подъем приводит на довольно ровную террасу, поросшую бором, испещренную цветами.

Второй подъем, гораздо значительнее, настолько крут, что тропа идет зигзагами, колесит по закрытой долинке между старыми соснами.

Этот второй подъем приводит на вершину передового хребта, за которым поднимается второй, гораздо более высокий.

Перейдя по горной перемычке на склоны этого второго хребта, вы поднимаетесь постепенно среди роскошных трав, разросшихся под редкими лиственницами, сменившими сосны. В затененных местах на скалах травы сменяются блестящими кожистыми розетками бадана.

С каждым шагом вверх шире и шире разворачивается панорама. Прикатунские хребты, образующие пейзаж внизу, уходят вглубь, и из-за них поднимают головы новые, все более высокие вершины.

Тропа делается круче и круче. И, наконец, последним крутым подъемом между редкими, пощипанными ветром и морозом, лиственницами вы выходите на вершину. Площадка вершины так мала, что по ней можно сделать всего два-три десятка шагов; гигантским отвесным обрывом нависла она над долиной речки Чемала.

Глубоко внизу ничтожным сором рассыпались постройки Чемала, двумя тонкими ленточками идут навстречу друг другу Катунь и Чемал.

На северо-востоке встает грузная, отсюда усеченная, масса Адыгана. На востоке ровный, длинный, слегка выгнутый хребет Каракольского белка, кое-где сверкающий пятнами снега. Юго-восток, за громадными застывшими волнами передовых лесистых хребтов, замыкается линией разнообразных, тоже пестреющих пятнами снега, вершин Куминских белков.

На юго-западе, далеко за Катунской долиной, маячат снежные пятна Семинских белков. А прямо на юге почти прямой коридор Катунской долины замыкается в страшной дали отрезком ровной, точно отвесной, стены Теректинского хребта.

Можно перечислить хребты и белки, но как передать то разнообразие красок, насыщающее камень, и леса, и снега, и воды, смягченное голубым флером дали? Как передать тот бескрайний простор, который разворачивается перед глазами?

Более далекие экскурсии, хотя тоже доступные для неизбалованного удобствами пешехода, все же чаще делаются верхом.

Алтайские лошади смирны, выносливы и великие мастера ходить по горным тропам и бродить через бурные горные речки. Там, где не привычного к кручам седока берет жуть, лучше всего просто переставать править и всецело полагаться на лошадь.

Ездят вниз по Катунь, по другому её берегу, за устье Семы, к небольшому, но изящному водопаду Камышла. Ездят вверх по Катунь верст за 60, к эффектному, шумящим в узкой горной щели, каскадам Бельтыр-Тоек и к грозному катунскому порогу Тельдекпень. Тут Катунь, река обычно шириной 50-100 сажен, сжимается несколькими скалами, оставляющими всего 10-саженный коридор, и мчится с бешеной быстротой.

Когда-то, говорит предание, на этом месте могучий богатырь Сартакпай со своим сыном строили мост через Катунь. Но на такой подвиг и Сартакпайевой силы было мало; и дали богатыри обет доброму богу Ульгеню: обещали не сквернить ни тела, ни души, пока не кончат моста.

Хорошо подвигалась постройка, недалеко уже было и до конца. Да заснул утомленный старик, а сын загляделся на красивую девушку в соседнем аиле и, оставшись без отцовского надзора... осквернился.

И рухнул богатырский мост. И развалины его образовали страшный порог Тельдекпень.

Чаще всего ездят воздушники на озеро Каракол.

Дорога туда идет от Эликманара, вверх по речке того же имени, то по широким луговинам, то по карнизам «бомам» в узких ущельях, где Эликманар бешено скачет с камня на камень. Пройдя несколько небольших зеселков, тропа (колесной дороги здесь нет), много раз пересекая речку, уходит в долину притока Эликманара - Каракола, потом в долину меньшего притока Туры. Высоко взвивается тропа над Турой и, сделавши несколько головоломных петель вверх по крутому склону, идет горными полянами между вековым кедровником.

На каждом шагу журчат под ногами невидимые в буйной траве ключики. Никогда не просыхает жирная черная почва между покрытыми мхом и травами камнями. Громадные «пучки» и бесконечное множество других высоких трав растут так буйно и радостно, что еле видны между ними головы всадников.

Постепенно эти горные луговины втягиваются в гигантскую подкову гор. И вдруг между ветвями кедров проглядывает зеркальная гладь горного озера.

Озеро Каракол невелико: с версту в длину, с полверсты в ширину. Но со своей кристально-прозрачной водой, оправленное в мшистые камни, вековые кедры и в подкову высящихся над ними гор с полосами и пятнами снега, оно неизгладимо запечатлевается в памяти.

Стоит взобраться среди ужасающего бурелома на одну из сторон горной подковы, в которую заключено озеро.

Сажень на сто над озером лежит предел леса. Пояс чудных, крупных и ярких цветов; пояс густейшего ерника - полярной березки, вышиной по колено, но так сплетшегося, что продраться сквозь него невозможно и остается шагать по нему, как по пружинному матрацу, не касаясь земли. И вот вы на обширной каменистой гриве, с полянами зернистого снега, с широчайшими видами на две стороны.

Озеро Каракол лежит перед вами, как на карте. Это не одно озеро, это пять или шесть озер и озерков, соединенных каскадами речки Туры, протекающей через них. Первый же взгляд сверху не оставляет ни малейшего сомнения в том, что долина Туры запружена в нескольких местах. И, вспомнив хаос камней, образующих эту запруду и поросших теперь вековыми кедрами, вспомнив, что вы не видели среди этого хаоса внизу ни одной цельной, уходящей основанием вглубь скалы, вы сразу же догадаетесь, что находитесь перед поразительно живой картиной работы древнего ледника, когда-то заполнявшего горную подкову, пять раз укорачивавшегося и оставившего после себя пять последовательных плотин-морен.

Озеро Каракол, среднее из этой цепи озер и самое большое, помимо своей красоты, является, таким образом, местом очень ценным в научном отношении, как один из самых очевидных памятников ледниковой эпохи.

За последние годы озеро посетила экскурсия учащихся Барнаульской школы III Интернационала, которая сняла подробный план озер и вообще произвела обследование этого уголка Алтая под руководством своих преподавателей.

Надо думать, что в дальнейшем посещение Каракола станет одной из любимых экскурсий для учащихся. И следовало бы сохранить этот памятник природы, объявив его заповедником. Своевременность этой меры доказывают признаки «культурного» вандализма, бросившегося мне в глаза на берегу Каракола: как раз там, где тропа подходит к озеру, где приезжий турист получает первое и сильнейшее впечатление от его красоты, стесан чуть не до половины ствол громадного кедра, и царственное дерево гибнет. Зато на смертельном для дерева затесе красуются... ярко написанные красками фамилии двух или трех барнаульских художников.

Каракол заслуживает того, чтобы его оградить от подобных проявлений варварства и, тем более, конечно, - от прозаической эксплуатации этого девственного уголка.

Единственно, что подчас отвращает пребывание в Чемале (не считая, конечно, недостатка комфорта), это то, что местное население успело уже проникнуться тем специфическим духом, каким отличается вообще население мест, излюбленных туристами: духом дорого оплачиваемой услужливости.

Разумеется, в Чемале этот дух курортного эксплуататорства еще только в зародыше, но с вас не упустят случая взять лишку за кринку молока, за курицу, за каждую подачу лошади.

Но всё же неприятный налет успел образоваться. В других селах района, менее излюбленных «воздушниками», этот налет менее заметен. Но и здесь готовы пощеголять, показать свое соприкосновение с городской культурной публикой.

Разумеется, если принять во внимание всю первобытность чемальского обитателя, чуть только прикрытую сверху корочкой «образованности», легко понять, что без курьезов здесь не обходится.

В виде примера приведу одно, в своем роде очень яркое впечатление.

Полуобрусевший алтайский дом в Узнези, в котором я провел несколько дней, очень чистенький и приветливый, щеголял, между прочим, изобилием комнатных цветов, сплошь посаженных, очевидно, в специально приобретенные, эмалированные посудыны с ручками, самого определенного назначения.

Хозяйка моя исправно курила длинную, монгольского образца, трубку, что не мешало ей иметь в то же время расшитый стеклярусом редикюль.

Надо думать, что начинающееся теперь движение на Алтай «воздушников» совсем нового, невиданного образца, ученических и рабочих экскурсий, рабочих-курортников постепенно перевоспитает чемальцев и выкурит из них дух лакейства и эксплуататорства, приправленного внешней наивно-пошловатой «образованностью».

По отношению к алтайцам – народу, в общем, глубоко симпатичному, такое перевоспитание можно будет только горячо приветствовать

С. Журавлев

ЧУЙСКИЙ ТРАКТ

(Печатается по: Сибирь. – 1925. – №4. – С. 10–12)

Наша Сибирь чрезвычайно бедна путями сообщения. Железных дорог в ней проложено почти в 20 раз меньше, чем в остальной Европейской части Республики, и потому, в общем грузообороте Сибири, весьма значительную роль играют колесные гужевые дороги.

Важнейшей из такого рода дорог является Чуйский тракт, связывающий Западную Сибирь с Монголией.

Чуйский тракт в колесную дорогу был превращен из вьючной тропы, по которой русские купцы стремились завязать свои торговые отношения с китайцами. По мере развития грузооборота существовавшая в то время тропа уже перестала удовлетворять требованиям торговли, и со второй половины XIX века тропа была постепенно перестроена в колесную дорогу.

Насколько нужна в более или менее сносной колесной дороге была велика, показывает тот факт, что помимо усилий государственной власти, отдельные предприимчивые крестьяне (Чернов, Ощепков, Болотнов) около 1902 года по собственной инициативе разработали некоторые труднопроходимые места тракта и тем самым способствовали облегчению по нему проезда.

В настоящем своем виде Чуйский тракт, имея общее протяжение 517 верст, берет начало от г. Бийска. В начале тракт идет слегка холмистой местностью, в 16 вер. от Бийска пересекает паромом многоводную и спокойную в нижнем течении реку Катунь и на 50-й версте входит в предгорья Алтая.

Начиная от села Старая Белокуриха, близ которого расположен курорт того же названия, тракт проходит предгорья Алтая, следуя живописной долиной речки Сарасы, под неумолчный шум этой горной речки.

Типично горный характер тракт приобретает, начиная от д. В. Комар (116 вер.), где приходится брать первый, сравнительно легкий перевал – Комаринский – тянущийся на 4 версты. В этом месте тракт уже поднимается на 920 метров над уровнем моря и находится выше Бийска на 715 метров.

Далее тракт, идя всё время долиной горной речки Семы, на 190 версте встречает весьма высокий Семинский перевал, поднимающийся на 1680 метров над уровнем моря, а вслед за ним перевал «Каменное седло». Подъем на Семинский перевал идет на протяжении 8 верст по красивой лесистой местности и довольно затруднителен для лошадей.

Перевалив «Каменное седло», тракт, долинами речек Кеньги и Урсул, подходит к большому селу Онгудай, расположенному почти на середине протяжения всего тракта.

Первая часть Чуйского тракта – Бийск-Онгудай – является наиболее населенной его частью, с раскинутыми большими и богатыми селами и деревнями: Катунское, Смоленское, Алтайское, Сараса, Черга и Шебалино. Население здесь занимается земледелием, пчеловодством, торговлей и извозом по Чуйскому тракту, а ближе к Онгудая преобладающее влияние начинает приобретать скотоводство и охота.

С Онгудая и дальше на Кош-Агач тракт резко отличается от своей первой части. Население становится очень редким, и начинают попадаться кочевья алтайцев, живущих в конических аидах, крытых корой лиственницы. От Онгудая тракт долинами рек Урсул и Ильгумень подходит к чрезвычайно трудному перевалу Чике-Таман, поднимающемуся на 1345 метров над уровнем моря. Подъем по нему весьма тяжелый и совершается 21 петлей с очень крутыми поворотами; спуск с Чике-Тамана идет такими же 12 петлями. С вершины перевала открывается обширный вид на долину р. Бол. Улегом и на окаймляющие ее хребты.

После Чике-Тамана, в 20 верстах от него, тракт подходит к реке Катунь. В этом месте Катунь уже

имеет горный характер и с большим шумом и скоростью несет свои изумрудные воды. Вследствие чрезвычайно пересеченной местности тракт, на протяжении 22 верст, три раза переходит паромами с одного берега Катуня на другой, а затем путник должен пробираться дорогой, пролегающей в «бомах» - отвесных скалах, круто обрывающихся в реку.

При прохождении тракта вдоль реки Катуня встречаются бомы: Куйташ, гора Тело (с Чортовым мостом), Бичикту-Кая (Писаная гора) и Ер-Бом. На 334 версте от Бийска тракт делает поворот в долину реки Чуи, второй крупной горной реки, на которой расположено наибольшее количество «бомов».

Пройдя сначала небольшие бомы Кызыл-Одуру и Мининский, тракт последовательно проходит тяжелые бомы: Серпек, Белый, Длинный и Висячий камень. Бомы эти расположены один за другим на перегоне Иодро-Айгулак, являющемся самым красивым местом Чуйского тракта.

Все Чуйские бомы наиболее трудны для проезда. На некоторых из них, как и на Чике-Тамане, тракт идет петлями; все они имеют крутые подъемы, а на части их, из-за долгого отсутствия ремонта, на полотне тракта образовались выступающие камни, в сильной степени затрудняющие проезд.

За Айгулаком бомов уже нет, и наиболее трудная часть пути окончена, т.к. дорога дальше пролегает широкими степными террасами (Курайская степь) с подъемами лишь на Аржаную гору и Красную, за которой открывается Чуйская степь до Кош-Агача (517 в.), находящегося в 63 верст. от границы.

II

Помимо местного значения Чуйского тракта, проходящего по району, богатому хлебом, а в более южной части - скотом и отчасти пушниной, и связывающего с железной дорогой территорию около 48.000 кв. клм. с населением в 178.000 чел., Чуйский тракт имеет значение и государственное, в качестве единственного пути, связывающего Сибирь с Монголией, располагающей крупными запасами сырья.

Со времени окончания переустройства Чуйского тракта из вьючной тропы в колесный путь (1901-1902 г.) торговые обороты с Монголией из года в год повышались и с 1335000 руб. в 1901 г. достигли в 1911 г. почти 5000000 руб.

Главными предметами ввоза в Республику являются шерсть, кожсырьё и живой скот, а в довоенное время - сурок; вывоз состоит из хлеба, мануфактуры, галантерей, железа и выделанных кож.

За годы войны транзитная торговля по Чуйскому тракту сошла почти на-нет и только за три последние года начала оживать, причем рост торговли идет весьма быстрым темпом. В 1923 г. ввезено в Россию шерсти 8000 пуд., крупного и мелкого скота - 5000 голов, а в 1924 г. шерсти - 20.000 пуд., кожсырья и сурка - 100 пуд. и крупного и мелкого скота - 17.500 голов.

За тот же год нами вывезено в Монголию около 50.000 пуд. груза.

Годы войны, отразившиеся на транзитной торговле по Чуйскому тракту, не прошли бесследно и для состояния его полотна. Тракт пришел в значительный упадок, мосты находились в полуразрушенном состоянии, паромы через р. Катунь, в горной её части, были разрушены во время гражданской войны, полотно тракта стало неудобно для езды. Разрушились и оградительные сооружения, предохраняющие проезжающих от падения в бурные горные реки.

Такое состояние тракта, а с другой стороны, развивающаяся торговля с Монголией, заставили приступить с 1923 г. к его ремонту, на который из года в год отпускаются всё большие и большие суммы.

В первый год ремонтных работ на Чуйском тракте были восстановлены все разрушенные мосты на первом предгорном участке, вновь оснащены три паромы через р. Катунь в её горной части, без чего был бы полный перерыв движения. Мосты строятся с расчетом пропуска по ним автомобилей, т.к. развивающийся грузооборот по тракту и стремление к интенсивной торговле с Монголией требуют скорейшего перехода на автодвижение.

Всего за 23 год было выстроено около 234 пог. метров новых мостов солидной конструкции и такое же количество отремонтировано старых.

Увеличение кредитов в 24 году позволило уже значительно шире развернуть работу, которая, главным образом, производилась в той части тракта, где проезд был особенно труден.

Работы велись по дальнейшему строительству новых мостов и, параллельно, начаты были работы по улучшению полотна тракта, причем впервые за последние десять лет были организованы взрывные работы.

Всего в прошлом году было выстроено новых мостов около 400 пог. метров, а для улучшения полотна тракта и создания условий для удобного и безопасного проезда было сделано 15.000 куб. метров земляных работ, а в нескольких местах тракта устроены защитные барьеры, подпорные стенки, поставлены оградительные столбики.

Все, кому приходится в настоящее время пользоваться Чуйским трактом, отмечают, что произведенными работами в ряде мест тракт значительно улучшен, но надо признать, что достигнутые улучшения составляют только начало предстоящих в дальнейшем работ.

Далеко не будут исчерпаны все необходимые на тракте работы и кредитами текущего года, хотя и

создадут серьезное улучшение тракта.

Для полного улучшения и приспособления под автомобильное движение Чуйского тракта предварительная программа исчисляет стоимость работ в 2.000.000 руб., что в некоторой степени дает возможность судить о значительности предстоящих еще задач.

Но, несмотря на все предстоящие затруднения, ежегодно возрастающий отпуск денежных средств и все более и более увеличивающееся внимание Правительства к этому вопросу позволяет надеяться, что через несколько лет Чуйский тракт, из трудно проходимой колесной дороги, будет превращен в автомобильный путь, отвечающий требованиям современной техники дорожного дела.

Вениамин Вегман

КАК ГИБНУТ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

(Печатается по: Советская Сибирь. – 1925. – № 122)

Сибирь никогда не была богата культурными ценностями. Обидно, поэтому, если Сибирь растеряла и по сию пору продолжает терять то небольшое, что имела.

За годы революции и гражданской войны разграблены и расхищены в Сибири, особенно в западной ее части, многочисленные ценные архивы. Но то были годы «бури и натиска». За всем уследить нельзя было. Куда обиднее, когда и в последнее время, хотя жизнь уже наладилась, продолжают гибнуть целые архивные фонды, вследствие небрежного обращения с ними и вследствие малого внимания, которое уделяют этим ценностям некоторые административные органы. Как часто узнаешь, что то или иное учреждение продало свой архив на оберточную бумагу. Продают, хотя это законом строго воспрещается. Продают по неведению, благо надзор слаб и за всем уследить нет возможности. Скупаются порой на гроши, чтобы нанять сторожа, а воры мешками расхищают ценные архивы и вырывают, таким образом, из истории Сибири целые страницы. Кто восстановит эти страницы?

Гибнут не только архивы

Еще в 1918 году томским наробразом была оборудована солидная картинная галерея из реквизированных картин. Это были, главным образом, картины сибирских художников. Среди картин имелись некоторые работы алтайского художника Гуркина. Захватив власть, белые разграбили эту галерею. Кое-что, однако, уцелело. Эти уцелевшие картины украшали стены «Дома Науки», в котором с нашим приходом разместилась одна красноармейская часть. В 1921 или в 1922 году эту часть перевели в другой город. Переезжая, эта часть забрала с собой все картины. Попутно эта часть увезла с собой и библиотеку «Дома Науки». Можно найти оправдание тому факту, что красноармейская часть присвоила себе библиотеку, хотя в этой библиотеке имелись и такие книги (между прочим много французских и на других иностранных языках), которые среди красноармейцев не найдут читателя. Но совершенно непонятно, в силу каких соображений эта часть забрала с собой и картины. По своему характеру эти картины совершенно не подходят для красноармейского общежития, этим картинам место в какой-нибудь галерее, где бы они могли обслуживать широкие слои населения.

По поводу этих картин пишущий эти строки неоднократно вел беседу в Пуокре*. Там обещали принять меры, обещали вернуть картины. Но только этими обещаниями и ограничились. Пусть эти немногие строки молча напомнят Пуокру, что не мешает спасти картины. Пусть они напомнят также о том, что не мешает, наконец, выполнить и другие обещания, а именно: – разыскать в архиве 5-ой армии переписку Ленина с Реввоенсоветом этой же армии <...>

Гибнут и расхищаются не только архивы, картины и библиотеки, но и музеи.

В 1918 году умер в Барнауле истинный сибиревед, Николай Гуляев. Крепко нуждаясь, он незадолго до своей смерти продал за какие-то всего 45.000 рублей колчаковских библиотеку и музей, представлявшие большую ценность по богатству редкими экземплярами. Библиотеку и музей выкупил какой-то меценат для Ойротии, увез их в Улалу, чтобы заложить национальный культурный фонд.

Кто бы мог что-нибудь возразить против такого благородного намерения? Никто. Но беда в том, что во всей Ойротии не нашлось подходящего помещения ни для библиотеки, ни для музея. И библиотека, и музей, находясь в положении беспризорных, перевозились кем-то без всякой описи. Из села к селу они подвергались всевозможным хищениям. Установлено, например, что профессор Добрынин увез с собой в Москву, где он получил кафедру, около 80 книг. Немало ценных книг застряло в других частных руках. А что библиотека и музей представляли собой большую научную ценность, видно из того, что их дотоле хотела приобрести российская Академия Наук.

Какие шаги, интересно знать, предпримет Сибнаробраз?

* ПУОКР – Политическое управление военного округа – ред.

В ГОРНОЙ ЗАИМКЕ

(Печатается по: Сибирские огни. – 1925. – № 6. – С. 81)

На столе чегень и медовое пиво,
 А улыбка хозяина кровавый мед.
 Поживи у нас, погости, красивая,
 У горных вод, у таежных высот.
 У нас, среди расщелин, огни закатов
 Хмельней, чем вино в московских краях,
 Мглою скал надвинулись скаты
 И спят облака на снежных белках.
 В бельниках пропасть сладких ягод,
 Шишками в черни наряжен кедрач.
 Всех позабудешь, привыкнешь за год,
 Дождь весенний – девичий плач.
 Вижу, не шутит. Не вечной ли гостьей
 Мне пропадать на заимке твоей?
 Там, у аила, кресты на погосте
 Чуждой и тесной ограды милей.
 Здесь, кругом, ни жилья, ни света.
 Знать, и ямщик мой уехал теперь...
 Душно в тесной запертой клетке...
 Стены и жуть... Застонала дверь...
 Падал туман, и косая татарка,
 Стройная, легче тумана, вошла.
 Путаясь в речи бессвязной и жаркой,
 Острый нож на память дала.
 Там за стеною пили и пели;
 Нас же прохладою встретила ночь,
 Бились копыта. Бились, звенели...
 Конь уносил от заимки прочь.
 Реки и камни... ночная дорога.
 Трепет сердца и жизнь моя...
 Словно цветы у осеннего лога
 Радости жалит тоска-змея.
 Конь не выдал, вытоптал дали,
 Видел ли кто, как неслись в ночи?
 Ветры гудели, сучья качались,
 Звезды играли... Сумей, доскачи!...
 Пусть я не верю дурному глазу,
 Снова готовлюсь в далекий путь.
 Но оседлаю коня... и сразу
 Вспомню заимку, коня и жуть.

АЛТАЙДЫҢ ЈЕРИНЕ ЈЕРАПЛАН УЧКАНЫ

(Кепке базылганы айынча: Кызыл Ойрот. – 1925. – № 50)

Алтайак Толтоков

Айылда отурган алтайлар
 Айлыгардан чыгыгар.
 Ак-айастың түбинде јераплан
 Айланганын көрүгер!
 Көк булуттын үстинде
 Учуп јүрген јераплан.
 Көөркий алтай јерине
 Көрүнип келген јераплан.
 Көк айастың түбинен
 Көрүнип келер јераплан.

Көк чечектү алтайга
 Конып түшкен жераплан.
 Куш канатту жераплан
 Көрүп барды Чемалды.
 Көөркий алтай албаты
 Көрүп туруп кайкады.
 Ак аястын түбинен
 Агарып учкан жераплан.
 Көрбөгөнди көргүскен
 Көк канатту жераплан.
 Көрбөгөнди көргүскен
 Совет жанга мак болзын!
 Мак сөзисти жетирген
 Жерапланга мак болзын!
 Алтайлары үренер,
 Авиахимге бичидер,
 Жерапланды учурып,
 Бичиктен көрүп билерер.

Мирон Мундус-Эдоков

ЈУУ

Текст бичиктен алынган:

*"Жазы жаан улустын бичиги баштапкы үренер бичиктин кийинде
 (книга для взрослых после букваря"
 (Сост. Тозыяков А. В. и Мундус-Эдоков М. В. – Улалу, 1925. – С. 33–34)*

Кайран Алтайга чак түшти,
 Калактап албаты онтоп ыйлады.
 Карарып булут жуулгандый,
 Канду черү түймешти.
 Түймеен-шакпырт көптөй берди,
 Түбин сананбас кара албаты,
 Түлкүдий бийлерге энилтти.
 Түбектү албан жонго келди.
 Ака жакшы эр жең жастанды.
 Акта жакшы ат жал жастанды.
 Айгырлу малы айдуга барды,
 Айлы- журтты сооп калды.
 Жуудан өлгөн эрдин сөөгин,
 Жуулып кускун чокуды.
 Жууга минген ат өлгөнүн,
 Жутпа бөрү челдеди.
 Өлгөннүн каны көп төгүлди,
 Өскүс жабыс арбыдай берди.
 Өскөн төрөл жерин таштап,
 Өскө жерге тенип басты.
 Айылда арткан балдары,
 Адаларын сакып кунукты.
 Аймактаг алган эш үйлери,
 Алгандарын сакып чөкөди.
 Алтайдан бускаланды кем чыгарды?
 Албатынын канын кем төкти?
 Арткан өскүсти кем ыйлатты?
 Айгырлу малын кем айдады?
 Ачап буржуйдын меке сүмези!
 Алтын жеңзеелү бийлердин кылыгы,
 Онойып унадап ыйларын билбей
 Алтайдын ойроды мекеге кирди.

1925 жыл.

ОЙРОТТОР КИЧЕЕГЕР

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. - 1925. - № 55)

Ойрот деп адалганы,
Ойын-кокур эмес.
Ойлу улустар сананыгар,
Ойлу сагышка кийдиригер!
 Өрө турган ак жарык
 Ургүлји турган ок бойы.
 Өрө адаткан ол Ойрот
 Ургүлји турар ол бойы.
Ойрот деп адыбыс
Ойлу жакшы болзын деп,
Ойрот укту албаты
Оны жакшы кичеегер.
 Жаркын болгон адыбыс
 Жарыткыш болуп ол тургай.
 Жакшылыкту Ойродыбыс
 Жарамыкту ол тургай.
Уктан алган адыбыс
Уктан укка ол тургай.
Укталып келген өбөкөбис
Укталганча ол тургай!
 Агаш тазылы таркагандый
 Акту Орооныбыс тарказын.
 Агаш бажы бүрленгендий
 Акту Ойродыбыс көптөзин!
Ойрот адыбыс тыгыдып,
Ончобыс бир бололы.
Ончо ишти тыгыдып,
Ончобыс күч салалы!
 Көзи жок албатынын
 Көзин жарыдарга кичеейли!
 Көкси ойлулар кичеенип,
 Көдүрө бир аай болужыгар.
Ургүлји карачкыда отургандарды
Өрө тартып аларга.
Өрө тургандар кичееп,
Өрө тартып алыгар.
 Ончо албатыга тендежип,
 Ончоны билгедий болзын.
 Ойрот ады адалып,
 Ончо жерге угулзын!
Бир биригишкен журттарла
Бир темге ол турзын.
Биригижип турган албатыларла
Бир ишке ол отурзын.

Николай Добычин-Алтайский

ИТ-КАРА

(Печатается по: Октябрь. - 1926. - № 3. - С. 41-60)

I

Когда бараны стали клочьями терять свою шерсть, тогда старая мать первый раз сказала пятнадцатилетней Чилтыс:

- Дочь, твои глаза ясны, как звезды, брови и волосы черны, как перья ворона, твоя одежда и украшения стоят две лошади и десять баранов. Чилтыс, ты красивее всех девушек в Катунской долине. Тебе

сегодня исполнилось пятнадцать лет. Берегись молодых джигитов, не кажи им своих глаз и бровей.

А отец, самый богатый человек в Катунской долине, добавил:

– Только не прячься от русского офицера. Он рассердится – заставит своих солдат угнать в степь наши стада, спаси наше богатство – не серди офицера...

Когда Чилтыс пошла от юрты за баранами, она слышала, как тихо плакала мать, а отец говорил ей что-то громко и строго.

Глупые старики. Они первый раз заметили красоту Чилтыс. А Чилтыс уже другой год ходит к черному озеру. Когда в горах тихо, она садится на камень и долго смотрит в воду на красивую девушку... Чилтыс заставляет её вплетать новые фарфоровые ракушки в черные косы, заставляет улыбаться, петь песни. Чилтыс заставляет водяную девушку делать все, что делает сама. А рассердится за что-нибудь – булькнет ногой и нет девушки – расплывется в кругах...

Глупые старики. А разве молодой пастух Ит-Кара не складывал ей песен? А русский офицер разве не за красоту дарит ей бисеры и кольца?..

И Чилтыс стало по-весеннему весело. Она торопила баранов, ловила курчавых ягнят, целовала их в испуганные глаза, теребила за уши и со смехом бросала на землю, не слушая их жалобного блеяния.

Русский офицер недавно сказал Чилтыс:

– Когда мы перебьем всех партизанов и поймаем Ит-Кара, я увезу тебя в степи, в хороший город... там люди живут в больших домах, едят вместо кислого сырчика белый хлеб... там я надарю тебе таких украшений, каких нет ни у одной алтайской девушки...

Чилтыс на это ответила офицеру:

– Если ты убьешь Ит-Кара, я тебе больше не принесу с Катуня ни одного камня, потому что Ит-Кара был наш пастух, и потому что он лучше тебя ездит верхом.

Офицер рассердился:

– Ит-Кара – разбойник!

А Чилтыс капризно перебила:

– Ит-Кара – джигит, а ты сам разбойник! – и убежала к речке.

Чилтыс сегодня все это вспомнила и ей стало смешно над толстым, белобрысым офицером. Когда он сердится, его круглое лицо покрывается морщинками, ноздри раздуваются, как у быка, глаза смотрят, сами не зная куда. Глупый офицер! Он хочет её посадить в большой дом, когда гулкие и холодные ручьи унесли с гор и долин весь снег в речку Кубу – такую быструю и шумную, каких в степи и во сне не увидишь, когда горы шумят зеленым лесом, а долины пестреют цветами, когда так хорошо греет солнышко, что Чилтыс целыми днями в юрту заходить не будет. Он хочет надарить ей новых бисеров и колец – она теперь и свои-то сбросит... и потом... он врёт, у него нет больше украшений.

Думала, думала так Чилтыс и о баранах забыла. Ушла на берег Кубы, набрала в подол разноцветных камешков и побрасывает их в гулкие волны. Очень забавно. Камешек булькнет в одном месте, а круги по воде на десять шагов вниз плывут. Чилтыс нарочно камень с баранью голову выберет, а волны и такому сразу утонуть не дают, вниз тащат. А как хорошо холодные волны с горячим солнышком перемигиваются. Чилтыс и самой хочется вместе с волнами над солнышком смеяться, вместе вниз поплыть и также шуметь и брызгаться. А самой страшно – сядет на камень, ногами булькает. Волны сумасшедшие – утащат в Катунь, к водному духу, и защекочут.

Только подумала Чилтыс, как её волны щекотать будут – слышит, овечий топот. Оглянулась в ту сторону – видит, стадо от горы к речке метнулось. Не успела Чилтыс на волка подумать, а из-за горы, по тропинке, прямо на неё джигит на белом коне. Не успела Чилтыс испугаться как следует, а джигит уже около неё. Большой, сильный. Остановил коня и сразу глазами в глаза Чилтыс.

– Меня русские солдаты ловят, я спрячусь в пещере Толгоек, спросят – говори не видела, – и только хотел лошадь погнать, а Чилтыс лукаво:

– Ты разбойник, тебя надо указать солдатам...

Джигит взмахнул густыми бровями, как горный орел крыльями, сверкнул узкими глубокими глазами, вдруг его скуластое лицо вытянулось в крик:

– Чилтыс?!

Чилтыс еще лукавей улыбнулась, приложила к губам палец, скривила набок голову и задорно бросила:

– Я. А ты – не ты, а разбойник...

Джигит хотел что-то сказать, но испуганно оглянулся в сторону дороги и крикнул другое:

– Укажешь – брошу в Катунь!

И быстро скрылся в ущелье, а из-за горы по дороге, поднимая облако пыли, прямо на Чилтыс мчались солдаты.

Пещера Толгоек – памятное место.

Ит-Кара не забудет этой пещеры. Год тому назад около неё же он пас стада богатого Тырмака. Он не гонял стада в аил, а ночевал с ними здесь.

Раз в неделю старая жена Тырмака привозила ему сырчики и кумыс, а сам Тырмак приезжал только три раза в лето считать баранов. Ит-Кара никогда не забудет тот день, в который вместо старой матери сырчику и кумысу привезла Чилтыс.

Бедному пастуху нельзя забыть тот день, когда самая красивая девушка из своих рук подала ему мешочек с сырчиком и два ташаура.

– Чилтыс. Зачем два ташаура?

Чилтыс наклонила свое смуглое лицо к самой гриве Чубарки, погрозила Ит-Кара пальцем, и полушепотом:

– Мой отец бывает веселый, когда пьет арачку. Я украли у него арачки, чтобы ты тоже был веселый. Ит-Кара ничего не сказал Чилтыс, он только ласково потрепал Чубарке гриву.

Хорошая лошадь... славная лошадь...

А потом Ит-Кара увидел, что на западе потемнело небо, а на вершины гор сползли тучи.

– Чилтыс, посмотри, какие черные горы... Это небо смешалось с горами.

А когда в синей мешанине метнулась красная змея – в горах что-то грохнуло, Чилтыс вздрогнула, рванула Чубарку, но Ит-Кара сказал:

– Не успеешь, спрячемся в пещере Толгоек.

Горный дух Эези хорошо спрятал пещеру Толгоек. Ит-Кара часто приходится прятаться в Толгоеке, он сразу находит утес, в котором пещера. Он ловко прыгает с камня на камень и Чубарку заставляет прыгать. Чилтыс держится за гриву Чубарки – хорошему джигиту усидеть трудно, когда лошадь так прыгает.

Чилтыс радуется, что Чубарка тоже зашел в пещеру. Только дальше пещера узкая и темная. Чилтыс не видит, что хрустит под ногами. Ей делается страшно, когда Ит-Кара рассказывает:

– Очень давно, когда нас с тобой еще не было, когда не было даже твоего отца Тырмака, здесь жили разбойники. Они пришли со степей – грабить богатых алтайцев. В эту пещеру они бросали всех убитых. Это хрустят кости убитых алтайцев.

Чилтыс еще больше пугалась, когда из ущелья доносился шум дождя, раскаты грома и жалобное блеяние баранов. Чилтыс дрожала и прижималась к Ит-Кара...

Вот почему Ит-Кара памятна пещера Толгоек.

Горный дух Эези хорошо спрятал пещеру. Он закрыл её кустами и нарочно сделал так, чтобы к ней нельзя было проложить тропинку.

Русские солдаты не умеют воевать в горах. Они боятся ущелий и каждого камня. Офицер сказал им:

– Теперь в горах каждый камень может набросить на вас аркан или выстрелить. Выбирайте чистое место.

Ит-Кара знает это от Николая Моткочока, который служит переводчиком у русского офицера. Николай Моткочок не любит офицера и всех богатых начальников так же, как и сам Ит-Кара. Он нарочно будет узнавать даже, что думает офицер и будет рассказывать партизанам.

Русские солдаты в горах, как алтайцы в городе. Они не найдут Ит-Кара. Он и лошадь затащил в Толгоек. Он будет жить в пещере, пока не уедут солдаты.

Он не усидит только, если будет кричать Чилтыс. Ит-Кара не даст солдатам сделать с Чилтыс ничего плохого. Он не будет бояться смерти и выйдет из пещеры, когда будут обижать Чилтыс.

Ит-Кара некого больше любить. У него нет ни одного родного человека. Ему не было и девяти лет, когда у него умерла мать. Чужие люди приязнали её к седлу и увезли куда-то в горы. С тех пор Ит-Кара никто не чесал голову и никто не называл его ребенком. Он грязный и голодный ходил по чужим юртам и просил есть. Один раз его никто не накормил. Он стащил сырчик. Его избили и назвали черной собачонкой – Ит-Кара.

Так с тех пор зовут Ит-Кара.

Когда он подросток, богатый Тырмак взял его к себе пастухом. Он семь лет пас стада Тырмака, он вырос совсем большой, а его все звали Ит-Кара, и Тырмак каждый день бил его плеткой, чтобы он искал стадам хорошую траву и не терял баранов.

Ит-Кара не любит таких богатых, как Тырмак. Не любит за то, что они не считают того человеком, у кого нет скота. У Ит-Кара нет ни одного барана – его прозвали черной собакой.

Один раз у Тырмака сдохли две лошади, и Тырмак сказал Ит-Кара:

– Если у меня сдохнет еще лошадь, я сниму с тебя шубу и прогоню из аила.

Ит-Кара сказал, что лошади хворали и что он не виноват. Тырмак ударил его плеткой и не дал есть.

Ит-Кара был уже совсем большой. Черноглазая Чилтыс назвала его один раз джигитом. С тех пор он

приносил ей из гор красивые камни и складывал ей песни и рассказывал страшные и смешные сказки, которые слышал от старых пастухов.

Она пела ему свои песни и звала чернобровым джигитом. Больше его никто не звал так хорошо. Ит-Кара никому не даст обидеть Чилтыс. Он теперь не пастух. На Кумулырских белках его ждет целый отряд. Ит-Кара с отрядом побьет всех солдат, а офицеров вместе с Тырмаком повесит на одну сосну. Чилтыс не такая, как отец, она добрая. Ит-Кара возьмет её в жены.

И ему стало так жалко Чилтыс и так приятно думать об этом, что у него загорелось сердце.

Только когда из ущелья донесся глухой топот копыт, у Ит-Кара вовсе не стало сердца. Потому что он не так думал о Чилтыс.

III

Николай Моткочок первый раз так хитро обманул офицера.

– Моя баба дома выгнала хорошую арачку. Я хочу угостить тебя, господин начальник. Отпусти съездить в аил за арачкой.

Офицер рассердился:

– Самое горячее время. Каждый день допрашиваем по десять алтайцев. Кто будет переводить?

Моткочок хорошо знал офицера.

– Не успеет солнышко спрятаться за горами, а начальник уже будет веселый от моей арачки.

Тогда офицер уж не так сердито сказал, что Моткочок хитрый, как лиса, и что если он не вернется к вечеру, то получит десять шомполов.

Николай побоялся по-русски, оседлал своего коня и поехал на Кумулырские белки. Если там нет Ит-Кара, то дело плохо. Вечером офицер будет допрашивать Ит-Кара, а ему, Николаю Моткочоку, придется переводить. Как он будет смотреть в глаза товарищу, и как он скажет ему злые слова офицера:

– Врешь, собака, у тебя где-то целый отряд. Ложись животом на землю! – И, может быть, придется помогать солдатам раздевать Ит-Кара.

Плохая должность у Моткочока.

Лошадь дышала хрипло и часто, как собака, догнавшая зайца. Она была вся в пене, когда Моткочок поднялся к самой вершине. Только у него лошадь не кляча. У него выносливая лошадь. А устала она так потому, что Ит-Кара выбрал хорошее место для своего отряда.

Раздвоенная вершина Кумулыра такая высокая, что на ней круглый год дуют холодные ветры и круглый год белыми пятнами лежит снег. Среди других гор она торчит, как облезлые горбы старого верблюда, и никто не подумает, что на этих горбах может жить человек. Даже если солдаты узнают, что там Ит-Кар, им не попасть к вершине. Её каменные склоны так круто сбегаются в Кубинскую долину и так заросли лиственницами и колючим кустарником, что по ним могут взбираться только горные козлы да два-три самых смелых охотника.

Только один Ит-Кара знал узкий извилистый лог, по которому можно заезжать на самую Кумулырскую вершину. И только он один знал, что между голыми горбами спрятались от холодных ветров темно-зеленые кедры. Там, в этих кедрах, Ит-Кара из древесной коры построил юрту и стал собирать всех алтайцев, которые будут воевать с офицерским отрядом. Николай Моткочок тоже хочет воевать. Только ему Ит-Кара велит служить у офицера и привозить в Кумулыр новости. И теперь Моткочок не жалеет лошадь, потому что везет плохую новость.

Он поднялся к самой вершине и громко запел, чтобы его было слышно в кедрах. Там услышали. Навстречу ему вышли два алтайца с винтовками.

– Ээ, Моткочок, откуда? – спросил один, когда Николай подъезжал. Другой сказал ровно себе:

– А мы думали, Ит-Кара приехал...

– Ит-Кара нет?! – испугался Моткочок.

– Он уехал в долину разговаривать с русскими партизанами, его нет в Кумулыре другой день...

– У тебя новость?

– Новость.

В кедрах Моткочок увидел не одну, а три юрты. У каждой огонь и человек по десять алтайцев. Моткочок подъехал к юрте, которую построил Ит-Кара. Все алтайцы быстро собрались около него.

Когда в отряде нет Ит-Кара – старше всех Ванька Ахпай. Ахпай сказал, чтобы сядились к огню и не кричали.

– Долго садиться, пусть скорей говорит! – крикнул кто-то в отряде.

– Пусть говорит! – закричал почти весь отряд.

У Ахпая на скулах натянулись щеки, брови срослись и выпрямились.

– Садитесь!

Ахпай посадил Моткочока в середину и подал ему свою трубку.

Моткочок затянулся табачным дымом и спросил у Ахпая, у первого:

- Якши ба (хорошо ли все?).
 - Ничего.
 - Что нового слышно?
 - У нас ничего не слышно, только Ит-Кара другой день нет.
- И так, по порядку, всех спросил Моткочок и все ответили:
- У нас ничего не слышно, только нет Ит-Кара.
- Тогда Ахпай спросил у Моткочока:
- Хорошо?
 - Плохо.
 - Что слышно нового?
- И Моткочок рассказал плохую новость, которую так торопился везти в Кумулыр. Весь отряд уставился на Ахпая и глазами спросил:
- Как же теперь?

IV

Самый сердитый солдат спросил Чилтыс:

- Куда девалась черная собака?

Чилтыс поняла (отец давно учил её говорить по-русски). Она поняла, но покачала головой и тихо сказала по-своему:

- Бильбес (не понимаю).

- Куда проехал Ит-Кара? – еще злей крикнул самый сердитый солдат. Чилтыс пальцем дотронулась кончика высунутого языка и опять сказала:

- Орусь тиль бильбес (русского языка не знаю).

Солдат не верил, кричал, махал плетью у самого носа Чилтыс, дергал за поводья лошадь, указывал куда-то в горы... Чилтыс только качала головой.

- Бильбес.

А когда солдаты с руганью поехали к Толгоеку – у неё сжалось сердце. Она собрала все силы и крикнула им вслед по-русски:

- Нет!... не туда! – Солдаты обернулись. Чилтыс рукой указала в другую сторону.

- Туда!

Один крикнул:

- Если обманешь – обрежу уши, – и поехал, куда указала Чилтыс. У неё еще сильнее сжалось сердце, когда один поехал за ним, а двое прямо к пещере Толгоек.

Теперь Чилтыс не увидит больше Ит-Кара. Она всегда будет сама пасти стада. Ей никто не будет складывать песен и рассказывать красивые сказки. Чилтыс заплакала и сквозь слезы выговорила по-русски:

- Сами собаки... разбойники.

Было совсем темно, когда Чилтыс пригнала баранов к аилу. Пьяный отец долго считал баранов. Не мог сосчитать – закурил трубку и, смешивая слова с табачным дымом, сказал:

- Чилтыс. Иди в юрту... офицер хочет, чтобы ты пела алтайские песни.

У Чилтыс передернулось от злости лицо.

- Не пойду. Не буду петь... офицер разбойник.

Чилтыс не поняла: рассердился отец или испугался. У него затряслась жиденькая борода, замигали слезливые глаза. У него выпала из рук трубка.

- Офицер веселый... не сердит офицера...

- Не пойду. Он заставил солдат убить Ит-Кара.

У отца шире открылись глаза.

- Ит-Кара убили?! Где ты слышала?

- Я видела в горах... четыре солдата с ружьями...

Тогда старый отец обрадовался.

- Убили. Хорошо... Ит-Кара – разбойник. Он хотел бить богатых, бить начальников. Без богатых и без начальников нельзя жить. Хорошо, что Ит-Кара убили.

Какой противный отец, злой, как офицер. Чилтыс не вытерпела:

- Начальников надо бить... они сами разбойники... а наш пастух хороший и красивый джигит...

И она пошла от юрты. Отец схватил её за рукав.

- Глупая коза! Молчи и иди в юрту!

У Чилтыс отец толстый и сильный, как медведь. Чилтыс оторвала свой рукав. Он взял её за руку. У Чилтыс не хватает силы оторвать свою руку. Она бы без руки побежала в Толгоек и пожаловалась мертвому Ит-Кара... и потом, зря радуется отец – солдатам не убить джигита. Чилтыс плакала потому,

что хорошо не подумала, а теперь она не будет больше плакать. Она сделает что-нибудь с офицером. Он пьяный валяется в юрте на медвежьей шкуре, сосет табак из серебряной трубки и хочет слушать песни Чилтыс. Она не будет петь. Она только скажет ему, что он белая собака.

Когда отец втолкнул Чилтыс в юрту, офицер поднял бритую голову. Чилтыс даже сквозь едкий дым увидела, какие у него жирные и нехорошие глаза. Он заторопился, бросил трубку и протянул к ней толстые руки.

– Пришла, черноглазая. Надо бить Тырмака, чтобы он не посылал такую дочь пасти скот.

Чилтыс еще не успела ничего сказать, а отец уже сказал:

– Тырмак найдет себе пастуха – пусть господин начальник не сердится. – И опять у Чилтыс не хватает сил вырваться. Отец посадил её на медвежью шкуру рядом с офицером. Чилтыс оттолкнула руки офицера:

– Уйди, белая собака.

– Как?

– Она язык худо знает... не такое слово говорит, – заторопился отец и замигал глазами.

– Она ни че... она будет петь, – и как собака пополз из юрты.

Чилтыс вгляделась в темноту и не увидела матери, не увидела ребяташек. Кошма и шубы лежали в одной куче. Чилтыс испугалась, хотела тоже убежать, только офицер схватил её за руку.

– Куда ты, черноглазая! Я подарю тебе новый бисер...

– Уйди, собака! – закричала Чилтыс, когда офицер потянул её к себе.

– Ух, какая ты дикая... какие глаза – как у зверька...

Чилтыс вырывалась, когда он дышал её в лицо перегорелой арачкой.

– В город скоро увезу, поцелуй русского мужа!

Чилтыс играла с офицером, потому что никогда не думала, что он возьмет её себе в жены. Она бы давно плюнула ему в глаза и сказала, что он собака.

Поэтому, когда он мокрыми губами полез к её лицу, Чилтыс плюнула ему в глаза и правой рукой ударила по жирной щеке.

Белое лицо офицера покраснело, как сырое мясо. Он схватил её за обе руки и мокрыми губами зажал губы Чилтыс. Ей было противно и жарко. Она не могла царапать офицера, она не могла укусить нехорошие губы офицера. Ей даже нельзя было кричать. Только когда офицер одной рукой стал рвать платье, она закричала так громко, что в двери юрты показалось испуганное лицо матери. Чилтыс не успела крикнуть, как противный отец оттащил мать и закрыл дверку.

Теперь никто не поможет Чилтыс. Она ни разу не целовала Ит-Кара, он не будет её спасать, а бросит её в Катунь за то, что она не обманула солдат и за то, что она жена офицера. Она не будет женой офицера, он гадкий и злой.

У Чилтыс одежда стоит две лошади и десять баранов, а он разрывает на куски. Чилтыс жарко и противно, ей нечем дышать, а он зажимает ей рот и дышит в лицо перегорелой арачкой. Она бьется, задыхается и хочет так больно укусить офицера, чтобы на его крик прибежал противный отец. Только офицер еще крепче зажимает рот Чилтыс и еще сильнее рвет платье. Она собирает последние силы, отрывает свою голову от головы офицера... видит сквозь разорванное платье свое смуглое тело. Чувствует голым телом медвежью шерсть, у ней совсем нет больше силы. А офицер все сильнее и сильнее. Чилтыс беспомощно растягивается на медвежьей шкуре и ничего не видит, кроме красного жирного лица.

V

Когда приходит смерть, джигиту надо быть диким зверем, которого догнали охотники.

У солдат шашки и винтовки, а у Ит-Кара с собой только охотничий нож. Ит-Кара сжал в руке костяную рукоятку и в груди у него застучало сердце.

Чем ближе топот копыт, тем сильнее стучит сердце. Если с солдатами в Толгоек приедет Чилтыс, Ит-Кара убьет сначала её, потом бросится на солдат. Он умрет только тогда, когда Чилтыс будет мертвая. Потому что она теперь злая, как отец, и больше любит белого офицера, чем черную собаку. Ит-Кара нельзя любить такую Чилтыс. У него есть отряд алтайцев, которые все ненавидят офицера и таких злых и богатых, как Тырмак.

Солдаты ехали внизу по тропинке, которая вела к Катунь. Ит-Кара лег на живот и выполз из пещеры. Сквозь густой куст маральника ему стало видно двоих солдат.

Два солдата, а Чилтыс нет.

Ит-Кара слышал, как они сердито разговаривали.

– Не гляди, что девчонка. Она понимает. Навернул бы раза два шомполом, не стала бы бильбекать.

– А все-таки испугалась. Указала, зверюга!

– Глаза отводит. Указала туда, а он здесь где-нибудь, черная собака. Того и гляди из-за камня ша-

рахнет.

Ит-Кара посмотрел на большой камень, который навис над солдатскими головами.

... Толкнуть – загремит... двоих не убьет, а одного изуродует...

Только их много, много, так не перебежьешь...

И больше Ит-Кара не слышит, о чем разговаривают солдаты. Они проехали мимо.

Чилтыс обманула солдат. Когда она сказала, что Ит-Кара разбойник и Ит-Кара надо указать солдатам – она улыбалась и голос у неё был добрый.

Как Ит-Кара мог подумать, что Чилтыс не такая, как он пел про неё в своих песнях... и что ему нельзя любить Чилтыс...

Он еще больше будет любить её.

У Ит-Кара так приятно стало гореть сердце, над зубцами гор запылало такое яркое солнце, а сами горы сделались такими синеватыми и мягкими, что Ит-Кара стало тесно лежать над откосом. Ит-Кара захотел встать одной ногой на Адыган-гору, другой на вершину Кумулыр к своему отряду.

Он встал на ноги и оглянулся...

В глаза Ит-Кара из темной пещеры Толгоёка глядели большие и добрые глаза Сивки.

Как степная река, – долгий и скучный день пришлось Ит-Кара сидеть в Толгоёке.

Ит-Кара весь день курил табак и думал.

День был такой длинный, что Ит-Кара не хватило табаку и не о чем стало думать.

Ит-Кара еще раз сказал самому себе: пусть в отряде за меня не беспокоятся. К полуночи я приеду в Кумулыр и скажу, какой большой скоро будет наш отряд...

Лег рядом с Сивкой и заснул...

Когда он проснулся, увидел сквозь кусты маральника черные горы и куски звездного неба.

Ит-Кара вывел из Толгоёка Сивку и спустился на тропинку. Сел на лошадь и вспомнил, что целый день думал и не мог придумать, как он оставит Чилтыс в юрте, в которую ездит офицер... и как он без неё будет жить в Кумулыре, если солдаты собираются бить её шомполом.

От Кубы пахло черемухой и сыростью. В камнях шумно плескались волны, и Ит-Кара казалось, что в них плачет Чилтыс...

Когда Сивка пробежала версты две, Ит-Кара услышал хриплый лай собаки. Так лаял косматый Аяш богатого Тырмака. Ит-Кара испугался, а Сивку не остановил. Он понял, что ему нельзя ехать в Кумулыр, потому что он не знает, что с Чилтыс...

От аила потянуло дымом, Аяш залаял еще громче. Ит-Кара остановил Сивку и тихо позвал Аяша.

Когда Ит-Кара пас стада Тырмака, Аяш бегал с ним в горы. Аяш еще не забыл пастуха, прибежал, виляя хвостом. Ит-Кара подъехал совсем близко к аилу и не увидел там солдатских лошадей. Ит-Кара стыдно бояться. Тырмак весной всегда пьет арачку и спит, как стельная корова. Ит-Кара соскочил с лошади и тихо подошел к самой юрте. Кругом лежали бараны и козы.

В юрте Тырмака совсем тихо.

Ит-Кара сжал зубы, открыл дверку и зашел.

В юрте темно и дымно. Слышно Ит-Кара, как в нос сопит Тырмак и как бьется у самого Ит-Кара сердце.

Он зажег спичку.

На медвежьей шкуре тушей развалился Тырмак. Голым животом к потухшему огню. Недалеко от него в шубах сопят ребятишки, а рядом с ними старая мать Чилтыс.

Чилтыс одна на кошке. Она ничем не одета, и дорогое платье Чилтыс разорвано. Один клочок с серебряными монетами у дверей.

У Чилтыс не совсем закрыты глаза и лицо бледное, как у больной. Косы, как змеи. Одна на шее, другая зажата в руке.

Ит-Кара испугался открытых глаз.

Ит-Кара зажал крепкой ладонью Чилтыс рот и взял её на руки. Чилтыс вздрогнула и еще шире открыла глаза. Ит-Кара крепко сжал ей руки, еще крепче зажал рот и вынес из юрты. Он положил Чилтыс поперек седла, сам грудью лег Сивке на спину и только когда Сивка побежал, Чилтыс оторвала от крепкой ладони свой рот и пугливо закричала.

– Белая собака, уйди! Не хочу в город. Не поеду, не буду женой. Ты убил Ит-Кара.

Ит-Кара наклонился к горячему лицу Чилтыс.

– Чилтыс, тебя больше не будут бить. Это я – черная собака, не кричи. Чилтыс.

– Ты?! Живой джигит?...

И Чилтыс первый раз поцеловала чернобрового джигита.

VI

Солнце подошло небо и спустилось за горы.

Небо погорело только снизу и потухло.

Один Ахпай сидит на правом горбу Кумулыра.

Под ним зеленая долина. От партизанских юрт идет дым, и кажется, что это дымятся вершины кедров.

Против, над кедрами, другой горб Кумулыра, такой же облезлый. Во впадинах лежит снег, и растут на нем, как на этом, только здельвейсы.

Ахпай очень досадно, что не видно степь. Там русские пастухи и работники тоже воюют с офицерами и богатыми. Говорят, что даже в горах где-то есть такие отряды. Ит-Кара уехал узнавать. Ахпай ждал его два дня и не дождался. Приехал Николай Моткочок с плохой новостью.

Вчера русские солдаты привели к офицеру троих русских мужиков. Солдаты сказали, что эти мужики прятали у себя Ит-Кара. Солдаты видели, что Ит-Кара выехал из ихней избы. Они видели, куда он поехал, и послали за ним погоню.

– У Ит-Кара лошадь быстрая, как заяц, и цепкая, как кошка, – сказали солдаты. – Только к вечеру его поймают, потому что в погоню солдаты поехали на алтайских лошадях.

Офицер назвал солдат молодцами, а мужиков велел расстрелять.

Моткочок сам видел, как мертвых мужиков бросали в Катунь. Он рассказал это партизанам и уехал к офицеру.

Ахпай старший в отряде. Алтайцы испугались. Спросили у него:

– Как же теперь?

– Ложитесь за кедром! – криком ответил Ахпай.

Алтайцы бросили лошадей, потому что на земле одна тропинка, с которой тревога. Бежать некуда. Надо отбиться или умереть в облезлых горбах Кумулыра. Никто не сказал друг другу ни слова, и никто не посмотрел друг другу в глаза. Все молча и быстро брали наперевес винтовки, падали за камни, за кедром и ждали.

Все видели, как Ахпай один постоял у огня. Потом тоже взял наперевес солдатскую винтовку и твердо пошел...

Ахпай недавно около русской деревни убил солдата. У него не охотничья, а настоящая солдатская винтовка. И не в шубе Ахпай, а в шинели, как русский солдат.

Ахпай шел быстро и уверенно.

– Надо очень хитрых и смелых солдат, чтобы в камнях и кедрах побить алтайцев, – думал он.

VII

У Ит-Кара Сивка маленький, а быстрый и сильный, как река Катунь. У Чилтыс треплются косы и шумит в ушах. Чилтыс больше не боится, потому что она на коленях чернобрового джигита.

Чилтыс долго смотрит ему в глаза и даже щупает пальцами его брови. Глаза глубокие и отливают темно-красным, как орлиные перья. Брови густые и жесткие. Лицо скуластое и сильное, как у джигита из песни...

– Ты людей убиваешь?

– Убиваю.

– Тогда правду говорят, что ты разбойник...

– Нет. Я убиваю только злых людей. Как офицер.

– Мой отец тоже злой. Убей моего отца!..

Ит-Кара сильной рукой поворачивает Чилтыс к себе лицом и смотрит в её заплаканные глаза.

– Тебе не жалко своего отца?

– Нет.. его надо убить...

– Чилтыс, ты будешь хорошая жена для бедного джигита...

Ехали вверх. Где-то вверху заиграли в рожок. Ит-Кара запел алтайскую песню. Рожок замолчал. Наверху забили в шаманский бубен. А когда заехали в кедром, их окружили алтайцы. Все с винтовками. Все любят Ит-Кара, бегут навстречу и кричат:

– Ит-Кара! Ит-Кара приехал!

А когда Ит-Кара остановился у огня, все замолчали и как-то нехорошо посмотрели на Чилтыс. Один, в солдатской шинели, посмотрел ей прямо в глаза и как-то хитро сказал Ит-Кара:

– Ты за бабой ездил два дня?

– Хорошая баба. Жениться хочешь? – спросил другой.

Ит-Кара снял шапку и заговорил:

– Товарищи! Ит-Кара не забыл, что он начальник отряда. В отряде подумали, что я забыл об этом и поехал воровать себе бабу. В отряде подумали, что я велю им бросить свои винтовки и праздновать свою свадьбу. В отряде зря так думают. Ит-Кара ездил искать русских партизанов, и его чуть не убили солдаты.

- Не все так думали! – крикнул один алтаец.
- Неправильно думали!
- Ит-Кара не забудет о войне. Сам собрал отряд.

- Зачем бабу? – закричали другие алтайцы.

В солдатской шинели вышел на середину и закричал:

- Замолчите! Пусть Ит-Кара расскажет, что сделал, тогда будем говорить.

- Пусть расскажет!..

- Зачем бабу?

Чилтыс поняла, что на Ит-Кара кричат из-за неё...

- Он не виноват. Я утром уйду домой, – сказала Чилтыс.

А Ит-Кара сказал ей тихо и ласково:

- Чилтыс, иди в мою юрту и ложись спать. Тебе нельзя слушать, что говорят в отряде.

- Тебя обижают и не будут любить из-за меня. Я уйду домой.

- Когда я им все расскажу, они не будут так говорить.

Ит-Кара привел Чилтыс в юрту, дал её шубу, а сам опять ушел к огню.

Чилтыс одна лежит в юрте. Ей не слышно, что рассказывает Ит-Кара. Он говорит тихо. Чилтыс только слышит, как кричат алтайцы. Громко и сердито.

Она смотрит в дымовое отверстие на звезды и не может заснуть.

За юртой шумят кедры, Чилтыс кажется, что Ит-Кара по земле тащат на огонь. Чилтыс закрывает глаза и слышит, как в юрту заходит офицер. Офицер ищет её жирными глазами. Чилтыс прячется под шубу. Офицер нашел её и уже трогает шубу... Чилтыс хочет закричать, но слышит ласковый голос Ит-Кара:

- Чилтыс спит... хорошо... теперь её никто не будет обижать.

Чилтыс тепло и приятно от этих слов. Она так же тихо говорит:

- А тебя обижают. Я утром уйду домой.

- Чилтыс, больше никто не будет так говорить.

- А когда ты убьешь офицера?

- Офицеров много. И все начальники в волости и в городе злые люди. Надо большой отряд, чтобы победить всех.

- Самый злой и противный наш офицер. Я знаю, как его убить.

Ит-Кара не поверил своим ушам.

- Ты знаешь, как убить офицера?

Чилтыс сбрасывает с себя шубу, привстает и полупшепотом говорит Ит-Кара:

- Я поеду к офицеру и скажу ему, что знаю, где живет Ит-Кара. Офицер хочет взять меня в жены, он поверит мне, возьмет солдат и поедет со мной. Над Катунью есть тропинка, в одном месте она обвалилась. Когда офицер с солдатами поедут – ты с отрядом из леса спустишься на тропинку... солдатам некуда будет ехать.

Ит-Кара знает эту тропинку. Он недавно поехал по ней и вернулся обратно, потому что она обвалилась в Катунь. Если бы за ним гнались солдаты по этой тропинке, он бы упал в Катунь.

Ит-Кара слышит и не верит, что это говорит Чилтыс, ровно в ней кто-то сидит другой и говорит её языком.

VIII

На бледном небе стыли последние звезды. Над горами ползли грязные туманы и таяли.

Скоро проснутся мать и отец и не найдут в юрте Чилтыс. Мать заплачет, а отец будет ругаться, что Чилтыс куда-то ушла и некому пасти баранов. Надо успеть Чилтыс до солнца лечь в юрту и спать...

У речки Кубы Чилтыс остановила лошадь и сказала Ит-Кара:

- Тебе дальше ехать нельзя. Тебя увидят солдаты. – И прыгнула с лошади. Ит-Кара посмотрел на неё как-то испуганно и ласково.

- Чилтыс, я боюсь, не ходи к офицеру.

Чилтыс подняла голову.

- Если ты вечером не убьешь на той тропе офицера, я тебя больше не буду любить, потому что ты трус.

Сказала и пошла по дороге к своему аилу.

Если отряд не согласится спрятаться над тропинкой, офицер с солдатами узнают, что Чилтыс обманывает. Они на этой же тропинке убьют Чилтыс. Или будут допрашивать – она испугается и скажет, что Ит-Кара с отрядом на вершине Кумуляр...

Ит-Кара старший в отряде, он выберет десять смелых алтайцев и скажет, чтобы они седлали лошадей и ехали с ним.

Чилтыс дошла до большой сосны. Отсюда она всегда смотрит, идет или нет из юрты дым. Если идет

– ей не разжигать огонь, не собирать хворост.

И теперь Чилтыс дошла до большой сосны и посмотрела на поляну. Чилтыс обвела глазами всю поляну и не увидела аила...

– Отец не собирался ночью кочевать, где же аил?..

Она подбежала ближе. На месте аила дымятся угли. Недалеко сидит отец, смотрит на угли и плачет, как ребенок. Рядом под шубой стонет старая мать, а ребяташки голые и грязные бросают на угли сосновые ветки и раздувают огонь. Чилтыс подошла к отцу и удивленно спросила:

– Отец, где наш аил?... оглянулась кругом – ... и скот?

Отец вздрогнул, посмотрел на Чилтыс и не узнал. Так и рассказывал, как чужой.

– Офицер вечером уехал от меня веселый и назвал меня другом. Ночью офицер приехал с солдатами и закричал:

– Если ты не скажешь, где живет Ит-Кара, я сожгу у тебя аил и угоню скот.

Я сказал, что не знаю, где живет Ит-Кара и что сам хочу, чтобы Ит-Кара поймали. Солдаты избили меня шомполами, сожгли аил и угнали скот. Теперь у меня нет аила и нет скота.

Чилтыс долго молчала.

– Куда уехал офицер?

– В русскую деревню.

Она не сказала больше ничего отцу и не подошла к больной матери. До деревни идти долго. Надо торопиться.

Офицер писал. Когда Чилтыс зашла, он нехорошо улыбнулся.

– А, черноглазая?..

Чилтыс подошла и смело посмотрела в его жирные глаза.

– За что ты сжег наш аил и угнал стада?

– Не надо врать! Ит-Кара разбойник. Его надо указать, а не прятать.

– Мой отец сам говорит, что Ит-Кара надо убить. Только он не знает, где Ит-Кара живет. Я ему не сказала.

Офицер сморщил лоб.

– А ты знаешь?!

– Я ночью вышла из аила, Ит-Кара схватил меня, зажал мне рот и увез в горы. У него там много разбойников. Они все пьяные. Я убежала. Если ты отдашь отцу стада, я уведу тебя к Ит-Кара.

Офицер погрозил пальцем.

– Я не люблю, когда меня обманывают. Вечером меня обманул Моткочок – теперь он сидит в подполье.

Чилтыс показалось, что под полом кто-то кашляет.

– Если отдашь скот – не обману.

Офицер нехорошо засмеялся.

– Какая ты умная стала... иди-ка, поцелуй меня, черноглазая...

Чилтыс закрыла глаза и поцеловала офицера.

– А когда поедем, черноглазая?

– Надо вечером...

IX

Ит-Кара сдвинул брови и сердито сказал:

– Если Ахпай боится – пусть остается варить обед. Мне надо только десять человек.

Ахпай затянулся табачным дымом и спокойно выговорил:

– А если Ит-Кара не боится, пусть верит Тырмаку или самому офицеру.

Ит-Кара метнул глазами на весь отряд.

– Если мы сегодня уьем офицера, ночью сумеем собрать все отряды вместе. Говорите, кто поедет со мной?

Один алтаец встал, снял шапку и сказал:

– Ит-Кара нас собрал, чтобы воевать. Ит-Кара наш начальник. Пусть Ит-Кара скажет, кому ехать.

Ит-Кара рукой указал на десять алтайцев и сказал имена.

Десять алтайцев встали и пошли седлать лошадей.

Ахпай тоже встал.

– Ит-Кара, я поеду с тобой...

Когда алтайцы спустились в долину – над горами совсем растаял туман, потому что солнце поднялось выше самых высоких вершин, а небо стало сухое и горячее.

Ит-Кара оглянулся на Кумулярскую вершину и увидел, что на неё ползет облако. Ит-Кара подумал:

«Если облако заслонит вершину, мы туда не сумеем подняться».

Облако проползло мимо. Ит-Кара остановил отряд.

– Товарищи! Нас целый отряд и все мы с винтовками. Нам нельзя ехать по Кубе до Катуня, потому что недалеко от устья Кубы аил Тырмака и потому что здесь ездят солдаты.

– Ит-Кара говорит правильно. Нам нельзя ехать по Кубе, – сказал Ахпай, – нам надо перевалить зеленую гору и подъехать к Катуню с другой стороны.

Зеленая гора невысокая и вся обросла лесом, как баран шерстью. Тропинка на ней узкая и, как на Кумулыр, ломаная.

Алтайцы едут друг за другом и не разговаривают. Только думают. Ит-Кара с Ахпаем едут впереди и думают по-разному. Десять алтайцев за ними, а думают все одинаково, потому что Ит-Кара едет спокойно и смело. Ит-Кара не боится, и отряду бояться нечего. Алтайцы отпустили поводья, набили табакотом свои трубки и задымили...

Тропинка пошла хребтом зеленой горы. В одном месте хребет такой голый, что издали на нем видны все камни. Ит-Кара останавливает отряд, когда подъезжает к этому месту.

– Здесь ехать нельзя. Нас увидят из долины. Нам надо спуститься немного вниз и объехать это место без тропинки.

Алтайцы начинают по одному спускаться вниз. Другой склон зеленой горы крутой и каменистый. Лошади спускаются так осторожно и медленно, что алтайцы смотрят на солнце. Им кажется, что солнце торопится и скоро спустится к горным вершинам.

Ит-Кара тоже смотрит на солнце и ничего не отвечает, когда Ахпай говорит:

– Надо этим хребтом проехать верст двенадцать, чтобы приехать к Катуню. Если будем так ехать, то приедем к вечеру.

Ит-Кара молчит, а Ахпай опять:

– Если Чилтыс говорила правду, то надо торопиться. Офицер с отрядом поедет раньше вечера.

Ит-Кара как будто кольнули иголкой, когда сказал Ахпай.

У Ит-Кара передернулось лицо.

– Зачем ты едешь с нами, если не веришь и боишься, как старуха?

Ахпай прикусил язык и замолчал.

Опять ехали и не разговаривали. Тропинка все хуже и хуже. Проехали версты четыре, тропинка совсем потерялась. Стали пробираться без тропинки к тому месту, где зеленая гора обрывается в Катунь...

Когда впереди сквозь деревья показался просвет, Ит-Кара остановил отряд.

Здесь зеленая гора почти стеной обрывается в Катунь, и по этой стене проложена узкая тропинка, на которую Чилтыс заведет офицера с солдатами.

– Солнце садится за горы, скоро будет темнеть, – сказал Ахпай, – надо сразу засесть за тропинкой.

Ит-Кара рассердился.

– Я давно думал, как делать. Тропинка до обвала идет больше версты. Один сядет там, где тропинка начинается, и даст знак всем, когда офицерский отряд заедет на тропинку. Тогда трое загородят офицеру дорогу, остальные будут стрелять сверху или бросать камни.

– Почему не все сразу заседают за тропинкой?

– Потому что одного не заметят, и кроме того, нельзя оставить одних лошадей. Они будут ржать, когда услышат солдат.

Ахпай не стал больше спорить и привязал свою лошадь к дереву.

Кто-то спросил:

– Кому сидеть там, где начинается тропинка?

– Я боюсь, что Чилтыс заедет с солдатами на тропинку и тогда придется её убить вместе с солдатами. Я сяду и попробую её оставить сзади.

Никто нечего не сказал. Все привязали лошадей, взяли в руки винтовки и легли ждать.

Только Ахпай, когда ложился, сказал сквозь зубы:

– Из-за этой богатой девчонки Ит-Кара погубит и себя, и весь отряд.

Алтайцы услышали и от этих слов у алтайцев похолодело в груди.

Х

Из долины Кубы тропинка идет на зеленую гору берегом Катуня. Там можно ехать на пяти лошадях в ряд совсем без тропинки, потому что склон зеленой горы снизу пологий и не очень каменистый. Только выше зеленая гора стеной обрывается в Катунь, и тропинка раздвигается. Одна непротоптанная ведет на хребет горы, где лежат алтайцы и курят табак. Другая, узкая, с версту идет стеной над Катунью и никуда не выводит: обвалилась в Катунь.

Над этой тропинкой, там, где она начинается, в колючий кустарник за большие камни лег Ит-Кара караулить офицерский отряд. Когда Ит-Кара ехал – он был смелый, спокойный. Теперь Ит-Кара надо еще быть спокойнее, потому что солнце спускается за горы. Скоро будет вечер, и надо делать трудное и страшное дело.

Ит-Кара лег грудью на камень, чтобы не слышать, как бьется сердце.

Над головой тихо шумят деревья.

Внизу, в серых утесах, глухо рычит Катунь

Ит-Кара смотрит через тропинку вниз... Катунь седая и косматая, как табун бешеных коз, которые гонятся по ущелью.

Ит-Кара вздрогнул, оглянулся направо и перестал дышать.

В глазах у Ит-Кара потемнело, и он не видит, сколько солдат, и не видит с солдатами Чилтыс. Только когда отряд подъехал к тому месту, где надо ехать по одному, Ит-Кара увидел, что солдат человек пятнадцать, и увидел, что Чилтыс с офицером едут впереди. Ит-Кара даже услышал, о чем они говорят:

– А куда эта тропинка? Не по ней нам ехать?

Чилтыс качает головой.

– Нет, не туда.

Голос Чилтыс тихий и пугливый...

Если она поедет первая, тогда Ит-Кара не знает, как быть. Раньше об этом Ит-Кара не подумал.

Отряд стал вытягиваться по тропинке. Чилтыс первая, за ней офицер.

Теперь Ит-Кара совсем не знает, как быть...

Вдруг Чилтыс пошатнулась и упала с лошади. Что-то звякнуло о камни. Офицер остановился.

– Стремя оторвалось. Ребята, привяжите ей стремя.

– Нет, я сама, вы ступайте...

– Как же мы без тебя, черноглазая?

– Здесь одна тропинка. Я догоню.

Офицер заехал на тропинку, где уже нельзя ехать двоим и нельзя никуда свернуть. Налево стена, на которой лежит Ит-Кара, направо обрыв в Катунь.

Солдаты по одному за офицером. Чилтыс спятила свою лошадь назад и слезла...

Кованые копыта солдатских лошадей по тропинке:

– Тук... тук.. тук.

Ит-Кара кажется, что солдаты проезжают так медленно, что Чилтыс не успеет привязать стремя, пока не проедут все ... и так близко проезжают солдаты, что услышат, как бьется у нежно сердце.

Ит-Кара крепче прижимается к камню грудью и совсем не дышит.

И только когда скрывается за поворотом тропинки последний солдат – Ит-Кара встает и хочет дать знак партизанам:

– В засаду...

А выходит:

– Чилтыс?!

Чилтыс поднимает голову. Лицо у неё радостное. Голос громкий и не пугливый:

– Ит-Кара. Джигит Ит-Кара?!

Она бросает лошадь, быстро обегает с другой стороны стену и прямо на шею Ит-Кара.

Ит-Кара только хочет дать алтайцам знак, а они уже около него. Все на лошадях и винтовки за плечами у всех. Впереди Ахпай и Моткочок.

Моткочок без шапки и лошадь у него вся в пене.

Ит-Кара ничего не понимает. Он плотно сдвигает брови и твердо махнув правой рукой:

– Зачем все сюда? Скорей в засаду над тропинкой. Трое только сюда!

Ахпай еще тверже сдвигает брови и тверже, чем Ит-Кара, машет рукой вниз.

– Скорей за мной! Надо офицерский отряд догнать до Кумулыра и бить сзади. Скорей! – и сам вниз по тропинке. Алтайцы за ним.

– Стойте! Куда! Скорей в засаду!

Отряд останавливается. Ахпай кивает головой Моткочоку и Моткочок диким сдавленным шепотом кричит Ит-Кара:

– Я сидел под полом у офицера. Все слышал сам... Чилтыс целовалась с офицером и просила стада Тырмака... Чилтыс повела офицерский отряд в Кумулыр. Чилтыс предала нас. Я вырвался... по зеленой горе в Кумулыр... здесь нашел наш отряд.

– Неправда!

Ахпай не дает договорить Ит-Кара:

– Ит-Кара верит богатой девчонке. Она показала офицеру дорогу в Кумулыр, а сама задерживает нас здесь. Солдаты перебеют наших и засядут в кедрах ждать нас... За мной!

И алтайцы уже едут вниз за Ахпаем и слушают только Ахпая.

– Пусть Ит-Кара целуется... Он любит больше девчонку, чем отряд. Губит отряд!..

Как залп у Ит-Кара мысли все сразу.

– Отряд не верит мне... Кого я больше люблю: Чилтыс или отряд?..

И еще самая страшная и самая быстрая мысль: тропинка не загорожена, они скоро вернуться... на чистом месте побьют алтайцев... погибнут все...

– Товарищи! Ит-Кара больше любит отряд!

Алтайцы остановились и все посмотрели на Ит-Кара.

Лицо у Ит-Кара страшное, ровно его снизу поджигают огнем.

Чилтыс смотрит ему в лицо, смотрит на алтайцев. Чилтыс дрожит – это видно алтайцам.

– Не верят мне – Ит-Кара? – и он быстро схватил Чилтыс и поднял высоко над головой...

Чилтыс вскрикнула, схватилась одной рукой за голову Ит-Кара и с шапкой Ит-Кара в руке через тропинку – вниз – в Катунь...

М-м-а-а-а-а!

Катунь снизу взвизгнула от радости и еще злей зарычала.

Весь отряд быстро к обрыву.

Все алтайцы посмотрели в Катунь и посмотрели в глаза Ит-Кара. Ит-Кара не смотрел в Катунь, он только посмотрел в глаза Ахпаю и крикнул:

– Теперь в засаду!

И первый выстрел навстречу солдатам, которые по одному мчались обратно. Алтайцы видели, как поперек тропинки упала мертвая лошадь, видели, как о мертвую споткнулась другая – покачнулась и с солдатом в Катунь.

Алтайцы сразу загородили тропинку. Навстречу солдатам залпы...

Солдаты через мертвую лошадь приступом, чтобы прорвать засаду... Тогда сверху грохнул камень. Грохнул на тропинку, смял солдата и вместе с солдатом загрохотал в Катунь. За ним другой, третий...

Каменный грохот.

Выстрелы.

Стоны...

XI

Солнце подожгло небо и спустилось за горы. Небо погорело только снизу и потухло... Вдали, в потемневшем небе тают горные хребты. Сначала далекие, потом ближе. В потемневшем небе зажигаются звезды. Сначала немного, потом больше...

Над головой у Ит-кара тихо шумят деревья. Внизу, в серых утесах глухо рычит Катунь.

Ит-Кара один и ему кажется, что там, внизу, бешеные старухи мучают Чилтыс. Чилтыс плачет и проклинает Ит-Кара. Бешеные старухи мучают Чилтыс, а над Ит-Кара смеются. Смеются и хвалят Ит-Кара:

– Дождлся Чилтыс... Чилтыс без обмана... Только у Ит-Кара вышел обман... Хитрый обман...

Ит-Кара тихо – не голосом, не глазами – сердцем заплакал.

Снизу протяжно заиграла губная музыка – комыс... Ит-Кара нельзя больше о Чилтыс плакать. Внизу, в долине, собираются вместе три партизанских отряда. Ему надо ехать к ним.

Ит-Кара – начальник.

И. Модзалевский

АЛТАЙ-КИЖИ

(Печатается по: Ойратский край. – 1926. – № 68)

Оперлась о мшистый камень
Ножкой, одюками скрытой,
И глядит в поток, под тоном
Изогнувши стан свой гибкий,
Вся, как утро, раскраснелась, -
Тесно в коже, крепко сшитой, -
Тутанхе уже большая, -
И уста цветут улыбкой.

Розовеют в даях горы.
Просыпаются анлы,
Прозвучал, сзывая стадо,
Пастушка напев гортанный.
А она про всё забыла -
Так ей дороги и милы
Эти пенные буруны
Мощью дерзостной и странной.

Чуйский тракт

(Печатается по: Мухачев И. Чуйский тракт. – Барнаул, 1926. – С. 3-4)

Годы падали, как эти камни,
У подножья синеватых гор
Не забудет были стародавней
На неё лишь раз взглянувший взор.

По хребтам, где кружева туманов,
И не гулок дня червонный вспых,
Прогоняли гуртами баранов
Скотогоны в куртках голубых.

По камнистым да шершавым склонам,
Словно звонкий ветер вдалеке,
Рассыпались песни скотогонов.
Замирая грустью вдалеке.

Не от тех ли включенных баранов,
Как от жира ляжки жеребца,
Распухали золотом карманы
Краснобая чуйского купца?
Не купцу ли с хмельного дурмана,
Ослабев на сердце и язык,
Отдавал первейшего барана
За стекляшку светлую калмык?

Ой, житье купецкое – малина!
Для тебя ли был такой простор;
Тучами по склонам, по долинам
Шли бараны на купецкий двор,
Но с тех пор прошло дней сивых много,
Красный ветер здесь провеял пыль;
По надбездным пасмурным дорогам
Зацвела совсем другая быль.

Не забыл лишь были стародавней
На неё лишь раз взглянувший взор,
Годы падали, как эти камни
У подножья синеватых гор.

ХАН-АЛТАЙ

*(алтайская народная песня)**(Печатается по: Сибирские огни. – 1926. – № 3. – С. 81; пер. П. Казанского)*

Когда я сверху гляжу, –
Треуголен ты, Хан-Алтай.

Когда я сбоку взгляну, –
Многогранен ты, Хан-Алтай.

Коль брошу издали взгляд, –
Свил ты в плеть хребты, Хан-Алтай.

Из бурых сукон наряд
Стелешь в осень ты, Хан-Алтай.

За наш Алтай дорогой

Много льется крови людской.

Сосна в смолистых ветвях,
не падешь ли сломлена ты?
Величья полный Алтай,
Сохранишь ли ты от беды?

Ветвистый кедр в горах,
Не падешь ли вырванный ты?
Красотой одетый Алтай,
Сохранишь ли ты от беды?

Порфирий Казанский

АЛТАЕЦ

(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1926. – № 3. – С. 82)

На грязном теле – шубы мех,
Монгольской трубкой заткнут рот,
А в дымной юрте – самовар...
В душе страданье: страшно всех.
В глазах опаска: кто придет?
В мозгу – грозящих слов кошмар.
Эрлик, просящий таилги⁵⁷...
В грозе Бурхан, идущий в край...
Крестом грозящий бог чужой...
«Идите, братцы, в казаки!...!»
«Всех тонконогих избегай!...»⁵⁸
«Да здравствует советский строй!...»
Смутилось эхо синих гор:
Которым откликом греметь?
Чью правду вниз аилам слать?
Шумит кругом людской раздор,
С церквей набатом стонет медь,
Ключом кипит степная гладь,
И бьются волны об Алтай,
Крушат граниты, рвут леса,
И мощно новое растет...
И он не знает, где же рай?
Кто враг – земля иль небеса?...
И жизнь идет... И смерти ждет

Тонгжан

ЛЕНИН НӨКӨРГӨ КОЖОН

(*Кепке базылганы айынча: Кызыл Ойрот*. – 1926. – № 32)

Ак бичикке баштаган
Ада Лениннын ак жагы.
Ачык жолго баштаган
Алкышту Совет башкару.

Алдыбысты баштаган
Ада Ленинге баш болзын.
Амыр жүрүмге баштаган
Совет жагга баш болзын.

Акту жолды баштаган
Ада Лениннын билгири.

57. Эрлик – злое божество, таилга – кровавая жертва.

58. «Тонконогие» – русские. Это – завет бурханистов. Примеч. автора.

Амыр энчү журтаткан
Совет жаннын ийдези.

Чактын чакка үренер
Ада Лениннын үредү.
Качан да болзо ундыбай
Оок өскүрүм үренер.

Үретпегенге үреткен
Совет жанга баш болзын.
Билбегенди билдирткен
Башчыларына мак болзын.

Башкарып турган башчыларыс
Узак чакка башкарзын.
Оору-жоболго алдыртпай
Узак жүрүмдү болзын.

Николай Каланаков

*Тексттер жуунтынан алынган:
«Алтайдын эн баштап үренер бичиги»
(М., 1926. – С.31, 86)*

АРЖАН СУУ

Кебезенде жаткан
Согонок деп кижги удаан ооруды.
Эки буды оору болды.
Базып албас болды.
Жазылбазын билди.
Абаган бажында аржанга барар –
деп жөпсинди.
Эмегениле атана берди. Эки конды.
Эки тайга ашты. База бир конды.
Аржанга жетти. Сууга кирип отурды.
Суу жылу эмтир. Аайы жок терледи.
Аржанга бир ай жатты.
Сууга алтан беш катап терледи.
Эки буды жазылды.
Эмегениле айлына жанып келди.
Ижин эдер болды.
Керегин башкарар болды.

АЛТЫН КӨЛ

Алтай ичиндеги көлдөрдүн эн жааны – «Алтын» көл. Ол көл Алтайдын күнчыгыш жанынан. Онын сыны тогузон чакырым. Тууразы, жалбак деген жери – сегис, тогус чакырым. Теренги кажы бир жеринде, жүс жетен кулашка жедет. Эки жанында жылым кэяа-ташту бийик туулар турат. Алтын көлдө жүзүн-йүүр балык бар. Тууларында ан көп. Көлдүн бажына Чолушманнын суузы кирген. Анда теленит улус журтап жат. Алтыгы учынан Обнинн суузы агып чыккан. Анда журтаган улус туба ла кумандылар.

Ак туманы жайылган,
Алтын көлдүн жаражын!
Албатызын азыраган,
Онын балыгынын татузын!
Туйук кара жыш бүткен,
Тууларынын жаражын!
Турган улузын азыраган,
Турмуу агынын семизин!

ЛЕГЕНДЫ ПЛЕМЕНИ ТУБА
(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1927. – № 2. – С. 53–54)

Время, когда скрип телеги русской впервые схватило горное эхо – давнее. Пригорок за пригорком, долина за долиной зеленеют зреющим хлебом. Все дальше и дальше – к белкам – уходят дымные юрты, чтоб уйти, наконец, в предание. В цветисто-гортанную речь все чаще и чаще вплетается крепкое русское слово... все больше меж юрт голубелось крестов.

А теперь, когда зык красный звенит над Алтаем, когда воюют красное знамя с бубном шаманьим – скоро, скоро это время будет, когда из нежно-гортанных песен навсегда уйдут азиатская лень и безысходная тоска. Не закачаемся под хрип топшура в конусной юрте, где старый алтаец тянет всю ночь ветхую сказку, гнет длинную, мшалую нитку легенд.

Скоро, скоро то время будет, когда не увидим мы чадного тоя, не взглянем в глаза лошади, полные боли и слез глаза, раздираемой в жертву Эрлику. Это время близко.

Ибо, как же могут ужиться трактор с шаманом.

Алтай умрет.

И на месте его будет другой. Новый. С новым ритмом, новыми мыслями и желаниями.

И вот для этого нового – старое надо запомнить!

Ради нового надо бросить на бумагу и богов, заплесневевших, как старые сосны, и пьяные песни свадеб, и многое другое.

Ради нового это делаю – я...

Алтын-Коль – озеро Телецкое

Давно – не было озера.

Давно – долина была – широкая, зеленая.

Много на долине кедров, цветов. Маральник на долине – алым пятном по веснам...

Жили богатыри.

Один на горе – другой на горе.

Ровно...

Хорошо жили.

– Одна беда: чья долина?

Белые чашки тянули цветы долинные веснами – спорили богатыри.

Кочмой белой укрывалась земля зимами – спорили богатыри.

Гукали кедровки, лисье следов веревочку по снегу тянуло, медведь яму рыл. –

Надумал богатырь и сказал другому:

– Девять дней, девять ночей не говорить «уй» (женщина). Скажет кто – другого долина...

Заяц серый стал, и хвост у лисы пушистый стал, и кедры приветливо зашумели.

Ходят один к другому богатыри, уй не говорят.

... Утром одним сошлись богатыри. В долине сошлись.

Манят кедровки – шша... шша...

Манит речка – буль... буль...

Манят горы ущельями темными.

Пошли к кедре.

А там сидит женщина – пальцами смуглыми струны топшура перебирает.

Очи женщины – черней лисы чернобурки...

Голос женщины – приятней кедровки шелеста...

Руки женщины – быстрее марала легконогого по струнам бегают...

– О, уй! – оба разом...

Ударил женщина топшуром о скалу – исчезла.

Беда пошла:

– Молнии изломом горы стянули.

– Гром шумом долину заполнил.

– Зверье заревело.

– Птицы зазвенели – тьма из ущельев в долину.

А когда утром глянули вниз богатыри с гор – вместо долины озеро билось волнами о камни.

ОЙРОТИЯ

(Печатается по: Сибирские огни. - 1927. - № 3. - С. 90)

Ловят дальнее эхо уши,
Кротких елок взволнованный шум.
Я пришел, чтобы здесь послушать
Синим вечером твой топшур.

Только ты, по-дикарски гордый,
В этот час себя не волнуй.
Спит Ойротия, край угорный,
В теплых брызгах закатных струй.
Я скажу тебе, черноглазый,
Хоть играй ты мне, не играй,
Что не хуже вершин Кавказа
Этот хвойный, зеленый край.
Вот смотрю я, и сердце радо,
Взоры пьют золотое вино.
Лучегранные кольца радуг
Отражает речное дно.

Белый парус качают дали,
Сизый морок ползет по горам.
Хорошо, забывая печали,
К васильковым идти берегам.

В сетке марева дремлют мысы,
Кто их тут и когда ласкал?
Ветер, волосы кедру залысив,
Лижет смуглые щеки скал.

Ловят дальнее эхо уши,
Кротких елок взволнованный шум.
Я пришел, чтобы здесь послушать
Синим вечером твой топшур.

Только ты веселее грянь мне
В пестром шуме пихтовой глуши,
Чтоб почувляли эти камни
Боль и радость чужой души.

Алексей Тозыяков

АКТАРДЫҢ МЕКЕЗИ

(1921 ле 22 жылдардагы жүрүм)
КУУЧЫН-ОЙЫН, 3 БӨЛҮКТҮ.

(Кепке базылган айынча: Актардын мекези. - Улалу, 1927 жыл. - 28 с.)

1921 жылда. Жайгыда кызылдардан качып, Мендеш деген кижини өзөктүн бажына тайгага көчүп чыкты. Ол Мендештин балдары 6 болгон, жааны 18 жашту кыс, ады Сырга. Өскөзү оок балдар, кой күдетен бир 13 жашту уулчак бар болгон, ады Бокту. Ол айылдан ыраак эмес, бир 4 чакырым жерде, бандиттарла жуулажып турган кызыл партизандар турган, ол партизандар ортозында Санаш деп, бир жаш уул болгон, ол уул Мендештин кызын Сырганы алар болуп эрмектежиң турган. Бандиттардан кандый ла табыш укса, партизандарга жетирип турган.

Баштанкы бөлүк.

(Мендеш бала-барказыла, база бир Сары-жаак деп кижини, экинчиси Куран деп кижини ол айылда отуру).
Мендеш. Бу кызылдардын солдаттары айылдын жанына келип жаткылап алала, кижинге амыр бер-

гилебей турулар. Ол бистен качып турган көөркийлер, аш-курсак жок кыйналып турган болбой кайтсын?

Сары-жаак. Ол көөркийлер бисти бу кызылдардан айрып алар керегинде турушкылап жат. Бистин уулдар ологорго ылтам алдырбас болбой, Чуй ичинде Карман черүлү туру. Кайгородов Оймондой ло Кан-жабаган жаар барды, байла, кызылдарды бүртүп түжер болбой?

Мендеш. Байа түнде Карманнын карындажы Товар келип жүрген, онын куучыны болзо, Иркутте кааннын карындажы Макайла каан болгон, эм Иркуттен бери жуулап келетен деп куучындады.

Сары-жаак. Же карын, бу кызыл ийттердин тындарын кыйгылар эди. Кижин амыраар эди.

Сырга. Кызылдар слерди амыратпай канайып туру, бойыгардын жаманыгар учун амырабай жадыгар. Бир аай кызылдарга болушкан болзогор, бу качып турган немелердин ончозын туткулап алар эди; слер оморды жажырып, ологорго болужып турганарда, шакпырт болбой кайдар. Олор ойноп жүрген эмес.

Мендеш. Сенде эрмек жок. Жаш бала жаан улустардын эрмегинин ортозына не кирижер, ондо ло аяк-казанын күдүп отураар керек.

Сырга. Слер жаан да болзо, эрмегер тескери учун айдадым. Же ондый да болзо, актар слерди мекелеп, азык-түлүк аларга жат.

Сары-жаак. Же акыр, балам, менин сөзимди ук: кызылдар озо баштап келерде, алтай улусты тоногон до, өлтүрген де, оны не деп айдарын?

Сырга. Тоногон, өлтүрген болзо, алтай байа бойынын жаманынын керегинде ондый болды. Ол Сатунин ла Кайгородовтын мекезине кирбес керек болгон. Бир эмеш албаты, Орустын калын журтты, та канайып жуулажар болуп, ологордын мекезине кирер. Слер мылтык алып жуулашпаган болзоор, ондый болбос эди.

Мендеш. Сырга, мен сега айтпай кайттым! Сен жаш кижин, неменин аайын билбес, тегин эрмекти не айдарын, жаан улустын ортозына не кирижедин. Нени көргөн, нени уккан болуп куучындайдын?

Сары-жаак. Эмдиги балдар ондый ийне, жаан улустарга эрмек айттырбас.

Сырга. Слерди эрмек айтпагар деп турган кижин жок. Эрмектенер болзо, немени төзинен бери шүүп эрмектенер керек. Слердин эрмегер бу качып жүрген качкындардын төгүни, мекези.

Куран. (Улустардын эрмегин тындап отурала, айтты):

Мен сананып отурзам, бу баланын эрмеги чын! Актар бисти мекелеп, азык-түлүк ле аларга жат. Озогы антарылган каан эмди кайдаг келзин, ол ончо төгүн.

Мендеш. Айдарда, слер Товардын айткан сөзине бүтпей туругар ба? Олор качып та турган болзо, айландыра тил алыжып жат. Бу кызылдан нени көрөлө, ологорды жакшызынып турар?

Куран. Кызыл да биске жаманын жетирген жок. Кижин өлтүрген болзо, удурлажып жуулашкан кижилерди өлтүрген, качып турган бандиттарга азык берип, тил жетирип тургандарды өлтүрген. Озогы байлар, бий-каан болуп турган жайзандар, байла, бисти бандиттар айрып алар, озогы аайынча жокту-гойуны кыстап, ип жүрер болорыбыс деп сананып, бандиттарды тыгыдып турган болбой кайтсын?

Сырга. Ол өбөгөннин аяканы чын.

Мендеш. Сени унчукпай отур деп сега канчазын айдар? Эмди ада-энегнин сөзин укпаска отурын ба? Онойып барза, коомой неме болор болбой!

Сырга. Же мени канайып ийеригер, сөзим укпады дезе, жаан болзо сүрүп ийгейигер база. Эм кызылдын жагында кижин согор жаг жок болуп жат.

Куран. Мен бу жуукта жүргем, ондо куучындап турган куучынды угар болзо, кандый жакшы: озо байлар, жайзандар, бийлер жокту-гойунын күчиле жаткан. Жокту кижин жон ортозына эрмек айтпайтан; билер де болзо айтпас, бай ол эмезе жайзан сагыжы жедикпес те, эрмеги тескери болзо, ол айдар учурлу болгон. Эмди ондый эмес, байла, бийде үн жок; жокту кижин эрмек айдар учурлу, база үй кижин эрмекти айдар, жамыга турар учурлу. Эмдиги башкару жоктулардын башкарузы.

Мендеш. Же, көрөрим слердин бий каан болуп турганыгарды!.. Карын кадыттардан жайзандар тудуп алзаар, бир сүрекей неме ондо болор.

Сырга. Кадыт кижин кижин эмес пе, эр улустарла түнгей сагышту; жакшы сагышту үй кижин эр кижинден артык башкараар.

Мендеш. Эмди жайзан бий болойын - деп, ада-энегнин сөзин укпай отурын ба! Барзанг, сени кем тудуп туру? Жымжай калым берген катым дезе, некеп алгай!

Сырга. Калым жизин деп слерди кем айткан?... Жаш баланын аракызын ичсин, сатсын деп кем слерди айбылады. Жымжайга барар күүним жок. Калым жиген кижин бойыгар төлөп бергейер.

Мендеш. Мындай кижинин сөзин укпас көрмөсти, канайып ийер. Кызыл деп неме табылган, озогы жаңды үрөп, бусты. Бала-барка да кижин сөзин тообос болды.

Сары-жаак. Ондый ла неме болды.

Куран. Бу мында бир качкын көрмөстөр бар, ологордын керегинде жон шакпырап жат. Солдаттар жүрүп, канча ат барып жат. Көрмөстөрдүн ончозын тудуп алатан болзо, жон амыраар эди.

Мендеш. Бандит-көөркийлер сени амыратпай канайып туру? Тууда-ташта качып жүрген улустар-

ды не жамандаар, айткылаар.

Куран. Айткылаза кандый, олордын керегинде түймеең болуп турганы төгүн эмес; слердин ологго болужып, ачынатанар жок.

Мендеш. Сен отуруп алып, кызылдардын адаанын не алып отуруң, Куран? Бу ийт сыраңай ла кызылдардын ичи-бууры болуп берилтир. Кийинде көрүшкөйбис.

Куран. Сен тегине ле жерге нениң учун ийт деп айттың? Сен озогызына бодоп отурган болорың ба? Жок, эмди ондый жаң жок эмей! Байа ла мен дейле, кижини табына айдып алатан.

Мендеш. Былыраба ийт, мениң айлымнаң ары чык! Сендий ийтле эрмектежер күүним жок. Бандиттарга айдып, сендий немени аттырып салар керек.

Куран. Та, кемибис аттыратан болбогой көргөйлө! (бойы чыгып алып, жүре берди).

Мендеш. Бу неме кызылдарына барып коптоңып ийеле, чындап, кижини өлтүрүп салбазың. Сагыжы башка, мениң база башка. Оның учун меге олорто кожо жадарга күч болуп жат.

Санаш. Онызын билип турум, экем. Же канайып ийер, анча сагыбаган эмес, бу жайына сагызан, көөркийим!

Сырга. Сагыза, канайып калзың. Эм тургуза сен мында жуук туруң, күнүң сайын туштажып жадыбыс; өскө ыраак жерге барзан, сениң эзен амырыңды укпай санааркап өлүп калар кижини болбойым.

Санаш. Же акыр, экем, улустар бисти көргилеп туру, узак турарга болбос, бистин жааныбыска баралык, көргөн укканыңды айдып бер. Ол бис экүниң нак жүргенибисти билер.

Сырга. Ол кайдан билер, сен айттың ба, көөркийим. Же кем де билзе кайдайың, жагыс ла сени көргөмдө, өскөзи меге бир де немеге бодолбойт.

Санаш. Оның ончозың мен билип турум. (Жаанына келгиледи). Бу баланың ады Сырга, адазы Мендеш деп кижини. Слерге көргөнүң, укканың айдарга келди. Же Сырга, куучу аздап бер, командир бойы тил билер.

Командир. Слердин айылда не табыш бар? Кижини көрөр, уккадый не бар?

Сырга. Табыш жок. Кижини де көргөдүй, уккадый неме көрбөдүм. Байагы түндө Карманның карындажы Товар деп кижини келип барган. Куучыны Иркутте Макайла деп кижини, озогы каанның карындажы каан болгон, эм оной бери кызылдарды жуулайтан – деп куучындады, база Кайгородов Кан-Жабаган жаар барды, Чуйды төмөн Карман түжетен. Кадын ол жанында Семенек деп кижини отрядту – деп куучындады.

Командир. Товардын отряды канча кирези, оны айтты ба?

Сырга. Жок.

Командир. Турган жери кайда, оны айтты ба?

Сырга. Ийнекейдин бажында, тайгада – деп айткан.

Командир. Товар слердин айылга база келерим деди бе?

Сырга. Бүгүн түндө келип, эт-азык алатам деген, та бойы келгей, та кижини ийгей, оның жартын жакшы билбей турум.

Командир. Кайгородов Кан-Жабаган жаар качан барган, канча конгон оны айтты ба?

Сырга. Байа түндө эки конгон деп турган.

Командир. Курманның отрядында канча кижини бар деп айтты?

Сырга. Оның тоозың укпадым.

Командир. Семенек Кадынның ол жанында, кайда туру деп куучындады?

Сырга. Бий сууның бажында – деп айткан.

Командир. Карманның түжерин айтты ба?

Сырга. Кайгородов Кан-Жабаганды алып ийзе, ол тужында Карман бу төмөн түжүп, Хабаровка ла Ондойды жуулайтан. Семенек деп кижини Чамал деп жерди барып жуулайтан – деп айтты.

Командир. Санаш бери кел, взводный командирге айт: 20 кижини бүгүн түндө Мендеш айлына келген бандиттарды каруулап тударга белен болзың; түн кирзе ле атанар. Оной башка Ондойго бичик алып барар бир кижини чыгарзың. Оның кийинде бу баланы үйдежиң сал.

Санаш. Же, кайтсын.

Командир. Же Сырга, эм жаан улустарың сени таппай калбазың. Бого келип барганыңды билгилеп алза, олог сего ачынар. Оның кийинде сени бери божотпоско каруул салар, ол эмезе бандиттар билип алза, сего жаман болор.

Сырга. Же өрөкөн, бандиттардын мекезине кирип алала, бойының тенегиле ологго болужып жат. Мен слерден сурап турум, оны тың катулабагар.

Командир. Корукпа, адаңды катулабазабыс, сениң эткен жакшың учун. Жакшы болзың. Мен барып уулдарымды башкарып көрөйүн.

Сырга. Же, жакшы болзың, өрөкөн! (командир чыгып алып, жүре берди).

Санаш. Же Сырга, мен бүгүн ары-бери барбазым, командир сени үйдежиң сал деген. Олог 20 кижини бүгүн слердин айылды каруулаарга барар. Көрмөстөрдү тудуп алза кайдат.

Сырга. Мен ундып салтырым, командирга айдар керек болгон. Бандиттар келзе, мен одын эш алып жүрген кижиге болуп, эжикке чыгып, јөткүрүп ийзем, ол тушта јарт – келгени ондо болор.

Санаш. Акыр, мен командирга барып айдып салайын (јүре берди).

Сырга. (Јаңгыскан тура калала). Бу бир бандит деп көрмөстөр табылган, Санаш көөркий олорто јуулажар деп јүрүп, канайып-канайып өлүп калза, ол тужында менде јүрүм јок. Кайран көөркий, качан экү табышкайыбыс?

Санаш. (Ойто келеле). Экем, сен жаңгыскан туруп алып нени эрмектенип турун?

Сырга. Је, көөркийим, оны угуп алып кайдарын.

Санаш. Барак, мен сени эмеш үйдежип салайын.

Сырга. Је, барак. Акыр, сен меге эмеш куучын айдып бер, мен сурайын, сен меге јакшы јазап ончозын айдып бер. Айыл ыраак эмес, мен јана бербей.

Санаш. Нени сурайын деп турун, экем, айт, билгедийимди куучындап берейин.

Сырга. Эмди албаты-јонды башкарып турган башкарунын ады-јолы не? Ол меге керек, ада-энеме де, туура да улустарга куучындарга. Мен бандитка да куучындарым, мен олордон бир де эмеш јалтанбазым.

Санаш. Эмдиги башкару јоктулардын башкарузы, байлар билер эмдиги башкару да јок. Озогы кижиге јийтен јутпалар эмди токтогон. Эмдиги јаңда кандый ла кижиге тунгей, орус тилле «товарищ» деп айдар, алтайлап – «нөкөр». Эмдиги башкарунын ады Рабоче-Крестьянский деп башкару, албатынан талдалган улус турар учурлу, кандый ла керекти олор јөптөжип бүдүретен керегинде «Совет» деп айдар.

Сырга. Эмдиги јаңда кижини албанла кижиге берер, албанла кижиге алып берер јаң бар ба?

Санаш. Ондый јаң јок. Озогы аайынча јаш баланын аракызын ичип, калым алар јаң јок. Кыс бала күүни јеткен кижиге барар, уул кижиге күүни јеткен кижиге алар. Албан ла беретен јаң јок. Уй кижиге канайда ла јүрейин дезе бойынын табы.

Сырга. Айдарда, ада-энем, мени албан ла јылмайга берип болбос туру, көөркийим! Мен коркып жүргем, кижини санаазы јетпес кижиге бергилеп ийбезин, эмди коркорым јок.

Санаш. Эмди бисле јуулажып турган бандиттар, бийлердин, байлардын јалчылары, олордун мезине кирип алып јуулажып јат. Ол бандиттарга туштап, неменин аайын, јакшы јазап куучындап берзе, олор санаалу улус, сагыш алынар эди, кижиге олорго туштаарга да болбос, көрзө лө адып киргилегей бергей база.

Сырга. Олор бистин айылга јаантайын жүргүлөп јат, мен олорго куучындап көрөйин, кайткай эмеш.

Санаш. Кайтсын, көөркийим, сени балшамнак (большевик - ред.) деп көргүлебей баргай база.

Сырга. Керек бар ба, олордон коркуп турган кижиге јок. Мен бу јаң учун, олорто јуулажарым ла, не болзо ол болзын.

Санаш. Сен өйинен өтпө, көөркийим, јаан сагышту немелер, сени канайып-канайып салбазын.

Сырга. Канайып ийер олор мени?

Санаш. Өлтүрүп те салар, тудуп алып, кыйнаар болзо кайдарын?

Сырга. Өлтүрүп салардан башка. Мени алып барып, не эдер, бойлорына ла чаптык болбой база.

Санаш. Јаман сагышту немелер нени этпес деп айдар, нени де болзо кылынар.

Сырга. Је, коркыба, көөркийим, чеберленейин. Акыр, эмди јанар керек, чала удай бердим ошкош, уй-сай келип, бозулар эмип салбазын.

Санаш. Көөркийим, экем, сени божодор күүним јок. Канайып ийейин, јаңгайын база!

Сырга. Менин де сенен айрылып јанар күүним јок. Бу бандит деп көрмөстөр эмес болзо, мен сенге кожо слердин айылга јүре берер эдим.

Санаш. Је, анча шыраалабаган, кыйналбаган эдибис, база бир эмеш кыйналып, кунугып жүргейибис!

Сырга. Је, јакшы болзын, көөркийим. Эмди качан туштажарыбыс?

Санаш. Та, билбей турум. Командир божотсо, слердин айылга барарым. Бис экүнин алыжарга турганыбысты сенге ада-энең билер бе?

Сырга. Јок, билгилебес.

Санаш. Ондый болзо, эртен мен слердин айылга барайын. Јакшы болзын, экем, јаң, улустарын чугулдажа бербезин. (Окшожып јат, Сырга кайа көрө-көрө барды, Санаш кийинен ары көрүп туруп калды).

Көжөгө

Үчинчи бөлүк.

Санаш. Эртезинде эгирде Менгештин айылына барды. Ол айылда Сары-Јаак, Күпчек, база 4 кирези кижиге отурды.

(Санаш айылга киреле, айылдын эззиле, ондо отургандарла јакшылашты).

Менгеш. Бу бистин бир кезик алтай уулдар та канайып калган немелер болбой, кызылдарга кожылып алып, бойынын алтай улустарыла јуулажып турар?

Санаш. Слер, өрөкөн, немени тескери шүүп эрмектенип отураар.

Мендеш. Эмди кызыл болуп алала, неме билер сүрекей эр мен деп отурган болбой кайдаар?

Сырга. Слер ааја, эрмектинг аайына чыкпай, ол кижн эрмек айткалакта, кижининг үсти орто баспагар.

Мендеш. Сен база улустынг эрмегининг ортозына кириже берген бединг? Унчукпай отур.

Сырга. Је, унчукпайын, тегин эрмектинг аайын айттым, кижининг эрмегин сакубай үстү орто бара-рыгарда.

Сары-Јаак. Мендеш өбөгөн, не-неменинг јартын айдарда, Сырга ортозына кириже берди. Тура-зынан угарга да јаман, оок балдар јаан улустардынг эрмегине киришкенде.

Сырга. Слердинг де кирижерер јок. Слерден эрмек сураган кижн јок.

Санаш. Је, акыр, өбөгөн, слердинг ачынарар јок. Менинг кызыл болгоным төгүн эмес; кызыл эмес болгон болзом, мен бу качкын-баскын, актардынг јалчылары бандиттарла јуулажып јүрбес эдим. Слер чуулданбагар, мен кызылдынг учурын слерге јазап айдып берейин.

Мендеш. Јок. Сенинг төгүнннг, сенинг мекен угар кижн јок.

Сырга. Ол кижн эрмек айдайын ба деп сураарда, не болбой отураар? Онынг эрмегин уксаар, слердинг кулагар үзүлп, тужуп калар ба.

Мендеш. Је, акыр Сырга, бу сен кайткан бала болотон. Кижн сөзин укпас. Сен онойып отурып, меге кыскашла бажын јара соктырып алдын!

Санаш. Сырга, сен јаан улустарла арчашпа. (Тышкары ийт үрди, Сырга чыга јүгүрди, айтты). Баа, көрмөстөр келип јат. (Бойы јок болуп калды. Сырга кой күдүп јүрген Боктуга барып айтты). Сен капшаай төмөн барып, кызылдарга айт, бистинг айылда бандиттар келген. Санашты тудуп алган деп айт. Капшаай бар, мал турбай неге барар. (Бойы ойто айлына келди. Айлына кирип келеле, көрзө, Санашты тудуп күлүп алыптыр).

Мендеш. Сырга, бу айылчылар келди, капшаай казан ас, көөркийлер аштагам болор.

Сырга. Казан аспазым, азар болзо, энем аскай ла, айылчы кижн былардый болор бо, айылга киреле, тегин отурган кижини тудуп, күлүп салатан. Кылыктары јаман бу ийттердинг!

1-кы бандит. Бу бала бу бир кызыл көрмөскө не болужат. Мында, байла, бир неме бар болор.

2-чи бандит. Ондый кадыттарды ончозын адып салар керек.

Мендеш. Бу бала бойынынг тенегила куучындап отурбай. Слердинг ого ачынарар јок. Сен, Сырга, унчукпай отур.

Сырга. Адар болзон, адып сал, сенен коркор кижн јок. Эмди мылтыгынга мени коркыдайын деп отурын ба? Ондый ла белем коркор кижн јок болбой!

Мендеш. Сен Сырга, былырабай, казанын ас.

Сырга. Аспазым (чыгып алып јүре берди).

1-кы бандит. Ол бала сүрекей јакшы бала болгон, бүгүн канайып калган болбогой? Бу бир кызыл көрмөскө болужып, чугулданып турган болбос по?

Мендеш. Је, онынг, тенек неменинг эрмегин, база эрмекке бодоп туругар ба? Бойынынг тенек сагыжыла онойып јүрбей. Эмеген, казан ас! Бу улус аштаган болор, јерде качып јүрген улус, тойо ажанып јүрү деп отурын ба?

(Эмегени казан асты. Бандиттардынг бир јааны Санашты шылап туру).

1-кы бандит. Сен, Санаш, сагыжынга не кирерде, кызылдарга кожылып алып, бисле јуулажып јүринг? Сенинг кызылынг неме болбос. Удабас бис слерди бу төмөн бүртүп тужерибис. Бистинг черү тын, бис слерди немеге бодобозыбыс. Кызылынды чачып, ойто каан тударыбыс.

Санаш. Мен јуулашпай кайдайын, эмдиги турган јан – Совет јан, Ишмекчи ле Крестьяннынг башкарузы, не ле башкару эмди албаты-јоннынг колына кирген. Озогы бийлер, каандар, кижн јийтен байлар ончозы јок болды. Карын, мен бодозом, слер бийлердинг, байлардынг мекезине кирип алып, ологго кул болуп, бойыгардынг јон албатынынг башкарузула удурлажып, јуулажып, јүрүп јадыгар. Бу кайа-ташка качып јүрүп, канчазын јуулажып каларыгар. Бу качышты токтодып, айыл-јуртка јанып, бала-барказын, мал-ажын көрүп, амырап јуртап јадар керек. Је бу слердинг качып јүргенигерден не туза болор, албаты-јонго шакпырт, бойыгарга шыра. Эм кижн өлтүрбей јат, тужуп јанар керек.

(Санашты шылап турган бандит унчукпай, бажын төмөн салып отурды. Сырга айылга кирди, отурды, өскө улустар ол-бу деп эрмектежип отуру. Сырга улус көрбөс сабазында Санашка имдеди, нөкөрлөринг келип јат деп).

1-кы бандит. Санаш, сөзинг бер, мени өлтүртпезим-деп, мен бого кыйналганча, мылтыгымды табыштырала, јанатам. Чын, бис јонго шакпырт эдип јадыбыс, бойыбыска да кыйын.

Мендеш. Бу слер јаан кижн канайып отураар, кызылдынг мекезине кирип

1-кы бандит. Јок, меке эмес, мен онынг ончозын билп јүргем, јангыс өлтүрер болор деп коркуп турбай, өлтүрбес болзо, кем јок тужер.

Санаш. Јок, өрөкөн, өлтүрбес, бойымнынг јүрер јажымла антыгын турум. Јанар, слерге удостовере-

ние бичик чийип берер, ол тушта слерге бир де кижиге тийбес.

1-кы бандит. Је акыр, бу көөркийди не кыйнаар, божодор керек. (Санаштын күлүзүн чечет).

2-чи бандит. Сен, көрмөс, ол кижинин күлүзүн не чечип турун? Эмди кызылга болужайын деп турун ба? Уулдар, бу экүни тудар, экилезин күлүр керек, слер де отурган улустар тудужар.

(Санаш ла 1-кы бандитти күлүүр болуп, ончозы туруп ла чыкты. Ол экү ологорго алдыртпай удурат тудушкалай берди. Онойып, тудужып турганча, эжик ачылып, кызылдар кирди, оны тудужып турган улустар көрбөй калды. Кызылдар киреле, мылтыктарын уулап алды.)

Командир. Колдорыгар өрө көдүригер!

(Санаш 2-чи бандитти маңдайы орто жудурукла саларда, кижиге барып түшти, өскөлөрү колдорун көдүрүп тургулап койордо, командир мылтыктарын жууп алды, оокторун айрып алды, кармандарын кодоруп кандый ла немелерин ончо айрып алды).

Санаш. Бу бандитка тийбегер, бу көөркий эмес болзо, бу ниттер бүгүн бого мени өлтүргилеп салар эди. Өскөлөрүн та канайып ийетен эдер, бойыгар билер.

Командир. Бис кижиге өлтүрбөй жадыбыс. Тударын тударыбыс, жаандарга табыштырар; олардын керегин жаргы билер, бурулаза – жаргы бурулазын, бистин жаргы эдил, кижиге өлтүрер жаңыбыс жок.

Мендеш. Сырга, бу улуска казан ассан, ол Боктуды кыйгырар керек, малын бери айдап келзин, мал өлтүрер керек.

Командир. Биске бого чайлап, эттеп отурурга бош жок, бу улусты барып шылайла, аткараар керек. Слер, Мендеш өбөгөн, кожо барар, слерде база шылу бар.

Мендеш. Мен качып жүргөн качкын эмес, айлы-журтымда жаткан кижиге, менде не шылу, не жаман бар?

Командир. Сен, Мендеш, көп эрмектенбе, мен сеге айткам кожо бар деп, унчукпай барар ла керек. Мойноор болзон, жаман болор.

Сырга. Слер, өрөкөн, адама чугулданбагар, ол тегин онойып турбай, барбай кайда баратан эди.

Мендеш. Сен, Сырга, улусты эрмегинин ортозына киришпе!

Сырга. Барбай кайда барарар. Мен слерге канча айткам, бу бандит деп немелерле танышпагар, ологорго азык-түлүк бербегер деп, алганыгар ол.

Мендеш. Је, Сырга, токтозон, бу кереги жок эрмекти не эрмектенерин. Баратан болзо, баргайым ла. Командир бойы билгей база, кайдаар эдетен эди.

Командир. Слер, өбөгөн, коркубагар, слерди ары-бери этпезим. Шылайла, ойто жандырып ийерим. Коркороор жок. (Нөкөрлөрине айтты:) Је, товарищтер, бу улусты айдап алып, бистин штабка алып барар, ондо шылу эдер керек, онын кийинде Ондойдын жаан штабына табыштырар. Бу Мендеш өбөгөнди таштабагар. (Кызылдын солдаттары) Мендеш өбөгөнди айдап алып, жүргилей берди).

Командир. Санаш, сен январың ба, бого эмеш айылдарың ба?

Санаш. Мен слерге керек жок болзом, бого жада калайын. Байа бандиттары келеле, кижини тудуп алат эмеш пе?

Командир. Јакшы каруулданып турар керек. Көрмөстөр келеле, чындап жаман этпезин. Је, јакшы аяктанып тур! Јакшы болзын!

(Командир чыгып, жүре берди. Айылда Санаш, Сары-Јаак, Сырга энезиле база бир 3 кирези кижиге артты).

Санаш. Акыр, өбөгөндөр, слер ол бандиттарга болужып, бисти күлүүрге не санандыгар? Слердин ол кылыгар, сүрекей жаман, мен слерге ачынып, оны командирга айтпадым. Онон башка слерди, ол бандиттарла кожо айдар эдим.

Сары-Јаак. Айдудан, өлүмнен кем коркуп туру? Алтай јери учун өлзө дө кайдар, өскө улус түнгей өлүп турбай база!

Сырга. Бу Сары-Јаак өбөгөн сүрекей жаман кижиге! Көрөрдө, јылмайып калган неме, ондо кылык бар. Сагыжы жаман.

Санаш. Сен Сырга, тескери эрмек айдып жадын. Бистин алтай кижиге бичик билбес, тил билбес, карангуй түндий болуп јат. Бичик билер болзо, ол газет эш кычырып, неменин аайын көрүп, отуруар эди. Сары-Јаакты да ойинен өткүрө бурулаары ок. Ол бичик, тил билер болзо, онойып айтпас эди. Сары-Јаак бандиттан өскө неме көрбөй јат; эрмектешкени жаңыс ологор. Бандиттар кандый ла төгүн-мекени куучындап бергенде, апшыяк немени онойдо шүүп куучындап јат.

Сырга. Неменин аайын билбес болзо, бандит сөзине бүтпей, сельскийдин жуунына жүрер керек, не ле неменин аайын ондо угар. Јуунга барган кижиге, кызыл болгоны ол деп, качкылап туратан да, быларды канайып ийер.

Санаш. Бандиттар бисти жамандап, кандый ла куучын айдып бергенде, бу мындай өбөгөндөр ого бүдүп, бисти жаман көрүп јат. Албаты-јон учун, чын туружып турган улус бис. Бандиттар слердин азык-түлүк алып ийирге, слерди мекелеп јат. Слер дезе олардын сөзине бүдүп алып, эмдиге турган албаты-јоннын бойынын башкарузын жаман көрүп жадыгар. Бандиттин жүрүминде узак жок, ологор бу алтайга ла айланыжып турала, јылыып калар неме, жаңыс бистин алтайга шакпырт эдил, артып кал-

ган малыбысты үзе жигилегей база, оноң башка олордон бир де туза жетпес. Слер, Сары-жаак олордын сөзине бүтпей, кандый бир билер улустын куучынын угуп, жуунду жерге жүрүп, ондо не куучын бүдүп жат, ишти, керекти канайда башкарар деп жөптөжип жат, оны угар керек.

Сары-жаак. Жуунга канайып жүретен эди, бандиттарыгар билзе, кижини кызыл болдын – деп, өлтүргилеп салбай.

Санаш. Слер олорло жуулажып турган эмес, жуунга жүрген кижини өлтүрөтөн, кандый тенек бандит болгон ол.

Сары-жаак. Слер мында узак турарар ба?

Санаш. Бу бандиттар божобогончо, бис мынан барбазыс. Же мен эртен жанып жадым. Кече энгирде Ондойдын штабынан бичик келген, мени солдаттан жанзын деп.

Сырга. (Отурган кижини бойы да билбей калтыр, кыйгырып ийген). Мен кожо барарым ба көөркий?

Санаш. Та, онызын билбей турум, улустарын не деп айтпагай, менин болзо, кожо барар керек.

Энези. Бу көрмөс кайдаар барарын куучындайт. Эм болбосто кызылдын солдадын ээчип, тенийин деп отурын ба?

Сырга. Слердин аракы ичкен жеригерге мен барбазым. Жаш баланын аракызын ичсин деп слерди кем айтты, жымжайды көрөр күүним жок. Калым алган болзоор, адам төлөп бергей база. Эмди озогы албан жан жок, күүни жетпес кижиге кижини беретен. Менин күүним бу Санашта, мен ого барарым. Онон айрылып жада калбазым.

Энези. Сенин табын болбой кайтсын. Сананган сагышла жүре беретен. Адан не деп айдар. Адан уккан кийинде, сени аттын камчызыла сойор. Албаты-жонноң биске уйат. Балазы кызылдын солдадын ээчий берген деп айдар. Мен ондый немени укканча, торт өлүп каларым, онын уйадына кем чыдаар.

Санаш. Слер өрөкөн, ачынараар жок. Сырганын айтканы чын, же ондый да болзо, жетире айдып албай отуры. Эмдиги жанга эр-кадыт деп ылгайтаны жок, кандый да кижини болзо, керекке турар, онын үстүне, озогы чакта жаш баланын аракызын ичеле, калымын жийле, жаанап келген кийинде, баланын күүни жетпес те болзо, албанла байагы аракы ичкен жерине берип ийетен. Эмди ондый калым жири, албанла эрге берер жан жок. Жаанап келген баланын бойынын күүнинде, талдап алган кижизине барар учурлу.

Энези. Сенде не болзын, кадыт аларга отурган кижиде. [үзүн-жүр жан, закон тааң куучындап отурбай кайтсын.

Сары-жаак. Же слердин де кыйыжарар жок эмтир. Сырга бу уулдан айрылбас. Кожо барары жарт көрүнүп отуры.

Сырга. Бу Сары-жаактын сагыжына не кирерде, биске болужып отурын не? Жок бу тегиндү эмес.

Сары-жаак. Бу бандиттарды таштап, кызылдарга нөкөр болотом. Чындап, бандиттар бистен азык-түлүк аларга бисти мекелеп жат. Эмди онызын жарт таныдым. Мынын кийинде олар жаар болор кижини жок.

Мендеш. (Онойып отурганча, Мендеш кирип айтты) Бу командир неменин ончозын билер эмтир. Бистин айылга Товардын качан келгенин, нени куучындаганын, канча кой, азык алганын, ончозын билер. Мени шылаарда, жажырып куучындарымда, айтты: «Сен, өбөгөн мекелебе, жаман болор, керек мындый-мындый болгон». Айдарда, барар жер жок, ончозын жараштыра куучындап бердим.

Энези. Бандит-сандидын сандразын сенин, бу отурган Сырга деп кызын ол Санаш деп уулла кожо барарга отуры. Сенин кичеегенин бандит ла, айлы-журтынды, бала-барканды жакшы башкарбас, табына салып ийген, эм алганын ол. Албаты-жон, кызын кызылдын солдадын ээчип жүре берди деп айдар. Ол тужында уйалбай, жон ортозына канайып жүрерин?

Мендеш. Нени айдадын, мен аайына чыкпай отурум?

Энези. Ол отурган Санаш деп уул эртен отрядтан божоп жанатам дийт. Сырга кызын мен Санашла кожо барар кижини, оноң өскө кижиге барбазым дийт. Эмди экү бүгүн төмөн штабка түжеле, эртен оноң ары баратан дежет.

Мендеш. Сен Сырга, жүлбе, карый берген ада-энеңди уйатка салба, ол ондый тап жок, бала кайдан келген, кижини ле көрзө, ээчий беретен.

Сырга. Мен кижиге барзам, слер оноң не уйалып туратанар? Ондый уйатту неме болордо, слер менин аракымды не ичкенигер?

Мендеш. Ичетен жанду немени ичпей кайдар. Бала болзо, аракызын ичкен жерге барар учурлу. Ол озодон турган жан, ондо уйат жок.

Сырга. Эмди жанга күүни жетпес кижиге кижини албан ла бербес жанду. Албан ла кижини кижиге берген кижини, калым ичкен кижини, законло аргага кирер учурлу.

Мендеш. Баланын калымын жибесте, тегине ле оны не азыраар.

Санаш. Кижини садар жан жок. Ол мал эмес. Ошкош кижиле түнгей кижини. Акыр, күн ажып браат ошкош, эмди жанын көрөр туру.

Сырга. Мен сенен жада калбазым, кожо баратам. Мен сен жок жүрүп болбозым. Буурым түгенип, өлүп

каларым.

Санаш. Је барар болзо, баралык! Менде туруш јок.

Мендеш. Бу экү јууле берген болбой!

Сырга. Јуулген кижии јок. Јурт конорго брааткан кижии, јуулгек кижии болор бо?

Мендеш. Јок, неме болбос. Бу экүнинг кылыгын барып, командирге айтпаганча (чыгып сала берди).

Санаш. Је Сырга, шыйдын, баралык, күн ажарга једе берди. Байа бандиттары келип, кижии туткулап албазын.

Сырга. Је, улус меге неме берер эмес, бу кийип отурган тон-бдүкле ле баргайым база. Је, јакшы болзын эне, слердин сөзигерди уклады деп, меге чугулдабагар (Ончозыла эзендешти, энези колын береди).

Је колыгарды бербезер, канайып ийейин. Је, Санаш, јүрелик! (Экү чыгып јуре берди).

Энези. (Отурып калала, бир канча болгон кийнинде айтты): Кызыл деп јан табылган, јан ончозы бузылды. Орб турган кудайды јок этти, озогы албатынын јангын бусты.

Көжөгө.

Учы.

АЛТАЙ ДЕЛЕГАТКАЛАРДЫҢ ЈУУНДАРЫНЫҢ ПРОГРАММАЗЫ

(Кепке базылганы аайынча: Алтай делегаткалардын јуундарынын Программасы/
Аргоков көчүргөн

- Чыгарганы Ойрот ВКП (б)-енин Обкомнын колкүчиле јаткан үй улустын ортозында иштеп туратан отделеы - Ойрот областын типографиязы, 1927 жыл. - 18 с.).

I. ВКП (б) -ла Колкүчиле јаткан үй кижии.

1) Ленин ВКП (б)-нын башчызы, колкүчиле јаткандарды јакшы јүрүмге, јадышка киретен, аргаланар тартыжуга баштаган аргаачызы Колкүчиле јаткан орус та үй кижини, карануйда, кыйын-шырада јаткан башка укту, оок албатынын да үй кижизин орб тартып онжидерге, Партия эр де кижинен артык кичееп јат.

Делегаткалардын јууны - колкүчиле јаткан үй улустын аразына иштейтен. Партиянын ижинин бир јозогы болор.

II. Ару-чек болорынын үредүзи.

2-3. Алтай албатынын айыл-јурты, јадыны кирлү, быјарлу.

Алтай үй улустын көбизи үй улус оорыйтан оорулу, көзи оорыйт, үзери јаман, быјар југуш ооруга таптырат (јаман баалу, көстин көжөгөзи, чемет оору). Көскө көрүнбес курттар (микробтор), сегерткиш, бийт, чымыл, өскө дө немелер ооруны јайып, таркадып турган неме ол. Алтай улустын бир кезек јангы бар: канза алыжары, јангыс аяктаг ичери-јири, ол ооруны оору кижинен кадык кижиге көчүрип, југуштыратаны ол. Ооруны көндүктирбей, буудактары; эн баштап айыл-јуртын, чеден-чуланын, аяк-казанын, кийимин ару-чек тудары, бойынын эдин таманынан бери јунары. Оорыган кам камдатпай, деремнедеги шыпшап эмдеер эмчилерге эмдетпей, аймак ичинде больницага бачымдап барып, доктор эмчиге эмдеткени арга. Алтай үй кижинин кичееп, недег де артык көрөтөни - айыл-ичи ару-чек болзын деп, бала-барказы, билези кадык јүрзин деп.

4) Алтай үй кижии оору табатан көп јаны, јажы јеткелекте кижиге баратанынан; јажы јетпес, јажы бойына түнгей эмес кижиге баратанынан. Балдарды тапканынан балдар уян болот. Бала табар тужында, үй кижини јакшы кичееп көрүп, ару чек тудар керек. Алтай улустын балдары кирге бастырат, оларды эне-адазы кичеебейт, ада-энезинен кичү јаштан ала оору таап алат. Не ле эп-аргала, олардын кадык јүрерин кичееп, оларды ару-чек јүрерине баштаар учурлу.

III. Агроном үредү

5) Алтай үй кижии айыл-јурт ичинде сүрекеј јаан, көп иш эдип јат: ол уйдын, малдын кийнинен јүрет. Кой-эчкизин көрөт, уй малын саап, аракы-чеген эдет, аарчы-курут чыгарат; кой-эчкизинин түгин кайчылап, кийис базат; тере-терс ийлейт. Ол иштерди бойынын эби јогынан билбезинен, коомой кирелү эдет. Не-немези арбызы јок, тутакту болот. Јаан кар түшкенде, малы курсакка јединбей блүп турат. Үредү аайынча малдын кийнинен јүргеежин - арга ондо. Кышту јерлерде јылу кажаган-чулан эдип, малды ого азырап, курсагын јарандырып, арлап, чектеп саап тургадый. Кичинек те болзо, ого-род-маала эдип, ого керектү аштан салып тургадый. Ол тужында балдарды, билези күскиде де, кышкыда да курсактан аштабас. Јиир јүзүн курсагы көп болор.

Огород-мааланы канайып эдер, ажын канайып көрүп өскүрер, кышка оны канайып јууп чеберлеер.

IV. Совет јурттын башкарынары ла үй кижии

6) Алтай үй кижинин правозы јок јүрүми, каан тужында - айлындагы билезине кул эди; јон кере-

гине киришпес, үн жок болгон. В.И. Лениннинг кичеемели, үй кижини албан-кыйыннан айрып, жайым жүрүм берерге кичееген. Ленин айткан: «Кандый ла үй кижини, жалга да жүргени, государствоны башкараарга үренип алар керек» – деп. Коммунист партия ла Совет башкаруу, колкүчиле жаткан орус та үй кижиге башка да укту албатынын үй кижизине, жөн керегине кирижер, сельсовет жамылуларына туржар, эр кижиле тунгей, жаңыс право берген, не ле керекти эр кижиле тунгей, жаба эдер жаң берген. Бистин областьта бу жуукта үй кижини эр кижиле кожо советтерди талдап, туткылады. Коммунист партия ла Совет башкаруу эне ле баланы корыыр закон бүдүрүп тургусты, өскүс балдарды азырап жатыргызар туралар бүдүрүп жат, оору балдарды азырап жат, оору балдарды эмдеер башка больницаалар эдип жат, ондо балдарга башка эмчи болор. Бала тапкан үй улуска болуш та берип турат. Бистин область жокту да болзо, ондый керектерди бүдүрерге тунгей кичееп жат. Эмди партия ла советтердин ижин жарандырып, көндүктирерге кичееп жат. Журүмистин жаранары – жамылуга талдап тудулган улустын кичеемелинде.

Алтай үй кижини берилген правозын колына алып, сельсоветке, комитетке, бичик кычырар тураларга киришип, ого кожо туруп, олар ажыра бойларынын жүрүмин, жадынын жарандыргады болзын.

7). Каан тужында үй кижини кижиге берерде, бойынан жөн жокко, албан ла калым учун берип турган болгон. Кижиге барган соңында онын жүрүми шыралу, албан-кыйынду болгон. Барган эринин кулы болгон. Совет башкаруу тужында үй кижини эринен тутак жок, жаңыс праволу болуп жат. Журт жөбжөзин үлежерде, үп аларында, эринен айрыларда, үй кижининг правозын ла балдардын правозын карын да кичееп корып жат. Жер үлежерде, үй кижини жерди эр кижиле тунгей алар. Совет закондорды, качан да болзо, үй кижининг, энининг, баланын правозын корыыр эдип бүткен. Ондый керектерди аяктап көрөр керек, качан да болзо, онойып болзын деп, кичееп тургадый. Кандый-кандый комыдал болзо, сельский организаторго эмезе үй улустын организаторына угузып тургадый, үзери неден де артык омордын болужыла, сельсовет ле аймак, база народный судтан правоны тударга кичееп тургадый.

V. Журт жөбжө башкарынатаны ла үй кижини.

Бастыра бистин Совет Союзынын республикаларында сүреен жаан иш кайнап бүдүп туру. Колкүчиле жаткандардын Улу үредүчи ле башчыбыс Лениннын айдып берген кирезиле, бистин журттыбыстын ишмекчи ле крестьяндары Коммунист партияга ла Совет башкаруга баштадып, бар жок журттын, жөбжөзин эскизине өскөртүп, катап жаңырттып иштегилеп жат.

Омор жаңы фабрик-заводтор эдип жат, темир жолдорды, станцияларды жаңырттып, омор аякту, кайкамчылу «электрический» от, «электрический» ийде берип жат. Омордын кичееп жатканы жарамыкту, жакшы бойына жарагадый товарларды эдип жат, омор беги де артык, баазы да жеңил.

Омор журттын чий товарын арбындадып жат: тере-терс, көбөн, түк; ондый немени фабрик-заводтор сүрекей керексип жат. Омордын кичееп турганы журттар, омордын не ле кереги үредү аайынча бүдүп, жаңырып турзын деп, журт ичинде көп машиналар болзын деп кичееп жат. Ондый машиналар: салда, аш кезер, өлөн чабар машина, темир баатыр эт – «трактор». Омор кооперативтерди элбедип жарандырып жадылар.

Алтай үй кижини ол журт ижине тунгей ле киришип, болужар керек. Онон артык озогы каан тужындагы орус коюйымдар ла Алтайдын байлары алтай улусты мекелеп жип турган, үзери Алтайдын журт жөбжөзи актар ла бандиттер тужында үзүлген эди. Ондый түбектен ондонорго, ойто жөбжөлөнөргө, кооперацияга ла сүт эдер, сыр (орус аарчы) эдер артельдерге кирер керек, укту мал азырар товариществолор бүдүрер керек; түк, терени өскө дө тапкан немени кооперацияга берип тургадый, товарды десе өскө дө керектү немени кооперативтер алып тургадый.

Алтай үй кижини кооперацияга барып, онын правлениезине бойларынын ортозынан кижини талдап тудар керек. Ары-бери көчүп, жайлу-кыштулу жүрүм, журташ, үредү аайынча журтын, не керегин эдерге бербей буудактап жат. Угын жарандырып, мал азыраар деп, жазап кыра эдип, аш салайын дегени, омород-маала тудар деп, ары-бери көчкүн жадынды таштап, жаңыс жерге токунап жадар керек.

VI. Бастыра үредү керегининг аайы.

9) Башка албатынын колкүчиле жаткан үй кижини, канайып журт журттап, керегин башкарып, балдарын азырайт.

10) Алтай үй кижиге бичик билеринен не туза болор; Совет башкаруу, бастыра албатынын үредү керегин канайып кичеет; онон башка, бистин жаңыс Ойрот областьты канайып кичееп туру.

Алтай делегаткаларынын жуундарынын программасына аайлап айткан бичик

Делегаткалардын жуундарын канайып эдер.

1) Делегаткалардын жуунын эдетен программа учту-башту, алдынан бойы алты, бөлүгү үзери 10 учурлу суракту.

2) Программаны баштап алып, учына чыгатын ой апрельдин баштапкы күнинен ала октябрьдын 1 күнине жетире. Аайыла оны 6 айдын туркунына божодып чыгар керек. Айдарда, келишип турганы эки неделенин бажында бир жуунан келижет.

А) АРУ: Јуунда тургускан керек јаан болуп, жаңыс јуун орто бүдүрүп, үзүп болбогодый болзо, ол керекти эки башка бөлүп, катап јуун эдип, ол јуун орто бүдүрүп үзөр керек. Айдарда, айда бир артык јуун јуугадый болуп јат.

3) Программала иштеп, керектерди бүдүрүп турган тужында, ого коштой делегаткалардын јуундары таскадар практический иштү болор учурлу, таскадар иштердин (практический) отчет докладтарын угуп турар учурлу. Отчетты деремнедеги јоннын организацияларына тудулган делегаткалар айдар учурлу, сельсовет члени болзын, ККОВ-тын, кооперативтин правлениезинин, нарзаседательдин болзын, оног до өскө керекке турза, ижинин отчет-куучынын туней айдар.

Ол ишти мынайда эдер учурлу: делегаткалардын јууныла болгон тоозына, эг баштап программада турган керекти иштеп бүдүрер; онын кийнинде экинчи керек, таскадар (практический) керекти баштап алар. Ол мындый аайлу: сельсоветте бе, ККОВ-то бо иштеп турган делегатка бар болзо, ол бойынын ижинин, сельсоветтин председателинин, кооперативтин правлениезинин докладдын угар.

Онойып этсе, таскадар иш, программада турган керек ле жаңыс аай туней болзын, ол керекке јуук болуп турзын, алдынан башка керек болуп турбазын. Онын аайы мындый учурлу: делегаткалар јуулган јуунда, программа аайынча, Совет јурттын башкарынарынын керегин иштеп бүдүрүп турган болзо, айдарда, ол керектин кийнинде сельсоветте иштеп турган делегатканын отчет-куучынын айдар учурлу ол эмезе сельсовет председателинин куучыны болзо.

Эмезе программада айдылган аайынча «Баланын кийнинде канайып јүрерин» куучындап турган болзо, ол орто айыл-јурттын чек тудуп, баланы кичееп јүргөн үй кижинин доклад куучынын угар учурлу, оног до башка көп керек бар.

4) Делегаткалардын јуунында иштеп бүдүрүп турган керектерди иштеерде, јуун эдип баштап турган киж, озо айылына отуруп, јууннан озо программада турган керек аайынча, алтай бичиктерди көрүп, оморды кычырып, белетенип алар учурлу. Онын кийнинде јуун эдип, улусла кожо керегин башкарап јолду.

5) Јуунда керектерди бүдүрерде, јуун башкарган киж делегаткаларла куучындажып, эрмектежип керегин бүдүрер. Доклад-куучындарды токтодып, тегин куучындажар учурлу. Јуун јуулган соондо, јуун баштайтан башчы јуулган улустаң, делегаткалардан алдындагы јуунда нени куучындашкан эдибис деп, кыскарта сурап угар учурлу. Айдарда, омор алдында өткөнин эске алынып, ундыбас болор. Онын кийнинде жаңы куучынды баштаар учурлу. Жаңы куучынды баштаарда, башчы кыскарта куучыннын аайын айдып берер, онын кийнинде јуулган улустаң куучын аайынча (по теме) нени билди алдар деп сурап угуп, куучынды көндүктирер. Бойлорында кандый сурак бар болзо, башчыдан сурап угуп турар.

Ол мындый учурлу: программада турган 2-чи, 3-чи бөлүктө айыл-јурт керегинде куучында айдылган аайынча, делегаткалардан сурап угар керек: «Айылын ару-чек тудуп јат па?». «Бойлорын ару-чек алып јүргөн бе?». «Казан-айагын ару-чек тудуп јат па?». Оног до өскө сурактар сурап угар.

Айдарда, бир эки-үч делегатка айдып јат, омор коомой јадынду, айыл ичи, казан-айагы, кийими ару эмес, ончозы кирлү эди деп. Айдарда, башчы ол эмезе куучындап турган киж орус үй улуска тунейлеп, бойлорынын јадынын куучындар. Орус үй киж туразын јалмап, ичин јунуп јат, тура ичин ару тударга кичееп јат деп, аайлап баштап айдып бергенди.

Оног ары сурап јат: «Кем киж оорып турган эмеш пе, кандый оорула оорып јат?». Айдарда, бир каруузын угуп алып, сурайт: «Алтай албаты ортодо оору улус көп пө?». База ла катап, јуулган улустаң каруузын сурап јат: «Алтай улустын ортозында ненин учун оору улус көп, божоп турган?». Угуп алала, куучынды билдиртпезинен оору табылып турганы, алтай улус арутанбай, чектенбей, кирге бастырганынын коомой јут-јадыннан табылып турган деп, көндүктирип алар учурлу. Онойып ла куучындажып, билдиртпезинен керегин бүдүрүп турар учурлу.

6) Јуулган улус отурала, эрикпезин, куучыннан чөкөбөзин деп кичеенер керек. Ончозы куучынга јилбиркезин деп, неден де артык күјүренер учурлу: программада турган керектер, куучындар алтай улустын јүрүмине јуук болуп турганда, омор канайып күүнзеп укпас. Јуунга јуулган делегаткалар ончозы куучындажып, эрмектешсин, бир де киж тегин отурбазын. Чала эмеш кемзинип, куучындажарга јалтанып турган киж бар болзо, оны карын тыгыда кичееп, куучындадар керек. Сурак бар болзо, башчы ондый улустаң сурап угар: «Сен канайда шүүп отурунг?». База бирүзинен: «Сенин шүүлтен кандый?» - деп.

7) Куучын тужында јуунда жаңыс ла башчы отурган улустаң немени сурап угар эмес, је делегаткалар да башчыдан сурап укса, башчы каруу јандырбаганча болбос, айдарда, ол удур-тедире куучын, суракту-каруулу. Жаңыс ла программада турган керектен ырабай, баштап ла алган керектин аайын куучындап турар керек.

8) Куучыннын учында јуулган улустаң сурап угар керек: бүгүнгү куучынды уккан улус аайлады ба, јок по деп? Айдарда, аайлабаган неме бар болзо, башчы катап, јазап аайлазын деп, айдып берер учурлу. Оног башка катап јуулатан күнин јөптөжөр. Узери эм јуунда кандый учурлу куучын болор,

ненин аайын куучындажатын, башчы айдып берер учурлу.

9) Куучынын төс кереги жаңыс ла делегаткалардын жүрүминен, жадынынан болор учурлу. Куучыны баштаза, делегаткалар билбес неменен баштабай, озор бойлорынын жүрүминде не барын, билгедий немени куучын эрмектешсин деп. Айдарда, куучын ол тушта жылбилү болор.

10) Делегаткалар жуулып турган жерден ыраак эмес агроном эмезе эмчи кижилер бар болзо, озорды делегаткалардын жуунына кожо айдып алып, озорды сурап керек, делегаткаларга куучын этсин деп. Агроном кижилер болзо, мал азыраарын, аш эдерин, огород маала-ажын, онын кийнинен жүрерин куучындар. Оны «агрономический үредү» деп, айдатын. Эмчи кижилер болзо, ол албатынын су-кадык жүрерин, айылы-журтын ару-чек тударын, бала-барказынын кийнинен канайда жүретенин куучындажар. Оны «санитарный үредү» деп айдатын.

11) Делегаткаларла куучындашкан тушта, озорго көп картина журук көргүзөр керек, неменин көбин, азын көргүзүп, тундеп турган диаграмма. Ондый журуктарды больницадан тудунарга эмчиден сурап алар. Көп сабазында жугуш оорулардын журугун көргүзөр керек, бойын, айылы-журтын ару-чек алып жүрөр журуктарды көргүзөр керек. Өскө куучындардын журуктарын бичик кычырап турадан, сельсоветтен, кооперативтен алып тургадый. Ого коштой улустын жүрүмин тундештирип, делегаткалар жаткан жерде улустын жүрүмин темдектеп алып тургадый. Ол мындый учурлу болор: бирде кооперация керегинде куучындажып, онын ижин, керегин шүүжер, ол жерде кооператив канайда иштеп турганын айдып, тунгейлеп тургадый. Үзери жериндеги кооперативтин тутактары кандый, ижине не жетпес, не коомой бар, онын тутагын жок эдип, ижин жарандырапга нени этсе жакшы болор деп шүүшкедий.

12) Делегаткалар жуулып турган жерден ыраак эмес көчкүн школдын башчызы бар болзо, оны жуунга тунгей ле айдып алар керек. Кандый журуктар ондо бар, озорго сурап алып, делегаткаларга көргүзүп куучындажар учурлу. Озорго өскө ондо картина көргүзөтөн фонарь бар болзо, оны сурап алып, фонарьла көргүзөр учурлу.

13) Делегаткалар куучын этсе, жеринин газедин база кычырап керек, анчада ла алтай тилдү «Кызыл Ойрот» газет болзо, сүреен жараар. Ол программада турган керекке болужын жетирер. Үзери бистин Совет Союз ичинде ле база граница ары жанында не болуп турганын, озорго билдирер.

14) Делегаткалардын жуунында айдылган куучын ундылбазын деп, озордын уккан куучыны аайынча, жанган сонгында таскадар иш берер керек. Ол иш мындый учурлу: жуунда айыл-журтын, казан-айагын, кийимин ару-чек тудар керегинде куучын болгон болзо, жуун божогон соондо, ончо делегаткалар жөн бүдүрер керек, бу жууннын кийнинде айыл-журтын, казан-айагын ару тударга, бойлорын, балдарын чек алып жүрерге.

15) Делегаткаларга көп жаңы куучындар айтпас керек. Онын ордына керектү ле куучыны айдар керек, озор оны жарт билип алып жүрзин деп.

16) Неден де артык кичеер кереги, чала неме аайлап болбой турган делегаткаларды башка бөлүп, озорды башка күнде жууп, куучыны катап айдып, жартап берер.

17) Жуунда эткен кандый да керек тегин калбай турзын. Канайып эдер деп жоптөшкөн, онойып ла эдер учурлу.

Программада турган керектер, онын бөлүктери:

Баштапкы бөлүктө айдылганы: партия ол колкүчиле жаткан үй улустардын сүреен бүдүмжилү нөкөри, башчызы. Онын учун алтай делегаткалар неден де артык партияга бүдүп, онын адаанын алып тургадый деп ончо делегаткалар билзин.

2-чи ле 3-чи бөлүктө: алтай айыл-журт кирлү, бойлоры, бала-барказы ару жүрбези, сүреен жаман түбек. Онын учун бойлорынын жадынын жагырттар учурлу. Оорыза, бачымдап больницага барып, докторго-эмчиге эмдедер керек, камга барбас деп.

4-чи бөлүктө: бойынын балдарын жакшы алып жүрери, озордын кадык жүрерин кичеери, озорды үредери.

5-чи бөлүктө малдын кийнинен жазап жүрери, оны азыраары. База огород маала-ажын эдери, жадынын жагырттары.

6-чы бөлүктө: үй кижилер эмди кул эмес, эриле тунгей гражданин кижилер; онын учун ол эмди сельсоветке барып иштеер керек, база ККОВ-ко ло кооперативке кожо турар керек. Ого үзери бойынын жүрүмин ондоорго кичеер тургадый.

7-чи бөлүктө: алтай үй кижилер журтында эриле тунгей кижилер. Оны жаман көрүп, кыйыктагадый болзо, комыдал угузар жери бар.

8) кооперация алтай үй кижилер сүреен тузалу неме; онын учун ого кирерге керек.

9) бу ойине жетире журтап жаткандый журтап жарабас. Эмдиги тушта жүрүмди ондоорго кичеер керек.

10-чы бөлүктө: Совет башкару неден де артык кичеер турганы колкүчиле жаткандарды ончозын бичикчи эдерге. Онын керегинде үй кижилер бичикке үренерге неден де артык кичеер тургадый.

Делегаткаларла жуун эдип иштеп турган ойинде эткен керегин күнүн ле бичип тургадый (днев-

ник). Јуун тоозына кандый куучын болгон, кандый керекти јилбиркеп, јарадып уккан, оны ончозын бичип алар керек. Узери алтай делегаткаларга канайып јуук болуп, олардын ижин јарандырар, ижинде, керегинде кандый јетпес-тутактар бар. Онон бичип алала, ол бичикти аймакта турган женорганизаторго табыштырар керек. Ол дезе онон ары Обкомнын женотделына ийип јат. Айдарда, ол онон кӧрӧп, база ла делегаткалардын ижин јарандырарга эбин бедиреп јат.

Делегаткалардын јуунында куучынды јаан узатпас керек. Онон ӧскӧ олар чылаар, кийнинде чӧкӧп, јуунга барарга јалкуурып турар. Онын ордына узак ла болзо, бир эки ле час эткедий куучынды.

Чачынгы јаткан јурттарда, делегаткалар бой-бойларынан ыраак болуп, бир-эки чакырым бажында јаткан болзо, делегатка јуундарын «кӧчкӧн јуундар» эдер керек. Кандый дезе? Ол мындый болор: бир кӧн јуун болзо – бир айылга јуулып, экинчи јуунда – база бир айылга барып, онойып ла кӧдӧре делегаткалардын айылына јуулып, јуундарды ӧткӧрер. Онойып этсе, чаптык болбой, јарамыкту неме болор.

Сергей Орлов

ПО АЛТАЮ

(Печатается по: Охотник и пушник Сибири. – 1928. – № 9. – С. 99–100)

К югу от Бийского округа находится автономная область Ойротия. Чем дальше вглубь от северных её границ, чем ближе к центру области, тем выше и чаще горы, тем больше белков.

В Ойротии, предназначенной самой природой для развития скотоводства, мараловодства и охотничьего хозяйства, последнего совсем нет, так же, как нет там и охотничьей кооперации.

Правила и сроки охоты, изданные Наркомземом, обязательны для всех, и они должны быть известны в Горном Алтае. Да я бы сказал, что их там и знают, но почему-то почти никем они не исполняются.

Население на Алтае, главным образом, живет по долинам рек, где возможны посеы ячменя, овса, а в некоторых районах – пшеницы и других злаков. В горах же встречаются только айлы алтайцев да редкие заимки мараловодов и пасечников.

Проезжая по Алтаю, нередко как в деревне, так и на заимке вы можете в июле месяце у охотника похлебать мясных щей, вкусных и здоровых, но когда вздумаете определить, чем это вас напитали, то выясняется, что, собственно, место вам не тут, а на скамье подсудимых по обвинению в нарушении ст. 861, так как вместе с хозяином способствовали уничтожению козули.

Человек непрерывной охотой на вымирающего зверя в запрещенное время опустошает природу. Такое хищничество не вяжется с обновленной и крепнущей жизнью.

Продвигаясь дальше по горам, к центру мараловодства, не редкость, если где-нибудь вдали, за десяток, а то и больше верст от жилья вам встретится живописнейший калмык-алтаец, с «допотопным» на деревянных сошках ружьем за плечами, на крепкой степной лошаденке и в бараньей шубе, спущенной с одного плеча.

В суминах у этого встречного что-то тяжелое, и когда вы будете расспрашивать его о сурках, то он охотно вытащит из кожаного мешка крупного зверя, а часто и двух. Везет алтаец сурка с гор в долину к айлу, где его ребята с аппетитом съедят жирное мясо. Чтобы оно в жару не протухло, хитрый старик натолкал в распоротое брюхо травы, но таким приемом пушнину не сохранишь, и шерсть у сурка начала вылезать. В результате – испорченная шкура, а Улалинская контора Госторга лишится 2–2,5 долларов. Таких долларов много теряется на Алтае.

Браконьерство не только на Алтае, но и по всему Сибирскому краю пора прекратить.

Спросил алтайца об охоте, и он спокойно рассказал случай, происшедший с ним часа за 3 до нашей встречи. «Вскоре после добычи второго сурка он заметил гурана (самец козули), который выскочил на гору, видимо, потревоженный выстрелами. Хоть и далеко было, а пулю в свою кремневку забил, – гуран перевернулся и, несмотря на перебитую ногу, быстро пошел. Бегал я за ним по горам, умаялся, да так и не догнал – утащился проклятый к ручью в чащу».

Встреченное браконьерство нужно отнести к темным пятнам, к будням поездки, но мне удалось видеть красивые и радостные моменты. Один из таких праздников в природе я видел в Уймонской степи.

Чтобы попасть в район, где зародилось мараловодство, мы остановились в Н.-Уймоне. Здесь позади домов плавают дикие утки. Даже без бинокля можно рассмотреть несколько выводков кряковых, чернедей, малых ченг и др. Такая неожиданность быстро выяснилась. Оказывается, здесь местный сельсовет по собственной инициативе учредил заказник, который уже второй год на примере показал всем, что птица несколько не боится человека и плодится у него под боком, если только тот её не трогает. Весной в этом году на Н.-Уймонском озере долго держались лебеди, но не выводились, видимо, большое количество домашних гусей их беспокоило. Кержаки-старожила говорят, что лебедей

на их озере лет двадцать как не видали. Забрав фото-аппарат, я обошел заказник и на близком расстоянии открыто снимал кряковых. Побеспокоенные моим появлением выводки медленно отплывали от берега под тревожный крик старки.

Встреченное в Н.-Уймоне немного сгладило впечатление, оставшееся от промышленника за сурками и гуранами.

Сергей Кумандин

АНЧЫЛАР

*Тексттер жуунтынан алынган:
"Кызыл жылдыс (Красная звезда)".
(Улалу, 1928 жыл. – С. 3-7)*

Аба жыштын ичинде база тапту жаан Кара-Көпши деп өзөк бар. Кара-Көпшинин ичи бастыра кара жыш бүткөн жер эди. Онын ичинде не агаш жок деп айдар: мөш, чиби, оноң до башка Алтайдын не ле жүзүн агажы ончо бар.

Кара-Көпшинин ол жаны бийик туулу, бажы тайгалу жер болуп бүткөн алтай эди. Тайга жерге база ан-сан деп неме жүрерден башка, өскө тынду неме не жүрер! Тайга жерде журт бар эмес, кузук ла ан тужында ла, улус жыш ла тайга жерге чубажадылар. Алтайдын шулмус анчы уулдары кыш өткөнчө чаналу андап, жөбжөни база таап жадылар. Тайгада омордын билбес жери жок. Канча-канча түшкөн айры өзөктөр, ончо атту; өзөктөрдүн ады- жолун база анчы ла кузукчылар адабай, туура кижини оны кайдаг көрүп адап береттен эди.

Кара-Көпшиге тоозы жок өзөк түшкөн: Белги, Буучак, Кылай, Кызыл-таш, Чуй эки Когыр-ат, Таралак, Уул, Бай-ойык, оноң до башка өзөктөрдү тоолорго до болбос. Бу өзөктөр ончо кузуктаар, андаар жыш болуп жат.

Кара-Көпшинин ичинде Беш-элбек деп жаан ак бар. Онын сыны он чакырым, тууразы база бир үч-төрт чакырым кирелү бар болор. Беш-элбектин агына озо којойымдар алмырын тургузып, албатынан алган кузугун чоготон эди. Эмди кайда ондый болзын! Кижини жийтен којойымдар жок болды. Омордын тургускан алмарлары үрелип, чачылып калды, чирири чирип. Чирибегени өрткө куйди.

Орто кыш болор бо, болбос по, же ол ло киреде Беш-элбекке чаналу үч жаш алтай уулдар андап келдилер. Жер баштап жүргөн жааны 23 жашту, Кака деп уул болгон; оны эзчий 19 жашту Айбу деп уул болды, энг кичүзи 17 жашту Сану болды. Уулдар Кара-Көпшини кечеле, акты өрө базып ийдилер. Актын бажына жеделе, жыштын жаказына келдилер. Сану айтты:

– Бат-таа, жыш жерге мындый жараш ак жер бүдетен ок эмтир!

Кака айтты:

– Жыштын Беш-элбек деп атту-чуулу агы бу ине! Көрбөгөн алтайынды карын эмди көрүп ал. Озо мен жети жаштуда адамла бого келип жүргөн эдибис. Онын кийнинде база андаар деп келеле, куру жанган эдибис. Бу жыл кузук бүткөн жер болгон эди, тийин бар деп бодойдум. Тийин жок болзо, албан беде, өскө до жерге сала бербей, бистин аттарыбыс арыыр эмес.

Айбу айтты:

– Андый да болзо, бир жерге оду чагып, эки-үч күн базып көрбөгөндө, кижинин андаган тоозы кайда болор!

Кака айтты:

– Келген соондо, база тегин жадар деп санандын ба! Ары-бери базып, тынду неменин изин кеспей кижини. Ол турган койу мөштөр жаар барып, ондо оду чаап көрөр. Ак жердин жыбарынан ырап, ыжык жерге одуланбай кайткан эдибис.

Удаан жок уулдар койу мөштөргө жеттилер. Чаналарын, жүктенчиктерин чечип, мөштөргө илдилер. Барык мөштин төзинде кар бар эмес, карын кургак жымжак жерге оду чаптылар. От салып, курсак азып ажандылар.

Айбу айтты:

– Күн чала жабызай берди ошкош, бу күнде андап базар эмес, одын-садын жууп алып түнди өткүреле, эртен бос тан ла базып көрөр ийне!

Кака айтты:

– Кышкы күн удазын ба, анча-мынча болуп турала, ойто ажа бербей. Күн жайгы ордына ойто ажа бербей. Күн жайгы ордына ойто жанарга араай ла жеткелек болор. Кышкы куран айда, ай жангырза, күн ойто баратан эди. Айдын эмди бир тогузы бар болор. Байа көрүнүп турган эди.

Сану сурады:

– Бу Кара-Көпши деп суу кайдар агып түшкөн болотон? База жаан да өзөк ошкош кижини көргөндө.

Кака айтты:

- Кара-Көпшининг суу Уйменге барып табыжала, оноң ары Өдөгө түшкен дежет. Кижини онор жүрген эмес. Кайдан билер оны. Алтай база элбек жер эмей, оның учы-бажына жүрүп билерге база керек ле. Өткөн жай бистинг жерде жер кезип турган землемер жердинг планын столго жайып көргөндөрүн сен канайып ажаарбадың! Ол планда Алтайдын жерин бастыра чийиптир. Кандый ла сууларды, өзөктөрдү, журт жерлерди, тууларды, агашту, акту жерлерди, ончозын планга салыптыр. Кижини көргөндө, база аякту неме. Бис алтай улус, бойыбыстың жерибисти жакшы билбей турганыста, бичикчи үренген улус жердинг ончозын кемжиң, пландап салбазын. Бичик деген неме база аякту учурлу неме болуптыр.

Айбу айтты:

- Мен бичикке жакшы үренген эмес, план деп немени кайдан аайлап билзин. Сельсоветте жердинг планы деп, стениге кадап салганын көргөм лө, жолду-жолду чоокыр неме ле болуптыр. Карын, бу Сану эмеш үренген кижини, оны таныыр болбой.

Сану айтты:

- Чоокыр жолду - ол суулар болор. Школдынг качызы биске оны жартап айдып турды. Суулардын, өзөктөрдүн, журт жерлердинг ады-жолу текши бар болтыр.

Үч нөкөр уул база узак ла куучындаштылар. Түн киргенинен бери удай берди, энгир чолмон бийик көдүрилип келди, Улкер теңерининг ортозына база жууктап ок келди. Айбу туруп алып, отты жаанадып, кургак будактарды отко салды. Уулдар уйуктаар дежиң, оттынг үч талазына учаланып жадып ийдилер. Удаган жок басып чылап калган уулдар козырыктай берди, бир де табыш жок болды, жаңыс ла оттынг козы тызырап турды.

2. БАЛЫК АНДАГАНЫ

Эртенгизи күн үч башка барган уулдардан озо одуга Кака келди. Чаназын чечип, агашка жөлөп салды, мылтыгын алып мөшкө илди, өчүп калган отты катап одырала, аскышка сооп калган чайлу алгыды изитти. Удаан болгон жок, Айбу ла Сану басып келдилер. Үч нөкөрдүнг ортодо тапкандары: 11 тийин, 5 сымда болды.

Айбу чаназын чечип отуруп, айтты:

- Же Кака, бис Сану ла экү бир жерден анг көрдибис, ол кандый анг, сен оны бодоп таап көр.

Кака айтты:

- Көргөн ангаарды табышкактап турар ба уулдар! Же андый да болзо, бодоп көргөйним. Ол не болоттон! Айулу ичегенге учурадыгар ба?

- Жок, жок!

- Кара-Көпши камдулу жер эди, айса болзо, камду көрдигер бе?

- Жо-о-о-к!

- Табыргулу жер болгон, же байа ла бу уулдар киндү табыргы көргүлеген болбой кайтсын. Эм онызын кижиге жарт айтпай. Табышкактап тургандарын. Кандый ла анг болзо, мен оны истешкенче жер калбазым. Ондый болзо, кижининг андаган ады кайда болор!

Айбу айтты:

- Кака бистинг көргөн ангыбысты, бодоп таппай салды, кайдар база, нөкөр кижиге айтпаганча болбос. Кижини жалтанар анг эмес. Кака, суудан балык көрдибис! Онынг балыгын тегин айдарга да болбос неме эмтир.

Кака айтты:

- Э-э, татай ары, санабаган неме көргүлейле, кижининг сагыжын чөкөндирип турган уулдарды. Же кайдар база, балык та анг эмей, андап көрөбөктөр. Кара-Көпши балыкту суу дешкен эди, балыгын да тудуп жизе, жакшы ийне. Балыкты кажы жерден көрдигер?

Сану айтты:

- Мен сууны жакалай төмөн келип жадала, көрзөм, Кара-Көпшиге бир кара суу кирген эмтир. Кара суунын оозында тош жок, суу жарык суу эмтир, теренги бир жарым кулаш кирелү бар болор. Кара суунын оозын кечире бир чиби жыгылып калтыр, онынг үстиле басып браадала көрзөм, сууда балык деп неме жымырап турган. Мен бир ле кезек көрүл турдым, канайып ийейин база, чилекейинг агып та турза, колын жетпес те, канайдарын. Онойып турганча, кийнимнен Айбу сыгырып ийерде, чочыган бойынча сууга араай ла жыгылбадым.

Кака айтты:

- Айбу кылынар эмей ол. Белинчи Сүүрүмөй өбөгөндү белиндедип жүрүп, тайакла бажын жара соктырган эди. Сен Айбу, ол кылыгыңды таштап сал, айса болзо, ол кижини сууга түжер болзо, не болор эди?

Айбу айтты:

- Мен Сануны чочыыр деп санабадым, тегин кокурлап араай сыгырган эдим, кайдан көрөйин онынг чочымырын.

Кака айтты:

– Је акыр, ажанып алала, балыгарды барып андап көрөликтер. Ыраак па мынан?

Айбу айтты:

– Јок ыраак эмес, туку ол кырдын тумчугына одоштой.

Үч нөкөр отурып ажандылар. Анча-мынча унчукпай отурала, Кака айтты:

– Тийинди улус үзе адып барган ошкош, бого база бир-эки күн басып жүреле, Кызыл ташка барып көрөктөр. Неме эш болбогодый болзо, Сары-Көпшининг бажынан јана бергейис, ондо база андаар деп алба бар эмес.

Айбу сурады:

– Акыр Кака, бис балыкты неле андаарыс, балык андаар јер де јок, балык андаар деп сагышка да кирбеген?

Кака айтты:

– Аргазы табылар болбой. Менин колтыгымда кыл тузактар бар; бооро көрүктөп жүреле, сугуп салгам, айса база керек болор бо деп, карын эмди балык тузактарга јараар ол.

Сану сурады:

– Балыкты мылтыкла атса кайткай не, ок тийер, та јок!

Кака айтты:

– Та билбей турум, балык аткан эмес. Улус айдыжат: суудагы балыкка ок тийбес деп, сууга ок чике барбай, кыйа барат дежет. Је ажанып алганда не, капшаай барактар, күн чала јабызап барып јат!

Үч уул балык андаарга жүре бердилер.

Кака балыкты көрлө, база кайкады. Кыл тузагын јазап алып, балыкты тузактай берди. Кайтсын база, ээн јердин балыгын кижн андап чочыткан эмес, балыктар кыймыктабай туруп ла јаттылар. Анча-мынча болголокто, уулдар бир пуд чарандар тузактап алдылар, чарандар дезе тегин де јаан-јаан болгон. Суудагы балык астаар кирези јок болды.

Кака айтты:

– Көп балык тудуп алала, кижн јойу оны канайып жүктөнип жүретен эди, бу да алганыс азыкка болор ине, уулдар!

Сану айтты:

– Акыр, уулдар. Мен мылтыкла бир адып көрөйнн, кайткай не, ок тийгей не?

Айбу айтты:

– Балыктын ортозына шыгалап ат, айса тийер болор бо?

Сану мылтыгын суу төмөн атты, үч чараган суу үстине чыкты. Уулдар ол балыктарды чыгарып алдылар, көрзө ок тийбеген, балык тегин ле талыкшып калган эмитир. Бу да алган балык азыкка болор дејип, уулдар оодуга јандылар.

Сергей Мар (Памирец)

ОБНОВЛЕННЫЕ ПЛЕМЕНА

(Печатается по: Наши достижения. – 1929. – № 1. – С. 116–128)

1. ЗНАМЯ ИМПЕРИИ

Громадная карта бывшей империи год за годом увеличивалась, разрастаясь в ширину.

Яркие полосы новых владений России и тысячеверстные пространства зеленых степей, таежных джунглей, тундр и горных хребтов окаймляли карту громадной страны.

Царская Россия посылала на новые земли буйных казаков и боярских сыновей, и, наконец, скобелевских пехотинцев в белых кепках с платками на затылках, покорявших Хиву и Коканд.

Завоеватели шли по земле иных народов, — от Карского до Аральского моря, от Уральских гор до тихоокеанского побережья.

Завоеватель-москвит гускал в ход не только одно оружие; он действовал также водкой, миссионерской библией, поощрял жестокое «правосудие» туземных самоуправлений.

Сибирские туземцы превращались в бесправных рабов.

На севере Сибири родился тип двуногого хищника — русского купца, спаивающего тунгусов. Хищник был назван «тунгусятником», и это прозвище было чуть ли не официальным определением профессии покорителя инородцев.

На Алтае, на территории теперешней Ойратии, в наскоро построенных монастырях засели монахи-миссионеры, во главе которых стоял известный митрополит алтайский и томский, Макарий.

Миссионеры ревностно обращали туземцев на путь истинный. Алтайские туземцы могли получать начальное образование только в миссионерских школах.

До сих пор весь ойратский народ насчитывает в себе лишь не более десятка представителей собственной интеллигенции.

Художник Алтай Г. И. Чорос-Гуркин и туземный врач Тибер-Петров вышли в люди только благодаря тому, что они бежали тайно с Алтая для поступления в университет...

III. ШАМАН НА АЭРОПЛАНЕ. УЛАЛИНСКИЕ ГОГЭНЫ

Теперь мы посмотрим, как живут обитатели Алтая — ойраты или калмыки, как весьма неправильно называет их туземное русское население.

Два года тому назад Ойратию посетил первый аэроплан. Это был героический «Сибревком», облетевший чуть ли не все глухие места Сибири.

И в зеленой долине Чемала произошло примечательное событие. Один из местных шаманов получил приятную возможность совершить путешествие в небесные сферы бога Ульгена в кабине «Сибревкома».

Этот случай описан в повести участника полета Вивиана Итина, в книге его «Высокий путь», изданной в прошлом году «Прибоем».

Уже через год, будучи на Алтае, я слышал немало толков о путешествии шамана.

Горцы весьма разувверились в способностях шамана, ибо, кроме шамана, на «Сибревкоме» летали еще и другие алтайцы, разочаровавшиеся в существовании Ульгена.

Столица Ойратии, Улала, имеет собственную художественную студию, которой руководит туземный художник — самородок Чевалков.

Его зовут Гогэном из Улалы, хотя Чевалков никогда не слышал об этом большом французском мастере, жившем на Таити.

Картины Чевалкова привлекают взгляд зрителя своей необычайной простотой и яркостью красок.

Вот, например, синее Телецкое озеро, гладкое, как ясное небо, и на его фоне — группа горных наездников-теленгитов, курящих свои длинные трубки. Спокойные, созерцающие лица людей обращены к озеру.

Смелые линии дикарского примитива, свежесть красок заставляют зрителя изумляться, каким образом наследство Гогэна попало в талантливые руки неизвестного до сих пор самоучки из Горного Алтая.

«Гогэнизм» Чевалкова и его студии — критики объясняют громадным даром восприятия ойратов своеобразной природы и быта Алтая.

Пятнадцатилетний скульптор Чечмей присылал свои работы в Новосибирск, чем привлек к себе большое общественное внимание.

Сейчас решено послать Чечмея учиться в Москву, где бы он мог совершенствовать свой незаурядный талант.

Другому большому алтайскому художнику, Г.И. Чорос-Гуркину, досталась большая задача иллюстрирования первых алтайского и танну-тувинского задачника и букваря. Ойраты и тувинцы до сих пор не имели собственной письменности.

Чорос-Гуркину удалось сделать учебники простыми и понятными для черноголовых детей.

С буквой А в букваре связывается представление со знакомым всем мохнатым Аю — медведе, буква Е напоминает детям горную козу Елик.

Художнику нужно было приложить много чуткости и изобретательности, чтобы сделать книги привлекательными для горных малышей.

Забота о воспитании детей в Ойратии стоит сейчас пожалуй на первом месте.

В горах разбросаны сейчас туземные школы-интернаты.

Вот что автор этой статьи записал в своей тетради после посещения одного из таких интернатов: «Среди низких бревенчатых избушек Чемала заблудился и, как бы в недоумении, встал в кривых улочках громадный дом, одетый в панцирь каменной отделки.

На фронтоне дома высечены кресты. Этот дом — бывшая резиденция митрополита Макария.

Здесь, крестом и мечом, правдой и неправдой, чернецы надевали на желтых язычников медные копеечные кресты.

За бывшим домом миссионеров — в бурунах Катуня стоит скалистый остров с церковью, где в келье жил сам митрополит.

Горные ущелья слышали здесь грохотанье пестрых бубнов шаманов и благовест полинявшей голубой церкви, кстати сказать, превращенной сейчас в клуб.

Здесь, в интернате, воспитывают детей старшие, почти взрослые воспитанники, обслуживают же себя ребята сами.

Судьбу интерната вершит свой Детский исполком. Вот на стене висит ударный приказ этого исполкома.

В приказе — аккуратно, по пунктам и с примечаниями, исполкомщики Ибрагим и его заместитель,

Бакулина, строго предписывают дежурным «соблюдать чистоту» и... «не забывать своего дела».

Вот перед нами стоит сам пятнадцатилетний Сакул. Имя его, если перевести на русский язык, длинно — Всегда-Ожидающий. Этот маленький человек с длинным именем и высокими обязанностями обременен делами и полномочиями.

Во-первых, он член исполкома и контрольной комиссии. Всегда-Ожидающий работает также и в хозяйственной комиссии, заведя республиканским амбаром и выдавая продукты поварам.

Сакул — сын зверолова из аила Нырга, круглый сирота,

Всегда-Ожидающий, переминаясь с ноги на ногу, рассказывает о жизни интерната, о столярной и сапожной мастерских, о пузатых свиньях — иоркширах, похожих на выловленные мины, коровах и лошадях детской республики.

Оказывается, что к длинному титулу Сакула нужно добавлять еще и звания магистра сапожного дела, скотника, агронома и прочая и прочая и прочая...

Столярная мастерская заметно увеличивает доходы интерната — отсюда вышла вся мебель для местного дома отдыха и налажен даже обширный мебельный экспорт в ойратскую столицу — Улала.

Заглянем на выставку детских работ.

Вот яркие квадраты, ромбы и прямоугольники диаграмм, отражающих положение скотоводства в Чемальском аймаке.

Вот сын охотника на медведей, Тарбазак, устроил модель старинного ружья на сошках и ловушки на соболей. И рядом же произведение его карандаша, озаглавленное: «Айчи итт ох соб» — на рисунке громадный медведь силится стряхнуть с себя обозленную свору собак, а охотник, по-видимому, отец автора, бежит к медведю, поднимая рогатину.

Маленькие художники изобразили здесь также и план юрты, и процесс добычи кандыка (корня, содержащего крахмал и сахар).

Коля Качеев изобразил шамана, остров митрополита Макария и, наконец, перерисовал с фотографии журнала дом, в котором жил Ленин в Симбирске. Качеев рисует лучше остальных детей.

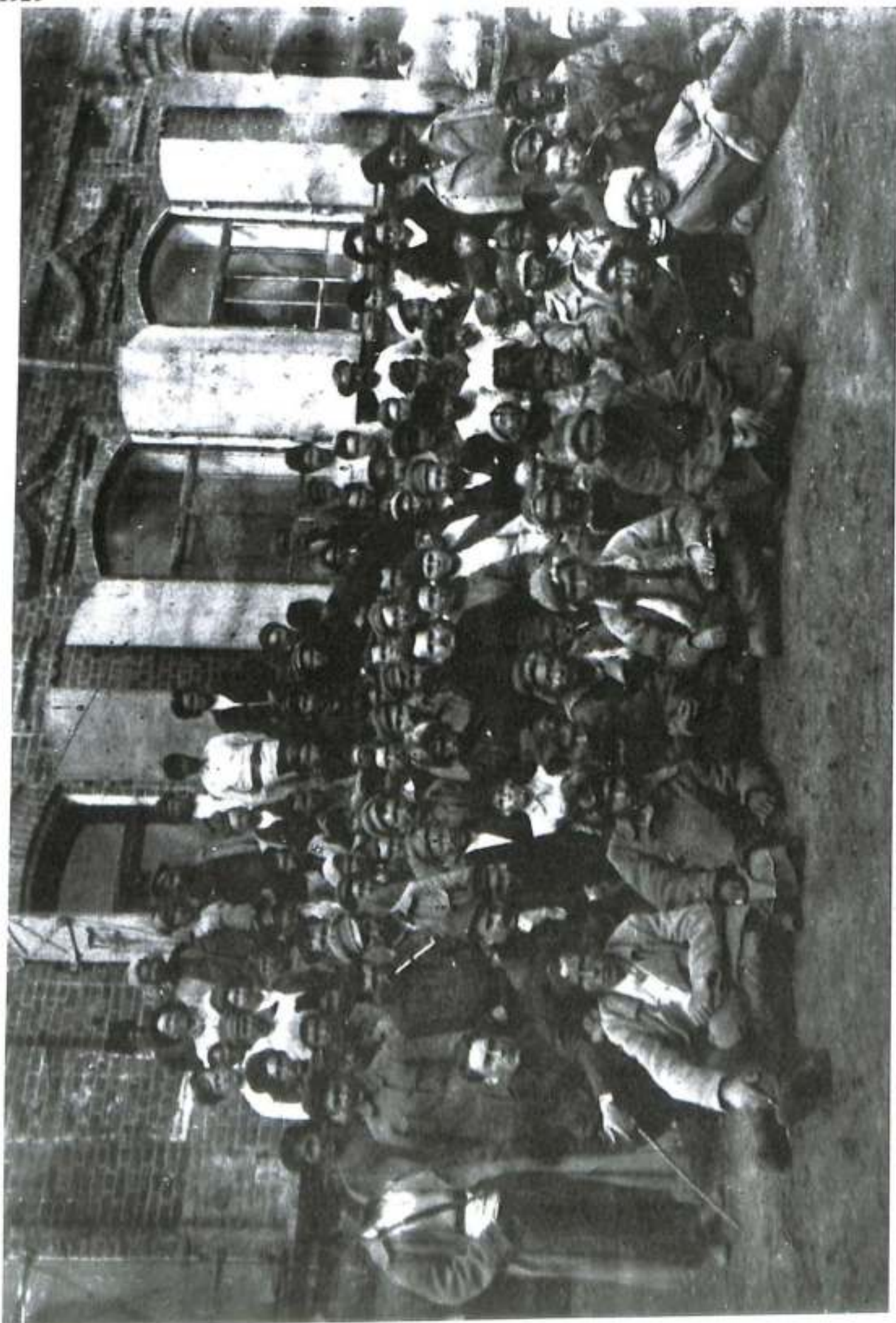
Соперник Коли Качеева — метис Леонид Параев — футурист. В его творчестве преобладают мотивы своеобразного урбанизма. Посмотрите на его картинку «Будущее Алтая». Среди кочевничьих юрт ползет коричневый трамвай, а свет месяца соперничает с заревом будущей электростанции на Катунни. Параев думает, что трамвай и юрты совместимы!

Девочка Четпорова собрала очень толково составленный гербарий горной флоры. Другие девочки вышли на алтайском полотне разноцветным шелком изображение ленинского мавзолея. Окруженный траурной рамой, он очень эффектен.

Республика детей живет. Белые, как цвет сон-травы, и черные головенки маленьких метисов и ойратов склоняются над букварями, а сын зверолова Всегда-Ожидающий — собирает членов исполкома.

Кооператив с Чемал имеет за собой большую заслугу. Он приучил бродячих алтайцев к употреблению... мыла. Сначала ойраты относились к этому необходимому предмету весьма скептически, носили мыло к шаману, который пробовал мыло даже на зуб, но после первый вымылся им на глазах всего племени...

В Ойратни, как и в других странах Сибири, даже в мелочах, как мы видим, сквозит веяние новых дней...

Делегаты первого Ойротского областного съезда Советов, май 1923 года

Первый секретарь Ойротского обкома партии П. Я. Гордиенко и командующий частями особого назначения (ЧОН) Ойротской области А.В. Ролико-Виноградов.
Фото 1923 года. Подлинник хранится в Кемеровском краеведческом музее

Обложка Г. И. Гуркина к книге Г. Вяткина
"Алтайские сказки" (Новониколаевск, 1926 г.)

Книга для обучения счету

Первый состав волисполкома в Бирюле, 1925 г.

По АЛТАЮ
(Записки экскурсанта)

(Печатается по: *Экскурсант и турист. Сборник по экскурсионному делу и туризму. Изд. Экскурсионного государственного акционерного о-ва «Советский турист». - Москва, 1929. URL: http://geolmarshrut.ru/antologiya/?ELEMENT_ID=669*)

Наша небольшая группа выбрала для своего отдыха поездку на Алтай. Мы все неоднократно бывали на Кавказе и в Крыму, и нас тянуло на Алтай, огромный, мало известный, но необычайно богатый в природном отношении край. Мы взялись по предложению «Советского туриста» обследовать Алтай с тем, чтобы выяснить экскурсионные возможности для ближайшего будущего. Мы решили пересечь Алтайский край с севера на юг — от Бийска до Семипалатинска через Катунские Белки. Маршрут был намечен следующий: по железной дороге до Бийска; Улала, Чемал, Тоурак, Уймон в экипаже; белки — верхом; Берель, Катон-Карагай — снова в экипаже; вниз по Бухтарме — на плотах и на пароходе по Иртышу до Омска.

Из Москвы выехали 31 июля по северному пути через Пермь, рассчитывая на полуторамесячное путешествие.

После пяти дней пути, 6 августа, в 4 часа утра, мы приехали в Бийск, сделав пересадку на Бийскую ветку в Новосибирске. Поезда не совпадали, и мы целый вечер бродили по Новосибирску, новой столице Сибири. Город только строится, хотя уже сейчас в нем более 100 тысяч жителей. Широкие, прямые улицы пустынные; несколько, с десятков, новых хороших советских домов, а рядом почти землянки, но чувствуется быстрый рост города и огромные перспективы впереди.

Переезд по железной дороге от Москвы до Новосибирска был своего рода отдыхом после московской работы. Но путь от Новосибирска до Бийска очень раздражает. Едем с 8 час. 30 мин. утра до 4 час. утра следующего дня. Поезд убийственно медленно ползет, на каждой станции остановка почти по часу, на Алтайской четыре часа ждем встречного поезда из Семипалатинска, жарко, поэтому к Бийску — усталость. Бийск — маленький неинтересный городок. Мы торопимся дальше и 7-го ранним утром отправляемся в путь.

Бию переезжаем на лодке. В заречной части города, населенной по преимуществу ямщиками, нам подают тройку. Мы усаживаемся в «коробок», такой широкий, что размещаемся трое в ряд. Ямщик Павел Хохолков — типичный сибиряк: белокурый, белозубый, говорит пословицами, в рифму, охотно поет, но, к сожалению, «Кирпичики» и другие «цыганские» романсы. Интересен порядок найма: ямщики приходят целой группой, держатся «коллективно», запрашивают здорово, но и сдают. Тройка до Чемала — путь два дня с остановкой в Улале — 30 рублей.

Едем хорошо. Хотя с утра был дождик, да и во время остановки тоже, но ехать легко, а немного сырая дорога совершенно не дает пыли. Проселок — лески сосновые, березовые, два раза переезжаем на пароме через Катунь, на гору поднимаемся вскачь всей тройкой. Где-то вдали виднеются отдельные цепи гор.

В Улалу приезжаем поздно, пролетев за день около 100 километров. Улала, молодая столица Ойратии, небольшой, типа уездных, городок, но сразу бросается в глаза, что это руководящий центр молодой республики. Много новых домов общественного характера, всюду вывески центральных учреждений, в учреждениях и на улицах много народу, телеграф, телефон, радио — все говорит о живой связи с центром и периферией.

Утром заходим в ряд учреждений, чтобы выяснить вопрос об организации новых экскурсионных маршрутов по Алтаю. Зав. областным ОНО тов. Ялбачев и другие сотрудники отдела охотно сообщают нам о том, что и где можно посмотреть нам и потом показать экскурсантам. Есть ряд достижений в области сельского хозяйства, есть колхозы, новые лесопильные заводы и т. д., необходимо отметить работу кооперации — кооперируется молочное хозяйство, почти в каждом селении имеются маслодельные заводы, а часто и сыроваренные.

На Алтае в течение ряда лет шла ожесточенная гражданская война. Нам указали участников гражданской войны и отдельные пункты, связанные с революционным движением на Алтае.

Около 12 часов выехали мы из Улалы. Это день робинзоновского существования. Дорога от дождя испортилась: всюду вода, глубокие рытвины; едем быстро и в километрах семи от Улалы ныряем в глубокую лужу и выезжаем без заднего колеса. Необходима остановка.

Останавливаемся в стороне от дороги, у большого дерева. Лошади распряжены, разведен костер, ямщик уезжает в Улалу за помощью, а мы хозяйничаем самостоятельно. Неопытность наша очевидна, то костер плохо горит, то наполовину сваренный суп разлит, но настроение прекрасное... К ночи возвращается ямщик с новым колесом, мы снова можем двинуться с утра в путь. Ночуем в первый раз в палатке. Ничего — тепло и даже удобно.

Утром погода ужасная. Идет пронизывающий «алтайский» дождь. Вместо Чемала добрались только до Узнези. Вымокли до нитки. По дороге заезжали в Бешпельтир в одну семью немного обсохнуть и закусить. Взглянуть на редких посетителей собрались местные жители. Живые вопросы и много рассказов. Особенно интересен рассказ об Аргуте, или Архыте, как называют его алтайцы. В ущелье Аргута проезд не везде возможен; тропинка вьется над бурлящей рекой, по труднопроходимым скалам; на одной из них, Богатырском боме, тропа идет по узкому карнизу длиной в 40 сажен. Тропа так узка, что обычно перед переходом по ней стараются криком предупредить встречу, но если встреча произошла и встретились конные, одну из лошадей сбрасывают в пропасть. Боязливые люди проходят бом ползком. В ущельях Аргута в гражданскую войну прятались белобандиты. Один из белобандитов, алтаец Тужлей, сдался советской власти, и не так давно просил его использовать как политпросветработника.

Пейзаж из Улалы до Чемала резко отличается от того, который мы наблюдали до Улалы. Широкие долины горных рек Маймы, Узнези, Катунь и других представляют собой густотравные зеленые плато, окруженные горами. На горах чудесный сосновый вековой лес. Близ дороги попадаются отдельные великаны необычайно правильной формы. Рубят эти деревья так: на высоте полутора-двух аршин вырубает кольцом кору, дерево подсыхает, и тогда его валят. Несмотря на то, что нас мочит дождик, лошади тонут в грязи и едем мы не по берегу Катунь, как предполагали, а через Александровское, мощь и красота природы Алтая живо чувствуется.

Дождь задерживает нас и в Чемале. Только на третий день, когда солнце снова выглянуло, мы вполне оценили Чемал. Особенно красивый вид с так называемой Чертовой Горки. Внизу Катунь прорыла узкий путь среди скал; одна из них совершенно отвесная и называется Чертовой Горкой. Пейзаж изумительный, прихотливые кольца гор, скалистых, но покрытых зеленой травой, кустарником и сосновым лесом, слева в Катунь вливается прозрачный Чемал и кажется черным рядом с белой от мути ледников Катунью. Горизонт огромный. Место напоминает Теберду, но более мягкое и более открытое. Снеговых вершин не видно. Стараясь использовать солнечный день, после обеда направляемся на Крестовую гору, самую высокую в окрестностях Чемала.

Пейзаж оттуда еще более изумительный и грандиозный, чем с Чертовой горки.

Условия жизни в Чемале очень располагают к отдыху. Прекрасное питание в кооперативной столовой, где мы обедаем сибирскими пирогами и местными кушаньями.

12-го августа мы были в Аносе у местного художника-алтайца Гуркина. Высокий, худой, в больших сапогах, с типичным лицом алтайца, сидел он перед нами, стараясь советом помочь нам в нашей работе. Гуркин — прекрасный алтаевед, его рассказы дают необычайно много.

Интересна легенда о Катунь. Катунь, вернее «Катынь», имя женщины, жены начальника — Бия. Бий и Катынь поспорили, кто из них скорее вырвется из гор на простор степей. Бий обманул Катынь, ушел не в срок, и Катынь, сердясь и бурля, гонится за ним.

Проработав с нами план нашей поездки и дав ряд ценнейших указаний, Гуркин повел нас в свою мастерскую. Рядом с бревенчатым домом с одной стороны стоит настоящий алтайский летник, так называется шалаш из жердей и пластов коры, с отверстием сверху и очагом посередине. В таких шалашах алтайцы живут летом. С другой стороны дома большое деревянное здание, одна стена которого застеклена, — это и есть мастерская нашего хозяина. Большое количество больших и малых полотен являются прекрасным дополнением к рассказам Гуркина. Тут и Белуха в ряде изображений, и лесные пейзажи, и алтайцы в разные моменты работы и отдыха. Расстались мы, кажется, взаимно удовлетворенные.

Переезд из Аноса до Тоурака, благодаря непрерывающему дождю, был очень утомителен. Вместо полутора дней проехали три дня. По дороге ночевали у алтайцев в аиле Камай. Темнело, когда мы подъехали, промокшие и усталые, к небольшой усадьбе, очевидно, уже оседлого алтайца. Около крошечного бревенчатого домика, в котором алтайцы живут зимой, стоял летник, где находилась семья хозяина. После некоторой заминки нам разрешили переночевать в пустующем зимнем жилище. Низенькая, аршина в три, маленькая избушка была грязна и закопчена. Нас устраивал подросток, плохо говоривший по-русски. Через полчаса помещение было приведено в порядок, вещи распакованы и развешаны для просушки, и мы сели за ужин. Наш юный хозяин принес нам традиционное угощение — чай, вскипяченный в медном чайнике, с молоком и посоленный, и сырки такого цвета, что мы приняли их за подставку для чайника. В качестве мебели нам дали небольшой круглый столик, высотой в пол-аршина, вокруг которого мы и поужинали... собственными продуктами. Весть о нашем приезде быстро распространилась. В избушку явилось несколько женщин и мужчин. Женщины с трубками в зубах и на редкость грязные. Оказывается, в аиле праздновалась свадьба, и нас пригласили на пиршество.

На свадьбе гостей угощали местной водкой «арачкой». Алтайцы делают ее из молока и, очевидно, считают ее очень вкусной. Согласно правилам вежливости, мы должны были выпить по глотку арач-

ки, но она нам не понравилась. Угощение происходит из одной общей деревянной чашечки по очереди.

Все расположились вокруг костра. К костру пришел сам «жених», мальчик лет четырнадцати (оказалось, что ему 15 лет, а невесте 22). Бывали случаи, что женились еще раньше, даже семи лет, — рассказывает наш проводник, — жена же всегда взрослая. Складываются своеобразные отношения: «жена» укладывает спать своего «мужа», как нянька, а когда у нее появятся дети (не от него), он нянчится с ее детьми. После обноса арачкой начались увеселения. Сначала боролись два алтайца, потом пели свадебные песни, и, наконец, танцевали. Танцы происходили в доме, небольшом, но очень грязном внутри. Народу набилось, как сельдей. Гостей посадили на лавки. Танцевали под звуки своеобразного «музыкального инструмента». Это была обыкновенная заслонка от печки, по которой били и скребли палкой. У некоторых плясунов танец был настолько комичен, что весь «зрительный зал» заливался хохотом.

Самое отрадное впечатление осталось от подростка, нашего хозяина. Он все время, насколько мог, старался с нами разговаривать. Однако разговор шел туго, и только на вопрос: «Знаешь ли Ленина?» мальчик необычайно твердо и радостно ответил: «Ага!» (употребляемое в Сибири вместо «да») и потащил нас показывать портрет Ленина, едва видимый в закопченном углу избышки.

Наутро выехали рано, но опять не успели доехать до места назначения. По дороге остановились отдохнуть и закусить в Могуте. Русская семья — дети и бабушка ста семи лет. Старик Трусов, белый как лунь, но приветливый и веселый, начал расспрашивать о Москве, о том, «кто вместо Ленина теперь управляет», и в свою очередь рассказал о тех временах, когда пороли так, что кровь «свистела»; о том, как работали алтайские крестьяне на местные горные заводы, о том, как раньше боялись «благородных». Старик охотно разрешил сфотографировать его и просил приезжать еще. Мы ему заказали ждать нас десять лет.

Путь из Тоурака до Нижнего Уймона, следующая глава нашего путешествия, был совершен в более благоприятной обстановке. Дождь не мочил нас так отчаянно, и весь путь в 212 км мы проехали в 4 дня без задержки.

Ощущение горной страны усиливается. Около перевала к Черному Ануу едем необычайно красивой дорогой. Со всех сторон горы, самая высокая здесь вершина «Плешивая». Извозчик говорит: «Сядут на плешь облака — будет по всей округе дождь».

В лесу — яркие цветы, масса ягод: малина, черная и красная смородина, или кислица, как ее здесь зовут. Мы срываем ее целыми ветками и едим до оскомины.

Лес редкий, больше лиственница, со светлой и прозрачной хвоей. По гребням гор, «по гривкам», настоящие аллеи, а по склонам деревья сплошь, как щетки. Но самое лучшее — это воздух, прозрачный, напоенный запахом цветов и сена.

Пейзаж напоминает Чемал, только более мощный: те же круглые гребни гор, одна гряда за другой, но к югу уже призывно блестят белые снеговые пятна «белков».

Во время пути до Уймона пейзаж меняется несколько раз. Необычайно красива дорога по Келейскому перевалу. Крупный лиственничный лес, чистая почва с мелкой усеянной цветами травой; кажется, что едешь где-то по английскому парку. Мягкие склоны, стада скота, изредка аилы алтайцев, всюду необычайный покой и свежесть.

Интересна степь около Усть-Кана — долина расширяется, горы отступают и становятся ниже, дорога, как асфальтовая; всюду видны небольшие горки земли, нарытые степным зверком («смуранкой»). Небольшое степное озеро, обросшее камышом, кипит от множества птиц — журавлей, уток, каких-то птиц, напоминающих гагар, и других, еще менее нам известных. Все сразу начинают мечтать стать охотниками.

Но особенно прекрасен пейзаж по долине реки Коксу. Коксу — большая полноводная река, в очень красивых берегах, то скалистых, то спускающихся пологими террасами, заросшими лесом. Лес необычайно живописен в лучах заката — то дымчатые прозрачные лиственницы, то необычайные по высоте и стройности темные ели, то светло-зеленые, немного желтеющие березы. Вода в реке кажется малахитовой. Дорога идет высоким берегом, с которого открывается большой горизонт. Особенно красивы спуски у Синего Бома и у речки Громотухи. Дорога в прекрасном состоянии, опасные места огорожены перилами. Нам встречаются рабочие, приводящие в порядок плохие части дороги. Дорога содержится в таком блестящем состоянии крестьянами соседних сел. Невольно сравниваешь ее с южной частью Военно-Сухумской дороги.

Села, которые мы проезжаем: Черный Ануу, Усть-Кан, Усть-Кокса, — типичные сибирские села. Деревянные, иногда довольно большие дома, окруженный изгородью двор, очень мало надворных построек, полное отсутствие деревьев — вот их внешний вид. Однако улицы имеют названия, дома перенумерованы. Население преобладает русское, но делится на несколько групп — казаки, старожилы-сибиряки, переселенцы и отдельно старообрядцы «кержаки».

Почти все села, которые мы проезжали, принимали участие в гражданской войне. Всюду показы-

вают места, связанные с событиями этой борьбы. Здесь, в ущелье, прятались белые, по тому направлению наступали красные, в таком-то селе делали самодельное оружие. Мы видели интересные документы, некоторые с печатью, положенной картофельным штампом. Мы познакомились и говорили с рядом активных участников, даже руководителей гражданской войны.

Не напрасно боролись за новую жизнь, она чувствуется всюду. В Усть-Кане и Уймоне и др. идет лихорадочная стройка новых школ, которые должны дать образование краю. В каждом селе гудит «молоканка» — маслодельный завод. Почти все крестьяне кооперированы молочным союзом. Строится ряд сыроваренных заводов. В крестьянском хозяйстве употребляются машины, есть даже тракторы.

В Уймоне дождь задержал нас на двое лишних суток. Наконец, и здесь погода смилоствивилась, и мы вступаем в самую ответственную часть нашего путешествия — переезд через Катунские белки. Нас пугали рассказами о полноводных и быстрых реках, об алтайских «бомах», о пропастях. Но все же мы на конях, готовы ко всяким неожиданностям, и при дружелюбных пожеланиях «доброго пути» выезжаем из Нижнего Уймона. Путь от Нижнего Уймона до следующего населенного места — Рахмановских ключей — мы совершаем в четыре с половиной дня. Погода все время стоит прекрасная. Может быть, поэтому ничто из тех опасностей, которые нам предсказывали, нам не встретилось.

Крепко сидишь на лошади и смотришь во все глаза на окружающее. Долина реки Катунь сверху в лучах заката кажется чашей из разных металлов — желтого, синего, зеленого, с неровными краями гор. Круто поднимаемся в гору. Переезжаем несколько ручьев и речушек вброд, снова спускаемся, чтобы ночевать на заимке нашего проводника, истового старообрядца. До заимки нас провожают его дети — два парня и девочка лет четырнадцати. Спим все в одной маленькой хатке, да еще топленой. Очень душно и жарко. Здесь можно наблюдать сохранившийся уклад старой семьи. Отец — полноправный хозяин, дети слепо его слушаются, все дети неграмотны, и, очевидно, отец не хочет им дать это страшное оружие, поражающее привычный порядок. У них строгое соблюдение поста, едят очень мало и скудно и необычайно чинно. Пробуем разговаривать с детьми, от наших рассказов у них разгораются глаза.

Утром встаем в 4½ часа, едим, навьючиваем лошадей и к 6 часам уже в пути. Едем, не переставая, до 4 часов дня.

Погода прекрасная — прозрачное синее небо, ниже нас клубы тумана, а перед глазами одна картина сменяет другую — за день четыре перевала. Переезжаем Большой Белок, едем через долины рек Сугаша, Зайчихи и Собачьей.

Пейзаж суровый — высокие безлесные, переходящие в скалы горы, всюду потоки и реки, там и тут пятна снега, внизу покрытые тучной желтеющей травой долины рек, которые мы переезжаем вброд. Берега по южным склонам заросли лесом. Тут и лиственница, и кедр, и ель, и мелкий кустарник. По верхним частям склонов стелется кустарниковая черная береза.

Первая ночевка — под густейшими кедрами. С непривычки, мы проехали около 50 верст, болят ноги и спина. Спешим освежиться в холодной воде горной реки, с аппетитом кушаем у костра. Настроение прекрасное. Кто меньше устал, пляшет вокруг костра. Вечереет. Солнце зашло за горы. По побледневшему небу тянутся золотистые облака, слышен говор реки, весело потрескивает костер. Все довольны и мечтают...

С утра опять в путь, опять с перевала на перевал, вброд по рекам, с постоянно меняющимся пейзажем перед глазами. Погода чудесная. Потрясающее впечатление произвело Талменьё озеро. Когда спускаешься лиственным лесом, вода озера кажется драгоценным камнем. Внизу, в оправе из серо-зеленых гор, покоится оно, огромное (6 км в длину), насыщенно бирюзового цвета, с ярко синими пятнами — тенью облаков.

Остановились под великаном-кедром в тридцати шагах от озера на морене, запрудившей его. Трава ярко-зеленая, у самого озера еще много цветов — лиловый лук, темно-лиловые колокольчики, ярко-оранжевые лютики. Слева — прозрачные лиственницы, справа по склонам темная «чернь» кедров и пихт. Целый день самых приятных удовольствий — купанье в ледяной воде озера, прогулки по его берегам, наблюдение над изменчивой окраской гор. Большой сюрприз сделал наш проводник, наловив нам на ужин «хайрюзов» — местной форели. Или действительно эта рыба необычайно вкусна, или в горах всегда хороший аппетит, но нам казалось, что мы никогда ничего вкуснее не ели. Очень красив дальнейший путь от Талменья. Как всегда, встали очень рано, переехали вброд изумительно прозрачную Озерную, вытекающую из озера, и стали подниматься лесом. Дорога для лошадей трудная. Сыро, корни, камни. Но раннее утро в лесу незабываемо. Тишина. Слышатся только звуки бесчисленных ручьев и речушек. Кедр и пихта, темные и мрачные обычно, зеленым бархатом отливают на солнце. С веток спускаются какие-то пучки серо-зеленых волос. Деревья, необычайно высокие, правильной формы, кажутся свечами.

Перевал от Талменья к Тургеньюсу двойной и трудный. После леса дорога тянется косогорами и переходит через седло в очень суровом пейзаже. Лес кончается, вершины гор покрыты камнями,

лентами морен, пятнами снега. Подъем становится все круче, долина уходит далеко вниз, и местами становится жутко. После крутого спуска попадаем в долину Тургеньсу. Долина Тургеньсу узкая, местами скалы то с одной, то с другой стороны подходят к воде, и мы переезжаем вброд то на одну, то на другую сторону реки. При большой воде переезд вброд невозможен, и ездят тропинкой по левому берегу высоко по очень крутому склону. Если бы нам пришлось ехать этой тропинкой, то это было бы действительной опасностью.

Осень спрятала от нас яркие краски алтайских цветов, и только в долине Тургеньсу, покрытой ярко-зеленой травой и яркими разноцветными цветами, мы любовались ими. Ночевка около Катуня, у костра. Наш проводник заботится о нас, как о детях. Под его руководством выработана такая система ночлега — обычно под деревом и обязательно в сухом месте расстилаются кошмы, в хорошую погоду на них кладется наша брезентовая палатка, потом в ряд тесно укладываются все путешественники, закутываясь каждый в свое собственное платье, сверху снова палатка и для особенно зябких незанятая кошма. На ночь разводятся костер, и когда ночью поднимаешь голову, несмотря на то, что кругом лежит иней, в нашем гнезде тепло и по-своему удобно.

С пяти часов новый переезд от Катуня до Черной Берели. Основное впечатление дня — Белуха. В течение всего дня, особенно при переездах через перевалы, перед нами сверкали на солнце белоснежные главы этой высочайшей вершины Алтая (свыше 4000 м), окруженные суровым кольцом серо-зеленых гребней. После Кавказских ледников и снежных хребтов на Алтае чувствуется «недостаток снегов», и только снега Белухи, ее ледяные реки разрешают эту тоску! Самое интересное в этот переезд — переправа через брод. За весь путь мы переехали десятки речек, но алтайская переправа почувствовалась только здесь. От дождей воды в реке много. Течение очень быстрое, тропинка едва намечает пункт переправы. Постепенно одна лошадь за другой входит в воду, в некоторых местах выше стремени. Лошади осторожно ступают по дну реки, обходя большие камни. Любопытство заставляет смотреть в воду, и тогда кажется, что вода несет лошадь, — и голова начинает кружиться. Начинаешь снова смотреть на определенную точку на берегу и благополучно доезжаешь до берега. Рассказов о трудностях переездов вброд было так много, что после Катуня и Берели мы испытывали некоторое разочарование, настолько это оказалось не страшно.

Второй момент продвижения верхом на Алтае, который запомнился, это — крутые подъемы и спуски. Когда лошадь карабкается на гору, несмотря на то, что уже свободно чувствуешь себя в седле, приходится держаться руками за гриву. Спуски вообще и особенно к Черной Берели очень круты. Алтайские лошади карабкаются по горам, как козы. При спуске моя лошадь — я не могла не любоваться ею — спускалась так осторожно, что казалось, что она танцует. Почти лежишь на крупе лошади и сползаешь под углом в 70°. Когда мы спустились совсем к Черной Берели и оглянулись на нашу дорогу, то были поражены, как можно вообще спуститься с такой кручи.

Рахмановские ключи, курорт южного Алтая, лежит в очень красивой долине у озера; окружающий пейзаж напоминает Талменье. Мы не были поражены им, так как была хмурая погода и краски были однообразны. Мы приехали, когда курорт уже был закрыт. Несколько бревенчатых зданий и сторож — все, что мы видели. Сторож дал нам возможность принять теплую ванну и рассказал о том, что семь месяцев зимою курорт совершенно отрезан от мира; сообщение возможно только на лыжах.

Из-за дурной погоды мы поехали из Рахмановских ключей верхней дорогой. Мы поднялись крутым подъемом на гору и ехали около 30 верст по плоскогорью. Нас застал там сильный дождь. Хмурое небо, туман дождя, голые обнаженные горы, огромные камни создавали впечатление своеобразной суровой красоты. Ближе в деревне Берель мы проезжали через летнюю стоянку казахов. С десятков юрт, покрытых войлоком, с очень интересным хохолком над дымовым отверстием, стояли почти правильным кругом. Около небольшими табунами паслись сытые и красивые лошади. Нам казалось, что мы заблудились, и мы мимикой просили указать нам дорогу, так как казашки не понимали русского языка. Несмотря на общие расовые корни, казахи очень отличаются от алтайцев. Алтайцы по окраске волос, лица напоминают скорее монголов, у казахов почти круглые лица, с очень ярким цветом кожи и живыми, немного лукавыми, черными глазами. Среди них попадает много стройных, особенно среди женщин.

Около Берели мы встретили много маральников. Мараловодство — одно из серьезных занятий жителей предгорного Алтая, как со стороны Ойратии, так и Казахстана. По склонам гор тянутся домашние линии своеобразных загородей маральников. Рога маралов — важный экспортный товар нашей торговли. Мараловодство, упавшее за время гражданской войны, снова растет и является одним из прибыльных занятий местного хозяйства. Каждую осень самец-марал дает 10 фунтов сушеного рога, расцениваемого до 15 рублей за фунт. Покупателями являются китайцы, которые используют эти рога как медицинское средство.

Путь от Берели до районного центра Катон-Карагая (82 км) мы проехали почти в один день. После очень красивой, но неудобной дороги по берегу Бухтармы мы выехали на укатанную ровную доро-

гу. Желание поскорее доехать до Катон-Карагая и хорошая дорога дали возможность большую часть пути проехать быстрой рысью. С удовольствием вспоминаешь, как, поднимаясь в такт с бегом лошади, быстро мчишься вперегонки со своими товарищами.

Катон-Карагай — большое село. Вместе с селом Алтайским, находящимся от него в версте, в нем насчитывается до 7 тыс. жителей. После почти двухнедельного существования в полной зависимости от природы, мы снова почувствовали себя в обычных культурных условиях. Телеграф, почта — значит, письма из Москвы, газеты, люди — все это доставляло гораздо больше приятных переживаний, чем обычно. Мы провели в этом гостеприимном месте несколько дней отдыха, решая вопрос о дальнейших способах путешествия. Мы предполагали дальше ехать по Бухтарме на плотах — еще неизведанном нами способе алтайского передвижения, богатом разными неожиданностями. Оказалось, что плоты Турксиба согнаны уже до основной станции отправления в дер. Быково, т. е. вниз верст на сто. Ехать в экипаже сто верст по малоинтересной местности не хотелось, и мы сразу отправились на пристань на Иртыше — село Малая Красноярка. Этот последний перегон мы проехали в так называемой бричке, — это большая крестьянская телега, напоминающая крымскую мажару или владикавказский фургон. Единственным удобством было то, что всю дорогу мы могли мирно спать. Из Малой Красноярки до Омска проехали по Иртышу. Часть пути от Красноярки до Семипалатинска довольно красива. Чистенький пароход «Роза Люксембург» продвигается не особенно быстро между высоких берегов, луна серебрит воду, слышатся предостерегающие крики вахты: «Пять, четыре с половиной, четыре», команда капитана: «Тихий ход» — и дно парохода шуршит по камням. Очень хотелось в Усть-Каменогорске сойти и поехать на Риддерский рудник, но погода опять испортилась: серое небо, дождь и холод заставили отказаться от этого намерения. В Семипалатинске пересадка ночью на большой пароход волжского типа. Переезд от Семипалатинска до Омска очень однообразен: низкие берега, бескрайняя степь, широкий, с отмелями, Иртыш. Единственное развлечение — арбузы. На каждой пристани дюжие грузчики, русские и казахи, бесконечной вереницей в течение часа-двух грузят мешки с арбузами. Арбузами забит трюм, мешками с арбузами завален борт парохода. Пассажиры увлекаются покупкой арбузов, благо они страшно дешевы — 5–10 копеек штука. Вся эта суматоха так не похожа на то, что переживалось в горах. Мы сидим на правой стороне палубы и сначала видим, а потом только знаем, что в этой стороне наш Алтай, наши горы. Становится грустно... Единственное утешение, что наше обследование экскурсионных возможностей Алтая ляжет в основу нового маршрута «Советского Туриста» и поможет сотням и тысячами туристов двинуться в далекий Алтай.

Борис Айхенвальд

ОБРАЗЫ АЛТАЯ

Дневник путешествия

(Печатается по: Новый мир. — 1929. — № 12. — С. 154–172)

27 июня. В 10 ч. вечера выехали из Москвы. Первая неудача — гнет постелей. «Сулит мне труд и горе грядущего волнуемое море».

28 июня. Пыль и духота.

29 июня. Долго не ложимся спать, ждем Свердловска. Рассвет. Огни озера Исет, луна. За городом степь. Это Сибирь, Азия?

Своеобразная романтика, воспринимаемая через Пильняка и поэзию каторжных песен.

30 июня. Тюмень. Степь и лес. В этой огромной дикой стране смешно говорить о километрах, здесь надо найти иную меру. Тысячи км. — и одна железная дорога. Немец, который тоже едет на Алтай, сказал: «Endloses Land!»

Здесь з е м л я — планета в её первоначальной форме.

1 июля. Сегодня приедем в Новосибирск. Омск вчера проспал. Пыль невероятная. Жара. Азия. Азия — Сибирь. Приятно повторять эти слова. До Новосибирска езды почти 4 суток, и это треть того, сколько нужно ехать до Владивостока. «Путь сибирский, дальний...» Дальний Восток, Манчжурия, Азия. Азия... Приехали в Новосибирск — изумительный, прекрасный город. Это не провинция.

Динамика роста — европейская устремленность города; он — центр Сибири и интересен не только своим *sein*, но своим *warden*. Новая Сибирь расцвела в этом городе.

Вечер. Посадка на Бийск. Сплю на третьей полке, над головой низко доски, — как в гробу.

2 июля. Групповод (руководитель экскурсии) обещал, что будем сами себя обслуживать. Жарить барана — перспектива приятная. Это совсем по-гомеровски. Народничество и толстовство устарели — в них шаблон сентиментальности, но почему не говорить о «гомеризме» — о подражании эпически живущим героям эпоса?

Впрочем, предпочитаю читать Гомера, а не инсценировать его на самом себе, да еще под режиссуру

С. (групповод). Это единственное, что меня (пока...) смущает. Романтики в этом не вижу, а хлопот много. Нет ли в идее «опрощения» некоторой «простоватости»? Это безвкусно – особенно для нашего времени. Но как же с этим совместить туризм? Ответ: смотреть на уподобление спутникам Одиссея не как на опьяняющую романтику, а как на необходимость, неприятную, скучную, но... - выхода нет.

Бийск – воплощение пыли. Бродим и ищем пристанища. В четвертом месте нас приняли. Умылись. Какое блаженство, когда вам на голову льют холодную воду. Гениален тот человек, который изобрел воду.

Пародия на обед и на баню. Кофе в саду – последняя дань культуре.

3 июля. Выезжаем на коробах (в роде тарантаса) в 6 ч. 30 м. Настроение хорошее. Ехать приятно, но тесно. Кругом необыкновенный простор, лесостепь. Переехали на пароме Бию, едем вверх по Катунь, переезжаем и её. Наш ямщик – алтаец – грязен, медлителен. Изумительно плюется как-то через зубы, почти без участия губ. На каждый вопрос сначала отвечает: «А?», потом повторяет последнее слово. Тип лица монгольский.

Катунь бело-серебряная. Вялая, но быстрая и широкая. Сзади остается высокий, странной окраски холм. И волна подобных холмов видна и дальше, по берегу Катунь; бледно-розовые и бледно-зеленые тона, изредка темно-лиловые.

Здесь начало цветной Азии.

Едем дальше – и на горизонте все больше и больше холмов, все теснее становятся их объятия. Один холм похож на кусок бархатно-зеленого, заплесневевшего хлеба. Темнеет, вечер, раскладываем палатку – первая ночь.

4 июля. Снова цветные холмы – это предисловие к Алтаю. Удивительные тона и цвета. Снова переезд через Катунь, уже быструю и кипящую, широкую. Пыль соединяется с безмятежным покоем холмов. Если наклонить голову набок, то еще нежнее и радостнее цвета – голубое, розовое, но все мягкое, нежное, целомудренное... Быть может, именно целомудренное – нет сотен туристов (плечи Элен и Наташи).

Низина - Улала, столица Ойротии (не Ойратии, как обычно пишут и говорят в Москве).

Улала притворяется, что она город. Мороженое скверное, но квас дешев и хорош. Были в музее, слушали лекцию об ойротах-алтайцах.

Века нищеты, гнета, унижений сделали этот народ примитивным и жалким.

Но в своих обрядах он так же целомудрен, как природа. Он умеет смаковать жизнь. Великое искусство играть иногда в жизнь – удел детей и отсталых народов.

После обеда прощаемся с Улалой. Пыль, от которой ничего не видно. Но, собственно говоря, особенно неприятно сознание, что её придется смыть. Алтайцам хорошо – им безразлична грязь, а мы не имеем настолько мужества, чтобы не нуждаться в мыле и воде, чтобы примириться с пылью. Вериги Европы следует ли переносить в Азию?

Катунь среди холмов, во всем блеске своей ослепительной красоты пороги, пена, седина злости; широкая, белая, стальная лента. Наступают сумерки; останавливаемся на выступе над Катунью. Благодаря полутьме и пыльной завесе все кажется сказочным, нереальным. Недалеко деревня Монжерок.

5 июля. Дневка около Монжерока, над Катунью. Внизу порог, один из самых больших. Волны бьются с бешенством и упорством. Трудно поверить, что можно веками сохранять такой градус ярости, такое непрерывное напряжение (как в романах Достоевского). В голову приходят ассоциации Кавказа. Если взять прозаическое сравнение. Катунь шумит, как гигантский примус.

Утром пошли в «Пещоры», как здесь говорят. Переезжаем на лодке Катунь – жутко; но смотреть, как перевозят других, страшнее, чем плыть самому; каждую секунду лодка может перевернуться. И поражает, импонирует мастерство, уверенность 70-летнего перевозчика, который с необыкновенной ловкостью управляет лодкой, отданной во власть течению.

6 километров пешком по лесу до деревни Талды – колоритные Кержаки. Берем с собой двух мальчишек и начинаем подниматься по крутой тропинке на гору, ко входу в «пещоры». По дороге наши гиды готовят факелы из сосновых веток. Смело ныряем в темную дыру катакомб и то на четвереньках, то ползком ползем по скользким коридорам. «Пещоры» загибают вправо и одновременно поднимаются вверх. Факелы слабо трещат и почти тухнут, мальчишки утешают, что где-то есть «бездонная яма»; поднимается еще выше по какому-то бревну, и вдали появляются бледные дневные тени; выбираемся на узенькую площадку, на которую другого хода, кроме как через «пещоры», нет. Открывается неожиданная панорама ленты Катунь, благодаря высоте, неподвижно брошенной среди леса.

Зажигаем новый факел и скользим вниз, назад. Наши мальчишки бегают по мокрым камням, как по паркету – привычка. Когда им дали 15 копеек, они были очень довольны.

Происхождение пещер так и не удалось установить; по-видимому, есть какая-то связь с прошлым

талдинских кержаков – молельни или убежища.

Выкупались в Катунь, взяли верховых лошадей и вернулись обратно.

Закат и смена цветов на холмах. Вечер. Ночь.

6 июля. Встали в 3 часа утра, после очень холодной ночи. Едем по берегу Катунь; горы и вода. Спать хочется невероятно. От этого многое пропадает. Человеку, как это ни грустно, спать необходимо. И он спит примерно треть жизни.

К вечеру приехали в Чемал, знаменитый ойротский курорт.

7 июля. Вчера вечером и сегодня днем новые образы и ассоциации Индии (хотя никогда там не был). Ночью Катунь мрачная, страшная, днем торжественная, гордая. Ганг – священная река Индии, и Катунь священна для алтайцев, они связывают с ней свои песни и легенды, обожествляют её.

Эй, красавица славная Хан-Алтая, быстрая река!

Эй, крутобережная, беловодная Катунь!

С высоты-крутизны, с ледяной, белоснежной, поднебесной горы,

– Эй! Ты бежишь между скал быстрее лучшего коня.

Через тебя, Катунь быстройтечная, нет мостов-переправ,

Эй! Эззи, водный дух, не велел строить мост.

Знаем мы, Катунь, как старик Сартакпай богатырской стрелой,

Эй! Просекал тебе путь с Тельдекпена на Чемал.

В твоих бурных волнах, за свободу девичью борясь,

Эй! Бросаясь вниз со скалы, утонула Хана дочь.

По твоим берегам с давних пор в дымных юртах алтайцы живут.

Эй! И теперь, Катунь, далеко унеси ты наше горе с собой,

Эй! На волнах закачай и в пучину отпусти.

Такова народная песня о Катунь. Её поют медленно и протяжно-заунывно, грустная мелодия.

Цветные горы, синевы холмов и далее и надо всем или подо всем – сталь Катунь. Удивительная фантазия природы.

8 июля. Познакомились с Бабраком – алтайцем-краеведом. Любопытная фигура. Девяти лет он вышел из юрты, был попом, теперь учитель в Чемале. Обидчив, самоуверен, но знает и любит Алтай. Считается одним из лучших местных знатоков края. Ездили верхом по берегу Катунь.

9 июля. Катунь декоративна. Так, в таких декорациях должен был бы ставить Большой театр какой-нибудь фантастический балет. Стрела Сартакпая, легендарного богатыря, просекала здесь, среди картонных утесов, путь Катунь. Насыщенность декоративной красотой, – но утонченной, культурной. Не таковы ли сады Черномора?

В Катунь впадает Чемал – синеватая, прозрачная, быстрая и легкая речка. Ездили опять верхом по Чемалу.

Потом ходили пешком как раз в тот прорез между скал, куда попала стрела Сартакпая. Там два перпендикулярных хребта – и между ними течет Катунь. Дошли до впадения Чемала в Катунь – красота изумительная. Ясна граница синего, задумчивого, я бы сказал, резонера-Чемала и бессонной белой Катунь. В устье Чемала почти незаметно его движение – он философичен в своей холодной синеве. Дальше путь вверх – и снова вверх по Чемалу. Чем выше, чем дальше, тем моложе Чемал, он покрывается пеной, теряет свою спокойную синеву. Камни и пена – любопытное соединение самого легкого, почти не существующего и тяжелого, «человеческого, слишком человеческого». Дальше Чемал дробится, делится на протоки и становится из Канта задорным мальчишкой, уличным гамзном. Он не знушает уже уважения, он непостоянен и несолиден. Катунь производит иное впечатление.

Поднялся довольно высоко на край обрыва. Видны Катунь и Чемал, и горы – синие, зеленые, лиловые: цветная Азия. В вечерней дымке особое обаяние гор – уже гор, а не холмов. Проходим бором – это уже намек на тайгу. Завтра начнется самое трудное – выезжаем верхом.

10 июля. Утром дождь; неужели это период дождей? Вместо июня он будет в июле? Как раз до тех пор, пока мы будем в горах. А когда мы снова поедem на колесах, дождь кончится, начнется жара, – и мы вновь будем глотать пыль.

Ждем. С. (групповод) придерживается правила: на охоту ехать – собак кормить. Совсем как у Чичикова. В последний момент оказалось необходимо ковать лошадей и что-то еще. Дай бог, чтобы выехали в полдень.

Полдень пробил – лошадей нет и неизвестно, когда будут. Проводник Бабурганов уехал за ними куда-то очень далеко, обещал вернуться вчера вечером – и исчез. День проходит тоскливо и нудно. Вечером свою желчь срывали на С.

11 июля. Не уехали и не уедem сегодня. Проводник исчез. Начинаются переговоры о том, чтобы до Онгудая ехать на колесах. Глуво, гнусно, досадно. С. путает и врет на каждом шагу, идет дождь без

надежды на самоуничтожение. Полное разложение, упадок, сплин. Когда же выедем из Чемала? Без конца спим и тщетно ждем Бабурганова.

Вечером кто-то сказал, что другой «кто-то» где-то видел «кого-то», кто видел Бабурганова – он жив и здоров и нанимает последних лошадей. Это называется «кошомный телеграф».

12 июля. Ура! В 12 ч. дня Бабурганов приехал. Но новая беда – никуда не годная сбруя, ужасные седла. Шум, крик, ругань.

Беспредметное вчера раздражение нашло, наконец, свой предмет и изливалось на него в течение, примерно, двух часов. Потом – по естественному психологическому закону и так как сделать все же ничего нельзя – успокоились. Снова ждем чего-то, вторично сложив вещи.

Наконец, *horribile dictu!* В 8 ч. 30 м. вчера выехали из Чемала.

Закат, поэзия, все довольны. Остановились у парома в 11 ч. вечера, легли спать в час ночи. Опять палатка, опять кошмы, прелесть дальнего пути.

13 июля. Встали в 5 утра. Ехать хорошо. Опять переехали Катунь на пароме. Первый перевал, спуск довольно крутой.

Бедные лошади. Когда люди ездят на лошадях, они ведут себя, как свиньи. Наступает вечер. Воздух, как принято говорить, становится прозрачным. Жара спадает. Проезжаем бом – узкая тропинка в скале, нависающая над обрывом. Внизу – Катунь. Спускаемся, ведя лошадей на поводу, едем по берегу Катунь.

Кажется, что Катунь состоит из пяти двух родов: бело-синие волны и золотистые, цвета золотой бумаги, из которой дети делают картонажи, но только темные, матовые. Катунь делается шире и спокойнее. Изумительные цветные, спокойные, ласковые горы.

Есть ли связь между глубоким величием Алтая, его светлым и спокойным целомудрием, и тем убогим, грязным, робким народом, который поселился в этих горах? Кавказ в этом смысле цельнее.

Останавливаемся на ночлег в 8 ч. вечера. С. ждет бури. В нем много хлестаковского. Если бури не будет, – тем хуже для бури.

P.S. Бури не было.

14 июля. Съехали с Катунь – прощаемся с ней на недельку. Много раз переезжаем вброд какую-то речонку, назойливо выющую под ногами.

Вторая половина дня полна приключений: во-первых, двигаясь по какой-то ужасной тропе, попали в болото; во-вторых – дождь. Пишу в седле, подробности потом.

15 июля. Хмуро, пасмурно, сыро. Ноги и прочее мокро. Встаем в 5 ч. утра и в 7 – выезжаем.

Вчера ясно поняли (уже!), что все это удовольствие для любителей.

Кто же мы? Мы, по-видимому, играем в любителей.

Дождь подготавливался постепенно и планомерно. Если природа вообще способна действовать обдуманно, то в данном случае она эту способность бесспорно проявила. Началось с того, что мы въехали в трясины: лошади падали, выюки падали, люди падали. Когда я уезжал на Алтай, я героически был готов к гибели – но к какой? Погибнуть в грязи, в болоте – это унижительно и противно. Около часу хлюпали по трясине, и к этому-то времени природа подготовила дождь – холодный, решительный, наглый. Он собирался медленно и упорно и с еще большим упорством доказывал нам свою независимость.

Хорошо, что разложила палатку и зажгли костер без дождя. И приняли это как должное. Но, собственно говоря, могло быть хуже. (Могло бы быть! Ведь еще будет!). Дождь, гроза и К*, все это способно объединиться против измученных путников. Поели, попили и легли спать. Сыро, холодно. Наутро – хмуро, сыро и холодно. Среди дня – мокро, хмуро, сыро и холодно.

Настроение круто падает, все молчат и тупо сердятся.

Вчера С. кому-то сказал: «Вы едете не на пикник, а на Алтай!» Увы!

Горы закрыты сеткой дождя. Сырой и угрюмый Алтай. Лоскутные горы молча поднимаются к туманному небу. Что утверждают они своим подчеркнутым безмолвием? («...Народ безмолвствует...»). Вечное молчание – может ли оно быть случайным? Как разгадать его?

Грязный и мокрый перевал. Ведем лошадей под уздцы. Резкий перелом горы – и перед нами неожиданная в своей неожиданности незабываемая картина: уступом идущие, покрытые хвоей горы, перед ними и за ними долины – особенно за ними, светлая, напоминающая оазис. Далее угрюмые, синие, мрачные, злые горы – лес и туман – нахмуренные брови. И выше всего, уже светлые и радостные, сверкают, поднимаясь к небу, первые белки. Небо над ними светлее и легче, и видно, что белки сияют, что синее, лазурное небо освещает их своим блеском. Недоступные, гордые, сияющие льды и снега.

Но спускаемся вниз – и опять туман и дождь, опять сырость и сетка дождя, покрывающая лоскутные сине-лиловые горы.

В 2 часа приехали в Каракол. Остановились в школе, переоделись, расположились. Это – в дождь – лучше, чем в палатке. «Проклятые» вопросы: как сушить вещи, когда кончится дождь? Сейчас хорошо:

лежу на одеяле и жду кофе, а ведь завтра опять ехать, и опять, и опять... Тоска по чужбине – и тоска по родине. Хорошо вспоминать, но какво переживать. Интересно писать, зная, что будешь все это перечитывать. Живешь медленно и трудно, перечтешь и вспомнишь быстро.

«Что день грядущий мне готовит?»

16 июля. Проснулся рано, в 5 ч., и вышел наружу. Небо по-прежнему туманно и хмуро, горы покрыты облаками, спускающимися иногда очень низко. «Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана». Только не тучка, а туманные, бесформенные белые облака, и не на груди утеса, а на животе гор, и, что самое важное, «утром рано» они не ушли гулять и играть по лазури, а хмуро остались, плача и хныча.

После обеда выезжаем из Каракола. Опять дождь и броды, но создалась уже некоторая привычка. И назойливая ласка дождя отступает перед новыми, долгожданнами образами – мы едем в аил, в юрты, в гости к первобытному человеку. Далекый, незнакомый, спрятанный в горах мир.

У неугасимого огня сидит женщина с ребенком на руках; она не двигается, не поворачивает головы; дым от костра поднимается вверх, к отверстию юрты, и застилает её монгольское лицо, на котором лень, покорность, равнодушие – быть может, мудрость. В памяти алтайцев ревниво хранятся бледные образы прошлого.

Уходящее в далекие века полуполегендарное Джунгарское или Ойротское государство, в состав которого входили алтайцы, восточные тюрки, гордо сохранившие свою самобытность перед лицом арабской культуры, не подпавшие под её влияние, как это было с тюрками западными; гражданские войны, междоусобицы, разрушившие старое царство в половине XVIII –го столетия; желтый и жадный Китай, захвативший все, кроме Алтая; новые враги – монголы и киргизы; и, наконец, день самозаклания у ног Белого Царя – доверчивое обращение в Петербург, за помощью.

И вот Алтай становится при Екатерине II русской провинцией. Дальнейшее просто, горько и обычно. Сначала льготы и торжественные слова – взамен пушнины; потом суровые русские колонизаторы, медленно, но верно оттесняющие робких туземцев в горы; наконец, тщетные жалобы алтайцев и лицемерное двурушничество Белого Царства; с одной стороны закон Сперанского, запрещающий насильственное заселение Алтая русскими, с другой же – тайные инструкции губернаторам, предписывающие обратное. Милостивый закон оказался, по выражению Бабрака, «ни при чем». «Губернаторы заселяли Алтай, чтобы обрусить наших алтайцев, еще сказать, чтобы национальный дух выветрить».

На Алтай первыми пришли купцы и миссионеры. Купцы спаивали алтайцев водкой и за романтику 5-копеечного зеркала получали будни 7-годовалого быка; монахи конкурировали с шаманами и продавали отпущение всяческих грехов и долгов за мелкую монету механического, а иногда и насильственного крещения⁵⁹. В годы войны алтайцев крестили огульно, загнав в Чую и не разбирая полов и имен. Многие мужчины поэтому носят женские имена.

Долго накопала в душе кроткого и добродушного алтайца ненависть к «тонконогим, рыжим грабителям», и в 1904 году началось среди них полурелигиозное, полуполитическое движение. Для главарей оно кончилось тюрьмой, для массы – новыми унижениями и усиленным грабежом. Чужая воля, чужой народ и чужой закон владели и правили «девятигранным Хан-Алтаем», пока не пришло время «своего закона», и Алтай, в память легендарного царства, стал Ойротской Автономной Областью.

Новая культура постепенно переделывает первобытного алтайца, но все-таки – какая страшная, какая темная жизнь! Как медленно в «дымную юрту» проникает свет!

Юрта имеет конусообразную форму; в ней девять жердей-вершин, по числу вершин «Хан-Алтая». Жерди связаны тремя деревянными кругами, сверху войлок, хворост или доски. Цена такой юрты – 15-20 рублей. Внутри – кошмы, изредка нары. По стенам «капы», мешки с вещами, число их характеризует богатство алтайца, иногда висят ковры. Тут же навешены разноцветные ленты: светлые, чтобы привлечь добрых духов, темные – отогнать и умилоствить злых.

Внизу горит неугасимый костер – горе тому дому, в котором потухнет священный огонь! Дым поднимается кверху, уходит в отверстие юрты, встречаясь там с солнцем, снегом, дождем.

Над костром решетка, на которой сушат сыр, приготовленный из чигэна – квашеного молока. Полки с деревянной посудой. До самого последнего времени алтайцы не знали и не употребляли мыла. Сами они не моются эмпирически (лишь утром, набрав из чайника воды в рот, брызгают на руки и таким образом умывают лицо, которое потом сушат у костра); посуду не моют принципиально: счастье покинет ту юрту, в которой вымоют чашку или горшок. Поэтому на посуде чуть ли не вековые наслоения грязи. Погоня за этим «счастьем» дорого обходится алтайцам: среди них свирепствуют

⁵⁹ Рассказывают об одном алтайце, который упорно и долго уклонялся от христианского лова. Однажды в его аиле или даже юрте какое-то начальство забыло новые калоши. Алтайец надел их и хвастался своим жардом. За это его схватили, обвинили в краже и предложили выбирать между тюрьмой и церковью. После мучительных колебаний он все же предпочел крещение. Но, покорно окунувшись два раза, он категорически отказался от третьего, мотивируя свое решение тем, что ведь он украл две, а не три калоши. Неизвестно, чем кончилась эта оригинальная история.

сифилис и трахома. Глазные летучие отряды, организованные в последние годы, должны не только лечить, но и учить.

Белья алтаец не знает, одежду не меняет, пока не истлеет; надев осенью шубу, он носит её, не снимая, до весны, спасаясь от ветров и морозов, проникающих через щели в юрту. В апреле спускает один рукав, в мае другой, и только в июне сбрасывает шубу совсем.

«Эта жисть юрты – она страшна», – говорит Бабрак. Но особенно страшна жизнь женщины. Она не человек, но предмет, необходимый в домашнем хозяйстве, безгласное существо, купленное за калым; муж, ленивый и беспечный, взваливает на неё всю работу. Женщина поддерживает костер, доит коров, варит чай, арачку (водка), шьет обувь, шубу, колет дрова, седлает коня пьяному мужу, – а иногда и непьяному.

Но именно женщине суждено быть носительницей нового. Развивается и растет женское движение – и «чалегатка» (делегатка) становится культурной и даже политической силой. Затронутые новыми веяниями женщины моют руки с мылом, иногда даже – шею [sic!], мучную лепешку месят не на голом и грязном колене, а на доске; «чалегатки» ездят на съезды, работают в ячейках, постепенно ломают старые обычаи и старый быт.

Интересна судьба алтайского ребенка. При рождении его мажут конским жиром и кладут в зыбку – этим ограничивается тот прием, который оказывают ему при его вступлении в свет. Тот самый бадан, из которого готовят чай, служит для гигиенических целей: предохраняет от прения надлежащие части ребенка.

До года у ребенка, если он не умер, бывают ожоги – результат падений в костер. В 3 года он уже ловит арканом телят, в 6 ползет с луком по лесу – наследственное звероловство – и тех же зверей лепит из речной грязи и вырезывает на дереве, в 10 мальчишка пытается уже сдержать коня, в 16 – независимо мчится верхом.

Алтайцы гостеприимны, приветливы, ленивы, добродушны, грязны, терпеливы, отличаются долголетием и молчаливостью.

Сахара и овощей алтайцы не знают. Едят мясо без соли, хлеб из ячменной муки, сыр, творог, пьют квашеное молоко – чигэн, похожее на кефир, соленый и смешанный с мукой чай (вкус рвотного) и арачку – слабую водку-самогонку, сделанную из молока. Кроме бадана, собирают еще какое-то растение кандык, корень в роде луковицы, в котором будто бы есть сахар и крахмал, собирают чеснок и лук просто.

Арачку пьют много и долго, и под её влиянием алтаец теряет свою молчаливость и вялость, становится разговорчивым, хвастливым и даже драчливым.

Алтайцы любят играть в жизнь, смаковать её: пример – свадьба.

Жених должен украсть невесту – с этого начинается вся процедура. Затем кто-нибудь со стороны жениха берет на себя трудную и неприятную миссию известить отца невесты. Надев шубу, а иногда и две, благородный друг жениха садится на пороге ограбленной юрты и, сообщив отцу свадебную новость, терпеливо ждет вечера, покорно вынося ругательства и удары нагайкой (для этого-то и нужны две шубы). Вечером он вправе уйти – и этим заканчивается второй акт. На другой день снова приходят представители жениха и приносят с собой арачку. Отец невесты долго хвастается своими табунами и своим родом, – до тех пор, пока его не заставят, наконец, выпить арачки, – тогда наступает мир. Торгуются о калыме и привозят его. Затем следует последнее действие, самое интересное, знаменитый «той».

В аиле жениха собираются гости, причем каждый привозит с собой запас арачки. Как обязательное правило, родители невесты отсутствуют. Быстро строят новую юрту, и старший в роде зажигает новый костер. Приводят невесту, расплетают её девичьи бесчисленные косы; и заплетают волосы всего в две косы; меняют девичье платье на женское – и с этого момента, без всякого участия шамана, она считается женщиной. Начинаются пир, пляски, песни, скачки, борьба, сказки. Среди гостей ходит специальный драчун-забияка – Чалчи-Кнжи, – который обязан поднимать шум и возню для вящего веселия. Арачки выпивается море, гости и молодые пируют всю ночь. На другой день делаются официальные визиты.

Теперь заключительное и маловероятное указание: невесте лет 17-19, жениху – бывает – 8-9. И если у молодой хозяйки через два-три года все же родятся дети, мораль алтайцев не обвинит её: дети нужны для хозяйства и посланы милостью Ульгена – доброго духа.

В свою очередь муж, выросши из детского возраста, может жениться вновь, уже более сознательно; так развивается многоженство.

После революции приходится бороться и на этом, матримониальном, фронте. Запрещены воровство невест, калым, вступление в брак раньше 18 лет.

Первобытен и торжественен также похоронный обряд.

Покойника экипируют всеми нужными вещами и хоронят – вернее, хоронили – в россыпях или на

дереве. На могилу Кама (шамана) кладут бубны.

Загробный мир создают алтайцы по своему образу и подобию: Алтай, вечное лето, прекрасные луга, много хорошего, тучного скота, арачка, безмятежный покой...

Алтайцы – язычники, шаманисты или бурханисты. Шаманы и Камы отгоняют злых духов, призывают покровительство добрых, лечат, гадают, приносят жертвы скотом во время сезонных праздников. Знаменитого процесса «Камлания» увидеть нам так и не удалось. Жаль! Зрелище любопытное!

Алтайцы отдают малую дань и искусству. Вырезают на деревьях и ножах изображения зверей и птиц и просто орнаменты, играют на жалких музыкальных инструментах, поют, импровизируя часто слова песни; поют о тех же зверях и птицах, о своем прошлом.

Кроме песни о Катуня, есть еще известный народный гимн, посвященный Хан-Алтаю:

Устуртун корордо
Уч талунту Хан-Алтай.
Туразынан корордо
Тогус булунду Хан-Алтай
Кайзынан корордо
Камчы сынду Хан-Алтай.
Куски конгон Туртуна
Курэн чепкэн, тожогондий Хан-Алтай.
Таскы конгон Туртуна
Тажыл торко тожогондий Хан –Алтай.

Если сверху взглянуть, -
Трехгранный Хан-Алтай.
Если сбоку взглянуть, -
Девятигранный Хан-Алтай.
Если с крайны смотреть, -
Как плеть развит хребет Хан-Алтая.
Как бурое сукно разостлано
По осеннему жилищу Хан-Алтая.
Как зеленошелковый ковер разостлан
По весеннему жилищу Хан-Алтая⁶⁰.

Вот еще одна песня, которую Бабрак снабдил таким примечанием: «Эта песня по народному преданию пета была алтайцами на горе Талмонку после опустошения Алтая вследствие войн с другими племенами, в особенности после войны с Чадаком, приходившим из Монголии».

За милый Алтай много лилось крови!

Сосны, имевшие крепкие ветви, обезглавлены они, бедные!

Полный величия Алтай мой, опустошен он, несчастный!

Сосны, имевшие твердые ветви, обезглавлены они, бедные!

Мило устроенный Алтай мой, обчищен он, несчастный!

Мелодии всех песен скудны и однообразны.

Около часу провели мы в аиле, ходили по разным юртам – бедным и богатым. По обычаю мужчины должны были становиться налево от входа, женщины – направо. Везде нас встречали с равнодушным гостеприимством, угощали арачкой и чигэном, принимали папиросы и леденцы, но хозяйка сидела по-прежнему неподвижно около костра с ребенком на согнутых коленях. Мы ходили по юрте, осматривали вещи, трогали их, снимали (нельзя только трогать священные ленты), - она ни разу не повернула головы. Что это – закон вежливости или форма восточного фатализма?

«Эта жисть юрты – она страшна».

И трудно переломить её, переделать. Но работа идет. 87 ойротцев учатся в вузах, среди женщин выбираются «чалегатки», в Чемальском аймаке 70 партийцев, растут школы, больницы, летучие отряды борются с трахомой и грязью, появляется мыло, создается латинский алфавит.

Октябрьская революция докатилась и до нас, - гордо заявил Бабрак.

Вечером мы увидели блестящее подтверждение этому – алтайскую коммуны Онгудайского аймака. Спим в коммуны, перед сном через Бабурганова долго разговариваем с её председателем. Скачок от доисторического человека к человеку далекого будущего. На белки алтайских гор идет новая культура. Фантастический сон дикаря.

17 июля. Утром кусочек неба и солнца. Сияют теректинские белки. Выехали поздно, в 7 час. 30 мин. Солнце чередуется с дождем, не претендуя на примат. Едем тайгой – глушь, «чернь», по выражению

60. Перевод и транскрипция алтайского текста русскими буквами списаны мною у Бабрака, учителя-алтайца в Чемале.

сибиряков. Переваливаем через одну гриву и начинаем подниматься на Теректинский хребет, правда, где-то сбоку. Открываются каракольские белки; клочья снега разных размеров разбросаны по мрачным горам. За ними туманное небо. Если это все, то Кавказ богаче и величественнее. В нем сила, мощь, гордость. Здесь же – уныло и грустно, здесь дальняя, сибирская таежная страна, бедная и убогая, здесь Алтай, здесь те горы, среди которых живут темные и нищие алтайцы. Может быть, это только временное впечатление, связанное с моим настроением или с дождем. Катунь, правда, производила иное впечатление, – но ведь было солнце.

Целомудренные и женственные под солнцем, убогие и грустные при дожде – может быть, это решение, может быть, таков характер алтайских гор?

По словам С., после обеда, продолжая подъем на Теректинский хребет, мы пойдем уже по самым белкам.

Если привыкнуть к грязи всех родов, – пот лошадиный, навоз, грязь просто, пыль, зола, копать, – если привыкнуть к сырости и дождю, то уже ничто не страшно. Но вопрос именно в том, как привыкнуть, как освободиться от культурных надстроек, ставших почти физиологией?

После обеда действительно стали подниматься на Теректинский хребет. Тайга осталась внизу, мы на лугах, кажется, альпийских. Сзади, с перевала (2.000 м.) видны Каракольские белки. Голый холм перевала. Спереди радостные перспективы – свет, солнце. Сзади – мрак и тоска, синие, почти черные горы, небо сливается с землей, тучи, дождь, гроза, злоба. Гибель Содома и Гоморры (похоже на гравюру Рембрандта «Три креста»). Мы бежим от туч и дождя, но они гонятся за нами, тоже поднимаясь на перевал. Туманы бродят около нас по горам. Внизу, у ног, белые анемоны и другие, желтые и лиловые, цветы. Если бы солнце! Проходим мимо белка – большого куска снега. Поднимаемся дальше, на второй перевал – и тут-то гнев Алтая настигает нас. Сначала холод и ветер, потом град, потом серия дождей. Едем по хребту, нигде нет никакой надежды, всюду дождь, холод, сырость. Спереди ворота из двух необыкновенных радуг, огибающих все небо, сзади легкий, бледный просвет. Новое снежное поле, которое кажется продолжением неба. Под звуки трубы и органа из хаоса создается свет и земля. Облака клубятся, как снег, и снег кажется облаком. Небо поет радостный гимн. (Короленко прав, когда зрительные впечатления передает через слуховые образы: это полно, ярко и глубоко).

Но диалектика художественного образа не обязательна для природы. Небесный хор и радуга не спасают от нового дождя. Это становится уже безвкусным и назойливым.

Измученные, замерзшие, злые съехали, наконец, с хребта. В 8 ч. ночлег. Спать сыро и холодно.

18 июля. Проснулись и встали в 5 – до свистка – от холода. Едем сначала в густой и высокой траве, потом по долине Тонкой Терехты. Горы прекрасны, Теректа шаловлива, особенно сверху, с бомов. Слияние с Толстой Теректой, брод. Чуть не утонула лошадь. С горы на гору – бомы – внизу вьется Теректа. Другая лошадь срывается с горы. С трудом вытаскиваем её. Постоянно падают вьюки. Наконец, выезжаем в Уймонскую степь и скачем наперегонки 15 км. до Верхнего Уймона. Радует, как дети, вырвавшиеся из класса. Ночуем у кержаков – по протекции Бабурганова, брат которого женат на кержачке. У них и ночуем.

Погода исправляется, дождя почти не было.

Горы и реки, вся природа Алтая, кажется, любит себя. Она не так равнодушна и нейтральна, как это думают. Кокетство, но соединенное с величием – вот первый шаг к разгадке тайны утверждения гор. Но соединимо ли кокетство и величие? Лучше сказать: в горах есть самосознание и самоудовлетворенность.

19 июля. Уймон прячется в котловине гор – к вечеру они тускнеют, покрываются туманом, темные тона и цвета. Кержаки – сочные, сильные, типы партизан Всеv. Иванова. Особые интонации, суровость. Хозяйка, у которой мы остановились, ругается безобразно и артистически. Я «опоганил» котел, потому что чистым, но «своим» половником зачерпнул из него воды. Разгневанная красавица (а она действительно красавица) выплеснула уже почти вскипевшую воду. Вымыла чугунок, принесла новой воды и поставила 11-летнего сынишку сторожить его невинность. Мальчик этот, несмотря на свою юность, уже насквозь кержак. Он носит кержачью шляпу, говорит типичными полувопросительными интонациями, медлительно, не по-детски суров. Гордость касты. Детей не посылают в советские школы. Внешнее и внутреннее отмежевание себя от мира – отсюда некержаков называют «мирские». Приветливы ли они? По-разному: одни суровы, другие любопытно-любезны.

Весь Уймон – литературная иллюстрация.

20 июля. Вторая ночь у кержаков. Сегодня выезжаем из Уймона в десятидневное, приблизительно, путешествие по ненаселенным диким катунским белкам на ледники Белухи и оттуда на Рахмановские Ключи. Эти 10 дней – самое трудное и ответственное нашего пути. Когда наступит тот час, в который я напишу как о прошлом об этом перегоне?

Сегодня делаем три перевала.

Из Уймона поднимаемся на первый и попадаем в туман. Как в «Синей птице», из тумана

вырисовываются неожиданно очертания деревьев и людей. Но вот мы поднимаемся выше тумана или он рассеивается, - но внизу, под нами, видна Уймонская степь, горы, полоска Катунь, - все синеватое, с туманной завесой кое-где, с клубами тумана и потому нереальное. Как в театре, туман ежесекундно сдвигается, и всё яснее становятся очертания гор - лишь в ущельях по-прежнему белая пена. Из мглы первобытного хаоса рождается земля, - чистая, не запятнанная человеком, юная и невинная, - земля в первый день своего бытия, со своими горами, лесами, реками, слегка окутанная синеватой дымкой.

Второй перевал - Каменный белок, третий - Студеный белок. Горы и горы - однообразно. Внизу реки, белые и быстрые. Погода становится хорошей.

21 июля. Дивный день. Едем верхи вниз - подъемы и спуски. Изредка броды. Проходим Зайчихинский и Собачий перевалы. Какое огромное значение имеет название. Гипноз слов. И этим пленяет Кавказ. Гергетский ледник, Алибек, Пассанаур, Теберда: «Я поднимался на Гергетский ледник», - это солидно, благозвучно, торжественно - «es klingt»; сказать же, что я был на леднике Белухи через Зайчихинский перевал - это быт, будни, деловая проза... Тяга к романтике даже здесь. Если эти же места назвать по-алтайски, непонятными словами, все будет иначе. Название определяет называемое.

Мягкие, женственные горы.

Купались днем под холодной струей быстрой реки. Путь все время по перевалам - вверх, часто пешком, с конем в поводу, и вниз - тоже пешком. С белка на белок, раз 5-6 за день.

Прилично только последнее название - Хайрузовский хребет. Еще подъем - наверху розовый от заката снег и внизу неожиданно, там, где ждешь долины и речки, - зелено-темный глаз озера Тальмень. Не верится, что это действительно озеро, нет для него основания - произвольная причуда природы. По цвету воды видно, что оно глубокое и холодное.

Когда дождь, - то плохо, а когда нет, то - модификация Шильонского Узника - жаль, что его нет: больше было бы богатства в расцветке гор и озера.

Образы сохранятся, - дождь и досада забудутся.

22 июля. Второй солнечный день - голубое и зеленое. Мудрое озеро, скрытое в горах, оно в философской атараксии, как индусский йог, созерцает себя, свой «пуп». Бескорыстность полная - оно не интересуется зрителями и их мнением, оно творит для себя.

В творениях природы есть ли какой-нибудь план, сознательность?

Поднимаемся на хребет и идем по склону горы, по узенькой тропинке; внизу холмы, речки, деревья. Еще перевал - налево амфитеатр из оскаленных зубов с белыми кусками снега, направо - утес, тоже с белками. Останавливаемся в долине, темнеет.

Вверху розовеет небо, синяя полоска гор, одно темно-зеленое дерево. Все это в рамке суровых, неприветливых стен. И розовая полоска поэтому неожиданна, трогательна, грустна.

Дождь не дал выпить чаю. Пили в палатке.

23 июля. Медленно собираемся, едем дальше - по берегу речки Юрген-Су. Несколько опасных бродов, наконец - Катунь. По-прежнему бело-серебряная, быстрая, но уже, чем у Монжерока. Величия и злобы почти нет. Останавливаемся у устья Кургана, впадающего в Катунь. Зелено-синее и белое. Вода в Кургане очень холодная. Долина Катунь прекрасна: белая змея вьется серебряными зигзагами среди темно-зеленых хвой; по сторонам в синеватой дымке мягкие склоны гор с белыми пятнами кое-где.

Два жутких брода - через Курган и через Катунь. Ноги мокры до колен, но радость, возбуждение, торжество: перебрали Катунь!

Едем по золотой долине - гнуснейшее болото с мириадами комаров. Видны отроги Белухи. Темнеет, долго едем по трясины, тщетно выбирая место для ночлега. Наконец, на каком-то полумокром скате пристраиваем палатки.

24 июля. Эту фразу пишу на Геблеровском леднике Белухи.

Сегодня утром простились с нашей болотной стоянкой. Подъехали почти к подножью Белухи, верхом пересекли Катунь - мелкую, широкую, с бесчисленными отмелями, и пошли на ледник. Идем сначала по скользкой траве, потом по грязному снегу. Начинаются льды - бело-зеленые, холодные, гордые. Истоки Катунь - её закулисная сторона, скрытая лаборатория. Глубокая, высокая, гулкая ледяная пещера, уходящая и вверх и вниз - отверстый зев ледяного дракона; на дне кипит темная струйка Катунь, кругом снег и тишина. Катунь проходит подо льдом, принимает в себя другие ручьи, стекающие с ледников, и, протискиваясь с Белухой последним поцелуем у ледяных столбов, устремляется вниз, к океану.

Идем еще дальше, к ледопадам. Они кажутся близкими и доступными. Но чем ближе мы к ним подходим, тем они становятся выше, грознее, неприступнее. Ползем по скользкому льду, прыгаем через трещины. Кругом лед и солнце - вечный, неподвижный, субстанциональный лед. Назад спускаемся при помощи веревки и топора. Вечером Белуха освещена луной. Кажется, что можно утолить жажду, смотря на неё.

25 июля. Ходили на водопад Рассыпной. Сила, но нет той злобы, которая у Катуня. Белая пена, брызги, превращающиеся в пыль. Высота, говорят, 30 метров. Когда-нибудь при помощи его энергии электрифицируют подъемную дорогу на Белуху.

Погода прекрасная, и обе головы Белухи ясно видны. Между ними вечно-холодное, вечно-спокойное ложе ледника. Вечная тишина, холод, молчание.

В 2 часа едем дальше. Дождь, дождь почти непрерывный в течение всего дня. Мы мокры и измучены; все продрогли. И кажется, что так невеликодушно со стороны дождя добивать нас. Нельзя бить лежачего, а мы духовно лежим. Мы уже не смеемся над ним, не игнорируем его, - мы ждем только одного, тоскливо и упорно мечтаем об одном, - когда же кончится дождь. Мы покорны. Мы лежим, мы побеждены, а дождь снова и снова идет, - и перспектива безрадостная, безнадежная. От вечно льда к вечному дождю. Что лучше: пыль или дождь?

Делаем два перевала и останавливаемся на берегу Черной Берели.

Среди хвойных утесов бежит по камням темная вода. Место прекрасное, - особенно утром. На вершине второго перевала изумительное зрелище. По мере того как мы поднимаемся, появляются вершины желтых холмов; они постепенно становятся пирамидами. Благодаря тучам, дождю, закату освещение фантастическое. На небе желтые клубы, - и по одному из желтых холмов, поднимаясь почти отвесно к небу, проходит радуга; сбоку намечается другая.

Египет, Аравия или Сирия - что-то причудливое и незабываемое. Странно желтые пирамиды, сетка дождя, радуга, странно свивающиеся оранжевые клубы нависшего неба.

А сзади - цепь Катуниских белков; спокойные, трезвые, дневные, еще не затронутые фантастикой востока. Север и Восток, силы и тайна, величие и мистика...

Близится ночь, спускаемся в долину Черной Берели.

Дождь забудется - пирамиды останутся.

26 июля. Еще один перевал - «Перелом», и с высоты его - вся цепь Катуниских белков с гордой величавой Белухой. Трудно её характеризовать. Нет мощи Кавказа, но какой-то особый налет юности, девственности, свежести.

Две головы, и между ними так называемое «седло». Четыре ледника. Белуха воспринимается как обнаженная гора, но в этой обнаженности нет бесстыдства - она безгрешна и целомудренна. Белуха прекрасна в своей наготе, и эта нагота подчеркнутая. Изредка туман окутывает её ледяные, белые вершины. Обнаженная грудь Белухи - и ледяные потоки катятся с этой груди, омывая и охраняя от упорных ног человека. И кажется, что победивший разум человека все же мельче большого Разума Умолкнувшей и Обнаженной Горы.

Внизу озеро Арасан, Рахманинские Ключи. Неужели позади самое трудное и страшное? Пройден тот жуткий перегон, о котором я писал в Уймоне. «Все мгновенно, все пройдет, что пройдет, то будет мило». Жизнь записывает свой дневник в моем сознании. Будущее будет, время идет - и это служит утешением в самые тяжелые минуты. Но ведь прошлое *было* - можно ли это вычеркнуть? «Прошло!» - жалкая отговорка! «*Было*» - вот огненное слово, которое нельзя залить водой времени.

Но все же *было* самое трудное - мы в относительно культурных условиях Рахманинских Ключей обедаем, ужинаем. Ложки, тарелки, хороший хлеб...

Круглая долина на озере Арасан, несколько бараков для жилья и будки с деревянными срубам, в которых протекает горячая, до 40 градусов по Цельсию, чудотворная вода: ревматизм, говорят, вылечивает изумительно. Какое будущее ожидает этот маленький уютный курорт Казакстана «Горячие Ключи», как его называют алтайцы? Он растет с каждым годом, больные стремятся к нему со всех сторон, несмотря на ужасную дорогу, - через Катон-Карагай и Берель (со стороны противоположной той, с которой подъехали мы).

Людей привозят привязанными к седлам, со скрюченными ногами - через месяц они начинают ходить.

Какие еще тайны хранит Сибирь?

Озеро похоже на Тальмень, но меньше и легкомысленней. Кругом горы.купаемся в теплых ваннах.

Вечером снова дождь. Лежать, даже под дождем, в полунепромокаемой палатке лучше, чем ехать. Самое досадное и скверное, что нужно что-то делать: раскладывать костер, сушиться и т.д. В палатке же ничего не нужно делать - лежи и мокни. Человек вообще животное пассивное. Лень и нелюбовь к делу - это *differentia specifica* человека. И поэтому дождь без оргвыводов не страшен.

27 июля. Сегодня месня, как мы выехали из Москвы.

Едем верхом на водопад, который тоже называется «Рассыпным». Головокружительный спуск, - я не дошел, вернулся к лошадям, потом снова, уже по «тропинке» (вдвойне в кавычках: не тропинка, а нечто менее непроходимое, чем обрыв) спустился к водопаду.

Несколько ступеней, по которым падает Арасан. Самая высокая - в мрачном ущелье, кругом декоративные скалы с желтым мхом. Черные объята принимают белую пену. С другой стороны в уз-

кой щели между зелено-серых склонов гор – голубовато-белая лента Белой Берели. Она поднимается кверху и видна далеко. Сочетание нежного и мрачного. Омытые голые черные камни, суровые хвой, желто-бархатный мох и лирика Белой Берели, её задумчивость, тишина...

Вечером звездное небо над тихим озером.

28 июля. Отдыхаем, купаемся в горячей воде. Читаю Дж. Лондона. Пережив в миниатюре экзотику, интересно читать об её напряженнейшем тахитите. «И мы пахали» - уголок пашни.

Синие горы кругом начинают утомлять. Над горами за озером на закате легкий розоватый отблеск. Озеро неподвижно. Швейцария. Вечер.

29 июля. Опять раннее вставанье, в 4 ч. 30 мин., опять свертыванье. Болото, камни, грязь, крутизна. Бедные курортные больные! Три перевала до Берели. Последний взгляд на Белуху с высоты Арасанского перевала. Две её головы по-прежнему высоко возвышаются над гребнями гор, по-прежнему белые и спокойные.

Но в дымке жаркого утра гора кажется не ледяной, юной, гордой, а сонной, как бы усталой, заколдованной красавицей. Она чуть-чуть поблекла среди разнежившихся холмов, окутанная сонным небом.

Спускаемся вниз. Южный Алтай оправдывает свое название: жара и нега, на горах мало деревьев; зелень, бархатная и нежная, сливается с голубым туманом неба. Юг – жара, истома.

Кочевой киргизский аул. Киргизы-казаки на одну ступень выше алтайцев. Как дети, смотрят в фотографический аппарат. Они живее, любопытнее алтайцев.

С любопытства начинается человек. Как примирить это: человек – животное пассивное и любопытное?

С вершины третьего перевала видим далеко внизу, в широкой долине, Берель – сначала речку, потом деревню. По бокам темные горы, выше и дальше – величавый хребет с белками, Нарымский хребет или большой Алтай, уходящий в Монголию. Спускаемся ниже, к самой реке. Берель не Катунь. Грация, изящество, веселье. Дорога идет по самому берегу, кругом не только хвоя, но лиственные деревья. В час дня приехали в Берель. Верховой путь окончен.

После обеда на телегах едем в Урьль. Опять тряска, опять пыль. Время неподвижно. Ложь, что оно «идет». Обман при помощи метафоры.

Переезжаем через Бухтарму. Новый оттенок воды – нежно-зеленый, голубовато-зеленый. С Берелью роднит ласковость. Нет мрачной злобы Катунь, злобы, ключ к которой в мрачной пещере ледников, откуда берет начало эта Белая и Злая Река, священная река Алтая. Через эту пещеру делается понятен характер Катунь. И её вялость около Уймаона или Бийска – лишь лицемерная маска, лжеоблик, который подчеркивает подлинную душу сдавленной горами, вечно раздраженной, вечно недовольной Катунь.

Берель и Бухтарма – оптимистичны и жизнерадостны. Если фактически они тоже вытекают из пещер, то это является для них случайным, несущественным, на их характере это не отражается.

Катунь коварна – Бухтарма и Берель открыты и рыцарски благородны. Они могут вспылить, могут быть жестоки, беспощадны, бешены, но им все же чужда клокочущая, седая, бессильная злоба колдуньи-Катунь.

Вечером приехали в Урьль, ночевали в крестьянской избе.

18 августа. Все кончается в мире, многое повторяется. Снова вагонная тряска, редкие станции, вокзалы, города. Через три дня – Москва.

Фраза «Как красиво!» меня возмущает. Долой красивое!

19 августа. Начинается второй день, и скоро начнется Европа. Подъезжаем к Свердловску. Мутит от слова «красиво». Поздно вечером пьем чай в Перми.

20 августа. Приближаемся к Вятке. Всё-таки родной русский край – «бедные селенья», «скудная природа», «смирная нагота» – правда или миф? Было правдой, стало мифом. Нужен ли вообще миф? «Человек – вот правда» – Горький. «Тьмы низких истин мне дороже нас возвышающий обман» – Пушкин. Освежают и радуют после экзотики Алтая тишина и простор русских полей и перелесков – тихая и простая, скромная лирика природы.

21 августа. Последний день, последняя запись. Миновали Ярославль и Ростов. Скоро начнется дачная часть пути; но она теряет свою будничную пошловатость и выглядит по другому *sub specie* Сибири и Азии, овеянная их романтикой – одно из звеньев Великого, «дальнего пути»... Сергиев Посад, Хотьково... Несколько километров – последняя соломинка Алтая. Пушкино, Мытищи. Лосиноостровское... «Москва, Москва»...

Лето 29 года

ЈАНҒЫ АЛТАЙ БИЧИКТӨС «ЈАНГАЛИФ»
(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1929. – № 8)

Бастыра СССР журтында јаткан түрк ле татар сөбк албаты-јон текши бичик-билик ажыра бойынын ижи-јолын, мал-ажын, јадар-јадынын јангыртып јарандырамын эм тура сүрекей кичееп турулар.

Бичик-биликке үренип алары јенгил болзын деп, олар көдүре ончозы озодон бери тудунган араб сөбк албатынын бичиктөс алфавидин уурзынып таштайла, латын сөбк албатынын бичигине келиштире јангы бичиктөс – алфавит јазайла, оны «јангалиф» деп адап алдылар. Эм тура јангалифла бичик-биликке үренип турганы мындый улус: татарлар, башкирлер, буряттар, якуттар, казак-кыргыстар, сарттар, черкестер, хакастар. Онон до өскө көп түрк татарлар ла бир аай укту улус текши јангалифла бичикке үренип турулар.

Олор бу јангалифле бичикке үренгени 3–4 жылга једе берди. Олордын үредү керегин көргөжин, онын јенгили де, јакшызы да јарт көскө көрүнип билдирет.

Бистин алтай сөбк улус озогызында түрк укту албатыдан таркаган болуп јат, онон улам эмди де бу алдында адалган улустын эрмеги бистин улустын тилине јуук келишип јат. Олордын јангалифле бичиген бичигин кычырганда, олордын эрмек сөзи биске танылу болуп туру.

Бистин алтай сөбк албатынын бойынын төрөл алфавит-бичиктөзи јок болгон керегинде, алтай тилдү бичикти бис орус улустын алфавидиле озодон бери бичип турганыбыс. Је бу орустын алфавит-бичиктөзи бистин алтай улуска база уур болуп јат.

Орус алфавитты түрк ле татар сөбк албатынын «јангалиф» деген бичиктөзиле тундештирип көргөжин, бистин улуска јангалифла бичикке үренери јенгил болуп јат.

Мынын керегинде бистин областьтын төс башкару Комитеди мынан ары алтай тилдү бичиктерди јангалифла бичип чыгарзын деп, база эм келер күстен ала алтай сөбк бала-барканы да, јаан да улусты көдүре јангалиф бичикле үредер эдип јөптөп салды.

Эм тура Улалуда алтай тилдү бичик чыгарып турган редакция јангалифле кингелер белетеп бичип туру. Эм келер јаскары јай школдын алтай сөбк качылары көдүре јангалиф үредү курска турар, күстен ала алтай улустын үредү јангалифле текши школдордо башталар.

Алтай тилине келиштире јангалифле јангы бичиктөс – алфавит јазалды, онын көдүре үн тагмалары (буквалары) 9 болды.

Бу јангы алтай бичиктөс «јангалифы» бистин улус танып билерге, оныла не ле үредү сөзин танып, бойынын ижи-јолын, мал-ажын, јадар-јадынын јангыртып јарандырамын сүрекей кичееп керек.

Бу јангы керекти тыгыдып өрөлөдип аларга, алтай улус көдүре болужар керек.

Областьтын јангалиф комитеди

(Эмди чыгар газетте база бичилер).

**ЈАНГАЛИФКА УЛУСТЫ ҮРЕДЕР КЕРЕГИНДЕ ХАКАС ОКРУГЛА
 МӨРӨЙ ИШ БАШТАЛДЫ**

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот – 1929. – № 9)

Бистин областьта јангалифти јарадып, улусты јангалифке үредерин јарадып јөптөгөнине бери экинчи жылы башталды. Је иш дезе бир де эмеш көндүгип турганы јок. Ненин учун бу керек жылбай туру дезе? Бу јанынан албатыны јангалифке үредер бичиктер јок болды. Бичиктерди бастыраарга бис Москва ийгенибис, је ол бичиктер эмдиги јетире бүткелек.

База бир јанынан көргөндө, бу керекти аймактарда турган улустар бир де кичеебей јадылар.

Бис јайдан бери «Кызыл Ойротко» јангалифле эмештен бичип турганыбыс, газет кычырып турган улус үрензин деп. Је аймактардан келип турган табышты укканда, анда бу керекти кичееп турган улус ас болуп јат.

Газетти алдыртып кычырып турган улус ас. Бистин школдын качылары «Кызыл Ойротты» керексибей јадылар. Онон өскө областьта канча ла избачтар бар, ликвидаторлор бар, онон до өскө актив улус бар. Былар ончозы бу керекти кичееп турза, иш көндүгөп эди.

Бистин областьта эмди јангалиф керегинде культпоход башталды. Бу ишти өткүрерге Хакасс округла мөрөйлөжөргө, договор-бичик эдип алдыбыс.

Ол договорло бис май айга јетире бичикчи улустын ончозын јангалифке үредип алар учурлу болуп јадыбыс. Май айга јетире бистин үредип алар улустын тоозы 4000 кичи болуп јат.

Айдарда, бу керекти бүдүрерге јон ортозында иштеп турган партиянын, комсомолдын, профсоюзтын организациялары болужар керек. Олор болужын јетирбесе, бис бу ишти качан да бүдүрип алар јангыбыс јок болор.

1929

Бу керекке анчадала бистин алтай школдын качылары болужар керек.
Кыймыктаныгар нөкөрлөр, слердин болужыгарды сагып турубыс. Төрт-беш мун алтай улус слерге иженип јат.

Областьтын Јаңалиф комитеди.

Андрей Борбуев

КООПЕРАТИВ ЈОНГО АРГА

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1929. – № 10)

Элдин-јоннын бириккен,
Эптү-јөптү кооператив;
Ады-јолы арга болгон,
Албатыга туза болгон.
Кызаланга болушкан,
«Кызыл тандак» лавкабыс.
Корогонды толтырган,
Кооператив садубыс.
Элдин-јоннын ортодо
Эдип койгон лавкабыс.
Элге керек јөбжөни
Экелип берген лавкабыс.
Ачап-сыйап байлардын
Алдын кескен лавкабыс.
Аргазы јок јоктуга
Арга болгон лавкабыс.
Јоон мойынду байлардын
Јолын кескен лавкабыс:
Јокту-јойу улуска
Јол көргүскен лавкабыс.
Колдо турган јөбжөни
Кодорып берер керектү.
Кооператив членине
Кожылып кирер учурлу.
Кысканбай пайды төлөйли,
«Кызыл Тандак» таныгын.
Кызыл-чоокыр бөстөри
Кыстар јараш көрүнзин.

Павел Чагат-Строев

ЈАҢАЛИФ

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот – 1929. – № 10)

Биске укташ албаты
Јаңалифты төзөди.
Бистин алтай албаты
Јаңы јолды көргүсти.

Јаңы јүрүм јазаарга
Јаңы бичик табылды.
Јаңы алтай бичиктөс
«Јаңалиф» деп адалды.

Угы јаңыс албаты
Угужып јадар јаңалиф.
Тили уйгаш албаты
Тил алыжар – Јаңалиф.

Тузазы јаан бичикти
 Тургуза бис кичеeyли.
 Төрөл јоннын бичигин
 Төстү бичик эдели.

Кайралду бичик табылды,
 Кайран јондор кичеeyли.
 Карындаш болгон албатыга
 Кару сөзис айдалы.

Јагы бичикке үренип,
 Јагы јүрүм јазайлы.
 Јағалифти бичийле,
 Јагы јолго кирели.

Афанасий Коптелов

ОЙРАТИЯ

(Печатается по: Наши достижения. — 1930. — № 8. — С. 53-61)

От редакции. Ойратская автономная область, основанная в 1922 г., расположена у границы Монголии. Она занимает Ближний и Центральный Алтай. По земельной площади (90 тыс. кв. км) она в 2 1/2 раза больше Нидерландов, в 2 1/2 раза больше Швейцарии и в 2 раза больше Дании. Населения в Ойратии (99 000 чел.) в 70 раз меньше, чем в Нидерландах, в 40 раз меньше, чем в Швейцарии и в 34 раза меньше, чем в Дании.

АЛТАЯК ТОЛТОК

Черной лентой тянется через горы Чуйский тракт, то поднимаясь на крутые перевалы, откуда видны бесконечные ледяные гребни каменных волн, то опускаясь к пенистой Катунь-реке, где свирепые волны, разбиваясь, прыгают на берег. Он начинается в Бийске и кончается за Кош-Агачем⁶¹ у страны монголов (500 километров).

Старая торговая тропа... В начале этого столетия лишь караваны верблюдов да вереницы вьючных лошадей пробирались к Кош-Агачу. Позднее тропу преобразили в извилистую и ухабистую дорожку. По ней пошли обозы с монгольской шерстью. На шерсти верблюдов и овец, на шкурах косматых яков вырастали особняки бийских купцов. Скрипели двухколесные таратайки. Вечерами болтливые ямщики разводили веселые костры на берегах неугомонных рек.

Позже на катунских берегах появились люди с медными значками на фуражках. Они несли патроны динамита, взрывали «прекрасные» скалы, которыми еще вчера любовались бездельники, охотники за экзотикой и уходящей в прошлое романтикой. Старая торговая тропа оказалась узкой для новых хозяев.

...Свирепые бураны замели дороги, и ямщики достали бичи, ввернули оглобли в кошевы. В непогоду ямщицкие пары тянутся вереницами. Услышит ямщик колокольцы, взмахнет бичом, ухнет и догонит путников. Не обгонит и не отстанет до конца пути.

Февральская непогода свела меня с Алтаяком Толток. Он шел за санями, на которых лежал его чемодан и черный портфель. Полы козлиной дохи подметали дорогу. Через плечо перекинут был ремень с рыжей кобурой.

Молодой алтаец словоохотлив. Через десять минут я уже знал, что он в прошлом батрачил за десятку в год у русских кулаков и алтайских баев, участвовал в ликвидации бандитских шаек, создавал Онгудайскую организацию комсомола, а теперь — секретарь обкома ВЛКСМ и возвращается из Новосибирска.

— В районах кочевников построили маслодельные заводы, — говорил он. — Нужен алтайцам хлеб. Край обещал отпустить 825 тонн. Больше дадут хлеба — больше масла сделают наши заводы. Ведь у алтайца только и продуктов, что мясо да молоко.

Маслодельные заводы в голубых долинах Алтая — наше величайшее достижение. Натуральному хозяйству алтай-кижи пришел конец. В прошлом алтаец покупал лишь зеленый чай, табак, порох, свинец и несколько метров мануфактуры, отдавая за это мясо и пушнину. Не было правильного и

61 Прощай-дерево.

постоянного товарообмена между городами и урочищами кочевников. Из квашеного молока выгоняли араку⁶², а из кислого творога на голых коленках стряпали алтайки лепешки⁶³ и недели на две клали на решетки над огнем, — убирала только тогда, когда от дыма и жара лепешки превращались в черные плитки, похожие на камень. Это — запас на зиму. Сейчас белые ручейки сливаются в реки молочные. Текут они к новеньким домикам под железными крышами, где стоят сепараторы и маслобойки. В долинах Бешпельтира, Чақыра и Яконура, где раньше гулял только ветер, трепля крыши одиноких кочевых юрт, — построены сейчас заводы. В широких долинах впервые возникли настоящие населенные пункты.

— С аракой бороться будет легче, — говорит Алтайк. — Уничтожим пьянство!

В черных, как смородинки, глазах вспыхивают огоньки; Алтайк говорит громче и быстрее:

— По коллективизации мы первые среди отсталых национальных меньшинств Сибири. Русские отстали от алтайцев. Кержаки упираются: за старую веру свою держатся.

Кержаки... В восемнадцатом столетии они бежали сюда с Керженца, спасая попираемую старую веру с двуперстным крестом. Многие из них, богобоязливых и болтающих о братстве и любви к ближнему, превратились в порабитителей. Они отняли у алтайцев все лучшие долины, загнали аборигенов этих гор в узкие щели. Даже поп Ивановский в своем отчете за 1888 г. признавал, что кержаки «не только теснят некрещеных и крещеных инородцев, но даже путем насилия совершенно отбирают у них земли и оставляют их на круглый год без хлеба и сена». За восьмушку кирпичного чая работал алтаец у кержака три-четыре дня.

— Он немаканый, некресть, — говорили кержаки. — Не человек, и души в нем нет — так, пар один: жалеть его нечего.

Крестом загоняли алтайцев в каменные мешки. Поставят крест в долине — на пять километров должен был откочевывать алтаец.

Мне понятна ненависть, дребезжащая в голосе Алтайка, когда он говорит о зажиточных кержаках. Кержацкая деревня ему намяла шею.

Среди молодых и культурных алтайцев Алтайку принадлежит первое место, хотя в прошлом лишь две зимы посещал он приходскую школу. В Улале, столице Ойратии, считают его лучшим из алтайцев оратором, всегда способным звонкой бодростью речи и огоньками своих глаз зажечь слушателей. Речь его изобилует иностранными словами.

Когда я заговорил о Чуйском тракте, Алтайк взмахнул рукой, точно он говорил на митинге:

— Проектируем электродорогу. Пройдет она берегом Катуня. Знаешь, у Телецкого озера будет сооружена гидроэлектроцентраль. Эта энергия частично будет использована на желдороге. О, Алтай живет! Ты не узнаешь Алтая, если не был гда два-три.

Белая сетка метели разорвалась. К дороге вплотную подошли горы. Впереди блеснули огоньки.

— Улала, — сказал Алтайк. — Ты приходи ко мне завтра - много интересного расскажу.

СТОЛИЦА ОЙРАТИИ

В Улале на площадях — горы желтых сутунков леса. Звенят топоры, порхают золотистые щепки. Строится молодая столица Ойратии. Тесно в старом селе, основанном торгашами и попами. Впервые увидели здесь деревянные двухэтажные дома. В новых синеньких домиках — исполком, колхоз-союз, РКП.

В улице мелькают белые шубы и лисьи шапочки алтайцев. Работники областных учреждений и ученики школ сменили национальные костюмы на московшевьевские пальто, кожаные финки и мягкие ушанки, и вместо меховых кисов одели хромовые сапоги.

Ошалело носятся автомобили, а за ними, рассыпая хохот, вперегонку скачут верховые...

Возле тротуара остановил сивую лошадку пожилой алтаец, выпрыгнул из новеньких саней, спросил меня:

— Товарищ, знаешь, где тут брат живет? — и подал руку.

Он назвал председателя областного суда. Я не мог показать дорогу к председательской квартире. Алтаец улыбнулся:

— Его все знают. В гости я пошел. Там, Усть-Канский аймак, я живу, — и спросил, — а ты куда пошел?

Я шел в обком комсомола. Половину комнатки с одним окном занимали стол и два стула. Алтайк встал и через стол протянул руку.

62 Самогонку.

63 Сырчики.

— Садись. Пиши, как Алтай живет.

Он говорил о великом кочевье.

Племена, выдвинувшие его, переходят на оседлость. Летовать и зимовать алтайцы собираются на одном месте.

Девяносто раз главари Алтайской духовной миссии повторили в свое время в годовых отчетах фразу: «Приобщаясь к вере христовой и переходя на лоно православной церкви, инородцы оседают на одном месте на постоянное жительство».

И за все эти годы только семь процентов кочевого населения перешло на оседлость.

Но, отказавшись от кочевий из урочища в урочище, они кочевали в своей усадьбе: рядом с домом непременно стояла та же продымленная юрта; зимой семья жила в избенке, а летом кочевала в грязное жилище предков. В избе висел «русский бог Николка», а в юрте — священные ленточки за очагом и тряпичные куклы у входа, «отгонявшие от юрты злых духов».

Великое кочевье началось в тысяча девятьсот тридцатом году. Ему предшествовала работа кочевых агитаторов, исколесивших весь Алтай, и передвижных юрт-читален, перебрасываемых из урочища в урочище.

Алтаяк рассказывал:

— В одном урочище в Онгудайском аймаке в двадцать седьмом году комсомольцам сказали: «Почистить аил». Вычистили! В двадцать восьмом году сказали: «Делай избушки». Сделали три! — он стукнул кулаком по столу и, раскрыв черный портфель, вынул разрозненные листки блокнота, покрытые латинскими буквами.

— Осенью было 32 избушки. Сейчас все состоит в колхозе «Ленинская искра»; все алтайские семьи выписывают газету «Кызыл-Ойрот»; комсомольцы организовали ударные бригады по дойке коров и вывозке леса. Кочевья скоро не будет, — Алтаяк махнул рукой, — передовые алтайцы последний раз кочуют в долины, где будут центры колхозов; строят дома. Так живет Алтай.

Создавая колхозы, алтайцы строят селения.

Пятилетний план близорукие люди считают невыполнимым. Алтаяк напротив считает пятилетку области скромной. В Ойратской пятилетке записано: «Закончить перевод на оседлость всего кочевого населения области к концу 1931—1932 года».

— Комсомольцы были инициаторами создания колхозов, — продолжает Алтаяк. — В Ябагане организовал колхоз комсомолец Борышев Табар. Осенью там не было кандидатской группы, а сейчас в ней — 43 человека. В Чакрыре колхоз организовал комсомолец Токушев Сенюш. Он вывел на чистую воду бая-комсомольца, работавшего в аймакисполкоме. Бай этот имел 500 голов скота, срывал коллективизацию, избивал бедняков.

Молодые алтайские энтузиасты вели бои за коллективизацию. Успехи окрыляли молодежь. Шеренги комсомола пополнялись. 1 января 1929 г. в областной организации было — 479 чел., 1 октября — 651 чел., а 5 февраля 1930 г. — 1 005 человек.

Звонкий стук топоров слышен повсюду. В молодой столице рубят срубы.

Мимо города ведут новую дорогу — правобережный Чуйский тракт. На триста километров дорога прокладывается берегом Катуня. Нет ни одного мостика через большую реку, ни одного паром. Бег автомобилей будет непрерывным.

СВЕТ В ДОЛИНЕ

Был ветреный февраль. Сорокаградусный мороз пощелкивал в лесах; под его тяжелыми шагами стонали камни: на утесах появлялись новые трещины. А под ногами шелестела сухая трава и стук подков рассыпался по мерзлой земле. За перевалом дорожка сбегала на лед. Под зеленым панцирем вьется река, рычит на камнях, разрывает ледяную броню. Лошади шарахаются от провалин. На льду вздулись волдыри, и кажется, что ползут по речушке зеленые черепахи. Опасна ночная езда в горах, каждую неделю меняют дикие реки путь свой под льдом и над льдом, — берегись, ямщик!

Путь от селения до селения измеряется десятками километров. От юрты до юрты полдня езды. Мало людей в горах: по одному человеку на квадратный километр. На новом тракте — 90 километров — одно селение. В тихих долинах ночуют ямщики. Вон в густом ельнике развели костры уймонцы. Весело пылают сухие лиственницы, на четыре метра ввысь прыгают красные языки. Растает снег под кострами, согреется земля, размечут головешки мужики, постелят мягкие лапки пихт и прилягут часочка на три.

Погасла заря. Зеленые горы оделись в черное. Темно в долинах. Русские селения встречают путника приветливыми огнями, аилы алтайцев — лаем собак: лишь тогда заметишь вблизи дороги одинокие юрты, когда выбегут навстречу черные волкодавы.

Горы расступились. На широкой долине сходятся реки. Сотни огней видны из последнего лесочка. В Бешпельтирской долине пылают керосиновые лампы в новых домах. Три года тому назад здесь стояла избушка ямщика, маленький домик сельсовета, кооператив «Кызыл Тандак»⁶⁴ и несколько юрт из бурой коры лиственниц. В соседних урочищах в таких же жилищах обитали алтайцы. Сейчас здесь — колхоз «Социализмнын джолы»⁶⁵. Широкие улочки по сторонам — избушки и утепленные дворы.

В 1926 г. в Бешпельтире я записал:

«Кооператив «Кызыл Тандак» возник в прошлом году. Имеет собственного капитала не более трехсот рублей. Половина кочевников соседних урочищ состоит членами. В Урочище Куяхтанар, где все алтайцы состоят в кооперативе, мне говорили: «Кооперативка — хорошо! Не член — хороший товар не дают, а член — самый хороший. Девятнадцатый год был — совсем нагишом ходил. Теперь власть товар нашел — ладно стал».

Величина и значение сегодняшних побед познается через сравнение с минувшими десятилетиями. В Бешпельтире я вспомнил бесчисленные рассказы о минувшем.

Было так...

Приедет купец в аил, разложит светленькие безделушки, покажет алтайцу зеркальце — маленькое, кругленькое, пятикопеечное. Улыбнется кочевник, руками замашет.

— Продай. Делай милость, продай: друг до смерти будешь.

Не продает купец. Торгуется, руками хлопает и головой покачивает, а под конец соглашается:

— Ладно, только для тебя уступаю: давай три быка.

Осенью приезжал торгош с водкой, порохом и свинцом.

— Бери, дружок, припас: на промысел время, сказывают, отправляться.

— Денег нет, — задумчиво курит трубочку алтаец, частенько на мерзлую землю сплевывает.

— Тебе, дружок, в долг дам. Бери сколько надо. Только — уговор дороже денег — всю пушнину мне, — улыбается, бороду рукой гладит.

Через три месяца приезжал торгош за пушниной, отсчитывал шкурки белок, по полтиннику за десяток ставил, по три рубля за сторублевого соболя платил. Уезжая, напоминал:

— Плохо промыслял. Должен остался. Позаботься, за долгом приеду, мотри.

Так было в минувшие десятилетия.

По весне приезжали скупщики в урочища алтайские, покупали телят:

— Маленький он шибко, слышь. Больше полтинника дать нельзя.

— Ладно, ты дружок лучше знашь, — соглашался хозяин.

Рассчитывался купец, угощал алтайца водкой и табаком, просил:

— Паси мой скот маленько. Трава тут хорошая. Приеду за скотом — подарок привезу.

Через два года угонял купец уже не телят, а быков, отдавал подарок — десятикопеечные бусы.

Так было в годы недавние, предреволюционные.

Создание кооператива в Бешпельтире было первой большой победой алтайцев.

Сейчас многие забыли о ней. В голубых долинах говорят о просторной школе, построенной недалеко от кооператива, о маслодельном заводе, о столовой и о колхозе «Путь к социализму».

За минувшие годы кооператив стал на крепкие ноги. Появились товары, о которых не слышал Алтай — лампы, керосин, мыло и зубной порошок.

Кооператив «Кызыл Тандак» привез эмалированную посуду для детской столовой.

Через кооперацию пришли бешпельтирские кочевники к колхозу, к оседлости и к керосиновой лампе в новых избах.

Горы, покрытые хвойным лесом, кажутся мягкими; на огромных зеленых подушках лежит солнце, веселое, улыбающееся, словно сейчас — поутру — умылось белыми водами диких алтайских рек. Золотые паутинки колышутся над головой. Они падают на бурую лиственничную кору юрты и на железную крышу нового дома, окрашенную пережженной охрой.

Окна у нового дома большие. Не видали в долинах Алтая таких окон. Откроешь одно окно — два всадника проедут и шапками не заденут. Я поднимаюсь на крыльцо нового дома, каких мало в больших русских селах, дергаю за ручку двери.

— В школе сегодня занятий нет, товарищ, — кричит мне женщина с крыльца пятистенного домика.

Рядом с домиком стоит юрта. Она похожа на огромный сверток бурой оберточной бумаги; кажется, что сверток этот зажгли изнутри — горит он, и в узкое отверстие вверху черные клубки дыма выбрасывает. На широком костре пылают дрова, красные языки лизут тяжелые чугунные котлы. На земле сидит алтайка в белой шубе и огромной деревянной ложкой мешает в котлах, снимает пену.

Это — кухня. Варят к завтраку конину.

64 «Красная зiria».

65 «Путь к социализму».

Я выхожу из юрты и подымаюсь на высокое крыльцо еще непокрытого домика. У дверей встречаю низкорослую и крепкую, как лиственничный пенёк, алтайку в белом халате.

— Здравствуйте. Ты Содой?

На румяных щеках вспыхнула улыбка. Алтайка не ответила, только головой кивнула. Убежала в юрту.

Мне рассказывали, что алтайка Содой первая в Бешпельтере сняла чегедек⁶⁶. Ей не разрешили работать в столовой в этом длинном и грязном одеянии. С нее сняли шубу и круглую шапочку из лисьих лапок, одели в серое платье и беленький платочек. Из черных кос Содой выплела тяжелые бусы. Она расчесала волосы, умыла лицо. Она первая в этой долине нарушила неписанные законы гор. Она знала, что нельзя снимать чегедека и умывать лица — рассердятся духи, улетит счастье. Но Содой не поверила словам старух.

— Долго не соглашалась снимать, — говорила жена партизана Рехтина, — но все-таки сломилась. Портнихи наши живым манером сняли с нее мерку. На другой день изготовили ей юбку, кофту и этот халат. Смешно ходила первые-то дни — вот так, — Рехтина прошлась по избе, высоко поднимая ноги и стуча пятками, как пестами в ступе. — Допреж полы чегедека ей ноги заплетали, а теперича легко. Сейчас и ходить наша баба научилась.

Столовая открыта для школьников. Они приехали сюда из соседних урочищ.

На столах — зеленые клеенки, на стенах — плакаты и лозунги. Двенадцатилетний мальчуган переводит:

— Тут написано, чтобы не было неграмотных, а тут — «Да здравствует коммуна!»

В эмалированных чашках Содой подает конину. После завтрака она моет чашки в теплой воде и вытирает полотенцем. Еще в январе тридцатого года полы чегедека заменяли ей полотенце. Тогда в ее руках чашечки были деревянные и черные, как земля алтайских нагорий. Я спрашиваю ее, нравится ли ей новая работа? Содой, эта смелая алтайка, нарушившая неписанные законы гор, в ответ улыбается и гладит пальцами левую щеку, будто проверяя, хорошо ли умыто ее лицо.

ВЕЛИКОЕ КОЧЕВЬЕ

Быстрые темпы повергали в уныние русских работников.

— Хоть убей, ничего не понимаю, — говорили они. — Там какие-то перегибы или загибы. Чорт его знает. Никак в голове не укладывается мысль, что алтайцы — отсталая народность, кочевники — осознали великие идеи коммунизма.

В работе по коллективизации были перегибы. Их отметил Сибкрайком, распуская бюро обкома. В кержацких селах принуждали середняков вступать в колхозы. Заставляли алтайцев и русских вступать в одну коммуны. Вместо животноводческих товариществ и артелей организовали коммуны. В Успенском аймаке запугивали середняков: «Не запишешься — сошлем на белки⁶⁷ медведей разводить». В марте ошибки начали исправлять. Провели перерегистрацию всех членов колхозов на основе полной добровольности. Многие коммуны перевели на уставы с.х. артели или животноводческого товарищества. Тов. Папардэ, в прошлом работавший секретарем Ойратского обкома партии, на чрезвычайном пленуме обкома в марте месяце говорил:

— «Условия для закрепления здоровых колхозов в Ойратии имеются. Крайком партии считал и считает — Ойратия в коллективизации должна идти в передовых рядах среди отсталых национальных окраин Сибири. При правильном проведении колхозной политики Ойратия могла бы иметь уже в эту весеннюю кампанию не меньше трети населения, организованного в крепкие устойчивые колхозы, и шла бы впереди других национальных окраин, ибо она прошла лучшую школу классовой борьбы в прошлые годы. Здоровое ядро в колхозах есть. Есть и экономические предпосылки — высокая обеспеченность скотом, благоприятная кормовая база, возможности применения новых технических улучшений».

Алтайцы шли впереди кержагов. Сами брались за создание колхозов. В Яконуре, Чакыре и Ябагане я видел веселые лица и крепкую веру в силы своего коллектива, всепобеждающее желание быстрее построить новое хозяйство на голой земле. Я слышал возгласы:

— Живут камунка. Карашо!

Не остолблена земля в алтайских урочищах. Нет граней даже между землями сеоков⁶⁸ и племен: землей пользовались сообща. Скот, взятый у баев, пасти можно было только совместно. Байские

⁶⁶ Верхняя одежда замужних алтаек. Ее никогда не снимают и не моют. Шьют чегедеки обыкновенно из пелсы и оторачивают лентами. Носят поверх шубы.

⁶⁷ Вершины гор, где вечные снега.

⁶⁸ Родов.

жилища — кошменные юрты — делить нельзя. Всем беднякам в этих юртах не расселиться. Лучше отдать их детям. В детской юрте — один котел: питание необходимо общее. Дело близкое и понятное, ведь делают же они летом скотское мясо с соседями, друг другу помогают (не поделишь мясо — испортится). Сегодня резали чедакову лошадь, а завтра — санашеву. Оставалось только обобществить скот.

Так родилась в голове алтайца мысль о колхозе.

Весной началось великое кочевье. Алтайцы оседали на земле, рубили лес, строили селения.

Чакур на алтайском языке — коновязь. Название в прошлом соответствовало действительности: здесь стоял столб для привязывания лошадей и одинокий домик ямщика. В феврале построено пять избушек и три амбара. Лежат лиственничные сутунки. Идет стройка. Открыт маслодельный завод. В лето он даст 250 ц масла.

Алтайцы ставят дома впервые, только учатся плотничать.

Яконур. Ровная серая степь. Вчера здесь гулял бойкий ветер да паслись отары овец. Сегодня стучат топоры. Построено 9 домиков, маслозавод и большая школа, какой могло бы гордиться любое русское районное село.

Так в каждой большой долине.

Переселяясь в избы, выбрасывают священные ленточки и тряпичных божков — для них не находят места в новых помещениях, тем более, что нет очага посредине жилища и нельзя строго разделить комнату на мужскую и женскую половины, на стыках которых, обычно, в юртах вешали на стены разноцветные ленты.

Утро. Жена заявляет, что нет дров и нечем поддерживать постоянный огонь в юрте. Алтаец седлает лошадь и отправляется в лес. Срубив дерево, захватывает арканом и волочет к жилищу. На этом его рабочий день оканчивается. Дрова рубит жена. На следующий день хозяин отправляется посмотреть стадо, заезжает в гости к знакомому и там сидит до вечера. Иногда он бросает на плечо ремень винтовки и отправляется в горы.

Так проходили дни. Не видали на лесных заготовках алтай-кижи⁶⁹.

Минувшей весной они пошли в леса с топорами и пилами. Из Чакурского колхоза сто человек работало на лесозаготовках. Они разбились на четыре группы и соревновались между собой.

Через десять дней одна группа самовольно вернулась домой.

— Слышанное ли дело, чтобы девять дней без отдыха работать? Отдыхать пришли, — заявили на собрании.

Они срубили 150 деревьев.

— Темпы у нас пока очень низкие, — жаловался председатель, — но и то хорошо, что вышли на работу.

Через день они снова выехали в лес.

В производственных планах всех колхозов на первом месте стоит постройка бань. Весной ходили алтайцы в маленькие банешки, учились мыться.

Тело коренных алтайцев не знало воды. Ребенка купали один раз — вскоре после рождения. Матери мазали детей у огня растопленным салом и завертывали в овчины. Взрослые не мылись и не купались. Многие не моются и сейчас. Комсомолец Тоурсаков сказал председателю Чакурского сельсовета:

— Если ты в баню не сходишь сегодня, то я тебя изобью.

Но уже есть такие, которым баня понравилась. В Чакуре алтаец Кара каждый день ходит в баню, плещет на лицо воду, гикает, хохочет и прыгает до потолка. Но кисти рук алтайца Кара грязные: он не научился мыться.

В Яконуре алтаец Тезеков моет лицо с мылом и чистит зубы. Но жена его Элича отказалась мыться, выбросила из избы лавки и табуретки, спала и ела на полу, не мыла в комнате и не стирала своего белья, следуя старому алтайскому обычаю: «носи, пока с плеч не свалится». Муж принес ей разводную. Элича побежала в совет:

— Муж зря обо мне говорит так. Я буду посуду мыть и все делать так, как он велит. Я даже чегедек сниму.

Но, вернувшись домой, она села посреди избы:

— Умру от рук твоих поганых, но чегедека не сниму.

Тезеков женился на другой.

— Сейчас у нас 120 лошадей запрягаются, — рассказывал председатель Чакурского колхоза, — а в начале зимы не было ни лошадей, ни хомутов и только десять человек запрягать умели. Один дугу заложит назад кольцом, второй хомут надевает клещами к плечам. Учить приходилось.

Он торопился на партийное собрание в Ябаган и часто хлестал лошадь плетью. День угас. На западе болталась золотистая бахрома шелкового неба. Серебряный месяц катился к фиолетовым зубцам гор,

69 Куминичины работали на лесосплаве, а алтай-кижи нет.

и уродливые тени лошадей бежали рядом.

— Вековую целину будем подымать, — повернул он лицо, покрытое резкими и глубокими морщинами, и шелковая кисть на черной и круглой, как горшок, шапке метнулась и хлестнула по щеке. — Будем землю пахать. Начинаем учить и людей, и диких лошадей, не выдавших хомута. На пахоте по пять человек на плуг. На каждую лошадь по человеку, иначе они не пойдут, и два человека за плугом. Сеем ячмень и картошку.

За оградой встали черные силуэты юрт. В домах алтайцы вздували огни.

ПЕРВЫЕ КНИГИ

Не было у алтай-кижи своей письменности...

Давно-давно кочевали алтай-кижи в широкую долину. Книжки их лежали в кожаных сумках. Сердитые реки пересекли их путь. Намокли книжки, слиплись листы. Повесили книжки на дерево, чтобы солнце выпило из них воду. Но пришла белая корова и съела книжки.

Слова эти из легенды алтайской, старинной.

С первой буквы, с первого листочка начинали культпросветработники. В Улале организовали издательство «Красная Ойратия». Основали газету «Кызыл Ойрат». Стали печатать учебники и словари. Не было людей, способных сделать книжку, типография состояла из нескольких касс избитого шрифта, центр неохотно отпускал бумагу. А сейчас в списке книг, изданных на языке алтайцев, больше ста названий.

В 1926 г. зародилась алтайская художественная литература. Тогда была издана первая книжка «Ойгор Баатыр» (Поэма о Ленине). А в феврале 1930 г. передо мной лежала горка книжек в альенинских и синеньких обложках — стихи, пьесы, рассказы.

— Нынче будет издано до 150 печатных листов, — говорил редактор газеты «Кызыл Ойрат», — предполагается выпустить пьесу Чевалкова «Окровавленный нож» — о классовой борьбе на Алтае.

В маленькой комнатке редакции собралась редколлегия издательства. Седеющий педагог из алтайского педтехникума положил на свое колено толстую рукопись, перевернул первый лист, сказал:

— Мы зачитали эту пьесу на собрании учеников старших групп. Ребята признали ее хорошей. Они вынесли несколько дельных замечаний по композиции и стилю.

В педтехникуме организован литературный кружок. Вошло двенадцать человек. Но нет руководителя.

В Ойратии нет литературных организаций. Никто алтайцам не помог. В январе работал съезд сибирских писателей. Ни одним словом об алтайской, хакасской и бурятской литературе никто не обмолвился. Докладчики даже не могли ответить на вопрос, существует ли художественная литература в этих автономных республиках и областях? Литературный Новосибирск повернулся спиной к нацменам и их литературе.

Литературную организацию в Ойратии создать не только нужно, но и необходимо.

В обкоме комсомола и облоно жаловались мне:

— Нет работников. Некому писать книжки.

Это — ошибочное утверждение. Писатели есть, но их не умеют использовать. Чегат-Строев учителем в глуши. Л. Эдоков, работая инструктором, большую половину времени проводит в седле.

Заведующий областным отделом народного образования уверял меня:

— К первому февраля 1931 г. закончим ликвидацию неграмотности.

Осмелившийся наступать без оружия — глупец. Победы он не одержит. На третьем фронте оружие — книга. Надо делать книжку. Первая задача — объединить писательские силы.

Зачатки художественной литературы есть. Мы находимся при родах. Я не ошибусь, если скажу: младенец будет крепким, как алтайские лиственницы, и сильным, как водопады горных рек. Он будет расти не по дням, а по часам. Ойратия накануне расцвета культуры. Люди, создающие ее, не знают уныния. Молодая литература будет бодрой.

Редколлегия заседала в каменном доме, принадлежавшем зайсану Тобокову. На машинах, поставленных в нижнем этаже этого дома, напечатана пьеса «Порог начальства недосыгаем», в которой главные роли принадлежат зайсану Тобокову и русскому заседателю. Пьеса — о мрачных днях, о прошлом, когда на робкий алтайский народ воздействовали плетью зайсана⁷⁰, крестом миссионера и штыком солдата. В Яконуре алтаец Казаков и русский учитель Серебренников дополнили пьесу событиями минувшей осени, провели параллель. Они показали борьбу классов в долинах Яконура.

Пьеса ставилась в школах Яконура и Чакрыра. Ее видело население всех национальных сельсоветов.

⁷⁰ До революции были зайсаны — управители племен, свои князьки.

Не только видело, но и «разыгрывало».

В 1900 г. среди алтайцев было грамотных 1,8 %, а среди алтаек — 0,8%.

В 1928 г. 6 % неграмотных алтайцев Уймонского аймака училось на ликпунктах.

Весной 1930 г. в школах и ликпунктах училось 53 % туземного населения. В Чемальском аймаке оставалось неграмотных только 500 человек.

Мы несемся вперед с быстротой экспресса. Можно поверить, что в начале 1931 г. поезд подлетит к станции с короткой надписью на фронтоне:

«А л т а й. Среди туземного населения нет неграмотных».

За три последние года окрепли шеренги культработников-бойцов на третьем фронте. Идет подкрепление. В высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда учится 30 алтайцев. Томское землячество состоит из 43 чел. В педтехникуме и на педагогических курсах в Улале — 117 человек. В помещении б. улалинского монастыря открыта совпартшкола. Много алтайцев учится в кооперативных техникумах и профтехнических школах.

Скоро на Алтай придут свои агрономы, врачи, инженеры, техники, учителя, механики.

БЕЗ ЧЕГЕДЕКОВ

За спиной кочевого агитатора Филатова — черная сумка с фото-аппаратом. Филатов принес с собой альбом фотоснимков. Тяжелые фигуры алтаек, облаченных в чегедеки и черные праздничные шапки, похожие на портфели, надетые на головы, проходят передо мной. Мой палец останавливается на женщине в новой шубе.

— Это — Катерина Тордокова, председатель Яконурского сельсовета и член Сибкрайисполкома. Ликвидировала неграмотность 35 алтайцев. Сама сняла чегедек и сагитировала 33 алтаек.

...Пролетали столетия. Кочевник алтаец знал лишь седло. В 1930 г. оседлый алтаец сел на сани. Замена седла санями — целая революция в хозяйстве, в быту. Мой возница — революционер в быту. Он не привык к саням, плохо держится на них и сваливается в каждом маленьком нырочке.

Рядом со мной сидит женщина в белой шубе и голубой шапочке с алой кистью. Я спрашиваю о чегедеке.

— Чегедек плохо, — говорит она, — чегедек не надо. Я как партия поступил, так чегедек снимал. Наши алтайки, которые снимал, которых нет. Плохо у нас — темнота. Есть алтайки говорят: голову отрежь, чегедек не сниму.

Она оказалась разговорчивой. Без умолку рассказывала о революции, совершаемой в горах:

— Школы хороши сделал, только мало учится. Мальчики дают, а девочки не дают: себе надо — говорят. На курсы ликвидаторов поехал с нашей коммуны двадцать человек. Летом всех неграмотных ликвидируем.

Она едет в Новосибирск.

— Я член Сибкрайисполкома. Пленум поехал. Три месяца Улале на курсах стоял. Теперь — Новосибирск. Москве я был.

— Как звать?

— Катерина, — охотно ответила она.

— А фамилия?

— Не знаю, — сказала тихо, закашляла и опустила взгляд на острые носки сапог.

Катерина должна была назвать имя своего мужа. Это напоминало о собственности на жену. Женщина принадлежала мужу, как принадлежит лошадь, корова. И по сие время говорят на Алтае: эта лошадь Санашева, эта корова Санашева, Чечек⁷¹ Санашева. Но не поэтому Катерина не назвала своей фамилии: не могла жена алтайца в присутствии посторонних произносить имени своего мужа.

За Катерину ответил возница:

— Тордокова.

Долго держались неписанные законы гор.

Крепко сидели на плечах алтаек чегедеки — символ женского бесправия. Но цепко берутся за длинные полы молодые алтайки. Яконурские женщины постановили летом снять чегедеки и вызвали на соревнование женщин Чакырских долин.

— Надо юбка шить, — говорит Катерина, — платье шить. Старая Саныскан и то снял чегедек. Долго шумел, ругался, после согласился — снял: платье новой дал ей, хороший платье.

71 Цветок — имя женщины.

ПОВЕСТИ ОБ АЛТАЕ

(Печатается по: Стонов Д. Повести об Алтае. – М.: Федерация. 1930. – С. 32–45, 188–206)

Ступени

Внимательный путешественник по Алтаю не может не заметить обилия готового к постройке материала. Материал навален у старых айлов и лежит, по всему видать, не первый год. Это – в самых отсталых, темных, заброшенных урочищах. В более доступных селениях – тут и там белеют шестигранные юрты – первая ступень к оседлой жизни. Шестигранная юрта складывается из горизонтально лежащих, как в обычной деревянной постройке, бревен, только верх построен по типу айлов – жерди и кора.

Но и шестигранная юрта – не новость теперь во многих селениях Алтая. Поставленное рядом со старым айлом, шестигранное помещение начинает вызывать представление о хоромах. Не следует, однако, спешить со сравнением. Еще несколько шагов – и против вас настоящий бревенчатый дом, людское благословение, с настоящей дверью, полом, чердаком для сена. Самому «старшему» из алтайских домов (я не говорю о тех больших селениях, – Чемал, например, – где наряду с ойротским населением живут и русские) четыре года, пять лет. Несмотря на это, домов на Алтае немало, их можно считать сотнями, больше – их в настоящий момент можно считать тысячами.

Почему же рядом с душными, темными, смрадными айлами годами лежит строительный материал, прочные толстые бревна? Почему житель не сразу приступает к постройке? Почему рядом с шестигранной юртой все еще, как проклятое напоминание, как дурной сон, торчит старый аил?

На этот вопрос алтайский работник не сразу ответит. Тут, в жилищном поединке, грудь к груди столкнулось старое с новым – то, что должно быть уничтожено, растоптано, выжжено, обречено на слом, и то, что должно крепнуть, жить, цвести. Как в двух-трех словах ответить на один из важнейших вопросов алтайского бытия?

Ойрот – кочевник. Можно объяснить кочевой образ жизни любого народа, но при всем желании не поймешь, почему кочует алтаец. Корм для скота? – Он находится везде и всюду, луга Ойротии сочны и великолепны, трава выше человеческого роста, в сотой своей доле она не используется местным населением. Дрова, материал для постройки айлов? – Но если у каждого алтайца был бы не очаг, а печь, пожирающая тысячи тонн дров в сутки, если вместо дымного конуса он бы строил из дерева многоэтажный дворец, – и тогда было бы вырублено на Алтае, может быть, полпроцента лесных зарослей. Охота тоже не может служить поводом для кочевья.

Но факт остается фактом. Ойрот – кочевник. Несколько раз в год он разнимает (а иногда и бросает) свой аил и стихийно движется вперед, пересекает возвышенности, ищет новые места. Движущиеся селения по сей еще день можно встретить на Алтае.

Нечего и говорить, что бытовую, культурную революцию невозможно провести среди бессмысленно кочующего народа. Только в прочном доме удастся загнать в печь пляшущее, жальщее детей пламя очага. Только живущего на одном месте алтайца можно обучить грамоте, приучить к земледелию, научить выгодно обрабатывать молочные продукты. Вот почему местные культурные силы (а их теперь не так уж мало – вузы, втузы, рабфаки, партийные и советские школы увеличивают, умножают число алтайских работников) в первую очередь ударили по этому месту, взяли в штыки жилищный участок алтайского бескультурья.

Но тут пришлось столкнуться (приходится сталкиваться) с рядом бытовых препятствий.

Между новым и старым жилищем непроходимой шеренгой встало бесчисленное множество злых и добрых духов, злых и добрых богов Алтая. Столетиями распределялась площадь внутри аила. Здесь – очаг, там – кожаные сумы с добром, нары, алтарь, жертвенники, добрые духи, злые духи, шкурки, ленты для огненного бога, для бога гор, долин, воды. Мистика язычников требует особой точности, непогрешимости, пунктуальности в распределении пенатов, за этим следит злой прислужник духов – кам. Как же без риска для жизни переселить всю эту страшную, мстительную толпу божеств? Будут ли они довольны новым местом? Не возмутит ли их неслыханное и невиданное новшество? Не обрушатся ли они беспощадным гневом, мором, болезнями на людей, осмелившихся менять вековые устои?

Вопрос с богами немислимо, бесполезно порешить одним митингом, перечеркнуть обязательным постановлением или решением аппарата. Богов, пока что, надобно загнать в новые дома и только там, исподволь, их уничтожить. Ибо даже уговорив, сагитировав алтайца перейти вместе с домашними пенатами в обычный дом, вы не гарантированы от сюрпризов.

Вот, к примеру, алтаец из селения Камлак – Тыбыл Кодиных. Тыбыл осел, выстроил дом, а в бывший свой аил пустил телят. Год жил он в доме, а потом разрушил печь и «поменялся с телятами»: дом превратил в телятник, сам же перебрался в аил. Почему?

За месяц до перемены жилища жена Тыбыла заболела. Позвали кама. Во время камлания кам «заметил», что бог очень недоволен печкой. В аиле неугасимый очаг, здесь же, в доме, его зажигают и

тушат, зажигают и тушат. После долгого моления кам вошел в соглашение с богом: Тыбыл Кодинеков переберется в аил, огонь будет зажжен, жена Тыбыла выздоровеет.

Этим, пожалуй, объясняется то, что от аила обычно не сразу переходят к избе, а – к шестигранной юрте. Шестигранная юрта – нечто среднее между аилом и домом, не совсем аил, но все же не дом. Очаг в юрте может, как и в аиле, гореть круглые сутки. Юрта хоть и не кругла, зато не четырехугольна, в ней легче ориентироваться, решать, кому какое место, где сидеть старшему, где находиться богам.

И все же, несмотря на то, что боги Алтая не «жаждут» оседлой жизни, – стройными рядами домов, крепкими срубамы утверждает себя новая жизнь.

Тот же Камлак, в числе многих других вот уже три года как осел на место, приобщил себя к культурной жизни. Огонь в домах тушат и зажигают тогда, когда это необходимо. Алтайка раз в месяц (в некоторых селениях чаще) моет пол. Скачок после аила огромный!

После первой ступени – вторая. Оседлый человек может и должен обучать своих детей уметь не только «прикладывать руку», но и писать, читать, разбираться в писаном и печатном. На Алтае 132 школы первой ступени; взрослое население быстро, с изумительной поспешностью ликвидирует свою неграмотность, отсталость, бескультурье.

Тут, в виде вставки, я хочу отметить исключительные способности алтайского народа. Потенциальная энергия тысячелетиями лежала под спудом, бродила, ждала случая быть взорванной. Ее освободила наша революция. Несмотря на то, что советский строй получил полную возможность создавать, учить, перестраивать край только в 1924/1925 году, Ойротия в 1928 году уже имела агронома-алтайца, первого агронома за всю историю народа. В этом году алтайцы получили первого своего врача, учителей, педагогов второй ступени. Сорок человек алтайцев обучаются в высших учебных заведениях Союза.

...Это было в Манжероке. Внизу, белая от злобной пены, разбрасывая на своем пути камни и еще более натываясь, путаясь в них, попрыгивает, гудит, мчится Катунь-река. Извилистая, гибкая, тянущая свое тело по каменистому руслу, она в самом деле кажется живым, страстно дышащим существом. Каждая горсточка воды живет своей жизнью, она искрится на солнце, играет светом и тенью, наталкивается, налетает на скалы, распадается на капли, на брызги, на пыль, чтобы через мгновение снова соединиться и, светясь голубыми жемчужными чешуйками, уплыть от взора. Некогда, некогда Катунь, она несется вперед, разбивает, дробит хрустальные спицы бесчисленных своих вод. А над Катунью земля, точно выпирая из каменистого хаоса, высоко подняла к голубеющему небу густые леса и луга.

Я уходил от Катунь, от шума реки, но долго еще лес настойчиво гудел протяжным чужим гулом. Наконец он освободился от постороннего рева реки и зажил своей жизнью. Дикие пчелы звенели над цветами, пестрые бабочки спаривались на листьях деревьев. Еж перебежал дорогу и, заметив человека, замер, вообразил себя мертвым.

Я поглядел на ежа, он не шевелился, он искренно поверил в свое небытие. У меня явилось желание перехитрить зверя. Я остановился, перестал заметно дышать, руки положил в карманы, прищурил глаза, стоял не шевелясь.

Оказалось, еж очень легко, с поспешностью, которой я от него не ожидал, поверил мне. Он вытянул тельце, раз и два понюхал вокруг себя воздух и, подняв полушарие, образовав между собой и землей небольшую щель, двинулся ко мне.

Но тут ему помешали. Из леса показался ряд женщин верхом на лошадях. Я хотел подать им знак не мешать моей игре с животным, поднял было руку, но тут удивился этим необычайным наездницам, заинтересовался новыми путешественницами.

Это было в Манжероке, в начале длинного алтайского пути. До Манжерока я успел познакомиться лишь с незначительным количеством алтайских селений. Женщины этих селений все, как одна, носили летом неудобные шубы, поверх шубы – панциреобразные «чегедэх». Они заплетали косы: женщины – две, девушки – три, пять, даже семь. Вместо приветствия, вместо приглашения попробовать пищу алтайка притрагивалась к косе. Косы девушек и женщин были унизаны побрякушками, пуговицами, белыми индийскими ракушками, царскими рублями.

Показавшиеся наездницы не были похожи на доселе виденных алтаек. Это были советские женщины, такие, какими ойротки должны быть. Пожалуй, они нисколько не отличались от студенток-восточниц, которых можно встретить на улицах Москвы. Обычные полотняные платья, сапоги, красные платочки. Может быть, в самом деле передо мной студентки из университета имени Сталина?

Через час мы знакомы. Мы сидим у палатки, которую прибывшие ойротки раскинули недалеко от Катунь. Трещит костер, над костром закипает похлебка. Женщины бодрые, юно-шумливые, кажется – кто-то вдохнул в них энергию, они повезли ее сейчас в свои аймаки и аилы. Бурные волны Катунь скачут меж скал «быстрее лучшего коня», как поется в алтайской песне. Катунь ревет, гудит; нужно напрягать голос, чтобы быть услышанным, нужно кричать, помогать себе руками. Наш разговор поэтому носит отрывочный характер, он состоит из коротких вопросов-ответов.

Предо мной – возвращающиеся со съезда пятнадцать «ялагаток» – женских делегаток. Все они жи-

вут в разных селениях, все они познакомились на женском собрании, еще час – и дороги их разойдутся. Среди присутствующих имеются «ялагатки», работающие в женском освободительном движении три-четыре года, имеются и новички. У многих из них я вижу блокноты, бумажные листки исписаны восточными нероглифами. Чтобы отвечать на мои вопросы, новички часто заглядывают в свои записные книжки. Одна делегатка забыла книжку в дорожном мешке. Она развязывает мешок, перекладывает вещи, ищет записную книжку, из мешка выпадают зубная щетка, металлическая коробка с мылом, полотенце.

И опять мысль переносится к тем женщинам, которых до этой встречи я видел в аилах. Я не могу забыть, как одна из них, рассматривая мои вещи, тихонечко откусила кусочек мыла, попробовала на вкус. Зубная моя щетка вызвала восхищение. Пять-шесть таких белых, таких блестящих щеток заплести бы в косу! Вот бы завидовали соседки! По утрам, входя в аил, я видел, как моются алтайцы и алтайки. Раздувая, округляя щеки, они набирают полный рот воды и тонкой струей льют эту воду на руки, размазывают её по лицу. Умывшись таким образом, они приближаются к очагу, огонь в аилах заменяет полотенце.

Да, сидящие со мной женщины уже не будут жить в таких диких условиях, в каких жили и живут большинство женщин Алтая, они вырваны из душных объятий прошлого. Но, в свою очередь, какую деятельность они лично проводят? Не заключается ли весь их труд лишь в работе над собой? Ведь они «ялагатки», представительницы женских масс, борцы за женское равноправие, за культуру, за грамоту, а не просто женщины, приобщающие себя к новой, лучшей жизни.

Задаю через переводчицу осторожный вопрос самой молодой, самой неопытной делегатке, во все горло кричу над ухом свой вопрос.

– В чем заключается работа «ялагатки»?

Молодая, в первый раз побывавшая на съезде женщина быстро и бойко отвечает:

– Ялагатка должна каждый день мыть руки.

Пауза.

... мылом.

– Еще?

– Ялагатка должна мыть шею и чистить зубы.

– Еще?

– Ялагатка должна не позволять выдавать замуж девушек за пятилетних мужей, бороться с многоженством.

– Еще?

– Из молока не делать арачку.

– Еще?

Более длительная пауза.

– Лечиться не у кама, а в советской больнице.

– Еще?

– Еще? – переспрашивает «ялагатка», чуть смущаясь. – Еще? – повторяет она, вспыхивая, заглядывая в свой блокнот. – Она должна работать не больше... не больше...

Тут её обрывает более опытная делегатка:

– Ялагатка должна работать не больше своего мужа.

От декларативных пунктов «должна» она быстро переходит к рассказу о том, что сделано ею в своем аймаке.

В прошлом году ей вместе с другими двумя делегатками удалось уговорить все свое селение купить сепаратор. Сепаратор был куплен, в аилах начал исчезать кислый, грубый, непитательный курт, сократилась варка арачки. В этом году она думает начать агитацию за молочную артель.

– Почему именно в этом году?

Это очень интересно.

В прошлом году она познакомилась на съезде с одной делегаткой. Делегатка эта из дальнего урочища. Женщины разговорились. Оказалось, в селении делегатки было так же мало сделано, как и в селении рассказывающей. В этом году они вновь встретились. И что же? Приятельнице, как оказалось, удалось не только приобрести для общества сепаратор, но и организовать молочную артель. Выходит, значит, что она, рассказывающая, отстала. Неприятно, неприятно, но ничего, она наверстает, она обязательно наверстает, она не может не наверстать.

Я уговорила, я уговорила, я... – она тоже достает блокнот. – Я заключила договор. Я никак не могу запомнить, как это называется. Понимать – я понимаю, хорошо понимаю, но вот название... Я заключила договора на «социалистическое соревнование»!

Мы сидим на берегу Кагуни, мы громко говорим, стараемся перекричать друг друга, шум реки. Каждая из делегаток старается как можно больше сообщить «гостию» о своей работе.

Одна повела решительную борьбу с изгородью. Дело в том, что, осев, покончив с бродяжничеством,

алтайцы разделили близлежащий луг, он покрылся изгородями, у каждого скотовода был свой участок. Нечего и говорить, что это повело к раздорам и недоумениям: у одного пастбище лучше, у другого – хуже. В селении начались неприятности. С ними надо было покончить. Изгороди, благодаря настойчивой агитации делегатки, были в конце концов снесены. Пастбища стали общим достоянием.

Другая делегатка агитировала (и сагитировала) население на посадку картофеля. Теперь в её районе сажают картошку. Третья взялась за устройство детских яслей. Нет больше погибших в огне детей, калек, уродов.

Солнце стоит над нашими головами, оно погружает в беснующиеся воды Катуня горячие свои лучи. Закипел, сварился обед. Последний коллективный обед. Пришла пора расстаться. Дороги делегатов расходятся. Они поедут в свои урочища делать свои маленькие будничные дела, ступень за ступенью уводить ойрота от старого прошлого. Наступает всегда почти грустная минута расставанья. Женщины седлают лошадей. Тушат костер.

– Эээн болзын! До следующего собрания!

– Якши болзын! До следующего собрания!

Дороги расходятся. Лошади разбредаются в разные стороны.

Надо сказать последние слова приветия.

– Э-эй! Приезжайте к нам на открытие артели. Она обязательно будет открыта. При-ез-жай – те!

Люди скрылись. Шум Катуня разрывает последние их слова:

Эй, красавица, славная Хан-Алтая быстрая река, эй!

Крутобережная, беловодная Катунь!

С высоты крутизны, с ледяной, белоснежной, поднебесной, эй,

Ты бежишь между скал быстрее лучшего коня...

ЧЕЛОВЕК С КИБИТКОЙ

Я сижу в своей рабочей комнате, перелистываю записные книжки, просматриваю дневники и заметки, мысленно повторяю поездку по Алтаю. Почему-то работа эта напоминает мне труд фотографа. Фотограф долго путешествовал, месяцами скитался по стране. Все, что привлекало его внимание, он снимал; собирательное стекло, объектив, изображало на серых пластинках все то, что казалось фотографу интересным. Много таких изображений привез он с собой. Чтобы их обнаружить, пластинки надо обработать химическими реактивами. И вот фотограф отправляется в темную комнату, в свой рабочий кабинет; красный фонарь освещает его стол, ванночки с жидкостями. Фотограф достает пластинки. Пластинки серы, на них нет ничего, как ничего не было до фотографирования. Однако в них заключена потенциальная сила. Фотограф бережно кладет стекла в ванночки с реактивами и начинает колдовать. Жидкость делает поистине магическое дело. Проявитель заставляет темнеть те места, на которые действовал свет, виденное восстанавливается, повторяется на стекле. Пережитое вновь живет, оно воскрешено.

Сейчас мне хочется проявить негативы, относящиеся к человеку, с которым судьба столкнула меня несколько раз. Я проявляю стеклянные четырехугольники и ставлю их в том порядке, в каком они засняты.

Негатив номер первый.

Эта пластинка относится к первой нашей встрече. Дело происходит на базарной площади небольшого сибирского городка <...> В этом-то людском хаосе я впервые встретился с товарищем, которого назову фамилией Лебедев. Глаза его блуждали по базару. Он подходил то к одной, то к другой телеге, внимательно, с видом знатока смотрел на колеса и кузов, разглядывал лошадей, пальцами раздирал им губы и громко говорил: пять лет, восемь лет, десятый годок. Хозяева утвердительно качали головой и довольно улыбались, - им нравилось, что человек знает толк в лошадях, не кичится своим знанием, без всякой видимой пользы определяет возраст животных.

Не задумываясь, я шел за этим человеком. Я был так же свободен, как и он. Часто незнакомец обращивался, я видел его лицо. Было в нем что-то монгольское, он не был похож на русского, сибиряка. Нос его приплюснут, большие скулы делают лицо широким. Но больше всего говорит о его происхождении растительность на лице. На том месте, где у русских находится борода, у монгололидного товарища несколько десятков жестких, упругих, как щетина, черных волос.

У одной из подвод глаза наши встречаются, человек спрашивает:

- Вы тоже покупаете лошадь с повозкой?

- Нет, я так...

- А в лошадях вы что-нибудь понимаете?

Во мне просыпается лошадиник. Вместо ответа я подхожу к первой лошади, внимательно смотрю ей в зубы и безошибочно говорю, как завзятый коновод:

- Этой лошади четыре года. Точнее: четыре, пятый.
- Незнакомец улыбается. Одобрительно качает головой.
- В таком разе вы должны мне помочь в выборе лошади и повозки.
- Охотно.

Я отодвигаю в сторону первый негатив и берусь за второй. В тот же день я помог товарищу Лебедеву купить лошадь и повозку, - за все было уплачено девяносто рублей. Действие происходило в преддверии Алтая, цена никого не должна удивить.

Вечером владелец повозки, товарищ Лебедев, пригласил меня к себе.

Товарищ Лебедев живет недалеко от базарной площади, недалеко от той гостиницы, в которой я остановился. В двух комнатах - предотъездный беспорядок. Висящие на стенах картины завернуты в газеты. Перевязанные веревками сундучки и корзинки лежат на полу. Стаканы и блюда запакованы. Мы пьем чай из одной чашки, по очереди.

За столом сидят четыре человека: товарищ Лебедев, его жена, дочка лет десяти и я. Жена Лебедева светловолоса, голубоглаза, говорит слегка окая, по-владимирски. Оказывается, она в самом деле уроженка Владимирской губернии. Она находится в Сибири с 1914 года, приехала сюда пятнадцатилетним подростком. Двенадцать лет тому назад она вышла замуж.

Все это она рассказывает мне в тот момент, когда товарищ Лебедев хлопочет по хозяйству, собирается меня угостить, из корзинки извлекает какие-то «удивительные лепешки».

- Двенадцать лет тому назад, - говорит жена товарища Лебедева, - я вышла замуж.

- За алтайца? - спрашиваю я, забывши, что товарищ Лебедев, новый владелец лошади и повозки, хлопочет тут же.

- Я не совсем алтаец, - отвечает вместо жены товарищ Лебедев. - То есть, вернее говоря, я алтаец лишь по происхождению. Я не знаю своих родителей. С двух лет я - Лебедев Иван Иванович. Почему Иванович? На это трудно ответить. Вероятно, потому, что - Иван. Людям которые меня крестили, трудно было выдумать отчество. Назвав меня Иваном, они и отчество произвели от него же - Иванович.

Товарищ Лебедев рассказывает грустный эпизод из далекого прошлого.

Вместе с победоносным русским воинством на Алтай хлынуло духовенство, армия миссионеров, священников, монахов и монахинь. Духовенство насаждало христианство, весьма своеобразно искореняло язычество. Целый ряд русских пансионатов был выстроен в крупных селениях Ойротии. «Спасители темных душ» рыскали по горному Алтаю, доказывали, что быть христианином - выгодно. «Расстаньтесь с шаманизмом и бурханизмом, - говорили они, - и царское правительство будет вам всячески помогать. Власть предоставит вам кредиты, построит дома, отпустит порох и ружья для охоты. Мир да будет с вами».

Но алтайцы туго шли на уговоры, большими успехами миссионеры не могли похвастать. Тогда вместо словесных атак православное духовенство начало прибегать к другим мерам. Одной из таких мер было отбирание детей. Всякими правдами и неправдами духовные люди увозили от родителей маленьких алтайцев. Дети «воспитывались» в пансионатах, из них готовили угодных царской власти учителей, дьяконов, священников, миссионеров. Но - как это часто бывает в таких случаях - из подобного рода школ выходили люди, глубоко ненавидевшие царское правительство, считавшие своим долгом бороться с тем строем, при котором возможно такого рода насилие, как кража детей у темных и забитых родителей.

В двадцать лет товарищ Лебедев был учителем большого селения, обучал грамоте десятки алтайцев. В свободное время он собирал старых и пожилых людей и говорил им о вещах, которые никак не нравились николаевским опричникам. Молодой учитель попал в число неблагонадежных. Начались обыски, бесконечные допросы, слезка. Русский поп должен был наблюдать за «духовной жизнью» Лебедева. Лебедев покинул Алтай и поехал в Сибирь, в маленький городок, учительствовать.

Через два года наступила революция, товарищ Лебедев мог вернуться на родину. Но к тому времени он обзавелся семьей, педагогическая работа в уезде увлекла его.

Пришлось остаться.

И вот через четырнадцать лет товарища Лебедева, сибирского педагога, потянуло на родину. Не работать там, нет, а просто так - посмотреть на места, где было много и радости, и горя, показать места эти жене. Для этого он решил использовать летний отпуск. План поездки был составлен правильно. Он купил карту Алтая и наметил маршрут. На собственной своей повозке он с женой и ребенком поедет в Верхний Уймон. Там он снимет квартиру на лето и будет жить два месяца. Пастбищ на Алтае сколько угодно, лошадь найдет себе корм. Через два месяца он вернется в свой город, продаст купленное весной «средство передвижения». Проезд, таким образом, ему ничего не будет стоить.

За покупкой лошади мы и познакомились. В тот вечер я сидел у товарища Лебедева. Завтра на рас-

свете семья решила выехать.

Я все еще проявляю второй негатив, нахожусь в доме товарища Лебедева. Пора уходить. Дочка уездного педагога клюет носом, жена давно вытерла единственную чашку. Но Лебедев продолжает рассказывать. Воспоминания одолели его. Эх, Алтай! Из всех здесь присутствующих он один знает Алтай. Какие просторы, какие леса, озера, «белки»! А «бомы»! Представляем ли мы себе, что такое «бом»? Нет, нет, представить себе это невозможно. Только в Верхний Уймон можно попасть в кибитке. Весь Алтай (в целом) не признает телег.

- Да, - продолжает говорить Лебедев. - Приедем в Верхний Уймон... Вот где по-настоящему отдохнем. Хороший дом у кержаков можно снять рублей за пять на все лето. Мясо в кооперативе (ездил туда приятель, он рассказывал) продают по девять копеек за фунт. Хлеб... Хлеб там дешевый. А главное - в родных краях побываю, жене и дочке покажу Алтай. Замечательная мысль мне пришла в голову - поехать на лето в Верхний Уймон! Как находите?

Я нахожу, что мысль не только замечательна, она - гениальна. Однако не пора ли отдохнуть? Ведь они, если не ошибаюсь, завтра выезжают?

- Совершенно правильно, - соглашается со мной товарищ Лебедев и в десятый, кажется, раз просит меня приехать к нему в Верхний Уймон.

Благодарю за приглашение. Мой путь лежит через Верхний Уймон. Я буду там через две недели. Прощайте.

- Не прощайте, а до свидания, - поправляет меня товарищ Лебедев. - До свидания в Верхнем Уймоне.

Несколько минут я держал вторую пластинку, рассматривал её на свет. Все, что увидел на втором негативе, я передал словами. Ставлю на место стеклышко и беру новую пластинку, третью.

Товарищ Лебедев был прав. Расставшись, мы должны были сказать друг другу не прощайте, а - до свидания. Дней через двенадцать я прибыл в Верхний Уймон и, ясное дело, начал разыскивать нового своего знакомого.

Нашел я товарища Лебедева весьма скоро. О его существовании знали не только кержаки - о его проживании в Верхнем Уймоне говорили и алтайцы.

- А-а, - говорили они. - Вам нужен учитель! Пройдите вон туда, во-он в том доме, там он и живет.

У порога «во-он того дома» я задержался. Хорошо ли поступаю, что иду к товарищу Лебедеву и помышляю у него остановиться, задержаться на несколько дней? В самом деле. Человек приехал сюда с единственной целью - отдохнуть. Познакомились мы с ним случайно. Имею ли я право нарушить его покой?

Но у меня осталось хорошее чувство от первой нашей встречи, в пути я невольно думал о Лебедеве, в Верхнем Уймоне я никого больше не знал.

Я подошел к крыльцу и открыл дверь.

Товарищ Лебедев меня сразу узнал и сразу же начал рассказывать о своей жизни в Верхнем Уймоне. Конечно, в день приезда он нашел для себя помещение. Что же касается цен, то приятель не на много ошибся. Вместо того, чтобы брать мясо в кооперативе, он, Лебедев, зарезал барана - баранина обошлась в пять копеек фунт. Лошадь пасется тут же, кибитка стоит под крышей. Жена работает на соседнем огороде - за это их будут снабжать овощами все лето. Скоро начнется покос, Лебедев будет косить, «тряхнет стариной», вознаграждение получит зерном. Пока же что - слишком мало времени остается на отдых.

- Это еще почему? Ведь вы приехали сюда отдыхать?

- Так-то оно так, но - что поделаешь? Чуть ли не с первого дня начал ко мне ходить народ по всяческим делам. Если в сибирских деревнях процент грамотных не особенно велик, то на Алтае он еще меньше. А время теперь такое - все нужно знать. Жизнь ставит перед крестьянством все новые и новые вопросы. Скажем - молочная кооперация. Как устроить молочную артель, получить деньги на постройку маслодельного завода, достать инвентарь, машины, наладить коллективное дело? Вопрос не маленький. Я хоть и не спец, но все же в законах и декретах разберусь скорее, нежели неграмотный ойрот или кержак. Много здесь толкуют о коллективной обработке земли, но все это - в порядке слухов. Поверьте, в аймаке несколько тысяч человек - несколько тысяч! - и из них никто не разъяснит, в чем сущность коллективных хозяйств. А десятки других вопросов? Взять хотя бы взаимоотношения между русскими и алтайцами. Это, батенька мой, не вопрос, а, сложно выражаясь, проблема. Люди нелегко поддаются обработке. Десятки и десятки лет русскому населению на Алтае твердили, что алтаец - это не совсем даже человек, это - нечто среднее между человеком и обезьяной. Стесняться с ним отнюдь не следует, считаться не полагается, лучше всего - гнать в шею, в подлинном и настоящем смысле слова, гнать вон. Закон, общественное мнение на стороне переселенца, а не коренного жителя Ойротии, алтайца. Значит, можно не сомневаться, забирать лучшую землю, отбирать пастбища, даже

отбирать скот, - такие случаи бывали.

Революция отменила этот «закон», уравнила жителей Алтая. Однако повседневная практика приносит один конфликт за другим. В конфликтах виноваты и те, и другие, - товарищу Лебедеву, алтайцу по крови, русскому по духу и воспитанию, это особенно заметно. Одни все еще чувствуют себя «хозяевами положения», другие - «обиженной половиной». Надо разъяснять, объяснять, ставить на место и тех, и других, писать заявления, мирить спорщиков.

- Не мое это дело? - отвечает на мой вопрос Лебедев. - Охотно соглашусь с вами. Тем более - я чужак в этих местах, как теперь принято говорить - «с условиями ойротской действительности не совсем знаком». Однако, что поделаешь, когда в самом деле - ты чувствуешь это, видишь по результатам - можешь помочь, разъяснить, растолковать? Сказать: я, мол, отдыхаю, мое дело - сторона, обращайтесь «по принадлежности»? Этого я делать не умею и не хочу. Следовательно...

Товарищ Лебедев разводит руками. Он вспоминает, что до моего прихода был занят делом. Куча пахучего табаку горкой лежит перед ним, тут же разбросаны гильзы с серыми пустыми цилиндриками, их надо набить, - и товарищ Лебедев берется за дело.

Но только папироса, оторвавшись от машинки, падает на стол, как в окне показывается голова алтайца. Алтаец о чем-то горячо говорит Лебедеву - он говорит по-ойротски, язык этот мне непонятен.

Несколько минут длится беседа. Лебедев отвечает и пальцем показывает в мою сторону, - речь, очевидно, идет и обо мне.

Наконец, Лебедев начинает натягивать френч, до этого он сидел в ночной рубашке.

- Вы меня извините, - говорит он. - Надо сходить в совет по делу этого товарища. Там не совсем понимают его дело, а дело его - правое.

И в дверях бросает:

- Ничего не поделаешь, батенька. Был учителем, теперь меня сделали ходатаем, агрономом, переводчиком, популяризатором. Это, конечно, понятно. И одних пойму, могу с ними сговориться, и других хорошо понимаю. Опять же в национализме никто обвинить не может. Я - не совсем русский, но и не алтаец на сто процентов.

Три дня я гощу у Лебедева, три дня дверь его дома не закрывается. Его работу трудно квалифицировать. Одно ясно: в гениально придуманном Лебедевым плане - каникулы провести на алтайской земле - есть изъян: отдохнуть ему этим летом никак не удастся.

Что же пожелать на прощанье товарищу Лебедеву, этому человеку с кибиткой?

Я желаю ему, чтобы «месяцы отдыха» скорее окончились. Право, мне кажется, что на работе, в своем уездном сибирском городке он скорее отдохнет.

- Да, - говорит он задумчиво и рассеянно. - Отдохнуть на Алтае не удастся. Трудно здесь, должно быть, работать без людей.

Ему кажется, что я не совсем точно понял его мысль.

- Подумайте только, - продолжает он, хватая меня за рукав, - подумайте только, что делается там, в глуши, если в большом селении, в Верхнем Уймоне, такое безлюдье!

Первые встречи, с Лебедевым - в уездном сибирском городке и в Верхнем Уймоне - относятся к концу весны и началу лета. Кроме трех негативов, о которых я рассказал, на столе находится еще один, четвертый. Этот также необходимо проявить, несмотря на то, что между ним и проявленными стеклами лежит большое количество времени - все лето, часть осени.

Осенью я возвращался из поездки по Алтаю. Предо мной лежала последняя равнина с последними аилами из жердей и кольев. Скоро на смену им придут иные жилища - из прутьев и войлока. В этих новых жилищах живут казаки, новая область, Казакстан, идет на смену Алтаю.

У одного аила толпились ойроты. Поджав под себя ноги, посапывая трубками, одни слушали громкое чтение ойротской газеты на национальном языке - «Кызыл Ойрот», другие тут же играли в шашки, третьи разбирали по складам книжечку в синей обложке.

Я приближался к аилу, он был необычен. «Стены» его - я говорю о внешней стороне стен - заклеены плакатами, лозунгами и воззваниями. Над входом - вывеска на алтайском языке. Мой проводник переводит мне её: «Юрта-передвижка».

День выдался теплый, солнечный, ясный. В аиле душно. Многие посетители юрты-передвижки сидят у порога, читают, обсуждают, покуривают.

Я брожу среди сидящих у аила людей, вспоминаю все то, что говорили мне о юртах-передвижках в центре Ойротской автономной области.

Ойроты пока что - кочевники. Постепенно народ переходит к оседлому образу жизни. Переходит, но еще не перешел. Отдел народного образования Ойротии, желающий успешно работать среди алтайцев, должен был учесть это обстоятельство. Наробразом созданы юрты-передвижки. Аил очень легко разобрать. Его складывают на повозку и везут по селениям. С аилом разъезжает культурник, он же управляет лошадью, он же устанавливает аил, читает лекции, раздает газеты и книги для чтения.

Поработал пять дней, неделю, провел известную работу и – дальше в следующее селение. Не нужно забывать, что разъезжающий политпросветработник часто – единственно грамотный человек в селении. Помимо прямых его обязанностей его ждет целый ряд «побочных работ»: составление всяких бумаг, чтение и писание писем, работа по ликвидации неграмотности. Много таких кибиток-юрт разъезжает по Алтаю. Там, где невозможно проехать на колесах, – таково большинство алтайских дорог, – культурник едет дальше верхом, проводит работу в аиле одного из алтайцев.

Сегодня последний день пребывания аила в этом селении. На прощанье лектор обещал прочесть лекцию о хлебных злаках. Из всех злаков это селение до сих пор засеивает только ячмень. В этом году они думают посеять рожь и пшеницу, а весной будущего года – посадить картошку.

- Где же лектор?

- Он в аиле. Там тоже сидят люди, он занимается с ними.

Вхожу в аил и в сумерках юрты лицом к лицу сталкиваюсь с ... Лебедевым.

- Вы здесь? – спрашиваю я.

- Вы здесь?! – с тем же удивлением восклицает он.

Мне хочется узнать, каким образом товарищ Лебедев, приехавший гостить на Алтай, стал заведующим юртой-передвижкой, сделался кочующим агитатором. Но Лебедев занят, его окружили алтайцы, у всех у них неотложные дела. Через несколько минут он должен выступить с докладом, через час надо ему эхать – он засветло хочет попасть в другое селение.

Но вот доклад окончен. Я помогаю Лебедеву разбирать аил, между делом он рассказывает мне о себе.

- Вы спрашиваете, как это случилось? – спрашивает он. – Очень просто. Одно идет за другим. Конечно, все мы интернационалисты, мы отвергаем всякую мысль об узком национализме. Однако в каждом из нас до сих пор еще сидит националист – в лучшем, конечно, смысле этого слова. Взять хотя бы меня. Кто я по национальности? Ни два, ни полтора – не ойрот и не русский. Жена моя «володимирка». Никогда я не чувствовал себя «чистым» алтайцем, даже в те годы, когда царские урядники и попы преследовали меня. Но вот я приехал сюда. Вы сами видели, как работа затягивала меня в Верхнем Уймоне. Вы знаете меня и понимаете, конечно, что в этой моей работе не было ничего от желания «пострадать за наредышко», отдать ему то, что я у него взял, быть «первым там» и прочее народничество. Этого нет у меня теперь, не было никогда. Все – значительно проще, чем оно может показаться с первого раза. Просто – людям надо помочь, они не с пустяками обращаются к тебе, ты должен делать то, что умеешь. Приходили ко мне люди из дальних селений, из заброшенных, забытых, как говорится, богом и людьми аялов. Из их слов я заключил, что там, в глухих местах я нужнее, могу принести больше пользы. А раз так, значит нужно ехать туда. К тому же еще мне предложили заведывать передвижкой. Все, значит, за то, чтобы поехать. И кибитка у меня имеется, и лошадь. Вот я и поехал.

Рассказывая это, товарищ Лебедев укладывает подвижной свой инвентарь в повозку, запрягает лошадь – ту самую, которая «послужила поводом» для нашего знакомства.

- А как же с Сибирью, – спрашиваю я на прощание у товарища Лебедева.

- Конечно же, Сибирь придется оставить, – просто отвечает он. – Через две недели заканчивается «передвижной» сезон, через две недели начинаются занятия в школах. Так мы и порешили с уймонским «начальством»: летом буду разъезжать, зимой – работать в школе.

И вот – последний силуэт, последний негатив. Повозка уходит вдаль. На повозке – товарищ Лебедев. Он машет широкополой своей кержацкой шляпой. Прощаясь с жителями, едет дальше.

В путь! В путь!

*Улгерлер жуунтыда кепке базылганы аайынча:
«Советтердин жолы ССР-да жүзүн-жүүр албатыга бичик чыгарып»
(Сост. Токмашев Г., Чевалков П. – М., 1930. – С.85)*

ӨМӨЛИК

Ак малыбыс астабазын деп,
Аргалу өмөлик эдели!
Астамду иштеп жүрели деп,
Артель эдерин кичеели!

Уйыбысты сүттү эдели деп,
Узатпай өмөлик тудалы!
Укту якшы мал азыраар деп,
Уй малдыг артели эдели!

Јаңыстан иштеп жүргенче
 Јарадып өмөлик не тутпас?
 Јаскыда куру отурганча
 Јазап артельге не кирбес?

Өмөликтен туура бар!
 Өкпөлөп айдып болбозыгар!
 Артель этсе, астам бар!
 Албаты оны билип туру.

МАШИНА

Эки колдын күчине
 Эне болор машина!
 Эски журтым өңжидер
 Эрден бөкбө машина!
 Өлөң кезер машина
 Өрө тартар бойымды.
 Өчөмик болгон бойымды
 Өңжидетен машина.
 Уйдын сүдин булгайтан
 Устар эткен машина.
 Уур ишти эдетен
 Уруп эткен машина.

Машинабыс көптөзө,
 Малыбыс өзөр болор бо?
 Трактор бис алгажын,
 Туралу журтыбыс ондолор!

Кату-Сөөк

АЛТАЙДЫҢ ЈАҢЫ БИЧИГИНЕ КАНАЙДА ҮРЕНЕР

Текст бичиктен алынган:

"Јаңалиф Јаңы алтай бичиктөс Бичик билер улусты «Јаңалифке» үредер бичик"

(Улалу, 1930 жыл. - С. 3-4)

Бу «јаңалиф» деп («јаңы алтай бичиктөс») бичикти азыйда бичикке үренген алтай улус жаңы бичик таңма ла «јаңалифле» баскан бичикти кычырарга да, бичиирге де үрензин деп чыгарган.

Јаңалиф бичикти канайда кычырар, канайда бичиир, бого канайда үренер? – деп көп кижинин сагыжына кирер эмес пе? Алган тарыйын кижиде ондый сагыш бар болоры жолду. Је мында менин айткан сүме-сөсти јакшы јазап шүүп, сананып, сагышка алынган кижі јаңалиф-бичикти кычырарга, бичиирге үренеринен јалтанбас, чөкөбөс, менин айткан сүме-сөстөн кыйбас болзо, тапту бачым үренип алар.

Бистин азый бичиктерди базатан бичик таңмалар (буквалар) бир башка, бичикти колло бичийтен бичик-таңмалар база бир башка, олордын кажызы да јаанду, кичинектү. Эмдиги бу јаңалифтин бичик-таңмалары база ондый ок – бичикти базатаны бир башка, колло бичийтени база башка, олордын кажызы да јаанду, кичинектү болуп јат.

Јаңалиф бичиктин эн бажында беш башка бичик таңманы үч јол эдип баскан. Баштапкы (үстинде) јолдо бичик базар таңмалар, экинчи јолдо чике үстинде турган бичик таңмаларды колло канайда бичийтенин салган (олордын кажызын ла јаанду-кичинектү эдип, эжерлеп салган), үчинчи јолло турган азый бичик таңмаларла чике үстинде турган жаңы бичик таңмаларды канайда адап, айдатанын темдектеп салган.

Јаңы бичик таңмаларга көс үренип турзын деп, үренип турган кижі жаңы бичикти кычырарга тазыгып турзын деп бир кезек сөстөр базылган.

Мынан ары жаңы бичик таңмалар бирден-бирден кожулып браадар. Бу жаңы бичик таңмаларды јаан эдип баскан: баштапкызы – бичик базатаны (јаанду-кичинектү), оноң ары – колло бичийтени (база јаанду-кичинектү), калганчызында – алдында турган жаңы бичик таңмаларды канайда адайтанын айдып

берер азый бичик тагма (эки јанынан бөкөн чийиктү).

Јаңы бичик тагмалар кожылган сайын, үренип турган кижі бичик кычырарга тазыктырып, салган сөстөр башка-башка болуп, көптөп турар. Үренип турган кижі бу сөстөрді туктурулбай кычырып турарына јетире үренгенче, катап-катап кычырып турар керек.

Јаңы бичик тагмаларды кычыратанына үренгени ле коштой бичиирине база үредер керек.

Бир ле бичик тагманы танып, билип алып, бу бичик тагма салган сөстөрді кычырарга үренип алган соондо, јаңы таныган бичик тагманы јаңыс бойын мендебей, јазап бичип, үренип алар керек. Онын кийинде кычырып, үренип алган сөстөрді көчүрүп бичип турар керек.

Јаңалифле баскан бичикти кычырарга, бичикти јаңалифле бичиирге быжулап үренип алайын деген кижі бир де эмеш мендебес керек. Јаңы таныган бичик тагманы көс јастырбай, танып турар эдип, эмеш те туктурулбай кычырар эдип үренип албаганча, база јаңы бичик тагмага көчпөс керек. Анчада ла бичийтенине үренгенде, мендебей тагманы чек, јараш эдип бичиирге колды темиктирип турар керек.

Бичик тагмалардын ончозын капшаай ла үренип алайын деп мендеген кижі бичикти јакшы кычырарга үренип болбос. Чала-была бичип, үренип калган кижі соондо бойынын бичигенин бойы да кычырып болбой турар. Мыны ундыбас керек.

Александр Халаян

В СТРАНУ ОЙРАТ

(Печатается по: Сибирские огни. - 1935. - № 5. - С. 38-41)

Громадами гор гремели ветры,
Взрывались тучи и пахло озоном,
Лопались
Наискось
Крепкие кедры
И падали наземь с насадным звоном.
Лишь сизые травы болотных кочек
Паутину покоя плели.
Плотно ложились таежные ночи
На пропотевшую кожу земли.
И человек – двуногий зверь –
Зарывался в берлогу из бревен,
И в час, когда сном захлебнется зверь,
Он с землею ложился вровень

Зияло небо отравленной щелью...
В маяте проносились тучи лет.
Шаман, извиваясь, шипел по ущелью,
В юрту вползал молитвенный бред.
Красивую кыс – розовь утра,
С глазами – веселый дым,
В богатый аил от родного костра
Уводил за собой не любим.
Как будто бы так заходил, невзначай,
Оставался на вольный ночлег,
Потом предлагал кирпичный чай –
Белый человек.
Нежные бусы, как светлую соль,
Рассыпал по кошмовке,
И приговаривал:
...Изволь...
Якши...
По дешевке.
Потом доставал опять и опять,
Много доставал!
Потом арачка говорила: «Гулять», –
И гуляли наповал.

А утром вставал, угонял стада,
 Лошадей, коров и маралов...
 Хитрый:
 Он все забирал без труда,
 Он звонкой монетой играл!
 Монеты манили за дальние горы,
 Туда, где, стеклянные рты разинув,
 Стояли под вывеской «Фирсов и Второв»
 Серые спруты магазинов.
 ...На закат костровый
 В ядовитых парах
 Покорно дымилась долины.
 О жизни своей песню ойрат
 Слагал печально и длинно.
 Глухое рыданье струили свирели
 С надеждою встретить рассвет.
 Но дикое солнце в бездонной щели
 Ссыпало сверкающий свет
 Там, где холодеет зима добела,
 Где ветер несет снеговые дюны, -
 Гранитные
 С ревом рвет
 Удила
 Взыбленный конь Катуня.
 Ползучие травы, как змеи, легли
 В лунной лощине Алтая.
 ...В палатке разведчики спать не могли,
 В проектах и картах блуждая.
 И тот, что был строг и хмур на вид,
 Речь говорил другим:
 - Эти горы взроет наш динамит...
 Ржавую шкуру тайги
 Вскроем,
 И сытое мясо кедра
 Разрежем на ровные брусья...
 Богатствами очень щедро
 Это захоластье.
 Говорил молодой:
 - Смертоносные раны
 Всеми нанесем, что назад зовет.
 Над берегом бурым
 Сквозь тину тумана
 Как знамя,
 Поднимем завод.
 Чтоб древний покой был
 До сердца
 Распорот, -
 На месте юрт
 В синеву долин
 Проухает
 Первый
 Промышленный город,
 Освобожденной страны властелин.
 Третий рассудка пускал поток:
 - На время оставим «панораму»...
 В глубинах таятся «на все сто»
 Пласты свинца и вольфрама.
 Пыль тяжелеет от медной руды.
 Змеевикомый асбест - в сланце талька.

Цветным откровеньем глядит из воды
 Речная катунская галька.
 Не слово, –
 Глаза наточи, как ножи,
 Чтоб каждая галька давала
 В награду разведчиками желтый жир
 Золотого металла.
 Если в рыжих пятнах склон,
 Значит, земли проступает кровь.
 Тогда ты достань штанговое стекло
 И каменный череп вскрой...
 Говорили, курили, спорили
 В незнакомой стране Ойрат.
 А в памяти острыми шпорами
 Как лозунг, вставал Ленинград,
 Свинцом освистанная юность...
 Но сердце занозой не ныло,
 Когда в бесконечную лунность
 Смерти смеялось рыло.
 Когда пулеметной трелью,
 Порохом взрытых недель,
 Обесцвеченных голодом тел, –
 На переломе
 Баррикад
 Революционный
 Вставал Ленинград.
 ... А ночь уходила с горбоватой земли.
 Палатка плыла с рассветом.
 На карту разведчики путь нанесли
 Тонко отточенной метой.

Как стройные сосны,
 Поют провода.
 С Улалой,
 С Улалой
 Говорят города:
 «Чтобы в грузах
 Могли
 Грузовики прошагать
 С пятилетками буйными в такт, –
 От Бийска к Монголии – на Кош-Агач
 Проложить,
 Проложить
 Тракт».
 Слово летит,
 Поет как струна...
 Приказ городов принимает страна.
 Утро проносит туманы плит, –
 День, как булыжник, в работу влит.
 Вечер наносит туманы плит, –
 И ночью
 Работа,
 Работа
 Кипит.
 Пока не дымит
 Динамит,
 Молчит
 (Лишь тяжелеют патрона накалы...)
 Искрой во тьме

Вдруг
 Закричит, –
 Прорвой взрываются скалы!
 Ветошь дорог
 Разгромил гранит.
 Советский шофер
 У монгольских границ.
 Глаза у шофера –
 Угля куски.
 Чуть раскосы,
 Чуть узки...
 В распахнутых верстах,
 Где пылищи тоска
 Острым бензином приколота,
 Осколки дробят развороченных скал
 Тяжелым поющим молотом.
 С рассветом на тракт
 Караваном коров,
 Что мясом и кожей богат,
 Твоя закипает здоровая кровь,
 Молодая страна Ойрат!
 ...Как стройные сосны,
 Поют провода.
 С Улалой,
 С Улалой
 Говорят города.

Бийск, 1931

Петр Гордиенко

ОЙРОТИЯ

(к десятой годовщине Ойротской автономной области)

(Печатается по: Гордиенко П. Я. Ойротия. – Новосибирск, 1931. – С. 25–28)

Канду-Алтай (или кровавый Алтай) – имя ойротским горам.

Неслучайно это название. С древних времен сохранились предания о жесткой борьбе, проходившей между ойрот-кижи⁷² и их воинственными соседями.

Народные былины рассказывают о многочисленных героях, богатырях-защитниках и охранителях этого пастушеского племени от разных невзгод.

Сартакпай – один из наиболее ярких героев народного эпоса.

Он не только побеждает врагов и освобождает свою родину от злых сил, от людоеда Дельбегеня, но и заботится об улучшении народного быта, об устройении родной земли.

Величие самой природы заставляет приписывать ему сверхчеловеческую мощь. Он проводит реки, передвигает горы, прокладывает пути, строит каменные мосты, жилища, учит людей трудиться.

До наших дней сохранились памятники старины. В некоторых горных ущельях можно отчетливо видеть остатки крепостных сооружений, величественные по своему замыслу и неприступные для военной техники того времени. Это – массивные стены из гранитных глыб, загораживающие собою целые ущелья. О том, что они возведены при помощи человеческих рук, не может быть никакого сомнения.

Таким же памятником старины является скала надписей по Чуйскому тракту – Бичикту кайя. На ней до сих пор сохранились исторические записи о борьбе, происходившей в далекие времена.

Здесь ойроты встречали монгольское войско, выдерживая годами осаду противника. Предание рассказывает, что попытки со стороны Сонока, предводителя монгольских войск, взять ойротов обходным путем через вершину горы Сескту-тайга кончилась для монголов неудачей. Люди Сонока погибли в снегах неприступных ледников.

Таким образом, природные условия способствовали сохранению независимости ойротов-алтайцев, защищая их от могущественных врагов, но, с другой стороны, это приводило их к замкнутости и способствовало их культурной отсталости.

Ряд ученых исследователей утверждает, что вслед за распадом созданного Чингисом великого хан-

72. Ойрот-кижи – ойротский народ.

ства было организовано государство – Джунгария, о чем упоминает и Гергард Миллер: «Под именем Элет разумеются подлинные уйраты Абулгазовы, которые в нынешние времена по ту сторону алтайских гор между Турхустаном или большою Бухариєю и Мунгальскою землею живут особливим самодержавным государством».

В состав Джунгарии входило несколько ойротских племен, объединенных на основе договорного начала. Этот союз (или федерация народов) носил название «Ойрот». Территория союза распространялась от Тянь-Шаня до Саянских гор, включая и Северный Алтай.

Но по-иному это преломляется в народной памяти. «Ойрот» уже не рисуется как определенная форма государственного устройства, а превращен в легендарного богатыря-хана, обещавшего своему племени через долгий промежуток лет вернуться, чтобы освободить его от чужеземного гнета.

После разгрома Джунгарии Китаем ойроты, населявшие Алтай, хорошо защищенные горами, еще ряд лет остаются независимым самоуправляющимся государством. Значительно позже ойроты прибегают к дипломатической хитрости, откупаясь от Китая данью, а по мере распространения влияния России – они действуют таким же образом и в отношении этой страны. Получалась двойная дань, за что русские и называли их по тому времени двоеданцами⁷³. Дорогой ценой покупалось ойротами право на жизнь.

В 1866 г. по договору России с Китаем, территория северного Алтая окончательно закрепляется за Российской державой.

Дальше сопротивление становится невыносимым.

Но в борьбе за свою независимость и под владычеством России ойроты не перестают лелеять образ легендарного Ойрот-хана, который должен освободить свой народ и вернуть ему счастливые времена эпических богатырей. В долгие осенние вечера, собравшись в юрте, под звуки волнующей музыки – комыс⁷⁴, слушают ойроты повествования какого-нибудь искусного сказочника.

– «Прежде бывших счастливых девяти тысяч лет и семи тысяч серебряных лун, отметивших путь народа, в пору, когда изобилие земли не знало границ и не было счета её благодеяниям; когда каждый ребенок был крепче столетнего дерева, а ноги девушек быстрее дзерень; когда мудрость стариков, как жемчуга, украшала их головы и как бронза были упруги их мысли; когда не было войн и оружие служило потехой праздным, – в эту счастливую пору шестидесяти шести поколений, населявших Алтай и таких же семидесяти поколений, находивших пристанище в долинах, где, как звезды неба, не знающие счета, бродили стада и у каждого из них была своя масть, где не было бедствий, иссушающих кровь человека, как осень иссушает траву, – в давние времена сберегал свой народ юноша-богатырь Амыр-Сана, сын Ойрот-хана. Красив и статен был Амыр-Сана и любили его все девушки больше себя. Но появился в горах другой богатырь, завистливый и злой, как чудовище – Кара-Кула. Плохо стало жить народу под властью ненасытного зверя – богатыря. Обеднел народ, все богатство оказалось в руках чудовища. И вызвал его Амыр-Сана на страшный бой, чтобы отомстить за притеснение слабых. Бросились богатыри друг на друга, сцепились руками, упали вместе на землю, затряслась земля, посыпались камни с гор, в реках вода выступила из берегов.

Снова поднимутся, ударят один другого в грудь, пойдет вихрь. Закачаются деревья, с корнем вырванные кедры и лиственницы повалятся на землю. Черная пыль поднимется со снеговых вершин, заслонит солнце, месяц и звезды, земля задрожит, треснет под ногами богатырей, все огнем опалит на тысячи верст в окружности. Проходят дни, месяцы, годы, а богатыри все бьются, и ни один не может осилить другого.

Войны истощили народ, как плохой корм истощает скот. Когда победит Амыр-Сана – наступит новый, счастливый век».

И встают перед слушателями геройские подвиги Сартакпая, Ойрот-хана, Амыр-Сана и др. богатырей, защитников народа.

Через день, оставляя позади село Куяган, политгруппа медленно направилась в сторону Черного Ануя. Деревушки этого района кишат бандитами. По сводкам, которые мы получали от разведывательных отрядов ЧОН, было видно, что политгруппа находится в центре расположения бандитских сил: Орлова-Пьянкова, Колесникова и Тырышкина.

Осколки разбитой банды Кайгородова еще пытались держаться, занимаясь мародерством и неожиданными налетами на мирное население.

Части ЧОН, ликвидируя их убежища – кулацкие хутора и займки, создавали для бандитов все более трудные условия.

Чтобы избежать столкновений с бандитами, нам приходилось ехать окольным путем. Но от этого опасность несколько не уменьшалась. Возможность попасть на засаду была так же вероятной, как и всякая иная встреча с передвигающимся врагом.

73. Бассейн Катуня занят алтайцами, на Чулышмане, Башкаусе и Чуе обитают теленгиты, – все это бывшие «двоеданцы», т.к. до 1865 г. они платили дань и русским, и китайцам (Азиатская Россия, изд. 1914 г.).

74. Комыс – музыкальный инструмент, имеющий сходство с камертоном.

Мы взяли с собой лучшего знатока горных тропинок и перевалов партизана Дмитриева.

Ему больше семидесяти лет. Он выглядит кряжистым пнем, замшелым от жизненных бурь и невзгод. Вся его фигура дышит неиссякаемой энергией. Он самый стойкий из партизанской деревни Деминой. Восемьдесят человек вместе с Дмитриевым, не покладая оружия, боролись с колчаковщиной и продолжают бороться с бандитизмом.

Впереди, чуть заметным пятном, то скрываясь, то снова показываясь на горизонте, маячит наша разведка. Через несколько часов мы повернули в горное ущелье, идущее по направлению к черно-ануйскому перевалу.

Потянул ветер. С западной стороны, цепляясь косматым краем за гребни утесов, стала надвигаться дождевая туча. Загремел гром, подгоняемый ветром, захлестал мелкий дождь. Порой он ослабевал и показывался клочок улыбающегося неба. Ослепительно ярко загорался сноп лучей. Потом разом наступала мгла, и дождь начинал лить с бешеной силой. Ехать приходилось каменистым берегом горной речки, пересекая её через каждые тридцать-сорок шагов.

Только к вечеру мы были у намеченной цели. Быть может, дурная погода, доставившая нам немало неприятных минут, способствовала тому, что мы благополучно выбрались из лап бандитского окружения.

Гражданская война, затянувшаяся на Алтае, выработала привычку действовать в условиях военного лагеря.

Тени далекого прошлого кровавыми призраками реяли над этой горной страной.

Канду-Алтай (или кровавый Алтай) – имя ойротским горам. Не случайно это название. С древних времен сохранились предания о жестокой борьбе, происходившей между ойрот-кижи и их воинственными соседями.

Тексттер бичиктен алынган:

"Яңгы школ үчинчи жыл бичикке балдардын кычырар бичиги 1-кы бөлүк"
(Москва, 1931.– 107-109.)

ЛИКПУНКТ

Агдайтан тужы болды. Эр улустың чыдалду ла дегени үзе андап атана берген. Уйде карган-тижен уй улус, база бала-барка ла жүрди. Сарбачак деп уулчак та жара андаар деген жүрди. Онын адазы андап атанарда:

– Сен, уулым, мен жанганча уйде энеңге болужып жүр. Жанып келзем, школго ийерим, бичикке үренеринг – деген болгон. Је Сарбачак уй-койын түште јаланга айдаза да, бойын анчы эдип алып, койон андаарга јазанды. Нениң учун дезе, ајыктап жүрер болзо, кардын үстинде койон изинен ле көп ис јок болгон. Ол койоннын орыктаган јерине тузактар буулап салды.

Бир күн тузакка түшкен койон алды. Кабырып жүрген уйларын чачып ийеле, койонды айылына жүргүргенче јеттирди.

– Эне, көр! Койон тузактап алдым – деп айдала, энезинин алдына ак койонды салды. Бойынын көс-бажы курчыган, эрмекти јетпес тутак айдып, манзаарып, куучындап турды. Таппасты тапкандый, санаазы омок, кожондоп ийген эмезе шайт этире сыгырган, токыназы јок жүрди.

Олордын айылдарына айылдаш болгон база 4–5 өрөкө айыл кыштап јаткан. Сарбачакка кубарлаш Тем деп уулчак бар болгон. Сарбачак койон тутканын, нөкөрине угуспаганча токынабады. Барды. Темге айдып, мактанып турды. Тем кожо андаар болуп, суранып алды.

Темнин айылында солун улус јуулып келди. Олор јуун эдип жүрген улус болды. Јуун болды. Темнин улузынын болчок турачагына јаан улусты үредер ликпункт ачар эдип јөн бүдүрдилер. Карган улустан ла өскө јаан улусты ончозын үредер. Сарбачактын јенезин Кандыкты база үредер эдип, бичип койдылар.

Кандык оны угала, энгирде курсак кайнадып отурала, айтты: «Бу улус јуун эдип, јаан улусты бичикке үредер деп, јарабас не керек тапкылайт? Јаш бала эмес, јаан кижн эптежип канайып үренетен. Јок, мен ле уйалбай, барып үренбезим. Устүне эмчек јаш балам бар. Оны кем көрөр, оны кемге алдырар?» – деди. Бойы Сарбачактын экелген койонынын эдин кайнадып турган. Эт быжарда, оны казаннаң чыгарып, тепшиге салган изү эттин буузы буулап, јыды јайылып турат. Јаан энем эт јип отурала: «Сен, Кандык јаш келин де болзоң, бичик билбей јадын. Бичик билбес кижн сокор кижиге түңей. Эш немениң аайын билбес, көңдөй төңөш. Темей мойнобой, бичикке үренгин. Эмчек балаңды мен соотодып, алып отурайын, балага тартынба» – деп јөптөди.

Кандык уйала-уйала ликпунктка барды. Эмди бичикти эмеш билип келди. Јаан буквалу сөстөрдн салыштырып туру, база јамандыра бойынын ады-јолын бичип јат.

Үрен, үрен Кандыгым! Бала тужыкда үренип албаган. Је ол тужында бичикти қажыбыс та бил-

бейтен: каан, жайзаң башкару ого килейтен эмес. Жаңы Совет башкару бастыра албатыны бичикке, керектү ишке үредерге кичееп жат. Мен оны сүрекей жакшызынып жадым. Меге тунгей жажыт үй улус бирүзи де бичик билбес, көк тенек. Онын да керегинде эмдиги кир-балкаштан, карангуйдан чыкпай жүредибис. Эмди жаңы ла үй улус жуунга эшке жүрер болдыбыс.

Совет бичик ортобыста каа-жаа жүрет. Солун табыш неменин учурын кычырганы биске једип, оны кулакла угадыбыс. Не ле неменин учурын айландыра шүүп жадыбыс. Озогы жаан улустын билери, эмдиги јаш балдардын билеринен чик јок уян болды – деп эрмектер болды.

БИЧИК КЫЧЫРАР ТУРА

Бистин школ колхоз-школло јаба болгон. Бу колхозто бичик кычырар тура бар. Ол тура күскиде октябрь айдын байрамына келиштире ачылган деп угуп жүрөтөм. Бир күн школдогы үредү учына чыгарда, үредүчи балдарды жаан кыпка жууды: «Бүгүн бичик кычыратан тураны барып көрөктөр. Оңдо не барын, нени эдип турганын ајыктап билип алактар» – деди.

Балдар бичик кычырар турага келди. Мен база балдарла кожо келдим. Бу тура төрт кыпту эмитир. Эң башка жаан кыпка кирзес, ичи кеен, көзиөктөри жаан, туранын ичи сүреен жарык. Стенелерин агарта череттеп койгон, үстине жүзүн-јүүр журуктар, лозунгтар кадап, јарандырып койгон эмитир. Бичик кычырар туранын башчызы куучындады: «Бу кыпта жуун эдип жадыс».

База беш күннин бажында, амыраар тушта, агроном жаантайын келип жүрет. Ол келгенде, улуска мал-аш ижин канайып јазандыраарын, салган аштын бүдүмин, онын түжер түжүмин канайда көптөдип, өрө көдүрерин үредип ајдат. Эңирде от күйдүргенде, волшебный фонарлу жүзүн-јүүр журуктар көргүзөт, олардын јараш-јакшызын не деер; кижини оны макаттып јилбиркеп көрөт. Бу журуктар соот болор: јилбилү, солун неме үредер – тузалу. Онойып көрүп жүрзөң, кажы бир совхозтордо канайып уйды машинала сааганын, уй-малды канайда чек, ару чеден кажаганда тударын көрүп, сагыш алынып үренерин – деди.

Экинчи кыпка кирзебис, столдордын үстинде алтай тилле бичиген: «Кызыл Ойрот» газеттер, «Лениннын јолы» база «Лениннын үредүзи» деп атту журналдар, бичиктер жадыры. Орус газет. Бичиктер оноң до көп эмитир. Стенелеринде Октябрьдын революциязынын эткен улу башчыларынын сүрлери, база башка-башка ондү будуктарла жураган не ле диаграммалар туру. Көп улус жуулып калган, отургуштарда отуры. Бир кижини газет кычырат. Тынгап турзам, айландыра јаткан јурт аймактарда, өскө јурт ороондордо не болуп турганын айдып жады. Бистин јуртта колхоз, совхозтор канайып көптөп өзүп, јаранып, тыгып турганын, озогызына көрө. Канча кире фабрик-заводтор көптөп калганын, жаңыдан канча көп бир јылга бүдетенин, мал аш ижине керектү не ле жүзун машиналар, тракторлор бүдүрип, чыгарып, таркадып турганын, ончозын бичиктен кычырып тур. Бичиктердеги журуктардан да көргүзөт. Жаан улусла кожо бис база көрүжип турадыс. Анчадала аш кезип, ол ок тарыйын ашты согуп, арутап, чачып, белетеп, таарларга уруп брааткан жаан машина – «комбайнды» журуктан көрүп, сонуркап кайкадым.

Үчинчи кыпка кирзебис, база ла көп эр-үй улус толып калган, ончозы керектү: налог түшкөн окладнойын көргүскөн, кандый улус налогтон јенгилтелү болотонун уккан туру. Мында олардын керектерин аайлап, јартап, айдып турган эмитир. Мында ок кажы кижини Кызыл черүде турган уулдарга письмо бичидет. Аймакка, јурт-советке, албаты јаргызына, оноң до өскө јерге комыдал сурак эдип (заявление) бичиткилейт. Ликпунктка келип, бичикке үренетен улус база бичидип ок јатты.

4-чи бөлүк кыпта не ле кружокторы жуулып, бойларынын ижин эдетен эмитир.

Бу улус мынайып жакшы јурттап, культура керегине үренип турганы, колхозтын ијдези болгон туру, коммунист-партиянын шылтуузында болгон туру деп, бис јанып, сананып, шүүп турдыбыс.

В. Тверской

БИЧИНИЧИ КИЖИ КАНАЙДА ИШТЕЕР

көчүргени

Леонид Сары-Сеп

БИЧИК ЧИЙЕРГЕ БАШТАП ТУРГАН УЛУСТАРЛА КУУЧЫН
(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1931. – № 1-2)

*«Бичиктер бичийтен иш јенгил иш эмес,
јакшы бичиктер бичиирге турган болзон,
көп иштенер керек, көп үренип,
бичин турган бичиктеринге көп иштеер керек».*

(Максим Горький)

Эмдиги писатель улус (писатель-бичинчи кижини) 18 јаштан ала бу ла ишти иштеп, оныла курсагын

азыранып, оноң өскө иш иштебеске сагышту.

Je ондый болуп аларынан озо бу улус жакшы үренип, өскө ишке таскап алар учурлу, кийинде бойлорынын билгенин бу ишке салгадый болор учурлу.

Жаңыс бичиктер ле бичип, оноң өскө иш иштебей жадары – жаңыс ла кыра аш салып, ол жердин күчин алып турганына тунгей. Бир бичик база бир бичиктен чыгып турган эмес, ол бичикти бүдүрер кижери керек.

Писатель (бичинчи) кижери курсагын азыранып тургадый база бир иштү болор учурлу. Бу экинчи ишле жаңыс ла курсагын азыранып тургадый база бир иштү болор учурлу. Бу экинчи ишле жаңыс ла курсагын азыранар эмес, je ол ишти иштеп, бичиктер бичигедий болорун. Бу экинчи ишти ол ундыбай иштеп турар учурлу, бичинчи кижери кандый ла ишти иштезе кем жок: ол темир согор устар болор, үредүчи, эмчи де болор, агроном до болор. Бу ижин ол качан да ундыбас учурлу.

Эмдиги бичинчи улустар капшаай ла писатель болорго күжүренип турза, ол тушта бис кара кулакту койлор тутканыла тунгей болорус. Мындый укту койлорды туткан улустын кылыгы мындый: боос койды согып турар. Айдарда, ол кой ойине жетпей төрөдөр, ол өлү чыккан курааннын терезин сойып алар.

Чын ла бичинчи болуп алары, канча-канча жылдын бажында бичиирге үренип алган кийинде болор.

Озо баштап өскө кижинин бичигенин кычырарга үренип алар керек

Бичинчи кижери канайда кычырар учурлу? Көбизинде бис бичикти бачымдап, жетире сагышка алынбай кычырып жадыбыс.

Онойдо кычырганынан туза жок. Чын ла кычыргадый туза жок, оны да бис бачымдай кычырып ала-ла, бис оны билерис деп сананып жадыбыс. Мынайда кычырып, бис бойыбыстын ижисти үрөп жадыс. Бичикти бачымдабай, сагышка алып, бир де эмеш таштабай кычырып турар керек.

Бичинчи болорго турган кижери бичикти жакшы ла шинжүлөп турар учурлу; час жазайтан ус часты канайда шиндеп турган, автомобильле жүрер кижери машиназын канайда көрүп турган, бичинчи де кижери бичикти онойдо ок шинжүлөп турар учурлу.

Озо ло баштап бичикти бөлүп аларына үренип алар керек. Ол бичикте телекейди бичигенин, бичикте айдылган улустын кылыктарын бичигенин айрып көрөр керек. Онын кийинде ол улустын куучындарын көрөр керек, олар канайда куучындажып турган: бирден-бирден узак куучындажып турган ба ол эмезе кыскарта айдып, куучындажып турган ба? Бого коштой ол бичикте айдылган улустын куучындары олардын кылыктарына келижип турган ба? Мыны көрөр керек. Онын кийинде ол бичикте бичилген неменин учуры канайда башталып турган, оноң ары ол кандый, учы кандый болуп турган.

Өскө улустын бичиктерин мынайда шинжүлөп көрөри, учурлу неме болуп жат. Жаңы баштап турган жаш бичинчи улустар өскө улустын бичиктерин кычырарынан жалтанып жадылар; не дезе? Олар оны кычырып, ол бичикте бичигенинче бойлоры да бичий берер деп. Je ондый шүлте сыраңай жастыра. Бичикти бичиир жолун билбес болзо, бичип те болбос.

Кандый ла бичикти бичиир жолы – бистен озо канча мун кижинин иштеп тапкан жолы болуп жат.

Өскө бичиктерди сагышка алынбай, бөлүбей кычырза, качан да олардын бичигенинче бичий берер, бойы да билбей калар.

Бичинчи бойынын жолун, бичиирин жылытпаска, көп лө кычырар керек. Je кычырарда, ол бичикти жакшы ла шинжүлөп турар керек. Ондо бичилгени не учурлу бичилген, оны кычырган улустын сагыжын неге энгилтерге турган, мыны ончозын жарт билип алар керек.

Жаңы баштап турган бичинчи кижери мындый немени билер учурлу: онын көзи алдында не ле болуп турганын көрүп, оны шүлөп, билип, сагыжына алып турар керек.

Бис бичиктерден көп кычырып жадыс: өскө жердин кижизи ол эмезе бир неме билбес кижери город жерге келеле, ондо бир де неменин аайына чыкпай жат деп. Бичинчи кижери ондый болбос учурлу, бичинчи кижери не ле немени ончозын билип турар учурлу. Je көрөр болзо, ондый эмес: бистин көзистин алдыбыста не болуп турганын аайына чыгып болбой жадыс, бистин жаңы баштап турган бичинчи улустарыс газетке де жакшы бичиирин билбей жадылар. Ондый улустын бичигенин көрөр болзо, мындый неме билдирер: олар бойынын деремнезинин өзөгинин жадынын газеттен ле көрүп, билип жадылар. Ол газетти кычырып, онын кийинде газетке бичиген аайынча бойынын деремнезинин өзөгинин жадынын онойдо ок бичип жат, газетте бичилбеген немени база бичибей жат.

«Бичинчи кижери аякчыл болор учурлу, көзинин алдында не болуп турганын ончозын көрүп жүрер учурлу. Улусты, олардын кылыгын, кийимин, эрмегин, оноң до өскө не ле немени, олардын жадынын, журттын айалгазын, телекейде не болгонын ончозын аяктап жүрер учурлу. Онойдо көрүп жүргенин, аяктанып, ончозын ундыбай, сагышка алып жүрер керек, соондо нени-нени бичизе, онын ончозы ого керек болор.

Аякчыл ла сагышту болорынан өскө, бичинчи кижери не-неменин учурын билер ок учурлу, ол билимин жаантайын көптөдип жүрер керек.

Бичиичи кижил ол бичип турган јеринин, јоннын да, башка-башка улустын да јадынын, олодын кылыгын, ол јурттын айалгазын ончозын јарт билер учурлу. Онон ъскѡ онын бичигени чын эмес, тескери болуп, тузалу болорынын ордына јаманын јетирип турар. Је ондый да болзо, бойынын бичигине не ле кѡргѡнин, ончозын оок-теек неме де болзо, бичиир эмес.

Бичигинде ол анчадала тын ајыкту немелерди, онын бичип турган немени јарт, чындалтып, учурлап тургандарын артызар учурлу. Онон ъскѡ бичикти кычырган кижил ол оок-теек немелерден, онын тѡс учурын чыгарып болбос, «эки-јангыс агаштын кийнинен чын ла агаштын бойын кѡрбѡс».

Онон ары бичиичи кижил кандый да тилле бичип турган, тилин јакшы билер керек. Тилди јетире билбесе, ол бойынын сананып турган сагыштарын бичип болбос, ондый кижинин бичигени неге де јарабас, коомой болор.

Бичиичи кижил айландыра јаткан улустын куучындажып турганын тыгдап, сагышка алып јѡрер керек, ондый куучындардын тын ла ајыкту сѡстѡрди бичип алып, јѡрер керек.

«Качан да болзо, «јанчык» бичик, бичиичи кижинин качан да таштабас кожо алып јѡрер јепсели болуп јат. (Јанчык бичик дегени не ле кѡргѡн, укканын бичип алып јѡрерге карманда алып јѡрер бичик). Онойдо бичиирде, јангыс ла ајыкту немелерди ончозын бичип јѡрер керек. Јаан-јаан бичиичи улустар ончозы мынайда эдил јадылар».

Иван Долгих

РАССКАЗ О СНЕЖНОМ ПОХОДЕ

(Печатается по: СССР на стройке. – 1932. – № 9, б/с)

Только в начале 1923 г. закончилась здесь гражданская война...

Этот рассказ, полный драматизма, мы услышали из уст самого тов. Долгих, командира «снежного похода»:

... «Отдохнув в юртах и пополнив свои ряды людским и конским составом, 3 дивизион с приданным ему 4 отдельным кавдивизионом получил оперативное задание: дойти до Чике-Таманского перевала, там распечатать закрытый пакет, содержащий боевой приказ, и действовать согласно указаниям, объявленным в этом приказе.

Поднявшись на Чике-Таманский перевал, глядя на расстилавшуюся перед нами долину, накануне ставшую могилой двух батальонов 185 полка, командир отряда тов. Менаков распечатал пакет. Обоим отрядам под общим моим командованием приказано пройти белками с Чуйского тракта на Уймонский, спуститься в поселок Тюнгур, в глубокий тыл противника, сокрушительным налетом истребить банду Кайгородова, а его самого взять живым или мертвым. Не выполнив этой задачи – не возвращаться. Белки непроходимы даже в малоснежную зиму, тем более в такую, какой была зима 1921–1922 года, особенно к концу. Даже местные охотники на лыжах боялись заходить на Яломанские белки. На этом диком горном кряже летом только две тропы: одна – Теректинская, которой мы уже пробовали проникнуть на Уймон, но неудачно, чуть не оставив один из эскадронов. Вторая тропа ведет долиной реки Катунь. Я повел отряд этой тропой. Не доходя до средней переправы реки у «Верблюжьей шейки», обнаружили заставу противника. Благодаря узкому ущелью схватка нашего эскадрона в пешем строю была безуспешной. Невидимый противник, сидевший за скалами, был неуязвим. Тогда я изменил маршрут похода, решив перейти Яломанские белки. Решение, заранее обреченное на провал, как мне пытались доказать другие товарищи. Однако, не видя другой возможности выполнить данный мне приказ, я отдал распоряжение: готовиться к походу.

Устроив смотр отряду, я выяснил, что овес вышел весь. Не было хлеба, сухарей. Я приказал запастись вареным мясом на трое суток, отпустить лишних и больных проводников, бросить не входивших в отряд вьючных крестьянских лошадей. На рассвете мы выступили на страшный Яломанский перевал. Через несколько часов мы были там. Отсюда начались мучения, длившиеся трое суток. По мере движения вперед трудности увеличивались, заставляя меня подумать об отказе от этого плана. Только благодаря громадному напряжению воли всего отряда мы продолжали двигаться вперед. Снега лежали глубиной до двух метров и кони тонули по брюхо. Костры разводить было нечем и на привале люди дрогли и уставали больше, чем в пути.

На остановке командиры эскадронов доложили, что появились уставшие лошади, которых придется бросить. Настроение командного состава и всего отряда было подавленное. Чувствовалось, что еще немного и скрытый ропот может перейти в прямое неповиновение. Нужно было что-то предпринять. Я заявил всем, что разговора не может быть о возвращении, что первый, выразивший неповиновение, кто бы он ни был, будет рассматриваться, как бунтарь, и будет расстрелян. После этого, воспретив проводникам говорить что-либо о перевале, я разрешил зажечь костры. Через 6 часов отряд двинулся дальше.

Следуя в конце отряда, я видел, как на месте стоянки осталось несколько лошадей. Двигались молча, не разговаривая. Настроение было безразлично-подавленное, не было слышно ни шуток, ни смеху. Роптать тоже перестали. Так прошел весь остаток дня в безмолвном движении.

Часов в 8 вечера остановились на привал. Мороз крепчал. Развести большие костры было не из чего. Зажгли маленькие кучки высушенного можжевельника, вырытого из-под снега, который не давал ни света, ни тепла, а тлел, напрасно отнимая труд. На стоянке я увидел, что есть уже пешие, что брошено больше 30 лошадей. После 4-часового отдыха, ночью, поднял отряд и двинулись дальше.

В непрерывном движении вперед и вперед прошел следующий день. Число оставших лошадей уже перешло 50. Фактически мы уже не измеряли время сутками, не отличали дня от ночи, поход был сплошным движением вперед. Люди поняли, что возврата не может быть и в конце концов стремление к цели постепенно охватило всех. Воспользовавшись возбужденным настроением, я давал только короткие передышки и, не считаясь с тем, день или ночь, вел отряд все вперед и вперед.

Девятого появились первые отстающие люди: отдав единственного своего заводного коня, я велел бросить часть седел. Идущих пешком слабых бойцов посадил по несколько на лошадь вместо здоровых. Остановились на привал.

Выяснилось, что до спуска осталось не более 5-8 верст. Разложив костры уже из появившихся пней и заколов несколько лошадей на шашлык, я решил дать большой отдых для последнего перехода и подсчитал свои силы. К 4 часам только подтянулись задние. Число уставших лошадей уже подходило к сотне. Людей уставших и оставших насчитывалось тоже несколько десятков.

Обсудив создавшееся положение, я решился на крайнюю меру. За час до наступления темноты отдал распоряжение сняться с привала, отобрать сильнейших лошадей и людей. Все пешие и отстающие должны двигаться за нами по мере сил. Это значило, что в случае бурана оставить людей без помощи на верную смерть. Иного выхода я не видел. Обстановка требовала принятия исключительных мер. 300 всадников, на довольно свежих еще лошадях, я повел вперед, в последний переход. Мы подошли к первому крутому спуску. Отряд остановился. Командир взвода не решался двигаться дальше. Я добрался кое-как пешком до головы отряда и, выяснив от проводника, что таких крутых спусков будет несколько, приказал командиру головного взвода спуститься первым. Видя его колебание, я вынул наган, щелкнул курком, поставив его на взвод, повторил приказание. Комвзвода слез с коня, шагнул вперед и скрылся в темноте. Снова отдал приказ слезать с лошадей стоящим впереди красноармейцам и спускаться за комвзводом. Момент был напряженный. Но вот первый красноармеец начал спускаться, за ним последовали остальные. С наганом на взводе пропустил я перед собой весь отряд и никто, ни одна душа не произнесла ни слова. Здесь все друг друга знали. Спуск шел по обледенелому крутому ложу. Лошади скользили, срывались и летели в пропасть, люди выбивались из сил, но я не давал передышки и только перед последним спуском сделал привал. В моем распоряжении теперь было только 150 сабель, половина людей, остальные отстали и ждать мы их не могли. Отдохнув и спустившись в долину, я разделил отряд на три части, решил ударить на бандитов.

С трех сторон ворвались мы лавой в поселок, мигом зарубили часовых, захватив всех бандитов во главе с Кайгородовым, расстреляли их, как врагов трудового народа, на месте»...

За этот беспримерный «снежный поход» тов. Долгих получил орден Красного знамени.

Николай Каланаков

МЕТОД БИЧИГИ

*Яңгы школ деген букварьла балдарды канайда үредетен?
Кепке базылганы айыныча: "Яңгы школ оогош балдар үренер
букварь для школ I-й ступени на ойротском языке"
(Новосибирск, 1932. - С. 71-73.)*

Яңгы школ деген букварьла балдарды бичикке үредери бүдүн сөстинг методыла үредетен. Онызы кандый метод дегежин, онын учуры мындый!

Эг ле озо балдарды бүдүн сөстөргө үредер. Ол сөстөр бу: ат, сула, бала, тура, база үзүк сөзи «ла» деп болор. Бу сөстөрдү балдар якшы үренип алгачын, оной ары балдарды сөстөрдүн үзүктерине үредер. Сөстөрдүн үзүктерин бириктирзе - яңгы сөстөр чыксын деп үредер. Сөстөрдүн үзүктерин бириктирзе, яңгы сөстөр табылар деп, балдар айына чыккан соондо, балдарды сөстөрдүн үндер букварине үредер. Ундер букварине үредер тушта, кандый бир сөскө ол эмезе сөстинг үзүгине жапшырар болзо, яңгы сөстөр табылып бүтсин деп үредер керек.

Бу бүдүн сөстинг методыла балдарды үредер болзо, балдар үзүк сөстөрдө сөстинг үзүктери бар, үзүктеринде үндери бар деп ярт билип алар.

База тунгак үндер (в, д, к) үнгүр үндерден (а, о, е) башка айдылбай, кожо жаба айдылат па деп билип

алар.

Бүдүн сөстүн методула үредү мынайда барар:

Үренерге келген балдарла беш күнге таныжып, куучындажып алар керек. Олордын ады кем, ада-энези кем, өмөликке кирген бе, кирбеген бе – деп, сурап угар. База школдын ичине канайда отурар, канайда жүрер, качан келер деп, үредер. База балдар жайгыда нени эткенин куучындажар. Бу «Жаңы школ» деп букварьдын үчинчи листинде баштапкы журукты көргүзүп, балдардын жиилекке жүргенин куучындажар, экинчи журугун көргүзүп, жайгыда балдардын ойногону, сууга эжингенин куучындажар. 3-чи журугунда куучын өмөликтин балдарынын жайгы ойыны, 4-чи – балдар ойыны, 5-чи – балдар сууга киргени, 6-чы – огород отургусканы, 7-чи – тракторло кыра тартканы, 8-чи – салдала кыра тартканы, 9-чы – колло өлгөн жууганы, 10-чы – машинала өлгөн жууганы, 11-чи – колло аш кескени, 12-чи – машина аш кескени. Бу журуктардын учурын балдарла куучындажар болзо, оны балдарга журадып та турар.

Балдар жураар тушта, сүреен аыктанар керек. Бир жанынан балдар карандашты чын, эптү, онду тутсын деп, экинчи жанынан балдар түс, чике отурзын деп аыктаар керек.

Балдарды онойып 5 күнге журадып турар болзо, балдардын колы карандашла чийерге таскай берер. Балдарды үредер болзо, 15 минуттын бажында өскө үредүге үредер керек, 16 минут куучындашкан болзо, 15 минут журадар, ол эмезе кожондоор, кандый бир ойын ойнодоор, база эмеш жуун да эдип турар.

Алтынчы күннин үредүзүндө балдарды «Ат» деген сөскө үредер. Слерде ат бар ба? Атла нени эдип жат? Атка миндин бе? Ат сугардын ба? Ат откордын ба? Атты сүүп турун ба? Аттын буды канча? Аттын бүдүжи ле уйдын бүдүжи тунгей бе? Айла башка ба? Башказы, тунгейи незинде деп куучындажар. Онын кийнинде аттын журугун көргүзөт. Бу не деп сурайла, бу журукты журагар деп айдар. Балдар жураар тужында, чаазынды, карандашты чын тудуп туру ба? – деп көрөр. Нени журап жадыгар? – деп сура. Балдар журап божозо, олорды переменге ий.

Экинчи урокто балдарды **ат** деген сөскө үредер. Жакшы лаптап көрүгөр, бу **ат** деген сөсти класстагы ончо балдарга жарт иле көрүнгедий эдип, ажындыра кепке салган буква бичип алар керек. Балдар оны жакшы аыктап көрүп алган соондо, балдарга айдар: «Эмди көрүгөр, жакшы көрүп алала, база онойып **ок ат** деген сөсти бичигер». **Ат** дегенин бичийле, база катап карандашла кайдан баштаганын, канайда бичип барганын көргүзөт, балдардын бойлорына көргүзөт. Онон соондо ол сөсти балдарга бичидер. Айла кандый жолло, канайда бичирин бала сайын айдып берер. Бир катап **ат** деп бичиген болзон, онон ары бир ол эмезе эки элү жерге ажыра базып, база катап **ат** деген сөсти бичит, онон база ла онойып бичидер. Онойып лаптап айдып бербезе, балдар **ат** деген сөсти үстине бичип ийзе, не де аай жок болор, үредү тескери бүдер. Балдарды катап-катап нени бичип жадыгар деп сурап турар.

Балдар бичип божогон соондо, **ат** деген сөсти стенеге илип койор. Онын кийнинде букварьдын учында жаан букваларла бичиткен **ат** деп сөсти буква сайын башка-башка кезип алала, балдарга бер. Бу **ат** деген сөсти мен үрей кезеле, берип жадым, оны жазап салыгар. Эмди үрейле, база катап жазап салыгар. Онойып катап-катап салдырар.

Букварьдан **ат** деген сөсти таптырып кычырт. **Ат** деген сөс бу бичикте кайда бар, оны таап көрүгөр деп сура.

Балдар бу **ат** деген сөсти жакшы билип алзын деп, **ат** деген сөсти балкаштан туттырар ол эмезе оогош таштан салдырар.

Балдар жанар алдында бу не деген сөс деп сураар. Бичик кычырарынын үредүзи баштапкы күни мынайып өтти.

Экинчи күнде «сула» деген сөсти **ат** деген сөскө үреткен чилеп, сүрекей быжулап үрет, **ат** деген сөскө тунгейлештир.

Балдарга **ат** деген сөстин, **сула** деген сөстин букваларын береле, **ат** деген сөсти салыгар, **сула** деген сөсти салыгар деп айт. Жастыра салбаска, **ат** деген сөсти көрүгөр, **сула** деген сөсти көрүгөр деп айт. Балдарга «**Ат, сула**» деген бүдүн сөстөрди бер. Буквалар болнирде, бу буквалар деп сырагай айтпас керек.

3-чи күнүндө бала деген сөскө үрет.

Жастыра салбаска **ат** деген сөсти көрүгөр, **сула** деген сөсти көрүгөр деп айт. Балдарга **ат, сула** деген бүдүн сөстөрди бер. Буквалар болнирде, бу буквалар деп сырагай айтпас керек. 3-чи күнүндө **бала** деген сөскө үрет. Оны **ат, сула** деген сөскө үреткен деп үрет, тунгейлештир.

4-чи күндө деген узук сөскө үрет. Аттын база суланын журугун коштой тургузып, олордын алдына сөстөрүн тургузып, ол эки сөстин ортозына **ла, деген** сөсти тургузала, бу кем ле кемнин журугу деп балдардан сура. Балдар **ат ла суланын** дежер. Айдарда, аыктап көрүгөр **ат** деген сөс кайда? **Сула** дегени кайда? **Ла** дегени кайда?

Онон соондо **ла, деген** сөсти бичидерге үрет. Букварьдын кийниндеги **ат, сула, бала, ла** деген сөстөрди кезип алала, балдарга букварьдын 8-чи листиндеги эрмектерди бу сөстөрлө салыштырып

кычырт. Онын кийинде букварьдын бойын кычырт.

5 күнде тура деген сөскө үрет. Үредери **ат, бала** деген сөстүн үредүжине түнгөй болзын.

6-чы күнде сула, бала деген сөстөрдү үзүктөрүнө бөлүп ийер. Бөлүп ийерде, белетеген ол эки сөстүн баштапкы үзүктөрүн линейкала бөйтөйлө, нени көрүп туругар балдар десе, балдар бала дежер. Онын кийинде **бала** деген сөсти алала, балдарга көргүзөле, бу сөстүн **ла, деген** үзүгүн кайчылап алайын көрүгөр. Кайчылап алала, үзүгүн көргүзөр. Онын кийинде **ла, деген** үзүгүн көргүзөр. Бу не? – деп сураар. Онын кийинде доского кечире салган жоон линейка агаштын сол жанындагы учына **ба** деген үзүктү тургузар. Оң жанындагы учына **ла** деген үзүктү тургузар. Онойып тургузала, **ба** дегенин не деп сураар, **ла** дегенин не деп сураар. Онын кийинде **ба** дегенин көргүзөле, ончозына бир үнле айттырар, **ла** дегенин база онойып ок сураар керек. Эмди айдыгар **бала** деген сөсти эки башка көргүзөристе, кандый сөстөр чыкты? **Ба** дегени, **ла** дегени не деген сөстөр? Олорды коштой тургузала, эмди кандый сөс чыга берди? (ойто **бала...**). Эмди ойто айрыйын. Не болды? **Ба** болды. База **ла** болды. Олор сөстүн үзүктөрү. Олорды база катап бириктирейин.

Бала деген сөсти айтканда, кижинин оозы канча катап ачылар. Көрүгөр, мен айдайын. Эмди слер айдыгар, канча катап ачылат? Эки катап ачылат: ол сөстө эки үзүк **ба-ла**. Ол эки үзүктү (**ба-ла**) стенеге илип кой.

Бала деген сөстөрдү букварьдын кийиндеги листтен кезип алала, балдарга оны **ба-ла** деген үзүктөрүнө кестирип, ойто бала эдип, катап-катап сайып көрүгөр: **Бала** деген сөсти бүткүл бойына айдыгар, үзүктөрүнө салала, үзүктөрүнө айдыгар.

Сула деген сөстө кандый үзүк бар? Онын үзүктөрүн **бала** деген сөстүн үзүктөрүн бөлүп үреткен аайынча үредер.

Сула деген сөсти үзүктөрүнө кес, сура: баштапкы үзүгү (**су**) не? Экинчи бөлүгү (**ла**) не?

Доского кечире салган линейка **су** деген, **ла** деген үзүктөрдү салып, бала деген сөсти кычырган чылап кычырар. Бу сөстүн баштапкы үзүгү не? **Су** дегенине? **Су** деген үзүктү стенеге кадап кой.

Онын кийинде букварьдын 10-чы листиндеги «**ат суу ичип жат, бала суу уруп жат**» деген журуктарды көргүзөле, сура: «**Ат** нени эдип жат?». «Ол журуктын алдында не сөстөр бар? **Бала** нени эдип жат? Онын алдында кандый сөстөр бар?» Ол листтеги **суу** деген сөстөрдү таптырып кычырала, ол листтин сөстөрүн ончозын кычырт. Нени кычырды деп сурап угуп тур. Бу онынчы листке эки де күн үретсе, кем жок. Кандый балдар жакшы санаазына ол үзүктөрдү алызын деп үретсе, быжу үредү болор.

7-чи күнде Эне, бала, ал деген сөстөргө үрет. Былардын жаңы сөстөрү **эне** дегени болуп жат.

8-чи күнде салда деген сөскө үрет. **Салда** деген сөсти бөлиген, **сал** деп жаңы сөс чыгар. 12-чи листтин кычырт.

9-чы күнде кара деген сөскө үределе, **сула** деген сөстүн **да** деген үзүгүн жажырза, **сулада** деп сөс чыгар, база **ал** деген сөскө **ба** деген үзүктү жапшырза, **алба** деп сөс чыгар, **салба** деп жапшырза, **салба** болуп калар. 13-чи листти кычырт, **тура, кара** деген сөстөрдү үзүктөрүнө бөлүп ийген, **ка-ту, ту-ра** деп үзүктөр чыгар.

10-чи күн кату деп сөсти мынайда тапкан деп айдып бер: **ка** деп үзүккө **ту** деп үзүктү кожордо, **кату** деген сөс чыккан. Онойып ок (**Атка**) **атка** деп сөс табылган. Букварьдын 10 листтин кычырт.

11-чи күн «туга» деген сөскө үредерде, онын баштапкы үзүгүн (**ту**) билер үзүктү кезип алза, **га** деген үзүгү артар. Ол **да** деген үзүктү **бала** деген сөскө кошсо, **балага** деп сөс турар керек. База **сула** деген сөскө кошсо, **сулага** деп сөс табылар. Табылар букварьдын 11-чи листтин кычырт. База стенеге бичип салган сөстөрдү, үзүктөрдү жаантайын сурап турар керек. Ол тушта балдар кычырарга таскаарга белен болор.

12-чи күн. Балдар ол 15 листти кычырарга жакшы билип алган болзо, **ат** деген сөсти үндөр букванына бөлиир керек.

Оны мынайып бөлүп алар: «Мен айдайын, угуп турыгар». Бойын десе **а** деп үндү үспей, узада чөйноп турала, токтоп калала, сура: мен нени айттым? Балдар **а** дежер, оноң ары угуп турыгар. База **ла** **а** деп үнди үспей чөйноп турала, **т** деп чөйноп, үнди үспей бу **ат** деген сөс боло берер. Айдарда, балдардан сура? Кандый сөс чыкты? Балдар **ат** дежер. Эмди слер, балдар, мен деп чөйноп үнди үспей, бу **ат** деген сөсти айдыгар.

Айдар тушта аяктап турыгар **а** дегенин айдарда, слердин оос ачык турган ба айтса, жабык турган ба? Калганчызын айдарда, оозыгар ачык турган ба, жабык турган ба, тилигер тандайга тийди бе, жок по? Үредүчи бойы база катап чөйө айдып берзин. Онын кийинде балдарга айттырала, **тара** баштап нени айттыгар, экинчизинде нени айттыгар, нени экинчизин айдарда, тилигер неге тийди? Айдарда, деген үн буква эптү бе? Дегени эптү бе? Үредүчи кижини балдар **т** деген үн букваны айдарда, озо тилин тандайга тийдиреле, айтсын кичеер керек, оноң башка балдар оны **ят** деп айдар, үредү тескери барар.

А деген үн – буква үнгүр **у** деп айдылар, **т** деген тунгак деп айдылар, балдарга айт. Оноң ары **т** деген үн букваны тургузала, онын жанына **а** деген үн-букваны кожоло, бу турган сөсти **та** деп айдып,

кычырар деп балдарды үрет. Онон ары 2 см. јер божодоло, база **т** тургус, ого **а** деген букваны кошсо, база **та** болор, оны балдарга айттырып кычырт. Балдар **та** деп сөстөр айдып кычырар. Бу **та** дегени не? – деп сура. Бир **та** деген сөсти алала, арткан **та** деген сөстин **т** дегенин а дегенининг он јанына тургузала, бу не сөс (ат) деп суразан.

Баштапкы ла тужында үнгүр үн-буква јок, тунгак үн-буква айдылбайтан. Кожо айттыртып, балдарды үрет. База кычырар дегени, сөсти айдар дегени болуп јат деп балдарды үрет. **Та-та, ат** сөстөрдү балдар үзе тартпай, јарт, тыгыда айдып кычырзын. Онон ары **та** дегенин **т** букваны кошсо, **тат** деп сөс чыгар. Бу не учурлу сөс деп, балдардан сура. Онон соондо ологго буквалар береле, **ат, та, тат** деп сөстөрдү үредер. База оны букварьдын листтининг учында тарткан чийу алдындагы **ат, та, тат** деген сөстөрдү кычырт. Онын кийнинде бу сөстөрдү кол бичиирине үредер **ат, та, тат**. Балдар кажызын космой бичип турган болзо, оны жагыскандыра бир 3-4-5 катап бичидип турар.

Кол бичиги бу ла күннен ары башталар, мынын алдында кепке базылган бичик болгон.

13 күн экелди, берди деген сөстөргө үределе, оны үзүктерине бөлүп ийер болзо, **е** деп буква чыгар, база **экел, бер** деп сөс чыгар, **ди** деп үзүк чыгар.

14 күн эт, ат, та, тат деген сөстөрдү колло бичидип үрет. База 17-чи листти кычырт.

15-чи күн алды деген сөскө үрет, оны үзүгине бөлүзе, **ал** деген сөс чыгар, база **ды** деген үзүк чыгар, **сал** деген үзүкке **ды** үзүкти жапшырза, **салды** деп сөс чыгар. Кычырар 18 лист.

16-чи күн. Балдар деп сөскө үределе, онын учынан деген үн букваны бөлүп чыгарып алар. Онын кийнинде мындый букваларды кошсо: **э+р+т+е=эрте** деп сөс чыгар. База **ту+р=тур** деп сөс чыгар. База мындый чыгар: **тур+ды=турды; ба+р=бар; бар+ды=барды; та+р+а=тара; та+ра+ды=тарады.**

Кайчы. Кай-чы; кай+да=кайда. Балдар **р** деп букваны **ыр** деп айтпазын.

17 күн. От деген сөскө үрет. Оны букваларына бөлүзе, **о** деген үн буква чыгар. **О, ө** деген үн букваны өскө үзүктерге, сөстөргө кожордо, мындый сөстөр чыкты: **т+о+т=тот, о+р+т+о=орто, т+о+р+о=торо, о+турала=отурала, т+е+р+е=тере.** Буквалардан **от** деген статьяны кычырт.

18-чи күн 21 листтеги сөстөрдү. Жаңы сөстөр: **А+да+м** бичик кычырат. **Ка+т+чы, ар+ба=арба.**

Мынан ары балдарды бу «Жаңы школ» деген букварьла бу өрө айткан аайынча үредер. Кандый листте кандый буквага үредерин жаңыстан бичип койгон. Букварьда кандый ла жаңы сөстөр учурар болзо, јакшы ајыктап көрөр керек. Жаңы сөстөр јурук алдында бичилген. Ол эмезе кандый бир сөскө, үзүкке буквалар кожордо, жаңы сөстөр бүткен. Ээн јерге бу букварьга бир де сөс кирбеген. Ончозы јурукту кирген, ол эмезе сөстөргө, үзүктерге, букваларга үзүктер, буквалар жапшынарда, жаңы сөстөр табылган. Онын учун үредүчи энгирде эртен үредерин јакшы ајыктап көрөлө, бу жаңы сөс мындый аайлу табылды деп балдарга лаптап, айдып берип турар керек. Анайтпас болзо, балдар коомой үредилер.

Жаңы сөстөр табылганын јарт билерге турган кижиге кандый сөстөрдү, үзүктерди, букваларды балдарга үреткенин учетко алып турар керек.

Бу букварьдын 24 листтинде **деди** деп сөс бар, онызы мындый болды: **дер** деген үзүктинг **р** деген буквазын кезип ийерде, **де** артты. Айдарда, **де+ди=деди.**

Бу листте **тура** деген сөстөнг **у** деген үн букваны бөлүп алган.

Бу букварьдын листтерин учында чийип, алдында салган сөстөр балдардын үреткен ле буквазыла солынган сөстөр. Ол сөстөрдү уроктогы үреткенин ундытпаска кычырзын деп салган.

Павел Кучияк

ОЙРОТТЫН ОН ЖЫЛЫНА

Ұлгерлер жуунтызынан алынган:

"Совет Ойроттын өзүми" (Новосибирск, 1935. – С. 31-33)

Айас теңериден күн тийгендий
Алтайга большевиктер јеттилер.
Акту күчиле јаткандарды
Актардан айрыды большевиктер.
Бай-кулак, којойымдарга
Бар јөжөбзин тоноткон эди.
Большевик партия шылтуузыла
Башкарубыс совет болды.

Абыстар, камдар, јарлыктарга
Ас тапканын јидирген эдибис.
Пролетар революцияс келерде,
Амырлу јүрүмге баштандыбыс.

Ойрот область төзөлгөннинен бери

Онынчы жыл бүдүп жады.
 Он жылдык күчин көрөргө
 Ончо аймактардан албаты жуулды.
 Улу ыргалду күн көрөргө
 Ыраактан айылчылар атандылар.
 Жаан учурлу күн көрөргө
 Жака журттан айылчылар келдилер.
 Ол келген айылчылар
 Ойроттын жадынын көрүп турдылар.
 Он жылга жаранганын
 Ончозын көрүп кайкап турдылар.
 Аайын жазап шиндеп турза,
 Айдып болбос иштер бүткен.
 Сонуркап ончозын көрүп турза,
 Социализм жолго көндүккен.
 Комыргай баскан алтайга
 Колхоз-өмблик журт төзөлгөн.
 Кобы жикте айылдарын
 Деревнелү жерге жуунаткан.
 Байлар бийлеген жалаңдарга
 Батрак жоктулар биригиптир.
 Бай-кулакты жок эдерге
 Баштамы социализмди төзөптүр.
 Абра жүрбес жолдорго
 Автомобиль-аттар мантаптыр.
 Төңөш бектеген жалаңдарды
 Трактор-салда сүрүптир.
 Кошту аттар өтпөс жолдордын
 Корым оодылып жазалган турды.
 Абралу аттар өтпөс жыштар
 Агажын кезип арулаган турды.
 Оогош балдар жуулатан
 Ончо жерге ясля төзөлтир.
 Онон жаандары үренетен
 Ончо жерге школдор бүдүптир.
 Жаан улустарды үредер
 Ликпунктар көптөп төзөлгөн.
 Жаркынду жүрүмгө баштайган
 Клуб-туралар жазалган.
 Оны ончозын айылчылар көрүп,
 Бажын жайкап, кайкап турдылар.
 «Оок нация жарык көргөнн
 Октябрь революция шылтуузы» – дешти.
 Табыланып ончозын көрүп алдылар,
 Ойто жанарга сананып ийдилер.
 «Көргөн-укканды, төкпөй-чачпай
 Айдып барарыбыс» – дештилер.
Ойрот-Тура, 1932 жыл.

(Печатается по: Ерошин И. Песни Алтая. – Новосибирск, 1935. – С. 92, 96)

Иван Ерошин

У детей ойрота веселые лица.
 Дети учатся грамоте в школе.
 Черные заклинанья шамана
 Не набросят черных арканов
 На чистые мысли счастливых детей.

В черной ступке обтолкла
Колкий, жареный ячмень,
В жерновах смолола мягко...
Вкусный, сытный мой толкан!
Закипай скорее, чайник!

Чайник масла принесла.
Чистое масло.
Свежее масло,
Как тело девушки,
Молодой девушки.
Соль готова у меня.
Серебряно-синяя,
Как снег мерцающий
Под тонким месяцем.

1933 г.

Владимир Зазубрин

ГОРЫ

(фрагмент романа)

(Печатается по: Новый мир. - 1933. - № 7-8. - С. 47-49, 61)

Охотники остановились на опушке последнего леса. Головы лошадей были выше вершук низкорослых кедров.

У конских копыт лежала морщинистая равнина горной тундры. В ее складках и углублениях белел снег. На ней стлались скрюченные бурые стволы карликовых берез.

Эрельдей быстро мелькнул с седла, нагнулся над длинной полосой снега. Андрон грузно опустился с ним рядом. Безуглый с лошади увидел глубокие следы зверей. Они шли двумя цепочками. Одна — на юг, другая — на восток. Безуглому стало трудно дышать. Он не мог отвести взгляда от пятипалых отпечатков на снегу. Он не в первый раз видел следы медведей. Они всегда волновали его своим сходством с человеческими. Босые предки пробрели тут в утомительных поисках пищи. Он скоро увидит их волосатые мускулистые спины.

Безуглый, Андрон и Помольцев пошли на юг. Эргемей и Эрельдей — на восток.

Алтайцы были уверены, что охота будет добычливой. У них на этот счет имелись очень веские основания. Во-первых, оба они — Эргемей и Эрельдей — в ночь перед выездом из аилов видели один и тот же хороший сон, — им кто-то подарил по шубе. Всякому охотнику известно, что шуба во сне — значит убитый медведь наяву. Во-вторых, Кудаи, белобородый начальник, создавший ловушки и самострелы, получил белую овцу. Чаши, брошенные во время жертвоприношения с вопросом об успешности охоты, одна за другой упали дном вниз. В-третьих, сборы и выезд были проведены по нерушимым правилам предков. Дорогой они прошептали обращение к Алтаю:

В старину отцы наши ходили,
теперь мы, молодые, идем,
кружимся и потеем, неумелые парни.
Из охотничьей сумы нам часть дай.
Из твоей дичи нам хотя бы одну покажи...

На первом перевале около священного обо сделали вид, что раскладывают жертвенный костер. Набрали сухой травы, сучьев, сложили все кучкой, но не зажгли. На обо бросили по пуле вместо обычных пучков конских волос, ленточек или камешков. Разговаривали шопотом, на особом условном языке, чтобы звери не могли их услышать и понять. Ружье называли зятем, пулю — подарком невесты, медведя величали прадедом и великим человеком. Наконец, в-четвертых, Эргемей и Эрельдей очень хорошо знали места медвежьих весенних гульбищ и были далеко не такими неопытными на охоте людьми, какими выставляли себя перед Алтаем.

Алтайцы ехали спокойно, развалившись в седлах.

Русские шли пешком медленно и молча. Андрон часто наклонялся, разглядывал смятую и поеденную зелень. На мху и молодой траве следы были едва заметны. Безуглый задевал за камни, спотыкался, скользил на снегу и с робостью школьника смотрел на спутников. Он только тут заметил свои громоздкие городские ноги. Полушубок на нем топорился, расстегивался. Шапка лезла на потный

лоб, на глаза. Нож ерзал по поясу и очень мешал. У винтовки слишком громко стучали антапки⁷⁵. Безуглый был хорошим охотником на равнине. В горах он учился ходить. Сердце качалось у него в груди, как тяжелый язык набатного колокола.

Алтайцы первого зверя увидели на кривой луговине. Он щипал траву с низко опущенной головой. Он был совсем как безрогая и бесхвостая корова. Охотники сошли с лошадей. Эрельдей вытащил из кожаной сумы большой деревянный шар, утыканный длинными, острыми гвоздями с бородками, как у рыболовных крючков. Эрельдей держал его на короткой веревке. Он блестел иглами, как еж. Эргемей взвел курок своей шомпольной винтовки. Братья подползли к медведю. Эргемей поставил ружье на сошки, навел его на голову зверя. Эрельдей встал перед зверем с ножом и игольчатым шаром. Его отец, дед и прадед всегда стояли так же — широко и крепко расставив ноги. Зверь с силой потянул в себя воздух. Шерсть поднялась у него на шее и на спине. Эрельдей размахнулся и бросил ему колючий клубок. Он вскочил на дыбы, обеими лапами схватил железного ежа, накололся, заревел, цапнул колючки зубами. Колючки воткнулись ему в пальцы, в небо, в губу, в язык. Задиристые бородки привязали лапу к лапе и обе их к морде. Он бился, как связанный, сопел, урчал. Эрельдей подбежал к нему и, подпрыгнув, воткнул нож до рукоятки в косматую грудь. Медведь мешком свалился на бок. Задние ноги у него дергались, под шкурой ходили короткие волны. Эрельдей оглянулся на брата, крикнул:

— Вот как колю я, Эрельдей!

Шкуру снимали с шутками, старались ими обмануть убитого. Отделяя кожу от лап, уверяли, что только почешут ему пальчики, добравшись ножами до хребта, говорили, что погладят ему спинку, и в один голос клялись, что не они его убили, а русские. Ободранную тушу отстегали плетями, выбили у нее все зубы. Эрельдей отрезал голову, насадил ее на кол, опалил на костре. Эргемей звенел шомполами, выкрикивал:

Ходивши по земле с дудками,
подарок от невесты получил-де, скажи!
Ходивши по земле с пучками,
голову размозжил-де, скажи!
Видеть не мог — глаза маленькие,
оттого умер, скажи!
Мочиться не мог — он маленький,
оттого умер, скажи!..

Кол с головой воткнули в землю, выстрелили в нее по одному разу. Рядом положили слепленную из глины фигуру медведя. Они знали, что Алтай оживит сделанного ими зверя. Духи поэтому не узнают об убийстве одного из прадедов, не станут преследовать смелых охотников. На всякий случай они, впрочем, в нескольких местах поломали шомполами свои следы. Ведь духи могут гнаться за людьми, если следы их не тронуты. На испорченных они, конечно, бессильны. Отважные звероловы теперь спокойно могут тащить к стану и шкуру, и сало, и мясо медведя <...>

Алтайцы мясо зарыли в снег, шкуру спрятали в лесу. Люди не должны знать сегодня, что они убили своего великого прадеда. Рассказать об охоте сегодня, показать свою добычу — значит обречь себя на неудачу завтра. Эргемей и Эрельдей это правило твердо помнили. Они не скажут ни слова русским. Русским можно только дать понять, намекнуть, что братья Енмековы вернулись не с пустыми руками. Они сделали из веток кедра большой шалаш, разложили костер, отметили священную восточную сторону шнуром с девятью цветными лоскутами.

Андрон остановил Помольцева и Безуглого.

— Порядок ихний знаете? Глядите, надулись, ровно петухи, видать, добыли зверишку.

Эргемей и Эрельдей ходили около огня. Движения их были замедленны, спокойствие подчеркнуто. Лица, фигуры обоих преисполнены важности <...>

Охота была удачной. Четыре медвежьих шкуры — у Енмековых. Три — у Безуглого с товарищами. Переметные кожаные сумы раздулись от сала и мяса.

Горы до облаков были затоплены прозрачной водой. Облака покачивались на ней, как белые льдины. Вода текла по глазам охотников. Рукава и кулаки не помогали. Охотники ехали по дну моря. Шумы огромного человеческого мира не доходили до обледенелых подводных хребтов. В них была тишина. Безуглый слышал стук своего сердца. Копыта лошадей на донном льду позванивали, как колокольчики. В суминах густо хлюпал медвежий жир.

В сумерки охотники увидели знакомые аилы. Издали очертания стойбища казались рисунком дикаря на скале. Безуглый теперь внимательно разглядел нищенские аилы, ничтожные табуны скота, уз-

75. Антапка — скоба, дужка у ружья для крепления ремня.

кие полосы пашен. На межах лежали кучи камней. Горные земледельцы складывали их годами, расчищая неудобные поля. Деревья около кочевья стояли зарезанные, с белой оголенной древесиной. Кора с них была содрана широкими кольцами от корня на высоту человеческого роста. Ею кочевники покрывали свои жалкие жилища. Летовки и зимовки теснились в одной щели. Алтайцы кочевали на полкилометра в одну сторону, на полкилометра — в другую, на километр — вперед, на километр — назад.

У юрт Еимековых охотники съехались с Анчи и его гостями. Они возвращались с камлания — пятого по счету. Пять кобылиц — лучших лошадей стойбища — были разодраны в жертву Ульгеню. В юрте все сели вокруг очага, закурили <...>.

Длинные, окованные медью трубки сопели. Ни гости, ни хозяева не начинали разговора. Люди должны помолчать и подумать.

Первым поднялся хозяин — Анчи. Он вылил в очаг туяс жертвенного лошадиного жира. Дым толстым нефтяным столбом встал над юртой, уперся в синий потолок неба. Звезды в тяжелой копоти металась мелкими искрами костра, зажженного на весь мир. Анчи стоял как старший над всеми людьми и всем равный. Он роздал поровну каждому мясо, добытое на охоте его сыновьями. Никто не был обойден: ни старик, ни ребенок, ни сильный, ни слабый. Охотник Анчи знал, что тайга — мать людям, когда они при разделе дичи — братья. Люди будут счастливы, мясо никогда не переведется в их котлах, если они смогут справедливо делить свою добычу. Алтайцы отходили от Анчи с полными руками.

Павел Кучияк

ЈАНГАЛИФ

Улгерлер јуунтызынаг алынган:

"Совет Ойроттын өзүми" (Новосибирск, 1935. - С. 35-37)

Јараш чечек јайылгандый
 Јангалиф Ойротко көрүнди.
 Акту күчиле јаткандары
 Карузып оны уткугылады.
 Јаналиф деген айылчыбыс
 Јангыс јерге токтободы.
 Карангуйда улусты јарыдарга
 Кобы-јиктерге текшиледы.
 Јангалиф деген айылчыны
 Ончозы түнгей уткубадылар.
 Абыстар бичигине карулар
 Јангалифтин јаманын бедиредилер.
 Јангалиф бачым јамандаар
 Сүмезин озор таппай турдылар.
 Андый да болзо албатыны
 Араайынаг эптеп сөстөдилер.
 «Јангалифке јакшы үренерге
 Күчигер слердин чыдашпас.
 Јайаачы кудайдын адын
 Оныла чийерге јарабас» - дештилер.
 Акту күчиле јаткандар
 Абыс күүндүлерге айтканы:
 «Алдыбыста бистин турбагар,
 Абыстар тузагын салбагар.
 Јангалиф јолын бектебегер,
 Јайаачы бар - деп, мекелебегер.
 Јангалиф айылчы биске келген,
 Јарыкка бисти баштаарга келген!» - дештилер.
 Айылчы јангалифти комудатпаска
 Адаанчылар көптөп чыктылар.
 Алтай јерине таркадарга
 Акту бойына алындылар!
 Онон бери Ойрот јеринде
 Јангалиф таркабаган өзөк јок.
 От јарыгына јуулып,

Ого үренбеген улустар жок.
 Карагай төгөш чиригендий,
 Абыстар бичиги чирип барды.
 Жаш агаш корбологондый
 Жаңалиф бичигис корболонды.
 Жаскы карлар кайылгандый,
 Абыстар бичиги кайыла берди.
 Жаңы жүрүмгө баштайтан
 Жаңалиф бичигибис тыңый берди.
 «Кызыл Ойрот» газедибис
 Кыйгыла жаңалиф таркадып жат.
 Колхоз, совхоз ишмекчилери
 Кожонго жаңалифти мактап жат.
 «Жарык жолды көргүскен
 Жаңалиф бичиктин ийдези.
 Жалдан, кулдан айрыган
 Ленин башчыбыс ийдези».
 «Колго туткан бичигибис
 Жаңалиф атту ол болды.
 Кулга жүрген бойыбыс
 Колхоз журтту болдыбыс» – деп.
 Отко салып өртөп болбос,
 Кайкагадый боло берди.
 Оодо согуп, таштап болбос,
 Тен текшилей табыжа берди.
 Жаан үредүни билерге
 Жаңалиф биске болушты.
 Жаан-жаштарды ончозын
 Бичикчи эдип үретти.
 1933 жыл.

Захар Шадрин

НА БИЕ

(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1934. – № 3. – С. 149)

В бухте неба
 Не волна ль зари
 Захлестнула
 звезды-фонари?
 Шитик-месяц
 спрятал паруса.
 Шторм весны
 бушует
 по лесам.

Льды взломав,
 шумны
 и веселы,
 Заиграли
 ходуны-валы,
 И сейчас
 ни птице,
 ни зверьку
 Не узнать в тайге
 свою реку.

Зашумели
 берега реки.

Забурлила
кипень суеты.
Торопливо
вяжут сплавщики
Грузные,
огромные плоты.

Топоры
калятся добела,
Запотели пилы
от жары.
И душистей меду
потекла,
Что слеза,
смола
из-под коры.

Скоро Бия
на плечах крутых
Понесет
тяжелые плоты.
Понесет
веселые суда
От верховий
к шумным берегам.
(Колхоз «Рассвет»).

*Ўлгерлер жуунтызынан алынган:
«Совет Ойроттын өзүми» (Новосибирск, 1935)*

М. Шанмаков

ГРАЖДАНСКИЙ ЈУУ (С. 18-21)

Кыр бажынаг күн ажып,
Кызыл энгир кире берди.
Кыйгаа жылдыс чыгала,
Энгир кыза жарый берди.
 Јалбак кобынын ичинде
 Кезек аланчык айылдар туру.
 Коштой турган чедендерде
 Эки жагыс малдары туру.
Коштой түшкен кобыдан
Колесниковтын бандиттери
Амыр жадынын коскоргылап,
Ас јөжөзін тонодылар.
 «Кой-кураннаг сойып,
 Түрген-түүкейлеп ажанаалы,
 Түннин бойында атанып,
 Угар коммунисттерин кыралы» – дешти.
«Уйкуга бастырган тагмаларды
Колго тудуп сойорыс.
Коммунист болгон башчыларды
Кара баштарын кезерибис» – дешти.
 Анча-мынча болбоды,
 Колесниковтын кыйгызы угулды.
 Эки-бир деп тоолошты
 Ээчијип јортып көндүкти.
Арка јердин агаштары,
Кобы јердин јуукалары,

Айыл тоноочы бандиттерге
 Көөнү жолун бербей турды.
 Угар бажынын жыбары
 Үзүк жоктон күүлеп турды.
 Апоят баштаган партизандар
 Ок, мылтыктары белен турды.
 Партизандар баскылап,
 Арка тууларды ачыктап,
 Кобы жиктерди шинжилеп,
 Окпозиреп турдылар.
 Ак-боро атту кижин жүрди,
 Кобы-жикти төмөн түжүп,
 Куудан өлөңдү жайа базып,
 Партизандарга жууктап келди.
 Ак-буурыл башту бойы
 Партизандарла табышташты.
 Анча-мынча болбоду,
 Апоятка жууктады.
 Ат үстүнөн түшпөстөн
 Апоятка жаба келди.
 Эзен-амырын угушпастан
 Эрмек сөзүн айдынды:
 «Туура кобыда актар келди,
 Камык айылды тоноды.
 Коммунисттерди жуулар – дешти,
 Угар жаар ууланды» – деди.
 Апояттын командазы
 Аткары Поорой, Токуштар,
 Жана баспас партизандар,
 Угарды өрө жорттылар.
 Кедери бажына чыгала,
 Келер жолуна отургылады.
 Талтар куш уйку жок
 Таң атканча тартылдады.
 Таңдак төзи жарып келди,
 Тарталдыг үни сериди.
 Тозуулга турган партизандар
 Кыракыланып турадылар.
 Коңырлары терлеген,
 Колесников баштаган бандиттер
 Узун тунге уйуктабаган,
 Угар бажына келдилер.
 Арташ кырына жууктагылады,
 Алтыгы учында мылтык атты.
 Аткары мылтыктын табыжына
 Арка-туулар күүлей берди.
 Базынчыкту бандиттер
 Барар жолун таппай тургулайт.
 Ары-бери жайылгылайт,
 Аткары октон жыгылгылайт.
 Көзи канду бандиттерди
 Кол табына салбады.
 Көкип келген жолун тозып,
 Экиден-жангыстан тудуп алды.
 Кызыл маанызы жалбырап,
 Кожонбыла ойто жортты.
 Калын албатыны амырадып,
 Жангыдан баштап журт төзөди.

Ойрот-Тура, 1934 жыл.

ҮЙ УЛУСТЫҢ ЭМДИГИ ЖҮРҮМИ (С. 34-35)

Коммунист партиянын баштаганыла
 Кату жүрүмнөн айрылгылады.
 Калымга садылган үй улустар
 Бай-кулакка бажырбас болды.
 Үй улус жарык көрүп,
 Үндү правоны колго алдылар.
 Октябрь революциянын шылтуунда
 Ончозы жайым жүрүмдү болдылар.
 Озогыда кыйынду жүргендер
 Онду жолды таап алдылар.
 Онон ары барар жолына
 Ончозы бир болуп турулар.
 Жалчы болгон үй улус
 Жазал иштин мергенчизи болды.
 Жүрүм жадыжын тыгыдарга,
 Жүстөг-муннан бириге берди.
 Совет башкарудун болужыла
 Буржуй тазылын кезе чаптылар.
 Буудакту жолдорды өдүп чыгала,
 Социалист жазалду ижин эттилер.
 Большевик колхоз учун туружар
 Колхозчы үй улустар көптөп жат.
 Жайзан-байларды тепсей базып,
 Жүрүмдерин өңжидип жат.
 Түрөнгү жүрүмдү үй улустар
 Түнгөйлешип бичикке үрендилер.
 Маркс-Ленин-Сталин теориязыла
 Мерген бойлоры жепсенип турулар.
 Соц мөрөйдү көндүктирип,
 Социалист малды кыймырадып,
 Деремнелер-журттарын төзөөргө,
 Делегаткалар кичееп турушты.
 Мөңгүндий жарык жарый берип,
 Мөңгүлик жүрүмгө жединдилер.
 Лениннын маанызын жайа тудунып,
 Международный күндү уткуп турулар.
 Куйум, 1934 жыл.

Павел Кучияк

КОЛХОЗЧЫЛАРДЫҢ КОЖОҢЫ (С. 70-71)
(Серемжилү кожонг)

Комургай бажы не чолтык
 Койон кыйган болбос по?
 Колхозтын ижи не уйан
 Кулактар кирген болбос по?
 Балтырган бүрү не сары
 Корон чалын түшкөн бе?
 Мал өзүмү не тутак
 Байлар колы тийген бе?
(Колхозты тыгыдар кожонг)
 Эмдик атка не керек?
 Ээр уйгени бек керек.
 Өмөлүк журтка не керек?
 Большевик башчы оо керек.
 Калтар атка не керек?

Кайыш колон бек керек.
 Колхоз журтка не керек?
 Коммунист башчы оо керек.
 Коңыр тайга минерде,
 Алтын түги сынбазын.
 Колхоз журттын ичинде
 Кулактар жыды жок болзын!
 Кара тайды мингежин,
 Күмүш түги сынбазын.
 Коммунизмга баргажын,
 Байлар жыды жок болзын.

(Ижемдилү кожон)

Жалбырагы түшкен агаштар
 Кургап калар дебегер.
 Колхоз журты байлар жок
 Түрөп калар дебегер.
 Аркадан өскөн агаштар
 Чирип калар дебегер.
 Артель журтта байлар жок
 Аштап калар дебегер.

Бүри түшкен агаштар
 Жай келгежин бүрленер.
 Жутпа байлар жогына
 Журтыбыс бистин жаранар!
 Аркадан өскөн агаштар
 Төзинен ала корболоор.
 Ачап байлар жок болзо,
 Журүмибис бистин жаранар.

Ойрот-Тура, 1934 жыл.

Исай Тантаев

ЖЫРГАЛ БИЧИКТЕ (С. 74-75)

Жанар куштын уйазы
 Жаш агаштын бажында,
 Жаан-жаштын жыргалы
 Жараш бичик ичинде.
 Учар куштын уйазы
 Узун агаш бажында.
 Канча жоннын жыргалы
 Кызыл бичик ичинде.
 Колхоз журттын жазалын
 Жарандылар бичигис!
 Коштой отурган балдарды
 Уредетен бичигис!
 Карангуйды жарыткан
 Кара-чоокыр бичигис!
 Капитал журтын чачарга,
 Болуш болор, бичигис!

Чолушман, 1934 жыл.

Павел Кучияк

ШИНЖИЛЕТКЕН ЖУУЧЫЛ

(Кепке базылганы айынча: Кызыл Ойрот. - 1934. - № 129)

Таң жарып келди, Аскааттын суузы түниле ташка согулып акканына күчү чыга бергендий араай чыдырап агып жадар өйдө, Абекс деп байдын койлоры жадынан тургулап; «ончогор жакшы кондор бо?» - деп суражып тургандый мааражып чыгарда, чеденнин толыгында тыттын чөбрөзиле жазаган

јапаштан койчы Володька кенетийин турды.

– Ой, калак, өткүрө уйуктап калдым ба? – деп, чочыган бойынча турала, озоло Абекстин айылы жаар жапаштан шыгалап көрди. Абекс көрүнбесте, уйкудан турбаган жат – деп, Володька сүүнип өрбө керилерде.

– Сен неге табыланып керилип турун, койлорды айдап апарбай а-а! – деп, Абекстин үни угуларда, кайра бурулып көрөрдө, айуунун таманыдый Абекстин колы Володьканын мойнына келип кадала берди...

Койлорды Аскаттын колы меезине чыгара айдаган соондо ло, эки кулагынын ачып турганын Володька ондобогон, сыймап турарда, колы канга уймала бергенин жаңы ла көргөн.

– Акыр, «Сен ундуганда, мен эзегенде болзын» – деп, Володька жаан улустардан уккан аайынча, бойы эрмектенип, чөкөгөнчө ыйлап алды.

Мындый жүрүмди Володька кару сүүген энези өлүп каларда, адазы экинчи кижилү болордо, сегис жаштан ала көрди.

Жылдар өттү, албаты собырылды, Октябрь революция болды, акту колкүчтүлөрдү кижини күчүн жиитен капиталист бай кулактардан айрып аларга, большевиктер турушты.

1921 жылда январь айда он беш жакын жаңы ла баштаган Володька Тырышкин – деп, кызыл партизандардын сүүген командирдин отрядында кожо болды. «Кижини күчүн жиген бай кулактарды ла олардын Колчак кулактарын жок эдер» – деп сөсти Володька мында укты.

– Сен кичинек кижини соок кышкыда бисле кожо канайда чыдажарын? Торт ло айылда отурар керек – деп, кезик партизандар Володька баштап келип кожыларда, айдышкан.

Жок, мени тегин де бандиттер тын соккон, кызылдарга бисти айткан деп. Онын учун мен слерден айрылбазым! – деп, Володька мойноп туруп, партизанга бойы кирген.

Эң ле баштап Јаланый Бажына бандиттерди сүрүжип келеле адыжарда, Володька жардынаг мылтыгын чечерин ондонбой, коркыган бойынча, ары-бери жортуп, тура калган. Ол тушта Тырышкан Федор ло Еркејаш деп командирлү бандиттердин колынаг јети партизан пролетар революция учун өлгөнүн Володька көрөлө, јаш жүреги кайыла бергендий болды. Володьканын бу күнге јетире сагыжынаг чыкпай турган неме: «Совет башкарузы эзендик болзын!» – деп, өштүнүн огынаг өлүп брааткан партизаннын кыйгырган калганчы үни болды.

– Нөкөрлөр, бис өштүлөрдөн коркып, бир де кичү кайра барар учурыбыс жок. Бу бандиттердин огынаг өлгөн јети нөкөрдүн сөбгине карганып турубыс. Слердин жүрүмди алып койгон өштүлөрдү качан да бис јенгерибис, слердин алатан өчти бис аларыс – деп, комрот нөк. Тырышкиннын куучынын уккан соондо, Володьканын эдинин соогы озо баштап јайылган, онын кийинде кенетийин изий берген. «Акыр, слер ундуганда, бис эзегенде өчибис алар болорыс па?» – деп, Володька сананган сагыжын эрмектенип ийгенин ондобой калды.

Экинчизин, Бело-Ануј деп јерде Колесников ло Орлов деп эки командирлу бандиттерле табарыжып јуулашкан. Бу тушта Володька өштүлөрдү лаптап адарга, таскап калган тужы болды.

Володька күнүн күнге чөрчөктөгү кезерлер бодолду өзүп жүрди: «Эр өлбөскө эрјине бе, ат өлбөскө алтын ба?». «Бандиттерди ончозын колго тутпаганча, партизандардан айрылыш жок» – деп, бек сагыжына бүдүп жүрди. Өштүлөрдөн коруланар керегинде отрядтын алдынаг шигжү эдер кижини Володька болды. Байлар ундыганда, Володька эзегенде өчин алып көндүгө берди.

1922 жылда јаскаары Володька өскө нөкөр партизандарыла кожо 4-чи кавалерист дивизиондо 2-чи алтай эскадрон (ЧОН-го) кожылды. Ондө кожылган соондо, Алтай ичинде Колчактын арткан калган Кадын ичинде Семенектин, Бий ичинде Штанактын, Кадын өрбө Төжлейдин, Карманнын бандиттерин үзе колго тудар керегинде кожо турушты.

Нөкөр Володя 1922 жылда комсомолго кирген. Ол тушта онын биледине Владимир Иванович Ябыков деп чийилген эди. Онон бери алты јыл өткөн, 1928 жылда «Владимир Иванович Ябыков јуртсоветке келзин» – деп, элчи болды. Володька укканча ла јуртсоветке једип келди.

– Акыр мен эки јыл бодолду партизанга жүрген кижини эдим, менин јөбим јеткен болбой? – деп Володька эмеш мойножып турала, токтоды.

Ябыков Владимир Иванович 1928 жылдан ала 1930 жылга јетире мактулу күнчыгышта Кызыл Черүде турды. Бойынын 15 жакынаг ала большевиктердин үреткен-таскатканыла, Володька Кызыл Черүде социалист јуртты корыйтан бойынын чын ийдезин көргүскен керегинде Совет Союз Володьканы Кызыл маанынын ордениле сыйлап күндүлөди.

Онын учун Сибирь јерин Колчактан айрып алганынаг 15 жылдыгын байрамдап, большевиктердин, партизандардын бу керекке бойлорын беринип тургусканын база түнгөй садышка алынып адабаганча болбос болуп јат.

Ойроттын јашбөскүримдери санааларына тудунып, «олордый ок јуучыл геройлор болдыбыс» – деп, адаркагадый нөкөрлөр жаңыс Володя Ябыков эмес, ого коштой туратан ада-јаштан партизан болуп, Алтайдын акту колкүчтүлөрүн Колчактын, Кара Корымнын бандиттарынаг айрып аларга

өлөр тынына ачынбай турушкандар: Ваня Тадыш, Ваня Толток, Леонид Таушканов онойдо өскөлөри де көп.

Бу нөкөрлөр алдында чырайларында эрү жок бандиттерле канайда жеңижип, учына чыккан эди, онойдо ок эмди чырайлары күлүмзиренип, социалист журттың башчылары болуп, канча мундарды баштап, класс болуп бөлүнишпес ырысту жүрүм-жадынга апарып жадылар.

Совет журтты корыырга келигер! – деп, партия ла башкару кажы күнде кычырза, ол ло күнде Ойроттын жашөскүримине таскамыр башчылар болуп барарга, олар качан да белен туру.

ЕСТЬ В МОСКВЕ ЧЕЛОВЕК

(перевод с ойротского)

Записано в 1935 г. со слов комсомолки Эштен Этибесовой*
из Онгудайского аймака Ойротской автономной области

(Печатается по: Творчество народов СССР. – М.: Правда. – 1937. – С. 136)

Наш Алтай славен деревом дивным одним.
Драгоценно оно, хорошо нам под ним
В ясный день и в ненастье.

Есть в Москве человек, честь и слава ему!
Драгоценней его нет для нас, потому –
Дал народам он счастье.
Что ж за дерево это, что солнцу настречу
Рвется, соки беря из породистых недр?
– Это – кедр! Это – кедр! – я любовно отвечаю,
– Это – кедр!

Кто же тот человек, что к трудящимся вышел,
Сея счастье и радость вокруг?
– Это – Сталин, – я крикну, чтоб мир весь услышал.
– Это – Сталин, наш вождь и друг!

* Этибесова – примеч. ред.

Коста Филатов

КИРЕ СӨСТИНГ ОРДЫНА

Кепке базылганы айынча:

"Совет Ойроттын өзүмү" (Новосибирск, 1935. – С. 3-5)

Октябрь революциянын алдында Ойрот албатынын акту колкүчиле жаткандары, орус кааннын бийлерине, койоймдарына, абыстарына бир жанынан, бойларынын жайзандарына, байларына, камдарына, жарлыктарына экинчи жанынан, кыйнадып, жидирип, шыралап журтап жадатан болды. Мындый журтпа-жимекчилери, колкүчтүлөргө культура бүдүрүп берер деп темей жерге сакылта болды. Орустың капиталисттери, Алтай жерге экелип турган «культуразы» – миссионер абыстардын меке кудаы жан ла койоймдардын кабак аракылу тонош-жимеги болды. Алтай байлардын дезде, кыйынду тал чыбыгыла, кам ла бурканның меке жангы болды.

Октябрь революциянын алдында Ойрот тилиле бир де жангыс художественный бичик, пьеса-ойын жок болгон. Же бичик бичиир, бойынын төрөл тилиле бичик жазаар Ойрот улустаң бир де писатель кижы жок болгон. Ненин учун дезде орус капиталисттердин ле алтай байлардын культура керектеп бир де неме бүтпей, жок болгонын, биске јарт көргүзип туру. Же бу журтпа-жимекчилер ондый культурный керектер бүдүрөрдөң, олар культуранын төзөлгөзін – улусты ончозын бичикке үредип аларына сыраңгай кичеесес болды. Ойрот улустын бичик билери јук ле 4-5 процентке једип турды.

Орус јеринин ишмекчи класс албаты 1917 јылда, Октябрь айда, пролетар революция эдин салала, каандыла капиталист башкарузын ордынаң чачала, Совет башкаруу тургузып алала, бастыра национал албатылардын колкүчиле жаткандарына јайым жүрүм жадыш берди.

Канча чакка кыйнадып, көп шыра көргөн Ойрот јеринин колкүчтүлөри Совет башкарулу болуп алды. Орус пролетарлардын болужыла коммунист партияга баштадып, бойынын јери-јуртында социалист иш иштеп тура берди.

Не ле мал-аш јөбжөзи өңжүп, көдүрилип келип, албатынын јадар-јадыжы јаранын браатканыла

кожо, Ойрот колкүчтүлери, пролетар культуранын болушуна, бойынын социалист культуразын тѳзѳп, иштеп тура бердилер.

Је эн баштапкы жылдарда культура керегин башкарып, база культура ѳткүрүп турган учреждениелердин кезигине националисттер кирип алала, Ойроттын пролетар культуразын баштапкы ѳзүп, чыгып турган корболорун кѳмѳ базып, јок эдерине албаданып туратан болгон.

Кал јүрөктү, Совет башкаруунун ѳштүлери – националисттер – В. Тозыяков, Мирон Мундус-Эдоков, Г. Токмашов, П. Тыдык, ошон до ѳскѳлѳри. Ойроттын колкүчтүлери орус пролетариадына кол туджып, бирге жаңы јүрүм баштап, иштей бергенин кѳрүп, ого күйүнүп, бойларынын башчыларына Л. Эдоков ло И. Зяблицкийге баштадып, Ойрот колкүчтүлери ле орус пролетариадын чагыштырып, олардын ортозына озогы аайынча ѳч саларына кичеенип турдылар. Олор бу бойынын каршу керегине чыгарып турган жаңы бичиктерди тузландылар. Олор ол бичиктерде јүзүн-базын националист стихтер, кожондор, куучындар базып, чыгарып турдылар.

ѳзѳк-кобылардан, јоктулардын ла батрактардын бичип алган кожондорун, стихтерин, куучындарын кепке базып, чыгарзын деп ийип турарда, олор оны кепке базып, јуртка таркатпас болгон. Жаңы јайым јүрүмге, Совет башкарууга, коммунист партияга учурлап бичиген кожондоры, стихтери олардын күйүн-санаазына јарабай турды, олор ондый бичиктерди туйуктап, кѳмѳ базып, чыгарбас болгондор. Коммунист партияга баштадып, ойрот колкүчтүлери, мындай јутпа ѳштүлери сезип билеле, илезине чыгарып алып, олардын кор эткен керектери учун бурулап, суралтазын берип, тоскырып салды.

Бу баштап чыгарып турган «Совет Ойроттын ѳзүми» деп ойрот писательдердин ле баштап писательдер болорго јүрген јиит ѳскүримдердин сборниги, Ойрот областьтын јурттары ичинде канча бар стихтерди ле кожондорды, бу сборникке ончозы салынган деп айдарга болбос. Бу сборникке базылганы тоолу улустын бичигени болуп јат.

Сборникке кирген стихтерди, кожондорды, јурт улустын ортозынан јууп, оны литературный јанынан јазап турар ишти ойрот писатель болгон П. Кучияк ѳткүрди. Бу сборникте жаңы ѳзүп турган писатель болорго јүрген колхозчы јиит ѳскүримдерден: Кудачин Токна, Шагмаков, Иван Эдоков, И. Полошев, Моможоков, Чаминов, Тантыев, ошон до ѳскѳлѳри болуп јат. Шак бу јиит ѳскүримдердин бичиген стихтерди, кожондорды јилбиркеп кѳрүп, ајаргадый керек болуп јат. Мындай улустар бистин Ойрот литературада кѳп болзын деп бистер ончобус кичееп турарга керек.

Бу базылган стихтерле кожондор, писательский техника јанынан јеткилдү јакшы бичилген деп, ончозына айдарга болбос. Стихтерде техника јанынан једикпестери эмди де кѳп, техника ла тил јанынан бистин Ойроттын јаан-јаш писательдер озогы алтай чѳрчѳктѳрдѳн үренер керек. Сѳстин эптүзине, чеченине, тилдин байына чѳрчѳктѳр болуп јат.

Бу чыгарып турган стихтердин ле кожондордын баштапкы сборниги Ойрот областьта ѳткѳн гражданский јууны, Совет Ойроттын социалист јазал ижинин ѳзүмин кѳргүзип јат, бу стихтер ле кожондор агитация јанынан чала ажа конуп турганы бар. Бу јанынан кѳрзѳ, олор бугүнги күндерине чала эмеш сондоп, ѳткѳн күндердеги ишти ле јенүлү тартышты кѳргүзип јат. Је ондый да болзо, бу стихтер ле кожондор бистин Ойрот областьтагы колкүчтүлери коммунист партияга баштадып ѳткѳн јолун, художественный тилиле чокым кѳргүзип јат.

Мындай сборникти бистер баштап ла чыгарып турганыбыс бу болуп јат. Онын учун ондо кажы кижин јанынан једикпестери магат јок бар болор. Ойрот областьтын писательдерине ле жаңы писатель болорго јүрген јиит ѳскүримдерине база бу сборник кычырып турар улустарга издательство иженип туру. Бу сборниктин чыкканына олор жаңыдан жаңы стихтер, кожондор бичип, јурт улустын ортозынан оны јууп, писатель болгодый улусты үзери жаңыдан кожып, ончо јууп, бичип турган стихтерди, кожондорды, куучындарды, чѳрчѳктѳрди бистин издательствого ийип туруп, мынан ары мындай ок сборниктер чыгарып турарына биске болужар деп турубыс.

Јаңы бичиген стихтерде, кожондордо, куучындарда жаңы сүмчилү аргалу колхозтын јүрүм-јаджын, жаңы атту-чуулу (герой) болгон кижилерди учурлап, бичип турар керек, тѳрѳл болгон Совет јурттыбысты бѳкѳ, күчтү эдип аларына, тынын кысканбай, бастыра бойын социалист ишке беринип турган кижилерди бичип, албатыга кѳргүзерге керек. Совет социалист ойроттын, канча јүзүн-башка иш иштеп, бѳдүрүп турган ижин, алып турган јенүлерин, онын атту-чуулу улустарын стихтерге, кожондорго, куучындарга бичип, ССР Союз ичинде албатыларга билдиртер керек.

Коммунист партияга баштадып, бистин јутпа ѳштүлерисле – националисттерле, база шовинисттериле күйүн-кайрал јоктон тартыжып, ончобус бирге туруп, бѳдүжинде социалист, кебеделинде национал культура бѳдүрерине ичкерилейдилер!

УЛУ СТАЛИНГЕ ОЙРОТ АЛБАТЫНЫҢ БИЧИГИ
(Кепке базылганы айынча: Кызыл Ойрот. – 1936. – № 104)

Телекейде ады чыккан
Ойгордон ойгор улу Слерге,
Јаан јенүлер јолыла
Орооныбысты баштап турган
Уредүчи башчыбыска,
Төрөл бистин адабыска,
Бүдүн телекей үстине
Јаан улу адыгар чыгып,
Унгүр јаан макка кирген
Слерге,
Сүүген бистин командирге,
Ырысту Алтайдын ыраак тууларынан
Бис уткуул күүндү сөзибис
Айдып турубыс, адабыс!

Казыр бштү айрып болбос
Коот-јыргал јүрүмисти,
Кайралду бистин ижибисти
Јартап Слерге айдып берер деп,
Јазап турубыс бу бичикти.

Төрөл болгон Слерге
Төзинең бери айдаалык.
Улу башчыбыс Слерге
Учунан бери айдаалык.

Эбирилип келбестен
Эртип барган озогызын.
Элди-јонды јайнадып,
Эрјине канын төккөнн.

Јокту јойу ойротты
Јободып шыралатканын.
Јоо-калакка түжүрп,
Јоктунын канын төккөнн.

Калык-јонды калактаткан,
Каргышту јылдар ол болды.
Канчанын канын төккөн,
Канду јылдар ол болды.

Ол тушта бисти кем шыралатпаган?
Ол тушта бисти кем ыйлатпаган?
Ол тушта бисти кем тонобогон?
Ол тушта бисти кем кулданбаган?

Джунгариянын хандары
Каандар, јайзандар,
Байлар, којойымдар,
Абыстар, камдар –
Олор ончозы бисти тоногон,
Түреткен, кулданган, ыйлаткан.
Камчылаган, чыбыктаган,

Алкы бойыбысты жайнадып,
Ар-жөөжөбисти блааган.

Кресттү эместерден калан алар,
Кирелте эдип, жөөжө тоноор,
Киркиреп отураарга, мак алар – деп,
Жутпа којойымдар кийиннен
Ачап-сыйап ийт ошкош
Казыр кату каан сайыттар
Көк Алтайдын жерине
Көк бөрүлөр келетен.
Кирген бистин журттыбыс
Кирлү соок айыл болгон.
Кийген бистин кийимис
Кертилген самтар болгон.

Агдап тапкан алуубысты
Алкы бистин жөөжөбисти
Ачап жутпа жеткерлер
Актуга тоноп баратан.

Калыкты кулданган каандар
Камык бистин жөөжөбисти
Калык-жон бистерге
Калакту түрме эттирген.

Аш бүдер, мал турар
Аргалу жакшы жерлерибисти
Албаты мекелеген монастырлар
Албанла бистен айрып алган.

Каласка мал тайган,
Канзак казыр кам ла кожо.
«Улу Христос серкпе» – деп,
Улусты абыстар кожо тоногон.

Көзистин ачу жажын
Көлдөдип, озор төктирген.
Көп жөөжөбисти жип алып,
Көпкөнчө семирген.

... «Орус кижинин (кожойымнын) көчкүн инородецке төлүгө берген малта, ол эмезе эски сопок бүк бир төрт жылдын бажында жүс салковойдын адынын бодолына жедетен, удаан жокко бир уур малдын бодолына жедип туратан, ол уур малды жалтанбай садучылар, өскө сөс жокко айдап алып баратан, ээ-зине дезе, кизи ажыра айттыратан – малды мындый кизи айдап барды деп ... бир пуд арба эки жылдын бажында 25 пуд кузукка ол эмезе оног до көпкө жедетен деп, Алтайский духовный миссиянын начальниги мынайда агылап бичип турган»...

{Л. П. Потанов. «Ойротия историязынын очерки»}.

Казыр каанын бийлери
Канду теристи сорып ичкен.
Каанын кату жаңы
Казыр ондый жакылта берген:
– Кара албатыны кату тутсын,
Кайыш чылап түре тутсын.
Өрө күн көргүспезин,
Өлүмтикке жуук тутсын – деп.
Куурмактап жийтен кожойым
Кааннын кабак аракызыла

Калыкты эзирте аракыладып,
Камык јөбжөзин тонойтон.

Каан ширезни јайзандар
Камчы чыбык күчиле
Калык бисти јайнадып,
Каныбысты ичетен.

Казыр байлар теристи
Кан чылап сорып ичетен.
Кайран бистин күчибисти
Калаптанып озор јийтен.
Түрелтелү ол јылдарды
Тырлашпай канайып сананар!
Право јоктын ол өйлөрдү
Бистер ачуурканып эстенер!

Азыраган бистин балдарыс
Ачу ооруга алдыратан.
Азырап өскүрип келгенде,
Арга-ырыс јок болотон.
Эки тулунду эмеендер деп,
Эзилеп кижиге бодобойтон.
Эрјине јүрүмдү болзын деп,
Эп-аргазын бербейтен.
Көзинин јажын төгүп,
Көөркий энелер кыйын көргөн.
Айылдан ары јол јок
Алкы бойлоры карангуйда болгон.

Шак бу мындый јүрүм учун
Албаты бистин ада-өбөкөбис
Шыралу јүрүмге чыдабай,
Ачууланып мынайда кожондойтон:

Эки де чакка јуртазан
Өскөн өлгөндү бодоп албазын,
Эскиде алтай учун кан төккөнин,
Эр јажына тоолоп албазын.

Алтайдын бастыра суун бирге урза,
Анаң јаан талай болор.
Албатынын төккөн көс јажын бир этсе,
Анаң јаан теңис болор.
Јабаганның чөлинде
Јыбар јоктон тым туру.
Јаңыс ла байдын айлында
Јыргал ойын бар туру.
Кайрылыктын туунда
Калју салкын туруп јат.
Јайзан байдын айлында
Јыргал коот өдүп јат.

Ачап байдын айлында
Аштын јүзүни бар эмтир.
Албатынын күчиле
Амтанду шкир таптыр.

Көп торко кийимди

Кийген кижиге бар эмтир.
Кебис ширдек жөөжөзи
Керик байда болуптыр.

Жоктуунун айылын көргөжин,
Жарыкта эмес карануй.
Эш неме жедикпес
Эл жүрүмү көргүсти.

Бийле кожо биригип,
Бай байыган болуп жат.
Бисти олоор жамандап,
Быярга бодоп жат.

Кирбигистен жаш түшпес,
Күндөр качан болгой не?
Киндигиске кир түшпес,
Качан чактар келгей не?

Калак корон-кокый
Качан жокту-жойу
Коот-жыргал жүрүмдү,
Коолондыра жүрүмин көдүрөр?

Мындый ачулу кожондорды
Озогыда бис кожондогонубыс,
Жайнулу жылдар тужында
Качан бистинг каныбыс –
Жайзаңга, байга, бийге, абыска,
Кожойымга, камга кайнар тужында,
Кайран жокту албаты учун
Жүрегис бистинг катуланып,
Жупаларла тартышканыбыс!

Канча катап каныбыс төгүп,
Кара көзүбистен жаш төгүп,
Кайрал жок кату жүрүмди
Каргап бистер туратаныбыс.

Каргышту казыр бштү болгон,
Байлар-буржуйларды жок эдерге
Жалбыш окло жүрегис толгон,
Ада-таадаларыбыс көп тартышкан.
Кандый бис коот жыргалду уткыдыбыс,
Качан октябрьдын күндеринде
Калык канын ичкендер
Каруунча жыгылып түжерде.

Канчаны жайнаткан сайыттар
Каанын канду каруулчыктары.
Канду ийттер кожо жыгыларда,
Калык-жөн сүүне берген.

Же ондый да болзо, Алтайда жарык күндү
Ырыс-жыргал жүрүм тургуза болбоды.
Канзак каан башкарууну антарза да,
Бир канзак ийттер ордына
База бскөзи келгиледи.

Канзак казыр, кату Калчак бий
Бастыра Сибирьди колго алып,
Кармай тударга албаданды.
Калчактар бисти база кыйнады.

Албаты-јон база катап
Ачу кыйынга түже берди.
Акту бойын өлтүртип,
Алын малын блаатырды.

Жайзакдар буржуйлар Кара-Корумнан
Калык јонды кайра күлүүрге,
Канча бар мекезин салып,
Карыштак ошкош жылышты...

Албатынын најызы бис деп,
Аптап бисти айттылар.
Барып, кызылдарды јуулагар – деп,
Айбы-мекезин айттылар.
Албаты јон ырысту Алтайда
Ачаптардын бу эткен түбегин,
Албаты-јонды кыйнаганын,
Алын чактарга ундубас!

«1918 жылда июль айдын учында Шабалинга Каракорумдар келген.

Бу Дукешевичке баштаткан отряд болгон. Брааткан тужында Мыйтуда отряд бир канча улусты аткан, сойгон.

Ол Шабалиндагы волсовдепти ле почтанын бөлүгин курчап алып, јолдорго пост тургузып, улусты арестовать эде берген. Байлардын угузузыла, Совет јангын јанында турган база ого күүнзоз турган, башка сөслө айтса, бастыра јоктуларды ла орто күчтү јаткандарды јангыс күнге 60 киж и арестовать эткен. Аресттерди үч күн өткүрген. Каталажка ла алмарда толтыра отургускан. Арестовать эткендерди стройдын ортозыла айдап, мылтыктын кындагыла, камчыла соккондор, көзин чыгара согуп тургандар.

Абыстын алкыжыла, јуулган байлардын көзинче, төртинчи күнинде арестовать эттиргендерди скамейкага салып, буулаган. Чамча, штанын чупчып, камчыла, кызуурла, үстине суу уруп, согуп турган.

Онойып 70 јашту каргандарды ла үй улусты кыйнаган, талдыра согуп салган улусты каталажкага сугуп, эртезинде Каракорумга апарып, јолго айдап-адып турлаган. Онойып Шабалиннан үч километр јерге 10 киж и кыйнап салган. Шабалиннын совдептин качызын Боржинди, красногвардеец Владимир Громовты, Шестерниндердин эки карындажын, оной до өскөлөрүн».

(Областьтагы музейде корулаган материалдардан)

Озогызын јандырып аларга,
Олор сананган болгондор.
Оной улам јоктуларды,
База кыйнаарга белетенгендер.
Тенгеринин күкүртиндий
Темирдин шынкыртындый
Јер үстике јайылып,
Албаты-јонго коот болуп,
Ачап јутпаларга өлүм болуп.
Кебистий чечектү
Јаан-јаан тайгалу,
Јараш жарык суулу,
Кеен бүткен Алтайда
Ада ойгор Лениннын
Айдын-күннин јаркыны чылап,
Јаркындалган алтын сөстөр
Угулып келди албатыга.

Алтын ошкош бу сөстөр,
 Ала көзүн ачып берди.
 Албаты-жон мыны угуп,
 Амадаар керегин биле берди.
 Жайым жыргал жүрүмди
 Жайнап сурап алатан.
 Кызыл тынын кысканбай,
 Жуулап колго алатан - деп.
 Мыны уккан кийинде
 Талдама деген уулдар
 Партизан болуп баргылады.
 Талдама деген аттарды
 Олорго минерге бергиледи.
 Өлүмди жууда жеңип,
 Өзөтөн жүрүмди аларга!
 Канду жууда жеңип,
 Кызыл Алтайды төзбөргө!

Жыргал ырысту жүрүм учун
 Жуулажып жутпаларды баскан.
 Күкүрт ошкош бу жылдар
 Ундулбас болор чактарга.

Баатырланган жоруктарда
 Коштой басты колкүчтүлөр.
 Алтай, казак, орус кижилер
 Ончолоры бирге болды.

Ол, от-жалбышту жылдар
 Ончобыска коот жыргал.
 Оны эмди албаты
 Онбос кожонго салдылар.

Казыр канду жууда
 Канча баштууларды базып,
 Кайран жаш Алтайда
 Колхоз журтын төзөгөнүн.

Жыргалду кожон жайылып,
 Жоктулар айылын жыргатты.
 Албаты-жон эмди жыргап,
 Аргалу жүрүмүн мактады:

Жайым болды журтыбыс
 Жаңы совет бу Алтай.
 Культураны көдүрүп,
 Кубуксуулу жүрүм туду алы.
 Жаңы журт тутса да,
 Жутпа байды ундыбагар.
 Сүмеленип алып бөрүлөр
 Журтыбыс үрөөргө албаданар.

Кара сагышту жеткерлер
 Катап биске буудак эдер.
 Катап бистин теристи ичип,
 Канысты сорорго албаданар.
 «Эмди мында көргөжин,
 Бистин колхоз-совхоз журт,
 Эмди бу жердин ээлери -

Бис бойыбыс болдыбыс».

Улу Ленин уренчиги
Улу бистин башчыбыс.
Оштүлөрди урей согорго,
Бисти Слер баштадыгар.
Ол тушта бүтпестер
Улуп кайра чачылды.
Бистин сүүген Слер башчыбыс
Неден де жалтанбай
Куун кайрал жоктон,
Сүреетип көрөр тартыжуда
Оштүлөрди жеңерге
Бисти баштап бардыгар.

Онойып ок эмди бисти
Индустрия ла колхозтор жолыла
Ырысту жүрүмге баштадыгар,
Бистин улу башчыбыс.

Албан кату жаң тушта
Адаларыбыс бистин кожондогон.
Эрчимелдү кату жаң тушта
Энелерибис бистин кожондогон:

«Кыш күнде чечек өспөс,
Кырда агаштан жемит бүтпес.
Ондый ол Алтайда
Ырысту жүрүм болбос» – деп.

Бу кожон озогыда болгон,
Озогыда жайнаган албаты.
Ол эмди бу жердин сөзи,
Орооныбысты кормыр жеңүзи.

Коот-жыргал эмди болды,
Коолонып журтыбыс өзө берди.
Иштеерге де жыргалду
Жеңижерге де сүүнчилү.

Эмди бистин жырганыбыс,
Революциянын ийдези.
Эрјине жүрүмдү болгоныбыс,
Сталиннын чагы туш.
Төрөл Алтай жер үстінде
Ырысту колхоз малдары.
Төмөн жер алдында
Социализм журтынын жөбжөзи.

Алтын, мөнүн ондо бар,
Јес, куулы элбек бар,
Темир, цинк база бар,
Бистин Алтай айдары жок бай.
Күүлөп түшкөн учар суулу
Кебистер өскөн өрт чечектү
Булутка кирген бийик мөңкүлү
Алтай жери мактулу.

Корголжын, теленгир, көмүр,
Ртуть, ванадий, вольфрам, алунит,
Мрамор, борхеда, радий
Бистинг тууларда элбек бар.

Жайылып өскөн агаштар да элбек,
Ийделү аккан суулар да көп.
Электричествонун жылдыс оды
Эм удабастан ондо күйер.
Жылым турган тууларда
Заводтордон ыш чыгар.
Шык эткен тымыкты
Паровоз келип чочыдар.

Качан да неме тийбеген,
Кату жерлү өзөктөрдө.
Косилка, сеялка, трактор
Киркиреп туруп иштеди.

Жылымдый туулар өткөн,
Чуй трактын жолыла.
Калка гранина жетире
Автобустар мантап туру.

Ачу аракы ордына ак бичик болды,
Арка-тууларда кино, больница болды.
Энелер де, балдар да үренди,
Эе, үренер деп каргандар да мендеди.

«Алтайды каан эзленип турган көп жылдардын туркунына бастыра Ойрот область ичинде жирмеге жуук школдор тбзөлгөн болгон, бу школдо «кресту улустын эмезе бай алтай улустын балдарын алып турган. Эмди дезе балдардын 99 процентти баштамы үредүде туру.

Баштамы школдордон өскө, Ойротто бир канча орто үредүлү школдор бар. Көп алтай улус, Ойрот областьтан өскө жерде, жаан үредүлү школдордо үренип жадылар. Бу жылдагы тоодон көргөжин, 109 кижжи жаан үредүлү школдордо үренип жадылар. Олордон 78 кижжи алтай улус болуп жат. Орто үредүлү школдордо (областьта ла Союзтын өскө дө крайларында) 1006 кижжи үренип жат, олордон 504 кижжи алтай улус; кыска өйлү курстарда 1032 кижжи үренип жат, олордон 630 кижжи алтай улус. Бастыра бийик үредүде, орто үредүлү школдордо ла кыска өйлү курстарда 2147 кижжи үренет, олордон 1212 (ол эмезе 57 проц.) кижжи алтайлар»

(Р. И. Эйхе – «Социализмнин Ойротиязы...» деп куучынынан)

Мындый кайкал ырысту жүрүм
Бисте качан да болбогон,
Күчле жаткан албатынын жүрүмин
Ырысту эдип, Слер эттигер.

Кожонгон талдама кожонды
Слерге бис кожондоп турубус.
Үлгерден талдама үлгерди
Айдып турубус төрөл адабус.

Күн жаркыны жок болзо,
Канайып бис журттарыбус.
Совет жан жок болзо,
Ырысту жүрүм болбос эди.

Партиябус, башчы сүүген Сталин
Жыргалду жүрүмге бисти экелдилер.

Жайым Совет жерибисте
 Ыргалду, ырысту жүрүм таптыбыс.

Жарамысту жүрүм! Сууген Алтайда
 Жайым албаты жаңы жүрүмге жеттилер.
 Жакын чакка болгон жайнулу ...чачып,
 Жаан ырысту кен жолло бардыбыс.

Бастыра калыкла наҗы кожо жазадыбыс,
 Жену бисте! Озогызы жендирди.
 Орооныбыс ологго оморкогодый
 Бистинг Кызыл Алтай көп геройлор берди.

Мергендү иште мергенчилер
 Колхоз ижин тыгыдып туру.
 Ударный иште стахановчылар
 Социализм ижин тыгыдып туру.

Ырысту алтай жеринде
 Орден тагынган колхоз малчызы,
 Стаханов герой Мызаевты
 Бастыра албаты үзе билер.

Мызаев, кечеги батрак,
 Эмди бистинг ортобыста,
 Элде жондо көдүринер герой
 Онын ижине бис тендежер учурлу.
 Онын төжинде жалбырап турганы,
 Лениннинг ордени -
 Улу орооныбыстын улу кайралы!

Озогы тушта кул Мызаев
 Эмдиги тушта герой болды!
 Озогы тушта жокту Мызаев
 Эмдиги тушта ырысту болды!

Эмди онын кожоңы бу:
 Слерге оны айдып туру,
 -Ыргалду, ырысту жүрүмди
 Кайкап көрөр кайкалду
 Кайралду иште эткенин.

«Эски ырыттык тонду
 Карган атту жүреримде,
 Жакыл өзөкти брө
 Койлор браатканын ундыбагам.

Булут ошкош жүргүлейтен,
 Оны көрүп кунугатам,
 Бу ненинг учун менин эмес
 Ырыс-ыргалду жүрүм меге
 Не жетпеген деп санайтам.

Жайда-кышта аштап,
 Түни-түжиле иштейтем,
 Бэй күнине де иштебей,
 Тойу-семис жүретен.

Ол озогыда болгон,

Оны жаман түштий сананадым.
Кан ичкен байлар эмди жок,
Кайралду колхозтын жүрүми эмди.

Эмди кей де ару,
Тенгериде жарык немедий,
Эмди мен колхозто малчы,
Төрөл өзөктөрдө жүрүп жадым.

Ондо төрөл айылдан ыш чыгып туру.
Ондо кой малыбыс отоп жүрү,
Бу бистин жөөжөбис,
Бистин жоннын жыргал күчүбис!

Айландыра көрөктөр,
Совет Алтайдын чечектеп турганын.
Эмди качан да Алтай тууларында
Озогы жайну келбес.

Бу жүрүмди жуулап бис алганыбыс,
Оны өштүлөр качан да алып болбос.
Биске ырыс-жыргал берген,
Ойгор Сталин эзендик болзын!»

Жаңгыс Мызаев те эмес
Жокту албаты ончобыс,
Чактан чакка жоксырап,
Кыйын жүрүмис жүргенибис.
Эмди бис Совет тужында
Ырыс-жыргалду болдыбыс.

Ойгор, Слер биске,
Ырыс-жыргалду жолды көргүстөр.
Бисти бу жыргал-ырысту жолло
Мынан да ары баштагар,
Бу жолдон туура бис баспай,
Кату жаңгыс жоктон барарыбыс.
Жоткон куйунтукта
Жон-элдин өштүлери де
Бу жолдон бисти
Качан да тайкылып болбос.

Күкүрт чилеп күзүрөп түшсе,
Орооныбыс корыырга бис белен.
Канча часта маршал келзин дезе,
Баатырланып жуулажарга,
Талдама улус, талдама ат белен.
Талдама деген аттарды
Олорго минерге бергиледи.

Өштү бистен аларын санабазын,
Өштүге таманча да жер бербезис,
Бистин гран кырында часовойлор
Бистин амыр-энчүни корып турулар.

Улу жаан совет огородына
Каргышту өштү казыр фашисттерди
Качан да бис божотбозыбыс.

Гестапонын агенттерин –
 Жескимчилү троцкисттерди
 Төрөл журтыбыс садарга турган,
 Өштүлөр-националисттарды –
 Булардын ончозын
 Жылан чылап жескинип көрүп,
 Жайым албаты оодо тепсеер!

Ыргалду-ырысту бу жүрүмин
 Жайым жаткан совет албатызы
 Жабылап жуулап келгендерге
 Жарт туру, кемге де бербези.

Өштү келер болзо, келзин,
 От-жалбыш чылап удурга чыгып,
 Өзөк тынын кыйарыбыс.
 Өштөп келген өштүгө
 Калак-корон ондо болор.

Учы-куйы билдирбес,
 Улу бистинг орооныбыс,
 Учурлап колына бичиген,
 Улу бистинг законыбыс.

Жер үстинде талдама
 Жазаган сенин Конституцияңды,
 Жеек жутпа өштүлөр
 Жедип бистен айрып болбос.

Жакшылыкту жүрүм,
 Жарамыкту ой!
 Жүс мун жылдарга
 Жүрөтөн болзобус кайдат.

Бу күн Съезд күнинде
 Бастыра албатыла кожо
 Бис Слерге, бистинг улу башчыбыска,
 Улу күндүбис ийип турус.
 Узак жылдарга жазаган,
 Улу сүүген башчыбыс!
 Жараш садта улу сад
 Телекей албатызына маяк болгон.
 Тайга бажы ошкош иле көрүнгөн,
 Улу бистинг башчыбыс
 Узак жылдарга жаказын!

Республика Советтеринде
 Слер кычырула мааны.
 Кыйынга түшкен бастыра албаты
 Кызыл маанылу планет.

Өскө ороондордо карындаштарыс
 Өштүлөрле калганчы жуу эдер.
 Өрө көдүрбей көмө базып,
 Өс бойыбысла кожо барар.

Бистинг мааны жеңер,
 Жайымду ыргалду үйелер,

Эмди келер чактарда
 Бастыра албаты тилдериле
 Элен чактардын мөңкүгө
 Эки жаркынду ат адаар –
 ЛЕНИН ЛА СТАЛИН!
 Изү тартыжуда женип алган,
 Алтын ошкош жүрүм учун,
 Албаты жыргаган күч учун,
 Жаркынду күндий үредү учун.

Жаан алкыш сөзүбис айдып турубыс,
 Баштап турган башкаруубыска,
 База бистин партияга,
 Башчыбыс Слерге!

Улу планеттин иженгени Слер,
 Учурлу жолло көндүктуре
 Боо жетире экелген чилеп,
 Мынан да ары баштап барыгар,
 Албаты жонго жарык болзын деп,
 Амыр-эзен жүрүгөр!
 Ада болгон үредүчибис,
 Бистин најыбыс,
 Бистин башчыбыс!

Албатынын башчы – улу СТАЛИНГЕ Ойроттын колкүчиле жаткандарынын бичигин бастыра аймактарда шүүшкөн база Ойрот автономный областтын советтердин IX съезд-жууны жараткан.

Ойротиянын колкүчиле жаткандарынын бичигин ойроттын поэди А. Чоков үлгерге салган. Ойротиянын поэди В. Непомнящих көчүргөн.

ПИСЬМО ОЙРОТСКОГО НАРОДА ВЕЛИКОМУ СТАЛИНУ
(Печатается по: Сибирские огни. – 1936. – № 6. – С. 26–33)

Тебе – мудрейшему из мудрых, дорогому,
 Чье имя славное гремит на целый свет,
 Тебе – учителю, вождю, отцу родному,
 Ведущему страну путем больших побед,

Тебе, чья слава звонкая, литая,
 Высокая –
 гремит на целый мир,
 Тебе из дальних гор счастливого Алтая
 Мы шлем большой привет, любимый командир!

О жизни радостной, о нашем счастье новом,
 Которого врагам жестоким не отнять,
 Так много хочется простым, душевным словом
 Тебе, любимому, родному, рассказать.

И вспомнить старое, ушедшее навеки,
 Года кровавые, тяжелые, когда
 Ойрота-бедняка богач за человека
 Не признавал..
 Проклятые года!..
 Кто не терзал, не грабил нас тогда?..

Грабили нас и джунгарские ханы,

Цари и зайсаны, попы-хитрецы,
Грабили хищные баи, шаманы.
Грабили нас живодеры-купцы.

К нам ехали вслед за купцами – оравы
Чиновников лютых, свирепых собак –
В Алтай голубой за богатством и славой,
В Алтай собирать с «некрещеных» ясак⁷⁶.

Мы жили в лохмотьях, в нужде,
и в чертоги
Шло золото наше, меха... А цари
Нам строили крепкие тюрьмы, остроги,
С долин вытесняли нас монастыри...

И вместе с шаманом, кружившимся дико
Над жертвой богам возле дымных костров, –
Разбойники «церкви христовой великой»
Жирели от наших тяжелых трудов.

«... Начальник Алтайской духовной миссии официально писал, что, например, один топор или старые сапоги, данные русским человеком в долг кочевнику-инородцу, года через четыре вырастают в сторублевого коня, а вскоре же и в целый табун, который неробкие торговцы и угоняют без дальнейших толков, объявив через людей хозяину, что скот угнан таким-то... Один пуд ячменя года через два вырастает в 25 пудов ореха или еще более...»

(Л. П. Потапов «Очерк истории Ойротии»)

Как вспомнить без дрожи их – годы былые!
Бесправие, грязь, нищета.
Аилы холодные... Дети больные...
А женщин никто за людей не считал.

Да, бедные матери вынесли много
Мучений в былые проклятые дни!
Не дальше аила была их дорога...
Как были темны и забиты они!

С нас злое начальство три шкуры сдирало.
Наказ от властей был:
«Под крепкой рукой
Держать инородцев»... Купец-обирала
Нас спаивал царской «кабак-аракой»⁷⁷.

Зайсаны и слуги их кровь нашу пили,
Сгибали нас хищные баи в кольцо.
Недаром такими унылыми были
Все песни у прадедов наших, отцов.

Сколько в поле травинок – пойди сосчитай,
Не сочтешь, хоть живи ты два века.
Сколько пролито крови за милый Алтай –
Не дано сосчитать человеку!
Сколько рек на Алтае, озер и ручьев, –
Слить их вместе – получится море.
Океан получился б из слез бедняков, –
Много, много в Алтае горя!

В ябаганских лугах –

76. Ясак – подать.
77. Кабак-арака – водка.

Тишина густая.
Счастье вечно в гостях
Только в юрте бая.

У чемальских высот
Ходит ветер юркий,
Счастье вечно живет
У зайсана в юрте.

Если в байский богатый заглянешь аил –
Мясо там и ковры, арака там и сахар.
К бедняку же заглянешь – и свет не мил:
Грязь, нужда... И глаза ты закроешь от страха.

Баям что не жиреть? Им урядники даже
Кумовьями... Как нас – не обидит их всяк.
Мы живем, как в тюрьме...
Ах, когда же, когда же
Заживешь ты счастливою жизнью, бедняк?!

Такие унылые песни мы пели
В те мрачные годы. На злого купца,
На бая, попа и зайсана кипели
Горячею злобою наши сердца.

Мы горькие слезы и кровь проливали,
Кляня беспощадную злую судьбу.
Не раз наши деды, отцы поднимались
С проклятым и хищным врагом на борьбу.

Сердца наши полнились пламенем мести,
Горячею злостью к буржуям, царям...
С каким ликованием мы встретили вести
О гибели деспотов в дни Октября!

Погибла кровавая свора цепная
Чиновников, стражников – яростных псов,
И все же не сразу зажглось на Алтае
Веселое солнце счастливых годов.

Кровавую царскую власть разгромили,
Но вместо одних кровожадных собак
Явились другие... Всю власть по Сибири
Взял в руки свирепый кровавый Колчак.

И мучили нас колчаковцы... Угрюмо
Мы думали снова:
– Нельзя нам так жить!
Буржуи, зайсаны из Кара-Корума⁷⁸
Хотели навеки нам руки скрутить.

Друзьями народа прикинулись живо,
На красных собратьев сзывали в поход,
Вовек не забудут в Алтае счастливом,
Как мучили эти злодеи народ!..

⁷⁸В. Кара-Корум – буржуазно-националистическое правительство на Алтае в 1918 году.

«В конце июля 1918 года в Шебалино пришли каракорумцы. Это был отряд под командой Дукешевича. Во время следования, в Муюте отряд расстрелял и выпорол несколько человек. Он окружил шебалинский волсовдеп и почтовое отделение, расставил посты по дорогам и переулкам и начал производить аресты. В один день по доносу кулаков было арестовано 60 человек, бывших на стероне советской власти и сочувствующих ей, одним словом, всех бедняков и середняков. Аресты проводились три дня. Насадил полную каталажку и полный амбар. Арестованных прогнали сквозь строй, били прикладами и плетью, выбивали глаза.

На четвертый день по благословению священника и на глазах собравшихся кулаков арестованных клали на скамейку, привязывали. Снимали штаны и рубахи и драли плетью и шомполами до полусмерти, поливали водой.

Этому подвергались и старики 70 лет, и женщины. Избитых до полусмерти сажали в каталажку, на утро отправляли в Кара-Корум и по дороге охотились – расстреливали. Так замучили от Шебалино в трех километрах 10 человек: секретаря шебалинского совдепа Боржина, красногвардейца Громова Владимира, двух братьев Шестернинных и других».

(Из воспоминаний очевидцев. По материалам, хранящимся в областном музее).

Былое хотелось вернуть им, чтоб снова
Запрячь бедноту в вековое тягло.
Но мудрого Ленина вещее слово
И в древние горы Алтая дошло!

То слово живое открыло глаза нам:
– Свободу и счастье – в бою добывай!..
И лучшие наши сыны к партизанам
Пошли, чтоб сражаться за красный Алтай.

Навек незабвенны грозные годы,
Бои за счастливую, светлую жизнь!
Бок о бок шагали в героических походах
Казах и алтаец, и орус-кижи⁷⁹.

Тех лет огневых – замечательны были,
Прекраснее сказки и песни любой.
Врагов мы в упорных боях победили,
Мы начали строить Алтай молодой.

Гостить стала радость в бедняцких аилах,
Стал нашим свободный советский Алтай.
– За стройку! Культуру!..
Но в наших долинах
Еще не добит изворотливый бай.

Нам новые там он готовил тенета,
Как самый хитрейший из всех пауков.
Он снова мечтал богатеть нашим потом,
Как в старые годы, пить кровь бедняков...

Но ты, наш учитель, ты – ленинец верный
Повел нас с врагами в решительный бой.
Ах, как завопили тогда малoverы,
Какой они подняли яростный вой!

Ты двинул нас в бой беспощадный и грозный
С врагами, – ты вел нас, как ныне ведешь.
Дорогой индустрии, дорогой колхозной,
Привел ты нас к счастью, великий нас вождь!

Когда-то отцы наши бедные пели:

⁷⁹ Орус-кижи – русский человек.

– Не быть на поляне зимою цветам.
Вовеки не вырастут булки на ели,
Не быть на Алтае счастливым годам.

Ойрот, что был дружен с нуждой и заботой,
Он ныне хозяин лесов этих, рек...
Как радостно жить, побеждать и работать
В счастливый, веселый, в наш сталинский век!

Идут по долинам родного Алтая
Счастливых колхозов большие стада.
А в недрах хранится руда золотая,
Железа и цинка, и меди руда.

Богат наш Алтай!..
Ртуть и уголь, ванадий,
Свинец, алуниты, богхеды, вольфрам,
Есть мрамор в горах наших, олово, радий,
И множество зверя в лесах по горам.

Красив наш Алтай голубой!
Водопады, пожары цветов на зеленых лугах.
За синие тучи вздымают громады
Высокие головы в вечных снегах.

А наши леса!... А могучие воды!..
Зажгутся огни электрических звезд,
В горах голубых задымятся заводы,
И тишь вековую вспугнет паровоз!

Грохочет в долинах нетронутых трактор,
Косилок и сеялок слышится гуд.
В горах автобусы по Чуйскому тракту
До самой монгальской границы бегут,

В горах вырастают кино и больницы,
На радость нам – книга взамен араки.
И дети, и матери стали учиться,
Идут на ликпункты отцы-старикки:

«За долгие годы царской колонизации по всей Ойротской области едва ли было организовано два десятка школ, куда принимались дети «крещеных» или богатых алтайцев. Сейчас 99 проц. детей охвачено начальным обучением.

«Кроме начальных школ – в Ойротии ряд средних учебных заведений. Большое количество алтайцев обучаются в высших учебных заведениях за пределами области. По данным этого года 109 человек обучается в высших учебных заведениях, из них 78 человек алтайцев. В средних учебных заведениях (в области и в других краях Союза) обучается 1006 человек, из них 504 алтайца; 1032 человека охвачено краткосрочными курсами, из них 630 алтайцев. Всего в вузах, в средних учебных заведениях и на курсах охвачено учебной 2147 человек, из них 1212 (или 57 проц.) человек алтайцев».

(Р. И. Эйхе. «Социалистическая Ойротия на новом подъеме»)

Да, не было жизни вольней и чудесней!
Ты сделал счастливым народ трудовой!
И самые лучшие яркие песни
Поет о тебе, наш отец дорогой:

Если б не было щедрого света
Солнца, – как же бы стали мы жить?
Если б не было власти Советов, –
Не могли б мы счастливыми быть.

Радость светлую, счастье нашли мы
На просторах советской земли.
Наша партия, Сталин любимый
К жизни радостной нас привели!..

Прекрасная жизнь! На любимом Алтае
По-новому зажил свободный народ,
И, сор вековых суеверий сметая,
Он к счастью широкой дорогой идет.

И в дружной семье всех народов мы строим...
Победа за нами!.. Сдаёт старина!..
Наш красный Алтай дал немало героев,
Которыми может гордиться страна.

Ну, кто на счастливом Алтае не знает,
За ближней и самую дальней горой,
Таких, как пастух наш – Терпан Мызаев –
Орденосец и славный герой?

Вчерашний батрак –
Он теперь наша гордость,
В труде по нему мы равняться должны.
Горит на груди его Ленина орден –
Большая награда великой страны.

Как счастлив Мызаев!..
Да вот его песня.
Пусть скажет тебе, наш родимый, она
О радости нашей, о жизни чудесной,
Чем наша душа трудовая полна:

– «Помню: узкой тропой длинной
Ехал я на лошади старой.
По зеленой большой долине
Шли лохматых овец отары.

Шли, как тучи... И сердце сжалось
От обиды, как камень, тяжелой:
– Почему это мне не досталось
Счастья, радости, дней веселых?

Я работаю дни и ночи,
Голодаю зимой и летом.
Бай и дня поработать не хочет,
Ходит жирным, нарядно одетым...

Это было давно когда-то,
Вспоминаю, как страшный сон,
Нет в горах кровопийц богатых,
Скот колхозный со всех сторон.

И теперь пастухом колхозным
Еду я по долине родной.

Даже кажется слаще воздух,
Небо ярче горит надо мной.

Там аилы родные дымятся,
Там отары овец идут,
Это наше, мое богатство,
Наша общая радость и труд.

Поглядите вокруг: молодая
Жизнь советская ярко цветет.
Никогда теперь в горы Алтая
Горе старое не придет

Эту жизнь мы в боях отстояли,
Мы её не уступим врагам.
Езендык болзын ойгор Сталин⁸⁰,
Давший счастье и радость нам!..

Не только Мызаев. Вот так же и все мы,
Кто вечно в нужде и лишениях страдал,
Мы счастье узнали в советское время,
Ты, мудрый, нам к радости путь указал.

Ведет он лишь к счастью – путь ясный, колхозный,
Мы будем путем этим твердо идти!
Не сбить нас ни бурям, ни вражеским грозам
С тобою намеченного пути!

И пусть грянут грозы!.. Когда к обороне
Нас маршал потребует – в каждый час
И лучшие люди, и лучшие кони
Готовы к геройским походам у нас.

Пусть враг не мечтает от нас поживиться!
Мы пяди земли не уступим врагу!..
Стоят часовые на наших границах
И зорко наш труд и покой берегут.

Проклятых врагов – озверелых фашистов –
Не пустим в советский большой огород.
Агентов гестапо – презренных троцкистов,
Изменников родины, националистов,
Как гадов, раздавит свободный народ!

Нет, радости этой и жизни счастливой
Свободный народ не отдаст никому!
Пусть сунется враг к нам! Могучей лавиной
Мы выйдем сражаться, – и горе ему!

Нет! Родины нашей бескрайние шири,
Закон, что написан твоею рукой.
Твою Конституцию – лучшую в мире –
Никто не отнимет, нет силы такой!

Счастливая жизнь и прекрасное время!
Ах, жить бы нам сотни и тысячи лет!..
Сегодня, в день съезда, с народами всеми

⁸⁰. Да здравствует мудрый Сталин!

Мы шлем тебе, вождь наш,
горячий привет!

Живи же, любимый наш, долгие годы!
Ты – горной вершиной у всех на виду.
Учитель, маяк зарубежным народам,
Великий садовник в прекрасном саду
Советских республик...
Ты – призыв и знамя
Для всех угнетенных планеты большой.
Восстанут и там наши братья! За нами
Пойдут на тиранов в решительный бой!
Наш стяг победит!
И в устах поколений –
Счастливых, свободных –
в грядущих веках –
Звучать будут вечно два имени:
ЛЕНИН
и СТАЛИН
повсюду. На всех языках.
За радостный труд, бытие золотое,
Добытое в жаркой упорной борьбе,
За солнце познания – спасибо большое
Правительству,
Партии нашей,
ТЕБЕ!
В тебе все надежды великой планеты...
Веди же вперед нас, как вел и ведешь!!
Здоров будь,
на радость трудящихся света,
Отец наш, учитель, наш друг и наш вождь!!!

Письмо трудящихся Ойротии вождю народов – великому Сталину обсуждено во всех аймаках и принято IX областным съездом советов Ойротской автономной области.

Письмо трудящихся Ойротии изложено в стихах ойротским поэтом А. Чоковым и переведено с ойротского поэтом В. Непомнящих.

Николай Зарудин

ПРЕКРАСНАЯ ОЙРОТИЯ

(Печатается по: Наши достижения. – 1936. – № 11. – С. 92-109;
без подписей – комментарии под фотоиллюстрациями очерка – ред.)

У снеговых вершин, среди безмолвной горнокаменной тайги рождаются кипящие и все же незамутненные потоки и ручьи. Они ниспадают из голой тайги Ойротии. Высокогорные области, куда не забирается и сине-густой кедр, – невозмутимая тишина травы и цветов, льдистая вода, что бьется всюду из-под сапога, – такова пустынная тайга гор, где нет лесов, куда поднимаются в жаркий месяц медведь и марал.

Ничто не говорит здесь о делах человеческих. Тропа едва различима в седловинах вершин, среди каменных глыб и альпийских цветов. Леса, оставленные внизу, полегли густым синим туманом. Там – вознесенные могучие кедры, обвешанные смолистыми сизо-голубыми шишками, бледный шелк лиственниц на прямых, как гигантские занозы, будто обгорелых стволах. Панорама вокруг резка и отчетлива. Обтаявшие вершины – бурые, зеленовато-серые, черные – вздымаются в небо, чистое и подобное пламени. Иногда облака, поднявшиеся откуда-то снизу, напомнят в своем мрачном движении о грозной высоте; они прольвут стороной, внизу, отбросив живые черные тени среди курумов – каменных россыпей, среди свалки каменных глыб. И вот нечто, подобное серым алхимическим дымам, уже курится, выплывает из бездн. Внизу необъятно, дико и девственно... Вздымается острый хребет в оторочке лесов – хищный, настороженный, внушавший сотням поколений страха перед духами гор. Невидимые потоки ниспадают с него в складках, обвисающих синими тканями лесовья. Вновь облако

проплывает внизу... И прохлада под ослепительным сиянием горного солнца вдруг наносит аромат горного луга, напившегося вдоволь снеговой воды, гудящего пчелами, полного белых альпийских колокольчиков. И дует оттуда тонкими дыханиями гиацинтов, и лошади одна за другой норовят ущипнуть синий цветок, привставший среди желтых маков и сочных незабудковых зарослей.

Тайга Ойротии безмолвна, опасна и дика. Снег и дождь мгновенно окутывают перевалы, непроглядные тучи погружают голые и каменные просторы тайги в темную бурю, пронизывающую путника нескончаемыми потоками холода и дождя. Горе тому, кто застигнут здесь в темноте бури и облаков! Ни кустика, ни палки не найдет он, если и укроется в случайной каменной щели. Недаром перевалы страны украшены старательно сложенными кучами камней. Выгоревшие обрывки ярких тканей, развешанные на ветках и сучках, напомнят внимательным глазам погосты в марийских лесах. Это – жертвоприношения горным духам от охотников и пастухов, поднимающихся сюда из долин. Туда, к человеческой жизни спешит снеговая вода. Может быть, этот тяжелый камень и ярко-красную тряпку оставил здесь охотник из Кулады, в меховой шапке с кисточкой, с трубкой в ковanej желтой меди и старинной винтовкой, деревянные сошки которой торчат за плечами всадника, как вилы. Он поднялся на перевал, чтобы пересечь хребты – к востоку солнца, к Монголии, много ленивых, пышно-меховых сурков. Солнце стало уходить от Алтая, стоял куран-ай, охотничий месяц свадьбы козла.

Утром, когда клочья тумана цепляются по стенам ущелий, еще свежее кипят и плещут реки Ойротии. Спускаясь среди ледников и курумов в альпийские пастбища и мимо – в леса кедров и лиственниц, они разливаются в сокровенном омуте смородины и малины, тишины и травы; тут журчат они в заповедной лесной темноте; музыкально плещется вода среди мягкого сумрака мхов и листвы, и будто настоявшись на запахе лесов, голубая и зеленая, полная быстрых серебристо-дымных хариузов, наконец, выносится в долины. Сбежала с ледников, просочилась меж корней фиалок и колокольчиков, наплескалась среди каменных глыб и отполированных столетиями русел, и вот гремит и разливается веселая ойротская вода во все стороны... И в голубую и желтую страну, что лежит у гор Монголии, в пустынный Кош-Агач, что означает «прощай, лес!», и в Танну-Туву, страну ойротских пастухов и охотников, и в бийский степной размах, откуда подступают к ойротскому кедру и лиственнице русские березы с мягкой и меловой корой.

Прекрасная Ойротия!

Она возникает из клочьев тумана неслыханной свежести, когда запахом древности и камфары благоухает полынью; и шум неизменной реки доносится сквозь водяной дым опустившегося облака... Ущелье в остроконечных лиственницах плавает среди утренних летящих паров. Задраны безлесные вершины, из-за черно-железного хребта поднялось еще холодное желтое солнце. Туда, к солнцу востока, как говорят в сагах, уползает Чуйский тракт, извиваясь на гигантских складках серо-зеленых холмов... Грузовые машины неуклюже переваливаются на ленте шоссе. Там дальше желто-голубая даль плато, горы, – облака, как жертвенный дым, возносятся у гигантской кумирни.

Мы пришли на шоссе из долины Чаган-Узуна, ущельем Кара-Кема, из дальних и неприступных дебрей каменного Аргута. Леса, полные зеленого сумрака, пахучий кедр среди облаков, глушь малины и смородины сменились колючими кустарниками, крыжовником и облепихой. В ущельях с лазурно-сухими обточенными камнями нас встретил тополь, теряющий уже свою чуткую, опаленную желтым огнем листву. Дороги юго-востока вели через библейски-пустынные горы, усеянные черепами и костями животных. Все пустынное и суше обнажалась земля. Краски становились всё более яркими и фантастическими. Ойротия кукушек, зеленого сумрака и нежного марала канула будто навсегда. Чуйские альпы, в своих раскрашенных перламутровых облаках открылись, как причудливое сновидение. Невысокие горы и холмы, окружавшие дорогу на юг, все более и более изумляли глаза. Причудливо сбегали вниз сине-полосатые склоны и безжизненные малиновые холмы. Иногда ослепительно яркая ржавчина краснела на них, как на железном листе. То сверкал холм, неистово-яркий и неожиданный, как канареечный желток. И вот склоны гор уже запестрели от пучков курчавой и жесткой травы, напоминающая Южную Африку.

Мы приближались к горам Чаган-Узуна, к мировым месторождениям киновари, сулившим Ойротии чуть ли не всесоюзное ртутное владычество... Не от присутствия ли ртути, этого таинственнейшего металла, столь причудливо раскрашивался окружавший нас мир? Ерунда! Все оказалось гораздо прозаичнее: виной тому были только девонские отложения...

Но горы и земли все узорнее и неправдоподобнее открывались вокруг. Вода реки неожиданно исчезла в обточенной лазурно-меловой гальке, насыпанной в её русло чудовищной толчеей камней. Потом тропа опустилась в дол. Среди пустынных разноцветных холмов ослепительно-свежий луг зеленел, как только что подстриженный газон. Стог ярко-зеленого сена возвышался посредине. Мы были у Кош-Агачского высокогорного плато. За ним горные цепи толпились, как голубые привидения. За ним в облаках лежала Монголия.

Прекрасная Ойротия!

Реки её разнообразны, народы разноплеменны, земля роскошна и дика. Её Аргут совсем не похож на Чемал, так же как дико заросший Турачак, со своими гигантскими зонтичными, пихтами и черномолесьем, ничем не походит на пустынный монгольский Кош-Агач. Все ойротские реки имеют свои оттенки и цвета. Бело-молочная вода гремит в диком ущелии Окем (Аккем – прим. ред.); лазурно-малахитовая Катунь так чужда черно-стальной глубине Золотого озера; голубая Бия не сродни мутному спокойствию Кош-Агачских протоков и заводей... Я слышал рев Аргута, он запомнился на всю жизнь. Могучий звериный рык Идыгема, напоминающий шум ста проходящих поездов, – здесь нашла свою могилу не одна тысяча хищных и жадных народных врагов... Я видел реку необычайного цвета с именем Кучерла; она спускается с гор в одном переходе от Катанды, села, где Иван Долгих стал вечной легендой, достав своей шашкой неуловимую голову есаула Кайгородова. Это – чудесная река.

Страна имеет лишь одну крупную автомобильную магистраль: Чуйский тракт пересекает её с северо-запада на юго-восток. Но путник, поднимаемый машиной по спиралям шоссе, оставляющий за собой перевалы и *бомы* – узкие карнизы пути, выдолбленные вдоль отвесных каменных стен, – и на тракте не уходит от неизменного шума реки. Дороги страны тянутся по ущельям вдоль бурлящей горной воды. Пустынны и поражающе безлюдны просторы гор. Лошади ступают по чуть светлеющей полоске тропы. Она то опускается прямо в русло реки, то растворяется в россыпи каменных глыб, то карабкается на крутизну, валящую шапку с головы. Непостижимы сила, ловкость и чутье горного коня.

Камень, лес и вода. Путь бесконечен, пейзажи восхитительны. Лишь изредка на мирной поляне, в густой траве и тишине, еще более явственной, еще более ощутимой от буйного шума воды, выстроятся *аилы* – один, два, три. Не *аилы*, а сказочно-знакомые индейские вигвамы детских мечтаний и книг! Конусообразные силуэты их из серой коры легко возвышаются среди дикой и немятой прелести горной глуши. Иногда основание сложено из бревен правильным шестиугольником. Синеватый дымок из конуса, обставленного острями жердей, говорит о тепле человеческого угла. Но ни одной живой души не видно вокруг, – двери закрыты наглухо. Вода вечно и привольно шумит у обточенных глыб. Каменными махинами подняты горы, с беспощадной ясностью выступают над их гребнями азиатские остря лиственниц. Пропасти, скалы, камни. Цветы синим ковром окружают аил. И горьким запахом пастушеской страны пахнет призрачный дым.

Чем дальше от Чуйского тракта, – от Уймонской долины, от её ярких пшеничных полей и растрепанных русских изб с плахами, набросанными вместо крыш, с подсолнухами и маками из-за плетней, – тем реже попадаете жильё.

Снежный блеск баснословных вершин завладевает просторами.

Бурный, каменный Алтай, как он назван сказочниками, громоздится все выше и неприступнее. Все грознее режут лохматые реки, все лиловее темнеют хребты. Да и названия приобретают все более мрачный и зловещий звуковой смысл. Сверкнет Каир своими головокружительными острями и пиками, зловещим курением вокруг призрачно-зорких, как бы караулящих вершин. И – погаснет. Леса обвешаются мхами, кедры заострятся и выпрямятся, разлягутся чудовищные корумы. И вот пропасти Аргута – царство мрака и бездн – опажнут вас как бы безмолвным гулом... Вечно собирается что-то, ходит вокруг вершин, творит свою потаенную работу, неведомую нам, – столпотворение дымов, мраков, паров. Прощай, мягкая Ойротия желтых закатов, черемухи и музыкальных птиц!

... Катунь мы покинули у Тюнгурса, кое-как перебравшись на пароме через журчание зелено-голубой стремнины воды. Невысокие лесистые горы поднимались справа. Мы простились с цветной рекой и голым Тюнгуром – зловещей памятью предательства и убийства. Кровавая книга борьбы с Кайгородовым открылась здесь... В ущелии Тюнгурса погиб Суховский отряд, первенец красногвардейского Алтая. Люди предательски были расстреляны из пулеметов, почти никто не ушел. Деревянный обелиск над крутым яром реки повествует о прошлом: здесь пал командир, расстрелянный белыми пулями, оставивший своё имя клятвой верности и чести – товарищ Сухов.

Высокий и редкий лес покрывал холмистые горные склоны. Трава, полная красной костяники, далеко просвечивала меж столетних черных стволов. Кое-где со стволов была снята кора. Это говорило о близости урочища: здесь, на Алтае, как десятки столетий назад, кора деревьев служит для укрытия жилища. Её надрезают вокруг ствола, снимают развернутой трубкой, и, подпертая жердями, она защищает аил от ветра и дождя. Показались первые редкие здесь пни. И точно – через недолгое время лошади пошли с той веселой и непринужденной поспешностью, что всегда предвещала близкий конец пути. Склон пологой лесистой горы открывался широкой поляной, уставленной редкими столетними лиственницами. Полуразвалившаяся бревенчатая изгородь маральника⁸¹ ровными стежками поднималась кверху. Внизу виднелись аилы. Неизменный дым поднимался над их вершинами. Но тут

81. Как мы узнали позже, некогда на месте колхоза Кучерла была записка и маральник кержакка Трифона Иванова Буныкова. Старик оставил о себе некоторые воспоминания: он был лют на руку, нещадно бил алтайцев, да и русских, что попадались в его цепкие и загребущие руки. О том, как жили крупные кулаки на Алтае, можно судить по маральнику Буныкова. У него бывало до ста маралов. Старожилы помнят, когда он продал сразу тридцать пять животных. Обо всем этом остались полурассказы, полупредания. В колхозе Кучерла наравне с ойротами живут и русские. Живут они душа в душу.

спешит Чуйская степь, кусты карагана – кустарника покрывают её курчавыми пучками, ярко зеленеют низины, безжизненно сухо плоскогорье, где камни и земля походят на шлак; кузнечики ярко-красными крыльями непрерывно перелетают из-под копыт лошади, издавая резкий трепещущий треск; караван верблюдов, коричнево-голых, напоминающих иероглифы, движется на Кош-Агач – «Лавки русских купцов», как помечено на старинной карте; всадник в ярко-красном халате, в конусообразной теленгитской шапочке пересекает безлюдье степи; длинные косы всадника свисают черными блестящими змеями, белый иноходец ровно идет, вытянув шею; только облачка пыли срываются из-под копыт, – пустынно-ровна библейская степь, курятся голубые горы Монголии.

...Тубалар, казах, кержак, переселенец...

Лишь недавно народы Ойротии получили представление о реальности времени, о цене часа, минуты, секунды. В горах Алтая сказочники рассказывают свои саги ночами, вокруг очага, под однообразные позвонивания топшура⁸². Иногда сказка тянется три ночи, семь ночей, еще семь ночей. Каждые две строчки стиха сопровождаются длинным бессловным припевом, во время которого сказитель подыскивает продолжение... Однообразное горловое гудение, напоминающее жужжание громадного шмеля, наполняет аил; сказитель выговаривает сказку сдавленным, низким до хрипоты голосом, символизирующим седую старину; сказка разматывает прихотливую нить, богатыри выезжают из тьмы времен, под завывание зимней бури. Только попыхивают трубки и стучится ветер, – время струится и струится на Алтае. – «Мне с тобой мало-мало надо говорить, – сказал один славный старик в Куладе. – Я буду немного говорить, только четыре часа буду говорить»...

Здесь создается и будет создана молодая, полная света, жизни и тепла, бездымная страна народного счастья – социалистическая Ойротия. Этим лесам, потокам и скалам будет оставлена их великая красота, ибо совершенная техника лишь дополняет природу, не оставляя хаоса разрушения. Электричество! Это звучит здесь так же, как в скалах и безднах Армении <...>

Электричество охранит прекрасную наружность Ойротии. Красивейшая в мире – страна ртути и золота, коня и овцы, марала и соболя, кедра и пчелы! Долины Чулышмана, Уймона, Катуня – десятков и сотен рек – залиты мягким светом желтых пшеничных полей. Мы видели косилки, срезавшие пшеницу у преддверия Золотого озера. Мы видели тракторы, мичуринские рассадники, автомобили и самолеты там, где люди вышли только что из сказки, ибо разве не сказкой звучат злые духи, черный подземный ад, бубен шамана. Электричество! Прыжок через века – от злых духов гор в коммунистический университет трудящихся востока! Электричество – молодое историческое время Ойротии!

Сизый туман медленно поднимается в ущельях. Палатка пропитана росой, острая свежесть стоит в лесу. Но солнце еще за горами. Кустарники, трава, заросли розового кипрея еще полны влажными таинствами ночи. Лошади ушли далеко от лагеря, по самое брюхо стоят они в траве и цветах, серых от обильной росы. Прозрачная выпуклая ртуть скатывается с веток черной смородины, горьковатый и крупный дождь летит с кустов. Какое душистое, забрызганное каплями предосенней росы веяние жизни! Река шумит в своих каменных глыбах – потемневшая, спрятавшая в своей мчащейся глубине мрак и холод гор. А наверху клубы паров вдруг пронизывает нечто подобное мысли – колко-сияющее из сонма холодно-багрового огня...

Да будет день!

Собацьи Уши выходит из теплой палаточной мглы на волю. Проводники еще спят, подсунув под головы седла, накрывшись потниками и одеялами. Он садится на корточки у потухшего серого костра, разгребает золу, – от неё словно поднимается легкая мошкара. Но внизу еще сухо и жарко, он нашаривает в горячей золе печеную кедровую шишку... Утром человек весь на виду, и если он стар и болен, его пронизывает жалкая, бедная дрожь слабости. Но Собацьи Уши весел и бодр. Шумит река, в горах такая тишина, будто весь мир только что посетили громы, смятения, события – и все ушло и умерло. Река начинает хорошеть, голубеет и вновь начинает сиять.

Сорок лет назад в аиле шамана он получил это имя – Собацьи Уши. Злые духи взяли двух его братьев, польстившись на красивые имена. Его завернули в собачью шкуру и до десяти лет он проносил в своем ухе пучок собачьей шерсти, – и духи не польстились на него. Только в четырнадцать лет православный поп отрезал у него косу. Его назвали Павлом, но в народе оставались старые имена... Его жизнь чудо, о ней можно написать десяток книг.

Он поднимается, распахивает полы палатки.

– Товарищи, – начинает он лукавым голосом, подражая аймачным ораторам. – Разрешите приветствовать вас... от имени тысячеголового рогатого скота!... – и он начинает хохотать первый, в утро, полное росы и солнечных лучей.

Потом Собацьи Уши нашаривает свою мыльницу, зубную щетку и, легко ступая по камням, идет к реке. Мир голубых брызг, потоков, свежести, искрометных струй несется вниз и режется о камни; как

82. Топшур – примитивный инструмент, очевидно, прародитель балалайки. Как аккомпанирующий инструмент он вполне оправдывает себя. Чтобы топшур полнее звучал, его подогревают у пламени очага.

гигантские стружки из-под резца, вылетают косые срезанные пласты и гребни воды. Круто вниз наклонена быстролетная дорога реки. Фонтаны взвиваются от прикосновения к водяной поверхности, кисть заливают мгновенно, – все дрожит вокруг и влажный широкий рев забивает уши.

Свежа и девственна земля. Он блаженно вдыхает холодный душистый воздух, равного которому нет на планете. Из этой речки сегодня ночью пил козел и медведь, – он наклоняется и пьет эту воду, названную всеми сказителями целебной, воду желто-заревого Алтая⁸³.

Ездящий на бело-игреневом коне Ит-кулак, – что означает Собачьи Уши, – думает. Можно ехать дальше – ойротские кони всю ночь кушали сладкие цветки. Он зачерпывает ладонями голубую воду, она стекает по кистям его рук, коричневым, как кедровый орех. Потом он выпрямляется. Солнце пронизывает лес, дым ползет меж стволов от лагеря, и слышно далеко, как поет этот лукавый артист, вечно молодой Собачьи Уши, бывший раб России и ныне друг советских народов, лицо которого будто вырезано из темного дерева:

Если сверху смотреть,
Треугольный чудный Алтай!
Если со стороны посмотреть,
Девятигранный чудный Алтай!
Если осенью человек строит аил,
Коричневый шелк постилаешь, чудный Алтай!
Если летом человек строит аил,
Зеленый шелк постилаешь, чудный Алтай!

И. Тодошев

КЛЕВЕТА НА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
(Печатается по: *Красная Ойротия*. – 1937. – № 71)

В № 11 журнала «Наши достижения» помещен очерк писателя Н. Зарудина «Прекрасная Ойротия». Писателю была в свое время предоставлена возможность всесторонне ознакомиться с экономикой области, бытом алтайского народа, увидеть красоты природы горного Алтая.

Уделяя главное внимание описанию гор, рек, тайги и туманов, писатель заявляет, что в Ойротии «Ничего не говорит... о делах человека». Это клевета. Так может писать человек, который не хочет видеть новой социалистической Ойротии, не хочет видеть людей, которые строят культурную, зажиточную жизнь в ожесточенной борьбе с врагами народа.

«Леса, воды, травы и камни», по утверждению Зарудина, остаются «непобежденные здесь ни топором, ни киркой, ни плугом». Писатель «не увидел» в самых «глухих местах» альпийских пастбищ избушек и культстанов для пастухов. Он не увидел охотничьих баз и барачных лесорубов в самых отдаленных местах тайги, не заметил старательских артелей, разбросанных по всей почти области, не услышал звуков кирок чаган-узунских и ойротских горняков и шума тракторных и комбайновых моторов, работающих на колхозных и совхозных полях, не разыскал следов работы многих геологических, ботанических и землеустроительных партий.

Яд кулацкой иронии звучит в словах Зарудина, когда он описывает дома алтайцев, перешедших на оседлость.

Н. Зарудин пишет, что народные таланты Ойротии «безвестны, замурованы в недрах». Прошедшие недавно аймачные и городская олимпиады художественной самодеятельности, на которых выступили десятки талантливых певцов, музыкантов и поэтов, активное участие в конкурсе на лучший рассказ и стихотворение, объявленный областными газетами, результаты работы бригады союза советских композиторов – свидетельствуют о расцвете художественной самодеятельности, о том, что таланты из народа сейчас как никогда имеют возможность для развития.

Все это говорит о том, что Зарудин клеветнически представил то, что увидел в Ойротии, в мрачных красках, в извращенном виде.

Вредный очерк об Ойротии, играющий на руку врагам народа, контрреволюционным буржуазным националистам, свидетельствует о том, что писатель Зарудин не сделал для себя никаких выводов из критики, которой была подвергнута его повесть «В народном лесу», клеветнически изображающая колхозную деревню.

Над творчеством Зарудина, очевидно, еще довлеют «установки» троцкиста Воронского, связь с которым долгое время поддерживал Н. Зарудин.

⁸³ Желто-заревой Алтай – определение, часто встречающееся в произведениях ойротского эпоса.

НА СМЕРТЬ М. ГОРЬКОГО

Песня, пропетая 19 июня кайчи Иваном Сабашкиным
(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1936. – № 4. – С. 7;
литературный перевод с ойротского Б. Каирского)

Когда в руки шоор берут –
Песни играют громко в горах.
Когда жив был любимый писатель –
Не было боли в наших сердцах.

Во время игры сломался шоор,
Звуки оборвались звонкой песни.
«Горький умер...» – слух среди гор, –
От горя в груди стало тесно.

На небе светлое солнце закрылось
Черным пятном в этот день...
Услышав о смерти любимого Горького,
На наши сердца легла черная тень.

Светлое солнце на чистом небе
Черная тень закрыла от глаз,
Друг великого Ленина – Горький
Ушел навсегда от нас.

Смелые книги, написанные тобой,
Мы всегда с любовью читали.
Друг великого Сталина – Горький
В наших сердцах забываем.

Иван Катаев

В ДОЛИНЕ ЧОЛЫШМАНА

(Печатается по: *Катаев И. Хлеб и мысль: Повести, рассказы, очерки*. – Л.: Лениздат,
1983. – С. 315-320)

Ущелье мы увидели сверху. Подъехали к краю уступа, и оно раскрылось под нами с огромной высоты, как с самолета, уже наполненное тенью вечера. Светлый Чолышман, вясь, уходил на север, в непостижимую даль, и там терялся в сумрачных теснинах. Мы видели внизу белые отмели, желтые полосы посевов, зелень кустарников. Ястреб медленно плавал в обморочной глубине; казалось, он скользил по самому дну долины.

Спускаясь, мы из солнечного дня сразу вошли в вечер, в тень горы. Но не прохладой объяло нас – тихой, чуть влажной теплыню, застойным воздухом ущелья. Выводок горных рябчиков вспорхнул из-под самых ног коня.

Мы стали на ночевку у самой реки. Все звезды августа возникли в небе. Млечный Путь перекинулся через ущелье, как мост.

К нашему костру подъехал встречный караван. Это была кинопередвижка, возившая по колхозам «Челюскина». Штатный гармонист полночи играл для нас на немецкой двухрядке «Коробушку», польки и вальсы. Горные рябчики с изумлением слушали его, затаившись среди камней. Отсвет костра долго колыхался в палатке, пока не стал моим сном.

К вечеру следующего дня мы прибыли в Кок-Баш, резиденцию сельского Совета долины. Шестиугольные бревенчатые аилы, крытые дерном, без окошек и печных труб, выстроились по сторонам дороги, храня свой обычный детски трогательный и важный вид. Как всегда, мы расположились в пустой школе, на полу. Учительница, молодая ойротка, в штанах и сапогах, только что приехавшая верхом из аймачного центра с учительской конференции, расхаживала возле дома, не торопясь переодеться.

К нам скоро пришел Исай Тантаев – кокбашский комсомолец, избач, поэт – и принес нам колхозных огурцов.

Через два часа он опять явился и на этот раз принес нам большое стихотворение, только что на-

писанное. Павел Кучияк, наш спутник, необыкновенный поэт, певец, музыкант, драматург, режиссер, критик, сын шамана, воспитанник Московского коммунистического университета трудящихся Востока, - жизнеобильное семя, из которого уже прорастает будущее древо ойротской культуры. -- Кучияк перевел нам стихи своего младшего собрата. Это была ода, пылкая и велеречивая, - ода на прибытие московских писателей, прославлявшая их априори несомненные достоинства.

Утром мы отправились в низовье Чолышмана, по направлению к деревне Балыкчи. Отсюда всего семь километров до Телецкого озера. Но Алтын-Туу, Золотая гора, нависшая над озером, видна уже из Кок-Баша. Туманная, она запрокинула в небо странный каменный клюв с тем горделивым выражением, какое бывает лишь у надречных и надозерных вершин.

На краю села, на берегу Башкауса, который здесь бурно врывается в плавные темно-изумрудные воды Чолышмана, мы увидели столбик с фанерной дощечкой. Надпись, вычерченная с полной канцелярской изысканностью, гласила:

«Вход в брод».

И кони наши осторожно вступила в мчащуюся пену.

В деревне Балыкчи я посетил Савелия Чуднина, девяностовосьмилетнего старца. Всю жизнь он работал батраком в чолышманском Благовещенском миссионерском монастыре. Монастырь - за рекой, в сосновой роще. Теперь там школы - начальная и средняя, детский интернат.

Я разыскал аил Савелия Чуднина, убогий шалаш из досок, кое-как составленных и даже не покрытых, как надо бы, лиственной корой. Двери не было. Чтобы войти, пришлось отодвинуть и снова представить две тесины.

Старик сидел на земле у огня, перед таганом, поджав под себя босую ногу. Церковное злосчастно отпечаталось на его обличье. Кудреватый, еще не сплошь седой, с редкостно правильными чертами иссохшего лица, с угодничьей бородкой, в неопишемом рубище, он походил на великомученика или на юродивого времен царя Бориса.

У старика сильно сдал слух; мне пришлось кричать ему в самое ухо. К тому же он неважно говорил по-русски. Однако он отвечал мне благожелательно, кратко, и мы кое-как понимали друг друга.

Савелия окрестили, когда ему было восемнадцать лет.

- Зачем ты это сделал?

- Мне дали за это рубаху и шаровары, - ответил он с удовлетворением, которое испытывал до сих пор от этой выгодной сделки.

Я знал уже, что среди чолышманских кочевников находились ловкачи, ухитрившиеся креститься по несколько раз - все ради той же рубахи.

Савелий прибавил, что крестил его сам поп Макарий, тот самый, что после сидел митрополитом в Москве. Еще я узнал, какой оброк брали монахи с жителей Чолышманской долины. Ведь это все были монастырские земли. В старые времена за попас скотины нужно было платить одну белку с головы скота, а за хлеб: десять пудов намолотишь - два отдай. Потом стали драть деньгами.

Дальше Савелий начал кашлять, запинаться и путать. Он устал. Времена пошли мешаться в его памяти.

- Женился я недавно, - сказал он, - лет пятнадцать прошло.

В аил набралось много ребятишек. Среди них - трое савельевых внучат. Они стали поджаривать толкан в большом казане.

- Ходят в школу, - показал на них Савелий.

Я обвел взглядом голые доски аила.

- Не много же добра нажил ты, дед, за свои девяносто восемь! - прокричал я ему.

Но он не понял меня и закивал, довольный.

Я ушел, а он остался досиживать жизнь у тагана.

Исай Тантыев, комсомолец, избач и поэт, позвал меня к себе в гости в Кок-Баш. Я прожил у него в избе-читальне три дня.

Исаю Тантыеву девятнадцать лет. У него смуглое яркое лицо, толстые губы. В торжественные дни он носит шапку из лисьих лапок. Он задумчив, полон достоинства, немногоречив, любезен, как все соплеменники его. Он учится на счетоводных курсах, но хочет быть писателем.

Мы беседовали о Москве, о Пушкине, о законах поэзии, об основах человеческого благородства. Исай нежно опекал меня.

Он говорил, что ему живется очень хорошо. Но часто с задумчивостью поглядывал он на затуманенный клюв Алтын-Туу и признавался, что ему хочется за озеро, в город, где много людей, книг и велосипедов.

- Тут новинка нет, - сказал он, так определив малое количество новостей и каждодневных перемен в Кок-Баше.

В день моего отъезда Исай почему-то долго не появлялся в избе-читальне. Я пошел к нему в аил

и, открыв дверь, увидел поэта сидящим на полу возле погасшего очага. Было не рано. Илья Бутуев, секретарь комсомола и продавец сельской лавки, подойдя ко мне, вежливо объяснил, что Исая вместе со всеми другими комсомольцами всю ночь проверяли колхозных сторожей. Ребята на животах подползали к скирдам и суслонам, многих сторожей застали спящими. И Исая отличился: у одного беспечного сторожа сумел стащить бутылку и запас толкана – в виде вещественных доказательств угасшей бдительности.

Поэт появился заспанный, когда я уже седлал лошадь. Он провожал меня до столбика с надписью «Вход в брод». Здесь мы обнялись, поклялись в вечной дружбе и расстались. Я перебрался через Башкаус, а лисья шапка Исая долго еще маячила на том берегу, пока не исчезла, заслоненная кустами ивняка.

Зимой в Москве я получил письмо от Исая Тантыева.

«Вы настоящему время как живом? - спрашивал Исая. – Из ойрота как уехал, хорошо, нет? Я живу пока сказать хорошо. Я работаю избача. Работа помаленьку идет».

«Ваша города что ново? - интересовался он далее, видимо, пытаюсь представить себе московские аилы. – Какой город у вас сейчас? Какой работа вы работали? Пишите. Я жду ответа».

К письму было приложено стихотворение Исая, написанное на ойротском языке.

Стихи долго лежали у меня на столе, - немо, неприступно. Я подходил, брал в руки этот отрывок хлопкоуборочного плаката, всматривался в строки, выведенные на обратной стороне его. Из букв латинского алфавита возникали странные созвучия. Мне казалось, что стихотворение спит и лишь что-то невнятно лепечет во сне.

Разбудил его Павел Кучияк, приехавший в Москву. Теперь оно звучит громко для русского уха. Вот оно.

Осень.

Ночь начинает удлиняться,
 День становится короче.
 День и ночь поднимается
 Над волнами белый туман.
 Листья с деревьев сыплются,
 Охотники ружья исправляют,
 Белый скот приходит с гор к своему двору.
 Люди свои зимовки чинят.
 Холодных дней больше стало.
 Хлеб уже давно обмолочен.
 Снег, как вновь прибывший гость,
 Показался на вершинах.
 Теплота солнца убавилась,
 Каждый день все морозней.
 Осень с лицом бури
 Выступает победителем.
 Ведет за собой белые туманы.
 Белым снегом покрывает Алтай.
 Так перед грозной зимой
 К нам является осень.
 Ядовитый мороз пришел,
 Народ собрался в своих жилищах.
 - У нас нет пищи, - сказали блохи и кузнечики
 И замерли.

Я вспоминаю, как в один из вечеров в Кок-Баше я отворил дверь избы-читальни, чтобы выйти на волю. Бесконечная тишина долины остановила меня на пороге. Аилы спали, ни одного огня кругом. Я стоял, из-за черного силуэта горы Каиш-хак медленно появлялся яркий рог месяца. Нижний край маленького облака был освещен им мечтательно, как в балладе. Вдалеке залаяла собака, - только в горах и в пустыне так бездомно звучит этот лай. Но мне стало понятно, что я присутствую при самом возникновении жизни.

1936 год

**ОЙРОТ БИЧИКТЕРДЕ БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ
КОНТРАБАНДАЛА ТАРТЫЖАРЫ**

Городто кычыраачылардын конференциясында
ВКП (б) Обкомнын качызынын куучынынан

(Кепке базылганы айыпча: Кызыл Ойрот. – 1936. – № 30 (944), (945). – С. 2–5)

Класс өштү, контрреволюционный буржуазный националисттер кылыктарын өткүрерге, литература тузаланарга ченежип жадылар. Контрреволюционный жер бойынын националисттери – бай ла жайзандардын калганчы коруучылары анчадала калганчы өйдө активный боло берген.

Јуукта крайОГИЗ «Совет Ойроттын өзүми» деп бичик чыгарган. Бичикте Ойроттын жаңы баштап турган бичинчилеринин ле поэттеринин бичигени ле албатынын кожондорун јууп салган. Бу бичиктин кире сөзинде К.И. Филатовтын бичигениле, кычырган улусты каршулу сүмезиле чике јолынан кыйдырар болуп, јер бойынын национализмла тартыжу божогон деп, јастыра шүүлте өткүрип јат. Филатов бичип јат: «Коммунист партияга баштадып, Ойрот колкүчтүлери мындыј јутпа өштүлерди сезип билеле, илезине чыгарып алып, олордын кор эткен керектери учун бурулаар, суралтазын берип, тоскырып салды» (4 стр.).

«Казыр» деген сөсти јартап айдарында, «кор» деп айдылган, кычырган кижии бу сөсти казыр деп билбей, «коруланар» деп те билип турар. Ол тужында: «олордын эткен коруланар керектери учун бурулап салган»...болуп барат.

Калјуурып јүрген контрреволюционер Филатов ол кылыгыла кычыраачыларды јер бойынын националисттериле тартыжу божоп калган, олорды «тоскырып салганда», мынан ары јер бойынын националисттериле тартыжуны не өткүрер – деп, каршулу санаазын өткүрерге ченежип јат. Бу Филатовко не керек болгон дезе, Ойроттын колкүчтүлериинин ајаарузын класс тартыжунап туура тургузып саларга керек болгон. Великодержавный шовинизмле тартыжар керегинде кире сөстин авторы бир де неме айтпай јат.

Онон ары Филатов бойынын кире сөзинде бичип јат: «техника ла тил јанынан, бистинг Ойроттын јазан јаш писательдери озогы алтай чөрчөктөрдүн үренер керек. Сөстинг эптүзине, чеченине, тилдин байына чөрчөктөр болуп јат».

Совет Ойротто 14 жылдын туркунына Ойроттын тили жаңы революционный шүүлтелү термин ла байып калганын контрреволюционер-националист Филатовко кереги де јок болгон. Ол жаңыс ла революциядан озогы тилдин, чөрчөктин тилин өткүрерине ченежип турган, ненин учун дезе, бу озогы чөрчөктөрдүн көп сабазында революционный шүүлтелү термин јок керегинде националистический коронды билдирбезинен өткүрерине арга берип јат.

Албатынын бир канча сөслө айткан творчествозында алтай албатынын карузышкан санаазы өткөн, ондо колкүчтү албаты кату базынчакты, правозы јок болуп турганын јаратпай айтканын, классовый санаа эди-канына өдүп турганынын өзүмин, базынчактап туратандарды јаман көрөтөнинде ле темдектеп јат. Је азыйда каанын чиновниктеринин өткүргениле, озодо азып турары неге јединбес, уч куйругында артып турары, озодон ала башка укту албатынын өштөжөри бир кезек фольклор произведениелерде өдүп калганында бар.

Онойткондо, бис фольклордын бичигенин сүрекей шиндеп көрөр керек. Филатов эски чөрчөктөрдүн үренер керек деп кычыру эди, олорды сүрекей шиндеп көрөрине өнөтийин ле биле туура кыйып јат. Албаты јоннын бу казыр өштүзи – јер бойынын националист Филатов неге эмадап турганы мында јарт көрүнип јат.

Кожондор ло стихтер салган бичикти «литературный јанынан јазаганы» Кучияк, ол бу бичикке буржуазно-националистический јажытту кылыктарын өткүрген. Баштапкы стихотворение мында башталып јат:

«Актарла тартыжып чыгарга,
Аттар јакшызы јал јастанды...
Бандиттерди јуулап үзерге,
Ишмекчи уулдары көп короды»... (10-чы стр.).

Ненин учун ондый болды – актарла тартыжып тургандардын «Аттар јакшызы јал јастанды»? Мында Кучияк, Алтайдын јеринде узак өйгө калјуурган белогвардейщина ла бандиттердин күчин темдектеп көргүзерге ченежип јат.

Јаңы өзүп турган, је эмди национализмнын коронына јууктырган поэт Эдоков Иван, бойынын сти-

хотворениезинде «Байлар кулы бандиттер» деп бичип јат (14-чи стр). Алтайдын јеринде бандиттер ол гражданский јуунын јылдарында мылтыкла јепсенип алган ла байлар совет башкарула удурлашкандары болуп туру, оны јартаарга кереги де јок. Бандиттер байлардын кулы болгон деп, јангыс ла кулак-байдын санаазыла јаткан јер бойынын националисттери, бай кулактардын калганчы коруучулары ајдар.

Бичикте Кучияктын «Башчыбыстын јогына» деп стихотворениези салынган. Качан Ленин блб берерде, бштүлер башчызы јок артып калган албатыны колго аларга сананган, је бистин советтин төрбл јеринин јаан күчин бштүлер көрблб, аттарынын оозын бура тартып, ойто јангылай берген деп. Кучияк бичип јат. Онойткondo, Кучиякты ла болзо, эмди СССР-ды јуулап табарарга кем де ченешпей јаткан болуп јат. Мында колкүчтү алтай албатынын сергеленгин мокоортып саларга, капиталист орондерынын бирүзи СССР-га табаргадыйынан колкүчтүлердин ајаруузын кыйдырып аларга чын ла ченежип турган болуп јат.

Јуу јеткеринин очагтары керегинде улу башчы нөкөр Сталиннын ајарулу айткан сөзин бистин орооңыбыстан јарт билгилеп јат. Күнбадыштагы ла күнчыгыштагы фашизм јүүлгексү јепсенип, Совет Союзун јуулап аларга, јуу белетеп турганын колкүчтүлер јарт билип јадылар. Калјуурып јүрген Филатовторго Ойроттын ишмекчилери ле колхозчылардын класс сергеленгин мокоортып саларга арга берилбес.

«Сйроттын 10 јылдыгына» деген произведениеде (31 стр.) Ойроттын колкүчтүлерине большевиктер јайым јеттирип, корулап алганын кычырган кижии, алтай улусты «актардан айрып» салган деп билер. «Совет Ойроттын өзүми» бичикте өскө дө произведениелерде јаан јастыралар бар.

Кучияктын бичиген, кепке базарына белетеп салган «Туујы» деп поэмада, буржуазно-националистический кылыкту јарт, иле пропагандовать эдип өткүрип јат. Бу бичикте албатынын творчествозын литературный јанынан јазаган эмес; «Туујы» менин бойымнын бичигеним – деп, Кучияк бойы да айдып јат. Бу бичикти кепке базып чыгарбас, је ондый да болзо, «Туујынан» бир кезигин радио ажыра областьтын радиокомитеди берип турган.

Бу поэманын азый мындый: Алтайдын јеринде «Тойбон-каан» јуртап јат, онын колында эки баатыр, тогус јакшы јайзаңдар бар. «Тойбон-каан» јаткан јерин элбедип, малын өскүрип аларын сүүнип јат. Ол бойынын тонокчы санаазын күнбадыш јаны јаар умзанып, эмезе кайдаар күн ле ай ажып турган, «кааны јок артып турган» көп национал албатыны барып тонооруна амадап јат. Каан јок кандый албаты артып калганын, оны буржуазный националисттер «Тойбон-кааннын» олјоозына канайда берерге тургандарын билерге күч эмес.

Кучияктын сананып тапкан «Тойбон-кааны» «каан јок арткан албатыны олјолоп аларга», јууга јүүлгексү белетенип јат. Ол бойынын азыйда олјолоп алган кижизин, онын кийининде үч кысты, кул болгон алтай Өлөңчи санаанга кирип јат. Өлөңчини јууга ийерге, «Тойбон-каан» бойына алдырып алды. Өлөңчиле кожо онын кичү кызы «Туујы» келди, ол «Тойбон-кааннын» айтканын укпай, јууга кожо барып јат.

Туујы айдып јат:
«Кайран кеен алтай бол!
Бистин јерибис болзо, кайдат,
Бистин кижибис болзо, кайдат,
Бистин агажыбыс болзо, кайдат.
Мендий албаты
Бу алтайда јуртаза кайдат»

Айлу-күндү тегерим
Агаш-ташту Алтайым!
Үч Курбустан кудайым
Үч киндиктү Алтайым!»

Мында Кучияк контрреволюционный националистический кылыгын өткүрип, «Алтайдын јери јангыс ла алтай улуска болотон, кааны јок албаты Алтайдын јерине јадар учур јок – деп, айдып јат. Кааны јок албатыны ажындыра билдирип јат, «Тойбон-каан» олјооны јенгип алды.

«Туујынын» оозыла Кучияк бойынын националистический кылыгын айдып, оноң ары барып јат. Ол кычыраачыларга – «Алты күндү жарыкка јортып, албаты јуртка камдап јүрбес, ак тайганын ээзи эмтир» – деп айтканыла, јер үстинде ондый кам бар деп айдып јат.

Бу кам ла Алтайдын бийик тууларынын бажында јолыгып эрмектежер кижии Тойбон-каанын кижии јангыс ла «Туујы» болтыр. «Туујы» камла мындый договор эдип јат: «Үргүлјиге үч үйеге өөр-

көшпөс, Алтай үстүндө алты үйгө арташпас, антыгарду наҗы бололы».

Мында Кучияк «Каан жок совет албатызыла» жуулажарга белен турган буржуазный националисттердин күүн-санаазын җажына көргүзүп берип җат. Кучияк мыны ла националисттер җаны җаар реакционный элементтерди ле база кудай җанынаг белгези бек отурган элементтерди тартып аларына кичееп җат.

Камнан өскө көскө көрүнбес немелер бар: Алтайдын туулары ла көлдөрүнүн ээзи болуп турган көк бука, Алтайдын ээзи болуп турган каракула. Бу көскө көрүнбес немелерле «Тууҗы» эрмектежи, җажына нааҗы болор эди җөптөжи җат. Ойроттын буржуазный националисттери бойлорынын контрреволюционный иштерине алтай албаты чак туркунына суунын, агаштын «ээзине» бажырып турган предрассудказын тuzаланып өткүреринен кыйа турбазы да җарталып туру. Кучияк бойынын произведениезинде бу көскө келишпес немелер – суунын, туунын кебери, оног до өскөлөри энди де бар болуп туру, оларды немеге де бодобоско болбос деп ... җат. Бу ойчозы җагыс ла кудай җагын кичееп тургандарды активный эди аларга келиштиргени болуп җат.

«Тойбон-каан» бойынын җалчыларын ойнинен өткүрө базычактап турганына Кучияк «чуулданып җат». Онызы буржуазный демократтарга каруулу эрмек.

Контрреволюционный җер бойынын националисттери базычакты җаратпай турган эмес. Олор частный собственность учун бар күчиле туружып җадылар. Җе олар колкүчтүлөрдүн көзин кыйдырып саларга, жоктулар ла батрактарды байлар, җайзандар «жолду» базычактап турары учун төгүндөп, мекелеп айдып җадылар. Бу «жолду» базычак кандый болгонын, качан да бурулары жок эди чыгара сүрүп салган орус ла алтайдын казыр ан ошкош базычактарды, ойроттын колкүчтүлөри бойлорынын җардында ченеп көргөн.

Кучияк «Тууҗынын» оног арыгы жүрүмин көргүзүп җат. Ол җердин алдына «ол җерге» Эрликке түжүп җат. «Тууҗы» ол җерде, айыл ичинде өбөгөн-эмеген болгон улус тогус койдын терезин җабынып алган, җе ологго җабынарга сырагай җетпей турарда, чугулдажып тургандарын көрүп җат.

«Тууҗы» бойынын адынаг сурап җат:

«Тогус койдын терези җабынарга җетпес, кайткан болгон улустар бу, токынап җакшы җадып болбос, неге өөркөшкөн улус бу?».

Ат айдып җат: «Айлу-күндү Алтайда көрүшпес җаткан эмеген-өбөгөн, бу да җерге келерде, онойып ок җуртагылап җат».

Экинчи айылда, өбөгөн эмеген болгон улус җагыс койдын терезин җакшы җабынып алып, җөптү җаткандарын көрүп җат.

Тууҗы бойынын адынаг сурап җат: «Олор нениг учун җагыс койдын терезин җакшы җабынып алган нак җаткылап җат?»

Ат айдып җат: «Айлу-күндү алтайга эптү жүрген эмеген-өбөгөн, бу җерге келерде, эптү җакшы җадылар».

Мында Кучияк «Кудайдын салымыла», ада-энези җакшы калымга да саткан да болзо, ол өбөгөннин айтканын угуп, оног коркып турар учурлу деп санаалу пропаганда өткүрүп җат. Бу азыланып калган «закон» Кучиякка не керек болгон десе, озодог бери тазылданып калган биле ле уук җанынаг пережиткаларды тuzаланып, алтай үй улусты националисттер җаар тартып аларына керек болгон. Оног ары «Тууҗы» алты айгыр мал жүргенин, онын ээзи десе бай, торолоп жүргенин көрүп, адынаг сурап җат: «Ак малы кыймыраганча, аштап жүрер кайткан кижиге?».

Ат айдып җат: «Айлу-күндү Алтайда ачап-сайак бай болгон, бу җерге келерде, ак малынаг җип болбой, аш-курсакка җединбей, торолоп жүргени ол болор».

База өскө җерде онын көрүп турганы, айылдын җанында уй туруп җат, онын эзилери десе тойу, «оосторы үстү отурдылар». База улус олардог тойс-кана җип турды.

«Тууҗы» сурап җат: «Азыраган мал көрүнбес, жокту җойу улустаг албаты-җон нени җип җат?»

Ат айдып җат: «Айлу-күндү Алтайда бар немезин кыскабай, жокту-җойуны сыйлаган. Аш курсакка кыскабай, аксак-бүксекти азыраган. Онын учун бу җерде, аш-курсагы түгенбес, аскаг казаны сообос, җыргап җатканы ол туру».

«Тууҗы» оног ары база эмеш җортоло, җон-албаты җайзанды аайы-бажы җогынаг согул турганын көрүп җат. Ол сурап җат: «җайзан кижини соготон җан кайдан табылган?»

Ат айдып җат: «Айлу-күндү Алтайда албатызын тыг кыйнаган, акту җерге чыбыктаган, кату бүткөн җайзан эди. Онын учун бу җерде карлагаштый кара албаты өчин алып җадылар».

Оног ары «Тууҗы» кара торко кийимдү, кара җорго атту, 62 кижиг үйдежи брааткан экинчи җайзанды көрүп җат.

«Тууҗы» сурап җат: «Бу җайзан нениг учун алтан уул көдөчилү, алды-кийини уткуулду сайрап-найрап жүрү?»

Ат айдып җат: «Айлу-күндү Алтайда албатызын кыйнаган, ачап, җимекчи болбогон. Онын учун бу җерде албатызына күндүлү, алды кийини уткуулду, җыргап жүрген җайзан туру».

Мында Кучияк кулак байлардын ла жайзандардын ончозы жаман эмес болгон, жоктуларды сүйүп турган «жакшы да» кулак-байлар ла жайзандар болгон деп, пропаганда өткүрүп жат. Кучиякты ла бу «жакшы» кулак-байлар ла жайзандардын адаанына кирип, олардын учун турушканын. Олор бастыра албатыга ырысту жадын жеттиргедий болуп жат.

Ол жерде «Тууы» столмого кулагынаг жаба кадап, жаш (комсомол болбой кайтсын) уулды көрүп жат. Ол сурап жат: «Нениг буруузын эткен көбөркий кижиге болгон, нениг учун үргүлжиге кыйнап, мында тургускан?».

Ат айдып жат: «Айлу-күндү Алтайда, айыл эжигин тындап жүрер, албатыны кырыштырып жүрер, копчы кижиге ол болгон, онын учун бу жерде кыйнадып турганы ол туру».

Кучиякты ла болзо, жүрүминде класс тартыжуны өткүрген кижиге «ол жерге» барза, столмого жаба кадула кададып салатан болуп жат.

Поэманын геройы «Тууы» – ол капиталист ороондорынын бирүзинин жажытту колсалаачыла, «жайым» буржуазно-демократический государство тазоп аларга сананып турган, буржуазный контр-революционный националисттердин амадуузы болуп жат.

Бу бичиктин авторы Кучияк «Тууыга» анчадала карузып турганы тегин эмес. Ол бу «Тууынын» адын «кайран көбөркий», «кайран тууы» деп айтпаганча бир де жерде өткүрбей жат.

Кажы бир империалист государствонын интервенистический кылыкту улуска биригип турган жер бойынын контрреволюционный националисттери, бистинг ижибистеги кажы бир тутактарды темдектеп айдарына, оны тузаланып аларына ченежип жадылар.

Контрреволюционный буржуазный националисттер – Филатовтор, Кучияктар, Эдоковтор база оног до өскөлбри, национальный костюмга кийинип алып, Ойрот областьтын партийный башкаруузында революционный жанынаг көскүр болорын мокоортып, салганын тузаланып, Ойроттын литературазына бойларынын жыду контрреволюционный кылыктарын билдирбезинен өткүрүп, класс тартыжунын бу идеологический фронттынын улу бөлүгинде туруп аларга ченешкендер болуп жат.

«Жер бойынын националисттерин коскорып чыгарганы ажыра, олардын өткүрүп турган пропагандазы класс өштүлөргө болушту болуп турганын көргүзүп бергени ажыра албатыны, эн озо коммунисттерди интернационализмге, классовый жанынаг сергек болорына, классовый өштүлөр алдына бир де эмеш чайкалбас большевик бүдүлү бек болорына тазыктырар керек» (Эйхе).

Бистинг литературабыс жер бойынын националисттерин ле великодержавный шовинисттерди кату коскорып, күүн кайрал жогынаг туй чабарынын кычыруузында туруп жат.

Ойроттын партийный организациязы, буржуазный националисттерден арутанып, олорто күүн кайрал жок тартыжуда, бистинг улу социалист төрөл жерибистинг керегине күүн-санаазын беринип турган пролетар писательдердин жаңы кадрларын воспитывать эдип жат.

Ойроттын совет литературазы Советтин көп национальный литературазынын озочыл отрядтарынын бөлүгинде турар учурлу.

Биске класс өштүлөрдиг арткан салгаадарын жаман көрөрис, воспитывать эдер, интернациональный воспитательный күчтү жепсели болгодый литература керек. Биске совет башкаруунунг керегининг күүн-санаазын салып, ийде-күчин беринерине колкүчтүлөрдиг воспитывать эткедий литература керек. Ойроттын советский литературазы социалистический чындык керектердинг литературазы, кемзинчек санаа-шүүлте де ...жанынаг ылгалыжары ла оног до өскө пережиткаларын жоголтып аларына болужын берер.

Ан кеберлү казырланып турган класс өштүлөр историянын тегелигин токтодып аларга канайда да ченежип турза, жадын-жүрүм ичкерлеп жат. Большевик партия женип жат, Ойроттын колкүчтүлөри коммунист партиянын колалаачыла, Маркс – Энгельс – Ленин – Сталиннын жегүлү маанызынын алдына туруп, СССР-н бастыра колкүчтүлөрдиге кожо жылгыр-түрген базытла социализм ла коммунизмге ичкеери барып жадылар.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ВЦИК О СОВЕТСКОМ, ХОЗЯЙСТВЕННОМ И КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ ЗА 15 ЛЕТ

(Печатается по: ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Кн.2. 1933-1945. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 248-251)

20 апреля 1937 г.

Заслушав доклад председателя областного исполнительного комитета Ойротской автономной области тов. Сыркашева, Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета отмечает, что трудящиеся Ойротии за 15 лет существования автономной области добились значительных успехов в хозяйственном и культурном строительстве.

Вложено в народное хозяйство области 88 млн руб.; местный бюджет вырос в девять раз и достиг 24 млн руб. в 1937 г. Организовано 11 совхозов и объединились в колхозы 85% крестьянских хозяйств. Осуществлен переход на оседлый образ жизни основной массы коренного населения. Введен в эксплуатацию Чуйский автомобильный тракт союзного значения протяжением свыше 600 км.

Количество школ увеличилось в четыре раза. Грамотность населения с 6% в 1922 г. повысилась до 70%. Организованы педагогическое училище, зоотехникум, художественная и театральная студии. Вместо существовавших до 1917 г. 1 больницы, 1 врачебного и 1 фельдшерского пункта к 1937 г. открыто 15 больниц, 18 врачебных амбулаторий, 31 фельдшерский пункт.

На основе общего подъема хозяйства и культуры и улучшения материального положения трудящихся масс выросла их общественно-политическая и производственная активность. Эти успехи достигнуты в результате неуклонного проведения ленинско-сталинской национальной политики и в беспощадной борьбе с врагами трудящихся — байством, контрреволюционными троцкистами и буржуазными националистами.

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета констатирует следующие крупные недостатки в руководстве облисполкома хозяйственной и культурной работой советов Ойротии:

а) основная отрасль хозяйства области — животноводство — находится в неудовлетворительном состоянии: процент падежа молодняка и взрослого скота очень высок (30,4%); кормовая база скота не обеспечена: план воспроизводства скота на 1936 г. не выполнен: ликвидация бесскотности колхозников не завершена;

б) совершенно неудовлетворительно выполнен план строительства, связанный с устройством на оседлый образ жизни полукочевого местного населения;

в) слабо поставлена работа по выращиванию и выдвижению кадров из коренного населения, проявивших себя в колхозном строительстве и на советской работе, в результате чего в аппаратах советов и исполкомов области все еще незначительно количество работников из коренного населения;

г) слабо обеспечены начальные школы квалифицированным составом учителей (30% учителей с низшим и незаконченным неполным средним образованием); наблюдается большой отсев учащихся из школ;

д) лечебная сеть лишь на 50% укомплектована старшим и средним медицинским персоналом, главным образом вследствие необеспечения медперсонала, работающего на местах, удовлетворительными бытовыми условиями;

е) крайне медленно идет перестройка работы облисполкома, аймачных исполнительных комитетов, сельсоветов и всех советских органов в соответствии с требованиями Сталинской конституции. Еще не развернута должным образом критика и самокритика в практической работе советов. Трудящиеся массы в должной мере не втянуты в работу по контролю над деятельностью советских органов.

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета постановляет:

1. Предложить Ойротскому облисполкому:

а) принять все меры к устранению в кратчайший срок выявленных недочетов в области сельского хозяйства, сосредоточив основное внимание на дальнейшем подъеме животноводства, в особенности коневодства и овцеводства, добиться резкого сокращения падежа скота, полного сохранения молодняка, решительного улучшения постановки племенного дела и развития кормовой базы животноводства;

б) добиться строгого соблюдения социалистической законности и государственной дисциплины во всех звеньях советского аппарата;

в) повысить качество работы школ и обеспечить переподготовку учителей: создать условия для закрепления медицинских работников на местах;

г) усилить работу по выращиванию кадров и выдвижению лучших работников из коренного населения в советские, хозяйственные и культурные органы и учреждения;

д) перестроить работу облисполкома и всех советов, подняв ее на уровень, отвечающий требованиям Сталинской Конституции; широко вовлекать трудящиеся массы в повседневную работу советов; ставить систематически на собраниях избирателей отчеты исполкомов и советов и доклады депутатов об их работе и выполнении наказов и предложений избирателей.

2. Предложить Западно-Сибирскому крайисполкому усилить свою помощь областным и низовым органам Ойротской автономной области по улучшению их работы, по дальнейшему развитию хозяйственного и социально-культурного строительства и укрепления области кадрами.

3. Поручить СНК РСФСР:

а) обязать НКЗем РСФСР предусмотреть в плане 1938 г. отпуск средств на разработку проекта орошения высокогорных степей в Кош-Агачском аймаке Ойротской автономной области для улучше-

ния кормовой базы;

б) предложить НКПрому РСФСР к 1 августа 1937 г. закончить проектирование строительства в 1938 г. в Ойротской автономной области двух мельниц (одну из них с установкой высокосортного помола), завода безалкогольных напитков, завода по переработке ягод и орехов и механизированной пекарни в городе Ойрот-Тура;

в) предложить Госплану и НККХозу РСФСР запроектировать в плане на 1938 г. строительство жилых домов в гор. Ойрот-Тура для учителей и врачей (два дома по 8 квартир и один дом на 18 квартир) и для специалистов сельского хозяйства в 4 аймачных центрах по одному дому на 2—3 квартиры.

Обязать НККХоз РСФСР к 1 августа 1937 г. закончить проектирование строительства в 1938 г. в г. Ойрот-Тура гостиницы на 50 номеров.

г) Предложить Госплану и НККХозу РСФСР выделить для Ойротской автономной области по плану 1937 г. 20 грузовых автомашин и 2 автобуса;

д) обязать НКЗдрав: командировать в Ойротскую автономную область на постоянную работу в 1937 г. 5 врачей и в 1938 г. — 15 врачей; построить в 1938 г. два новых типовых здания для больниц в аймцентрах (в Усть-Кане — на 30 коек и Чое — на 20 коек) женскую и детскую консультации в г. Ойрот-Тура, родильные дома в Ойрот-Тура на 15 коек и в Шебалине на 7 коек; обеспечить в 1938 г. строительство учебного здания и общежития для фельдшерско-акушерской школы; снабдить в 1937 г. дополнительно оборудованием и аппаратурой поликлинику в гор. Ойрот-Тура и выделить 2 автомашины скорой помощи;

е) предложить НКПросу РСФСР: предусмотреть в плане на 1938 г. строительство 5 новых пришкольных интернатов в аймаках; дооборудовать в 1937 г. существующие 75 интернатов, отпустить дополнительно из средств НКПроса в III квартале т.г. 150 тыс. руб. на оборудование учебных кабинетов и 50 тыс. руб. на пополнение школьных библиотек; запроектировать в 1938 г. 2 дома культуры (Эликмонар, Усть-Кокса);

ж) предложить Управлению кинофикации при СНК РСФСР в 1937-1938 гг. обеспечить организацию в каждом районном центре Ойротской автономной области по одной звуковой кинопередвижке с собственными электростанциями;

з) предложить НКВнуторгу РСФСР предусмотреть в плане на 1938 г. строительство магазинов и складских помещений для госторговли в аймачных центрах: Турачаке, Усть-Кане, Усть-Коксе и Чое;

и) обязать Центросоюз в 1937 г. закончить строительство двух раймагазинов. предусмотреть в планах 1938 г. строительство 4 сельских магазинов в пограничных и национальных аймаках (Кош-Агач, Усть-Кан, Онгудай) с расчетом окончания их в 1938 г.; кроме того, предусмотреть в 1938 г. переоборудование и механизацию складского хозяйства Ойротского облпотребсоюза и постройку одной оптовой базы в Усть-Кане;

к) предложить Госплану РСФСР и облисполкому Ойротской автономной области предусмотреть в плане на 1938 г. строительство с трудучастием населения следующих профилированных и грунтовых дорог: Турачакский тракт - Телецкое озеро (Ойрот - Тура - Чоя - Турачак — Телецкое); Уймонский тракт (достройка — соединение Усть-Коксинского и Усть-Канского аймаков с Чуйским трактом через Ело и Иню) и окончание дороги Чибит - Улаган;

л) обязать Всекопромсовет дополнительно отпустить Ойротскому Многопромсоюзу в 1937 г. 120 тыс. руб. на открытие в районах Улаган, Турачак, Эликмонар промпредприятий сапожного, шорного, пошивочного, пищевкусового и др. и 100 тыс. руб. на расширение уже существующих предприятий и цехов в других аймаках.

4. Принять к сведению заявление НКЗема Союза ССР о том, что:

а) в 1937 г. будет выделено Ойротской автономной области для улучшения местной породы скота 10 голов классных баранов типа американского «Рамбулье» и 10 ангорских козлов, а в 1938 г. будет учтена необходимость дальнейшего завоза племенного породистого скота;

б) будет командировано в 1937 г. в Ойротскую автономную область 10 ветврачей на постоянную работу.

5. Просить СНК Союза ССР:

а) продлить до 1939 г. включительно действие постановления СНК Союза ССР от 7 января 1936 г. за № 22 о замене зернопоставок мясом и распоряжения СНК СССР от 1 апреля 1936 г. № 240 о бесплатном отпуске леса для колхозов, переходящих на оседлый образ жизни;

б) предложить НКЗему Союза ССР предусмотреть организацию новой МТС в Ойротской автономной области в III квартале 1937 г., обеспечив указанную МТС средствами производства и капитальными вложениями в пределах утвержденного плана Западно-Сибирского края на 1937 г.;

в) поручить НКВоду СССР обследовать возможность организации в 1938 г. судоходства по рр. Катунь и Бие;

г) предложить НКСвязи СССР предусмотреть в плане на 1938 г. постройку 10-киловаттной ради-

овещательной станции в г. Ойрот-Тура и реконструкцию 3 трансузлов в аймцентрах;

д) поручить Всесоюзному комитету по делам искусств при СНК СССР предусмотреть в плане на 1938 г. строительство в гор. Ойрот-Тура Дома культуры стоимостью не свыше 800 тыс. руб., со зрительным залом на 350-400 мест;

е) поручить Сельскохозяйственной академии имени Ленина продолжить по линии Всесоюзного института растениеводства опыты внедрения отдельных типов сельскохозяйственных культур в колхозах Ойротской области;

ж) предложить НКЛесу Союза ССР проработать в течение 1937 г. вопрос об организации на базе электроэнергии Чемальской гидроэлектростанции деревоперерабатывающего предприятия на р. Катунь.

6. Принять к сведению заявление ВЦСПС (тов. Аболина) о том, что по линии ВЦСПС в 1937 г. предусматриваются затраты на развитие туризма в сумме 472 тыс.руб., в том числе на окончание Дома туриста на 60 мест на Телецком озере, в Аскате заканчивается постройкой Дом туриста на 100 чел., а так же выделяются средства на транспорт и другие расходы.

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета, поздравляя трудящихся Ойротии с 15-летием существования автономной Ойротской области, выражает уверенность в том, что трудящиеся Ойротии под руководством областных партийных и советских органов будут и впредь неустанно бороться за укрепление могущества советского государства, за развитие богатства Ойротской автономной области и за подъем ее культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Председатель Всероссийского центрального исполнительного комитета

Секретарь Всероссийского центрального исполнительного комитета

М. Калинин.

А. Киселев.

Москва. Кремль.

20 апреля 1937 г.

Никандр Алексеев

АЛТЫН-НОР

(Легенда о золотом - Телецком озере)

(Печатается по: *Сибирские огни*. - 1937. - № 3. - С. 22-23)

Где, бунтуя, дробит берега Алтын-Нор,
Было сухо когда-то в долине.
Ни прозваний озерных, ни самых озер
Не бывало тогда и в помине.

И сухою ногой каждый посуху шел,
Взгляду было и любо, и мило:
Там маральника алого шелк,
Тут веселая зелень манила.

Но собрату сказал богатырь, что, пожалуй, пора
Тетивы натянуть им потуже:
- У меня есть гора, у тебя есть гора,
А долина, долина кому же?
И собрат-богатырь отозвался в тоске:
- Пусть владения будут твоими,
Если я не сдержу на моем языке
Слово «женщина» - нежное имя.

Но пускай и тебя постигает беда, -
Богатырское дело сурово.
Назову я мою долину, когда
Скажешь первым запретное слово.

Подоспела зима. И о том, и о сем
Толковать бы им: много ли снега,
Сколько свило на поле долинном лисье
Завитушек-веревочек следа...

Удлиняя недолгие зимние дни,
Бесконечные ночи печала,
Непокорные губы кусая, они
Как с рожденья немые – молчали.

Наконец, и берлогу покинул медведь,
Лисий хвост излохматился снова...
Кто же может весной запреты терпеть
И несказанным выдержать слово?

Разве был на Алтае подобный пример?
Вот елани в сиянии лунном,
Где гудел так приветливо иглами кедр,
Точно иглы – топшурные струны!

И случилось увидеть им ту впереди,
О которой заказано слово:
Только словом, попробуй, обмолвись один –
И долина, по праву, другого.

Струны сладкие слышали птицы и зверь, –
Так еще ни одна не играла.
У играющей пальцы бежали резвей
Легкононогого в беге марала.

Не случилось им слышать в алтайской стране
Слаще шелеста струны топшура,
И увидеть им девичьи очи черней,
Чем лисы чегедек чернобурий.

И, конечно, из них полюбить каждый прав
За весну ль, за игру ль, за глаза ли...
Позабыв про долину и запахи трав,
– Это женщина! – разом сказали.
Грянул гром сквозь вечернюю мутную мглу,
И оборваны стройные звуки, –
То разбила топшур золотой о скалу
Смуглой женщины легкие руки.

Не собрать им ни щепок, ни порванных струн,
Что сулили долину и счастье...
О скалу раскололи любовь и игру
На рыданья, на стоны, на части.

Только знает гора, на вершине – земля,
Как соперники ночь проводили:
В эту ночь непроглядные ливни ливня
На долину цветущую лили.

Ливни струнных рыданий и девичьих слез
Лили долго, пока на востоке
Не блеснула заря. Сколько вас пронеслось
В эту ночь, золотые потоки?

На заре отдаленные жители гор
Подымались толпой на вершину
Поглядеть, как внизу между скал Алтын-Нор
Бушевал, заполняя долину.

Если станешь из озера золото пить,
Слушать Бию, бегущую споро,
То до самой могилы тебе не забыть
Беспокойной волны Алтын-Нора.

Подойдя к берегам, где столетний кедрач
Думы долги думает хмуро,
Ты услышишь идущий из озера плач
Да бывшее рыданье топшура.

Савва Кожневиков

МАШИНА ИДЕТ В КОШ-АГАЧ

(Печатается по: Сибирские огни. - 1937. - № 3. - С. 67-83)

ТРАКТ В ГОРАХ

Машина набирает скорость. Мелкий гравий стучит по кузову и редким градом рассыпается по откосу. Свистит осенний ветер.

Я приподнимаюсь в автомобиле и смотрю вперед, на прямую ленту тракта. По нему идут машины. Немного впереди нас – тоже легковая, виден её номер. Дальше – целая колонна трехтонок, а еще дальше... Машины, машины! Некоторые так далеко, что нельзя различить их контуры, видны только облачка пыли на голубом горизонте.

По правую сторону тракта по широкой долине бежит с гор навстречу нам Катунь. За многие века после того, как спускался здесь ледник из гор в Западно-Сибирскую низменность, Катунь создала себе широкое русло и течет тут спокойно, переливаясь на солнце бирюзовыми струями.

Светло-серое шоссе уходит в голубую даль. В эту даль, в алтайские горы, идут машины. Горы открылись сгущенной сизой дымкой, зубчатые, как причудливое сновидение. За вершину Бобыргана зацепились клочья облаков и застыли. Гора из легко-дымчатой постепенно становится темно-синей и грозной, она хмуро поглядывает на нас.

Мы едем пять минут, десять, полчаса и никак не можем укрыться от этой горы. Автомобиль временами резко бросается в противоположную от горы сторону, прячется за скалами, а Бобырган смотрит на нас зорко и настороженно, кажется, он поворачивает свою скалистую голову, обвитую туманом. И только около Маймы, убедившись, очевидно, что мы не причиним никакого зла горам, сторожевой Бобырган упускает нас из виду, скрывается за какой-то сопкой.

Про Бобырган в Алтае бытуют величественные легенды. В Ойротии с каждой рекой, горным озером, высоким перевалом связаны страницы богатейшего эпоса, сотканного из ярких иносказаний и смелых гипербол.

В тихом алтайском поселке, на берегу быстроводной Катунь, нам рассказали легенду о богатыре Сартакпае, первом здешнем строителе мостов. Это был большой и сильный человек. Однажды он бросил камень в гусей, и камень этот, перелетев через весь Алтай, упал у Чибита на берегу зеленоводной Чуи. Многие богатыри брались за этот камень, но не могли сдвинуть его с места.

Решил однажды богатырь Сартакпай соорудить через Катунь гранитный мост. Слез с коня, уперся ногами в серые плиты. Алтай стал колебаться, лежащий камень рушиться, стоящий лес ломаться. Три вечерних зари бросал богатырь глыбы в многоводную реку. Ворчала Катунь, гневалась. Доволен был Сартакпай, потешался над Катунью. Но вот после четвертой зари вышел Сартакпай на работу, смотрит – вода все разметала. Шумит Катунь, смеется над Сартакпаем.

Он был бессилен, этот ойротский богатырь, на плечах которого гириями висели бан и русские купцы, проложить в горах дороги, соорудить через реки мосты. В сказочном образе Сартакпая народ воплотил свое горе и свою мечту.

До революции на Алтае не было дорог. В алтайском языке не было слова «колесо». Здесь были только тропы. Они лепились по горам, по отвесным карнизам, проходили по темным сырým ущельям. Одна нога всадника упиралась в скалу, другая висела над пропастью, в которой где-то в темной глубине ревели горная река. А вот сейчас...

Впрочем, мы забежали вперед. Наша машина только еще идет на подъем. Около Маймы высотометры показывают 365 метров над уровнем моря. Здесь начинается Ойротия.

Долина Катунь постепенно становится уже. В какую-то неуловимую минуту горы обступают нас со всех сторон. Вокруг нет ничего, кроме их скалистых ребер. Местами скалы подходят вплотную к реке, поджимая к самому её берегу светло-серую ленту горного тракта. Лента то извивается, то смелым и широким взмахом взбирается на карнизы, на выступы гор, к хмурым клочьям тумана. Ревёт Ка-

тунь. Она не похожа здесь на ту спокойную мутноводную, какой мы видели её в бийских предгорьях, у ног Бобыргана. Кажется, это две разные реки. Там – обессиленная масса воды. Здесь – неумный, бьющийся в скалы голубой зверь. Около Манжерока какой-то другой Сартакпай пробовал преградить путь этой горной неукротимой реке. Катунь бьет грудью о камни, с ревом перекачивается через них. Непрерывный шум стоит в долине от манжерокских порогов.

Машина идет по скале, падающей отвесной стеной на несколько десятков метров. Внизу, стиснутая в каменных глыбах берегов, приглушенно гудит река.

Это первый бом Чуйского тракта. Здесь в старые времена с трудом проходила двуколка. А наш шофер невозмутимо ведет машину на второй скорости, и она легко, как по асфальту городского проспекта, проскальзывает бом. Позади остается лишь едва заметная струйка пыли.

Долины и перевалы, по которым проложен великий Чуйский тракт, являются одним из древнейших проходов из Азии Восточной в Азию Северную и в Европу. Кош-Агачская и Курайская степи, Чуйская и Урскульская долины усеяны древними могилами, разбросанными во времени на тринадцать веков. По местам этим проходили великие переселения народов. Здесь разыгрывались сражения на развалинах царства Чингис-Хана. Здесь разгуливали когда-то все уничтожавшие полчища монголов.

По этому «проходу» ворвалась на Алтай в восемнадцатом веке хищная стая царских чиновников и торгашей. Чуйская тропа была одним из стратегических и торговых путей царского империализма.

Шли годы, десятилетия, прошло почти два века господства русского царизма на Алтае, а горы его по-прежнему оставались опоясанными лишь узкой выючной тропой. Царизм не принес сюда даже минимального технического прогресса. На нашем пути встречаются иногда следы этой выючной тропы. Она идет дикими скачками, применяясь к каждому изгибу скалы, к каждому камню. Тропа то падает почти отвесно вниз, то растворяется в курумнике, то вновь карабкается на крутизну, доступную только алтайскому козерогу. Мы хотели было сфотографировать таратайку на старой тропе. Таратайку достали, но в соседней деревне не нашлось ни одного человека, который согласился бы проехать сейчас по этой тропе.

Сорок лет назад приказчик при чайном караване, шедшем из Кобдо в Бийск, записал в дневнике:

«Чуйская дорога составляет самый трудный участок пути. Она проходит в узкой долине р. Чуи, взбираясь иногда на вершины отвесных утесов. Местами дорогу перегораживают каменные пороги, через которые животное должно перелезти, а между тем с правой стороны у него отвесная скала, а с левой – обрыв в Чую. Чуть неверный шаг и животное вместе с грузом и людьми летит в реку».

В 1912 году было торжественно объявлено, что барнаульский исправник Лучшев и подрядчик Смирнов на месте тропы «проложили» Чуйскую колесную дорогу. Недалеко от Ини на камне сохранилась надпись:

«1912. По распоряжению г. Томского губернатора князя С. А. Вяземского 7 мая 1901 года г-ном барнаульским исправником Ф. И. Лучшевым и подрядчиком А. С. Смирновым приступлено к устройству Чуйского колесного пути. В настоящем году доведен до с. Онгудай, до Ерь-бома второго. Работа закончена 1 сентября».

Кроме этой надписи, мало что прибавилось тогда на Чуйской дороге. По ней с трудом проезжали двухколесные таратайки, которые нередко ящики подпирали собственными плечами. На Семинском перевале возчики распрягали лошадей и груз переносили на своих спинах. По Белому бому даже смелые всадники проводили лошадей в поводу, предварительно долго переключаясь, чтобы не натолкнуться на встречного – двум лошадям негде было разъехаться. А настоящая дорога, которая дала бы человеку силу и власть над горами, жила только в мечте народа, воплощенной в образе богатыря Сартакпая.

...Машина не уменьшает скорость. Она идет по новому тракту, с северо-запада на юго-восток – на восход солнца, как поется в алтайских песнях. Колеса мягко шуршат по широкому полотну. Навстречу несутся верстовые столбы и многочисленные условные знаки – молчаливые регуляторы автомобильного движения. То справа, то слева неожиданно возникают частоколы столбов по бортам дороги – они страхуют автомобили на опасных участках. С белков бьет в лицо остуженный снегом горных вершин резкий ветер. Он приносит к нам в кузов запахи альпийских лугов и ойротской осени. Но он же, как горный вентилятор, собирает поднятую встречными автомашинами пыль и осыпает нашу маленькую «газовку». Шофер не убирает руки с sireны. Здесь большое движение и много поворотов. Вот машина метнулась в сторону, забралась на какой-то выступ, вдруг закружилась по крутой петле, потом, как бы оправившись от минутного замешательства, снова мчится по прямой ленте – тракт выпрямился.

Он еще совсем молодой, этот горный автомобильный тракт. Первая скала была здесь взорвана в 1930 году. И в тридцатом же году пошла по нему первая машина. Труден был Семинский перевал. Случалось, срывались машины с Белого бома, часто мучились шоферы на Менах, почти всегда буксовали грузовики на Красной горе. Но в ущельях и долинах Алтая гремел аммонал. Строители рассекали

горы, отвоевывали у скал ровные и широкие террасы.

Прошло еще два-три года и через горные хребты были устроены удобные перевалы, утрамбованы камнем болотные топи. Через всю Ойротию – упругое гравийное полотно.

«Тихий ход!» – предупреждает придорожный столб. Из зарослей лиственниц неожиданно возникает мост. Величественный и эпически спокойный. Мощно распластавшийся над бурной рекой, он стоит здесь, словно сторожевой человек. Машина сбавляет скорость и, как прославленный алтайский богатырь Кускун-Кара-Матыр, который «через синее море по птичьему крылу переправлялся», – спокойно переезжает неугомонную и неприступную Катунь. Река, кажется, недовольна, она набрасывается на столбы сооружений человека, угрожающе урчит в водоворотах. Но что она может поделать!

ПОЙМАННАЯ МОЛНИЯ

Первую остановку мы сделали на туристской базе Аскат, в двадцати километрах от тракта. Был вечер. Верхушки гор подернулись легким багрянцем, в ущельях сгущалась тьма. И только через расщелины скал еще прорывалось в долину солнце, переливаясь ярко-золотистыми блестками на камнях высокого берега, на пожелтевших лиственницах.

Но это был последний румянец уходящего дня. Из ущелий ползла на крутосклон осенняя ночь, вырывая у солнца то отдельное дерево, то прибрежный камень. День угасал где-то за Согонту. По преданию гора эта – стрела легендарного Сартакпая, которую он пустил из Чемала на расстоянии двадцати километров.

В долину спускалась ночь. Тихо. Где-то сорвался с высоты камень, застучал о выступы гранита. И опять тихо. Даже Катунь, кажется, шумит как-то приглушенно. Её равномерные всплески воспринимаются как тихое биение собственного пульса.

В Аскате была шумная встреча. Но когда над туристской базой нависло чистое звездное небо, никому из нас не хотелось нарушать покой ночи. Мы покинули берег реки и в небольшой уютной комнате стали молча изучать по карте (в который уже раз!) свой маршрут по Ойротии. Мы проехали по этой стране уже около двухсот километров. Мы прочли о ней много книг. И в нашем воображении легко проступает через сухие линии и условные знаки карты живая страна. Горы Ойротии древни и величественны. Но они не подавляют человека. Вот за каким-то поворотом тракта встали грозные скалы, темно-синие и угрюмые. Но вы не успеете взглянуть в них, как появляются новые хребты и сопки, поражающие обилием прямых линий и яркостью красок: то коричневых, то светло-зеленых, то белых и даже розовых. И чем дальше вы едете на юг, тем все чаще встают перед вами то сине-полосатые склоны, то фиолетовые холмы, то ярко-желтые скалы. На ртутной горе в Чаган-Узуне мы видели хребет, который по богатству и яркости красок кажется застывшей, окаменелой радугой.

Из долин и ущелий горы осаждаются плотной островерхой тайгой. По северным их склонам гроздятся цепкие сосны, угрюмые кедры и нежные лиственницы. Иногда они окружают невысокие сопки со всех сторон и окутывают их мохнатой шубой.

В складках гор и увалах – непроходимые заросли смородины и малины. Весной по долинам гор ветер разносит тонкими струйками пьянящий аромат черемухи и сирени. В Ойротии вечно живая и кристаллически чистая вода. Озера здесь многоводны. Водопады шумны и величественны. Реки разнообразны. В ущелья Аккем гремит бело-молочная вода, в Турочаке течет спокойная и глубокая Бия. За Семинским перевалом беспокойно стучит о камни зеленоводный Урсул. На юго-востоке бешено мечется между серых скал изумрудно-малахитовая Катунь.

Озера и реки полны чудесной рыбы: в бурных потоках жирные хариусы жадно хватают крючок с насаженным конским волосом. Из горных озер сети вытаскивают тяжеловесного сига, налима и окуня.

В девственных лесах и высоко в горах на отвесных скалах бродят копытные звери: сибирский козлог – тау-тэкэ, северный олень, марал, лось, косуля, джейран, кабарга.

Одну пятую часть всей пушнины Западной Сибири дает маленькая Ойротия. Здесь водятся белки и лисицы, рыси и горностаи, россомахи и медведи.

Богаты альпийские луга. Плодородная земля брызжет струями сочной травы. Горный Алтай – богатейшая сокровищница растительного мира. Здесь прекрасная база для социалистического животноводства. Здесь полторы тысячи видов растений – десятая часть всего ботанического состава Советского Союза.

Цветы Ойротии ярки и пахучи. Ранней весной, когда лежит еще снег в долинах, цветет фиолетово-красный маральник, замечательный кустарник солнечного Алтая. Потом появляется темно-голубая таранка, небесно-синий подснежник, розовые пионы, северные азалии, белые левкои. Буйные цветы заливают Ойротию кипящими волнами красок.

Увлекательно путешествие по этой стране! Мы все немножко размечтались над картой. Мысли носились то у вечных ледников Белухи, то около дремучей тайги Улагана, то у безмолвной каменистой

тунь. Она не похожа здесь на ту спокойную мутноводную, какой мы видели её в бийских предгорьях, у ног Бобыргана. Кажется, это две разные реки. Там – обессиленная масса воды. Здесь – неумный, бьющийся в скалы голубой зверь. Около Манжерока какой-то другой Сартакпай пробовал преградить путь этой горной неукротимой реке. Катунь бьет грудью о камни, с ревом перекачивается через них. Непрерывный шум стоит в долине от манжерокских порогов.

Машина идет по скале, падающей отвесной стеной на несколько десятков метров. Внизу, стиснутая в каменных глыбах берегов, приглушенно гудит река.

Это первый бом Чуйского тракта. Здесь в старые времена с трудом проходила двуколка. А наш шофер невозмутимо ведет машину на второй скорости, и она легко, как по асфальту городского проспекта, проскальзывает бом. Позади остается лишь едва заметная струйка пыли.

Долины и перевалы, по которым проложен великий Чуйский тракт, являются одним из древнейших проходов из Азии Восточной в Азию Северную и в Европу. Кош-Агачская и Курайская степи, Чуйская и Урскульская долины усеяны древними могилами, разбросанными во времени на тринадцать веков. По местам этим проходили великие переселения народов. Здесь разыгрывались сражения на развалинах царства Чингис-Хана. Здесь разгуливали когда-то все уничтожавшие полчища монголов.

По этому «проходу» ворвалась на Алтай в восемнадцатом веке хищная стая царских чиновников и торговцев. Чуйская тропа была одним из стратегических и торговых путей царского империализма.

Шли годы, десятилетия, прошло почти два века господства русского царизма на Алтае, а горы его по-прежнему оставались опоясанными лишь узкой вьючной тропой. Царизм не принес сюда даже минимального технического прогресса. На нашем пути встречаются иногда следы этой вьючной тропы. Она идет дикими скачками, применяясь к каждому изгибу скалы, к каждому камню. Тропа то падает почти отвесно вниз, то растворяется в курумнике, то вновь карабкается на крутизну, доступную только алтайскому козерогу. Мы хотели было сфотографировать таратайку на старой тропе. Таратайку достали, но в соседней деревне не нашлось ни одного человека, который согласился бы проехать сейчас по этой тропе.

Сорок лет назад приказчик при чайном караване, шедшем из Кобдо в Бийск, записал в дневнике:

«Чуйская дорога составляет самый трудный участок пути. Она проходит в узкой долине р. Чуи, взбираясь иногда на вершины отвесных утесов. Местами дорогу перегораживают каменные пороги, через которые животное должно перелезти, а между тем с правой стороны у него отвесная скала, а с левой – обрыв в Чую. Чуть неверный шаг и животное вместе с грузом и людьми летит в реку».

В 1912 году было торжественно объявлено, что барнаульский исправник Лучшев и подрядчик Смирнов на месте тропы «проложили» Чуйскую колесную дорогу. Недалеко от Ини на камне сохранилась надпись:

«1912. По распоряжению г. Томского губернатора князя С. А. Вяземского 7 мая 1901 года г-ном барнаульским исправником Ф. И. Лучшевым и подрядчиком А. С. Смирновым приступлено к устройству Чуйского колесного пути. В настоящем году доведен до с. Онгудай, до Ерь-бома второго. Работа закончена 1 сентября».

Кроме этой надписи, мало что прибавилось тогда на Чуйской дороге. По ней с трудом проезжали двухколесные таратайки, которые нередко ямщики подпирали собственными плечами. На Семиинском перевале возчики распрягали лошадей и груз переносили на своих спинах. По Белому бому даже смелые всадники проводили лошадей в поводу, предварительно долго переключаясь, чтобы не натолкнуться на встречного – двум лошадям негде было разъехаться. А настоящая дорога, которая дала бы человеку силу и власть над горами, жила только в мечте народа, воплощенной в образе богатыря Сартакпая.

...Машина не уменьшает скорость. Она идет по новому тракту, с северо-запада на юго-восток – на восход солнца, как поется в алтайских песнях. Колеса мягко шуршат по широкому полотну. Навстречу несутся верстовые столбы и многочисленные условные знаки – молчаливые регуляторы автомобильного движения. То справа, то слева неожиданно возникают частоколы столбов по бортам дороги – они страхуют автомобили на опасных участках. С белков бьет в лицо остуженный снегом горных вершин резкий ветер. Он приносит к нам в кузов запахи альпийских лугов и ойротской осени. Но он же, как горный вентилятор, собирает поднятую встречными автомашинами пыль и осыпает нашу маленькую «газовку». Шофер не убирает руки с sireны. Здесь большое движение и много поворотов. Вот машина метнулась в сторону, забралась на какой-то выступ, вдруг закружилась по крутой петле, потом, как бы оправившись от минутного замешательства, снова мчится по прямой ленте – тракт выпрямился.

Он еще совсем молодой, этот горный автомобильный тракт. Первая скала была здесь взорвана в 1930 году. И в тридцатом же году по нему пошла первая машина. Труден был Семиинский перевал. Случалось, срывались машины с Белого бома, часто мучились шоферы на Менах, почти всегда буксовали грузовики на Красной горе. Но в ущельях и долинах Алтая гремел аммонал. Строители рассекали

горы, отвоевывали у скал ровные и широкие террасы.

Прошло еще два-три года и через горные хребты были устроены удобные перевалы, утрамбованы камнем болотные топи. Через всю Ойротию – упругое гравийное полотно.

«Тихий ход!» – предупреждает придорожный столб. Из зарослей лиственниц неожиданно возникает мост. Величественный и эпически спокойный. Мощно расластавшийся над бурной рекой, он стоит здесь, словно сторожевой человек. Машина сбавляет скорость и, как прославленный алтайский богатырь Кускун-Кара-Матыр, который «через синее море по птичьему крылу переправлялся», – спокойно переезжает неугомонную и неприступную Катунь. Река, кажется, недовольна, она набрасывается на столбы сооружений человека, угрожающе урчит в водоворотах. Но что она может поделаться!

ПОЙМАННАЯ МОЛНИЯ

Первую остановку мы сделали на туристской базе Аскаг, в двадцати километрах от тракта. Был вечер. Верхушки гор подернулись легким багрянцем, в ущельях сгущалась тьма. И только через расщелины скал еще прорывалось в долину солнце, переливаясь ярко-золотистыми блестками на камнях высокого берега, на пожелтевших лиственницах.

Но это был последний румянец уходящего дня. Из ущелий ползла на крутосклон осенняя ночь, вырывая у солнца то отдельное дерево, то прибрежный камень. День угасал где-то за Согонту. По преданию гора эта – стрела легендарного Сартакпая, которую он пустил из Чемала на расстоянии двадцати километров.

В долину спускалась ночь. Тихо. Где-то сорвался с высоты камень, застучал о выступы гранита. И опять тихо. Даже Катунь, кажется, шумит как-то приглушенно. Ее равномерные всплески воспринимаются как тихое биение собственного пульса.

В Аскаге была шумная встреча. Но когда над туристской базой нависло чистое звездное небо, никому из нас не хотелось нарушать покой ночи. Мы покинули берег реки и в небольшой уютной комнате стали молча изучать по карте (в который уже раз!) свой маршрут по Ойротии. Мы проехали по этой стране уже около двухсот километров. Мы прочли о ней много книг. И в нашем воображении легко проступает через сухие линии и условные знаки карты живая страна. Горы Ойротии древни и величественны. Но они не подавляют человека. Вот за каким-то поворотом тракта встали грозные скалы, темно-синие и угрюмые. Но вы не успеваете взглянуть в них, как появляются новые хребты и сопки, поражающие обилием прямых линий и яркостью красок: то коричневых, то светло-зеленых, то белых и даже розовых. И чем дальше вы едете на юг, тем все чаще встают перед вами то сине-полосатые склоны, то фиолетовые холмы, то ярко-желтые скалы. На ртутной горе в Чаган-Узуне мы видели хребет, который по богатству и яркости красок кажется застывшей, окаменелой радугой.

Из долин и ущелий горы осаждаются плотной островерхой тайгой. По северным их склонам громоздятся цепкие сосны, угрюмые кедры и нежные лиственницы. Иногда они окружают невысокие сопки со всех сторон и окутывают их мохнатой шубой.

В складках гор и увалах – непроходимые заросли смородины и малины. Весной по долинам гор ветер разносит тонкими струйками пьянящий аромат черемухи и сирени. В Ойротии вечно живая и кристаллически чистая вода. Озера здесь многоводны. Водопады шумны и величественны. Реки разнообразны. В ущелья Аккем гремит бело-молочная вода, в Турочаке течет спокойная и глубокая Бия. За Семинским перевалом беспокойно стучит о камни зеленоводный Урсул. На юго-востоке бешено мечется между серых скал изумрудно-малахитовая Катунь.

Озера и реки полны чудесной рыбы: в бурных потоках жирные хариусы жадно хватают крючок с насаженным конским волосом. Из горных озер сети вытаскивают гяжеловесного сига, налима и окуня.

В девственных лесах и высоко в горах на отвесных скалах бродят копытные звери: сибирский козерог – тау-тэкэ, северный олень, марал, лось, косуля, джейран, кабарга.

Одну пятую часть всей пушнины Западной Сибири дает маленькая Ойротия. Здесь водятся белки и лисицы, рыси и горностаи, росомахи и медведи.

Богаты альпийские луга. Плодородная земля брызжет струями сочной травы. Горный Алтай – богатейшая сокровищница растительного мира. Здесь прекрасная база для социалистического животноводства. Здесь полторы тысячи видов растений – десятая часть всего ботанического состава Советского Союза.

Цветы Ойротии ярки и пахучи. Ранней весной, когда лежит еще снег в долинах, цветет фиолетово-красный маральник, замечательный кустарник солнечного Алтая. Потом появляется темно-голубая таранка, небесно-синий подснежник, розовые пионы, северные азалии, белые левкои. Буйные цветы заливают Ойротию кипящими волнами красок.

Увлекательно путешествие по этой стране! Мы все немножко размечтались над картой. Мысли носились то у вечных ледников Белухи, то около дремучей тайги Улагана, то у безмолвной каменистой

пустыни Кош-Агача. И мы невольно вздрогнули, когда к карте неожиданно подошел старик Сюгунчи Тодышев, наш новый знакомый, и ткнув в неё своим старческим смуглым пальцем, строго осведомился:

– Новой?

Мы показываем ему год издания. Тодышев не смотрит. Он ведет пальцем по голубой линии, изображающей реку Катунь, перескакивает на зеленые пятна, на коричневые штрихи. Смуглое, широкое лицо его строго. Но вот около губ скользнула веселая морщинка, глаза его еще больше сузились. Тодышев доволен.

– Однако, верно, новой. Слушай, товарищ, это мой карта. Ай якши карта!

Сюгунчи Тодышев показывает две точки: одну вверх по Катунь, другую где-то ниже Артыбаша и снова повторяет:

– Это мой карта.

Начался разговор о картах. И мы узнаем, как делается новая карта новой Ойротии.

В 1930 году на Алтай приехала экспедиция мелиораторов. Ей очень нужна была река Кебезень. Начальник развернул карту, показал на ней Тодышеву какую-то точку и попросил проводить экспедицию. Тодышеву стало смешно: там нет никакой реки. Однако начальник настаивал:

– Как нет! Больше ста лет на всех картах она показывается на этом месте.

Сюгунчи Тодышев повел экспедицию.

Реки, разумеется, не оказалось. Там, где она была обозначена на карте, в действительности – бом Кэмингуэй. Угрюмый и опасный. Экспедиция едва по нему пробралась. А потом еще ехала день и ночь, и еще день и ночь. И когда очутились ниже Артыбаша, Тодышев остановил лошадь на берегу небольшой горной речки и сообщил:

– Вот Кебезень.

Конечно, все обрадовались. Эта речка почему-то очень нужна была экспедиции. Начальник предложил присвоить её имя проводника. Тодышев решительно отказался:

– Не надо реку называть Сюгунчи, не надо!

Почему же ты отказался? – спросили мы Тодышева. Он окинул нас пытливым взглядом и с еле уловимой хитрецей в голосе сообщил:

– Зачем реку Сюгунчи называть? Здесь все Сюгунчи⁸⁴.

Сюгунчи Тодышев – проводник. В 1935 году он проехал по своей стране около пяти тысяч километров. В 1936 году шесть раз сопровождал туристов в Артыбаш, два раза на водопад Бельтыртуюк, три раза на Каракольские озера. Он ездил по Алтаю с экспедициями геологов, кинооператоров, мелиораторов, географов.

Мы видели, как Сюгунчи Тодышев сопровождал очередную партию туристов. Около Катунь он предложил остановить лошадей, подошел к Катунь, указал кнутовищем вверх по течению и сказал:

– Хороший река. – И не находя, очевидно, русского сравнения, добавил по-алтайски: – Ялкын ошкош яраш! (Красивая, как молния).

Проводник стоял на сером камне, наполовину залитом водой.

– Сильная река, – продолжал Сюгунчи. – Она много может дать электричества. Так много, что на небе не будет видно звезд.

И мы снова вспомнили богатыря Сартакпая. Это был богатырь-строитель. Он пытался не только сооружать мосты и дороги. Он ловил молнии-ялкыны и прикреплял их к скалам: освещайте! Катунь может родить сотни таких молний, она – неиссякаемый источник белого угля. Две электрических молнии уже вспыхнули в долинах Ини и Чемала. Освещайте! Через несколько часов Тодышев остановит туристов около Чемальской гидростанции и торжественно объявит: «Ялкын ошкош яраш!»

Однако, беседа идет пока на берегу Катунь. Тодышев хозяйственно рассказывает о семкинском камне, который обязательно нужно взорвать, чтобы он не мешал лесосплаву, о доннике, желтой люцерне и пырея, которые, не сея, можно ежегодно собирать на альпийских лугах Алтая и экспортировать во все районы страны, о колычакских золотых самородках, которые попадают все чаще и чаще.

Туристы, в числе которых были кузбасские горняки и томские профессора, поспешно вытащили блокноты и стали записывать.

Нет, Сюгунчи Тодышев не проводник. Это хозяин, гостеприимный хозяин, который с гордостью и достоинством показывает гостям богатство и красоту своей молодой родины.

... Я распахнул окно. В комнату ворвался ночной холодок гор.

Однако, спать надо, – сказал Сюгунчи и, пожимая нам руки, попросил: – Товарищ, будешь в городе, зайди на станцию погоды. Привет надо сыну сказать.

Сын проводника Сюгунчи Тодышева – организатор первой метеорологической станции и первый метеоролог Ойротии.

⁸⁴ Сюгун – по-алтайски значит радость.

КАК СЛОЖИЛАСЬ ПЕСНЯ

За катунским мостом тракт поворачивает на юго-запад и идет по долине Семы. Горы раздвигаются. Кое-где попадаются поляны. И пахнет здесь чем-то знакомым, степным. Вдруг мы догадываемся: пахнет пшеницей! Откуда она в горах? Очередная петля тракта. Машина вырывается из ущелья и перед нами открываются сопки и поляны, сплошь покрытые суслонами хлеба. Местами пшенице тесно в долине и она дерзко громоздится к вершинам гор, плещется золотыми волнами по их отрогам.

Где-то у речки Сема стучит молотилка. По сопке важно расхаживают жнейки. Над ними носится легкой струйкой золотистая от солнца пыль хлебов. Как в Кулундинской степи!

Потом возникло стадо крупнорогатого скота. Оно было в стороне от тракта. Пока мы бегали к нему, на машину надвинулась отара овец. Её нельзя сравнить с тучей. Таких туч не бывает. Передние овцы были уже около автомобиля, а конец отары не был виден. Долина, казалось, была устлана мохнатыми овчинами и тихонько колыхалась.

– Кит! – кричит по-алтайски шофер. Овцы отскакивают в сторону, но надвигаются новые, и тогда снова приходится кричать «кит» и подавать гудки. Скоро это надоедает шоферу, и он уже не отнимает руки от сирены и зло ворчит: «Тесно, как в старом аиле, провернись негде».

Из овечьего плена наш автомобиль вырвался только у небольшого поселка алтайцев. Мы спустились в него сверху и, казалось, сразу окунулись в тишину. В долине одиноко дымились конусообразные аилы. Около них не было ни людей, ни скота. Люди ушли со скотом на пастбища. Поселок замер. Но нам посчастливилось. Тирпан Рыспаев был дома. Он не ожидал гостей и смутился. Однако гостеприимство прежде всего. И Рыспаев, пожимая нам руки, спрашивает:

– Не табыш?

Рыспаев сообщает о жизни колхоза и потом замолкает, еще более смущенный. Он стоит перед нами небольшой, коренастый, в меховой шапке, задумчивые узкие глаза его поблескивают приветливо.

Колхозники артели «Кызыл Ойрот» прозвали своего пастуха «Унчукпас», что значит «молчаливый». Мы не рассчитываем поэтому на длительную беседу. Нам хочется лишь раскрыть одну тайну. Пастух Тирпан Рыспаев, этот угрюмый и молчаливый человек, сочинил песню. Песня эта облетела все долины и стала любимой в Ойротии.

– Как сложилась песня?

Тирпан не знает, как ответить. Он мнет в руках шапку, потом кладет её на пожелтевшую траву, снова берет в руки и вдруг неожиданно сообщает:

– Сама сложилась... Ехал по долине и маленько думал. Вспомнил того пастуха, которого зайсан Пупый заперол до смерти. Это было на той земле, где сейчас пасутся наши табуны. Пастух тот перед смертью сказал: «Наверно, место такое смертное; может, на другой земле я остался бы жив». Тяжело мне стало, маленько сердце стало давить. Я трянул шапкой и сказал: «Не горюй, Тирпан».

«Это было давно когда-то».

А потом добавил:

«Вспоминаю, как страшный сон».

Чувствую, получается песня и слова сами выговариваются:

«Нет в горах кровопийц богатых,

Скот колхозный со всех сторон».

Махнул плетью. Лошадь пошла иноходью. Заехал на гору. Вижу, много скота ходит по долине, из аилов дети бегут в школу. Мне стало зесело и я говорю сам себе:

«И теперь пастухом колхозным

Еду я по долине родной».

И как скажу слово, оно прямо ложится в песню

Мы знали песню пастуха Рыспаева, и когда он замолчал, подсказали следующий её куплет:

Там аилы родные дымятся,

Там отары овец идут.

Это наше, моё богатство,

Наша общая радость и труд.

Рыспаев отрицательно качает головой.

– Нет, это я не пел.

– Эти слова из вашей песни!

– Их, однако, другой сочинил.

– А они ложатся в песню?

Тирпан оживился:

– Якши слова, – говорит он просто. Потом замолкает на минутку, как бы повторяя про себя слышанное, и повторяет по-русски: – Очень хорошие слова.

Мы садимся на траву кружком вокруг хозяина и начинаем разбирать всю песню слово за словом. В

песне оказалось еще несколько куплетов и отдельных строк, которые Рыспаев впервые услышал от нас, он их не сочинял. Но Тирпан не отверг ни одного слова, которыми обогатили его сочинение безымянные песнопевцы. Все эти слова как нельзя лучше входили в его песню.

Поглядите: молодая
Жизнь советская ярко цветет.
Никогда теперь в горы Алтая
Горе старое не придет.
Эту жизнь мы в боях отстояли,
Мы её не уступим врагам.
Езендык болзын ойгор Сталин⁸⁵,
Давший счастье и радость нам!⁸⁶

Мы раскрыли тайну.

Еще до своего рождения песня пастуха Рыспаева теснилась в груди каждого алтайца. И когда она родилась, народ услышал в ней свои слова и свои чувства. Песня пошла по долинам от сердца к сердцу и стала общей – народной. К ней добавляли новые слова, изменяли отдельные строфы, но она только обогащалась и крепла. Слова становились звучнее, чувства – полнее и ярче.

Так сложилась песня.

Алтайцы на редкость поэтически одаренный народ. За многовековую историю свою они накопили богатейшие сокровища устного народного творчества. Поэтические легенды алтайцев ярки, образны и величавы. В них каждое слово перевито иносказаниями, краски в них горят, как цветы Алтая, а гиперболы превосходят самую смелую фантазию. Сквозь тонкую узорность текста в сказках выступают богатыри народа, которые «годовое расстояние в одно мгновение пробегают», «на месячном расстоянии топот жеребца слышат», «через желтые степи, словно вихрь, проносятся».

Драгоценные сокровища народного творчества бытуют и до сих пор во всех долинах области. Народ любит свои легенды, в которых слабые становятся сильными, бедные и забытые побеждают богатых и злых.

В зимние вечера, когда в урочищах вост метель, в аилах у костров собираются люди и по несколько вечеров подряд слушают, как чорчокчи (сказители) под аккомпанемент топшура рассказывают о победах богатыря Башпарака над семиглавым Дельбегенем, или о хитром бедняке Арбачи, который сжигает на костре злого и жадного бая.

Мы не слышали этих сказок. Но нам посчастливилось быть у колыбели рождения новой поэтической легенды. Это было в поздний осенний вечер. С секретарем райкома партии мы приехали в колхоз и не нашли там ни одного человека. Люди, оказалось, собрались в аил сказителя. Сказка только начиналась. Чорчокчи играл запевку: «Под моими двумя пальцами струны твои, топшур мой, нежно звенят. Многочисленный народ наш любит, скрипка моя, слушать тебя»...

Сказитель сидел на почетном месте, слева от огня. Алтайцы, поджав под себя ноги, не отрывали от него глаз и жадно ловили каждое слово. Мы вошли незаметно.

– А новую сказку можешь сочинить? – вдруг спросил сказителя секретарь райкома, большой знаток фольклора своего народа и начинающий поэт.

Сказитель смутился. Он боялся утратить авторитет первого певца долины. И хотел уже сказать: «Могу и новую», но решил не давать прямого ответа и спросил сам:

– А ты можешь?

Тут был поставлен на испытание авторитет секретаря.

– Я могу! Давай сочинять вместе.

Народ стал медленно выходить из аила. Когда рождается сказка – этому никто не должен мешать.

Секретарь райкома подбросил в костер сухих прутьев. Пламя метнулось по аилу и выхватило из темноты лицо старика-сказителя. Оно было сумрачно. У секретаря упало сердце: ничего не выйдет, засмеет народ. Он знал, что колхозники не ушли домой и ждут у аила. Как им покажешься на глаза без новой сказки?

Но вот секретарь райкома решился. Бьет по струнам самодельного топшура и начинает: «Семидесяти народам земли покойно жить не дававший, шестьдесят народов Алтая безвинно замучивший...»

Струны топшура замолкают. Секретарь ждет, когда старик подхватит сказ и поведет его дальше. Но сказитель молчит и снова звучат струны секретарского топшура: «... ездивший на черно-бархатном коне богатырь медноплечий Деек-Беко проживал в горах».

Чорчокчи оживился. Весело посмотрел на неожиданного соавтора своего и стал петь. Но он не сра-

85. Да здравствует мудрый Сталин!

86. Песню приводим в переводе сибирского поэта В. Непомнящих.

зу подхватил слова секретаря, а начал с заправки. Без этого нельзя – богатыри рассердятся. «Если я в сказке ваше имя упомяну, вы на меня не сердитесь, – запел сказитель, – если ваши подвиги вспомню – вы на меня не обижайтесь. Не по своей доброй воле, по просьбе народа настойчивого я вас беспокою. Сказку о вас начинаю».

Сказка началась. «Вместе с ним, медноплечим Деек-Беко, – добавил к словам секретаря сказитель, – цепной собаке подобный, Ак-Беко жил свинцовоплечий». Сказка катится от слова к слову, от строфы к строфе. Злые богатыри хвастаются, издеваются, тиранят. Народ стонет под игом их. Но вот из-под струн топшура рождается богатырь избавитель Темир-Беко. «Медноплечий Деек-Беко, дальше кровь проливать не будешь! У трудового народа родился сын. А среди табунов разномастных быстроногий родился конь!. Начались битвы. «Затрещали соседние скалы, закачались деревья на дальних горах».

Секретарь давно уже отложил в сторону свой топшур и только подбадривал старика: «Вот так, вот так, выйдет!» А старик пел: «Под пятиконечной красной звездой голубые горы озарились, все народы, трудясь сообща, живут светлой и радостной жизнью».

Было уже за полночь, когда секретарь райкома партии открыл дверь аила и крикнул народу:

– Товарищи, идите слушать, вышла новая песня!

ПЕРЕВАЛЫ

...Алтай громоздится все выше и выше. В притрактовом селе Черга мы были на высоте около 500 метров над уровнем моря, а в Шебалино – уже на 850. А машина все идет на подъем. Ещё несколько рывков, смелых, почти акробатических трюков – и мы поднимаемся на 1125 метров над уровнем моря. Горы хмурятся. Ключья тумана неподвижно висят, как лишай, на серых глыбах ущелий. Реки режут беспокойнее и грознее.

За деревней Топучей, с моста через Сему, мелькнула первая снеговая вершина – шапка горы Тарлык (Сарлык – примеч. ред.). Тракт метнулся в сторону. Учашеннее застучал мотор машины. Начался подъем на перевал.

Дорога врывается в глухую таежную заросль. Сначала нас обступают лиственницы, легкие и жизнерадостные. Они словно выстроились по бортам тракта и приветливо помахивают своими пожелтевшими ветвями. Но вот начинают изредка мелькать белые стволы берез, из густой чащи вытягивает на солнце свои перистые руки рябина. Кое-где тайга раздвигается, выступают черные плечи пожарищ, обгорелые пни, мрачные скелеты деревьев.

Мотор воет. Машина мечется из стороны в сторону. Исчезли куда-то лиственницы, убрали свои руки рябины. Остается один кедр, коренастый и угрюмый.

Первый раз я поднимался на Семинский перевал в конце июня. За час подъема я наблюдал здесь смену нескольких времен года. У подножья перевала отцветали огоньки, трава стояла по пояс человеку. Колхозники выходили на покос. Здесь было лето, конец июня, каким мы привыкли его видеть. А через несколько сот метров перед нами раскинулись оранжево-яркие поляны. Еще выше – мы увидели желтые лилии, малиновые лепестки лесных пионов. На солнечных полянах перевала цвели подснежники и анютины глазки. Около высотной арки лежал снег. Мы наблюдали обратный ход времени.

Семинский перевал – высшая точка Чуйского тракта – 2200 метров над уровнем моря. Мы, наконец, вырвались из плена гор. Они отступили и, кажется, немного пригнулись. С перевала открывается замечательный вид на теньгинскую долину и на снежные вершины Теректинского хребта. В отдалении белки сверкают серебром, а горы рдеют голубым светом, как вечернее небо. Мне удалось однажды наблюдать отсюда горы вечером, когда садилось солнце: белки сверкали расплавленной медью, небо было оранжево-красным, а облака на горизонте внезапно вспыхивали, казалось, они горели.

Не проезжал еще через Семы тот путник, который не останавливался бы на перевале. Арка, которую воздвигли на горе строители, вся испещрена надписями «на память».

Под семинской аркой проехали тысячи автомашин. Они провезли под ней в горы сепараторы для маслозаводов, запасные части к сельскохозяйственным машинам, бензин для заправочных колонок, мануфактуру и мыло, обувь и шелк для аилов. Они ехали с гор с маслом, с сыром, с кожами, мясом, медом, орехами и пушниной. На легковых машинах, в грузовиках на тюках товара, на быстроходных полоторатонках туда и обратно едут люди: пастухи и зоотехники, педагоги и вязальщицы, инженеры и трактористы, геологи и колхозные бригадиры, избачи и альпинисты...

Под семинской аркой шагает в горы новая социалистическая культура, новая жизнь солнечного Алтая.

... Машина спускается в долину зеленоводного Урсула. Горы снова сдвигаются. Легкий ветерок несет над рекой и трактом. Один за другим остаются позади нас алтайские селения: Туехта, Усть-Каракол, Курата, Шашакман. На улицах, рядом с бревенчатыми избами, стоят ветхие аилы. Это осколки старой нищенской жизни. Их остается все меньше. Из редкого аила идет дымок.

Алтайские селения производят впечатление переселенческих поселков. Люди, кажется, приехали

сюда откуда-то из далеких мест. Они не распаковывали еще своих походных повозок, из-под топора только возникли первые постройки – срубы жилых домов. Но люди спешат. И вот в поселках появляются школы, маслозаводы, бани, скотные дворы. Жизнь начинается заново.

В Караколе мы осматривали строительство большого маслозавода. Он будет механизирован по последнему слову техники и будет вырабатывать все сорта масла и сыра, которые пожелает наш советский рынок. Направо от тракта – красивая каракольская долина. Там где-то живет Тыжемеева, председатель сельского совета, первая женщина Ойротии, сбросившая с себя чегедек⁸⁷.

...Шоссе извивается по узкому ущелью. Тракт огибают каменные мысы, на несколько минут вырывается в степную долину, а потом неожиданно взбирается на гранитные выступы скалистой горы. Мотор снова воет. В нос бьет запах бензина. Разговор в машине замирает. 312 километр, 313, 314. Повороты, повороты...

– Не считаете, сколько их?

Это спрашивает шофер. Я их не считаю. Смотрю на предупреждающие надписи – «тихий ход» – и мне кажется, что вот, вдруг, не хватит силы у мотора, и машина покатится вниз, в пропасть.

Наш спутник, политрук ининской автобазы Воронин, словно угадывает мои мысли.

– Здесь зимой перевернулась наша машина. Встретили подводы. Шофер затормозил, и автомобиль покати́лся вниз, как на салазках.

Я не спрашиваю о последствиях. Ведь Воронин живехонек сидит рядом с нами. Значит, не всегда смертельно.

Мертвая петля!

Мы невольно сжимаемся. Шофер впился в какую-то точку и отчаянно крутит руль. Кажется, даже побледнел. Позднее он сознался, что машина поднималась на перевал с поломанными тормозами.

Но вот и 315 километр. Под ногами у нас – начальная точка подъема. Мы видим серые петли шоссе, которыми с верхушки и до самого подножья перевита гора. На вершине горы надпись: «Вышка перевала Чике-Таман, высота 1360 метров».

На юге видна Ульгуменская долина. Она уже наполнена тенью вечера. Над Б.-Ульгуменом, высоко в небе, медленно плавают ястреб. А ещё выше его, на горизонте сверкают Яломанские белки. В апреле 1922 года отряд частей особого назначения под командой Ивана Долгих совершил через белки эти свой легендарный поход.

«...Рано утром отряд двинулся на страшный Яломанский перевал. Утопая поминутно в снегу, который местами был в человеческий рост, мы медленно двигались вперед. Не было слышно ни шуток, ни смеха. Мерзоз крепчал. Даже на привалах нельзя было разводить костров... Отряд дошел до крутого спуска и остановился, не решаясь двинуться дальше. Момент был напряженным, но вот первый красноармеец начал спуск, за ним второй, третий. Бесперывно двигаясь, мы одолели 8 спусков. Но трудности все увеличивались».

Это из воспоминаний товарища Долгих. А вот выписка из приказа помощника главкома по Сибири:

«...Потеряв при подъеме и спусках до 100–150 лошадей и таща на своих плечах пулеметы и седла, они спустились на рассвете в долину реки Катанды и внезапным ударом захватили весь бандитский гарнизон, в том числе самого Кайгородова». Белогвардейская банда была ликвидирована.

Из гранитной щели неожиданно вырвалась Катунь. Тракт снова пошел по её долине. В старину здесь была переправа. Колесная дорога шла по правому берегу реки до Яломана, а потом, после второй переправы – до Ини. Вторая тропа извивалась по левому берегу, через труднопроходимый хребет Ууркош, в долину большого Яломана. Это был страшный путь, «ууркош» по-русски значит – тяжелый вьюк.

– Перебирались мы по этой тропе с одним своим другом, – рассказывал нам старый житель этих мест товарищ Шераборин. – Забрались на Ууркош, друг мой взглянул вниз, побледнел весь и от страха закрыл глаза. Так с закрытыми глазами и съехал.

Автомобильный Чуйский тракт идет левым берегом Катунь, среди выемок и серых камней. Путь здесь вырублен в скалах. Машина идет по бортам: Кор-Кечу, Ууркош, Кынграр, Айрындаш. Временами вырывается из-под бурых скал Катунь и вспыхивает нежной бирюзой, словно озаренная внутренним светом. Автомобиль скользит по каменным нишам, пробегает между гранитными щеками.

Вдоль каменной стены, выложенной по краю борта, чьей-то заботливой рукой посажен маральник. Ранней весной от цветения маральника стоит здесь фиолетовая дымка.

БОЛЬШИЕ НОВОСТИ

Водителем нашей машины был Чупаков. Петя Чупаков. Это очень искусный шофер, рубаха парень и неудержимый фантазер.

– А знаете, на Большой Сумульте алтайцы делают мушки к ружьям из золота. А чего им не делать,

⁸⁷ Верхняя одежда, которую ойротская женщина одевала выходя замуж и не имела права снять до смерти мужа.

когда там самородков – тьма!

Эту «новость» он сообщил нам, когда мы едва выехали из Маймы. Но путь наш был дальний. Мы должны были пересечь Ойротию по Чуйскому тракту от северной её границы до южной. А Петр не любил молчать.

– А знаете, – спросил он нас на Семинском перевале, – на Белухе нынче нефть открыли. Так прямо фонтаном и хлещет!

Он вел машину мастерски, пожалуй, даже вдохновенно и уж, конечно, по первоклассным правилам уличного движения. Грациозно выбрасывал электросигналы («По всему тракту только у одной моей машины и есть такие сигналы!») и то и дело давал предупредительные гудки («Во всем Алтае нет ни у кого такого гудка!»). А когда мы останавливались, чтобы сделать очередной фотоснимок, Петр любовно обводил взглядом горную панораму и сообщал:

– А знаете, за Кураем обнаружена целая гора магнитного железняка. Богатства там – видимо-невидимо!

Осень. Ветер гонит по тракту сухие листья. В зарослях кедра и сосен появились желтые полосы. Но это не левитановский пейзаж. Алтай освещен ярким солнцем и кажется окутанным какой-то беспредельной солнечностью и голубизной. Осенний Алтай невольно ассоциируется с урожаем, с обилием, с богатством.

Народ, который живет здесь, буквально влюблен в свой чудесный Алтай. Он превознес его в своих многочисленных былинах и сказаниях, воспел в сотнях своих песен и наградил самыми возвышенными и красивыми эпитетами: голубой, золотой, солнечный.

Народная фантазия страстно хотела, чтобы горы Алтая были так же богаты, как и красивы. И козюбки – сказители создавали легенды и передавали их от поколения к поколению о белых скалах (аккая), из которых богатыри когда-то брали железо и ковали чудеснейшие вещи, о сумультинских золотых самородках, о чудодейственных водах. Это была мечта о металле, о культуре, о богатстве недр.

Но Горному Алтаю был издавна вручен аттестат на бесплодие. Старые геологи вынесли ему жесткий приговор: «Здесь мертвые, безрудные камни».

Мы ехали по Ойротии в дни блестящего крушения всех этих пророчеств. В Ойрот-Туре только что состоялась конференция геологов.

– Мнение о бедности Ойротии полезными ископаемыми, – заявил на этой конференции маститый ученый академик В.А. Обручев, – опровергается окончательно и не должно больше фигурировать в литературе.

Люди, с которыми мы в Ойротии встречались и говорили, были возбуждены и буквально захвачены открытием ископаемых богатств. Первое, о чем заговорил с нами секретарь обкома партии, это о недрах.

– По Ойротии проходит богатейшая ртутная полоса. Возможно, она простирается до самого Салаира.

На столе секретаря обкома лежат рядом со скульптурами талантливого самоучки Ярымки Мечешева образцы полезных ископаемых Ойротии.

В Аскате мы просили ойрота-сказителя спеть нам под топшур алтайские легенды о золоте. Он посмотрел на нас недоумевающе: «Разве вы не слышали еще, что в Кольчаке найден уже второй самородок?».

В Чаган-Узун мы приехали поздно ночью. Нас встретил теленгит – колхозный сторож.

– Как проехать к геологам?

Сторож молчит.

– Я по-русски бельбес.

– Где тут нижний стан разведчиков?

Не понимает.

– Где ртуть? Ртуть!

– А, ртуть. Ртуть знаю.

Мы не слышали докладов геологов на их конференции в Ойрот-Туре. Но уже на половине пути нам было известно почти все, о чем говорили на конференции, ибо на вопрос:

– Не табыш? (Нет ли новостей?) – нам отвечали: «Табыш ёк» (новостей нет), а сообщали: «Ой, ой, деян табыш – большие новости...».

В Онгудае нам рассказали о том, что в Ороктое найден прекрасный мрамор. Палевый, розовый, белый. Красивый и прочный. Этим мрамором будет украшено лучшее здание в стране – Дворец Советов!

В Чибите хвастались:

– По нашей речке ищут медь. Может быть, скоро мы будем здесь строить завод.

В Курае рассказали:

– На берегу Айгулака найдены красные камни. Из них будет плавиться серебряная вода.

В Кош-Агаче мы познакомились с колхозным счетоводом-алтайцем и задали ему традиционный в Ойротии вопрос: «Не табыш?». Он искренне удивился:

– А разве вы еще не знаете, что в Алтае обнаружена зона марганца?

Мы не были в Улагане. Но на вопрос «Не табыш?» нам безусловно ответили бы:

– Ой, ой, даян табыш: в ущельи реки Башкауc найдено много цинка.

Три года изучают недра Ойротии советские геологи. Они побывали за это время на сопках многих гор, и в узких ущельях, и на берегах бурных рек, и в таежных чащах. Это была работа, полная приключений, невероятных трудностей и нередко – героизма. Горная страна из месяца в месяц меняла свою репутацию, в паспорт свой заносила все новые и новые цифры, новые «примеры». Горы её, долины и берега рек стали как бы прозрачными для мысли, и недра засверкали сурьмяным блеском, красноватой киноварью, разноцветным мрамором, молибденом, рудами марганца, меди и цинка.

Конечно, нефти на Белухе нет. Нет и горы магнитного железняка. Все это – фантазия нашего шофера, который хотел бы как можно в более пышные одежды нарядить свой возлюбленный край. Он фантазер.

– А знаете, – сообщил он нам в Ине, – около Белого борма есть огромная мраморная гора.

На этот раз сообщение Петра оказалось без фантастических измышлений. Не более как через час мы ехали уже по Белому бому. Машина шла по петлистому тракту, замощенному мрамором самой природой, борте тракта выложены вместо бульжника белыми кусками красивейшего камня. Это возможно только в Ойротии.

Красив и богат Горный Алтай! Большие новости в Советской Ойротии!

ВРЕМЯ НОВОЕ ЛЕТИТ-ГУДИТ

За городком Иня тракт резко поворачивает на юг. Машина идет в Кош-Агач. Петр Чупаков по-прежнему неутомим. Он бережно проводит свою «газовку» по отвесным борма, почти не убирает руку с гудка и успевает приветствовать водителей встречных машин:

– Эй, Чичинов, здравствуй!

Из кабины трехтонки «амо» выходит смуглолицый алтаец. Он весело смеется и крепко жмет руку Чупакову. Они давнишние друзья.

– Что ты так гонишь? – спрашивает Петр.

Этим участком я иначе не езжу – душа горит. Тут были расстреляны в двадцатом году наши красноармейцы.

Когда машина снова тронулась в путь, Чупаков сообщил нам:

– Помощником у меня был. Парень, скажу, – золото.

По тракту беспрерывно идут автомобили. Многие из них ведут алтайцы. Автомобиль входит в жизнь Ойротии и про него уже сложили песни:

Я сегодня встретил на дороге
Быстро, как молния, коня:
Голубой, безхвостый, круглоногий,
А в глазах больших – снопы огня.
Он летел-гудел. И вот большая
Радость пенится в моей груди:
Это счастье новое Алтая,
Время новое летит-гудит.
Время новое летит-гудит по Ойротии!

«Чудные долины Алтая слишком хороши для номадов, которые не умеют поднять богатства края» – цинично восклицал когда-то академик Радлов.

Прошло двадцать лет, как «номады» освободились от колониального гнета. Алтайцы выпрямились во весь свой рост и начали вместе со всеми народами социалистической страны преобразовывать свой край.

Не узнать сейчас чудных долин Алтая. Шестьсот с лишним километров тянется Чуйский тракт, построенный буквально за несколько лет. Сотни машин ходят по этому тракту и по нему же пришли в Ойротию тракторы, комбайны, жатки, сепараторы.

Долины Ойротии усыпаны суслонами хлебов. Тучные снопы ячменя и пшеницы не умещаются на ровных полянах и смело громоздятся на горы. Вчерашние кочевники, объединившись в колхозы, научились хлебопашеству. В нынешнем году они сеяли 70 тыс. гектаров. В колхозе «Герой труда» Эликманарского аймака мы видели посева шелковицы. Пройдет один-два года и колхоз будет производить свой шелк.

Извечно кочевой народ переходит на оседлость. Образовались десятки новых сел. В них появились

не только дома и бани, но и больницы и клубы, школы и детские ясли. В аилах вспыхнули электролампочки, по горам и ущельям протянуты металлические провода телеграфа и телефонов.

В Чуйской долине мы часто вынуждены были останавливать машину и пережидать, пока тракт перейдет стада коров или отары овец. На пастбищах Ойротии пасется около полумиллиона колхозного и совхозного крупного и мелкого скота.

– Эзень! – кричим мы алтайцу.

– Эзень бар! – отвечает всадник и подъезжает к машине. Это пастух Чаган-узунского колхоза.

Мы встретились с ним на широкой долине, закрепленной за колхозом навечно. Стадо угрюмых лохматых сарлыков разгуливало вокруг нас. На склонах окрестных гор паслись отары овец. Близ устья реки важно расхаживали двугорбые верблюды.

– Не табыш?

– Табыш ёк, – отвечает нам алтаец.

Потом мы узнаем от него, что в колхозе 80 дворов, и что имеет он девять тысяч голов разного скота. Больше ста голов в среднем на хозяйство. Но какая же это новость! Это обычное явление. И Чаган-узунский колхоз – самый рядовой колхоз в Ойротии.

– Эзен болзын, – говорит нам алтаец и, легко взмахнув плетью, едет к стаду.

В Курайскую степь мы приехали в яркий солнечный день. Чуйские Альпы здесь придвинулись ближе к тракту, и серебристый отблеск их снежных вершин, казалось, был разлит по всей каменистой степи. Было тепло и тихо.

– Такие дни раз в году здесь бывают, – поясняют старожилы.

Про Курайскую степь нам много рассказывали. Даже пугали ей.

– Вот, погодите, доедете до курайской – она даст вам пить.

Курайская степь – это, собственно, не степь, а высокогорная каменистая полупустыня, зажатая со всех сторон Чуйскими Альпами и Курайским хребтом. Есть только один лог между этой горной грядой – Соконда, что по-русски значит – мороз. Как из мешка летит на степь этой Соконды холодный ветер, и буран стоит над пустыней, как белые облака.

Курайская степь бесплодна. Её каменистая почва едва покрыта редкой худосочной травой. Только изредка можно встретить здесь низкорослую карагану (по-русски – старый лес), которая за много десятков лет роста едва достигает полутора метров. Зимой в степи свирепствует джунт – гололедица. Скот не находит себе подножного корма и нередко гибнет.

Об этом рассказал нам сторож оросительной системы Белкой Кумышев, когда мы стояли с ним на берегу изумрудно-зеленой речки Ак-Тура.

Плотина реки закрыта, уровень воды быстро повышается. Она вот-вот вырвется из берегов. Кумышев обрывает разговор и ловким движением открывает большой деревянный заслон. Вода хлынула. Изумрудно-зеленая Ак-Тура изменила свое русло, потекла по каналу.

Потом мы видели, как горная снеговая речка бросилась в распределитель, в оросительные каналы и многочисленными ручьями разбежалась по поливным бороздам.

Белкой Кумышев, колхозник степной артели «Ленин дел», первый сторож оросительной системы, поставил в бороздах железные щиты. Началось орошение издавна бесплодной засохшей степи.

В этот же день мы были на другом участке Курайской степи. В нескольких километрах от поселка, на высоте 1580 метров над уровнем моря, Институт растениеводства Академии наук испытывает несколько сот названий сортовых зерновых и овощных растений, кормовых трав, силосных и технических культур.

В конце августа на Крайской степи зрел ячмень, дружно наливались черно-абиссинская, аравийская и египетская пшеницы, монгольские и алжирские овсы, росла люцерна, эспарцет, американский пырей, прекрасно развивались редис, свекла, китайская капуста, салат.

Курайская степь меняет свою репутацию. Пройдет еще несколько лет, и каменистая пустыня превратится в высокогорный цветущий оазис.

Неузнаваемы становятся долины и степи Ойротии! Время новое летит-гудит по Алтаю. И поют на Алтае новые песни:

В дни былые о смерти скорой
Мы мечтали. А вот сейчас
Жить бы столько же, сколько горы, –
Так светла теперь жизнь у нас!

...Машина идет в Кош-Агач. Последние километры пути. За Кош-Агачем будет еще один-два аила, а потом – граница. Через час мы пожмем руку алтайцу из урочища Янчет Василию Табычакову – отважному пограничнику, охраняющему богатства и красоту своей социалистической родины.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ

(Печатается по: *Техника - молодежи*. - 1937. - № 6. - С. 52-54)

Немного местностей найдется в нашем Союзе, которые по красоте можно сопоставить с Горным Алтаем, давно уже названным географами Сибирской Швейцарией. С последней он, действительно, имеет много общего, представляя такое же сочетание скалистых цепей с вечными снегами, высоких лесистых гор, глубоких долин с бурными реками и живописными озерами. От Швейцарии он отличается только более континентальным климатом, слабой населенностью и редкостью хороших путей сообщения. Природа Горного Алтая еще мало затронута деятельностью человека и представляет много дикого, первобытного.

Здесь, в большей части Горного Алтая, и раскинула свои земли Ойротская автономная область.

Еще 100 лет назад коренное население, алтайцев, называли «двоеданцами», потому что они платили дань одновременно китайскому богдыхану и русскому царю, которые не размежевали окончательно свои владения на Алтае. Взамен этой дани алтайцы ничего не получали от богдыхана, а русское правительство насаждало только духовные миссии, чтобы обратить народ в христианство. Школы при миссиях вовсе не стремились распространять грамотность, и на алтайском языке не было напечатано никаких книг, кроме богослужебных и святоисторических.

До революции среди алтайцев было едва 6% грамотных, притом это были почти исключительно зажиточные люди. Своей национальной письменности алтайцы не имели.

Жили алтайцы в аилах - шалашах из жердей, поставленных конусом и покрытых корой; свет проникал только сверху, в отверстие, оставленное для выхода дыма от разведенного в аиле огня. Алтайцы вели кочевой образ жизни, занимаясь охотой и скотоводством. Скот круглый год находился на подножном корму. На зиму кормов заготавливали мало; траву резали ножом, скручивали в жгуты и сушили на деревьях.

Земледелием алтайцы почти не занимались, и размеры посевов были ничтожны. Землю обрабатывали мотыгой, примитивной сохой; боронили суковатым деревом. Хлеб убирали руками: выдергивали колосья, обжигали солому и зерно выбивали палками.

Питалось население чрезвычайно скудно, жило бедно, и только молочная водка - арака - скрашивала неприглядную жизнь. Больницы и врачи находились только в русских деревнях; алтайцы были предоставлены своим знахарям - шаманам.

Колесных дорог в Горном Алтае было мало; главная из них, Чуйский тракт, была построена не для нужд населения, а для торговли русских купцов с Монголией. По ней можно было ездить только на двуколках. Передвижение по стране происходило, главным образом, верхом и вьюком, по горным тропам.

Русские переселенцы, постепенно заселявшие Алтай, захватывали лучшие земли, оттесняя коренное население. Много лучших земель было во владении и алтайских феодалов - зайсанов и баев, жестоко эксплуатировавших бедноту.

Понятно, что при таких условиях жизни алтайцы постепенно вымирали.

Так было до Великой пролетарской революции...

1 июня 1922 г. по постановлению ВЦИК была организована Ойротская автономная область. Больше года шла напряженная работа по ликвидации бандитизма, организации и укреплению органов советской власти. И только с 1924 г. началось восстановление разрушенного хозяйства Горного Алтая. С этого момента наступила пора хозяйственного и культурного возрождения края, пора планомерного использования природных богатств этой прекрасной страны.

Летом 1936 г. мне пришлось посетить Горный Алтай после промежутка в 22 года. Я имел полную возможность сравнить состояние этой области сейчас с её мрачным прошлым. Страна совершенно преобразилась.

Прекратилось вымирание алтайцев. Население с каждым годом увеличивается. Грамотность достигла 92%. Всеобщее начальное обучение в 239 школах охватывает сейчас почти всех детей области. Кроме того, в области работают средние школы, педагогические техникумы и рабфак. Область имеет уже своих, национальных врачей, инженеров и техников. Построены многочисленные избы-читальни, клубы, дома культуры, стационарные библиотеки, киноустановки и кинопередвижки.

В Ойротии выходит сейчас 18 газет, издается литература на национальном языке, латинизированный алфавит которого был создан после революции. Появились национальные писатели и художники.

Вместо знахарей и шаманов население обслуживают 19 больниц и 64 амбулатории. Помимо этого, функционируют юрты-передвижки, которые снабжают население лекарствами, дают консультацию по медицине, охране младенчества и материнства.

Население, выросшее культурно, изменило уже свой бытовой и трудовой облик. Подавляющее

большинство кочевников перешло на оседлость и объединилось в колхозы.

В области построены 28 маслозаводов и 24 сыроварни, высококачественная продукция которых идет также и на экспорт. Вместо мотыги и сохи землю обрабатывают плуги и тракторы. Проводятся мелиоративные работы, развиваются травосеяние, шелководство, свиноводство, кролиководство.

Сейчас в Ойротии осуществляется широкое дорожное строительство, крайне необходимое для хозяйственного и культурного роста области. Например, Чуйский тракт, о котором мы уже упоминали, весь превращен в широкое шоссе и частью проведен по новому направлению. При этом обойдены два перевала и проложены петли, уменьшившие уклоны. Два перевоза через реку Катунь заменены мостами. По тракту движутся теперь грузовые машины со средней скоростью в 240-260 км в день, тогда как прежде на доставку груза из Бийска до монгольской границы (около 600 км) нужно было затратить две недели.

В нескольких пунктах построены станции для снабжения машин горючим и маслом, ремонтные мастерские, помещения для отдыха шоферов. Скалистые обрывы на реках Катунь и Чуе, которые были прежде опасными местами, путешественники проезжают теперь без труда, любясь красотой огромных скал и бурных рек у их подножия.

Природа щедро наградила Горный Алтай самыми разнообразными богатствами. Почти половина всей площади Ойротии покрыта густейшими лесами. Лиственница, кедр, пихта, ель, сосна создают очаровательные по своей красоте уголки. Встречаются также береза и осина. До революции лесом здесь пользовались только для скромных местных нужд. А теперь великолепная древесина идет не только на сильно развившееся местное строительство в колхозах и совхозах Ойротии, но и вывозится в больших количествах на Бийский трехрамный завод. Крупные массивы кедра, расположенные, главным образом, восточнее реки Катунь, обеспечивают ореховый промысел, размножение белки и дают ценное дерево для карандашей. Лиственница дает очень прочный материал для гидротехнических сооружений, для вагоностроения и для производства шингля (замена черепицы). Из хвои пихты получается живица, очень близкая по составу к канадскому бальзаму, импорт которого может сделаться скоро лишним. Леса могут обеспечить также производство колес, мебели, тары для масла и сыра и т.п.

В лесах Горного Алтая водится много пушного зверя: белка, сурок, соболь, горностай, хорек, лисица, заяц, бурундук. Охотничий промысел весьма развит в Ойротии. Добывается не только пушнина, но и самая разнообразная дичь.

Очень распространена в Ойротии охота на оленя-марала. Рога (панты) этого оленя идут на изготовление лекарств. Маралы размножаются также и в неволе, в больших огороженных участках леса и полян. Ежегодно у них срезаются панты, которые экспортируются в Китай, а в последнее время стали использоваться и в советской медицине. До революции маральники содержали богатые крестьяне. Теперь же они ведутся совхозами. Сюда для разведения привезен также пятнистый олень из Уссурийского края; его панты ценятся выше маральных.

В колхозных звероводческих фермах разводятся енотовидные собаки и серебристо-черные лисцы. Помимо этого устроены два соболиных заповедника.

Ойротия богата и полезными техническими растениями. Здесь растет бадан, содержащий дубильные вещества, а также различные лекарственные растения. Самые разнообразные ягоды и грибы покрывают опушки лесов и поляны Горного Алтая.

Большое богатство Ойротии составляют её многочисленные горные реки. По произведенным исследованиям, энергия рек Горного Алтая достигает 10,6 млн. киловатт. На одной только реке Бие можно построить 8 гидроэлектростанций общей мощностью в 640 тыс. киловатт.

Пока же имеются только маленькая установка в селе Чемал на 500 киловатт и установка в Ойрот-Туре на 250 киловатт.

В Ойротии много великолепных горных пастбищ, похожих на швейцарские, поэтому животноводство имеет весьма крупное значение для этой области. Наиболее выгодно развить здесь, пожалуй, сыроварение, так как молоко алтайских коров богато жиром. Ойротия уже производит хороший швейцарский и советский сыр, который выгоднее масла, так как лучше выдерживает длительные перевозки, а при сыроварении молоко утилизируется полнее. Кроме производства сыра и масла животноводство дает возможность развивать здесь мясоконсервную, шерстомойную и овчинно-шубную промышленность.

Две большие степи, Курайская и Чуйская, расположены в Ойротии на высоте почти в 2 тыс. м. Климат этих степей очень сухой. До сих пор они служили только для выпаса скота на весьма скудных кормах. Однако опытные агрономические станции, работающие в этих степях, показали, что при орошении обе степи могут сделаться богатыми житницами. На них уже получены различные овощи и разные сорта хлебных злаков. Помимо этого травосеяние даст здесь огромные запасы сена.

Не бедна Ойротия и полезными ископаемыми. Некоторые исследователи, сопоставляя Ойротию с Рудным Алтаем, который изобилует цветными металлами, полагали, что в Горном Алтае нет ничего,

заслуживающего внимания. Но они упустили из виду, что Рудный Алтай уже 200 лет разведывается и изучается, тогда как Горный оставался в пренебрежении и очень слабо исследовался.

Первые же правильные поиски, организованные в последние три года, обнаружили в Горном Алтае целый ряд месторождений полезных ископаемых. Найдена целая зона оруденения ртутью, протягивающаяся на 70 км вдоль реки Чуи. Два месторождения, Чеган-Узун и Ак-таш, как показали разведки, имеют промышленное значение. В этом году найдено месторождение молибдена в Катунских Альпах. При этом выяснилось, что зона вольфрамовых и молибденовых руд протягивается из рудного Алтая в глубь Горного. В северной части Ойротии поиски и разведки обнаружили солидное месторождение марганца, которое будет иметь большое значение для металлургических заводов. Найдены признаки цветных металлов и редких элементов. В Чуйской степи давно известен ископаемый уголь. По рекам Катунь и Чуе тянутся залежи прекрасного мрамора – белого, серого и цветного. Добыча рассыпного золота, давно существовавшая в Ойротии, но в ничтожных размерах, за последние три года весьма развилась. Найдено много новых россыпей; по всей Катунь старатели добывают косовое золото. Вполне обеспечена область и разными строительными материалами – красивым камнем разных пород, известью, песком, глиной.

И нужно иметь в виду, что обширные площади на востоке и юге области ввиду большой отдаленности от путей сообщения еще не обследованы. Возможно, что поисковые работы здесь обнаружат новые природные богатства Горного Алтая.

Ойротия уже сейчас имеет все необходимое для развития ряда горнопромышленных предприятий – ртуть, марганец, золото, молибден, мрамор.

Крупное значение для будущего Ойротии имеет развитие туризма. Горный Алтай привлекал туристов еще до революции. В настоящее время число их сильно возросло, и туризм приобретает массовый характер. Здесь уже построены туристические базы и организуются экскурсии целыми партиями.

Туристов привлекают высокие горные цепи с многочисленными ледниками, живописные долины, лесистые горы, альпийские луга, скалистые ущелья бурных рек с быстринами и водопадами, мелкие и крупные озера, особенно Телецкое (Золотое). Нигде больше в Сибири нельзя найти такого сочетания красивых форм рельефа, крупных ледников, озер, рек, таких контрастов, как вечноснеговые горы и сухие степи. Горный Алтай отличается также почти полным отсутствием «гноса» – комаров, мошек, слепней, – отравляющих людей существование в летние месяцы в большинстве районов Сибири.

Туризм может составить крупную статью дохода в бюджете Ойротии и её населения, если поставить его на широкую ногу. Но для этого необходим ряд мероприятий. Нужно провести автомобильные дороги к подножью вечноснеговых цепей: Катунских, Северно- и Южночуйских Альп, к Телецкому озеру, по долине Чулышмана. Нужно построить у этих подножий и в других живописных пунктах гостиницы, хотя бы на первое время небольшие, а вблизи ледников и на альпийских лугах – избы-убежища для ночлегов. Нужно проложить к ледникам и по особенно живописным маршрутам тропинки и обставить их путеводными знаками. Нужно подготовить из местного населения опытных проводников-альпинистов и иметь в гостиницах и избах-убежищах самое необходимое горное снаряжение. Наконец, нужно составить и издать путеводитель по Горному Алтаю.

Здоровый климат и живописная природа Горного Алтая позволяют организовать здесь прекрасный отдых и лечение. Дома отдыха и санатории в сосновых и лиственных лесах, на альпийских лугах, вблизи снеговых гор и минеральных источников, несомненно, привлекут сюда трудящихся со всех концов Советского Союза.

Недалеко то будущее, когда Ойротия станет одной из жемчужин нашей родины.

А. Новиков, И. Гладков

ОЙРОТСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ (Ойротия)

(Печатается по: *Сибирская советская энциклопедия:*

в 4 т. Т. 4: О-С. [Б.м.], [1937?]. - Стлб. 85 - 104//

URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000373156>)

Содержание:

1. Административное деление.
2. Естественно-географические условия.
3. Население.
4. Исторический очерк.
5. Экономика.
6. Социально-культурное строительство.

1.Административное деление: О.А.О. находится в составе Зап.-Сиб. края и образована постановлением ВЦИК (1 апреля 1922) из б. Горно-Алтайского у. и некоторых районов б. Бийского уезда. Обл. ц. город Ойрот-Тура (б. Улала) в 464 км. от Н.-Сиб. и 3.705 км. от Москвы. О.А.О. лежит между 49° и 53° с. ш. и 84° - 90° в. д. от Гринича и граничит на В. - с Танну-Тувинской народной респ., на Ю.-В. и Ю.- с Монгольской народной респ. и у вершин Табын-Богдо-Ола с Китаем (Си-Цзян), а на Ю.-З. - с Казахской Р. (Бухтарминский край). Территория - 106. 221 км²

Административное деление (по данным на 1 апреля 1933 г.)

Название аймаков	Айм. центры	Число сел. Советов	Число насел. пп. (1931)	Всего населения	Ойротов	Территория в км ²	Плотность населения на 1 км ²
Улаганский	Улаган	4	35	3.944	3.680	26.889	0.1
Кош-Агачский	Кош-Агач	7	70	6.802	3.260	16.761	0.4
Эликманарский	Эликманар	10	45	5.842	3.430	1.420	4.3
Онгудайский	Онгудай	31	92	14.795	7.690	15.892	0.8
Усть-Канский	Усть-Кан	17	102	15.521	6.657	8.184	2.2
Майминский	Майма-Чергачак	10	63	11.780	4.299	5.244	3.9
Турачакский	Турачак	13	174	14.517	3.819	11.189	1.4
Шебалинский	Шебалино	14	84	15.571	4.465	3.880	3.5
Чойский	Чоя	15	158	13.088	2.301	4.856	3.0
Усть-Коксинский	Усть-Кокса	14	85	13.889	1.808	11.906	1.3
Ойрот-Тура		город		11.753	1.460		
Всего		115	980	127.502	42.869	106.221	1.2

Из числа сельских советов 31 чисто национальные, 46 - смешанные и 38 - русские. Селения, имеющие более 1.000 жителей: Майма-Чергачак, Верх-Карагуж (Майминского айм), Онгудай (Онгудайского айм.), Абай, Котанда (Усть-Коксинского айм.), Черга, Ильинское, Шебалино (Шебалинского айм.), Кош-Агач (Кош-Агачского айм) и некоторые другие.

II. Естественно-географические условия О.А.О. представлены Алтайской горной страной (см. *Алтай*), к-рая поразнообразию природных условий м.б. разделена на 4 района: 1) сев.-вост.-черневой, 2) сев.-зап. - смешанно-хвойный, 3) ю.-з. и юж. - высокогорный и 4) ю.-в. и восточный - горно-пустынный. К черневому району могут быть отнесены аймаки: Чойский, Турачакский, Майминский и частично Улаганский (с.-з. часть, примыкающая к Телецкому оз.) и стык Чойского, Улаганского и Майминского аймаков. Речные долины наиб. широки и доступны, за исключением верховьев рек. Имеются хорошие естественные возможности для развития животноводства, молочно-мясного направления. Смешанно-хвойный район охватывает айм.: Шебалинский, Эликманарский, Усть-Канский и б. ч. (к С. и С.-В.) Онгудайского. Здесь веерообразно тянутся от ц. района на С. и С.-З. Семинские белки, образующие водораздел между р. Катунью и её прит. Семей; Чергинские белки, между р. Песчаной и р. Семей; хр. Ануйский; более уклоняясь к З. - Башелакские и на З. - Талицкие белки; на Ю. и Ю.-З. - Теректинский и Каргонский хр.; на Ю.-В. хр. Сальджар. На В., включая р. Катунь, этот район смыкается с черневым районом, точнее, переходит, постепенно, один в другой. Долина р. Катунь представляет дикий узкий коридор между круто обрывающимися, зачастую недоступными склонами. Долины др. горных рр. б. или м. широки, вполне доступны, покрыты травами, используются под пашни, покосы и выпасы скота. Высокогорный район состоит из Усть-Коксинского айм. и частей Кош-Агачского, Онгудайского и Усть-Канского. Высота гор - свыше 2.000 м над ур. моря. Район м.б. разделен на 2 подрайона: 1 - на сев. и сев.-зап., 2 - на юж. и юго-восточный. Первый подрайон на С. и С.-В. ограничен юж. конечностью Теректино-Каргонских белков; на З. и Ю.-З. хр. Холзун, на Ю. и Ю.-В. Катунскими и Чуйскими Альпами. Горные плато, степные долины и горные склоны, с незначительными лесными массивами, пригодны для ведения скотоводства; степные долины: Абайская, Уймонская и Котандинская (лежит на выс. 1.000 м) используются под пашни, дающие хорошие урожаи. Второй подрайон на С. и З. смыкается с первым подрайоном, а на Ю.-В. и Ю. представлен Чуйскими и Катунскими Альпами со ср. выс. до 3.000 м и отдельными вершинами, более высокими (см. *Белуха*). В ц. подрайона находится Аргутская долина по р. Аргут. С вершины Белухи и окружающих её белков спускаются ледники. Катунско-Чуйский подрайон наиб. трудный для освоения. Горно-пустынный район охватывает Кош-Агачский и б. ч. Улаганского аймака, а границы района могут быть определены: на Ю.-В. отрогами Катунского хр., на З. и

С.-З. – отрогами Чуйских белков (гл. обр. Чуйский юж. хр.) и хр. Айгулакским, переходящим в Курайский; на В. – Чолушманским (Чулышманским) хр. и хр. Кякту; на Ю.-В. хр. Сайлюгем с его продолжением на В. хр. Чихачева. Между горными хребтами лежат широкие, сухие, степные и щебнистые долины, плато, покрытые жесткими травами, пригодные для развития скотоводства (преимущественно овец). Наиб. значительные из степей в Кош-Агачском районе – Курайская и Чуйская. В Улагане – высокогорные холмистые плато богаче растительностью, чем в Кош-Агаче: узкие речные долины и горные лощины – с пышным травяным покровом.

Орошение О.А.О. в значит. её части обильное. Из рек – более мощными являются: *Бия* (см) с прит. Пыжа, Уймень, Кара-Кокша, Сары-Кокша и Лебедь; *Катунь* (см.) с прит. Аргут, Чуя, Усть-Кокса, Урсул, Сумулты, Чемал, Сема, Иша и пр.; затем – Чарыш (прит. Оби); Чолушман с гл. прит. Башкаус, Кыга, Чабдар, Чульча, и другие. Реки и их сист., за очень небольшим исключением, имеют характер горных, круто падающих потоков. В горах разбросано много озер (*Телецкое* (см.), Тайменье, Кеньгинское, Хайрюзовое и пр.). Тем не менее целый ряд районов, наибольшего кочевья ойротов особенно (в Улаганском и Кош-Агачском аймаках) нуждаются в мелиоративных работах (искусственное орошение полей и лугов).

Климат Ойротской автономной обл. характеризуется следующими показателями:

Район	Ср. года	Ср. лета	Ср. зимы	Максим.	Миним.	Вегет. период в днях	Год осадки в мм	Снеговой покров в см.
Черневой	0,8	17,2	-15,8			150	600	60
Смешанно-хвойный	2,0	16,1	-11,4	33,5	-41,4	166	532	21
Высокогорный	0,5	18,4	-20,6				400-450	59
Горно-пустынный	2,0	14-15	-27,0				300-400	7

Наиб. суров климат горно-пустынного района, особ. на плоскогорьях (Чуйская степь, Чолушманское плоскогорье), где среди лета иногда выпадает крупа и даже снег при 0, а в начале августа, перед полночью, t понижается до -5 и все озера и болота затягиваются льдом; даже в июле не исключена возможность появления дней с морозами.

Почвы. В черневом районе развиты преим. подзолистые почвы под черной тайгой в комплексе с полуболотными; вершины гор и обширные плато, с альпийскими тундрами, кустарниками и субальпийскими лугами, заняты полуболотными и подзолисто-болотными. В смешанно-хвойном и высокогорном районах – горный подзолисто-луговой комплекс, с подъемом в горы, сменяется подзолистыми почвами субальпийских лугов, и, наконец, щебнистым покровом горной тундры. В долинах развиваются своеобразные разновидности каштановых почв и встречаются (по склонам, предгорьям и в долинах) полосы чернозема, окаймляя и смешиваясь с каштановыми почвами. Черноземы, частью каштановые и кое-где подзолы на пологих склонах используются под пахоту. В горно-пустынном районе верх. зоны горных массивов заняты подзолисто-болотным комплексом; в обширных долинах обычны почвы каштанового типа различных видов.

Флора и фауна – см. Алтай.

Полезные ископаемые О.А.О. изучены крайне недостаточно. На 1933 зарегистрировано ок. 350 рудных м-ний в бассейнах рек Катунь, Чолушман, Башкауса, в верховьях Чарыша, Ануя, Песчаной и в ср. бассейне Телецкого озера. Разработки золота ведутся в бассейне р. Лебедь, в окрестностях Телецкого оз. и по р. Уйменью. О.А.О. исключит. богата медными рудами, особ. в районе Чуйской и Курайской степей, с содержанием металла от 0,5 до 1 % и выше (Кызыл-Шинское м-ние, ок. Кош-Агача, Ярлу-Айринское и между реками: Тара-Хатты, Ирбисту и др.). Свинцовые руды простираются мелкими жилками между рч. Атыр-Тюргун и Кыс-Шахту-Оёк к С.-З. от Курайской степи. Нередки признаки цинковых руд. Обнаружены ртутные м-ния пром. значения; вероятное их распространение, от Чуйской к Курайской степи, с продолжением к С.-Западу. Среди множества гранитов в пегматитовых жилах пром. ценны розовый и белый, мутный, полевой шпаты и серый полупрозрачный кварц. Встречается редковатый металл – бериллий (р. Чолушман). Открыты м-ния молибденита (возможно нахождение пром. м-ний), хромита (в Катунском хр.), моноцита в Тигерекских белках, киновари по речкам Айгулак и Ярбалык. Разведаны баритовые жилы в полиметаллических м-ниях Горного Алтая (ок. Кызыл-Шина на Чуйской степи). Развиты м-ния асбеста, особ. в Усть-Коксинском и Онгудайском аймаках. Там же имеются мощные залежи шифера. Есть указания, что О.А.О. обладает статуиным мрамором (см. Драгоценные и цветные камни). М-ния бурых углей в Чуйской степи, ок. Кош-Агача, эксплуатируемые кустарно, приобретут знач. после проведения ж.д. Бийск – Ойрот-Тура – Кош-Агач. Черные угли Кузнецкого типа залегают гл. обр. по р. Пыже (прит. Бии). У ю.-в. окраины Чуйской степи и далее на З. в Коргонском хр. установлены месторождения железных руд (порядка до 10 млн. т по р. Антонов-Коргон) и хромистого железняка по р. Ороктой. Обильна О.А.О. различными строительными

материалами (известняки, сравнительно редкие для Сиб., огнеупорные глины, гипс (в Чуйской степи) и пр.). Минеральные источники (Аржан-Су, Аржан-Кутук) мало изучены, некоторые из них выделяют газ – гелий. Обнаружена белая слюда по р. Архыту. Крупные кристаллы чистого горного хрусталя повсеместны. Давно известны м-ния вольфрама, весьма возможно нахождение олова, висмута, наждака, андалузита, дюмортьерита и др. (см. *Алтай*).

III. Население. На 19 апреля 1933 в О.А.О. насчитывалось 127.502 человека. Коренное население – ойроты (в дореv. лит-ре их неправильно называли «алтайские, горные и белые калмыки»; а в шовинистической – «алтайские инородцы»), к общему числу населения составляют 33,6% и казаки 2,8%; из пришлого населения рус. 61,4%, а прочие (шорцы, монголы, танну-тувинцы, украинцы, мордва и др.) – 2,2%. Коренное население преобладает в Кош-Агачском, Онгудайском, Улаганском и Эликманарском аймаках; ок. 50% в Усть-Канском аймак., ок. 40% в Майминском. Казаки живут исключит. в Кош-Агачском и Усть-Канском аймаках. Ойроты (в лит-ре часто именуемые алтайцами) разделяются на ряд племен, обитающих в пределах О.А.О. б. или м. компактными массами: 1) кумандинцы («кумандинские татары» – старой лит-ры) в Турачакском аймак.; большинство же их живет в сопредельных Старо-Бардинском, Салтонском и Новиковском районах б. Бийского окр.; 2) шалганцы («лебединцы», кукижи, «лебединские татары») – по рр. Лебеди и Байголу в пределах Турачакского аймак.; 3) тубалары («черневые татары») в Майминском, Эликманарском, но, гл. обр., в Чойском и Турачакском аймаках, 4) телеуты («кокшалары»), небольшими группами в Шебалинском аймак. и в гор. Ойрот-Тура, но преим. по р. Чумышу в б. Барнаульском окр. и по рр. Б. и М. Бочату в б. Кузнецком окр.; 5) теленгиты («чуйцы», «двоеданцы») в Кош-Агачском и Улаганском аймаках и, наконец, собственно алтайцы – в Майминском, Эликманарском, Усть-Коксинском и особ. в Шебалинском, Усть-Канском и Онгудайском аймаках. По данным Сухотина (1929) племя шалганцев насчитывало в общей сложности ок. 1 ½ тыс. чел., телеутов 2-3, тубаларов ок. 3,5, кумандинцев 5, теленгитов 6 и собственно алтайцев ок. 26 тыс. человек. Шорцы (всего ок. 12 тыс. чел), родственные ойротам, особ. северным и по яз. и по культуре, сосредоточены в основном в Горно-Шорском национальном районе Зап.-Сиб. края и частично в Турачакском аймаке. Термин: ойроты (возник после рев. и далеко не охватывал всех племенных самоназваний) в наст. время является установившимся для всех алтайских племен, находящихся на территории О.А.О.; остальные сохраняют прежние названия. Диалекты алтайских племен б. или м. различны и в словарном, и в фонетическом отношении, а в целом алтайцев принято считать тюркоязычными. Акад. Самойлович, на основании условных лингвистических признаков, отнес кумандинцев, алтайцев, теленгитов и телеутов к т.наз. кыпчакской с.-з. группе турецких племен, тубаларов – к ю.-в. туркам, шорцев и шалганцев – к с.-в. или уйгурской группе. Физический тип юж. ойрота имеет значит. монголоидные черты (низкий рост, черные жесткие волосы на голове, слабая растительность на лице, скуластость, черный цвет и узкий разрез глаз и пр.). У сев. ойротов по мере продвижения к Кузнецк. Алатау яснее выражаются финно-угро-самоедские антропологические черты (высокий рост, светлые глаза и волосы, большая растительность на лице и пр.).

Основное занятие юж. ойротов – скотоводство (в значит. степени экстенсивное, пастбищное); существенны для экономики О.А.О. охота. сбор кедрового ореха (у сев. алтайцев – в Чойском и Турачакском аймаках – гл. занятие). Домашняя пром-сть (выделка кошмы, кожи и пр.) до последних лет пребывала в зачаточном состоянии и не отделялась от скотоводства и охоты. В связи с переходом на оседлость усиливается полеводство. Разведение огородных культур к 1933 проникло в самые отдаленные и высокогорные аймаки – Улаган и Кош-Агач. Расширяется ежегодное участие ойротов в лесозаготовках и лесосплавах (лучшими сплавщиками по р. Бие за последнее время считались ойроты).

Юж. ойроты – скотоводы, особ. единоличники, еще не полностью освободились от кочевого и полукочевого образа жизни. Они разбросанно расселены в аялах по узким долинам, горным ущельям, в верховьях малых рек. Сев. ойроты – по прем., охотники-промысловики – живут, за небольшим исключением, оседло. Экономическое неравенство наложило отпечаток на всю ойротскую материальную культуру, в т.ч. и на предметы потребления (это до последнего времени замалчивалось исследователями, касавшимися этнографии ойротов). Жилищем бедняцкой части юж. и смежных с ними ойротов (теленгитов, собственно алтайцев, отчасти тубаларов и телеутов) являются конусообразный шалаш из жердей или юрта с решетчатым основанием небольших размеров, прикрытые корой лиственницы, березы или кошмой (войлоком); богатые алтайцы-скотоводы имели просторнее жилье, с обилем кошмы и хорошо утепленное. У бедноты сев. алтайцев (кумандинцев, шалганцев и др.) наряду с избами рус. типа по сей час встречаются землянки и шалаши – вертикально поставленные горбыли или жерди, крытые берестой. У баев были деревянные дома – крестовые, двухэтажные, встречались даже каменные, крытые железом. В таежной части О.А.О. наблюдаются еще бревенчатые (4-5-6-угольные) юрты с конусообразной крышей. Экономическое неравенство выражалось и в одежде, и в утвари, и в пище, и в средствах передвижения. Например,

у южных алтайцев байское хозяйство имело много лошадей и седел (женские седла обычно изящно украшались); бедняцкое обходилось в лучшем случае одним верховым конем.

Прибавочный продукт трудящихся ойротов присваивался рус. царем в виде ясака (на основе частной собственности Кабинета на землю) и ойротскими баями и зайсанами в виде отработок и пр. (на основе частной собственности на средства производства: гл. обр., скот и орудия промысла). Следовательно, ойротское об-во до рев. (что и показали исследования Л. Потапова), находилось в стадии феодализма, выросшего на базе экстенсивного скотоводства и зверового промысла, внутри к-рого возникали, разлагавшие его, капиталистические отношения. Здесь отсутствовали города, разделение общественного труда лишь намечалось, ремесла (выделка кошмы, кожи и пр.) из сел. хоз-ва еще не выделились и техника земледельческого хоз-ва крайне отстала, - но в этом-то и заключалось своеобразие феодализма на Алтае. К тому же он затушевывался родовыми отношениями. «Своеобразие нарождавшихся капиталистических отношений у алтайцев было в смешении капиталистических форм эксплуатации с докапиталистическими; в приспособлении докапиталистических форм эксплуатации. В хоз-ве капиталистов типа Аргамая отработки существовали наряду с капиталистическим наймом с.-х. рабочих и т.п.» (Потапов, «Очерки истории Ойротии»). Алтайское общество несомненно было классовым. Поэтому приписывание алтайцам родового строя (как это делали некоторые исследователи даже в сов. период) является грубым антимарксистским извращением действительности. Отдельные пережитки родового быта сохранились у алтайцев до последних дней в родовых названиях, семейных отношениях, в религиозных воззрениях и т.п. В момент перехода в рус. подданство, у них замечены некоторые следы рабства.

Алтайские племена, разделяющиеся на отдельные роды (сеоки), в дорев. время управлялись князьками-зайсанами. Зайсан выбирался пожизненно кулацко-байскими слоями. Зайсанство организовано было по родовому принципу; приписанные к данному зайсану группы родов подчинялись ему независимо от своего местожительства. Это соответствовало пастбищному хоз-ву и существовало как неизжитый элемент родового строя. Зайсан был несменяемым полновластным хозяином, чинил суд и расправу, собирал дань - ясак, посредничал между ойротами и царскими чиновниками; управление родом переходило по наследству потомкам зайсана, гл. обр., по прямой линии. Более всего доходов зайсаны получали от сбора податей (путем присвоения части собранного), подарков от суда, от выдачи билетов в тайгу на пром., от приемных договоров. В хоз-ве зайсанов применялись наемный труд и внеэкономическое принуждение. С проникновением и развитием рус. торгово-ростовщического капитала, с разложением натурального хоз-ва алтайцев, зайсанство начало перерастать в торгово-капиталистическую верхушку алтайского общества. Когда зайсаны, приобретя влияние среди алтайцев, предстали перед царизмом реальной угрозой - наследственность и пожизненность должности зайсанов были отменены (в 1880), а с проведением землеустроительной реформы на Алтае (1911 - 15), т.е. с изъятием от алтайцев громадной территории в пользу Кабинета и насильственным прикреплением их к земле, зайсанство было уничтожено и заменено волостным управлением обычного русского типа. Революция подняла разоренные и придавленные царизмом ойротские массы и против рус. империализма, и против национальных угнетателей, хотя этот процесс классовой борьбы оформлялся значит. медленнее, чем в др. районах.

Экстенсивность скотоводства и слабая техника пр. отраслей хоз-ва делали ойрота беспомощным в борьбе с природой, со стихийными бедствиями (напр., гололедицей). А гнет со стороны баев и зайсанов, власть пережитков патриархально-родовых отношений, нищета и невежество при этих условиях - способствовали процветанию религиозных предрассудков. Алтайская Духовная миссия почти век насаждала православие, крестила ок. половины алтайцев, но новая религия укоренилась лишь среди теленгитов Улаганского аймака да телеутов в Улале. Сектантство, бытовавшее среди рус. части населения Горного Алтая, оказало малое влияние на ойротов (на Уймоне и в ср. течении р. Бии). Усвоение православия и сектантства в большинстве было поверхностным, и алтайцы охотно отдавали православные церкви (40 при количестве школ того времени - 28) под хоз. и политико-просветительные нужды. Значит. большее влияние среди алтайцев имел ламаизм (см.). Шаманство у алтайцев было распространено в аймаках: Турачакском, Чойском, Майминском и Эликманарском. Аймаки Онгудайский, Усть-Коксинский, Шебалинский и Усть-Канский среди верующих больше всего насчитывали бурханистов. Эксплуататорская деятельность и классовая принадлежность, несмотря на национальную рознь края, разжигались бурханизмом и его идеологами, объединяли служителей культов как в скрытой борьбе против сов. власти (лесозаготовки, призыв ойротов в Красную армию, коллективизация, перевод на оседлость), так и в борьбе открытой (совместное участие в поддержке Каракорума, участие в белых бандах и пр. См. также *Бурханизм*). Неуклонное проведение партией и советской властью ленинской национальной политики быстро вытесняет родовые пережитки и религиозные предрассудки.

IV. Исторический очерк. Об историческом прошлом О.А.О. в литературе имеются скудные

сведения. Нет ни одной марксистской работы, посвященной историческим судьбам ойротов до их перехода в рус. подданство. Известно, что племена, живущие ныне в ойротском Алтае, входили в первой половине XVIII в. в состав Джунгарского государства, во главе к-рого стояли собственно калмыки. Джунгария объединилась в XV в. в результате столкновения с Китаем и получила название Ойротского Союза. Джунгарское об-во было классовым, с феодальными (натуральная и отработочная рента) и рабовладельческими формами эксплуатации. Алтайцы, обитавшие на С. Джунгарии, находились в подданстве у джунгарского хана и платили ему налог всевозможными металлическими изделиями. В первой же половине XVIII в. между джунгарскими феодалами возникли междоусобные войны, к-рым воспользовался Китай. В 1756 китайские войска разгромили Джунгарию и захватили почти все её владения. Часть подвластного джунгарским ханам населения, в т.ч. и алтайские племена, кочевавшие близ рус. границы, обратились, в лице зайсана Омбо, к русскому пограничному начальству с просьбой о принятии их в подданство. Рус. правительство ухватилось за эту просьбу, присвоило современный Рус. Алтай и гарантировало алтайцам устойчивые границы кочевий.

Колонизация. Оседлые поселения рус. того времени едва достигали предгорий Алтая. Первыми вторгнулись в места кочевий алтайцев беглые крестьяне - крепостные рабочие горнозаводской пром-сти, спасаясь от каторжных условий труда. Сюда же скрывались от преследований никонианской церкви старообрядцы и те, кто не выдерживал непосильных оброков, произвола властей и солдатчины. Они оседали на Уймоне и др. плодородных районах Горного Алтая. К 1825 выросло 54 рус. поселения. При Сперанском (1822) границы алтайских кочевий были указаны б. или м. точно. Но в 1865 правительство беззастенчиво объявило свободную колонизацию, а с 1873 - т. наз. плановую. С 60-х гг. XIX в. колонизаторскую деятельность развивает Алтайская Духовная миссия, приступившая к организации на Алтае монастырей (Улала, Чемал, Чолушман) на лучших землях, отнятых у алтайцев. Несмотря на многочисленные протесты и делегации ойротов в Томск и в Пб., в 1899 проводится в жизнь закон, обязывающий к землеустройству не только рус., но и «инородческие» поселения. Это было заключительным актом царской земельной политики по отношению к алтайцам. Байско-зайсанские хоз-ва заблаговременно присвоили лучшие пастбища и угодья; основная же масса трудового крестьянства катастрофически покатила к разорению. И правительственная, и вольная, и миссионерская колонизация применяли наглый земельный захват. Рус. пришельцы, особ. кулацкие элементы, враждебно относились к коренному населению Алтая. Поощряемые царским чиновничеством, они занимались прямым грабежом и разорением ойротских стад. Ойроты вытеснялись из удобных долин и межгорных степей, где кочевали веками, загонялись в горные ущелья, на «камень», неудобные земли. В этом же направлении действовало пересел. ведомство, присваивая лучшие земли. Гнет, насилие над ойротами усилились, когда явились и выделились из осевшего кулачества представители рус. торгового и ростовщического капитала, к-рые за бесценок скупали пушнину, кедровый орех, скот, кожу и пр., спаивали ойротов, угоняли их стада за невыплаченный долг. С разложением натурального туземного хоз-ва и развитием меновых и торговых связей байско-зайсанские родовичи также перерастали в торгово-капиталистическую верхушку. Пользуясь пережитками родового строя, они утяжеляли эксплуатацию ойротских трудящихся масс еще более. Но самым мощным и хищным эксплуататором был рус. царизм. В 1747 императрица Елизавета издала закон, по которому все земли Алтая объявлялись принадлежащими «Кабинету его величества». Без оплаты аренды стало невозможно заниматься сел. хоз-вом, охотой, пром. и др. Царизм сильно тормозил возможности экономического и культурного развития ойротов, он разжигал национальный антагонизм между ойротами и рус., создавал племенную разобщенность среди ойротов, поощрял колонизаторское захватничество и насилие кулацко-зажиточных элементов. В проведении русификаторской политики царизма большую роль выполняли попы-миссионеры. Алтайская Духовная миссия всеми мерами навязывала ойротам христианство. «Культурное строительство» свелось к подготовке из крещеных ойротов - псаломщиков и попов, знающих местные языки. Обращение ойротов в христианство сплошь и рядом совершалось путем подкупа (подарками), с помощью эконо. льгот, предоставляющихся новокрещенным (напр., освобождение от ясака на ряд лет), нередко и в принудительном порядке. Попы, как и царские чиновники, раздували межнациональную вражду. Преподавание, суд и делопроизводство в дючинах (волостях) отправлялись исключит. на рус. языке, официальные сношения на ойротском были запрещены. Царизм преследовал цели быстрой ассимиляции ойротов с рус. населением. Попытки сопротивления русификаторству жестоко подавлялись. Колонизаторская политика царизма, хищническая эксплуатация ойротов представителями торгового капитала, чиновничье-бюрократической верхушкой, попами из миссии, кулаками-займочниками - в конце концов вызвали национально-освободительное движение ойротских крестьянских масс. Ок. 1904 начинается отказ от платежа податей; миссионеры с тревогой сообщают о том, что «всякий малограмотный мужик или баба преважно брались осуждать весь существующий строй и протягивают грязную лапу даже к вечным истинам евангелия».

Это национально-освободительное движение, известное под названием *бурханизма* (см.), было характерным для пробуждающихся отсталых народов «бунтом на коленях» в оболочке религиозной реформации.

Волна нац.-освободительного движения поднимается вновь в 1917 в форме так наз. «Каракорумского движения». Отсутствие пролетарской базы и организаций коммунистической партии, оторванность от гор. и рабочих цц., культурно-политическая отсталость ойротских масс, пережитки родового быта, умело использовавшиеся зайсанско-байской верхушкой и тормозившие развитие классовой борьбы внутри алтайского урочища, неорганизованность бедноты и батрачества, национальный антагонизм, подогревавшийся кулачеством, племенная разобщенность, крайне слабое вовлечение трудящихся масс в сов. строительство и т.д. – были использованы алтайскими и рус. торгово-капиталистическими элементами, кулаками-баями и национал-шовинистами. Руководство движением попадает в руки национал-шовинистической интеллигенции, связанной с байскими и торгово-капиталистическими слоями и контр-рев. сиб. *областничеством* (см.). В июле 1917, при содействии томских областников, в Улале созывается съезд «представителей инородческих волостей» Горного Алтая, Кузнецкого и Ачинского уездов. Съезд признает необходимым «выделение Горного Алтая в рамках уездного земства» и создает *Алтайскую горную думу* (см.). В феврале 1918 в Улале самостийно созывается «учредительный съезд инородческих и крестьянских депутатов», в состав к-рого входят крупные представители торгового рус. и алтайского капитала, бай, кулаки, будущие вожаки бандитизма, миссионеры и националисты-интеллигенты. Съезд постановил выделить из состава Алтайской и Томской губ. в самостоятельную единицу «Каракорум-Алтайский округ». Работа этого съезда носила явно антисоветский характер; проводится саботаж сов. декретов, совершаются торжественные молебны, рассылаются приветственные телеграммы областникам и избранным в Учредит. собрание эс-эрам; вместо Красной гвардии создается «национальная казачья сотня» во главе с атаманом Сатуниным и есаулом Кайгородовым, превращенная позднее в белогвардейский карательный туземный дивизион, отличавшийся зверскими расправами. Избранная съездом Каракорум-Алтайская управа во главе с художником Гуркиным, а впоследствии Тибер-Петровым и др., основное внимание сосредоточила на подготовке вооруженной борьбы с Советами, преследовала тех, кто подозревался в большевизме, позже разгоняла Советы, арестовывала сов. работников, разжигала национальную вражду. В этом духе проводилась пропаганда и подготовка к созыву в Кош-Агаче курултая – съезда представителей от народов, входивших некогда в состав государства «Ойрот»: Рус. Алтая, земель минусинских туземцев (ныне хакасов), Урянхая (ныне Танну-Тувинской народной респ.), Монголии и Джунгарии – для учреждения самостоятельной буржуазной республики. Чехословацкое выступление каракорумцы встретили восторженно, как избавление от большевизма.

Партизанское движение явилось ответом на белогвардейскую реакцию. Во время разгрома Советов отряд под командой Плетнева сражался за Советы, но под натиском количественно сильнейших белогвардейских сил Плетнев вынужден был распустить свой отряд. Партизанские выступления скоро возобновились. Первоначально небольшие группы, делавшие внезапные налеты на белогвардейцев, объединялись в отряды, уходили в горы, в тайгу. Так скомплектовывались целые партизанские полки. Солонешинский партизанский полк слился с Усть-Канским, в составе к-рого были и алтайцы, – сформировалась бригада. Дальнейшая спайка отрядов закончилась созданием Первой горно-алтайской партизанской дивизии под командой *Третьяка* (см.). Партизаны воевали с отрядом Сатунина – Кайгородова, отрядом полковника Хмелевского и др. белогвардейскими карательными отрядами, отступавшими под натиском Красной армии и партизанских полков. Белогвардейские отряды были уничтожены или выброшены за рубеж; так в Монголию ушел с остатками своей банды Кайгородов.

Ликвидация бандитизма (1920-1923). В процессе борьбы с белогвардейцами возникли район. рев. к-теты: в Шебалино, Улале и Усть-Коксе. Общность эконом., национально-бытовых и культурных особенностей привела к образованию Горно-Алтайского уезда. Уездный рев. к-тет приступил к советизации Горн. Алтая в труднейших условиях: коммунистические ячейки только еще сплачивались, коммунисты же ойроты насчитывались единицами; гражданская война и белогвардейская реакция особ. сильно разрушили хоз-во О.А.О.; голод и эпидемии охватили алтайское население, кулацко-байские элементы продолжали контр-рев. агитацию, им помогали укрывавшиеся на Алтае белогвардейцы, с.-р., попы; проведение продовольственной разверстки еще более усложнило политическую обстановку. Снова закипела вооруженная борьба. Во главе с Тырышкиным оперировала кулацкая банда в Б. Ануе. Вскоре в др. местах Горного Алтая поднялись кулацкие и байские банды Пьянкова, Орлова, Колесникова, Семенева, Штанакова, Кармана Товер, Чекурекова (Кармана и Товара Чекураковых – сост.), Себешева и др. В Монголии активизировались остатки белогвардейской армии во главе с Унгерном и Бакичем; Кайгородов с своей сотней перешел границу, используя прежние связи по каракорумскому движению, он свел банды в «Первую горно-алтайскую сводную казачью

дивизию», а после захвата Уймонского района объявил себя командиром повстанческой армии и издал приказ о мобилизации населения в возрасте от 18 до 45 лет. Кулаки и баи зверски расправлялись с советскими работниками. В Уймоне начинает функционировать «временное районное управление», а в феврале 1922 проводится первый съезд «выборщиков Уймонского края», который принял так наз. «Уймонскую конституцию» в кулацко-эсэровском духе. Молодая и малочисленная партийная организация, комсомол, красные партизаны, вместе с частями Красной армии, борются с бандитами до 1923, когда отряд под руководством тт. Долгих и Воронкова совершил героический переход по глубокому снегу через вершины Яломанских белков и 11 апреля обрушился на штаб Кайгородова и его лучшие силы в Катанде. После этого быстро завершается разгром бандитизма. Во время борьбы работа по сов. строительству не прекращается; выделяются кадры работников-ойротов; растет организованность батрачества и бедноты, укрепляется её союз с середняками против кулаков-баев; ширится культурное строительство. В июне 1922 ВЦИК, при непосредственном участии т. Сталина, принимает решение об образовании О.А. области. Создание автономной области позволило быстро ликвидировать последние остатки вооруженной контрреволюции в Горном Алтае и обеспечило благоприятную обстановку для сов. строительства среди трудящихся ойротов и рус. крестьян.

V. Экономика. Гл. место в экономике О.А.О. занимает сел. хозяйство. Основное направление его – животноводческое, сведушими отраслями – мясо-молочным скотоводством, шерстяным овцеводством и верховым коневодством. По аймакам животноводство комбинировалось: в Майминском, Эликманарском, Шебалинском, Усть-Канском, Онгудайском и Усть-Коксинском – с полеводством (в Усть-Канском, Эликманарском и Онгудайском еще и с охотой), в Чойском и Турачакском – с полеводством (в Турачакском – менее), пром. и охотой; в Улаганском – с охотой, в Кош-Агачском – со слабо развитыми промыслами. Как видно из приводимых ниже таблиц – крупные успехи сел. хоз-ва О.А.О. достигнуты на основе совхозно-колхозного строительства:

Валовая продукция Ойротской автономной области (в тыс. руб.)

<i>Отрасли</i>	<i>1931</i>	<i>1932</i>
1. Сельское хозяйство	9.708,87	13.888,71
В т.ч. совхозы	958,11	2.266,24
колхозы	3.727,06	6.787,12
единоличники	5.023,70	4.835,35
2. Лесное хозяйство	2.766,03	4.945,50
3. Кустарные промыслы	1.267,35	3.099,40
4. Остальные источники: охота, рыболовство, белкование, кедровый промысел	1.454,04	1.800,00
5. Промышленность	1.486,86	2.068,94
По всем отраслям	16.683,15	25.802,10

Коллективизация. В начале 1925 в О.А.О. был один колхоз (Куладинское скотоводческое т-во) с 23 членами, в конце того же года уже 26. В т.ч. 3 коммуны; большинство колхозов – животноводческие и машинные товарищества. В 1927 в О.А.О. имелось 3 коммуны, 5 земледельческих и 9 животноводческих артелей, 1 мараловодческое, 9 с.-х., 2 семеноводческих, 30 машинных и 17 коневодческих т-в, всего 76 с.-х. объединений, охвативших 768 хоз-в с 1.340 членами (ойротских 235 с 441 членом – 21%). В 1928 уд. в. алтайских хоз-в в 44 колхозах составил – 32,8%; а в 1929 колхозов насчитывалось 92.

Размер товарной продукции сел. хоз-ва по отдельным отраслям

<i>Продукция по отраслям хозяйства</i>	<i>1928 - 1929</i>		<i>1932 в тыс. руб.</i>	<i>Уд. в.</i>
	<i>В тыс. руб.</i>	<i>Уд. в.</i>		
Животноводство	1.993	66,2	4.531	45,0
Пчеловодство	20	0,6	303	3,0
Охота и кедровый промысел	733	24,3	3.080	30,6
Лесохимия	135	4,4	1.127	11,2
Полеводство	37	1,2	846	8,4
Угильсырье			19	0,2
Пр. заготовки	100	3,3	159	1,5
Всего	3.018	100,0	10.065	100,0

Массовый подъем колхозного движения начался в 1929, но партийное и сов. руководство О.А.О. не сумело правильно разобраться в своеобразной обстановке национальной обл., а допустило в начале 1930 левачьи извращения политики партии в деле коллективизации и осуществлении национальной политики. После исправления под руководством Крайкома ВКП (б) допущенных ошибок колхозное движение стало вновь расти. К 1 мая 1930 был 171 колхоз. На 20 апреля 1933 зарегистрировано уже 279 колхозов, объединявших 12.993 хоз-ва или 48,9% всех трудовых крестьянских хоз-в области, в т.ч. ойротских 57,1%. Больше половины поголовья стада О.А.О. обобществлено в колхозах. Налицо и рост уд. в. посевных площадей колхозного сектора (1928 – 0,57 тыс. га, 1932 – 34,54), и рост технической вооруженности колхозников.

С о в х о з ы возникают с 1929. К концу 1-й пятилетки в обл. работают 7 различных совхозов. Два в Усть-Коксинском аймаке – Уймонский и Абайский, оба мясного направления, входящие в сист. Скотоводтреста. В Эликманарском аймаке – Чемальский совхоз ЦИК СССР с производством смешанного типа. В Майминском аймаке – Кызыл-Озекский совхоз (близ г. Ойрот-Тура), с опытной зональной станцией, входит в сист. Племсовхозтреста. В Усть-Канском аймаке – Ябаганский совхоз Коневод, тоже с опытным уклоном. В Усть-Коксинском аймаке – маралосовхоз в с. Абае; он развивается для увеличения экспорта (в Монголию и Китай) маральных рогов или пантов. Овцеводческий совхоз в Онгудайском аймаке (с. Кеньга). К 1 января 1933 поголовье стад составляло: крупного рог. скота 22.500, лошадей 3.910, овец и коз 2.970. Посевная площадь совхозов (вместе с разными учреждениями и организациями) в 1932 7,58 тыс. гектаров.

Переход на оседлость. Без изжития кочевничества невозможно успешное выполнение поставленных 2-й пятилеткой задач хоз.-культурного строительства в области (в частности, совхозно-колхозного). К 1933 проведены почвенные, геоботанические, агро-экономические и мелиоративно-дорожные изыскания и геодезические съемки на площади 2.110 тыс. га; закончены обследовательско-оросительные изыскания на территории 30.000 га и определены точки землепользования. Ближайшими задачами в деле перевода на оседлость являются: 1) Организация территории между пользователями и её хоз. устройство на площади 2.083 тыс. га и прежде всего в аймаках Онгудайском и Усть-Канском (64 тыс. га) – районах наиб. концентрации животноводческих товарных ферм и поле действия единственной в 1933 в О.А.О. МТС (Онгудай). 2) Мелиоративные работы (исключит. в Кош-Агачском и Улаганском аймаках с экстенсивным скотоводством, страдающих от отсутствия заготовленных кормов), для подготовки к к-рым осуществлены комплексные технико-экономические изыскания на Курайской и общие изыскания на Чуйской степях и на основании их составлены технико-экономический проект орошения 2.675 га, схематический на 1.000 га и рабочая гипотеза на 240 тыс. га (Чуйская степь). Запроектированы: почвенно-грунтовые обследования, строительные работы по устройству искусственных орошений и др. 3) Жилищное строительство, особ. в Улагане, Кош-Агаче, Онгудайе и Усть-Кане. 4) Хоз. строительство (скотных дворов, телятников, конюшен, кошар, жеребятников и свинарников). 5) Хоз. снабжение кочевников предметами широкого потребления, строит. материалами и подготовка базы (по линии пром. кооперации) к развитию пром-сти (силикатно-гончарного и швейного производств, металло-обработочного, производства строит. материалов, химической, кожевенной, валяльной и др., особ. в Кош-Агаче). Завершение перевода кочевого и полукочевого населения О.А.О. на оседлость намечено в первые годы 2-й пятилетки, что потребует затрат (на жилищное строительство, хоз. обзаведение и на коммунальное хоз-во) ок. 100 млн. руб. Переходящим на оседлость предоставляются льготы по налогу, кредитная помощь, завозится инвентарь; ойроты, особ. колхозники, проявляют большую тягу к переходу на оседлость.

Ж и в о т н о в о д с т в о у коренного населения О.А.О., особ. в единоличном секторе, ведется отсталыми способами. Так, у юж. ойротов до последнего времени в ряде мест скот круглый год находится на подножном корму и под открытым небом. В недавнем прошлом на Алтае это было массовым явлением. Отсюда голодовка скота от бескормицы. Гололедицы, холода, эпизоотии ежегодно уносили из стада десятки тыс. голов, продуктивность скота в кочевых и полукочевых районах обл. низкая. В Усть-Коксинском, Майминском, Чойском и Турачакском аймаках преобладает крупный рог. скот и рабочие лошади; в Шебалинском и Эликманарском – круп. рог. молочный и мясной скот, лошади и овцы; в Онгудайском – круп. рог. мясной скот, овцы и козы; в Усть-Канском – круп. рог. мясной скот, овцы, табунное коневодство; в Улаганском – овцы, козы и табунное коневодство, меньше круп. рог. скот, в составе к-рого много сарлыков-яков и верблюдов. В 1922 по О.А.О. учтено: лошадей 61.812, круп. рог. скота 66.347, овец и коз 88.683 (итого 216.842). Численность стада в 1932: лошадей 90 тысяч, крупного рогатого скота 118.700, овец 198 тысяч голов.

По количеству товарного стада колхозы и совхозы перекрыли прежнее кулацко-байское производство. Вслед за совхозами большая роль в реконструкции животноводства принадлежит колхозным товарным фермам. К 10-летию Ойротии из организованных 228 колхозно-товарных ферм 132 являлись молочно-товарными (32.880 гол. молочного скота), 56 – овцеводческими (57.824

гол. овец и коз), 16 – коневодческими, а на 1 янв. 1933 в О.А.О. было МТФ – 150, КТФ – 17, ОТФ – 61. Обеспеченность колхозов скотом за один только 1932 выросла более чем вдвое, тягловой силой втрое и т.д. Увеличивается товарность животноводства (1928/29 – 1.933 руб.; 1932 – 4.531 руб.). В 1932 заложена кормовая база в 8 аймаках, ликвидирован дефицит в грубых кормах, скот на зиму помещается в дворы (теплые, утепленные, примитивные) и кошары. Обращено внимание на создание сильных и на развитие сочных кормов. Взят курс на разведение молочно-породистого скота и улучшение коровы местной породы; производятся ценные опыты по гибридизации алтайского крупного рогатого скота с тибетским яком и симменталами, по метисации алтайской овцы с мериносами и по скрещиванию алтайской лошади с английской скаковой и донским жеребцом. Юж. аймаки в дальнейшем специализируются на выращивании круп. рог. скота (мясного и мясо-молочного), пром. овцеводстве и верховом ремонтном коневодстве; сев. на крупном рог. скоте (молочно-мясном и молочном), пром. кролиководстве, подсобном свиноводстве и пр. Сенокосная площадь О.А.О. в 1932- 273 тыс. га. Возделка кормовых трав и силосных культур значит. изменит соотношение культур в посевных площадях области. Техническое вооружение животноводства улучшается: в 1928 жнеек было 227, в 1932 – 419.

Полеводство. Общий посев в 1917 равнялся 24,3, в 1923 – 17,6 тыс. га. Показатели развития полеводческого хозяйства О.А.О. за первую пятилетку таковы:

<i>Посевы</i>	1928	1930	1932
Общая посевная площадь (уборочная) в тыс. га	35,50	42,73	52,79
Из них зерновых	31,20	38,60	49,90
В т.ч. яровая рожь	1,60	1,10	1,10
пшеница	12,80	15,90	16,30
овес	12,70	14,80	19,30
ячмень	3,90	4,50	6,10
лен, конопля	1,74	1,60	2,40
картофель	0,82	0,81	1,40
кормовые	0,68	1,11	0,73

По секторам уборочной площади в 1928 занимали: совхозы, учреждения и организации, колхозы 0,57, единоличники 34,93 тыс. га, т.е. уд. в соц. сектора обозначился 1,6%, а в 1932 соответственно: 7,58, 34, 54; 10,67 тыс. га, т.е. уд. в соц. сектора поднялся до 79,8%, а единоличный снизился до 20,2 %. Темп роста посевной площади в национальных районах в процентном отношении выше, чем в рус., что свидетельствует об интенсификации ойротского хоз-ва в связи с коллективизацией и переводом его на оседлость.

Лесное хозяйство. Из природных богатств О.А.О. наиб. вовлечены в эксплуатацию леса. В зависимости от направления водных путей Горно-Алтайский лесозаготовительный район Зап.-Сиб. делится на 3 подрайона: Бие-Телецкий, - с выходом древесины по бассейну р. Бии и р. Оби до Барнаула и Н.-Сиб.; Катунский – с выходом древесины по бассейну р. Катунь на Чергачакский лесопильный завод (близ г. Ойрот-Тура) и далее до Барнаула; Чарышский – с выходом древесины по бассейну р. Чарыша в Лесостепной район Зап.-Сиб. края. Леса О.А.О. горнотаежные, Бие-Телецкий подрайон преимущественно насажден пихтой, кедром, осиной, березой; Катунский – лиственницей и отчасти пихтой и кедром, Чарышский – почти исключит. лиственницей. Лесопокрытая площадь О.А.О. измеряется (округленно) в 5,5 млн. га. Лесные породы на удобной (2.241.000 га) площади в процентном отношении: лиственница 44,7, пихта 27,7, кедр 21, береза и осина 5,5, ель 0,7, сосна 0,4 (хвойные 94,5 и лиственные 5,5 %). По возрасту леса распределяются так (в %): в лесах с преобладанием хвойных: молодняк - 0,25, ср. возраста 15,75, спелые 80, перестойные 4; с преобладанием лиственных – молодняк 7,9, ср. возраста 44, спелые 48, перестойные 0,1; по территории % лесистости колеблется от 21 до 75, - ср. 44%. До 1929 О.А.О. восстанавливала разрушенное за годы империалистической и гражданской войн лесное хозяйство. Гористый рельеф, расположение лесов по крутым склонам, отсутствие дорог, засоренность извилистых, каменистых горных речек затрудняют лесозаготовки и сплав и требуют больших капиталовложений в лесное хозяйство. В лесное хоз-во и пром. освоение лесов в 1929 вложено 102, 4, в лесоисследование – 172,7 тыс. руб.; в 1932 – соответственно 318,14 и 151,43, а всего за пятилетку 1.380,73 тыс. рублэй. Лесозаготовки 1929 (округленно) дали 124 тыс. м³ в 1932 – 400 тыс. м³ (без заготовок на удовлетворение местных нужд). Начата эксплуатация леса по р. Катунь и в ц. области. Прокладываются лесные дороги, очищаются сплавные реки, ведутся лесозаготовительские обследования, лесоустройство, жилищное строительство в местах лесозаготовок и пр. мероприятия, необходимые для дальнейшего развития лесозаготовок. По р. Куюму (Эликманарский аймак) строится первая лежневая лесовозная дорога. Снабжая и сейчас сырьем новостройки Зап.-Сиб. края и Ср. Азии, О.А.О. во второй пятилетке разворачивает древообрабатывающую пром-сть, т.к. в наст.

время из 5 лесопильных заводов: в Ойрот-Туре, Челоше, Майме-Чергачаке, Паспауле и в Усть-Муны - только ойрот-туринский и майма-чергачакский являются заводами пром. типа, остальные оборудованы кустарно. Лесная пром-сть в О.А.О. будет развиваться на основе механизации, комплексного использования сырья и утилизации всех отходов.

Пчеловодство. В 1931 имелось рамочных ульев 9.708, колодочных 13.009 (всего 22.717, из них в колхозах - 33%, у единоличников - 67%). Растет и крепнет сеть колхозных пчеловодно-товарных ферм (в 1933-36), запроектирован пчеловодный совхоз.

Охота. Пушное хоз-во по стоимости товарной продукции в обл. находится на 3-м месте. В 1931 заготовлено шкур: белки - 359 тыс. штук, колонка - 5.189, сурка - 21.000, соболя - 149, медведей - 178, выдр - 61, кабарги - 732, горностая - 11.000, хорька - 4.286, волка - 180, лисицы - 613, барсук - 1.278, зайца 55.000, бурундука - 234.000, крота 387.000. Организованы в бассейне р. Сумульты - мараловодческий заказник на площади в 100 тыс. га; в районе р. Быструхи - соболиный (75 тыс. га) и в 1931 Большой алтайский заповедник (ок. 1 млн. га), имеющий огромное охотно-пром. и научно-исследовательское значение. Заповедник включен в число 15 по Союзу, назначенных м.пр. к обслуживанию сов. и иностранного туризма. Из промыслов следует отметить сбор кедрового ореха, бадана, ягод, хмеля, составляющих значит. уд.в. в валовой продукции области.

Кустарная промышленность. В валовом доходе населения О.А.О. на долю доходов от кустарных пром. падает свыше 20%. К 1 апреля 1932 было кооперировано по обл. 1.527 кустарей одиночек (22% - женщины, 15% - алтайцы). Сист. пром. кооперации из обл. ц. Ойрот-Туры продвинулась на периферию, вплоть до Улагана и Кош-Агача, создав там совершенно новые промыслы. Пром. колхозов на 20 апреля 1933 насчитывалось по области 39. Стоимость выпущенной продукции в 1930: 388.200 руб., в 1931 - 1.364.400 руб., в 1932 около 5 млн. рублей. Основные виды кустарной пром-сти: производство кирпича (2 завода под г. Ойрот-Тура), др. строительных материалов, швейное, обувное, лесохимическое, пищевкусовое, терпентинное, металлообработка.

Перспективы промышленного развития. В О.А.О. пока крупной пром-сти нет. Ставится вопрос о строительстве в Бие-Телецком районе лесопром. комбината с цехами деревянных конструкций и стройдеталей, и лесопильного мощного завода, вырабатывающего м. пр. деревянную тару, карандашную дощечку и пр. На базе кедровников Турачакского и Чойского аймаков намечено организовать кедро-маслобойное производство. Широкое развитие получит лесохимическое производство: пихто-масловое, скипидарно-канифольное, спирто-порошковое, дегтекуренное, смолокуренное, терпентинное и пр. При наличии в прикатунском районе громадных лиственничных насаждений (свыше 500 тыс. га) возможно использование лиственницы и её отходов (производство водопроводных лиственничных труб и т.п.). Развитие животноводства в О.А.О. вызывает к жизни ряд предприятий легкой и пищевкусовой пром-сти по переработке мяса, шерсти, масла (суконной фабрики, мясокомбината, пимокатного завода, молочно-масляного комбината и т.д.). Разведанные м-ния медной руды (по предварительным данным проф. Горностаева ок. 1.500 тыс. т) и возможность получения дешевой гидро-электроэнергии создают предпосылки для развития в О.А.О. цветной металлургии и др. отраслей горнозаводской пром-сти (железо, каменный уголь, асбест). Вероятные пром. центры в будущем - Телецкое оз., р. Бия, в верх. её течении, ср. течение р. Катунь, т.е. те районы в О.А.О., где находятся мощные запасы водной энергии, способные доставить 36 млрд. кв. часов электроэнергии в год. Огромное значение во второй пятилетке получит пром. кооперация. Разовьются пром., работающие на местном недефицитном сырье и производства предметов широкого потребления, строит. материалов (кирпич, известь, шифер и т.д.), по добыче мрамора, золота и пр.

Энергетика. О.А.О. богата древесным топливом, имеет торф, каменный уголь (черный, хорошо коксующийся по р. Пыже в Чойском аймаке и бурый - в районе Кош-Агача). Неиссякаемым источником белого угля служат ледники и снеговые хребты Алтая. Полноводные, крутопадающие, многочисленные реки О.А.О. дадут гидроэнергию, исчисляемую млн. кв. Она будет особ. полезна в пром. ц. за пределами области. Виднейшие б. или м. исследованные источники гидроэнергии: реки Чуя (в устье), Катунь, особ. в районе порогов Тельдекпень и Манжерок, Чарыш, Бия и пр. На Бии, от Телецкого оз до с. Турачак ведутся исследовательские работы по строительству ряда гидроэлектростанций, с общей проектной мощностью ок. 400 тыс. кв. В наст. время город Ойрот-Тура освещается электроустановкой на р. Майме в 70 кв, приводимой в действие водяной турбиной. Небольшие электроустановки действуют в Чемале и Онгудае. Предполагается постройка гидроэлектростанции в Ойрот-Туре на р. Майме в 300 киловатт.

Пути сообщения. Ж. д. и паровозное сообщение в О.А.О. отсутствуют. Обл. ц. Ойрот-Тура отстоит на 98 км от Бийска - ближайшей ж.-д. ст. и паровозной пристани. Водные пути представлены лишь Телецким оз. (моторный паровозик, нерегулярно буксирующий карбаса) и р. Бией. На первых 86 км от истока до устья р. Лебедь Бия используется для молевого сплава леса и в остальных 220 км до слияния с р. Катунью м. б. судоходной: весной из Бийска до Турачака иногда доходят небольшие

пассажирские пароходы. При условии изучения режима и производства взрывных работ по фарватеру возможно судоходство мелких судов и по р. Катунь от Бийска до с. Соузги, недалеко от Ойрот-Туры. Грунтовые дороги: тракты гос. значения Чуйский (см.) от гор. Бийска до с. Кош-Агач, 552 км и до гос. границы с Монголией 573 км. и начатый постройкой в 1928 новый, т. наз. Правокатунский тракт (от Бийска до Кержечу 317 км., где выходит на старый Чуйский тракт). Автомобильное сообщение по старому Чуйскому тракту возможно от г. Бийска до с. Кош-Агач, по новому – на участке Онгудай – Кош-Агач; здесь курсируют и 3-тонные автомашины. Уймонский тракт – 317 (369) км от с. Алтайского (на старом Чуйском тракте) до с. Котанды (Усть-Коксинский аймак). Строится продолжение его от с. Котанды до Усть-Ини – 64 км. Улалинский тракт 146 км, Турачакский тракт (от города Ойрот-Тура до с. Кебезень 100 км, Чемальский тракт (от обл. ц. до с. Чемал, через т. наз. Александровский перевал) – 80 км. Остальные дороги не устроены, – трудно проезжи, являются подъездными путями к трактам, гл. обр., к Чуйскому, юж. часть Турачакского, Усть-Коксинского и весь Улаганский аймак. обслуживаются исключит. горными, трудно проезжими тропами. Намечается прокладкой дорога от Чибита до Усть-Улагана (ок. 90 км.). Выполнение пятилетнего плана капиталовложений в безрельсовый транспорт: 1928/29 – 397.000 руб., 1932 – 2.766.6 тыс. руб., а всего за 1-ю пятилетку – 5.859.1 тыс. рублей. Для обеспечения автомобильного транспорта на Чуйском тракте в с. Усть-Иня находится авто-база, располагающая свыше 150 автомашин и в Кош-Агаче, Онгудайе и Черге конные базы. Запроектировано строительство ж.д. Бийск – Ойрот-Тура – Кош-Агач.

Советская торговля. Основное место в торговле принадлежит потребительской кооперации. В 1930 было 32 потреб общества. В 1931 произошло разукрупнение кооперативной сети и сел. потреб об-во организовано в каждом б. или м. крупном селе и урочище. В 1932 стало 193 сельпо. Рабкоопы – при совхозах, автобазе и др. пп.; в Ойрот-Туре – гор. потреб об-во. Розничный оборот потреб. кооперации, вместе с общественным питанием (в тыс. руб.) в 1928/29 4.463 и в 1932 – 9.095; Сибпушнины в 1930 – 1.681 и в 1932 – 3.783; «Акорта» – в 1930 – 765.92 и в 1932 – 1.303.75; Охотсоюза – в 1932 – 1.390 (торг. точек 29).

Народная связь. В О.А.О. имеются: обл. почт.-тел. контора в г. Ойрот-Тура, контор, отделений и агентств – 29. Аймачные центры, кроме Улагана, располагают телеграфом, пять из них имеют телефонную связь с обл. ц., общее протяжение почт. путей по обл. 5.542 км.; общее протяжение проводов – 804 км.; телефонных аппаратов в обл. 241. Телефонизировано сел. советов 15, колхозов – 3, совхозов – 5. Радиоузлов в обл. 2; в конце 1931 в Ойрот-Туре открыта трансляционная радиостанция, радиотрансляционных точек 572.

VI. Социально-культурное строительство в О.А.О. осуществляется на основе указания тов. Сталина: культура национальная по форме, социалистическая по содержанию. Из 229 начальных школ (1933) чисто алтайских – 69, смешанных – 49, остальные – русские (в 1928 нач. школ было 131, из них алтайских 48); учащихся в начальных школах 16.200, из них ойротов – 4.877. Общий процент охвата детей обучением – 94 % (алтайцев – 83%). В 1928 процент соответственно был равен 50 и 36. При школах всего интернатов по обл. в 1933 – 10, из них алтайских 6, смешанных 4, общежитий по школам 89; дошкольным воспитанием, к-рое начало развиваться в О.А.О. с 1929, охвачено в 1933 – 1.980 чел. в т.ч. алтайцев – 734; дет. домов имеется 37 и дет. садов – 31. Кроме того, в г. Ойрот-Тура имеется один общий обл. дет. приемник и один дет. приемник для глухонемых. Изб-читален 88, из них алтайских (юрт-передвижек) 44, клубов 27 (алтайских 7); красных уголков 213 (алтайских 78); «домов алтайки» – 4, киноустановок – 38, библиотек – 21, музеев – 1. В 1934 О.А.О. станет обл. сплошной грамотности (в дореф. время грамотность среди ойротского населения не превышала 6%). В обл. введено всеобщее начальное обучение. Преподавание ведется на родном языке, в смешанных школах на двух языках. Большое внимание уделяется подготовке национальных кадров хоз. и культурного строительства. Для этого ежегодно посылаются молодежь в высшие учебные заведения – в Москву, Ленинград, Н.-Сиб. и др. города, а на месте развертывается сеть повышенных и ср. школ со специальным уклоном. В 1933 функционирует совпартшкола II ступ. и при ней постоянно действующие курсы сов.-парт. работников, педтехникум, зооветтехникум, комбинат кооперативного образования, педагогические курсы низовые и высшие, нацпедрабфак, колхозная школа и при ней курсы, 10 средних школ, из них чисто национальных 3, художественная школа и др. В учебных заведениях О.А.О., кроме ойротов, казаков и русских, обучаются хакасы, кумандинцы, шорцы и танну-тувинцы. Расходы на просвещение в 1931 по местному бюджету – 1.505.5 тыс. руб., в 1932 – 2.663 тыс. руб., в 1933 – 2.919.9 тыс. руб.

Печать. До последнего времени среди зайсанско-байской верхушки ойротов встречались люди, понимающие т. наз. «ойротскую грамоту», фактически калмыцкую, к-рая была известна правящей верхушке юж. алтайцев со времен Ойротского Союза. Алтайская духовная миссия в интересах распространения православия пыталась внедрить среди алтайцев письменность, прибегая первоначально к церковно-славянскому, а впоследствии к русифицированному шрифту, печатая на них литературу исключит. духовного содержания. Она не имела сколько-нибудь серьезного

распространения. Светская лит-ра стала издаваться на алтайском яз. лишь с приходом сов. власти. С 1930 введен латинизированный алфавит. Издаются книги соц.-экономической, художественной и спец. лит-ры; переводятся на ойротский яз. работы Сталина, решения парт. и сов. съездов и конференций. На ойротском яз. издаются газеты: «Кызыл Ойрот», в тираже 1.850 экз., «Дяны-Дел» - 1.250 экз., «Комсомолец Ойротия» - на рус. и ойротском языках, с тиражом каждый 550 экз.; на рус. яз. печатаются газеты: «Красная Ойротия», «За Ударные Темпы» и др. В газетах сотрудничают сотни сел. корреспондентов. Вся книжная продукция на ойротском яз. за период с 1921 по 1931 включительно выразилась в 226 названиях, на 371 печ. листе и общим тиражом в 163 тысячи.

Здравоохранение. В 1932 в г. Ойрот-Тура работали: больница, амбулатория, обл. вендиспансер, гинекологический пункт. В сел. местностях: 10 врач. участковых больниц с 200 коек (из них в нац. аймаках - 60), 15 врач. амбулаторий, 24 врач. приема, 21 фельдш. пп.; кроме того, 1 вен. отряд, 1 глазной отряд, отряды Красного креста по борьбе с трахомой, 5 женских и детских консультаций, 2 дезокамеры, 6 аптек, 29 постоянных дет. ясель. Врачей по обл. 32, фельдшеров 40, акушерок 10, мед. сестер 20, оспопрививательниц 10. В 1933 в О.А.О. достраивались больницы: в Кош-Агаче и в Ойрот-Туре. Ассигнования из местного бюджета на здравоохранение за 2 года (1931 - 1933) увеличились: с 405 тыс. руб. до 679 тыс. руб. (не считая 138 тыс. руб. по фонду мед. помощи).

Партийная организация. Первые парт. ячейки возникли в февр. 1920 в Улале, до этого же были одиночки-большевики, работавшие в партизанских отрядах, или командированные из городов, для выполнения отдельных поручений. В 1923 парт. организация насчитывала 320 коммунистов (ойротов лишь 23), свыше 1/3 их находилось в Улале. По ликвидации бандитизма, с развертыванием соц. строительства, общественно-политическим ростом батрацких, бедняцких и середняцких масс, усилились темпы роста парт. организаций за счет лучшего сов., колхозного и комсомольского актива. Сеть ячеек возросла с 46 в 1923 до 133 в 1933. Особ. усилился рост парт. организации за последние 3-4 года, причем резко повысился уд. в. коммунистов-ойротов. На 1 января 1932 было 818 членов и 588 кандидатов, из них 411 алтайцев. К 10-летию О.А.О. 12 ячеек работало на производстве - в пром-сти, 149 ячеек - в колхозах и 12 - в совхозах. Состав парт. организации на 1 окт. 1933: ячеек 133, кандидат групп 72, чл. 1.188 (из них алтайцев 320), кандидат. 901 (алтайцев 380). На практической работе выросли значит. партийные кадры работников из ойротов - бедняков, батраков и колхозников.

Комсомол. Возникновение комсомольских организаций в О.А.О. относится к середине 1920, когда вся обл. организация ВЛКСМ насчитывала ок. 150 комсомольцев. На 1 мая 1932 по обл. из 3.889 комсомольцев 1.400 были ойротами, все объединялись в 180 колхозных и сельских ячейках, 4 совхозных коллективах, одном транспортном коллективе с к-тетом, 7 рабочих ячейках, 11 сов. и пр. ячейках, тогда как в 1928 членов ВЛКСМ по обл. значилось 1.202 чел. (319 ойротов). Партийное ядро в комсомоле возросло с 20 чел. в 1923 до 202 чел. в 1932. К 10-летию О.А.О. 20% состава обл. организации комсомола премированы за ударную работу на предприятиях, в совхозах и колхозах - в частности, за развитие соц. животноводства (выращивание молодняка) и за перевод на оседлость ойротских масс. Детское коммунистическое движение оформилось в О.А.О. в 1922 (первый отряд юных пионеров организован в Улале); на 1 апреля 1932 пионеров насчитывалось в обл. 4.563 чел. (из них ойротов и казаков 2.053).

А.С. ПУШКИННЫҢ ЭЗЕМИНЕ УЧУРЛАГАН БҮК

(Кепке базылганы аайынча: Ойроттың комсомолы. - 1937. - № 15-16)

Алексей Чоков

ОРУСТЫҢ УЛУ ПРОМЕТЕЙҢЕ

Албатыга от берер деп,
Зевсла тартышкан Прометейдй.
Албатыны кулдан айрыыр деп,
Каандарла ченешкен Пушкин!
Кудайбыла ченешти деп,
Прометейди кайага кадагандый
Каан адын шоотты деп,
Казыр кысталанга түшкен Пушкин!
Кайага кадаткан Прометейди
Кан-кереде чоқыгандый,
Калын үлгерлү Пушкинды
Канду каандар жайнатты.
Калык чөрчөгинде Прометейдй,

Кайралду жүрүми кату болгон.
 Калыкка чийген үлгери учун
 Кавказ тууларына сен айдаткан.
 Оштүлөрине өлтүртсөң де,
 Өлбөс жаңду үлгери артты.
 Оштүни жеңген бис класс
 Өрө көдүрдибис бүдүргенинди.
 Колыбыста үлдүлү
 Каан бийди жок эттибис.
 Колдо кынжыны үзүп,
 Коот коммунизмге браадыбыс.
 Суузын болгон аржан
 Соолбос болор качан да.
 Сүгүнип үрөнер үлгерин
 Сайалбас болор чактарга.
 Орус, казак, калмык, грузин,
 Алтай, тунгус, калка, негр
 Ончолоры сениң үлгеринг үрөнер.
 Ороон журтыбыс ижинде тузаланар.

А. С. Пушкин

(А. Чоковтын көчүргөниле - ред.)

КАВКАЗ

Көк мөңкүлү Кавказта
 Жылым кайа-таштын кырында
 Кара жаңыскан мен турум,
 Кавказ алдымда туру.
 Тас тайгадан Кан-кереде учты.
 Меге түңейлежип учуп турды.
 Түргөн суулардын бажын көрдим,
 Капчал өзөктөрдүн сынын көрдим.
 Булут менен жаңыс алдымда көчти,
 Онын алдында жылым кайа таш
 Онын алдында жеңес, жыраа турат.
 Оноң төмөн көк жажыл тепсендер
 Көп ан-куштар турлуузы көрүнөт.
 Кырлардын кобы-жиктеринде
 Албаты журтаган журттар көрүнөт.
 Кой-эчкизин айдап кабырган,
 Арагва суунун жаказында
 Жараш серүүн көлөткөлү жалаңында
 Жайымдаң мында жүрөт.
 Терек суузы чакпындалган жерде
 Тенибер жорукчы жортып жүрү.

Теректин шуултты, чакпыны эрчимдү
 Тудуп жиир ан көргөндий,
 Жүзүнделип, табыштанып жадат.
 Жылым ташту жарадына
 Жуулап келген жуудый комдор согулат.
 Жок тегин жободың!
 Сеге курсак та жок, жыргал да жок,
 Ташту туула тайгалар
 Табыш жоктоң сени кыза тутты.

КҮС

Тенгериде күс жытанды,
 Күннинг соогы киреленди.
 Күндөр кыскара берди,
 Куу туман кайанан турды.
 Жажыл бүри агаштардын
 Жажурканып төгүлип турды.
 Куштар үүрлежип жанып ийди,
 Эрикчелдү ой келди.
 Ноябрь ай эжикте турды,
 Эртең тура жер тоңор болды.
 Жалаңдагы истер божоды,
 Табыш жок, ын-шын калды.
 Ач бөрү түн ле кожо
 Азуун курчудып жем бедирер.
 Албатынын жолына чыкты,
 Ак-боро эржине ат.
 Ач бөрүнүн жыдын алды,
 Мышкырып, үркүп турды.
 Сескир жорукчы сезинди,
 Сек болбойын деп сананды.
 Кыр брө мантатты,
 Сары таң атканда күзедүчи
 Сооружын эмди тартпас эмитир.
 Саар уйлар жалаңга апарып,
 Түште ойто айдабас эмитир.
 Жылу турадан айрылбай
 Кыстар күделизин ирип жадат.
 Кыстар көдөчизи жарыткыш
 Кыстардын алдына күйүп жадат.

УЛУ ҮЛГЕРЧИ

В. Момоџоков

Пушкиннин улу сөстөри
 От ошкош күйүп чыкты.
 Өскө жаш бичичилерге
 Өзүмине тузалу болды.
 Пушкинди каан истежип,
 Учунда жеринег сүрди.
 Полиция каруул тургузып,
 Күннинг күнге шиндей берди.
 Өлтүрзин деп ийген Дантес
 Пушкинди адып салды.
 Одус сегис жашту Пушкин
 Өштүлөр колынаг жыгылды.
 Улу Пушкиннин улу сөзи
 Оныла кожо өлбөди.
 Колкүчтүлөрдүн ортозында
 Коолонуп, чечектей берди.
 Онон бери жүс жыл
 Пушкиннин улу бичиги
 Ончо ороондорго жайылды,
 Онон бис үренелдер.
 Улу поэттин үлгерин

Учурлап билерге үренелдер.
Катап-катап кычырып,
Калык-жонго жайактар.

Никандр Алексеев

АЛТЫН-КОЛЬ

(Печатается по: Сибирские огни. – 1938. – № 3–4. – С. 74)

Истоптанную обувь сбросив, босый
Иду тропой и ног не берегу.
Сквозь сумрак принимаю за утесы
Два кедра на скалистом берегу.

Два кедра расшумелись в разговоре,
Со словом я подоспеваю к ним:
– Зачем же это золотое море
Лишь озером зовется золотым?
Слывет молва: усевшийся на камень,
Шептал шаман: «Зачем же бубен мне,
Когда я вижу солнце с облаками
В безмерной неозерной глубине?»
Столетия шли. Название седое
Названием сменилось молодым.
Но солнце, отраженное водою,
Шаманы звали бубном золотым.

Здесь бая были, с ними хан степенный,
Опустошали ташаур до дна.
Известно, пьяным море по колено,
Безмерная, как небо, глубина.

У этих интерес был: «Сколько весит»,
Мечта того: перенести домой
Упавший с гор тридцатых поднебесий
На дно морское слиток золотой.

Но бая нет. Шаман лишился слова,
Зарылся хан в Монгольские пески,
И ныне солнце моря золотого
Прозвалось Красным Знаменем Морским.

Андрей Борбуев

КЫЗЫЛ ЧЕРҮНИНГ 20 ЖЫЛДЫГЫНА

(Кепке базылганы айынча: Кызыл Ойрот. – 1938. – № 19)

Кызыл Черүниг 20 жылына
Күндүбисти жетирип турубас!
Улу флоттын 20 жылына
Уткулыбысты ийип турубас!
Бистин төрөлди корулаган,
Билгир Кызыл Черүбис.
Биске тийген немени
Былчаа согор курчуубыс.
Талай суунын үстиле
Талбын жүрер Флодыбыс.
Табарып келген өштүнн
Талдыра согор күчибис.

Ишмекчи-крестьян албатынын
 Ийделу күчтү черүзи.
 Јер үстинде базындыргандардын
 Јепселдү күчтү шибеези.
 Коммунизм јурттын коруп турган,
 Кызыл черүбис бек!
 Канду фашизмге удурлажар
 Күчтү јепсели элбек!
 Буржуй болгон ороондордо
 Бускалан түймеен тыгып јат.
 Канду болгон фашисттер
 Кызалан – чакка тўжуп јат.
 Кызаланнаг чыгар эбин
 Кыйгылу јуунаг бедрегийейт.
 Кызыл болгон черүни:
 «Кырып салар» – деп, күјүренгийейт.
 Капиталисттин канду амадузы
 Кара јерге тегин калар.
 Кызыл Черүге тийер болзо,
 Кызыл тыны үзүлип калар.
 Јалбак үлди јалтырап,
 Јалбак таштан тайкылбас.
 Јашоқсүрим Кызыл Черү,
 Јаан Јуудан јалтанбас.
 Кара болот јыдазы
 Кайа таштан кайдыкпас.
 Кызыл болгон улу черү
 Капиталисттен корукпас.
 Совет ороонды корулап турган,
 Кызыл Черү эзендик болзын!
 Социал јолго баштап турган,
 Коммунист партияга эзендик болзын!

Савва Кожевников

ПЕРВЫЕ СТРАНИЦЫ АЛТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(Печатается по: Сибирские огни. – 1939. – № 1. – С. 127–141)

I

В горах Эликманарского аймака, на Алтае, жил некогда замечательный старик – Шонкор Шунеков, что в дословном переводе означает Пламенный Сокол. Он был из сеека Тоттош. Имя его, однако, было известно не только в своем роду. Старого Шонкора знали почти во всех долинах Горного Алтая. Пламенный Сокол был известен алтайскому народу как искусный певец и рассказчик. В его аил съезжались люди из многих долин, и он пел им свои саги под звуки топшура. Сказки его тянулись долго, иногда две-три ночи. Бывали сказы, которые пел он по семь и больше ночей. И слушатели не расходились.

Старик Шонкор Шунеков, этот низкий и сгорбленный алтаец, с козлиной черной бородкой и узкими веселыми глазами, очаровывал слушателей своими смелыми и красивыми мечтами. Сквозь тонкую узорность его сказа перед слушателями выезжали на белых и игрневых конях богатыри народа, которые «годовое расстояние в одно мгновение пробегают», «на месячном расстоянии топот жеребца слышат», «через желтые степи, которых орлы не перелетели, словно вихрь проносятся».

В числе наиболее ревностных слушателей Пламенного Сокола был его маленький внук. Старик любил его и называл ласкательно – Итлаш. На самом же деле именем внука было – Ит-Кулак, что означает Собачьи Уши.

Ит-Кулак родился в «Год кабана»⁸⁸, который считался в аилах плохим годом для новорожденных. Мать боялась за жизнь сына – все её дети умирали. И она дала мальчику безобразное имя, чтобы злой дух Эрлик с презрением отвернулся от ребенка.

Первый год своей жизни на земле Ит-Кулак провел завернутым в собачью шкуру. А потом многие

⁸⁸ Алтайцы до недавнего времени не имели свизного летоисчисления. Год получал название в зависимости от снова и снова повторяющегося двенадцатигодичного цикла: год змеи, коня, овцы, малой медведицы, курицы, собаки, кабана, мыши, коровы, льва, зайца и грома. Год имел двенадцать месяцев. Месяц делился на две части: новая и старая луна.

годы носил клочок собачьей шерсти, продетый сквозь ухо.

Отец Ит-Кулака Чочуш Кучияк был шаманом, и он хотел, чтобы сын его впоследствии стал тоже камом. Но отец умер, когда мальчику было 8 лет. Ит-Кулака отдали в духовное училище Алтайской духовной миссии. Чемальские монахи, окрестившие его, дали ему новое имя – Павел, и высчитали, что он родился в 1897 году.

Павла Кучияк хотели сделать туземным попом. А пока что его поместили в сарае, кормили объедками на кухне и заставляли каждый день, до начала занятий в училище и после них, рубить дрова и возить воду для попов и монахов. Однажды поп жестоко избил Павла за какой-то незначительный проступок. Павел сбежал из училища и стал дровосеком.

Тогда шла империалистическая война. В горы Алтая пришел царский указ – мобилизовать мужчин на дорожное строительство в прифронтовой полосе. Был мобилизован и Павел Кучияк. И он в первый раз увидел землю без гор, в первый раз узнал, что есть города, железные дороги, автомобили, пароходы.

Новая страница биографии Павла Кучияк началась после установления Советской власти на Алтае. На стойбище как-то приехал представитель коммунистической организации и начал создавать комитет деревенской бедноты. Бедняк Кучияк был единственным человеком на стойбище, который умел немного читать и писать, и его избрали секретарем комбеда.

Вскоре после этого Кучияк поехал учиться в Москву, в Коммунистический университет народов Востока.

В КУТВ'е он учился четыре года, а когда вернулся в родные долины, был назначен руководителем отряда «юрты-передвижки». В отряде работали женщина-врач, учитель, агроном и киномеханик. Они ездили по самым отсталым аймакам Кош-Агача и Улагана, делали прививки, организовывали колхозы и читали доклады: о гигиене и земледелии, методах социалистического труда и советском праве. Отряд показывал фильмы, учреждал пункты ликбеза, боролся с суевериями, родильной горячкой и байской агитацией.

«Юртой-передвижкой» Павел Кучияк руководил два года. Это была тяжелая работа, но она была прекрасна, иногда Павлу казалось, что для такой жизни мало одного сердца. На его глазах алтайцы переходили из кочевых бедных айлов в новые дома и избы, женщины снимали чегедеки, люди впервые в жизни стали мыть лица, бани и зайсаны изгонялись из Советов и кооперации. Земля становилась своей!

Именно в эти годы Кучияк часто вспоминал своего деда и его замечательные легенды⁸⁹. Старик умер в 1913 году. В последние годы он пел очень тихо, его уже с трудом понимали. Но по-прежнему внук Сокола Павел Кучияк с жадностью ловил каждое слово сказителя.

Многое, рассказанное старым Соколом, теперь уже забыто и навсегда потеряно. Но забыто и потеряно, к счастью, не все. Образы наиболее любимых богатырей навсегда запечатлелись в памяти Павла. В дни, когда Кучияк вел агитацию за новую жизнь, он садился иногда около костра и так же, как дед его, под размеренное позванивание топшура пел старинные саги. Перед слушателями возникали из глубины веков богатыри: бедные и богатые, добрые и злые, жадные и благородные. Под звон топшура молодой сказитель пел о победах богатыря Башпарака над семиглавым злым Дельбегеном, о хитром бедняке Аргачи, который сжег на костре злого и жадного бая. И сколько бы ни рассказывал он легенд, в каждой из них слабые становились сильными, бедные и забытые побеждали богатых и злых.

– Якши!⁹⁰ – восклицали слушатели. И Павел Кучияк тогда говорил:

– Вот о чем веками мечтал наш народ! Теперь настало время, когда сказки превращаются в быль.

– Якши! – подтверждали слушатели.

II

Сказки Пламенного Сокола Павел Кучияк записал позднее на бумаге. И мы, русские читатели, впервые узнали тогда о чудесных творениях алтайского народа.

Алтайцы на редкость поэтически одаренный народ. За многовековую историю свою они накопили богатейшие сокровища устного творчества. Но до революции их поэтические произведения почти не были известны русскому читателю. За подтора столетия, как Ойротия была присоединена к России, всего два-три человека занимались сбором алтайского фольклора. Но, строго говоря, это были не записи, а пересказы, конспекты сказок. Поэтическое дыхание легенд, их богатейшая фантазия, гиперболизм, яркость образов, их музыка вытравливались. Искажалось даже содержание легенд. Миссионер Вербицкий утверждал, что в алтайских сказках воспеваются богатые, князья, и что, следовательно, устное творчество алтайцев пошло не от народа, а от аристократических верхушечных слоев.

Старая, знакомая история! Находились ведь «исследователи», которые то же самое утверждали и

89. В роду Кучияка была сказительницей и его бабушка – Баргаа.

90. Хорошо!

относительно происхождения русского былинного эпоса.

Сказки старого Сокола, записанные его внуком, были первым разрушающим ударом по реакционным взглядам на «аристократическое» происхождение народного творчества Ойротии.

Записи Павла Кучияк познакомили русского читателя с образцами героических легенд, которые слагались охотниками у дымных костров и пастухами на альпийских лугах. Герои этих сказок – бедняки. В сказках они чудодейственным образом приобретают богатырскую силу и вступают в борьбу со своими поработителями: с камами, баями и даже с самим злым богом Эрликом.

Поработителей народа сказки рисуют жадными, завистливыми, безжалостными, а богатырей народа – смелыми, доблестными, мудрыми и благородными.

Нетрудно догадаться, кто автор этих сказаний, чьи думы и чаяния отображены в них. В сказках выражено, – как совершенно справедливо замечает современный исследователь алтайского фольклора А. Коптелов, – вековое, неудержимое стремление народов освободиться от угнетателей-богачей и утвердить на земле свободную, счастливую жизнь».

Алтайские сказки замечательны еще «выдумкой», «изумительной способностью заглядывать далеко вперед факта» (Горький). Задолго до появления электричества богатыри сказок ловили молнии и, закрепив их в расщелинах деревьев, освещали долины и реки. За много веков до появления самолета фантазия сказителей создала Кан-Кэрэдэ – прообраз современного аэроплана, а Пламенный Сокол в сказке «Башпарак» мечтал о ячмене, в колосьях которого «было бы по сто ячменных зерен».

По форме своей сказки алтайцев исключительно ярки, образны и величавы. В них каждое слово перевито иносказаниями, краски в них горят, как цветы Алтая, а гиперболы превосходят самую смелую фантазию.

Неоценимая заслуга Павла Кучияк в том, что он не дал погибнуть сказкам Пламенного Сокола, любовно записал и подстрочно перевел их на русский язык. Он открыл для русского читателя не известный дотоле чудесный поэтический мир, мир прекрасной фантазии и музыки.

Нелегко было Кучияку вести свою работу. Буржуазные националисты, пробравшиеся в свое время в руководящие организации Ойротии, всячески тормозили обмен культурными ценностями между русским и алтайским народами. Они пытались «отгородить» алтайский народ от русской культуры и закрыть для русских богатство народного творчества алтайцев.

Одни из этих презренных врагов народа фальшиво утверждали, что алтайский язык настолько беден, что на нем никак нельзя изложить произведения русских классиков и советских писателей. Другие говорили: язык алтайцев – бедный язык и поэтому на нем не может быть устных произведений высокохудожественной ценности. А третьи выступали даже в печати и нагло заявляли, что алтайские сказки потеряли всякий интерес и значение для современной Ойротии. «Как стали не нужны в литературе Советской страны легенды древней Руси об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Микуле Селяниновиче и Алеше Поповиче, – писали они, – так мало кого интересуют легенды монголо-ойротского героического эпоса».

О сказках в Ойротии нельзя было тогда говорить вслух. Товарищей, записавших сказки, чуть ли не обвиняли во вредительской деятельности. Буржуазный националист Толуш Енчинов, бывший секретарем Обкома, одну из сказок Пламенного Сокола, записанную по памяти Кучияком, прямо назвал контрреволюционной.

Были дни, когда у Павла Кучияк опускались руки и он надолго прекращал свою полезную, культурную работу. Но в 1934 году ему посчастливилось быть делегатом Всесоюзного съезда писателей. Он услышал там прекрасные слова А. М. Горького:

«Начало искусства слова – в фольклоре. Собирайте ваш фольклор, учитесь на нем, обрабатывайте его. Он очень много дает материала и вам, и нам, поэтам и прозаикам Союза. Чем лучше мы будем знать прошлое, тем лучше, тем более глубоко и радостно пойдем великое значение творимого нами настоящего».

Это указание окрылило Кучияка и он с новой силой взялся за работу над фольклором. Записывал уже не только по памяти сказки своего деда, но и других сказителей, которые еще здравствуют и являются живыми хранителями фольклора. Так Кучияк «открыл» талантливого сказителя Улагашева, которого в этом году, в числе 172 советских писателей, правительство наградило орденом «Знак Почета».

В дружной семье народов Советского Союза идет великий обмен культурными ценностями, каждый народ лучшие свои творения несет в общую сокровищницу культуры. Стали общим достоянием культуры великие произведения Пушкина, Горького, Толстого. Такие замечательные произведения, как «Витязь в тигровой шкуре» Руставели, «Кобзарь» Шевченко, произведения Шолом-Алейхема, Низами, Навои стали неотъемлемой частью культуры всех народов СССР.

Еще совсем недавно никому не были известны, кроме нескольких специалистов, калмыцкий «Джангар» и киргизский «Манас». Теперь они так же, как народное творчество других народов, стано-

вятся достоянием всей нашей многонациональной социалистической родины.

В общую сокровищницу искусств принес свои творения и алтайский народ, и инициатором и пионером этого был Павел Кучияк.

Новосибирское областное издательство выпустило две книги «Сказки Алтая» и «Алтайские сказки». В них – 29 ойротских сказок. Из них 26 сказок – в записях Павла Кучияк. Подготовлен к печати третий сборник. В 1940 году будет издан четвертый – сказки Улагашева, записью которых заняты сейчас Куранаков, Кучияк и др. В этот сборник войдет часть героической легенды «Алтай-Куучин», которая полностью поется обычно в течение семи ночей. Это алтайский «Манас».

III

О Павле Кучияк на его родине говорят: «Возьмет ружье – охотник, возьмет топшур – певец». Здесь нет преувеличения. Можно было бы добавить: положит грим – актер, возьмет перо – поэт.

Да, Кучияк не только собиратель фольклора. Он сам сказитель, поэт, актер и драматург. Дарование его богато и разносторонне. Он пишет стихи, рассказы, повести и пьесы и сам играет на сцене первого ойротского драматического театра.

Сказки Пламенного Сокола Кучияк записал по памяти, почти через четверть века после того, как слышал их. Это мог сделать человек, имеющий сам поэтическое дарование. Отдельные места сказок память не могла сохранить, и Кучияк восстанавливал их собственной фантазией, не искажая образов сказаний, не уменьшая поэтичности оригинала. Он выступал в данном случае уже не только как собиратель фольклора, но и как сказитель, кайчи.

В сказках, которые любовно записывал Кучияк, народ многое предугадал. Но в них, разумеется, нет сказаний о том, что давно уже стало прекрасной действительностью и что наполняет сейчас сердца всех алтайцев и требует облечения в звучные строки. Павел Кучияк решил помочь сказителям создать такую сказку. И вот под его влиянием колхозник из поселка Айлу Даабы Юдаков взял топшур и начал складывать легенды о Ленине.

Он делал это так же, как все сказители. Бил по струнам топшура и напевал первые две строки глубоким грудным голосом, идущим будто бы из-под земли. Слова постепенно переходили в гуденье, в бессловесный припев. Припев длился минуту, иногда больше, пока не рождались следующие две строки. Юдаков и Кучияк помогали друг другу подбирать слова этих строк. Топшур переходил из рук в руки. И когда сказка была готова, Кучияк уже самостоятельно изложил ее в стихах.

Так родилась в 1934 году замечательная легенда «Зажглась золотая заря», которой открыт том «Творчества народов СССР», изданный к XX-летию Октябрьской социалистической революции.

«Зажглась золотая заря» – это легенда о Ленине и бедняке-алтайце Анчи. В ней рассказано о том, как «на Алтае подоблачном, в горной долине, жил был бедный охотник Анчи. Он имел одну лошаденку, да одну коровенку, и одет он был в ветошь, в худое рванье». Бай, зайсан и шаман забрали у Анчи лошадь, последнюю корову. От голода умерли дети. Анчи пошел по Алтаю, чтобы узнать, «есть ли сила такая на свете на белом, чтоб зайсан перед нею стоял онемелый, не найдется ли мудрость такая – и в ком – чтобы хан оказался перед ней дураком?»

Шесть раз Анчи обошел весь Алтай.
И увидел Анчи: богатырь перед ним
Средь бескрайних просторов, народом обильных,
Землю всю сотрясающий словом одним.
Видом – добрый из добрых и сильный из сильных!
И этот богатырь спросил маленького Анчи:
Ты откуда явился сюда, человек,
Дни и ночи свои проводящий в печали?

Анчи ответил, что он бедняк, что ему нечем покрыть свои голые плечи, и что желудок его пуст, потому что бай, зайсаны и камы – «словно черные вороны, все расклевали».

И богатырь «с огненным ликом» сказал бедняку:
Знай, Анчи: от моих громоносных ударов
Ныне пала навеки зайсанская власть.
Обеззублена у богачей – у байларов
Их ненасытная пасть.
Ваше все то, что было доселе зайсаново.
Бедняки, стройте жизнь свою заново,
Дружной братской семьей общий подвиг творя!

Кто этот богатырь с огненным ликом? Народ, окружающий богатыря, рассказал Анчи, что это – сын народа и «его имя великое – Ленин!» И тогда на бедняка-алтайца «попились живые, двойные лучи».

И почувствовал он: жизнь к нему возвращается.
И он сам, от двух солнц, теплоту их беря,
Наливается силою и превращается
В молодого ойротского богатыря.

Анчи – образ Алтая, олицетворение судьбы всего народа. Над Алтаем зажег золотую зарю Ленин, зарю Октябрьской социалистической революции, и Анчи-Алтай превратился в могущественного богатыря. И Алтай поет песню про Ленина, которой закончили свою легенду Юдаков и Кучияк:

Ленин!
Из поколений
Перейдет в поколенья
Мудрость слов твоих,
Ленин!
Вечно будет народ наш
Прославлять тебя в песнях.
Все прекрасные птицы Алтая
И алтайские сочные травы,
И могучие наши леса,
И алтайские бурные реки
Будут петь о тебе эту песню.
Полюбив твое имя навеки,
Ленин!

«Зажглась золотая заря» – замечательная поэма, критика, называла ее шедевром. Написанная в духе традиционной эпической героики Алтая, она блещет изумительной яркостью красок, смелостью сравнений и гипербол, меткостью и своеобразием образов. Фантастическая по форме, она глубоко реалистична по своему существу. В сказочных событиях и образах она передает весь смысл ленинско-сталинской национальной политики.

Ленин в этой поэме награжден лучшими чертами самых любимых, самых могучих, самых благородных героев алтайского эпоса. Легенда о Ленине как бы замыкает огромный цикл героических сказаний, воплотивших вековые мечты народа о новой, свободной жизни и новую страницу истории алтайского народа.

IV

Золотую зарю Великой Октябрьской социалистической революции алтайский народ встретил нищим, забитым и темным. Большинство народа питалось кореньями кандыка, сараны и дикого пиона. Жилищами ему служили шалаши из древесной коры. Пять человек из ста не были в состоянии иметь даже такие аилы, и они копали ямы, устилали их травой и укладывали в них своих детей. Одевались бедно. Рубах не снимали, пока они изношенные в клочья сами не сваливались с плеч.

До революции в Ойротии и невозможна была сколько-либо лучшая жизнь. На плодородных землях Алтая жирными пауками сидели монастыри. Бан и зайсаны, русские купцы и кулаки захватили лучшие уголья и пастбища. Алтайская беднота ютилась в горных ущельях, на «камне», и билась в лапах жестокой эксплуатации, произвола, патриархально-феодалного угнетения.

Алтайский народ был окутан густой паутиной суеверий и родовых предрассудков. «Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодалный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве» (И. Сталин. «Национально-колониальный вопрос», стр. 61).

Особенно тяжела была жизнь алтайской женщины. Она была рабой бая, зайсана, мужа, брата мужа. Она не могла зайти на мужскую половину аила, всю жизнь не имела права снять с себя чегедек. Ее продавали как вещь, ею распоряжались как собственностью.

Первое свое самостоятельное произведение Кучияк посвятил алтайской женщине. В поэме «Арбачи»⁹¹ он нарисовал тяжелый жизненный путь алтайки, дочери бедняка.

Баю Дябы нужны были бесплатные рабочие руки. Он взял девушку Арбачи замуж за своего шестилетнего сына («Отец Арбачи был у бая в долгу»).

⁹¹ С алтайского перевел В. Непомнищих.

Беднякам ли забитым тягаться с баем!
На его стороне и мошна золотая.
И шаман, и продажный зайсанский суд.

Полтора десятка лет Арбачи проработала на бая. Полтора десятка лет тяжелой горькой жизни:

На работе тяжелой растрочены силы,
Юность, радость, веселость сгорели дотла.

А когда вырос байский сын и бай мог женить его на другой молодой девушке, он выбросил Арбачи из своего аила, словно обглоданную кость. Она пошла с жалобой к зайсану. Зайсан пригрозил ей за дерзость плетью. Она пошла к родителям, но отец сказал ей:

Дерево там сгнивает,
Где выросло.
Девушка там умирает,
Куда выдана.

Алтайская женщина – любимый герой произведений Павла Кучияк. Он показал её и в гражданской войне, и в борьбе за колхозы, и в борьбе за новый быт. Но жизни алтайской женщины в старом Алтае произвела в свое время на поэта настолько сильное впечатление, что он возвращается к ней в своих произведениях вновь и вновь. Последнее его стихотворение – «Смерть Янар», стихотворение о бедной девушке-пастушке, доведенной преследованием бая до самоубийства:

– Нет, ни за что я не дамся им!
Лови меня, озеро Тюргун-Су!
И воды, мгновенный прыжок отразив,
Пред ней распахнули пучину свою.

Судьба Янар была судьбой многих женщин-алтаек. Недаром и сейчас еще в памяти народа живут легенды о самоубийствах. Река Катунь в легенде – это женщина, бросившаяся со скалы, чтобы избежать преследований Бия. Хан Бий однако не оставил ее в покое и после смерти. Превратившись сам в реку, он догнал свою жертву за гранью гор.

Самоубийство – не выход. Нужно бороться. Арбачи Павла Кучияк не заплакала от горя, не бросилась со скалы:

С камнем горькой обиды на сердце,
С жаром ненависти в душе –
По долинам с сухими глазами
Шла суровая Арбачи.

С винтовкой в руках она выступила вместе со всем народом против баев и зайсанов за новую, свободную, счастливую жизнь.

Свободная жизнь! Сквозь все угнетения, через все годы беспросветно тяжелой жизни алтайский народ пронес свою мечту о свободной жизни. Мечта эта, как мы уже указывали выше, была воплощена в героическом эпосе народа. И чаяния народа не обманули его. Алтайский народ с помощью русских трудящихся масс освободился от своих поработителей и угнетателей. Произошло это, однако, не мгновенно и стоило больших усилий, длительной борьбы и многих жертв.

В первые же месяцы, как докатилась до Алтая спасительная волна Великого Октября, баи и зайсаны «снова хотели скрутить руки народа». Они создали Кара-Корум, контрреволюционное буржуазно-националистическое правительство.

Черные дела каракорумцев и колчаковцев на Алтае Кучияк заклеил в своих поэмах («Арбачи», особенно «Аркыт») с большой силой гнева и страсти:

Словно черные ветры чумные, угрюмо
Камы выли без умолку ночью и днем.
Волки жадные вышли из Кара-Корума,
На Аркыт собралось Колчака воронье.
(«Аркыт»)⁹²

92. Поэму «Аркыт» перевел с алтайского Н. Алексеев, она печатается в этом номере «Сиб. огней».

В 1918 году им удалось свергнуть Советы. Началась жестокая расправа с каждым, кто хотел распрямить спину, кто выступил за новую свободную жизнь:

Тварь ползучая, от роду не была злее,
Как в те дни, о которых не помнить бы рад.
На тропинках шипели и ползали змеи,
Вынося на высоты накопленный яд.
(«Аркыт»).

Расправа была настолько мстительной и бесчеловечной, что алтайский народ никогда этого не забудет, никогда не простит:

Волков одичавшая стая!
Сколько замученных, сколько убитых,
Сколько грабленных вами!.. Нзвеки
Вас проклянут эти горы и реки,
И травы, и люди Алтая!
(«Арбачи»).

Против колчаковщины, против каракорумцев поднялась грозная волна партизанского движения. На помощь алтайскому народу приходят русские товарищи. Плотник Кареев (пьеса «Чейнеш») организуется в горах партизанский отряд. В долине Аркыта (Аргута) храбро бьются красноармейские полки.

В поэме «Аркыт» есть такое обещание поэта: «Мы о героях сложим песни». Алтайский народ сложил эти песни. Песней о победах звучат и некоторые лучшие строфы поэмы Кучияка «Аркыт»:

На высотах Алтая победно горит
Знамя алое – Ленина знамя.
Словно солнце второе, с вершины горы
Все залило косыми лучами.
Средь долин, на горах потеплело вдвойне,
Посветлело вдвойне на Алтае.
И так хочется петь о родной стороне,
О житье без постылого бая.

Но свое обещание Кучияк еще не выполнил. Гражданская война на Алтае еще не нашла своего художника, героинка её не воспета, пафос её не показан. В «Арбачи» Кучияк только упоминает о гражданской войне в чуть-чуть зарифмованных публицистических строчках. В другом произведении – в пьесе «Чейнеш» она проходит где-то за сценой, а в тексте о ней говорят только в порядке воспоминаний. Вот, например, диалог:

«Чейнеш. Мы вспоминали прошлое... Вспоминали все, все... Я в сотый раз рассказала ей, как мы шли с тобой три года назад к красным партизанам, питались ягодами, кореньями деревьев, любовались ночью звездами... Все... все... Как мы пришли к красным партизанам, как дрались с белобандитами, как встретились с Красной Армией... Ты, наверное, все это забыл...

Кара. Разве можно, Чейнеш, забыть самого себя? Сейчас только, сидя вот здесь, я пережил опять все это».

В Ойротии подросло новое поколение. Оно не участвовало в гражданской войне, оно не может сказать: «А помнишь, как мы дрались с белобандитами?» А оно должно знать о героических днях прошлого своего народа. Впереди предстоит еще много боев... Мы вправе ждать от алтайских писателей произведений и о героическом переходе отряда ЧОН через вершины Яломанских белков, и о многих других боях и походах, в которых сказались храбрость и мужество народа, воля к борьбе за новую жизнь и уверенность в победе.

V

Советская власть на Алтае была восстановлена вновь. И в дни, когда кое-где в горах рыскали еще белые банды, декретом ВЦИК была образована Ойротская автономная область.

С того времени прошло семнадцать лет. До неузнаваемости изменились за эти годы люди и долины Алтая. Появилась алтайская письменность, алтайский театр, густой сетью школ, библиотек и клубов покрылась область. Полупатриархальный Алтай с помощью русского народа, под руководством коммунистической партии строит социализм, минуя капиталистическую стадию развития.

Люди перешли на оседлость, создали колхозы, воздвигли новые села и города, через горные перевалы провели автомобильный тракт, через реки перебросили мосты, построили гидростанции, маслозаводы, автобазы.

Ойротская автономная область – это чудесное творение национальной политики Ленина – Сталина. Увидеть в художественной литературе результаты этой политики – естественное желание и потребность каждого советского человека.

За последние семь-восемь лет в Ойротии побывало много заветных литераторов. На книжном рынке появился ряд книг и статей об Алтае. Мы терпеливо перечитали их одну за другой и – увы! – не нашли в них ответа на наш вопрос. Больше того, в некоторых из этих книг звучит что-то уж слишком странное для уха советского человека, даже чудовищное – неприкрытая тоска по ушедшей жизни.

Да, оказывается есть такие литераторы, которым жаль уходящие в прошлое дымный аил, и таялгу – ободранную конскую шкуру, повешанную на жерди после жертвоприношения, и глиняную посуду, и шивую рубаху, и даже предрассудки и суеверия алтайцев.

Покойный художник-алтаец Н.И. Чевалков в своих мемуарах (к сожалению, нигде еще не опубликованных) познакомил нас «с плачем души» известного областника и каракорумца Анохина. Этот «защитник» алтайского народа с грустью смотрел, как возникали в Алтае новые поселки, колхозы, скотные дворы, маслозаводы и школы. И откровенно вздыхал:

– Чем вы замените юрту алтайцев, что так же бы гармонировало с величественно дикой природой? Чем иным можно украсить склоны алтайских гор, как не шкурами после камлания? Да и какой иной жизнью можно заставить жить алтайца, когда он является истинным дополнением природы!.. Эх, Алтай девятиглавый, погиб ты со своей прелестью.

Именно эта анохинская тоска звучит в некоторых книгах об Алтае. Вот, например, литератор Стонов, проскакав в 1930 году галопом по Ойротии, пришел к «мудрому» заключению, что алтайцы «не вынесут» оседлой жизни и что их следует оставить по-прежнему в юрте у дымного очага:

«Если ребенка, родившегося, выросшего в обычном доме, – философствует наш незадачливый мыслитель, – перевести в аил, он, ребенок этот, обязательно простудится, захиреет. Детский организм не в состоянии будет перенести перемену жизни. То же бывает, когда, наоборот, жителя аила переводят в «благоустроенное помещение. В аиле он круглый год живет под открытым небом, питается исключительно молочными продуктами, его желудок не знает хлеба. Здесь он вынужден сидеть под крышей, греться не у пламенного очага, а у общей печи, есть хлеб, обедать, ужинать, завтракать в определенные часы».

О советском Алтае кроме Стонова писало еще около десятка литераторов. У нас нет ни охоты, ни желания разбирать здесь их откровения. Достаточно отметить, что одни из них в своих поспешных строчках ограничивались смакованием восточной экзотики, другие, вольно или невольно, вздыхали о «разрушаемой» человеком первозданной природе. Третьи, заметив где-нибудь в далеком ущелье осколок старой жизни, приходили от этого зрелища в умиление, в слюнявый восторг.

Но все они вместе перевирали историю Ойротии, бесцеремонно расправлялись с этнографией, путали географию области. Реки они заставляли течь в другом направлении, озера перемещали из одного места в другое, изменяли высоту гор, переименовывали города и села.

Исключением являются, пожалуй, только произведения А. Коптелова. Этот писатель вообще много сделал для познания Ойротии. Недаром его роман «Великое кочевье», единственный из многих книг, написанных об Алтае, переведен на алтайский язык и издается ойротским издательством. На каждой странице этого произведения чувствуешь, что автор хорошо знает Алтай, быт народа, совершающего свое великое кочевье от полупатриархального быта в социализм. Но даже в этом произведении скажется, что оно написано «со стороны».

Впервые мы почувствовали подлинный Алтай в произведениях Павла Кучияк. Он показал его нам не со стороны. В рассказах, в пьесах и стихах Кучияка – Алтай, который видит, слышит, чувствует сам алтаец.

В творчестве Кучияка пульсирует живая действительность Алтая, являющаяся для алтайского народа совершенно органичной. В стихах и прозе Кучияка (в прозе, нам кажется, он сильнее чем в стихах, хотя, возможно, его стихи не нашли еще своего переводчика) мы видим полный колорит той области, в которой он родился, живет и работает. В рассказах его мы слышим настоящую алтайскую речь, видим подлинные жесты алтайцев, чувствуем их темперамент. Почти на каждой странице мы узнаем ту или иную черту быта, обычаев, языков и национальных особенностей алтайцев.

Фигурально выражаясь, можно сказать, что Кучияк пишет об Ойротии и алтайцах для алтайцев. Поэтому его произведения тем ценнее для читателей других национальностей своей подлинностью, тем ярче своим национальным колоритом, тем интересней познавательными сведениями, которые читатель узнает не в порядке «принудительного ассортимента» к сюжету, а «совершенно незаметно», как неотъемлемую часть повествования.

Новосибирск выпускает на русском языке сборник произведений Павла Кучияк. В него входят три рассказа, повесть и одна пьеса. Каждое из этих произведений совершенно самостоятельное и закон-

ченное. В каждом из них свои герои. Но в то же время по внутреннему содержанию своему они звучат как единый, многоглавый роман, как единая художественная летопись Ойротии за последние, примерно, четверть века. Правда, летопись далеко еще не полная, в ней недостает очень многих глав. И не все главы из написанных равноценны по своему качеству.

В поэмах «Арбачи», «Смерть Янар», в пьесе «Чейнеш» писатель показывает досоветские времена Ойротии. И прошлое ее встает перед читателем не в лживом ореоле Ойрот-хана, не как мифическое родовое «единство» алтайского народа, каким его пытались и пытаются изобразить буржуазные националисты, а как трагические дни порабощений трудового народа и алтайскими баями, и зайсанами, и русскими кулаками, и царскими чиновниками.

В пьесе «Чейнеш» Кучияк «посветил в лицо» каракорумцам, в очень неприглядное лицо. Кара-Корум на деле – это не «общенациональное единство» всех, и бедняков и баев, каким пытались изобразить его буржуазные националисты, а все те же «старые добрые порядки»: союз и единение баев, камов, и зайсанов, и русских купцов, и белогвардейцев против трудового народа; обман, насилие, эксплуатация и кабала.

Кучияк показывает в своей пьесе, как народ в первые же дни понял истинную природу Кара-Корума. Правда, в первом действии пьесы бедняк Садон не в своих силах («руки у меня очень короткие») и покорно говорит: «Воля неба послать дождь и снег, воля зайсана судить и карать бедных людей». Но вскоре же, в ходе дальнейшего развития событий, бедняки Садоны почувствовали, что руки у них сильны и воля тверда. С помощью русского народа, под руководством большевиков, они разгромили колчаковско-каракорумские банды.

Жалкие остатки каракорумцев бродят еще и сейчас по урочищам Алтая. Маскируясь, двурушничая, извиваясь, они пролазят в колхозы, в руководящие органы и пытаются повсюду сеять яд отравы, совершают акты разрушения. Их подлую деятельность Кучияк показывает в рассказе «Ямы». Рассказ срывает маски с проповедников мифического Ойрот-хана, с защитников старинных обычаев, т. е. отсталости, темноты и грязи. Рассказ призывает к бдительности.

Лучшее, наиболее зрелое произведение Кучияка – «Аза-Ялан». Это повесть о возникновении колхоза, о жестокой классовой борьбе, которая развернулась в долине Аза-Ялан, о возникновении и росте социалистических форм хозяйства в Ойротии, о расцвете социалистической личности, о самоочищении человека в ходе социалистического строительства от всей скверны, которую он принес как наследие из старых времен.

Рост и формирование нового человека писатель показывает и в своих рассказах «Тойчи» и «Железный конь».

Язык, которым написаны произведения Кучияка, прост и ярок. Слова, образы, сравнения он черпает из народной речи и из народного творчества, к которому он принадлежит всегда, как к материнской груди. Язык его персонажей изобилует фольклорными элементами и народными речениями, пословицами, поговорками:

– Лучше иметь маленькую кучу зерна, чем большой ворох соломы, – говорит герой повести «Аза-Ялан». – Из маленькой кучки целая гора зерна вырастет, к восьми членам товарищества тысячи других присоединятся.

– Верно, – поддержал старик Челапан. – В связке дров тепла больше, у народа, собравшегося вместе, силы больше.

В другом месте эта же мысль выражена такой прекрасной поговоркой:

– Сила – с силой, лыжа – с лыжей.

Алтайские пословицы и поговорки щедро рассыпаны на всех страницах рассказов Кучияка:

– Сегодняшняя печенка слаще завтрашнего сала.

– Шею зверя режет пуля, шею человека – бедность.

Все эти народные речения органически входят в ткань повествования, делая его более образным, доходчивым. Ведь известно, что пословицы или поговорки являются выражением жизненных наблюдений широких народных масс. И они часто одной короткой образной фразой заменяют целые страницы изъяснений. Образная народная речь, переносимая в произведение, придает ему особую красочность, блеск, остроумие. Вот небольшой диалог из второй картины пьесы «Чейнеш»:

«Песков (взглянув назад на Куреева). Все время слышу чужой запах. Оказывается, это Андрей здесь...»

Куреев. Вы правы. Хотя мне пришлось жить в вашем доме батраком, но родней своей я вас не считаю.

Песков. Зачем ты пришел сюда? Тебя никто здесь не считает за родню.

Куреев. Как сказать, господин купец...

Содон (Курееву). Не сердись, Андрей, выпей араки.

Куреев. С тобой, Содон, мы еще выпьем, а вот с этими господами я никогда не пил и пить не буду!

Барогош. О, злой человек! Пустить бы через твою кровать медведя, – сразу бы поумнел!

Козуйт. Худая собака всегда лает.

Куреев (насмешливо). Для волка лающая собака – всегда худая».

Народными речениями автор пользуется настолько свободно, часто и к месту, что можно со всей уверенностью сказать, что он заимствует их не из записной книжки, а они являются органичными его собственной речи.

Часто и так же умело Кучияк использует в своих произведениях народные сказки.

Колхозный пастух Темир Амыров доведен врагами до отчаяния:

«Темир вдруг почувствовал, будто кто-то сильной рукой крепко сжал ему горло. Он готов был с разбегу удариться головой о скалу или броситься с утеса в реку...»

Высоко над лесом купался в густом воздухе бекас – небесный барашек. Растопырив крылья, он стремительно падал вниз и перо его долго звенело. Казалось, что где-то в лесу блеял заблудившийся козленок. Темиру вдруг припомнилась сказка про небесного барашка. Каждую весну эта птичка сносила по четыре яйца, из которых высиживала четырех птенцов. Целые дни она хлопотала около них, без усталости носила им корм. Птенцы быстро росли, а потом, во время короткой отлучки матери, бесследно исчезли. Долго не знала птичка-мать, кто похищает ее птенцов. Но однажды ей удалось заметить змею, которая ползла из теплого птичьего гнезда.

– Опять я лишилась любимых деток... – Маленькое сердце не могло вместить безысходного горя. Несчастливая мать взлетела высоко в небо, чтобы там горе свое выплакать. – У перепелки птенцов – в пастушью шапку не сложить, у коростеля – в мешок не собрать. А у меня, бедной, больше четырех птенцов никогда не бывало, да и те – змее на обед. С горя на камень упаду – разобьюсь, о ледяную вершину ударюсь – умру. Кр-р-р-у-у!.. Кр-к-к-у-у!.. Маленькая птичка бросилась вниз, но над самыми скалами вдруг задержалась, расправила крылышки.

– Жить хочу! Жить хочу! – вскрикнула она и опять взлетела высоко в небо.

– Жить хочу! Жить хочу! – прошептали губы Темира – советская власть поможет мне найти правду...»

Сказка эта, припомнившаяся пастуху Темиру, прекрасно показывает душевное состояние Темира, когда он одинокий, затравленный лежал на камне около горной реки под звездным небом.

Приведенная к месту, народная сказка заменяет иногда целые главы повествования. Вот одна из таких сказок, которую излагает Кучияк в повести «Аза-Ялан». Председатель колхоза «Первый путь» Керек-Йок долго не хотел ехать на курсы. «Как я оставлю колхоз, – думал он, – не управятся без меня». Его едва уговорили. Через год он возвращается с курсов и видит с горы свой разросшийся цветущий колхоз.

«– Вот летучая мышь... – невольно вырывается у него восклицание.

– Где? – удивляется Зырянов.

– Сказка у нас такая есть. Надоел зверям царь медведь, решили они переизбрать его. Объявили всеобщее собрание. Все звери собрались, не являлась только летучая мышь. Послали за ней. Она в темном ущелье сидит, крылья-когти по скале распластала. «Почему на собрание не являешься?» – спросили ее. «Но могу я днем летать, – ответила летучая мышь, – я скалу держу, без меня она обвалится». Вот так же и я тогда: «Не могу ехать учиться, без меня колхоз развалится».

«Зырянову очень понравилась сказка» – заключает автор. Сказка эта несомненно понравится всем читателям. Это очень остроумная и поучительная сказка.

Кучияк часто использует в своих рассказах старинные сказания, переосмысляя их и проецируя в действительность советской Ойротии. Тот же Керек-Йок, любящий с горы своим колхозом, рассказывает спутнику: «Родился у одного богатыря сын. На второй день своей жизни он сказал «мама». Через шесть дней выговорил «отец», а через десять на ноги встал и пошел сражаться с врагами. И победил. Так вот и мы».

Произведения Кучияка отличаются свежестью и своеобразием образов, сравнений, метафор. У него зоркий глаз художника, острый слух любознательного человека.

В лесу чирикает маленькая синица. Это – к весне. Писатель прислушивается: «Диль-кель, диль-кель!» – чирикает синица. А по-алтайски это значит: «Весна, приди! Весна, приди!»

«Лицо у нее, как промытая дождем старая береста, белое», – пишет он про старуху Баланку.

Об электрофонарях в горном поселке, который увидел ночью путник с горы, Кучияк пишет: «Диргалу показалось, что темно-синее небо с яркими звездами спустилось к земле, а звезды как будто собрались в кучу».

Корчага расхваливает председателя колхоза (замаскировавшегося врага) за доброту и мягкосердечие. – «Погоди хвалить, – вдруг прикрикнул Темир. – Когда волк хочет жеребенка зарезать, он катается по земле, дурашливый, ласковый такой. Жеребенок подойдет посмотреть, а волк ему – зубы в горло».

Образы и сравнения Кучияк берет из повседневного быта народа, из природы, которая его окружает, из производственных процессов алтайцев:

«Сидели тихо, как сидят на горах в весенние ночи только охотники, поджидающие на тропах чутких

косуль... Шопот их походил на шелест мягкой, как шелк, хвои лиственниц».

«Станешь делать все так, как я советую, комару не дам тебя укусить, шиповнику не дам тебя уколоть. - Я стараюсь: в моей работе недостаток может найти только тот, кто на яйце находит хребты и ущелья».

- «Пишу, как глухарь крыльями по снегу нацарапает.

- Это ничего, сначала - как глухарь крыльями, а потом - как кабарга копытами. Знаете, какой у ней след - прямой, тоненький».

Бедняк Содон вернулся домой после неудачной охоты. На вопрос жены - много ли настрелял, он ответил: «Вороне клюва не хватит запачкать».

Примеров можно было бы привести в десять раз больше (это всего лишь из четырех произведений). И мы не нашли бы в них ни одного образа, взятого из книги, ни одного стерттого штампованного сравнения. Все они взяты из жизни, из опыта народа, из живой его речи. Если бы читатель не имел перед собой рассказов Кучияка, а прочел бы только выписки из них народных речений, пословиц, сказок, сравнений, песен, он легко мог бы определить быт народа, которому рассказы посвящены, строй его речи, род занятий, природу, в окружении которой живут герои произведений.

VI

Кучияк прекрасно знает жизнь, быт своего народа. Он написал цикл произведений, который мы назвали художественной летописью Ойротии. Но надо прямо сказать, что летопись эта и далеко не полная, и недостаточно еще глубока.

Дело тут не в том, что он не написал о том или ином этапе советской Ойротии, о том или ином явлении в ее жизни. Кучияк не историк, не этнограф, и не его обязанность писать историческую хронику. Но как писатель он обязан показать всю глубину происходящих изменений в жизни алтайцев. Вот этой художественной глубины и нет пока в произведениях Кучияка.

Кучияк сообщает читателю много интересных сведений, характерных деталей, бытовых черт. Он делает это, как мы уже отмечали, умело, с большим знанием ойротской действительности. Все это очень важно, все это придает его произведениям большую ценность. Но от художника мы вправе требовать большего. Он должен изображать не внешние явления жизни, а показывать их изнутри во всем разнообразии, в движении, в динамике.

В Ойротии происходит ломка вековых устоев, старинных традиций, предрассудков и суеверий. Процесс этот сложный, подчас болезненный. В изображении же Кучияка все это происходит очень просто. Вот только один пример. В повести «Аза-Ялан» есть такие строчки: «Эзе первая из всех алтаек Йолду и Марчале сняла унижающий достоинство женщины чегедек, была первой, кто решился мыться в построенной бане... Около сорока лет не умывавшаяся Эзе вышла из бани неузнаваемая. Тарпаган (муж) надеялся, что она хоть за ушами и под подбородком оставит грязь. По старинному алтайскому поверью в этой грязи кроется счастье человека и смывать его нельзя, но Эзе смыла и это «счастье».

И все. Разумеется, в жизни это было не так, а значительно сложнее. Но может быть поступок Эзе подготовлен предыдущим повествованием? Да, Эзе в изображении Кучияка - передовая алтайка. Но как она стала передовой, почему и как она так легко переступает старинные обычаи, порывает с поверьями, писатель не показывает, не раскрывает.

В рассказах Кучияка нет резко очерченных типов, глубоко нарисованных характеров. Это вторая его слабость и для художника слабость немалая.

Перед нами мелькают имена пастуха Темира Амырова, предколхоза Керек-Йока, девушки Чейнеш, батрака, а потом командира конных разведчиков Кара, старика Чалпана и многих других. Автор сообщает много интересного о их работе, знакомит с их биографиями. Но разумеется, всего этого недостаточно, чтобы перед читателем встали живые люди. Мы не видим их индивидуальных особенностей, их психологии. Автор ограничивается только пунктирной наметкой образа, а не дает его во всем полнокровии.

А. М. Горький мечтал о расширении поля зрения советской литературы. «Старая наша литература, - писал он в 1930 году, - была по преимуществу литературой Московской области. Почти все классики и многие крупные писатели наши были уроженцами Тульской, Орловской и других соседних с Московской губерний. Жанр и пейзаж - быт и природа - в которых литераторы воспитывались, довольно однообразны. Решающие впечатления детства были ограничены действительностью Московской области, и эта узость поля наблюдений определенно отразилась впоследствии на творчестве классиков... Урал, Сибирь, Волга и другие области остались вне поля зрения старой литературы».

В своей литературной деятельности практического работника и организатора литературы Алексей Максимович добивался расширения «поля наблюдения» литературы, охвата ею всей действительности нашей огромной и многонациональной страны. «Я не навязываю художественной литературе,

– писал он, – задач «краеведения», этнографии, но все же литература служит делу познания жизни, она – история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко охватила она действительность свою, этот вопрос может быть поставлен».

Мечты А. М. Горького осуществились. Советская литература охватила всю страну. Русские писатели берут «в поле своих наблюдений» и центральные области РСФСР, и ее окраины, и национальные республики, и далекие автономные области. Кроме того, общий фонд советской литературы обогатился произведениями писателей, выросших в национальных республиках и областях. Достижения литературы каждого народа превратились в достижения всей страны, всего Союза.

Произведения Павла Кучияка открыли перед читателем жизнь целого народа. Он показал ему «жанр и пейзаж, быт и природу» Ойротии. На его произведениях лежит яркий колорит Алтая. Но этого мало. Мы вправе ждать от писателя следующего шага – выйти за пределы бытовизма, вывести своё творчество за пределы только интересных эпизодов и своеобразия местного колорита.

VII

В первом сборнике произведений Павла Кучияка на русском языке, кроме прозы, печатаются его стихи. Это – «Зажглась золотая заря», «Арбачи», «Смерть Январ», «Аркыт», с которыми мы уже познакомили читателя, и цикл его последних стихотворений, который можно было бы озаглавить двумя словами: человек и природа.

Кучияк пишет стихи около десяти лет. Первым толчком к поэтическому творчеству его были новые народные песни.

Раньше было распространено мнение, что песен в Ойротии нет. «Не любят песню алтайцы». Это, разумеется, глубоко неверно. Алтайцы любят песню, умеют ее петь и умеют ее складывать. Они – замечательные импровизаторы. И как только начала расцветать в Ойротии новая жизнь, стали бурно рождаться новые песни. Народ откликался песнями на все события нашей яркой жизни. Он стал петь о счастливой новой жизни, о социалистической родине, о дружбе народов, о любви к нашей славной, родной партии и мудрым вождям Ленину и Сталину. Родились песни о колхозах, о советах, о Красной Армии, пограничниках, комсомоле, о радости социалистического труда.

Восхищенный сказочным преображением своего края, его хозяйственным и культурным ростом, Кучияк взялся за перо, чтобы по примеру народных песен воспеть в стихах то, что наполняло его сердце и просилось в песню.

Кучияку нелегко было начинать свой литературный путь. Перед ним не было литературных образцов. В истории алтайского народа он был первым литератором.

Еще совсем недавно не было даже литературного ойротского языка, не было грамматики, не было письменности. Алтайский народ был почти поголовно неграмотным. Об этом, между прочим, бытует в народе чрезвычайно остроумная легенда. В ней рассказывается о том, что на Алтае была некогда одна книга, которую народ очень любил и бережно охранял. Но однажды обладатели этой книги переезжали через реку. Вода в тот год была высокая. И когда всадники были на другом берегу, они увидели, что книга промокла. Они положили ее посушить, а сами легли и заснули. В это время подошла корова и съела книгу.

В Ойротии не было письменной литературы и народ заменял ее устным творчеством. На алтайском языке никогда и никто не писал стихов, но были народные песни. Кучияк начал учиться на этих песнях так же, как, сочиняя свои легенды, он учился на старинных образцах героического эпоса.

Учеба на первых порах была некритической. В первых его стихах не было ничего своего, индивидуального. Единственным композиционным приемом Кучияка было контрастное сопоставление новой жизни со старой. Он злоупотреблял одними и теми же образами и эпитетами, заимствованными из фольклора. Параллели и повторы, на которых почти целиком строится народная песня, Кучияк полностью перенес в свои стихи.

Все это было в какой-то мере издержками роста, неизбежным этапом учебы. Сейчас этот период пройден, поэт нашел свой голос, свои образы.

Тема Павла Кучияка, которая проходит через все его последние стихи, – это человек и природа. Основное настроение его поэзии, его поэтическое чувство – чувство хозяина Алтая, преобразователя и украшателя его. Наиболее ярко этот лейтмотив его поэзии выражен в стихотворении «Алтай»⁹³.

Пролетает песня над тобой,
Нет ни слез, ни жалоб в песне той.
Тот пастух, что был нуждой томим,
Нынче стал хозяином твоим.
Для него ты широко раскрыл

93. С алтайского перевел И. Мухачев.

Все, что прежде в недрах гор таил:
 Золотые по ручьям пески,
 По откосам черных руд куски.
 Видишь, чувствуешь, что ты любим
 Молодым хозяином своим.
 И недаром красоту твою
 В песнях, сказках славят и поют.
 Вот и я, бродя из края в край,
 В честь твою пропел, родной Алтай!

Природа Алтая – исключительно красива, девственна и величественна. Горы Алтая древни и богаты, озера многоводны, реки стремительны, водопады шумны, алтайские луга – безграничны. В складках гор и увалах – непроходимые заросли ягод. Весной по долинам и ущельям гор ветер разносит тонкими струйками пьянящий аромат черемухи и кремового шиповника.

Природа Алтая давала великолепные краски поэтическому воображению народа и он чудесно воспел ее в своих легендах. Но в жизни алтайцы не только не были хозяевами природы, они боялись ее, жили в постоянном страхе перед нею.

На перевалах через горные хребты алтайцы клали пирамидой камни или привязывали ленточки к деревьям – подарок горному духу, который, если его не задобрить, может не разрешить спуститься вниз, столкнет коня с обрыва или сбросит сверху камень.

Самую высокую гору Алтая – Белуху – они овеяли грозными легендами, и ни один алтаец не только не смел взойти на нее, но даже приблизиться к ней.

На Алтае вечно живая и кристаллически чистая вода. Но алтайцы боялись умываться ею, считая, что она навсегда унесет счастье. Ягоды оставляли гнить на корню, цветы не собирали.

Алтаец не мог наслаждаться красотой своей горной природы. Она была для него непонятна и грозна.

Самая мощная и красивая река Ойротии – Катунь. Кучияк нашел замечательные краски в обрисовке этой реки:

Если с берега на тебя погляжу –
 Тыходишь на белое пламя,
 Размываешь ты синий песок,
 Лижешь синие камни.
 Как стрела ты быстра. На порогах
 Точно темная лава кипишь.
 Разбиваясь, тяжелые волны
 Сеют серебряный блеск.
 Но еще совсем недавно красоту реки не замечали:
 Перед грозной силой твоей
 Веками в страхе дрожал народ.
 («Катунь»)⁹⁴

Пейзаж кажется печальным всегда, когда печален человек. В стихотворении Кучияка «Смерть Янар» девушка-пастушка, доведенная баем до самоубийства, поет в своей предсмертной песне:

Бесхитростно-нежных цветов поля,
 Цветов прозрачных, словно стекло,
 Всегда молчаливая скала,
 Поросший березами горный склон –
 Все так же печальны, как я, как я..⁹⁵
 И мог ли алтаец наслаждаться природой Алтая, когда
 Жалобы и стоны тут и там
 Эхо разносило по горам.
 («Алтай»).

Сейчас в Ойротии, как и во всей стране, родилось иное, новое отношение к природе. Алтаец впервые по-настоящему увидел красоту своей горной природы («Весна»).

По перевалам и ущельям гор проложен величественный Чуйский тракт, и по нему смело ведут ма-

94. Перевод И. Мухачева.

95. Перевод Н. Голштейна.

шины шофера-алтайцы. Об этом поют уже песню:

Я сегодня встретил на дороге
Быстрого, как молния, коня:
Голубой, бесхвостый, круглоногий,
А в глазах больших – снопы огня.
Он летел-гудел! И вот большая
Радость пенится в моей груди:
Это счастье новое Алтая,
Время новое – летит-гудит!

Через быстрые реки человек перебросил мосты, на порогах воздвиг плотины и построил гидростанции. Он разведдал недра гор и открыл там веками таившиеся богатства. Человек лобывал на грозных вершинах Белухи, создал лагеря альпинистов у подножья Чуйских альп. Он проводит орошение Курайской степи и выращивает новые культуры хлебов и трав в Чуйской пустыне.

На Кучияка, который совсем еще недавно сам трепетал перед горным духом и грозной Катунью, все это произвело сильное впечатление. И он по-иному увидел природу, по-иному почувствовал ее. Новое отношение к природе стало основой его поэзии.

Грозная Катунь, перед неукротимой силой которой «веками в страхе дрожал народ», в восприятии Кучияка присмирела, «с большевиками дружбу ведет»:

Над твоей волнистой спиной,
Длинный мост не смолкая гремит.
Ты ж звенишь тяжелой волной:
Много силы есть у меня,
Все отдам я их человеку.

Чемал, стремительный, пенистый, тысячелетия летел по ущельям «ревя и ворочая камни». Но вот пришли на его берега советские люди и укротили его:

Рукой большевистской, могучей
Тебя обратали, Чемал!
Ты нашим работником лучшим,
Ты нашим помощником стал.

Сколько поэтов писали о природе! И сколько их, начиная от Тютчева, воспевали природу как воплощение абсолютной и вечной красоты, в отличие от «временных» ценностей, создаваемых человеком.

Победы социализма развивают у людей иное, новое ощущение природы. Природа для советского человека не является каким-то грозным божеством и владыкой, а становится ареной для приложения труда, фантазии, творчества.

Находятся, правда, еще и сейчас такие поэты, которым жаль нарушаемой человеком эстетики «нетронутого бытия», стихийной мощи девственной природы. Кучияк не принадлежит к их числу. У него совсем иное ощущение природы. Наиболее ярко это, пожалуй, сказалось в его стихотворении «На сенокосе»:

На тучных лугах налитые травы
Цветами пылают в июльскую синь.
Как много цветов в этих травах могучих.
Кивают, смеются, горят, как огни!

Колхозная бригада косарей срезает и траву, и цветы. Но они не жалуются:

И кажется шепчут: — «Чем осенью стынуть
От рос ледяных и погибнуть в снегах,
Не лучше ли сеном душистым и сладким
Лежать нам в колхозных стогах».

В стихах Кучияка есть еще много недостатков. Темы их не совсем конкретны, материал иногда подавляет образ, в некоторых стихах чувствуется растянутасть, не всегда удачны и изобразительные средства, которыми он пользуется. Но Кучияк уже сделал большой шаг в сравнении с тем, как он писал

три-четыре года тому назад. Он приобрел свой поэтический голос, нашел свою тему. Он открыл первую страницу алтайской поэзии, так же, как он открыл первую страницу алтайской прозы и драматургии.

Николай Улагашев

СТАЛИН

(Печатается по: Красная Ойротия. – 1939. – № 140)

Сегодня праздник у нас, дорогие сыны,
 Ликует ныне когда-то страдавший народ,
 И как радость добыта для нашей страны –
 Об этом вам на топшуре сегодня поет
 Счастливый старец, сказитель-ойрот:
 - Больше, чем шестьдесят долгих лет
 Я в груди своей песни народа копил
 И сегодня опять я их все перерыл,
 Но о счастьях средь них песен нет...
 Было время, народную кровь палачи –
 Зайсаны, бан и камы сосали,
 Много песен унылых певцы и кайчи
 О безрадостной жизни слагали.
 Но суровая власть кровопийц-палачей
 Испарилась с земли, как бессильный ручей, –
 Словно вихрь, угнетенный поднялся народ,
 С корнем вырвал и смел он зайсанов, господ.
 На вершине всех дел Ленин встал – наш отец,
 Его сердце горело к народам, как пламя,
 Зажигая миллионы народных сердец,
 Он позвал их под красное знамя.
 С его гением мы учредили тогда
 Власть Советов на веки-веков.
 Как весна, расцвела наша жизнь, навсегда
 Разорвав вековую обузу оков.
 И когда сердце Ленина – яркое пламя, –
 О, как жаль! – угасло навек,
 Из рук ленинских Ленина знамя
 Принял самый большой человек.
 Принял Сталин и держит в руках он умелых,
 Тот, кто клялся над гробом вождя и отца:
 Его дело – великое партии дело,
 Как Ильич завещал, довести до конца...
 И о Сталине песни слагают в народе,
 Он принес нам счастливую, новую жизнь,
 наших рек полноводье и полей плодородье,
 И победно ведет в коммунизм!
 Будь то русский, казах или алтаец –
 Всем дано право равное жить,
 Дело Ленина вождь наш родной продолжает,
 Народов дружба звездой горит.
 Коммунизм!.. Его дружные, славные всходы
 Над одною Советскою страной взошли,
 И на Сталина смотрят сегодня народы,
 Как на могучее солнце – светило земли.
 И лучами его по-отцовски согретые,
 Ликуя всюду, о нем все народы поют,
 И в день его шестидесятилетия
 Поток бурным приветов сердечных шлют.
 Я – старый сказитель, сказитель-ойрот,
 От чистого сердца вождю шлю привет,

Как весь наш могучий советский народ,
Я славу пою светлых сталинских лет.
Пусть Сталин живет еще долгие годы,
Пусть солнцем без устали светит он нам,
Как символ побед и как знамя свободы –
На радость народам, на страх всем врагам!

Николай Улагашев

БАКОЛ БАЛЕЗИЧ

(Алтай чөрчөк)

(Кепке базылган аайынча: Улагашев Н. Бакол Балезич. – Ойрот-Тура, 1939. – 17 с.)

Чоокыр торко кебистий чечектү, шуур таштый жарык суулу, коо агашту жаан аралда, ботпыштый кичинек турачакта – Бакол Балезич деп, алты такаалу жокту кижини журтап жатты. Улустарга сапог көктөп, курсагына ла жүк араайдан једин турган кижини болгон. Мал-аш, бала-барказы жок, сок жагыскан жатты. Бакол Балезич сок жагыс бойы жадып, кунугып, көп санаа сананып туратан кижини болгон.

Онын эки көзи керсү, чырайы эрү, кижиге киленкей болды. Бир күн Бакол Балезич иштенип отурза, онын айлына бир түлкү айылдап келди. Ол чыйрак кыймыгыла јер өдө бергедий болды, онын эки көзи оттый, кижини өткүрө көрүп ийгедий болды. Ол түлкү Бакол Балезичке куучындап јат:

– Бакол Балезич, сен де жокту, мен де жокту, мен курсакка јетпей жадым. Олор јер жок, бай улуста бар болзо, менин ого болчок карам једин јат, бойым јетпей жадым. Сен меге бир такаа бер – деди. Бакол Балезич бир такаа берди. Ол түлкү такаазын апарала, јип алала, эртенгизинде база катап келди. Бакол Балезичтең база ла бир такаа сурап алды. Онойып келип туруп, алты такаазын ончозын таажып јиди. Эмди база ла катап келди, келеле куучындап јат.

– Је, Бакол Балезич, слер мени алты такаагарла – ончозыла азырадыгар. Слерге менин, байла, бир болужым једер. Эмди дезе, слер менин төрт таманымга өдүк көктөп беригер. Бакол Балезич удатпады, түлкүнүн төрт таманына өдүк көктөп берди. Түлкү өдүктини кийип алала, јемзенип салып јүрерде, база бир түлкү туштады. Ол түлкү сурап јат:

– Сен, түлкү, өдүктини ненин учун кийген? Сеге мындый јан кайдан табылды?

Өдүктү түлкү айдат:

– Төртөн јети градус соок болор, былар, ол соокко кижини чыдап болбос, эмди јылу јер јаар браадырым – деди.

– Мени кожо апарарын ба? – деп экинчи түлкү сурады.

Өдүктү түлкү айтты:

– Је кожо баралык, айла, андый да болзо, айландыра төрөгөндөрибисти јууп алалык – деди. Ол онойып баскылап јүрүп, бастыразы бежен сүлү-сүлү түлкү јуулды. Бежен түлкү јуулып алып, өдүктү түлкүнүн айтканынча «изү јер јаар» баргылап жатты. Баргылап јадала, өдүктү түлкү айтты:

Је, түлкүлер, мен барып Суузай кааннан конорго тура сурайын, слер сагыгар – деди. Өдүктү түлкү јүре берди. Суузай кааннын айылына келеле, айдат:

– Слерге Бакол Балезич бежен түлкү ийген, ол түлкүлерди алыгар – деди. Суузай каан: «ненин учун бергенин» – шылабады. Ого сагыжы көдүрилип, јалчыларын ийип, бир завозин (*орус тилден завозня - амбарга коштой тудулган кажгаган*) берди. Түлкү ол завозинге түлкүлерди көдүрезин апарып, завозинге сугуп берди.

– Завозиннин эжигин јакшы бектеп, бөктөгөр: түлкүлер чыга бербезин – деди. Је, Суузай каан тегин де ач көс неме, бойы келген ырысты колынан ычкынбаска кичееп, тыркыражып туруп, завозиязын бөктөй берди. Өдүктү түлкү база ла сала берди. Салып јүрзе, бир бөрү туштады. Ол бөрү сурап јат:

– Сен, түлкү, өдүктини ненин учун кийген, андый јан сеге кайдан келген? – деди. Түлкү ийиндерин көдүрип ийеле, айдат:

– Төртөн јети градус соок болор, ого кижини чыдап болбос, торт тонгып өлөр. Онын учун јылу јерге барайын деп, кийгем – деди. Бөрү чала коркуганду сурайт:

– Сен мени кожо апарарын ба?

– Је, канайдар, кожо баралык, жагыс менин көрүш таныштарым бар, мен оморды јууп алайын – деди. Айдарда, бөрү айдат:

– Мен база бала-баркамды, көрүш-таныштарымды јууп алайын – деди. Төрөгөн-тугаан табарышкылап, бастыразы – сүлү сүлү бежен бөрү јуулды. Ол бежен бөрүна түлкү апарала, база онойдо ок, Суузай кааннын база бир завозиязына сугуп берди.

– Бакол Балезич слерге бежен бөрү ийген – деди. Суузай каан кайкап сурады.

– Күч менин колымда, ырыс менде, неле ырыс – менин колыма бойы белен келип кирип јат. Је,

андый да болзо, ол Бакол Балезичтиг ийип турган немелериндий – немелерди, слердин ичигерге баспайынча, слерлерден алып болбос, онын учун мен сурап жадым:

– Бакол Балезич мындый көп немени кайдан таап турган? Онын ада өбөкөзи не кижиге, жаткан жадыны кандый кижиге?

Түлкү ийиндерин көдүрүп, колдорун жайып айдат:

– Берген немени алыгар ла, алдында албай жүргөн болзо. Кайтсын ол эди. Слер кижиден неме аларга мойношпос, «кемзинчек» кижиге жок бар, мында онын незин шинжилеер.

Слерди Бакол Балезич күндүлөп туру не база, завознянын эжигин жакшы бектеп, бөктөп алыгар, бөрүлөр чыга бербезин – дейле, Түлкү база ла сала берди. Салып жүрзе, бир сүлү айу тушташты.

– Сен, түлкү, мындый өдүк кийетен жанды кайдан тапкан? – деди. Түлкү колын жайып айдат:

– Төртөн жети градус соок болор, ого кижиге чыдап болбос, соокко койройор, жылу жер жаар барадырым – деди. Айу кайкап, жоон уни тыркырап сурайт:

– Сен мени кожо апарарың ба, уул?

– Же, канайдар, кожо баралык, бастыра бала-барканды, төрөгөндөрүңди жууп ал – деди.

Жуулыгып, жеткер керегинде табыгып, төрөгөн-тууган көдүрөзи жуулды. Бастыразы бежен айу жуулды. Түлкү бежен айуну база онойып ок. Суузай каанга апарала, айтты:

– Сеге Бакол Балезич бежен айу ийген – деди. Суузай кааннын санаазы көдүрилип турды, сүүнгенине артык сөс чыгарбай, база бир завознянын берди. Түлкү бежен айуну завознянына сугуп берди.

– Айу чыга бербезин, эжигин бектеп бөктөп алар – деди. Эмди десе, Бакол Балезич, слерле өрөкөн чоттожорго келер, бежен айу, бежен бөрү, бежен түлкү учун. Апарып ла бер деп жакыган, ненин учун апарып беретенин чат билбей турум – деди.

Түлкү эмди Бакол Балезичке мендей-шиндей келеле, табылап, сагалдарын сыймап, айдып жат:

– Же, Бакол Балезич, мен Суузай каанга бежен түлкү, бежен бөрү, бежен айу апарып, табыштырып бердим.

– Сен оны ого ненин учун апарып берген, ол онын учун сеге бир күндүлү сөс тө айтпас? – деп, Бакол Балезич сурады. Же онын айылына баралы, барзан ондо аайы чыгар – деди. Түлкү Суузай каан самтар кийимдү улусты айылынан чыгара сүрөтөн, айдарда, тон өдүгиге жок самтар, жокту Бакол Балезичке жүзүн-жүүр чечектер, өлөңдөр жууп, тон, бөрүк этти. Эткен тонын ыраактан көрөргө сүрлү, жараш болды.

Түлкү Бакол Балезичке айдат:

– Же, сен менин кийимнен удабай бар мен десе озо барайын, озо једип барып, Суузай каанга айдайын: «Бакол Балезич чоттожорго келип жат» – деп. Бакол Балезич нени де аайлабай, же тергенип ле турды.

Түлкү ол күн озо једип барала, Суузай каанга айдат:

– Слерге Бакол Балезич келип жат, өрөкөн, чот эдерге, – онон артык сөс айтпай, чыга берди, бойы ол күн түниле барала, Суузай кааннын суу кечире салган күрин араай ла сынбас эдип, кыркып салды.

Эртенгизинде Бакол Балезич суунун ол јанында келип јатты. Суузай каан Бакол Балезичтин суунун ол јанында келип јатканын көрөлө, түлкүнүн сурады:

– Кудаай! Ол ондый жараш нени кийген?

Түлкү айдат:

– Ол бо? Ол жүзүн-жүүр мангык-торконон эткен тон-өдүктү кижиге.

– Ненин учун јойу келип жат? – деп, Суузай каан сурады.

Түлкү ийиндерин көдүрүп, колын жайып, айдат: «Ондо ат јок эмезинен јойу эмес, ат ондо толтыра, мал јок эмезинен јойу эмес, мал ондо толтыра, ол бойын ондый тын чүмдебес кижиге, ат мин десе, минбес, јойу ла салып жүрер».

Ол өйдө Бакол Балезич күрге једип келди:

– Күрден кечерге кем јок по? – деп, сурады.

– Кем јок, кем јок! – деп, Суузай каан сүлү кижиге чоттожоры санаазына кирип, жылбындап турды.

Бакол Балезич күрден кечип келдерде, күр сына берди. Бакол Балезич сууга жыгылала, агып отууларда, түлкү жүгүрүп келеле, суу төмөн калыйла, Бакол Балезичтин чечектен, өлөңдөн эткен кийим-тонын үзе тартып, суу төмөн чачып ийеле, Суузай кааннын черүзин кыйгырды: «Бакол Балезичти суудан чыгарарга болужыгар!» – деп.

Суузай каан бойы турган јеринен кыймыктабады. Суузай кааннын черүзи десе бастыразы келип, Бакол Балезичти чыгарып келди. Суудан Бакол Балезичти чыгарып келерде, көрөр болзо, сыраңай ла жылаңаш эмтир.

– Мынын тон өдүгиге кайда? – деп, Суузай кааннын черүзи бир үнле сурайт.

Түлкү айдат:

– Онын кийгени ончозы мангык-торко болгон. Мангык-торко сууга кайылчаан неме, сууга кайылып, ага берген не, эмди тон-өдүк экелип беригер. Күрди јаман јазагылап туруп, онын учун келген

кижининг маңдық-торко тоны сууга кайылып, ага берди. Суузай каанның айылы жаар барарга уйалып жат, тон-өдүктү капшаай экелип беригер – деди.

Суузай каанның черүзи жүгүришип барып, тон-өдүк кийдирип берип, болгон неме керегинде көбрөшкилеп куучындап, Суузай каанның айылы жаар баргылады. Суузай каан ширеезинде лапту отуруп алган, жүзин чүмдү тудуп, оныла чоттожорго турган жаан «байды» сакып отурды.

Жалчыларына чай астырып, тату-тамзык курсагын мактанышту салып, сыйлады ок. Суузай каан сурап жат:

– Сен меге мындый көп немени нениң учун берген, оның учун нени аларын?

Түлкү Бакол Балезичке көс жумды, каруузын бойы табылап туруп, озолодо айтты:

– Алтын-мөңгүн керек жок, алтын мөңгүн оның бойында бар. Акча-жөөжө керек жок, акча-жөөжө оның бойында толтыра – деди.

Бойының кеберин кубултып, кабагын, эки толукту эдиң түйүнип, табылу кебер эдиң алып, оноң ары айтты:

– Ого жаңыс ла неме керек, не десе – эш нөкөр керек. Бакол Балезичте жүстөң ажыра уй бар, жүстөң ажыра бее бар. Оны саап, аракы-чеген эдер кижиге жок – деди.

Суузай каан айтты:

– Же ондый болзо, кем жок, менде жараш, жалчыга жүргөн кыс бар, алар болзо алзын. Ондый баалу неме берип турган бай кижиге берерге кем жок – деди. Кысты чыгарып алып келди. Кыс та жараш кыс болды.

Түлкү айдат:

– Же, бистинг жерге баралыктар, кысты апарып, той эделиктер, кыстың бажын тараар, жаңы айылды тудар – деди. Суузай каан бойы кожо барзын, кудаларын, жаан улустарын кожо апарзын, одус кирези черү алзын, үч атла тартатан уй-мылтык алзын – деди.

Каан кижиге уй-мылтык ла черүзи жок жүрер жан жок эмес пе. Айдарда, каан кижиге уй-мылтыкту отрядту жүретен учурлузын буспас керек. Суузай каан черүзиле пушканы, өскө жуу жепселдерин жууп, жаранып, алтынду абразына отуруп, түймеендү тергене берерде, ол өйдө Түлкү Бакол Балезичти мендеп жакыды:

– Бакол Балезич, сен бойыңның айлынга барба, Чорт Яганың айлына бар – деди. Түлкү бойы озо жүре берди. Жолдо барып жатса, акта толтыра малдар, уйлар, койлор турды. Түлкү бойы база жакшы кийинип алган, камчы тудунган. Кадай басып, мал, уй, кой кабырып турган жалчыларга жууктап барды, барала сурап жат:

– Бу кемнинг малы, койы, уйы?

– Чорт Яганың малы, койы – дешти күдүчилер...

– Улус, бу слер канайып туругар, не материйтажып туругар. Чорт Яга деп кижиге кайдан келген, ол Чорт Яга эмес, оның ады Бакол Балезич не. Суузай каан деп каан келип жат: одус кирези черүлү, үч атла тарткан пушкалу. Ол келзе, көрүгөр, слер ого Чорт Яганың малы деп айттыгар. Онойып айтсагар, ол слердинг баштарыгарды кезип салар. Слер оны Бакол Балезичтинг малы деп, барып айдыгар – деди. Оноң ары барып жатса, база ла мал, уй, кой кабыргылап турган улустар бар эмтир. Түлкү ологго база онойдок барала, күдүчилерден сурады:

– Бу кемнинг уй, кой, малы?

– Чорт Яганың – дежет күдүчилери.

Түлкү кабагын түйүп айдат:

– Ондый кижиге жок, ол Чорт Яга эмес, Бакол Балезич. Суузай каан деп каан келер, одус кирези отрядту, үч атла тарткан пушкалу. Ол келзе, бу жалаңды бүркеген мал, Чорт Яганың малы деп, айттыгар, онойып айтсагар ол мойындарыгарды кезип салар, бу мал Балезичтинг деп айдыгар – деп жакыды.

Ол өйдө Суузай каан абрада чалкойто жадып алып, жаан санаа сананды: акыр, мен ол кыстың учун алган немениң үстине калыңды мал ла шаайдым. Малы көп неме чыдаар, кыска болуп төлөбринен ол мойнобос, кыс жараш. Айылыма жанзам, уй саар жалчыларды жараш-жараш келиндерден, кыстардан жуур. Бу жердинг байлары оларды жаражына болуп алгылаза, меге ок туза болор. Ол тушта мен жаңыс шаап турган калымымды сүреен элбетсем, ады-чуум жер үстине оноң артык жайылар – деп сананып, турган малга ичи күйүп, Бакол Балезичтен бир эрмек сурабай турды. Түлкүнинг айдып берген жолыла жорткылап отургылады. Оноң ары Чорт Яганың айылына барды.

Түлкү воротаның жанына келерде, Чорт Яга удурга чыгып, эзен де сурабай, сурады:

– Сен, Түлкү, колы-будыңга өдүктү нениң учун кийген, сен мындый жаңды кайдан тапкан? – деп.

Түлкү нийндерин көдүрип, колдорун жайып, айдып жат:

– Өдүк кийбей кайдаар, колы-будым уладай бергенде, мен каандардын элчизине жүрүп жадым. Эмди ле сениң айылыңга Суузай каан айылдап келип жат. Мен оның элчизи болуп келгем – деди.

– Одус кирези черүлү, үч атла тарткан пушкалу. Сени белетенип, жазанып турзын – деп, айткан. Тургуза ла, жолой салган ширдектерингди жаңы эдиң солы, айылыңның ичин алдындагызынан артык жарандыр, алмарыңда бар жүзүн-жүүр курсагыңның эн тату тамзыгын белетеп сал, аракының эн ар-

тыгын тургус – деп жакыйла, кайра болды.

Чорт Яга коркушту керик жаан бай, жети уулду, коркынчак кижги болгон, оны уккан бойынча тўлкўни тургузып:

– Мен качатам, ол мени жууларга келеткен болор – деди.

Тўлкў бойын энчў тудуп, сурады:

– Сен качып кайда барарың, сеге мен бир сўме айдып берейин – деди.

Чорт Яга сўўнип: «Је айдып бер» – деди.

Тўлкў кабагын тўрўп алып айтты:

– Канча ла кирези айылчылар тойо јиир мал ълтўр, канча ла кирези аракыны тургус. Кандый ла ашты, тусты белете, айландыра тўрѳгѳндѳринди айт. Олор богѳ келзе, тойлоор, јыргаар, ол тушта мен сени билдиртпес јанынан сугуп саларым. Таныш улузың сураза, јети уулы андап барган, бойы мал кѳрўп барган – дейин. Мен бу кырдың кырында шуур терек кѳргѳм. Ого апарып сугуп саларым – деди.

Бастыра немени белетедип алала, Чорт Яганы бастыра билезиле ол шуур терекке апарып сугала, бектеп туруп кадап, бѳктѳп салды.

Чорт Яга Суузай каанды кармап, чыгатын чыгымга карамду ыйлап айтты:

– Суузай каан јўре берзе, келип тургуза айт, оноң артык неме ўребегер, артык чыгым болзо, Суузай каанды эмес, сени бурулаарым, торт бууп саларым – деп, Чорт Яга Тўлкўни кезетти.

Тўлкў араай ўнле айтты:

– Јўрексиребе, ѳрѳкѳн, жакылтагарды кыйыш јѳк бўдўрерим, алдында бўдўрбей јўрген эмес – деп.

Оноң Чорт Яганы бектеп салала, келзе, Суузай каан черўзиле, Бакол Балезич кожо Чорт Яганың јуртына келиптир. Тўлкў Бакол Балезичке келеле, айтты:

– Мениң айыл-јуртым бу деп айт – деди. Суузай каан дезе аракы-јыргалды, ўй улузы кѳп јерди сўўр кижги болгон. Эмди бастыра тўрѳгѳндѳри ле жуулган айылчыларла отурып, Суузай каан белен ашты јип, белен аракы чегенди ичип, этти-јууны јип, канча кўнниң туркунына тойлоп-јыргап, канча кирези тўрѳгѳндѳрин кўндўлеп јада берди.

Тўлкў Суузай каанга айдат:

– Мындыј јыргалдың шылтуунда – пушканың бир табыжын не чыгарбас? Пушкагарла бир адыгар – деди.

– Ары кѳрзѳ – мал, бери кѳрзѳ – мал, мыны кайдѳн адатан – деди Суузай каан.

Тўлкў айдат:

– Ол шуур терек турган кырда, мал да јѳк, јурт та јѳк, оноор адыгар – деди.

Суузай каанның черўзи турган кыр јаар уулап атты. Адарда кырдың талортозы Чорт Яганы суккан шуур терек катај ўзўлип, чачыла берди.

Суузай каан куучындап јат:

– Бу Бакол Балезич деп адап турганаар бу туру не. Је мыны мен билерим, азыйда бу јѳкту-јѳйу, ады-чуузы јѳк, ўс јибегенинен эрди кургак неме болгон јѳк по, бу кандый коркушту байыган. Је, айла онызы меге керек беде. Јалчы кызым жакшы јуртка барыптыр – малду, ашту, алкы-јѳѳжѳлў. Је андый да болзо, база ўстине калым шаап јадым. Малыңның јарымын мен алар учурлу. Кыс баалу, јараш, чый-рак, керсў – деди.

– Онызын айтпазагарда, кийнигерден ийерибис, кўндўлў кааныбыс, јѳбѳбой јаныгар, Балезичтин кѳдѳчилери ўйдежин ийер – деди Тўлкў.

Суузай каан кѳдѳчилериле алтынду абразына отурып ары болды. Пушказы черўлериле јеринен ылтам кыймыктанып албай турды.

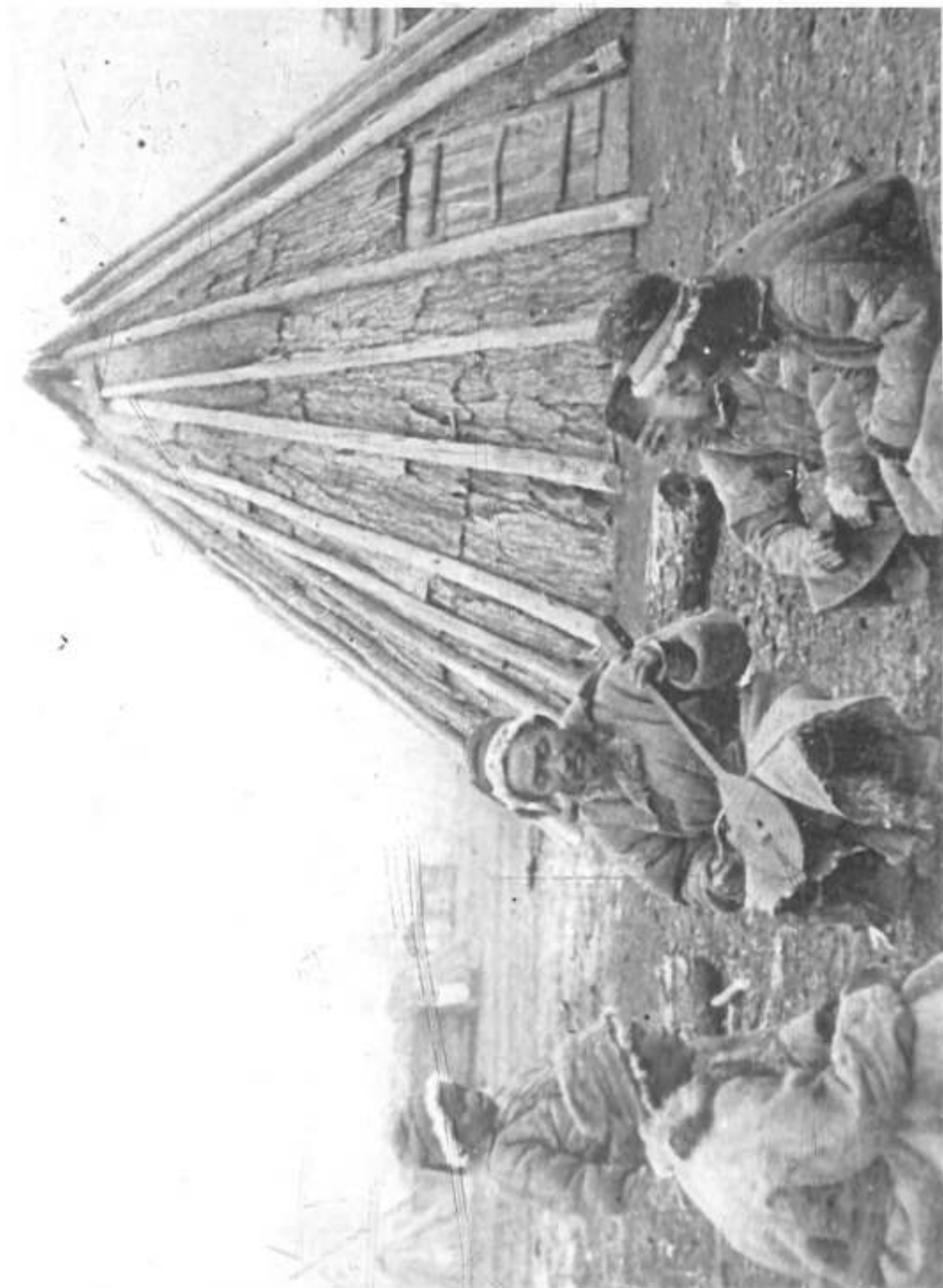
Тўлкў келеле, айтты:

– Акыр уулдар, бу кўндўлў Суузай каанды, јыргалдың кийнинде, кѳдўрўнгилў јандырган адыбыс чыгарып, мен бир катап теңери ѳрѳ, Суузай каанның баратан јаны јаар адайын – деди. Адып ийди.

Пушка торгыланды. Јаңыс ла Суузай каанның салып отурган јолында шуурган куйундый тоозын буркурады. Черўлер болгон немеге кўкўрт табышту каткыргылады.

– Јастырып ийбей кайттым – деп, Тўлкў јызырада каткырып турды. Черўлер сўўнижип кожондоп, каткырып турды. Жуулган албаты јыргай берди, ашка-туска једине берди. Ижин ўлештирип берди.

Литературный јазаганы – А. Саруева.

Мелодии родной земли

Здание облисполкома, г. Ойрот-Тура, 1930-е годы.

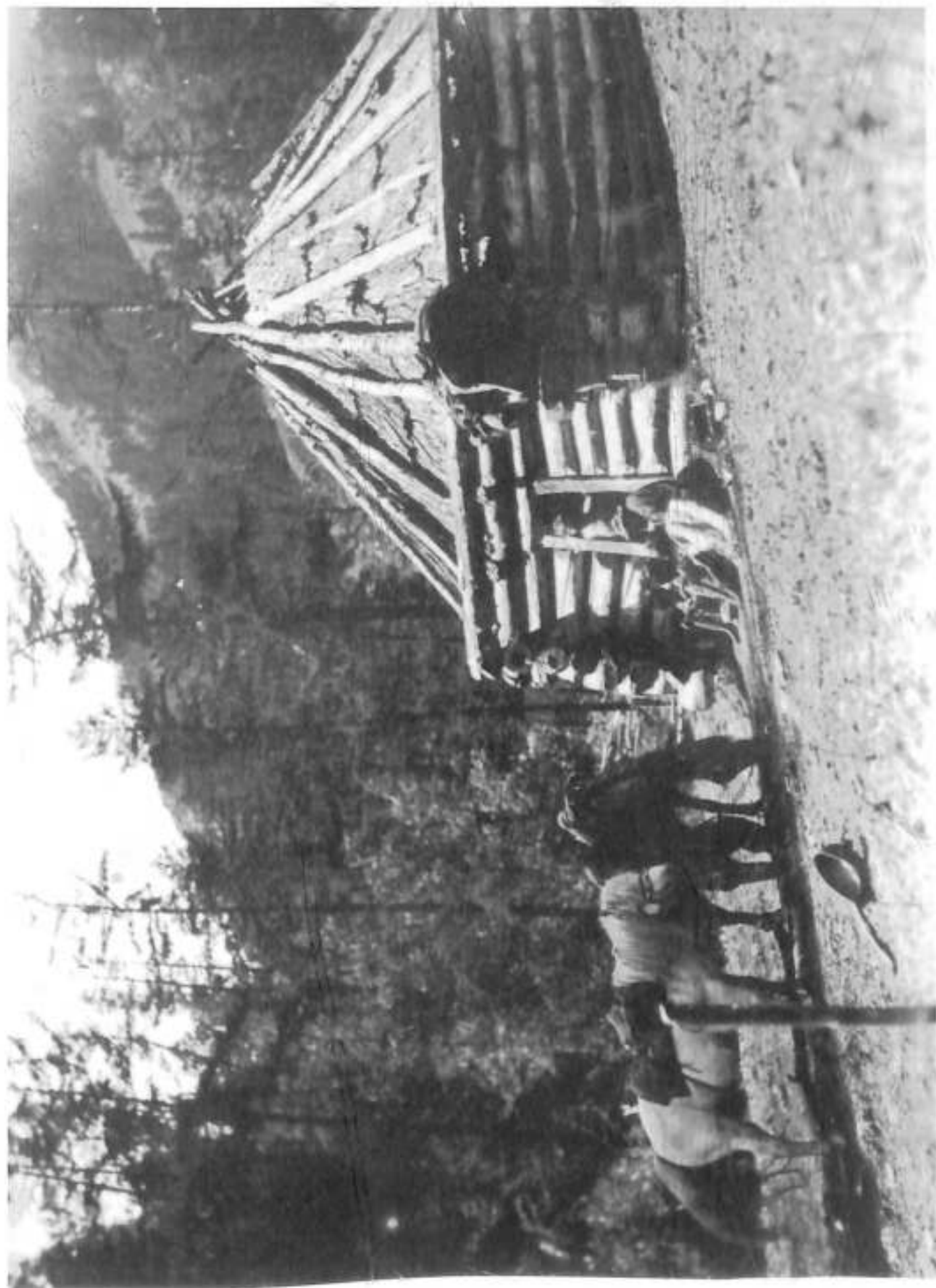
Здание обкома ВКП(б), г. Ойрот-Тура, 1930-е годы

Автобаза в селе Иня, 1930-е годы

Чуйский тракт "Бийск - Кош-Агач", 1930-е годы

Летник аила, 1930-е годы

Строительство, 1930-е годы

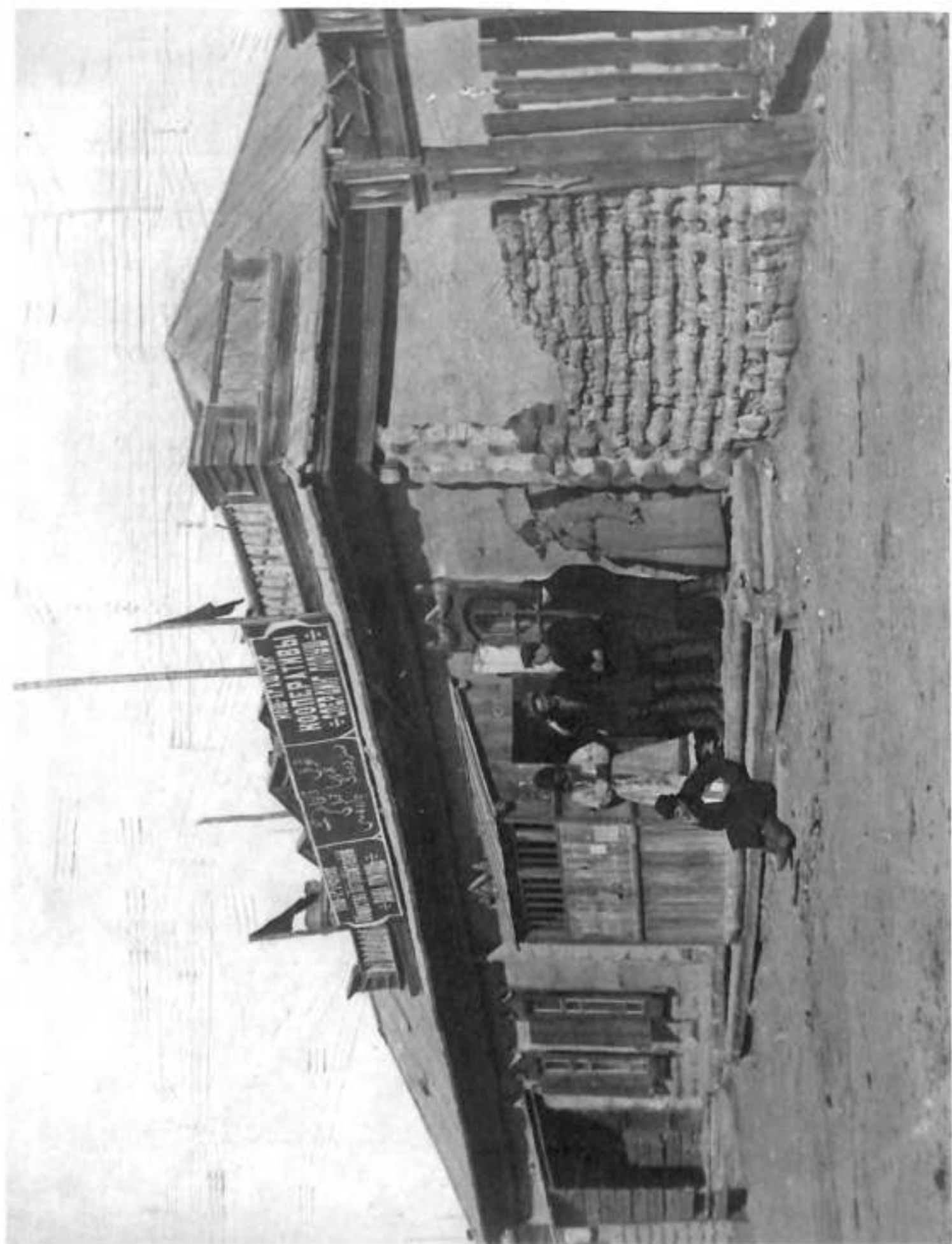
Дом отдыха с. Чемал, 1930-е гг.

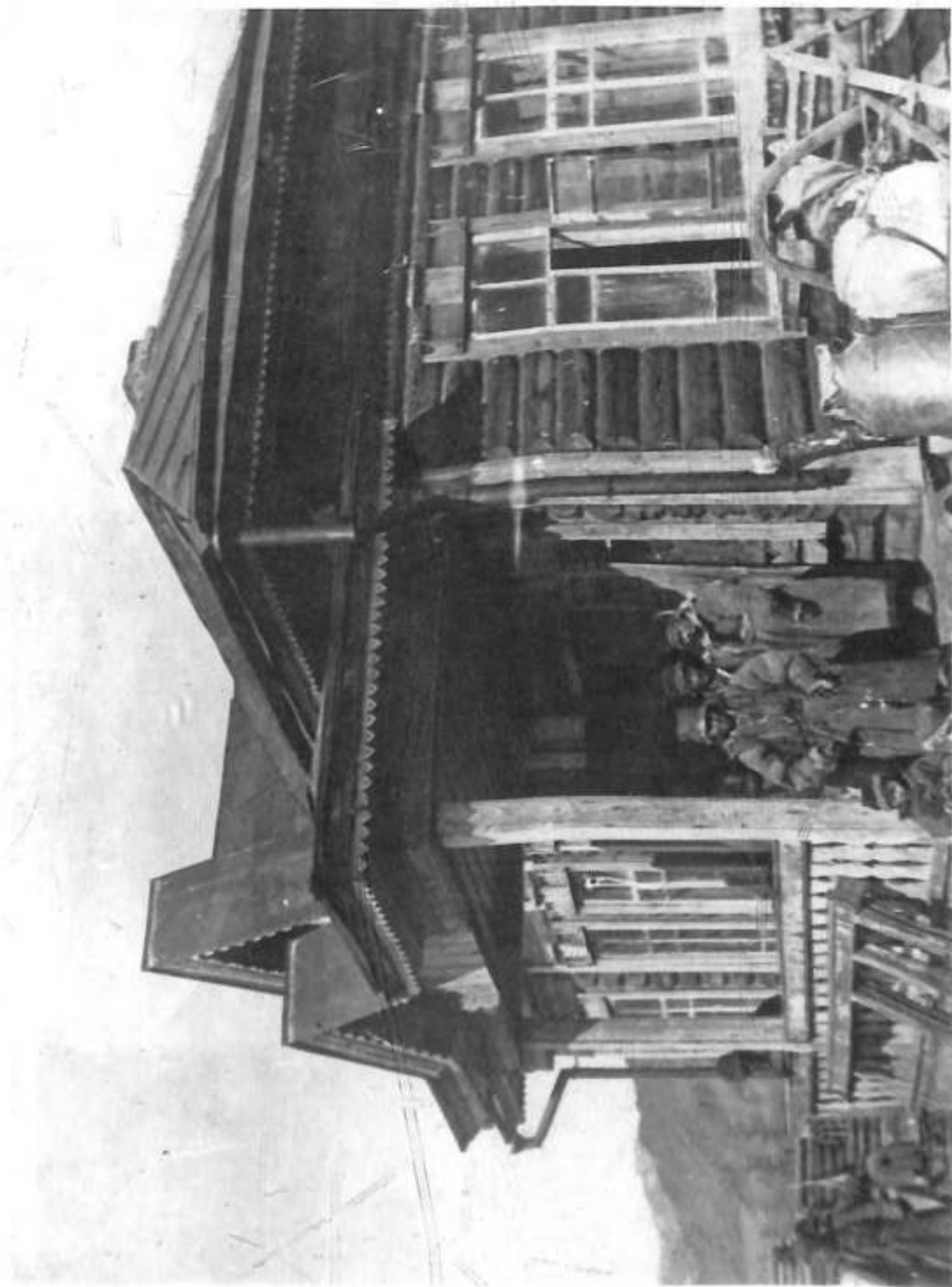
Электростанция, г. Ойрот-Тура, 1930-е годы

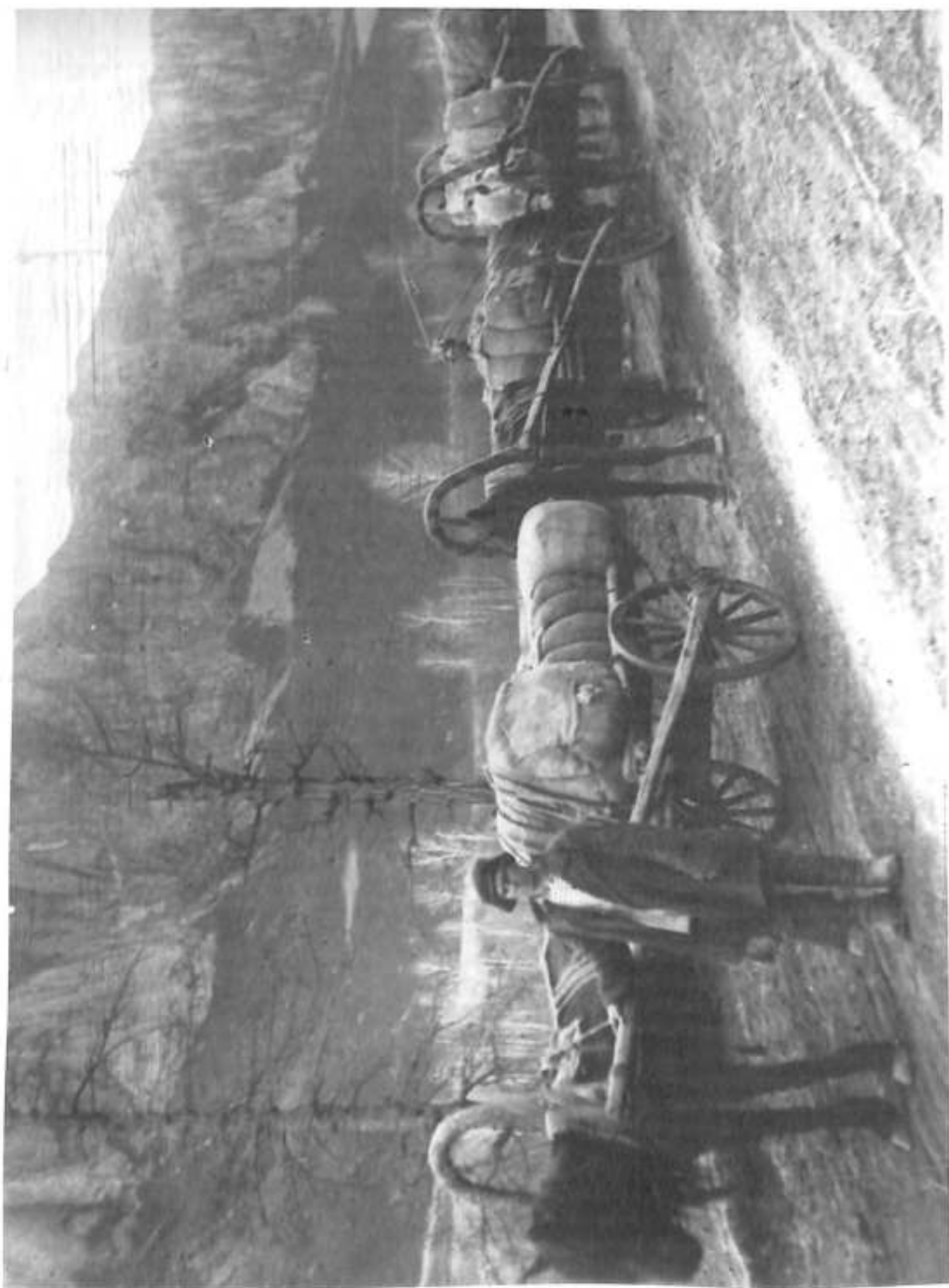
Строительство областной больницы, Ойротия, 1930-е годы

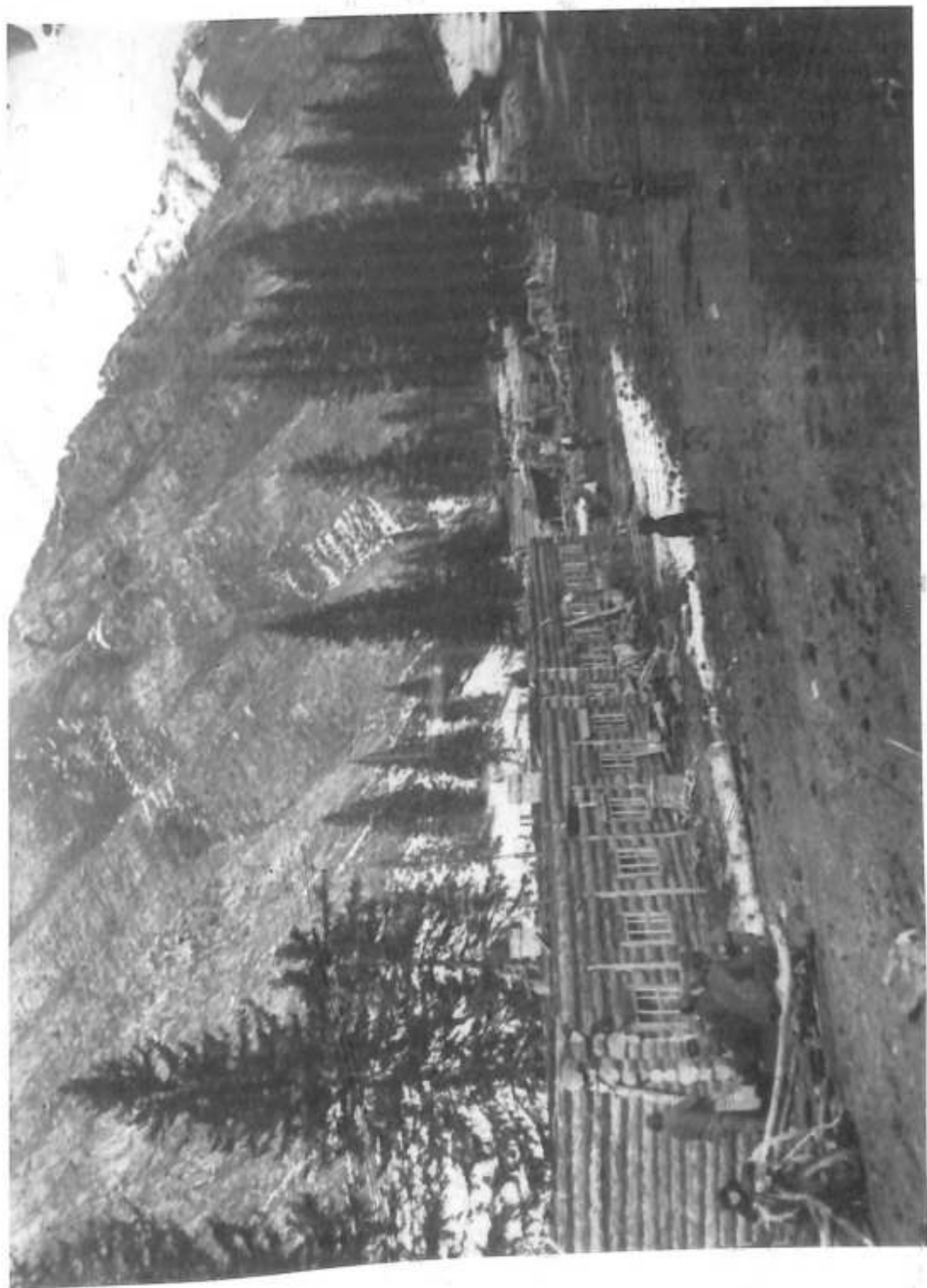
Здание потребкооперации, с. Кош-Агач, 1930-е гг.

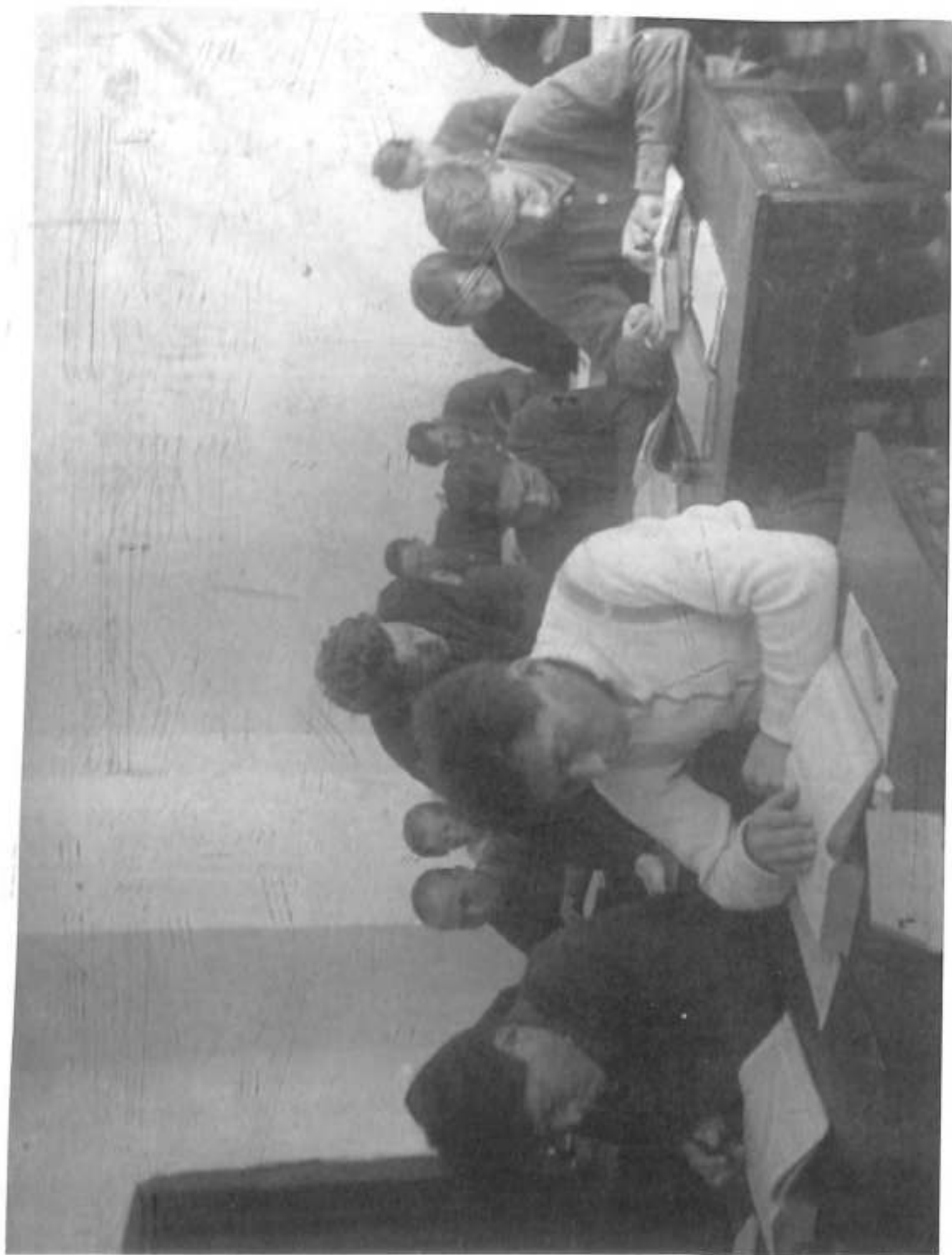
Маслозавод в с. Ело, 1930-е гг.

На Чуйском тракте, 1930-е годы

Колхозная стройка, 1930-е годы

Вечерняя школа, г. Ойрот-Тура, 1930-е годы

Телеграфист, 1930-е годы

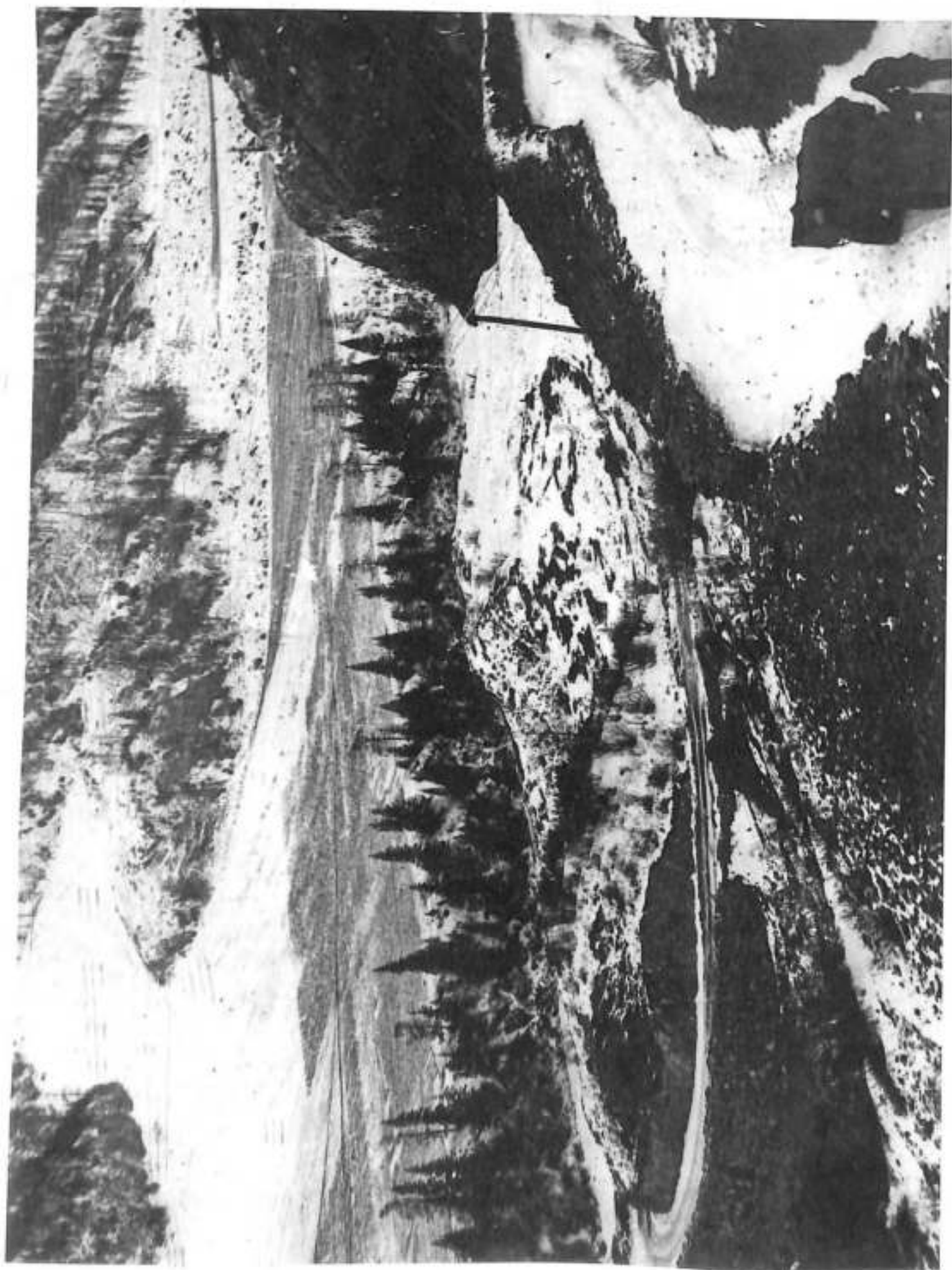
Подготовка шоферов, 1930-е годы

Радиопередвижка в горах

Лесостроители, 1930-е годы

По новым дорогам, 1930-е годы

Старый способ вывозки леса, 1930-е годы

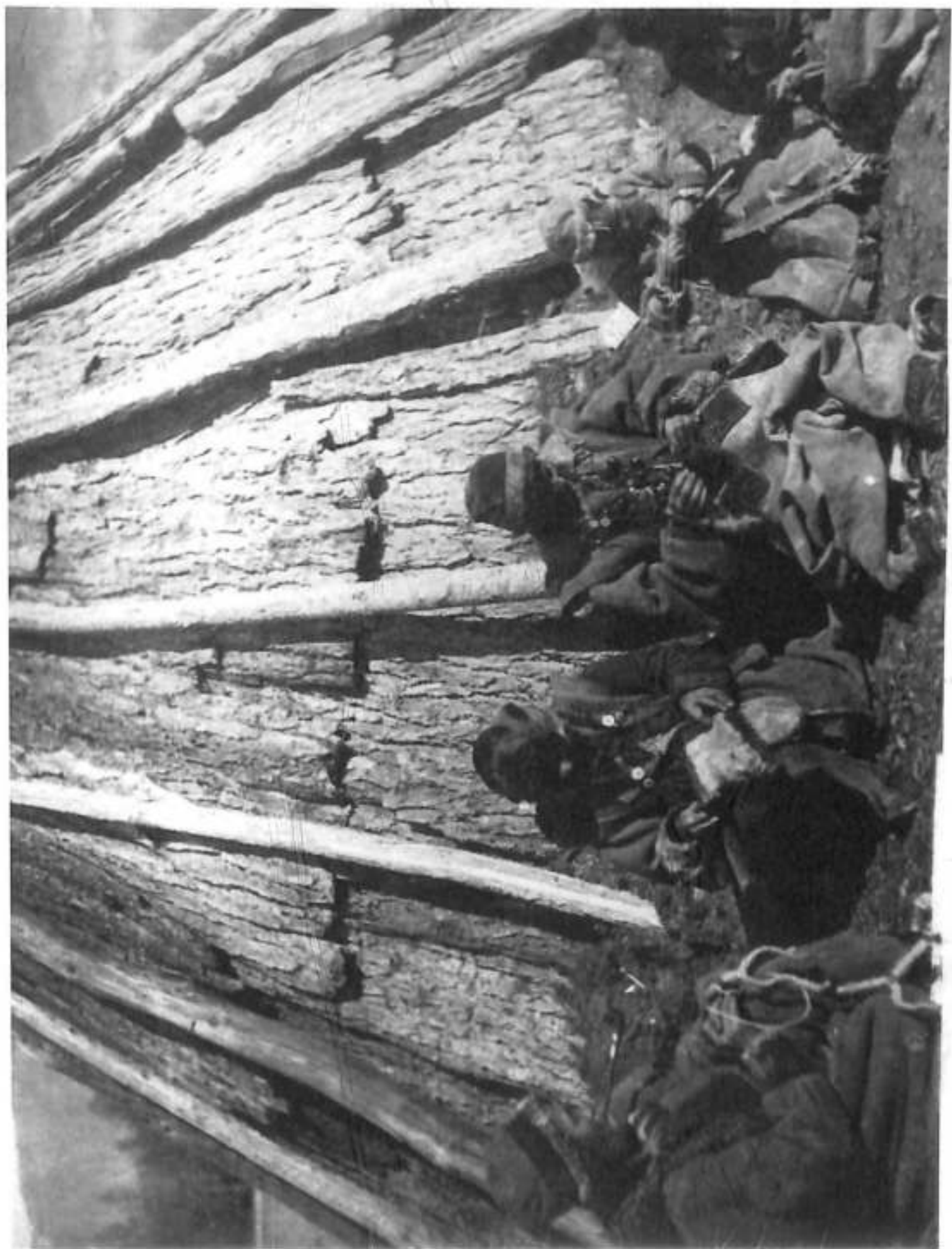
Обработка овчин, 1930-е годы

Детские ясли в колхозе "Ело", 1930-е годы

Бригадир замеряет пахоту, 1930-е годы

Женщины за шитьем, 1930-е годы

Внутренний вид аила, 1930-е годы

Первый сноп - государству, 1930-е годы

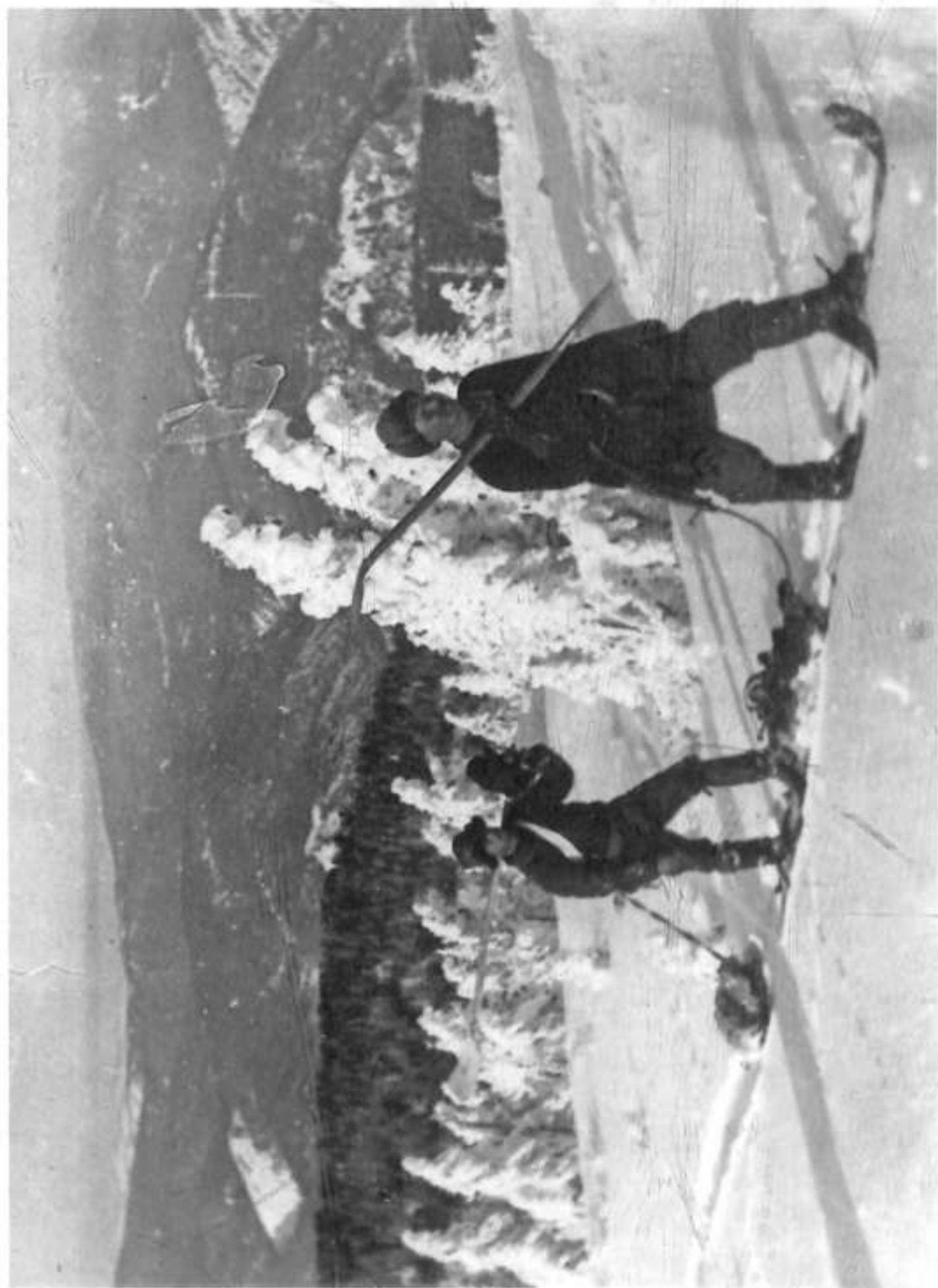
Колхозный ветеринар, 1930-е годы

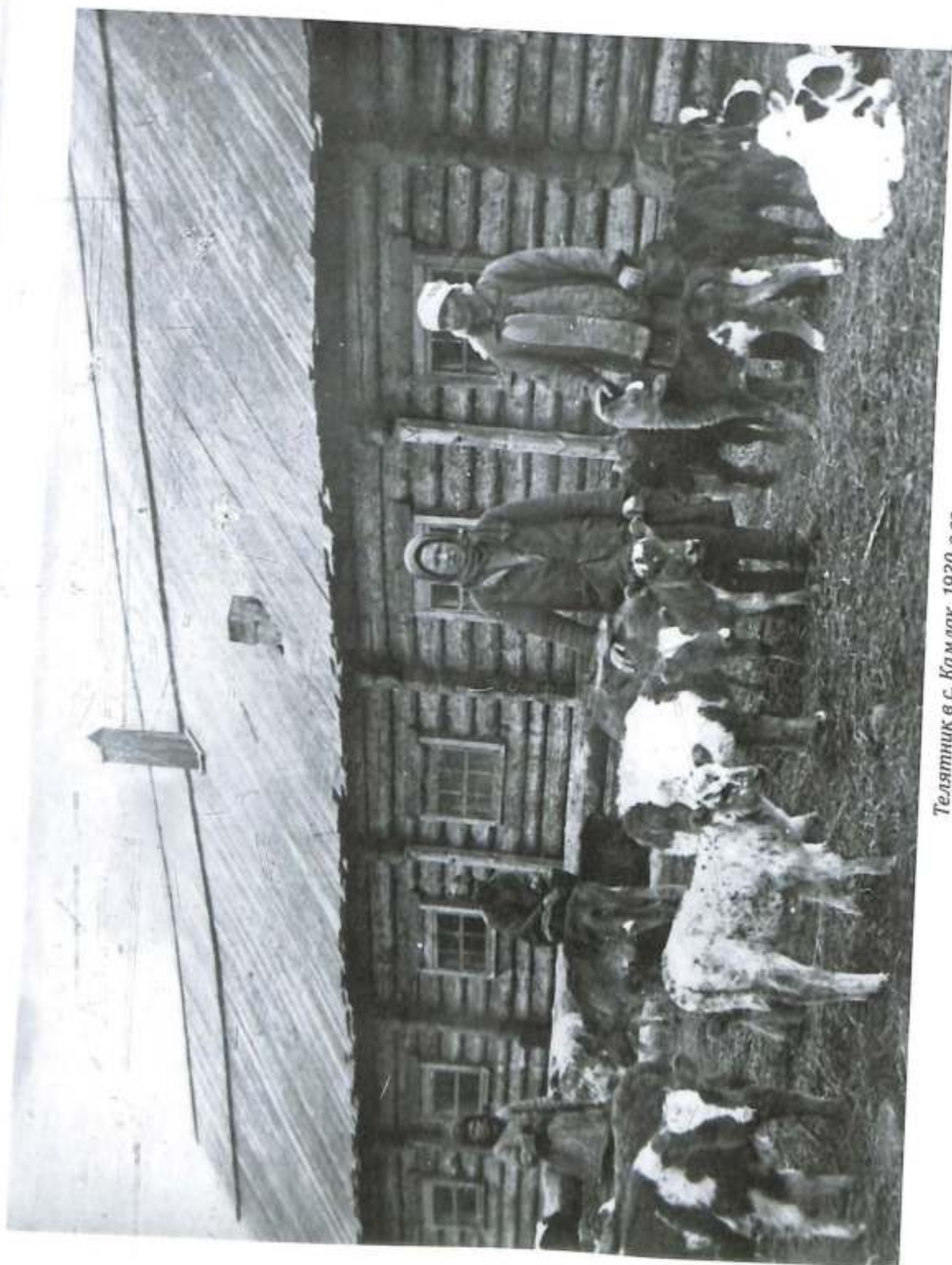
Рысак-производитель орловской породы, 1930-е годы

Общее собрание коммунистов в коммуне "Кулада", 1930-е годы

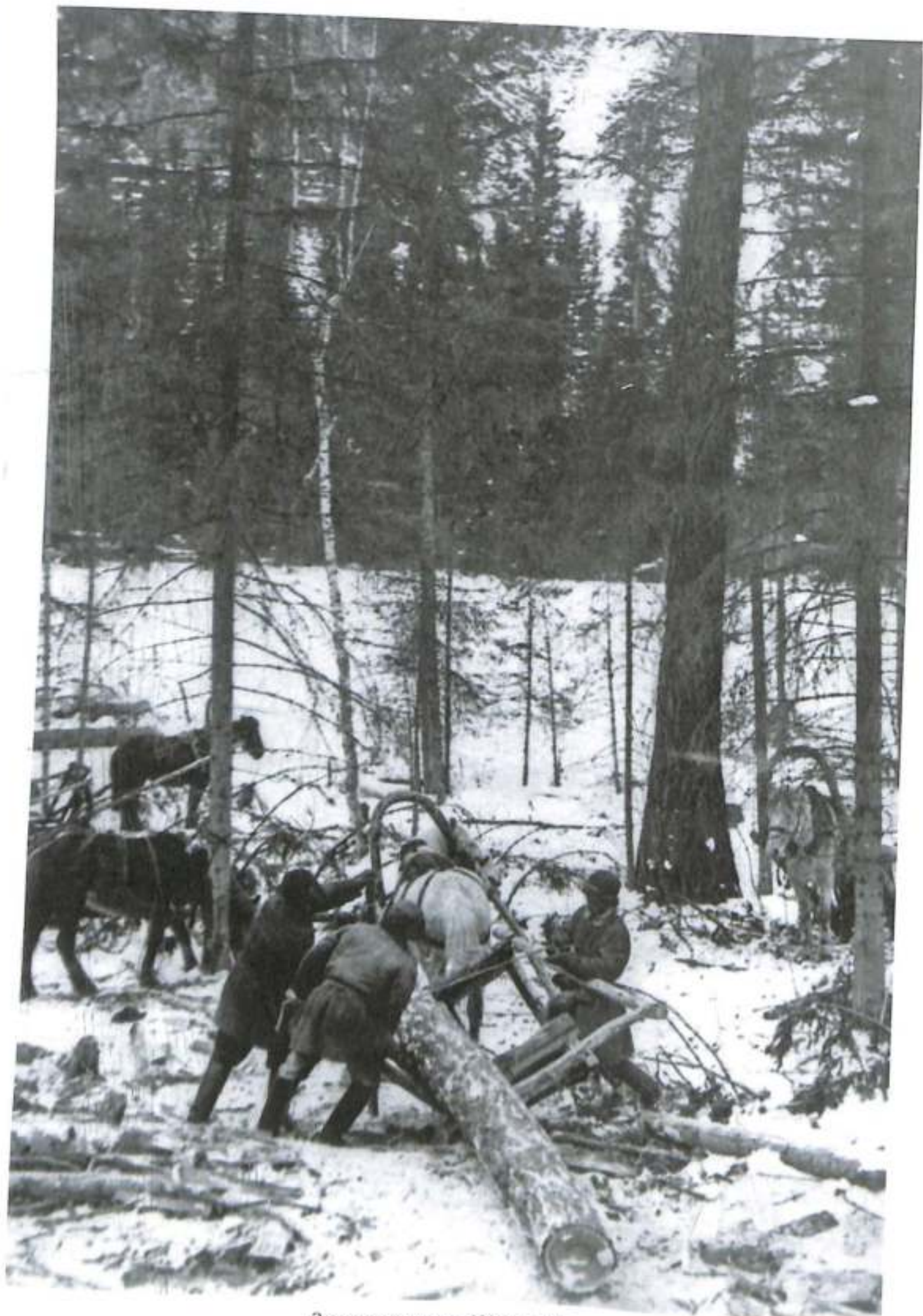
Промысловики, 1930-е годы

Телятник в с. Камлак, 1930-е гг.

Ойротка, 1930-е годы

Заготовка леса, 1930-е годы

Сушка бадана, 1930-е годы

521211
T-51

SOVETTERDİN ÇOLЬ

G. TOKMAŞEV-LA P. CEVALKOV
BYDYRGEN

SSSR-de ÇATKAN ÇYZYN ÇYUR UKTU ALBATЬGA
BICIK CIGARЬP BAZЬBÇATKAN TSENTRIZDAT
Moskva ★ 1930 dilь

*"По пути Советов" - книга для чтения на ойротском языке.
Составители Токмашев, Чевалков.*

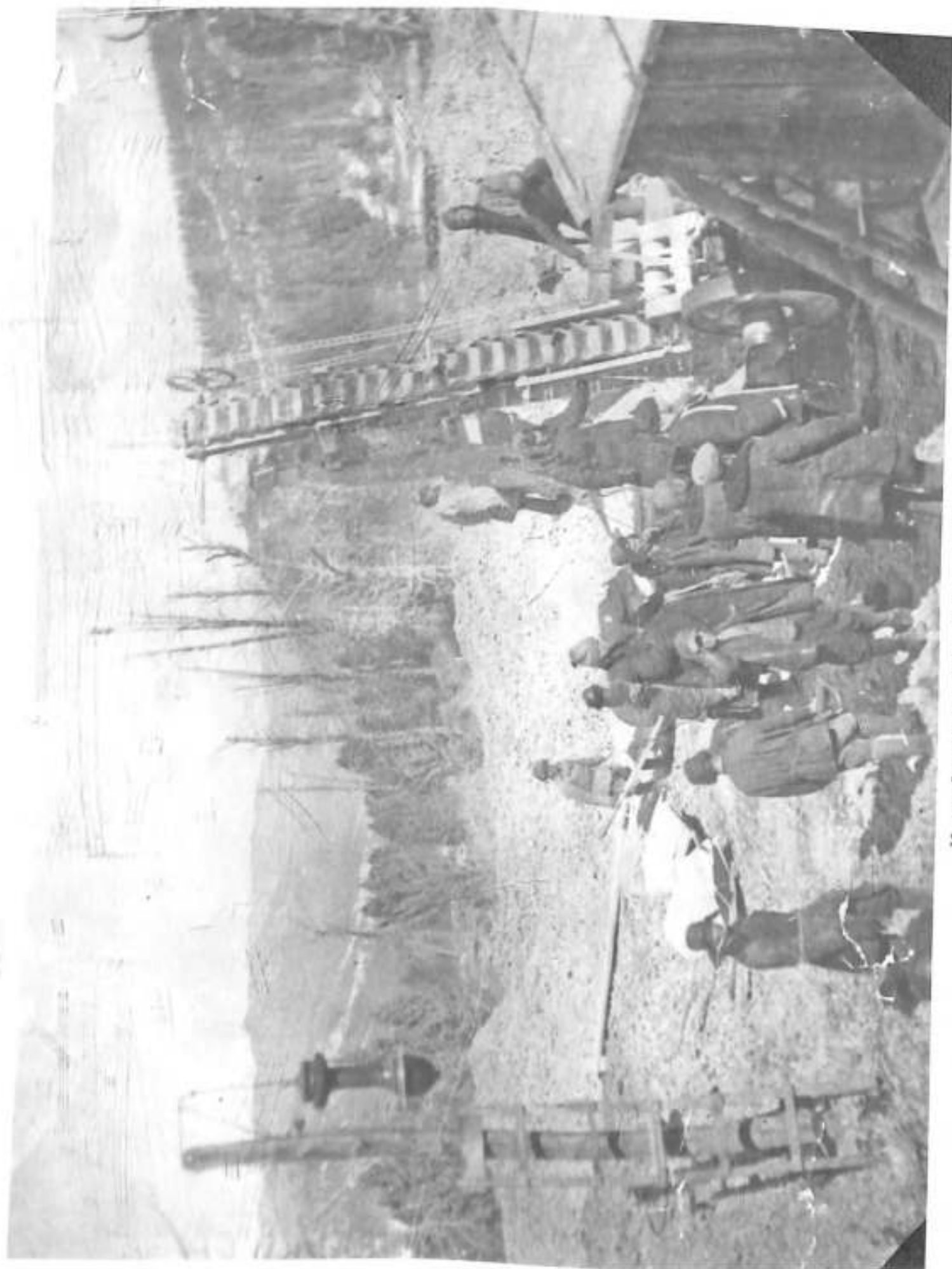
А.В. Анохин в экспедиции, 1930-е гг.

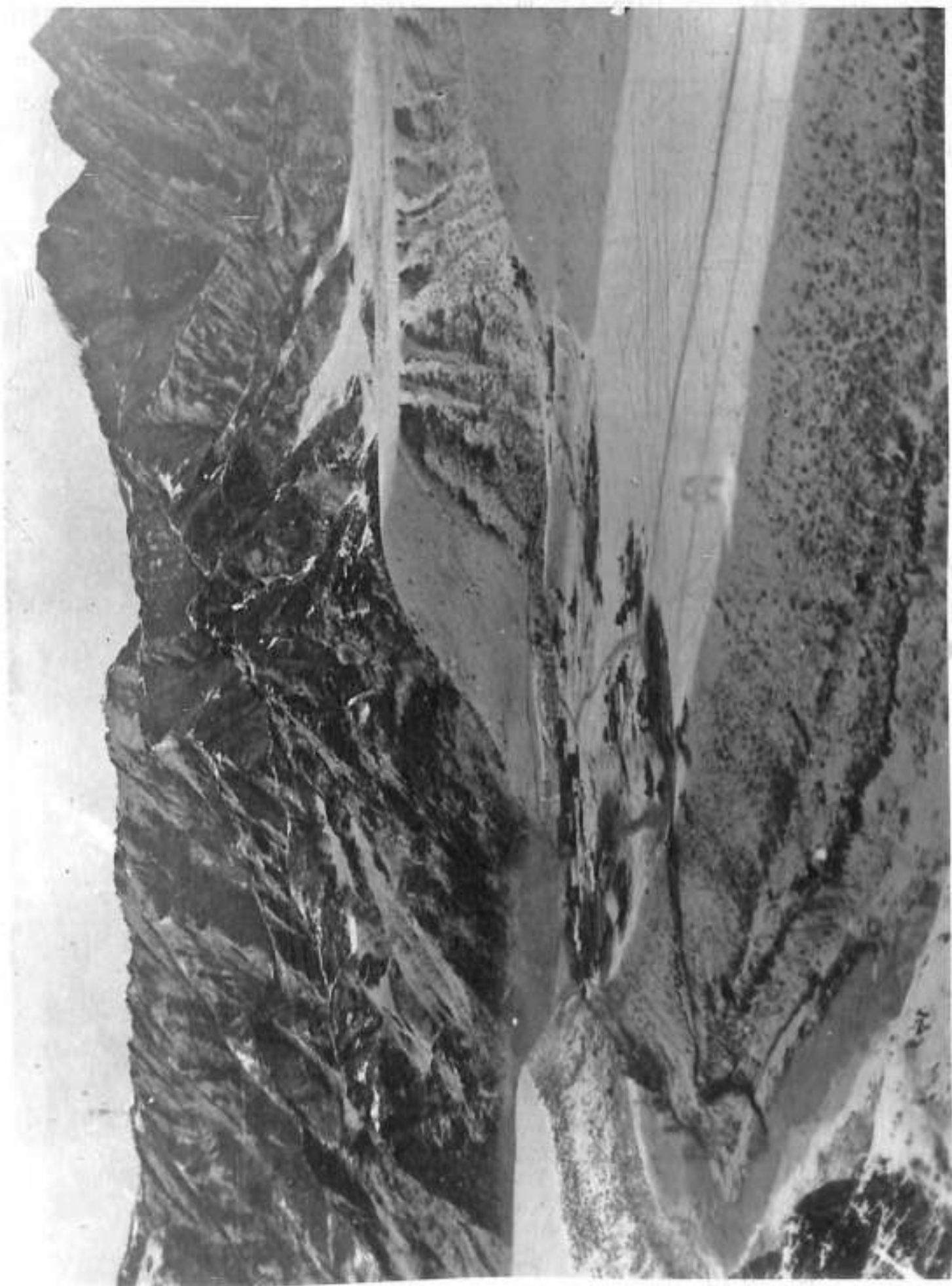
Дьяломат Монгорова

Дети Ойротии, 1930-е гг.

Каменнодробилка, с Усть-Сема, 1930-е гг.

Начало строительства рабочего поселка Иня

Ремонт сельхозинвентаря, 1930-е гг.

ВО-ВЕРНУ КОЛХОЗНИК КОЛХОЗА „ТАН-
ЧЕЛМОН“ (ШЕБАЛИНСКИЙ АЙМАК, ОЙРОТ-
СКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ); КИРГИЛЕВ
САМЫН РАССКАЗЫВАЕТ МОЛОДЕЖИ О
СВОЕЙ ТЯЖЕЛОЙ ЖИЗНИ У БАЕВ
„ТОЛЬКО СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, ТОЛЬКО
ПАРТИЯ ЛЕНИНА - СТАЛИНА ДАЛИ ОЙРОТАМ
НАСТОЯЩУЮ СВЕТЛУЮ, РАДОСТНУЮ
ЖИЗНЬ“ - ГОВОРИТ СТАРЫЙ САМЫК

Фото Н. Бурманова

Старейший член колхоза "Тан Чолмон" Шебалинского аймака Киргилев Самык с молодежью, 1937 г.

П. В. Кучияк в костюме шамана

ФОТО ИЗ ОЙРОТСКИХ ВЫПУСКОВ ЖУРНАЛОВ «СССР НА СТРОЙКЕ» (1932, №9)
И «НА СТРОЙКЕ МТС И СОВХОЗОВ» (1935, №8)

Студенты колхозного института в Улан-Удэ.

СОВЕТСКАЯ ОЙРОТИЯ ГОТОВИТ СМЕНУ

Школа.

„Неграмотным народам легче управлять...“

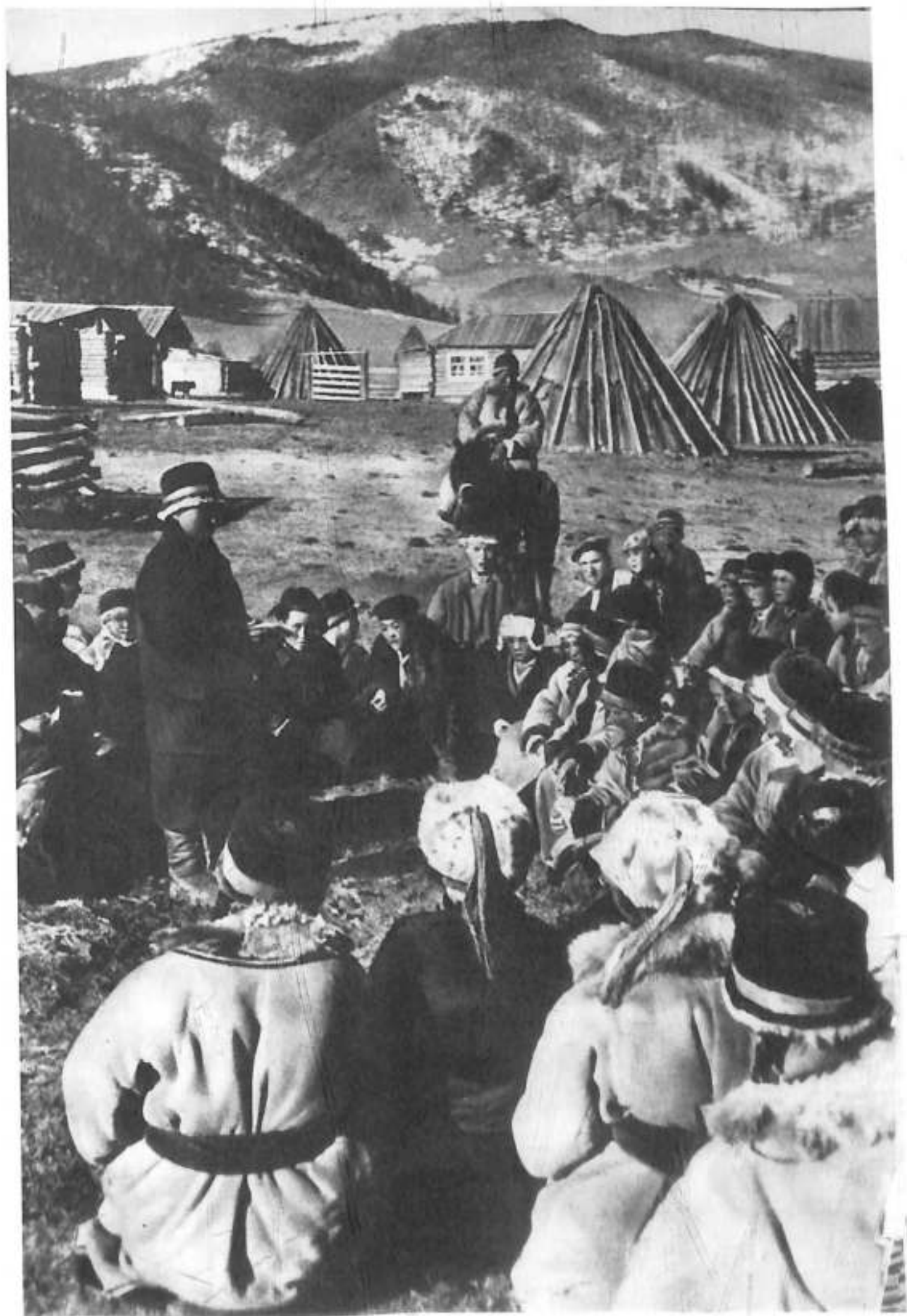
Такие мысли алтайский просветитель велел, и она была права: только грамотным, разумным народом можно править самостоятельно.

В начале советской власти оно оставило погоню (94%) неграмотность и несколько русских школ, созданных для высшего начального обучения ойротом. Но уже в 1922 г. по автономии насчитывалось 16 ойротских школ (из общего числа 26) с 712 учащимися. К 1930 г. число школ достигло 57 с 3 380 учащимися, а в 1931—1932 гг. — 77 с 5 600 учащимися.

В высшем году в Ойротии ведено вообще начальное обучение.

Практические занятия в колхозном институте.

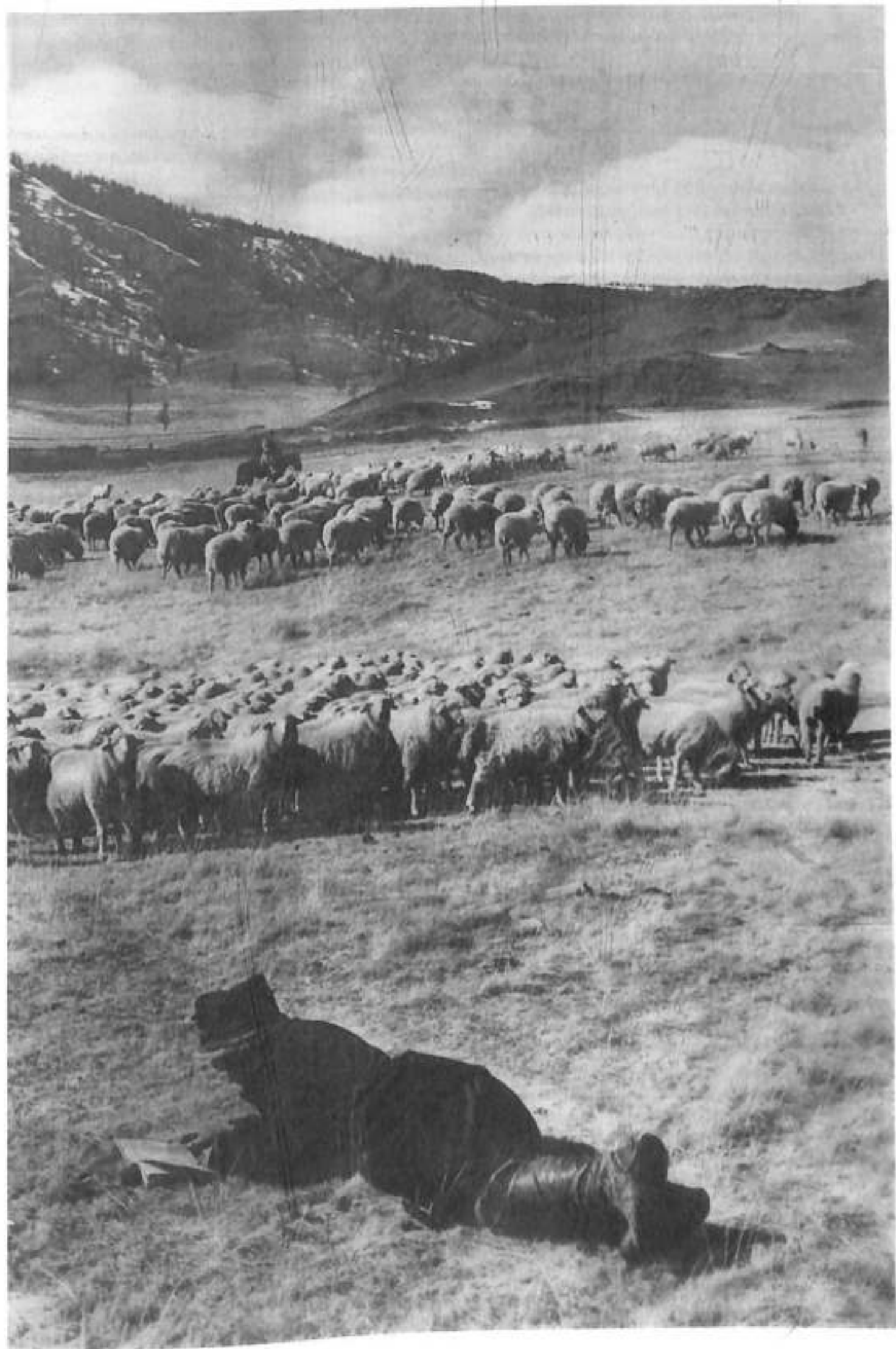
ДА, ИНАЯ ЖИЗНЬ ТЕПЕРЬ В КОЛХОЗЕ ЕЛО. ПО ИНОМУ ЖИВУТ ЛЮДИ. АМИК, ИРМЫЕ ТРУХЛОВОЙ НОРОЙ, ВСЕ ДАЛЬШЕ ОТСУПАЮТ, ОТТЕСНЯЮТСЯ СВЕДЕСЛУБЛЕННЫМИ ИЗБАМИ. МОЛОДЕЖЬ НЕ ХОЧЕТ ЖИТЬ ПО-СТАРОМУ, ДА И СТАРИКИ, ПРИВЫКАЯ РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ, БРОСАЮТ СТАРЫЕ ПРИВЫЧКИ.

НОВАЯ СВЕТАЯ ИЗБА У КОЛХОЗНИКА ЯЛТИНА ЧЕХЧАН — С ПОЛОМ, РУСНОЙ ПЕЧЬЮ, КРОВАТЯМИ, СТОЛОМ, ПОЛКАМИ. НА СТОЛЕ ЧИСТАЯ НАДЕЖКА, НА ПОЛКАХ ПОСУДА, ХОЗЯЙСКАЯ УТЯРЬ. НЕТ БОЛЬШЕ ДЯДОВСКОГО КОТЛА ДЛЯ ТОЛИАНА. ВМЕСТО НЕГО ЧАШКИ, ТАРЕЛКИ, ВЯЛКИ НА ОТДЕЛЬНОМ ШКАПЧИКЕ. ПИСЬМЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ, КНИГИ, ГАЗЕТА «ИЗМЫ-ОБРОТ» ПРАСНАЯ ОБРОТИК! ВСЕ ЭТО ЗАВЕЛА ДОЧЬ ЯЛТИНА, КОМСОМОЛКА ЕНЕЛЭЙ, ОЮНЧИВШАЯ ШКОЛУ И РАБОТАЮЩАЯ АКТИВНО В КОЛХОЗЕ.

НА ВЕРЕВКЕ РАЗВЕШЕНО БЕЛЬЕ ДЛЯ ПРОСУШКИ. ТАМ, ГДЕ РАНЬШЕ НОСИЛИ ОДЕЖДУ НА ПОЛОМ ТЕЛЕ ДО ИЗНОСА, ГДЕ ВАЗОРНЫМ СЧИТАЛОСЬ МЫТЬСЯ, ГДЕ «ЦВЕЛА» ТРАХОМА, СИФЛИС, ЧЕСОТКА И ЛЮДИ СПАЛИ НА ГОЛОЙ ВЕЖМЕ, — ТАМ ВЫСТИРАННОЕ БЕЛЬЕ — ПЕРЕВОРОТ!

А ГУСИ У КОЛХОЗНИКА — РАЗВЕ ЭТО НЕ ЯРКИЙ ШТРИХ НОВОЙ ОСЕДЛОЙ ЖИЗНИ ПРОВНЕЛО НОЧЕВНИКА?

РОЖДЕНИЕ ТЕАТРА

(Печатается по: *Сибирские огни*. – 1940. – № 3. – С. 135–142)

*«Иметь свой родной театр и гордиться им желает
всякий народ, всякое племя, всякий язык»
(А. Н. Островский)*

Несколько минут комната была заполнена отрывочными фразами приветствий:

– Якши, якши ба? (хорошо ли живете?).

На кровати сидит высокий, широкоплечий старик со скуластым лицом и приветливо протягивает навстречу правую руку. Он не видит своих гостей, трахома отняла у него зрение еще в юности. Приближение каждого нового гостя он угадывает тем особым обостренным чутьем, которое имеют только слепые. Коричневое лицо приветливо улыбается, и в большой его руке с сильными пальцами поочередно тонут молодые руки актеров.

Старик Улагашев был предупрежден, что сегодня к нему придут в гости артисты первого Ойротского колхозного национального театра, и он принарядился. Надел сапоги, без которых дома обычно обходится, и пиджак с прикрепленным к нему орденом – наградой правительства.

Знакомство началось с песен. Когда было сказано последнее «якши ба?» и гости расселись в просторной светлой комнате, кайчи чуть-чуть приподнял голову, набрал в легкие воздуха и запел. Его грудной густой голос заполнил всю комнату. Он шел, казалось, из-под земли, и напоминал то непрерывающийся ропот отдаленного водопада, то комыс с его вибрирующим стальным язычком.

Это была песня без слов. Она могла продолжаться бесконечно, пока у певца хватало голоса и воздуха в легких. Старик кайларил сегодня с особым искусством. А потом многозначительно улыбнулся, как бы говоря: «Так вы не споете!».

После него выступила артистка Шульгина. Она исполнила свой сольный номер из концертной программы театра. Это была ойротская песня, она построена в форме свободной лирической импровизации кайчи. По всему своему складу, интонациям, ритмике – она глубоко национальная, народная песня. Но к ней уже прикоснулась рука композитора, а над постановкой голоса актрисы работали дирижеры. И он, молодой и сильный, звучал как-то особенно бодро, свежо и победно.

Старику не хотелось сдаться. И он сразу же после Шульгиной начал сказ героической легенды – чёрчэк. В этом молодежь соревноваться с ним не может. Он – общепризнанный и непревзойденный хранитель богатейших сокровищ поэтического творчества своего народа.

Алтайцы на редкость поэтически одаренный народ. За многовековую историю свою они создали огромные богатства устного творчества. Песни и легенды помогали народу переносить лишения и невзгоды. В них, через все бури и несчастья, он пронес свою горячую мечту о лучшей жизни. В них он воплотил свои сокровенные желанья, лучшие черты своего характера, самую глубокую свою мудрость.

Никакие невзгоды времени не могли отнять у алтайцев искусство. Оно было частью их жизни. Его жизнотворную силу они опозитизировали в самых красочных и любимых сказках. Когда богатыри играют на своих шоорах, «звери за ними бегут, птицы не отставая летят, деревья вслед гнутся». А когда они поют песни, «большие моря шуметь перестают, большие горы вершины свои склоняют, вечно сухие деревья молодые листья распускают, а луннокрылые птицы в воздухе полет останавливают».

Народ мечтал о театре. Он делал попытки создать своеобразные оперы. Они никогда не были и не могли быть поставлены. Их пели сказители на альпийских лугах, у дымных костров в аилах, на шумных тоях.

Одну из этих музыкальных пьес спел сегодня актерам кайчи Улагашев. На Алтае жила девушка Сынару, красавица и мастерица. Глядя на её лицо, молодежь теряла сон, глядя на мастерство её, старики от удивления руками разводили. Но вот куда-то исчезла девушка Сынару... Сказитель повествует об этом медленно, гортанным каем и вдруг переходит на голосовое пение: «Куда ушла ты, девушка Сынару?». Он поет замечательную по своему лиризму, по своей образности и музыкальности песню. А потом неожиданно переходит на пение женским голосом. Это ответ Сынару, которая оказалась подвешенной завистниками за четыре косы к четырем березам. Действие нарастает, развивается и достигает глубоко лиризма и драматичности.

Это была пьеса, которая никогда не была поставлена, но она бытовала в народе столетия. Престарелый сказитель сегодня как бы передавал её на сцену первого ойротского театра, который стал не менее любимым в народе, чем кай самых талантливых сказителей Алтая.

Молодой театр сыграл на квартире у сказителя отрывки из первой национальной пьесы – «Чейнеш». Слепому старику вначале было трудно разобратся. Он думал, что спектакль – это один человек, разговаривающий разными голосами, как делают кайчи, рассказывая драматизированные сказки. Но с первых же реплик он потерял ощущение грани между спектаклем и жизнью.

Идет картина четвертая. Аил Содона. Баланка шьет сафьяновый кечим.

Баланка. Полсотни лет живу на свете, сколько шуб и кечимов сшила вот этими руками – и все для людей, самой надеть нечего (задумалась, потом запела).

– Твердую овчину мягкой сделала
Сильная моя рука.
От голодной смерти избавляла
Всю семью моя рука...
(вошла Ботпой).

Ботпой. Я думала, что молодая поет... –

Баланка (встревоженно). – Какая молодая? Здесь нет молодых, ты знаешь это...

В голосе Баланки звучит такая глубокая, такая искренняя тревога, что Улагашев встревожился сам, заволновался. Ему показалось, что в комнату вошел кто-то посторонний и мешает его гостье-старушке петь.

– Зачем вы вошли сюда? Если вошли – садитесь и не мешайте петь. Если она старуха, то что же ей петь нельзя? Пусть поет.

Старуху играет 25-летняя артистка Алтарыкова. Она объясняет Улагашеву, что все это произошло по ходу действия пьесы.

Спектакль продолжается. На сцене появляется купец Песков. Драматург сохранил в пьесе фамилию действительно жившего на Алтае русского купца Пескова, бесцеремонного и наглого хищника. Артист Кыстаев, который в жизни не видел живых купцов, создал на сцене настолько правдоподобный образ, что Улагашев снова забывает о спектакле, волнуется и сердито ворчит.

– Неужели Песков все еще жив? Зачем его пустили ко мне?

Постепенно Улагашев входит в мир образов пьесы. Он – слушатель требовательный, с огромным чувством правды искусства. Он чутко ловит каждый нюанс и на лице его часто вспыхивает улыбка. Он забыл о соревновании с артистами, которое стихийно возникло в начале встречи. Спектакль для него – это что-то совершенно новое, высшее. Рождение новой культуры в его родной стране.

2

Пролетарская революция сняла все препятствия, которые раньше мешали рождению театра в Ойротии. Но театр возник там не сразу. Не было пьес, не было руководителей, не было просто грамотных людей. Театр был создан только 15–16 лет спустя после освобождения долин Алтая от его вековых хищников. Он родился буквально по требованию самой жизни.

В 1934 году в урочище Соузаре, Усть-Канского аймака, колхозники обязали учителя в порядке колхозной дисциплины написать пьесу. Колхозники хотели ставить спектакли. В это же время заказали учителю пьесу колхозники Бешпельтирской долины. Пьес и руководителей требовали из всех урочищ. И, очевидно, этим объясняется, что рождение алтайской литературы началось с пьес. «Первую мою самостоятельную творческую работу я начал с пьесы», – пишет зачинатель алтайской советской литературы Павел Кучияк.

В июне 1936 года был объявлен набор в театральную студию. Одной из первых подала заявление Оймок Сарина, человек большого артистического обаяния и прекрасной сценической внешности, хотя её имя «Оймок» означает – наперсток. Она уже играла в самодеятельных драмкружках и пришла в студию влюбленной в искусство. Из колхоза приехал Мошкин, тракторист-ударник и превосходный гармонист. Якши Быйхыев работал где-то в отдаленном сельсовете председателем и мечтал стать актером. Он пришел в студию улыбающийся, с готовой шуткой. Все были приятно обрадованы его мягким природным юмором и настоящим чистым онгудайским говором. Почти одновременно с Быйхыевым вбежала в комнату студии маленькая, подвижная Женя Тыдыкова. Она бросила учебу в сельхозшколе, ведь её мечта – стать танцовщицей, и еще, самая заветная – создать ойротский танец.

Новые студийцы прибывали каждый день. Подал заявление талантливый Маскин, человек, рожденный быть актером. Из Шебалино приехал Сабашкин. Он не знал, что такое театр. Но он был дисциплинированный комсомолец и поэтому не стал отказываться, когда комсомольская ячейка предложила ему стать актером. Из Улаганского аймака приехал учиться театральному искусству бывший начальник милиции Ерукчи Тонкуров. Каждый своим путем пришли в студию А. Какин, И. Шульгина, В. Табаков, А. Алтарыкова, Е. Уксигешева, В. Кыстаев, К. Саруева, В. Тозыяк, Н. Параев, В. Майчикова, И. Кучияк, Е. Каланакова. Всего 25 человек.

В октябре приехал в Ойротию руководитель студии и режиссер И. С. Забродин. Он был огушен весельем, смехом, неумемной энергией студийцев. Он ожидал встретить нечто другое. Он читал в каких-то книгах, что алтайцы флегматичны, неповоротливы.

На первом же занятии в студии он видел, как у студийцев вспыхивал в глазах огонек, когда они

слушали слова об искусстве. Благодарный «материал»! Но пока только «материал». Одной любви и желания мало. Нужно выработать мастерство. Нужно повышение культуры. Нужна, наконец, выработка элементарных культурных навыков.

Иван Степанович Забродин, молодой режиссер и энтузиаст, работал целыми сутками. Свой рабочий день начинал с обхода квартир будущих актеров. Там он учил их чистить зубы и завязывать галстук. Случалось ходить вместе со студийцами к портному и помогать выбрать фасон костюма или платья. Многие впервые в жизни одевали на себя красиво сшитые платья, впервые делали прическу. Первый раз вступали на деревянный пол. Все начиналось заново... Люди принесли с собой в студию только любовь к искусству, унаследованную от предков.

Двадцать пять молодых алтайцев сели за классные парты. За пять лет они должны получить среднее театральное образование.

Ежедневно учебная парта сменялась подмостками сцены. Студийцы с первых же дней стали учиться ходить по сцене, учиться играть. Но что играть? Пьес на алтайском языке не было. Первые пьесы Павла Кучияка были настолько слабы, что он сам не предлагал их театру. Встала задача не только расширить театр, но и создавать репертуар, создавать драматургию. Тому же Павлу Кучияку заказали новую пьесу и приступили к переводу на алтайский язык русских пьес. Студия начала репетировать и поставила на алтайском языке в юбилейные пушкинские дни два отрывка из «Бориса Годунова»: сцену у фонтана и сцену в корчме. Потом стали работать над отрывками из «Первой конной» Вишневского.

Прошло полгода. Студийцы начали увереннее ходить по сцене. Появились начатки мастерства. Талантливость отдельных студийцев вспыхивала яркими блестками. И тогда И.С. Забродин решил, что пора начинать работать над первым спектаклем. Выбрали пьесу «Чапаев» по Фурманову. Этот спектакль был как бы пробой творческих сил артистов-студийцев. В газетах появились отзывы: «Спектакль был еще далеко не профессиональным. Не было ансамбля, страдала выразительность речи. Но спектакль дал первый творческий толчок таким артистам, как Хабаров (Чапаев), Маскин (Петька), Какин (Фурманов), Сарина (Сотникова), Быйхыев (Бородач)».

В июне 1937 года, в день 15-летия Ойротской автономной области, на базе студии был создан первый ойротский театр. 21 студийец получили звание актера. Театр стал готовить «Поднятую целину» по Шолохову. В этом спектакле молодой театр выступил уже более окрепшим, сформировавшимся коллективом. Зрители видели на сцене образы живых людей: деда Щукаря, Половцева, бабки Ульяны. Они жили на сцене, ходили, говорили, страдали, радовались как у себя дома, в донской станице. Особенно хорошо сделал роль Маскин (Щукарь). Перевоплощение актера и игра его были настолько изумительны, что в аймаках некоторые сердобольные зрители пеняли художественному руководителю театра:

– Зачем вы этого старичонку возите по нашим дорогам, мучаете.

А когда Маскин выходил к зрителям без грима, они ни за что не хотели верить, что этот 23-летний юноша играл деда Щукаря.

Это уже было настоящее искусство.

3

В ойротском фольклоре есть сказка о необычайно быстром росте богатыря:

Два дня от рождения минуло –
«Мама» – ребенок промолвил.
Шесть дней миновало –
«Отец» – ребенок сказал.
На седьмой день на ноги встал.
На девятый – лук и стрелы взял,
К черной горе на охоту отправился.

Эти слова можно повторить в отношении ойротского театра. Энтузиазм молодых актеров, их природная талантливость и забота партии о развитии национального искусства резко сократили сроки становления театра. В первый день своего рождения он поставил «Чапаева», через шесть месяцев – «Поднятую целину», а на седьмой месяц театр «лук и стрелы взял» – приступил к репетициям «Грозы», одной из основных пьес русской классической драматургии.

«Гроза» – эпопея, которую не может миновать, – как справедливо указал как-то журнал «Театр», – «ни наша школа, ни читатель, ни зритель, ни актер, требующий достойного материала для своего творчества». Ойротский театр правильно поступил, что решил «не миновать» эту пьесу. Актерам была дана труднейшая, но благодарная работа.

Режиссер поставил в центре спектакля Катерину, а всем остальным персонажам «дал жизнь» лишь в тех рамках, которые помогают выделить основную мысль пьесы. Спектакль зазвучал, как спектакль

трагический, активный, с четко выраженной идеей протеста. На сцене искренняя, волевая, страстная женщина, метущаяся в душной среде Диких и Кабаних.

Сарина замечательно сделала свою роль. Весь образ Катерины она строит на переживаниях, с большой искренностью и простотой, и он встает перед зрителем волевым, исключительно обаятельным, поэтичным. Уже в первом акте, когда Сарина проводит диалог о снах, чувствуется, что Катерина «не как все», а «какая-то мудреная». Но вот открывается занавес второго действия и перед зрителем Катерина – метущаяся, вся протест, вся волнение. Ей, цельной и чистой натуре, душно в доме Кабанихи, и она страстно рвется из оков темного быта.

«Гроза» – это целая школа для актеров. Многие актеры ойротского театра вышли из неё выросшими, встали на собственные ноги, «лук и стрелы взяли». Алтарыкова в первом спектакле («Чапаев») выступала в эпизодической роли. В «Поднятой целине» она уже создала яркий образ бабки Ульяны. В «Грозе» она выступила в роли Кабанихи. Сначала она дублировала. Но после первых же спектаклей стало ясно, что роль Кабанихи принадлежит ей по праву. Она создала запоминающийся образ медлительной, монументальной, властной старухи. Прекрасно показали стихийный протест против «темного царства» Уксигешева и Кыстаев в роли Варвары и Кудряша.

Сарина играла Сотникову в «Чапаеве», Марину в «Поднятой целине». Но только в «Грозе» она получила большой простор для своего сильного артистического темперамента. Игра её трепетала искренним чувством. Когда Катерина – Сарина произносила знаменитый монолог о могиле, о могилушке, в зрительном зале плакали вместе с артисткой.

«Гроза» – это была первая победа молодого театра. После этой постановки в Ойротии было с гордостью сказано:

– У нас есть театр!

4

В начале 1939 года сбылась заветная мечта театра. Алтайский писатель Павел Кучняк закончил для театра пьесу на ойротском материале – «Чейнеш». Актеры получили близкий и родной для них материал.

Никогда еще в театре не работали с таким трепетом и подъемом, как над пьесой «Чейнеш». Её много раз читали. Просили автора вносить поправки, доработать отдельные куски. Автор охотно прислушивался к замечаниям, помогал актерам правильно понять тот или иной образ пьесы, помогал режиссеру, сам включился в состав труппы и стал готовить одну из основных ролей пьесы. Художественный руководитель театра ездил по аилам, беседовал со стариками, знакомился с жизнью, которую он должен показать в художественных образах на сцене. Композитор Ильин писал музыку. Кипела горячая работа.

Предстояло показать образ алтайской девушки, которая... Впрочем, посмотрим на сцену после открытия занавеса...

...Утро в Алтайских горах. Лесная ложбина, пни, валежник. Батрачка бая Козуйта молоденькая Ялакай собирает хворост и тихо поет грустную песню. По щекам девушки, кажется, текут слезы. Её только что избил хозяйка, «проклятая волчиха Чоочой». «Кто увидит горе моё? Кому я расскажу о своих обидах?». В лесу раздаётся голос:

– Ялакай! Где ты?

Ялакай вздрогнула, пугливо прижалась к дереву. Тревога оказалась напрасной. Это пришла вторая батрачка Козуйтов – Ботпой. Через некоторое время к ним присоединяется Чейнеш, дочь бедняка Содона. Далеко в лесу кукует кукушка. Ялакай, впечатлительная, непосредственная, задумчиво повторяет: «Куку! Куку, о чем она кукует?». Несколько минут птица кукует, улетая все дальше в лес, и под её напевное, печальное «Куку» Ботпой рассказывает подругам алтайскую легенду об этой птице. Чейнеш вслух мечтает: «Хорошо бы превратиться в птицу, взлететь высоко, улететь далеко-далеко!.. Туда, где всегда лето, всегда светит яркое солнце...».

Здесь образ Чейнеш перекликается с образом Катерины из «Грозы», когда она на берегу Волги вот так же мечтает: «Отчего люди не летают, как птицы?...». Чейнеш – такой же цельный, волевой, протестующий характер, как и Катерина. Катерина не могла «взлететь». Она была вынуждена броситься в Волгу. «Грустно, горько такое освобождение, – писал Добролюбов, – но что же делать, когда другого выхода нет...»

Жизнь алтайской женщины была раньше исключительно тяжелой, унижительной. Она была рабой бая, зайсана, мужа, брата мужа. Она не могла зайти на мужскую половину аила, всю жизнь не имела права снять с себя чегедек. Её продавали как вещь, ею распоряжались как собственностью. У алтайской женщины, если у неё вспыхивал хотя бы стихийный, неосознанный протест, не оставалось иного выхода, как оборвать свою жизнь.

– Нет, ни за что я не дамся им!
Лови меня, озеро Тюрген-Су!
И воды, мгновенный прыжок отразив,

Так писал Павел Кучияк в стихотворении «Смерть Янар» задолго до того, как он стал работать над пьесой «Чейнеш». Судьба Янар была судьбой многих женщин-алтаек.

Такая судьба ожидала бы и Чейнеш, если бы она жила в другое время. Впрочем, не будем забегать вперед, посмотрим, как развивается действие на сцене.

... В лесу кто-то заиграл на шооре. Девушки задорно запевают:

- Яркая звездочка, спутница месяца,
Где ты от глаз наших спряталась?
Где на шооре чудесно играющий?
Нам почему не покажешься?

В ответ на песню из тайги выходит Кара (батрак Козуйта)... Несколько минут общего веселия. Но его мгновенно гасит хриплый, сердитый голос хозяйки. Ялакай и Ботпой, напуганные, убегают. Чейнеш сознается Кара, что у ней очень тяжело на сердце. Её выдают насильно замуж за сына бая Козуйта – Яжная. «Милый друг Кара, спаси меня. Я не буду женой нелюбимого человека!» Кара, порывистый, решительный, весь загорается.

- Бежим! Видишь эти руки... Они сильные, крепкие, они будут рыть землю, они будут работать, защищать тебя.

В первой картине много песен. Они придают ей какую-то особую мягкую лиричность и определенную настроенность. Театр как бы говорит зрителю словами Чейнеш:

- Когда поешь, кажется, словно летишь куда-то.

Песни, сказки, пословицы, щедро рассыпанные по всей пьесе, не давят на её драматургическую линию, не делают её статичной, надуманной. Спектакль с начала и до конца дышит искренностью и жизненной правдой. Действие его развивается стремительно, динамично. Уже в первой картине завязывается драматургический узел пьесы, и она на всем своем протяжении разворачивается как туго стянутая пружина. Режиссер добился большой четкости и пластичности почти каждой сцены. Спектакль радует сыгранностью, стилевым единством актерского исполнения. Он весь музыкален. Это достигается и игрой оркестра, и песнями на сцене, и ритмом действия. В музыкальности постановки «Чейнеш» намечены, пожалуй, те черты ойротского театра, которые все больше и больше будут утверждаться и приобретут, возможно, характер стиля ойротского театрального искусства.

Время действия первых четырех картин – 1919-й год, когда на Алтае господствовало буржуазно-националистическое правительство – Каракорум. Театр «посветил в лицо» Каракорумцам. Как бы попутно, вторым планом он показал в спектакле, что Каракорум – это не «общенациональное единство» всех алтайцев – и бедняков, и баев, каким пытались изобразить его буржуазные националисты, а союз и единение баев, камов и зайсанов, и русских купцов, белогвардейцев против трудового народа; обман, насилие, эксплуатация и кабала. Народ в первые же дни понял истинную природу Каракорума. Правда, в начале действия бедняк Содон не уверен в своих силах и покорно говорит: «Воля неба посылать дождь и снег, воля зайсана судить и карать бедных людей». Он любит свою дочь и знает, что она будет несчастна с нелюбимым человеком, но дает согласие на сватовство баев Козуйтов. «Руки у меня очень короткие». Чейнеш насильно уводят в аил Яжная. Она в отчаянии: «Отец! Мать! Спасите!» Содон не в силах подняться с места: «Ничего я не могу... Милая моя Чейнеш, ничего я не могу».

Но вскоре же, в ходе дальнейшего развития событий, бедняки Содоны почувствовали, что руки у них сильные и воля тверда. С помощью русского народа, под руководством большевиков, они разгромили колчаковско-каракорумские банды.

Перед зрителем проходят колоритнейшие фигуры: кам Барогош, зайсан Кускенек, бай Козуйт, его сын Яжнай, русский купец Песков.

Актер П. Кучияк (автор пьесы) с большим мастерством сыграл роль бая Козуйта. Он создал образ жестокого, властного, но хитрого, ловкого человека. У него широкий жест, твердая поступь. Говорит он так, как будто никто, кроме него, не имеет дара речи. Ему все подвластно. Перед ним заискивает зайсан Кускенек, ему безропотно служит кам Барогош, дружбой его дорожит купец Песков. Под его тяжелой ногой может затрещать все, что ему не угодно. Но Козуйт предпочитает действовать иначе: не ломать, а сгибать.

Сын Козуйта, Яжнай, в исполнении И. Сабашкина – это молодой хищный волчонок. Актер исполняет эту роль с большим темпераментом и достигает исключительного внутреннего перевоплощения. Был такой случай. Из глухого урочища впервые приехала в город мать Сабашкина. Сына в тот час можно было увидеть только на сцене. Она села в зрительном зале и узнала в Яжнае своего Ванюшку. Она пришла в ужас. Её скромный, тихий, черноглазый сын стал таким дерзким, злым, самоуверенным...

Самый яркий образ в «Чейнеш» создан Якши Быйхыевым. Он играет кама Барогоша. Зритель не чувствует на сцене игры, перед ним сама жизнь. Начиная от походки и кончая тончайшими нюансами

голоса, – перед нами цельный, законченный образ кама, лицемерного, сладострастного, юродствующего.

Из-за кама Барогоша произошел любопытный «спор» в Онгудайском аймаке. В одном урочище алтайцы сказали артистам: «Такой же вот кам у нас был», а в другом урочище стали оспаривать: «Нет, этот Барогош точь в точь с нашего кама списан». А это значит, что автор и театр в образе Барогоша создали типический образ кама. А. М. Горький советовал начинающим писателям: «Если вы описываете лавочника, так надо сделать так, чтобы в этом лавочнике было описано тридцать лавочников, в одном попе – тридцать попов, чтобы если эту вещь читают в Херсоне, видели херсонского попа, а читают в Арзамасе – арзамасского попа». Так вот сделал свою роль талантливый Быйхыев.

Бледнее сделаны роли положительных героев пьесы – Кара и Куреева. Правда, в этом виноваты не столько актеры, сколько автор. Кара в пьесе почти эпизодичен, между тем именно образ Кара должен быть противопоставлен Козуйту. Куреев говорит только наставительные фразы, в пьесе он почти не живет как реальное лицо. Сравнительно лучше написаны и сыграны роли бедняка Содона (Тонкуров), его жены Баланки (Алтарыкова) и батрачек девушек Ялакай (Тыдыкова) и Ботпой (Саруева).

Из положительных персонажей – самый яркий, самый симпатичный образ – Чейнеш. Это большая победа и артистки (Сарина), и автора пьесы, и режиссера.

В пьесе много «быта». Сватовство, той, национальные игры, борьба, национальные обычаи. Это придает пьесе яркий национальный колорит, но и создает опасность утопить в быте идейный и психологический замысел пьесы. Театр избежал этого. Быт не заглушил живые человеческие голоса пьесы. Спектакль идет как спектакль психологический, а не бытовой. Линия Чейнеш является основной, ведущей в спектакле. Начиная с первого появления на сцене Чейнеш, образ её разворачивается как образ активный, протестующий, «требующий права и простора жизни». Протест Чейнеш, так же, как и протест Катерины, органический, хотя и «без отчетливого сознания». Она восстала против рабского положения алтайской женщины. Вот характерный диалог:

Баланка. Что поделаешь, раз девушкой родилась!

Чейнеш. Девушка – не человек?

Баланка. Глупая ты!.. Разве часто баи сватают дочь бедняка? Ты должна радоваться. Другие бедные девушки будут тебе завидовать.

Чейнеш. Мама, мама!.. Нет, не ты меня родила!

Мать лицемерит. Ей жалко свою дочь, но она ничего не может сделать и пытается убедить дочь, чтобы она покорилась. Чейнеш это понимает. «Наши отцы и матери – не защита для своих детей. Баи да зайсаны не боятся наших отцов». И она сама ищет выход. Кара предлагает ей бежать с ним. Она тянется к Кара. Она любит его, но...

Чейнеш. Куда мы убежим? Куда мы скроемся от Козуйтов, у которых есть быстроногие кони? Они догонят нас, они найдут нас... И тебя убьют, а меня заставят спать с их сыном, с ненавистным Яжнаем.

Кара. Нет, Чейнеш, не найдут... Андрей Куреев говорил мне, что скоро власти белых, власти их царя Колчака придет конец... Для нас настанет совсем другая жизнь.

Чейнеш насильно выдали замуж. Но у ней хватило решимости бежать из аила всемогущего бая. «Целый месяц мы прожили вдвоем в лесу, в горах, под открытым небом. Голодали, мучились от жажды, но любили друг друга, верили друг в друга, верили, что наша жизнь только начинается...»

В родную долину Чейнеш и Кара вернулись победителями. Кара – командиром отряда конных разведчиков красных партизан, Чейнеш – председателем сельревкома. Личное счастье и личное освобождение они нашли на пути освобождения всего народа от Козуйтов-Песковых. Эта мысль проходит подтекстом через всю пьесу.

Артистка Сарина в роли Чейнеш показала большое драматическое дарование. Решительность, самоотверженность, сила характера Чейнеш обрисованы ею правдиво и сильно. С особым подъемом и искренностью проводит она драматические сцены. В эти минуты в зале не остается равнодушных. Она заставляет зрителей вместе с собой страдать, бороться, протестовать.

В аилах всегда находятся женщины, которые так или иначе прошли путь Чейнеш. Спектакль вызывает в зрительном зале истерики. Алтайки, которые остаются до конца спектакля, подходят к актрисе и сочувственно жмут ей руки. Они не допускают мысли, что так можно сыграть Чейнеш, не пережив всего этого самой.

5

Театр живет на колесах. Его аудитория находится в аймаках, разбросана по всем долинам горной страны. Театр сделал уже 18 выездов, побывал в семи аймаках, в десятках колхозов, поставил там сотни спектаклей и концертов. С каждым новым спектаклем артисты выезжают в колхозы. И каждый новый спектакль зрители встречают все с большей благодарностью за доставленное наслаждение и с радостью за свой крепнущий колхозно-совхозный театр⁹⁶.

96. Сейчас, когда мы пишем этот очерк, театр ставит в колхозах новый свой спектакль – «Слуга двух господ» Гольдони.

В Ойротии маленькие колхозные поселки. Еще совсем недавно здесь люди кочевали. В новых поселках они пока не везде успели построить клубы, соорудить сцены. Артисты играют на временных подмостках, которые устанавливаются то в небольшой школе, то просто в пятистенной избе. Во время спектакля приходится открывать дверь, так как от спертых воздуха гаснет лампа. Да и за дверями остается еще много людей, и они хотят слышать хотя бы отрывки фраз, которые произносятся со «сцены».

Площадка для игры актеров сооружается до предела минимальной. Но и в этом случае бывает так, что в зрительном «зале» остается место для пяти-шести скамей. Зрители предпочитают сидеть на полу, тесно прижавшись друг к другу, чтобы «вошло» больше людей. На ферме Усть-Мутинского колхоза, где работают прекрасные стахановцы, в «зрительном зале» едва вместились одна кровать. На ней сидели все восемь человек стахановцев. На «сцене» играло двенадцать артистов.

Лучше бывает летом. Сцена сооружается на крыльце какого-нибудь дома, артисты выходят на нее из дверей избы, которая служит и кулисами, и гримировочной. А иногда сцену оборудуют на совершенно голой площадке. Фары автомашины освещают сцену, а когда нужно – производят соответствующие световые «эффекты»: блеск молнии, пожар, затемнение.

Приезд театра в колхоз – всегда большой праздник. Спектакль уже кончился, артистам нужно отдохнуть, но молодежь не отпускает их по квартирам. Одни просят показать «тот танец», который видели на сцене, другие просят повторить мотив новой песни. Баянист театра садится на какой-нибудь чурбан и «по просьбе» играет до боли в пальцах. Иногда бывает, что и струнный оркестр «повторяет» свои номера. Так начинается новый концерт вне программы. Он длится до утренней зари.

В Ойротии раньше не было танца. Его привез в аймаки театр. В его концертной программе есть и восточный танец, и русская пляска, и украинский народный танец, и чечетка, и испанский танец. Выступления танцоров всегда производят сенсацию. Вначале обычно не верят, особенно старики. «Это не живые, это кино». «Куклы пляшут, у них резиновые ноги». Бывают и такие восклицания: «Ой, это курмес»⁹⁷. Трудно верится, что люди, обыкновенные люди могут достичь такого темпа, ритма и пластики. Но вот театр приезжает в этот же колхоз через несколько месяцев, и артисты видят, как на лужайке молодежь свободно исполняет те танцы, которые когда-то они видели на сцене. Ойротия начинает танцевать.

Сейчас в концертной программе театра есть уже и ойротский танец. Он построен на пластическом изображении процессов труда алтайской женщины, и его встречают алтайцы особенно восторженно. Это пока эстрадный номер. Но пройдет еще некоторое время, и в Ойротии появится массовый народный танец. Мы находимся у колыбели его рождения.

Театр привез в аймаки песни. В Ойротии много народных песен. Театр в своем творчестве питается соками народной поэзии. Но он не механически переносит в свои программы то, что слышит в аидах, а творчески осваивает, обогащает. В народе были подслушаны «Песня о Сталинской Конституции», «Оборонная», «Комсомольская» и много других. Композитор Ильин написал на них музыку. И театр вернул их народу музыкально обогащенными.

В долинах Ойротии молодежь поет на алтайском языке много новых советских песен. Она впервые услышала их по радио и в исполнении хора Ойротского театра.

Раньше в Ойротии не знали струнных оркестров. Был топшур – музыкальный инструмент, вроде балалайки, с двумя струнами из конского волоса. Был шоор – дудка. Была икили – своеобразная скрипка. Был еще комыс – губной инструмент. Но они все были самодельны, грубы и никогда не звучали в оркестровом соединении.

Театр ездит по колхозам со своим оркестром, в котором играют те же инструменты, которые народ использовал сотни лет, но несколько окультуривизированными. Топшур был долбленным, без колка, без ладов. Сейчас кузов топшура стал клееным, введен колок, лады, волосяные струны заменены металлическими. Икили вместо волосяных струн получила жильные. Приподнят гриф, установлен механический колок, дан более усовершенствованный смычок. И топшур, и икили, не утратив особенностей национального звучания, стали богаче, звучнее. Сочетание этих инструментов дало возможность создать оркестр на 18-20 человек...

Ойротский театр уделяет большое внимание развитию национальной музыки. Пока он сделал начало. Все, чего он достиг, укладывается в одну концертную программу. Но фундамент заложен, на нем вырастет ойротская опера. Павел Кучияк, который сдал уже театру вторую драматическую пьесу, пишет сейчас для нее либретто.

В работу театра включился и народный кайчи Ойротии Николай Улагашевич Улагашев. На первой встрече с театром он спел актерам, кроме «Сынару», еще много песен и сказок. Престарелый кайчи как бы передавал молодым своим друзьям все богатство образов и мелодий, которые создал поэтически одаренный алтайский народ за многовековую свою историю.

97. Курмес – черт.

ЈАЖЫНА СҮҮГЕН ИСКУССТВО

Үлгерлер жуунтызынан алынган:

"Алтай совет үлгерлик" (Горно-Алтайск, 1987. - С. 55-56)

Сенин жүзинг башка өңдү,
Адыңды ончозын тоолоп болбос.
Сени кижини жилбиркеп көрөлө,
Сүүген соңында айрылып болбос.

Албаты сени узак жылдарга бүдүргөн,
Жылытпаска жүрегинде бек туткан,
Канча үйени өткүрө сени
Эрке балазындый чеберлеп экелген.

Сени көргөндөрдүн жүрөктөрүн ойнойт,
Чөрчөк жеринде жүргөндөй бодойт.
Сен - кунуккан жүрөктөрдүн эмчиси,
Сен - куучун баштайтан озочыл.

Каргандарды оморкодоп турадың,
Життер жүрүмүн чечекле оройдың,
Качан да билишпеген улусты
Бойунг ажыра таныштырадың.

Сен мени база бактырдың,
Бойунгды ээчип жүрөп эттин.
Бис экү туркаары кожо болуп,
Санаабысты экүнүнг жаңыс эттин.

Айас теңерини түндө көргөндө,
Каткырышкан жылдыстарла жилбиркейдис.
Агын сууны кемеле кечкенде,
Кайыкты экүлөп бирге эжедис.

Темир кушка экү отуруп,
Бурутты жеңил кезип жүредис.
Болот кара айгырга минип,
Городтон городко айылдап жүредис.

Бутты тудар сары балкашты
Буудак жогынан өдүп турадыс.
Каскак тавиты бийик кырларды
Канатту куштың ажыра учадыс.

Бисте жажырап неме жок, нөкөр,
Сүүшкенисти ончо улус билер.
Бис экүнүнг нак болгонысты, нөкөр,
Албатыбыс качан да ундыбай жүрер.

Сенин жажын - элбек алтамда.
Өңбос чечектеринг там жаранат.
Менин жажым жанаганда
Чечегим караң өңгөнү билдирет...

Менин жүрегим уйуктаар тушта
Сенле айрылыжар туш болор.
Жараш колыңды меге сунуп,
Жакшылажатар өң келер.

«Якшы болзын, кару искусство!
 Јаранып јүзүң чечекте,
 Мен најынды сен ундыба,
 Бистинг күндүни сен таштаба...

Мен сенен айрылбазым
 Үргүлјиге кожобысты билерим!» –
 Омок үнимле мен тың айдарым,
 Јүрегиме уйуктаарга бербезим.

1940 жыл.

Николай Глебов, П. Быстров

БАШТАП БИЧИИЧИ АВТОРЛОР КЕРЕГИНДЕ

(көчүрөөчи И. Шодоев)

(Кепке базылганы айыныча: Ойроттың комсомолы. – 1940. – № 42)

Бу жыл майда бистинг газет талдама куучындарга, стихотворениелерге, кожондорго, очерктерге ле чөрчөктөргө литературный конкурс жарлалган. Конкурс бойынын амадузында областьтын ичинде литературный күчти таап бириктирерге туры. Мында онын жаң керектү задачазы болуп јат.

Конкурс общественостыгы анчада ла јашоокүримдердин ортозында изү карууны тапты. Калганчы бйдө редакцияга көп стихтер келди. Стихтердин эң керектүзи төрөлин сүүгени, албатынын башчызы нөкөр Сталинди, Социалистический Алтай кемнин баштаганыла өзүп, тыгып турганын, Кызыл Черүни сүүп турганы болуп јат.

Бис эм тургуза јангыс ла баштап бичип турган поэттер керегинде, анчада ла једикпестери керегинде айдып турубыс. Эм тургуза куучындар, очерктер, чөрчөктөр ас келди, онын керегинде шүүлте эдерге арай эрте.

Баштап бичип турган поэттерден көп улус куучын бичигенинен стих бичиирге јенил деп бодойдылар. Онызы јастыра, стихтер – ол литературный творчествонын сырангај јаан, уур бүдүми болуп јат. Јакшы болзын деп эки-үч сөсти рифмалу эткени – ол јеткил эмес. Онын учурын, тилдин культуразын, эдилгенин билер керек, стих эдип јазаар законын, онын теориязы керегинде кандый бир јенил учурын билерге керек. Баштап бичип турган поэттерге (јангыс та ологорго эмес) бир де минутка үзүктелбес аргазын бедиреп, тилди јакшы билип, тилди, онын грамматиказын, стихтинг учуры ла бүдүмин јакшы иштеерге, билерге керек. Онойып иштеерге – јакшы үренер, база катап үренерине болуп јат.

Баштап бичип турган Г. Автомановтый, А. Буслаевтый, В. Иртановтый поэттер ле прозаиктер јакшы келишкедий эдип бичиирге кажы ла сөсти кичееп иштеп турулар. Онын ортозында јиит авторлордын ортозында бойын сырангај јетире билер поэт ле прозаик эдип чимеркеер темдектер бар.

Кош-Агаштан О. деп нөкөр бичип јат: «Менин произведениемди печатька элбеде јарлазын деп турум, не дезе, онын учуры Кош-Агаш аймакта малдын зыралынын базазын (!) бүдүрерине, албатынын санаазын ферганга (?) бурултар неме болуп јат. Мен баштап бичип турган сөстинг јурукчызы (темдектегени бис Н. Г., П. Б.) болуп, литературно-художественный ишти тыгыда бойыма иштеп јадым. Бу стихотворениени газетке салзаар, ол тушта мен база ийерим: «Салбазагар, база нени де ийбезим» – деп.

«Сөстинг јурукчызына» бис онын стихотворениези газетке саларга јарабас деп каруузын бердибис. Јартаарга бу стихотворениеден бир кичинегин айдып турубыс:

Палач салкын килебестен чөлдү
 Јуудат.
 Ташты кемирет, кумакты дезе
 Казып чачат.
 Бу чөлдө Кош-Агаш јурт бар,
 Деп јер бойында онойдо адайт.

Онын санаазында салкын ташты кемирип турар, кумакты казып чачып турар, кандый да история алдында коркушту неме болуп јат. Түндегени келишпейт. Салкын кумакты апарар, ташка табарар аргалу, автор бойынын бичигенинде онын керегинде айдарга керектү болгон. Сананган сагышла, палачтый салкыннын характеристиказы колболбойт.

Кош-Агаш јер бойынын болуп јат деп ајдат. Бу чын ба? Кычыраачы авторго бүдүнбейт, не дезе Кош-Агаш ол районный центрдинг официальной ады болот, өскө башка ады јок.

Кош-Агаштан ӱскӱ автор редакцияга «Чӱл» деп стих ийген, произведениени сырангай бичик бил-бес кижги бичиген. Ондый болзо, ол «јузун-јуур литература» бичип турган (?) «јакшы талантту писательге «квартира база кӱп акча берзин» – деп, эмеш те кемзинбей айдып јат.

Николай Куликов – комсомол, ӱредӱлӱ кижги ондый ок уйатту меге келет. «Красная Ойротияда» ондо бир стихотворениезин газетке салган. Ол ого чуулданып, редакцияга ӱчӱркеген письмо бичиген: «Менин стихимди не салбай турыгар? Тегин заметканы салып, ого гонорар тӱлӱп, менин стихимди салбай туругар» – деп.

Бу темдек кезик јинт авторлордын ортозында сайыркак элемент болгонын, олардын јӱп болгоны деген керегинде бойынын творческий ижинде эрчимдӱ иштеер кӱӱни јок болгонын айдып јат.

Конкурстын комиссиязына јангыс ла стихти бичинрин билери јанынан эмес, је тилге бай болгоны – эң керектӱзи. Олордын идейно барып јатканы, јакшы стихотворениелер келет. Ондый стихтер «Лети экспресс», «Дорога» ла ӱскӱзи де болуп јат. Олордын авторлары поэзия јанынан бойына эрчимдӱ санып иштеп, онын бажына једерге алтам бажына бойына јолды јазап алып барып јатканы – танылу болуп јат.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ОЙРОТИЯ» 1941 г.

Павел Кучияк

Матка ячменя

(литературный перевод Б. Каирского)

№ 52 (1 мая)

На левом берегу быстротруйной Семы, по обеим сторонам серо-синей ленты Чуйского тракта раскинулись домики деревни Камлак. Было время, много лет подряд в воды говорливой Семы вместе с многочисленными горными ручейками стекали горячие народные слезы, и Сема несла их бурной Катунью, а та – дальше, в степи... Тревожным эхом отдавались в горах стенания и народный плач. Лучшие долины и плоскогорья покрывались росой бедняцкого пота... Так было.

Давно унесла безвозвратно Катунь народные слезы; не плач, а песни веселые разносит по горам эхо. Песни радостного, дружного, созидательного труда.

Сегодняшний Камлак – Камлак колхозный.

Мы пробыли два дня в сельхозартели имени Сталина. Встав утром, мы не увидели праздничношатающихся людей, не услышали криков: «Иван Иванович, на работу! Почему спишь долго, Матрена?» и т.д. Пульс колхозной жизни бился ровно и уверенно, как у здорового человека.

– К нынешней весне подготовку мы начали с ноября прошлого года, – рассказывал председатель колхоза Игнатий Степанович Семенов. – Да иначе и быть не может. В колхозе по-кампанейски работать нельзя. Круглогодичная непрерывная работа налажена – значит, и дело будет спориться. Жизнь-то, ведь, не кампания! Вот, сейчас сеять начали и к сенокосной готовимся. Травка нас ждать не будет. А проспим – время упустим.

Весна не спешила с приходом. Колхозники с нетерпением ожидали окончания таянья снегов. Бригадир полеводческой бригады № 1 Василий Павлович Цымбаленко рассказал нам:

– И моя, и вторая бригада давно были готовы к севу. Ждем-ждем, а снег все не тает. Хоть помогай солнышку! – говорят колхозники.

Наконец, появились проталины. 20 апреля от каждой бригады выехало по звену. Утром я встал пораньше, чтобы звеньевых разбудить. Смотрю, а они уже лошадей запрягли, вожжи в руках держат, ждут, чтобы команду подал.

А солнцу колхозники бригады Цымбаленко, действительно, помогли.

26 апреля была закончена бороньба на вытаявших участках.

На той же полосе больше 5 гектаров вспаханной земли лежало под толстым слоем снега.

«Вот теперь солнышку помочь придется, чтобы оно нас не задерживало», – подумал Цымбаленко. Несколько коротких указаний и распоряжений, и железные зубья борон врезались в плотно лежащий снег.

Назавтра к полдню освобожденная от снега земля дышала полной грудью и жадно впитывала остатки талого снега. Еще через день она приняла в себя чистые, как золотой град, зерна пшеницы.

– Как с дисциплиной? – спросили мы у бригадиров.

Товарищи Цымбаленко и Жерноков улыбаются:

– Кому ж теперь после постановления о дополнительной оплате лодыря корчить захочется? Верно, есть еще отдельные люди, которые нормы не выполняют, а насчет выхода на работу или опозданий – этого нет.

В обеденный перерыв на коротком производственном совещании тов. Семенов попросил одного из бороноволоков:

- Расскажи, тов. Казанин, почему это так получается: вот ты 150-200 процентов нормы выполняешь, а рядом с тобой работают, на такой же земле, на одинаковых лошадях и одной нормы не натягивают? В чем секрет?

- Какой тут секрет? Кони у меня такие же, ноги тоже не длиннее, чем у других. Шагаю себе, не торопясь, но зря и не останавливаюсь. Ну, еще... - Казанин задумался, - еще, когда утром на работу иду, сена вязанку захватываю. Ноги устанут - покурить сяду, коням сена-то и дам. Вот они веселее ходят так до обеда. В обед коней покормим и снова до вечера. Когда работать любишь - все хорошо будет. Почему другие не выполняют? Вон - Морозов рядом со мной боронит: два следа пройдет - ляжет. Кони стоят, а он себе полеживает. Тучки ли считает или пташек слушает, шут его знает! Злобин, так тот коня из строя вывел. Вот и норму-то не выполняют. Забыли пословицу: «Весенний день - год кормит».

Тов. Казанин, трудясь сам честно, не дает спуска лодырям - расхитителям драгоценного времени. Он - заботливый хозяин в своем колхозе. Он хорошо понимает, что ему и колхозу приносит добросовестное отношение к труду.

И таких, как Казанин, в колхозе десятки.

В поле мы встретили старого Чачаева Солунка. Долгую жизнь он прожил. Много видел за свои 87 лет. Хоть трудно, а не вытерпел - пришел на пашню. Любуясь на работу гусеничного трактора, старик говорил:

- Когда-то эту землю андазыном* козыряли, да и из-за самой земли до рукопашной доходило - кому бы получше кусок захватить. А теперь смотри: железных коней с огненным сердцем запрягли, сразу полдолины боронами захватывает.

Солунка берет горсть земли, ласково разминает ее ладонями, на ладони остается «матка ячменя» - личинка майского жука. Он любовно рассматривает червячка и довольно улыбается.

- Урожай нынче большой будет. Видишь, какая «матка ячменя» полная!

- Она, дедушка, полная потому, что третий год землю кормим, - сказал кто-то из колхозников.

- Да, верно это, - задумчиво проговорил Солунка, - червяк какой маленький и то полный стал, а большая земля во сколько раз пополнила, а? Хорошо советская власть придумала: землю мы удобрениями кормим, а земля нас хлебом кормит... хорошо!

С противоположной стороны полосы, рокоча мотором, возвращался трактор. Мы уступили ему дорогу...

* Деревянная соха.

Григорий Автоманов

Враг, пощады не жди

№ 83 (11 июля)

Враг поднялся войной, но удар наш двойной
Получила орава лихая.
Нет вам чести иной! Вы кровавой слюной
Захлебнетесь, как псы издыхая!
 Всей отчизной идем за любимым вождем,
 Никогда мы не будем рабами!
 Не сломать наш подъем - под железным дождем
 Враг устал путь своими гробами.
Гнев народа - гроза на стервяхьи глаза!
Мир поднимем на гитлеров, крупов!
Пусть увозят назад не добычи воза -
Только горы разбойничьих трупов!
 Есть обычай таков у героев-стрелков:
 Брать отвагою в огненной буре.
 Ярость наших штыков, доблесть красных полков
 Враг изведет на собственной шкуре.
Русь рвала по лесам глотки рыцарям-псам,
Славу предков мы носим поныне.
Гитлер, помнишь и сам - немцам дал по усам
За разбой народ в Украине.
 Гонишь лютый свой сброд на советский народ,
 Нет бандитам ни хлеба, ни жизни!
 Ты пойми, сумасброд: тверже горных пород

Патриоты в могучей отчизне!
 Враг смертельно постыл! Враг еще не застыл!
 Выйдем в бой несгибаемым строем!
 Сердце фронта – весь тыл, героический пыл
 На полях, на заводах устроим!
 Враг, пощады не жди! – так сказали вожди.
 Никогда мы не будем рабами!
 Враг, безумен, – иди под стальные дожди,
 Устилай путь своими гробами!

Григорий Автоманов

Джигит
 № 89 (25 июля)

Мне пела дочь милого края:
 «Вор ломится в нашу семью...
 На седла, джигиты Курая!
 Орлы, растерзайте змею!
 Брань трусу, а слава – герою!
 Отвагой прославь наш колхоз;
 За стадом твоим шаг утрою,
 Стахановкой выпасу коз».
 Сказал мне акын Кош-Агача:
 «Есть смелому песнь у меня».
 Я вспрянул, от радости плача:
 «Сквозь пламя пуцу я коня!»
 Аул весь – встревоженный улей,
 Кто с нами – тот сердцем не стынь!
 Спешите мстить Гитлеру пулей.
 Сыны желтогорбых пустынь!
 Великую силу дал Ленин,
 Он гордость зажег нам в глазах –
 Батырь не встает на колени,
 От раны не стонет казах!
 Аркан на враге не ослаблю,
 Долг выполню, Сталин-отец!
 Как молнию вынесу саблю,
 Как ливень обрушу свинец!
 Мой клич – визг пурги над равниной,
 Мой натиск – взлет вихря в грозу;
 Конь вздыбится яростью львиной –
 Фашиста срублю, как лозу!
 Возил я тоску на верблюде,
 У бая слез вылил семь рек...
 За жизнь, чтоб не плакали люди,
 Борюсь я, степной человек.
 Смерть богу фашистского «рая»,
 Мечь злomu за братьев, сестер!
 На седла, джигиты Курая,
 Загоним змею на костер!
 Друзья, – вам успеха с посевом,
 Мечите на славу стога.
 Джигиты, испепелим гневом,
 Развеем по ветру врага!

Весь наш народ ополчился против фашистских захватчиков. На фронте и в тылу рождается невиданный героизм. Среди отважных героев – светлый образ капитана Гастелло. Мужественный воин советской земли, летчик-сталинец, ценою своей жизни, взорвал вражеские цистерны с горючим. Этот взрыв прогремел грозным предупреждением врагу. Гитлер и все его приспешники еще раз убедились, что они столкнулись с непреодолимой силой – советским патриотизмом, способным вышибить оружие из их окровавленных рук. Советские люди всех возрастов, общественных положений горячо любят свою родину. Этим благороднейшим чувством пронизывается государственная и общественная деятельность граждан, их повседневный быт, поведение, настроения, труд. Оно особенно ярко выражается в дни отечественной войны. Недавно ойрот-туринец Петр Сергеевич Столбцов провожал на фронт сына, бывшего пехотинца. Шагая с ним в ногу, старик псучал:

– Яша, в цепи копай скорее ограждение для головы. Ляжешь за валик, а лопату воткни наискосок перед собой. Понял? Пуля попадет в лопату – срикошетит. Было так на опыте. Или вот фуражку поодаль на дудочке повесь. Немец будет стрелять в фуражку, лоб высунет. А ты его по лбу из винтовки – раз! Лежи, подлюга!

– Ладно, тятя! – улыбается сын.

– В штыки пойдешь – смекай. Не маши винтовкой в стороны, туда-сюда. Бей штыком прямо, с разгона.

– Дельный совет, тятя! Буду делать так. Столбцовы крепко обнимаются. Молодой мчит на запад, старый идет в мастерскую.

Этот эпизод примечателен одной характерной особенностью: отец спокойно расстается с сыном, учит его быть сметливым бойцом, советует искуснее применяться к обстановке боя, чтобы больше, как можно больше поражать врагов. Чем же в данном случае объясняется поведение Петра Сергеевича? Только любовью к родине, ненавистью к её врагам.

Война выдвинула строгую перестройку нашего труда. Люди стали требовательнее к себе и к другим. Вопрос – «что я сделал для фронта?» – вошел в обиход как повседневная заповедь. Чтобы выполнить её, надо работать втрое больше, чем прежде. Так и поступает Екатерина Ивановна Плюхина, учительница начальных классов 12-й школы гор. Ойрот-Тура. Она в каникулы еще задолго до занятий приготовила учебные планы, наглядные пособия, обошла квартиры учеников, проверяя подготовленность детей к учебе. Учителя Онгудайской средней школы заменили рабочих-строителей, оштукатурили и побелили комнаты новой школы, заработок внесли в фонд обороны страны.

Что же побуждает этих товарищей и тысячи им подобных работать вдвое больше, браться за любое дело, лишь бы оно было на пользу родине, лишь бы их труд был ударом по врагу? Только патриотизм – пламенный, величественный. Характер советского человека наиболее отчетливо определился в дни суровых испытаний. Человек, воспитанный большевиками, целиком отдает себя служению родине, борьбе с захватчиками.

– Мой муж на фронте сражается с фашистами. А я – что? Буду сидеть, сложа руки? Никогда! Для меня нет часов, минут, не занятых работой, – вот слова красноармейки П. Михайловой. Она, работая мастерицей в ойрот-турской пошивочной промартели «Ойротка», выполняет нормы более 180 процентов. Пастушка из колхоза имени Молотова, Кош-Агачского аймака, Суринова, одна пасет яков в горах.

– Ты не боишься? – спросили её.

– Мой муж с винтовкой защищает родину, – отвечала казашка. – Врага не боится. И я не знаю страха. У меня ружье. Ни волка, ни вора к стаду не допущу.

Нам навязана война. Советские люди мужественно встали лицом к фронту. Все их помыслы, гигантский трудовой подъем устремлены к единой цели: раздавить фашистскую гадину. Тыл и фронт в этом стремлении неразрывны. Эту неразрывность ярко подчеркивают письма бойцов на родину и ответы на них из тыла. До последней капли крови будем биться за отчизну, за родного товарища Сталина. Трудитесь по-стахановски, больше накапливайте оборонных средств. Сплоченностью фронта и тыла уничтожим подлых бандитов, – пишет красноармеец товарищ Кричевцев коллективу ойротской конторы связи.

– Дорогие наши сыны, – отвечают связисты. – Сражайтесь с врагом в полной уверенности, что мы всеми силами, удесятеренным трудом поможем вам разгромить фашистское зверье.

Враг злобствует. Красная Армия разгромила его лучшие дивизии, провалила его план «молниеносной» войны. Она вымещает злобу на раненых красноармейцах, населении. Коричневая чума убивает детей. Наша молодежь, наши дети преисполнены самой жгучей ненависти к заклятым убийцам.

– Не пожалеем сил, труда, а если надо и жизни для защиты нашей счастливой юности, — заявили

комсомолки Е. Антонова, Г. Борзенкова, В. Шадрин, выражая общее настроение всей молодежи Ойротии. Эти девушки отличились на полевых работах в колхозе имени Кирова, Эликманарского аймака. Они связывали в день по 1000 снопов при норме 600 снопов. Нет такого уголка в нашей области, где бы комсомольцы не стояли на первом месте в промышленности и сельском хозяйстве. Родина превыше всего! – боевое устремление комсомольцев, молодежи. Оно вдохновляет их на трудовые подвиги во имя победы над врагом.

– Родина – превыше всего!— Эти слова должны глубоко запасть в сердце всех патриотов Ойротии. Их, как лозунг, надо пронести на все участки промышленности, сельского хозяйства, мобилизации средств.

Война требует работать по-военному. Люди, вооруженные сталинской нетерпимостью к врагам родины, одерживают победы на трудовом фронте. Силы наши растут с каждым днем. Сплоченные еще теснее вокруг коммунистической партии, вождя народов товарища Сталина, мы добьемся победы на фронте борьбы с фашизмом – злейшим врагом всего человечества.

Григорий Автоманов

**Фронту – все важное
№ 124 (15 октября)**

Вечер. Гудение
Двух веретен;
Мягко в их пение
Голос вплетен:
«Милые воины,
Верьте словам:
Силы удвоены –
Вам, это – вам!
Вышли на ворога,
Грозны, как львы;
Все, что нам дорого –
Вы, это – вы!
Прялочка новая,
Пряжа нежна;
Куртка пуховая
Другу нужна.
Руна у ярочек
Чище порош;
Другу подарочек
Будет хорош».
«Доченька, золото –
Добрая речь!
Сеяно, полото –
Надо беречь.
Нами взлелеяны
Стаи орлят;
Славой овейны,
Мощью бурлят.
Фронту – все важное,
Всякий запас!
Племя отважное
Бьется за нас.
Спорят с морозами
Шубы, пимы;
Фронту обозами
Вышлем их мы».
Полночь. Молчание;
Пух подметен;
Громче жужжанье
Двух веретен.

**Московский Государственный Педагогический Институт
им. К. Либкнехта в г. Ойрот-Тура
№ 136 (12 ноября)**

В Ойрот-Тура приехал Московский Государственный Педагогический Институт им. К. Либкнехта. Прибытие в Ойротию квалифицированного профессорско-преподавательского коллектива столицы, включающего видных представителей физико-математических, исторических, химических и психолого-педагогических наук, имеет крупнейшее общественное значение.

Институт разворачивает в первую очередь работу двух факультетов: исторического и физико-математического. Начат прием студентов на все курсы. Кафедры института возглавляются профессором-доктором исторических наук А. З. Ионисиани, заслуженным деятелем науки профессором-доктором Н. Г. Тарасовым, профессорами-докторами физико-математических наук А. Н. Зильберманом и Г. Е. Гуревичем, профессором-доктором педагогических наук К. Н. Корниловым, профессорами К. П. Новицким, П. И. Поповым, В. И. Спицыным, К. К. Милоновым.

Помимо регулярных занятий со студентами, институтом организован научно-популярный лекторий для широкой аудитории. Начиная с ближайшей недели лекторий приступает к чтению лекций на актуальные темы: «Воспитание воли и характера», «Героическое прошлое русского народа», «Борьба свободолюбивых народов Европы против немецких агрессоров», «Иран и происки немецких фашистов в Иране», «Современная химия и война» и ряд других.

Институт предполагает также организовать систематическую работу с учащимися старших классов: создание кружков – математических, исторических, психологических под руководством профессоров и доцентов, чтение популярных лекций по географии, физике, химии, математике, истории, проведение экскурсий, олимпиад и т. д.

Для учителей г. Ойрот-Тура и прилегающих районов запроектировано проведение регулярных занятий по типу институтов усовершенствования учителей – по педагогике, психологии, истории, географии, философии, физике, химии, математике.

Для работы института областными организациями предоставлено здание Ойротского Педагогического училища.

Внимательное отношение областных организаций к разворачиванию работы Института имени К. Либкнехта создает благоприятные условия для его деятельности и является важным залогом успеха в работе.

И. Симонов

**Институт имени Мичурина
№ 139 (19 ноября)**

20 ноября с. г. на 2-м, 3-м, 4 м, и 5-м курсах Плодо-овощного Института имени великого русского ученого И. В. Мичурина начинается учебный год в гор. Ойрот-Тура. Студенты с чувством глубочайшей преданности родине приступят к овладению знаниями, необходимыми для творческой работы в колхозах и совхозах.

Переезд Института непосредственно из Мичуринска в Ойротию неслучаен. Наличие плодово-ягодного пункта, естественно-природные богатства области, возрастающий интерес населения к развитию плодоводства и овощеводства, широкие возможности к осуществлению этих мероприятий – все это создает нашему Институту перспективы для благотворной деятельности.

Вместе с коллективом профессоров прибыли работать в Институте сын и дочь великого русского ученого – Николай Иванович и Мария Ивановна Мичурины; депутат Верховного Совета РСФСР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор С. Ф. Черненко; заведующий кафедрой овощных культур, орденоносец М. К. Хаев; заведующий кафедрой плодоводства, профессор Н. Г. Жучков; заведующий кафедрой физики, профессор И. Н. Оболенский; профессора С. К. Гусев, С. С. Рубин и другие. Скоро прибудет в Институт заведующий кафедрой селекции, лауреат Сталинской премии, доктор сельскохозяйственных наук П. Н. Яковлев.

С первого дня приезда развернули общественную работу кафедры основ марксизма-ленинизма (зав. кафедрой доцент В. И. Станкевич); механизации сельского хозяйства (зав. кафедрой кандидат наук С. П. Сачли); агрохимии (зав. кафедрой доктор наук профессор С. К. Гусев); земледелия (зав. кафедрой профессор С. С. Рубин).

При Институте организуется специальный лекторий; будет прочитан ряд лекций для трудящихся гор. Ойрот-Тура по вопросам текущей политики, дарвинизму и др. специальным темам. Заведующий кафедрой ботаники, кандидат наук В. В. Новиков готовит лекции по дарвинизму; лекции о И. В. Мичу-

рине прочитает заведующий кафедрой физиологии растений, кандидат наук Н. Б. Поплавский.

Мы согласовали вопрос с Ойрот-Турским райкомом ВКП(б) о проведении силами Института курсов председателей сельсоветов и колхозов. В Институте организована комиссия по организации мичуринского кружка из любителей учителей, учащихся, врачей, рабочих и служащих.

Несмотря на сложную и напряженную военную обстановку, мы в полной готовности встретим начало учебы. Это еще раз свидетельствует о неисчерпаемых резервах и ресурсах, которыми располагает наша родина.

Мы во многом уже перестроили свою работу. С самого начала отечественной войны студенческий и преподавательский коллектив Института не прекращает своей трудовой деятельности. Десятки студентов ушли добровольцами на фронт. И с ними, ПЛАМЕННЫМИ патриотами родины, ушел секретарь первичной комсомольской организации Института И. Г. Иванников. Он пал смертью храбрых под Смоленском, отстаивая честь и свободу любимой родины. Значительная часть студентов помогала колхозникам на полевых работах.

Сейчас задача всего профессорско-преподавательского коллектива – подготовить в короткий срок высококвалифицированных специалистов сельского хозяйства. Этой важнейшей задаче должна быть подчинена вся учебная работа Института. В грозные дни борьбы советского народа с фашизмом в стенах Института будут выковываться кадры патриотов, всегда готовых под знаменем Ленина-Сталина выступить на защиту родины; кадры энтузиастов науки, могущих творчески претворить в жизнь слова великого ученого-ботаника И. В. Мичурина. «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача».

Таусия Тоцакова

**ОБЛАСТНОЙ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ БАШТАПКИ
КОНФЕРЕНЦИЯНЫҢ ИТОГТОРЫНА**
(Кепке базылганы айынча: Кызыл Ойрот. – 1941. – № 8)

Ойротский бичик ле ойротский литературный тил Октябрьдан ала тӧзӧлгӧн.

Ойротский тил ӧскӧ национальностордын тилдери чилеп каан Россиязында школдордо токтодулу болгон. Ойротияда каан тужында бир эмеш тоолу школдор болгон. Ӱредуни олоордо орус тилге ӧткӧрген.

Октябрьский Социалистический революциянын кийинде литературный тил ӧзӧп, Ойротиянын колкучиле жаткандарды социалистический культурага бириктирерине ийделуу рычагтардын бирӱзи боло берди.

Социализмниг строительствозында тил сырагай жаан учурлу болуп жат. Албатыга ончо керектуу болгону, ол тӧрӧл тилге айдып болбой турган болзо, ол жадагай арткан албаты болоры жарт, танылу, онын учун ленинско-сталинский национальный политиканын тӧзинде национальный тилди ӧскӧрер ишти элбедер, тӧрӧл тилге литература эдип саларында, школдор ло политпросветучреждениялер тӧзӧбринде – задача онызында болды....

Ойротский литературный тилдин баштапкы ӧзӱми, бичикти ӧзӧр эдер некелтени бӱдӱрерине, алфавитти тӧзӧӧр планда тилдин баштапкы ӧзӱмин, баштапкы орфографияны, грамматиканы ла ӧскӧни де лаптап саларына турушка болзо, калганчы ӧйдӧ дезе ойротский албатынын производственный кӱчтери ле материальный культуразы кубулган тӧзинде, литературный тилдин, национальный литературанын, стабильный орфографиянын, тилдин литературный эрмеги бир болорынын, терминологияны, стабильный грамматикаларды, анчада ла синтаксисти ле литературный тилдин стилистикасын ла ӧскӧни де ӧзӱмдӱ эдерине – жаңы задачалар кыйалта жоктон тура берди.

Ӧткӧн жылдарда бу керекле ас эмес иш бӱтти, же ол координированный болбоды. Литературный тилди ӧзӱмдӱ эдеринде: бӱткен иштин жуулган бастыра ченемелин бир системага эдери керектуу болгону, оны школьный ишчилердин, писательдердин, авторлордын ла кӧчӱречилердин турушканыла шӱӱжерге керектуу болгону практика кӧргӱсти.

Бу задачаны бӱдӱрерге албаты ӱредуниг областной отделы 1940 жылда, декабрьдын учында областной языковедческий научный баштамы конференцияны жууды, ол сырагай керектуу мындый сурактарды:

- а) ойротский литературный тилди кирези ле онын ӧзӱминин перспективтери керегинде;
- б) общественно-политический терминдерди практический тургузары ла принциптери, база кӧчӱриштин качествозы керегинде;
- в) ойротский литературный тилдин алфавит ле орфографиязы керегинде шӱӱжип бӱдӱрди.

Языковедческий научный конференциянын тӧс учурлузы – литературный тилдин нормаларын тургузарында, онын ӧзӱминин ӧскӧ жолдорун таап аларында, орфографияны стабилизировать эдеринде, терминологияны тургузарына – принциптерди жартап тургузарына. Онын практический ки-

чеенкейлү болгонын темдектелди.

Ойротский литературный тилдин кирезиле, онын өзүминин перспективтери керегинде (доклад-ла) нөкөр Бабушкин куучын айткан. Нөкөрлөр социалистический строительствонун сыраңай жаан жеңүлдердин шылтузында Ойротский тил сыраңай кубулганын темдектедилер. Ол государственный официальный тил, советский аппараттын тили, школдорго үредүнин тили боло берди, оныла жүзүн-базын дисциплиналарга учебниктер чыкты, үренчиктер мунан төрөл тилине билимге јединдилер.

Тилдин өзүминде ондый сыраңай жаан көдүринги Ойротский автономный областтын 20 жылы туркунына бүтти, тилдин исторический өзүмине онызы сүрекей кыска ой. Тегининде, тилдер жүсүл-дыктарга өзөдилер. Ойрот тилдин түрген өзүми, классовый обществонон көрө, торт өскө төслө ол өскөнине ле культуранын, тилдин төзөбчилери эксплуататорлор эмес, ойрот албатынын колкүчиле јаткан массалары болгонына учурланат.

Бойынын өзүминде ойрот литературный ла эрмектин тили мындыйыла байыган да, байып та туру: а) интернациональный ла орус сөстөрди, темдектезе, совет, колхоз, промышленность, государство, Советский Союз, Конституция, полевод, доярка ла өскөзин де тузаланганыла;

б) төрөл тилдин сөстөринең ойротский тилдин сөс бүдүрөөчи суффиксынын болужыла жаңы терминдер, темдектезе, вождь-башчы, пятилетка-бешылдык, рабочий-ишмекчи ле өскөзи де бүдүргениле;

в) өскө сөстөрлө тузаланып, олардын учурын жаңы учурга, темдектезе, ударник-мергендүчи, соревнование-мөрөй – деп кубултканыла.

Литературный тилди төзөбринде ле кеберлү эдеринде, художественный литературный роли сыраңай жаан. Онын учун төрөл тилле литература төзөбри, эрмектенер тилге сүрекей јууктап, ууланар учурлу.

Сөстөрдин тоозы јанынан ойротский тил сүрекей бай эмес ошкошты көрүнөт, је тоозы дезе качестваго көчөр учурлу. Тоозы көп сөстөрлө чике тузаланып, элбек санаалар айдарга келижер. Темдектезе, Павел Кучияк писательдин произведениелеринин тили сыраңай чүмдү болгоныла башкаланат. Нөк. Кучияк төрөл тилдин лексический байыла јакшынак маневрировать эдет. Онын произведение-леринин тили ойротский литературада аңылу јерде турат. Павел Кучияк, орден тагынган чөрчөкчи Н. Улагашев бойынын албатызына учурлу произведениелер берип, эмдигизине јетире танылу эмес болгон, ойротский албатынын творчествозынын јөбөзүн орус бичик кычыраачыларга көргүстилер. Олардын произведениелеринин тилин ойротский литературанын мынан ары өзүминде кебери эдип салар керек.

Јаңыс литературный тилди популяризация эдерине, ойротский литератураны јеткил эмес чыгарганы – тутак болгонын, куучын айткан улус темдектедилер. Онын учун ойротский поэзиянын ла прозанын эң артык кеберин бичикке чыгарып, бу литератураны кычырар улуска түрген једерин лаптаар керек. Ончо библиотекалар ла изба-читальняларда ойротский литературанын отделениелерин төзөп, үредүчилерге литературный минимум тургузар керек. Тилдин сурактарына общественный ајаруны тартарга, периодический печатты элбек тузаланар керек. Квалификацияны көдүрер курстар ажыра төрөл тилдин преподавательдерин үредер керек. Көчүриштердин ле газет тилин массага јарт, танылу эдип, мынызына көчүришке ле редактирование тилдин эң артык мастерлерин тартар керек.

Бу ончо мероприятиялерди бүдүрерге, јартаачы элбек ишле колбоштырар учурлу. Культурный көчүриштин ийделү рычагы, социалистический культуранын бастыра өзүмине ойротский албатынын колкүчиле јаткан массазын, бичиктер аргазы тил болгонында, литературанын ончо өскө бүдүмдеринин төзи – тилдин культуразы болгонын темдектеер керек.

Терминологияла көчүриштин качествозы керегинде докладтар (нөк. Куранаков ло Шабураков) сыраңай јилбилү этти. Литературный јит тилдин терминологиязы сыраңай түрген өскөнинең улам, бу суракты теоретический тургузарына бис сүрекей сондоп турганыбысты куучындаган нөкөрлөр јолду темдектедилер.

Терминологический иш башталганынан ала башка-башка ишчилердин индивидуальный творчествозы болуп өткөн. Онын учун бир јанынан ондый болгоны. Экинчи јанынан дезе, мынызына принципиальный кату јакыталар јок болгон учун терминологияла иш канча-канча сүрекей јастыраларга барды.

Ойротский тилге марксизм-ленинизмдин классиктеринин произведениелерин, партиянын ла башкарунын сыраңай керектү решениелерин көчүрери, массовый, политический, научный, производственный, технический ле өскө дө литератураны чыгарары сыраңай жүрүмдү задача. Онын ортодо терминологияны јартап тургуспаганы, көчүрген иштерди ондоп билери јанынан качествозыла јабыс продукция берди.

Үредүнин литературазында кичи ондоп болбос формулировкалар учурайт, сүрекей јастыралар бар, онызы төрөл тилдин преподавательдери јанынан јарабазы болот.

Онон ары конференция «Кызыл Ойрот» областной газеттин практикага јарабас көчүрижин темдектеди.

Терминологияны баштатырар практический мероприятиелерди ле якылталарды конференция тургузып, онызыла коштой көчүриш ишти чике јолдоп көндүктирерин, оны јарамыкту бийикке көдүрерин темдектеди. Ончозынан озо терминологияны канайда тѳзѳрин, оны бѳдѳреринде аайы-бажы јок болгонын ажындыра токтодып, конференция јартады.

Конференциянын калганчы доклады ойротский тилдин алфавидине ле орфографиязына токтоды.

Школ керегинде башкарунын ла партиянын калганчы решениелеринин ле онойдо ок бастыра ѳредѳнин задачалары аайынча орфографияны тѳзѳр принциптерин тургузар сурак анчадала сѳре-ендѳ тургузылды. Мынызыла коштой орфографиянын кезик ээжилерин практикада аайы јок тузаланганынан улам, эмди де бар орфография ла орфографический практика канча-канча једикпестѳ болдылар.

Орфография керегинде докладты шѳѳшкени, тѳс учурында – орфографический системаны тургузарда, онын тѳзине салынган принциптерди кѳстѳбрине ууланды.

Јер бойында орфографический иштиг кирезин шѳѳлтеге алып, орфографиянын сырагај актуальный мындыј сурактарын: а) сѳстин ортодо морфологический ле фонетический бичинр аайын (тазылда ла кожултада); б) сѳстѳрди, онын бѳлѳктерин кожо ло башка-башка бичинри, база дефисле тузаланарын јартаачы ла јарталган сѳстѳр; служебный сѳстѳр лѳ бѳлѳгештер ле ѳскѳзинде; в) сѳстѳрдин ичинде фонетический бѳдѳмдерди бичинри (ѳнгѳрлердин гармониязы, ѳндѳлѳрдин узуну, ѳнгѳрлердин ассимиляциязы ла ѳскѳзи де); г) интернациональный ла ѳрене берген сѳстѳрдин орфографиязын тургузарын конференцияга темдектеди.

Тилдин ле бичиктин блаашту болгон канча-канча сурактарын јартап ијеринде конференция бѳдѳрген иш баштапкы ченеш болды. Тилдин тѳс јолдорын темдектегениле конференция јарамыкту рольду болгоны јарт.

Константин Симонов

ЕДИНОБОРСТВО

(от специального корреспондента «Красной звезды»)
(Печатается по: Красная звезда. - 1942. - № 186)

Этот эпизод еще можно было назвать «Четырнадцать и одна».

Четырнадцать – это танки. Немецкие средние танки марки Т-3, образца 1939 года. 50-миллиметровая пушка, два пулемета, четыре человека команды.

Одна – это пушка. Русская, полуавтоматическая, 76-миллиметровая пушка. Когда мы говорим о пушке, это означает, что мы подразумеваем орудийный расчет – семь бесценных бойцов и их командира лейтенанта Илью Шуклина.

Биографию воина в наше суровое время принято начинать с первого подвига. Биография Ильи Шуклина только что началась. Но если говорить о предыстории еѳ, то это будет обычный рассказ о человеке, родившемся двадцать лет назад в глухом алтайском селе Черный Ануй, о русском школьнике – сначала пионере, потом о комсомольце, сначала о зачинщике детских игр, потом о заядлом спортсмене. Это будет один из тысячи рассказов, в которых нет ничего особенного до той минуты, когда старый школьный учитель вдруг вспоминает вихрастого паренька, сидевшего на задней парте, и с гордостью говорит: «Да, он учился у меня в классе».

Шуклин кончал десятилетку в первые дни войны. Всю последнюю зиму ему хотелось скорее кончить школу. Артиллерийская музыка звучала в его ушах, черные петлицы с золотыми скрещенными пушками волновали его юношеское восбражение. В его семье любили артиллерию. В артиллерии служил его дядя Терентий Шуклин, в артиллерийской школе учился его брат Андрей. Лучший его друг Иван Попугаев тоже скоро должен был стать лейтенантом артиллерии. В мае, перед самой войной, Шуклин одновременно получил письма и от брата, и от друга. «Давай к нам в артиллерию», – писали они, по-мальчишески уже чувствуя себя матерыми артиллеристами.

В первый же день войны, вернувшись из школы после очередного экзамена, Шуклин сел за стол и написал заявление, начинавшееся со слов: «Прошу принять меня...»

Так началась военная учеба. Какой длинной она казалась! Как мучительно было читать каждый день сводки с фронтов, а самому все еще ездить на полигон и все еще стрелять учебными снарядами по условным мишеням. Если бы это зависело от Шуклина и курсантов выпускали по одному, он бы, кажется, спал через день, чтобы кончить училище вдвое быстрее.

Был весенний день, но снега еще не стаяли. Поезд шел через снежную тайгу, через бесконечные сибирские станции и полустанки, все дальше на запад. В одном из вагонов ехал молоденький, только что выпущенный из училища лейтенант, с двумя новейшими золотыми пушечками на черных петлицах.

Впереди была война.

Человеку дано высокое право в минуту тяжелых испытаний чувствовать себя особенно необходимым родной земле, чувствовать, что именно его, лично его присутствия не хватает там, где в крови и огне решаются судьбы народа. Не поехать туда было бы невыносимо. Именно с этим святым юношеским чувством ехал Шуклин на фронт. И мысль о бездействии была для него несравненно страшнее мысли о смерти.

Сначала Шуклин попал на фронте в дивизию, стоявшую во втором эшелоне. Это была для него почти война, но все еще не война. В первых числах июля фронт придвинулся. Шуклину пришлось получить боевое крещение в тяжелые дни. Тяжело в двадцать лет, когда ты полон романтики и юношеского пыла, начинать свой боевой путь с отступления. Правда, дивизия по нескольку раз в день переходила в яростные контратаки, правда, она отходила последней, пробиваясь через вражье кольцо и сжигая немецкие танки, но отступление все-таки есть отступление, и Шуклину, который в эти дни почернел от пыли и оброс, первый раз в жизни было так тяжело.

Он зывел все свои пушки и всех своих людей, за исключением нескольких, павших на его глазах на поле боя. В эти дни он дрался много и жестоко, но в нем все еще не рождалось ощущение подвига, чувства, что он делает именно то, о чем мечтал в школе, к чему стремился, уезжая сюда, на войну.

Во второй половине июля дивизия твердо укрепилась на позициях и начала сразу наступать. Жить стало сразу как-то веселее. Если раньше, во время отступления, командуя своей батареей, Шуклин чувствовал только ненависть, только ярость, то теперь он впервые познал чувство упоения боем. А проходя то место, по которому бил, он мог, наконец, видеть результаты своей работы. Если раньше, после боя, в короткие минуты, вырванные для сна, он молча смыкал глаза и засыпал мгновенно, словно проваливался в бездонную черную пропасть, то теперь, как бы он ни устал, ему все равно хотелось перед сном поговорить о только что прошедшем дне, о вдруг вспомнившихся деталях боя.

И он замечал, что бойцы его тоже разделяли такое чувство. Впервые за все время они вечером, сев в кружок, мурлыкали песни, а командир орудия, заводила и плясун Акиншин, голосом изображал музыку.

Орудия много работали, как никогда, и однажды перед вечером явившиеся на батарею специалисты из полевой мастерской заявили, что без срочного ремонта из орудий стрелять опасно, а короче говоря – нельзя. Командир дивизиона приказал отвести орудия в рожицу, за ближайшую деревню.

Всю ночь и все утро ремонтировали пушки. А в двенадцать дня, в разгар ремонта, с передовых позиций стала слышаться все более ожесточенная канонада. Помощник командира полка, подскакавший на взмыленном коне, еще не слезая, спросил, в каком состоянии орудия, можно ли из них стрелять. Мастера сказали, что сейчас, в эту минуту, можно стрелять лишь из одного орудия, и то – тут они покачали головами, – не исключена возможность разрыва ствола.

– Ничего, – вдруг сорвался с места командир орудия сержант Акиншин. – Мое орудие не разорвется, я его знаю. Поедемте, товарищ лейтенант!

Но Шуклину уже не нужно было этого говорить. Он уже отдавал приказание о выезде на позицию. Помощник командира полка сказал, что немецкие танки, стремясь задержать наше наступление, пошли в контратаку и под рукой сейчас нет больше ни одного орудия, кроме этого.

Орудие прицепили к трактору, и трактор рванулся с места. Шуклина уже не было, он поскакал на коне вперед, чтобы выбрать позицию. С ним вместе поехал командир взвода лейтенант Мальцев. Шуклин выбрал позицию в густой ржи, на гребне холма, откуда расстилалась широкая панорама и был хорошо виден гребень соседнего холма, где, очевидно, и должны были появиться немецкие танки.

Шуклин нетерпеливо ждал орудия. Наконец оно подъехало вместе с трактором, полным снарядов. Лейтенант установил пушку на позицию и снова верхом выехал на самый гребень. Именно в эту секунду он увидел на горизонте силуэты танков, двигавшихся к лежавшей слева деревне. Сначала он увидел десять, потом еще и еще. Всего он насчитал тридцать. Один за другим они появлялись на гребне ближайшего холма. Это было очень заметное место – как раз на перекрестье отмеченных на карте дорог. Шуклин сверил эту точку на местности и на карте, определили расстояние и прицел и спервого же снаряда зажег танк.

Танки шли на него фронтально, огибая высотку. Вслед за первым снарядом последовала целая серия. Сидя в двадцати метрах от орудия на коне, он корректировал стрельбу и непрерывно командовал: «Огонь!». Когда был подбит третий по счету танк, остальные экипажи засекали, очевидно, расположение орудия и с ходу открыли огонь. Снаряды рвались кругом. Орудие по приказу Шуклина мгновенно сменило позицию и снова начало стрелять. Потеряв еще несколько танков, немцы снова нащупали орудие. Теперь снаряды ложились совсем близко.

Шуклин продолжал корректировать огонь, не сходя с коня. Рожь была высока, и видеть поле боя как следует можно было только с коня. На десятом танке снаряды стали подходить к концу. Шуклин приказал водителю трактора Осадчому ехать в тыл, за километр отсюда, подвезти снаряды. Трактор пошел напрямик через открытое поле. Вокруг свистели осколки, но он тархтел и шел. Значит, водитель был жив.

Тем временем Шуклин продолжал вести огонь. Осколком ранило в бедро командира взвода Мальцева и тут же вслед за ним наводчика Ромашева. Вместо него за панораму сел красноармеец Каюмов. Снаряды были уже на исходе, когда вернулся трактор с новым запасом. Осадчий вместе со связным красноармейцем Лончаковым стал подавать снаряды, и в эту минуту его тоже ранило в бок.

Впереди дымилось уже двенадцать танков. Остальные, развертываясь, стали уходить за бугор, но два из них, оставшись на высотке, теперь повели огонь уже не с хода, а с места. Надо было менять позицию, но обессиленный водитель неподвижно лежал во ржи. Шуклин в первый раз за все время боя слез с лошади. Прицепив орудие к трактору, он сам сел за руль и оттащил его еще за пятьдесят метров на новую позицию. В эту секунду подскочил связной из штаба дивизии.

– Кто здесь ведет огонь? – отрывисто спросил он.

– Я, – устало сказал Шуклин, вылезая из трактора.

– Командир дивизии приказал передать, что он благодарит! – крикнул связной.

Шуклин снова сел на коня, и опять загрохотали выстрелы. После нескольких удачных попаданий были подбиты еще два танка. В последний, четырнадцатый, попадание было особенно удачным, и он сразу вспыхнул.

Наступила минутная пауза. Потом сбоку из-за холма, прямо из ржи, выскочило пять немецких машин с пехотой. Они обогнули овраг и пошли прямо на орудия. Шуклин дал несколько снарядов, разорвавшихся впереди, а потом приказал Акиншину сразу перенести огонь назад, на край оврага.

Испуганные первыми выстрелами, немцы развернулись и задержались у края оврага. Здесь их и настигла целая серия снарядов. Только двум машинам удалось спуститься в овраг. Три, подожженные прямыми попаданиями, загорелись на месте.

Выстрел, которым была зажжена последняя машина, был последним выстрелом орудия. Предсказания мастеров наполовину сбылись: отказала полуавтоматика, перестал закрываться затвор.

Но сзади, из-за перелеска, показались, наконец, подходившие из тыла на помощь новые орудия.

Четырнадцать подбитых и зажженных танков были теперь хорошо видны на бугре. Одни еще дымилась, другие просто темнели во ржи неподвижными темными пятнами.

Артиллеристы варят в котелках суп из молодой картошки. Вкусный дымок поднимается над котелками. Немецкая дальнобойная артиллерия обстреливает рощицу, и над свежими воронками тоже поднимается еще не рассеявшийся сизый пороховой дым. Мы сидим рядом с Шуклиным. У него озорные черные глаза и веселое, очень молодое лицо. Но оно вдруг делается по-мужски серьезным, когда он рассказывает о бое. В его лексиконе нет слова «подвиг». Может быть, даже то, что он сделал, он сам не считает подвигом, но по счастливому выражению глаз чувствуется, что этот бой был исполнением его желаний, самых заветных и самых сильных. Он вспоминает о том, ради чего ехал сюда, и его мальчишеское лицо сразу становится вдохновенным лицом мужчины и воина.

А потом, задумавшись, он вдруг начинает вспоминать о событиях совсем недавних, не имевших отношения к войне, – о матери и отце, живущих в далеком городе Ойрот-Тура, о товарищах-комсомольцах из города Ойрот-Тура, где он был членом бюро райкома комсомола, и о девушке Вале Некрасовой, которая уехала на Дальний Восток в военно-морской флот, и последнее письмо прислала с дороги, из Новосибирска.

И мне хочется, чтобы, прочитав этот номер газеты, отец и мать Шуклина были горды своим сыном, чтобы комсомольцы Ойрот-Туры вспомнили своего товарища, на которого им нужно быть похожими, и чтобы девушка Валя Некрасова знала, что её любит настоящий хороший человек с верным глазом и крепкой рукой солдата.

УЛУ СТАЛИНГА

Ойротский автономный областтыгн 20 жылыныг кўнинде алтай
албатыныг письмозы

(Кепке базылган айынча: Кызыл Ойрот. – 1942. – № 56)

Улу башчыбыс!
Трудта ла жууда
эрчимде, жангаксыбазында,
ченемелдин кату кўнинде,
Бойыныг ак-чеги ле жайымы учун
кара ордаларла
јенўлу тартышкан кўнде,
Качан бастыра телекей фашизмди

өчүркөп көргөн күнде,
 Алтайдын ыраактагы бийик тууларынан
 Уткуул ийип турубыс, командир ла
 башчыбыс сеге!

Хрустальду туулу ла чапкыр көлдү ороондо
 Көп суулу Аркытла, Чарышла, Кадынла
 Ойротиянын жайым албатызы бүгүн эзенет.
 Санаазы күзеп, сөзин Кремльге ийет:
 – Бүгүн тойлоор күн эмес,
 Биске жаан учурлу да күн болзо,
 Же мактулу уткуулды сагыбаска турубыс.
 Алтай тууларындагы көчкүндери
 Жадын жүрүмнүн чынын билди,
 Советтер ороонынын чечектеген садына
 Түнгөй биледий киргеннен бери
 Бүгүн-жирме жылы бүтти.
Улу башчыбыс! Жирме жылга чыгара
 Партия бисти жөнү жолунча апарат.
 Лениннин үредүзи карануйда жарыткыш болот.
 Канайда сүүмчилү жүрүмгө тартыжуда бедерине,
 Канайда эдип, үренип, журтаарына
 Бисти ончобысты ол үредет!
 Алтай албаты иште ле жууда
 Ырыс жаар эрчимдү барып жат.
 Лениннин партиязы. Сталиннин партиязы
 Бисти бу ырыска ижемчилү баштап жат!
Озогы тушта карануй болгонын,
 Бис ончозын жарт билерибис.
 Бу карануйды катап көрбөскө,
 Бүгүн бис сүүнер эдибис.
 Туулу Алтайда балдарысты бис
 Сталинский күн жаркынында чыдаттыбыс,
 Же ологго ло биске жууктаарга турган
 Кыйын-шыраларды ундубазыс.
 Озодо каргышту кул болгон керегинде
 Санаабыс бистин уйандатпазыс.
 Жирме жыл ... Тын да узак эмес
 Бис балдар болуп жүргенис.
 Ачу-корон сыгытты укканыс,
 Төрөлисте ыйлап, онтоп жүргенис.
 Жайзандар адаларысты колго туткан.
 Камдар кара «үредүзин» жайган.
 Кожойымдар, бийлер ле абыстар,
 Казыр колду ачап шилемирлер,
 Крестле, камчыла, аракыла,
 Бисти түбекке түжүрүп, жыргагандар.
 Байга иштегенде, курсак бербейтен.
 Албатынын кыйынынан жер ончозы онтогон.
 Улу тынып кунукканда,
 Алтын-Көл жарадынан ажатан.
 Жоктулардын көзинен жажы аккан.
 Ончозы ондый болгон.
 Озогы өткөн жүрүм керегинде
 Орденду кайчы Улагашев Николай
 Ончозына жүрүп, көрүп келгендий,
 Чынынча кожонго жураган:
Жаргак тоным жардымда
 жылу тутпас болгон эт.

Јутпа байлар азыйда
 Күчүм жиген болгон эт.
 Корум таштын койнында
 Койон кирип жада калт.
 Коо жараш жаш тушта
 Кожон айдар күүним калт.
 Озогызын сананза,
 Онтудан өскө неме жок.
 Онын бүгүн ордына
 Октябрьдын чүмдейлик:
 Бүгүн чыккан Кызыл Күн
 Озогызынан жаркындү.
 Бүгүн жүрген өскүрүм
 Озогызынан ырысту.
 Өзөк-жикте кыйналган,
 Өгжибес журтыбыс ундулды.
 Өмөликке жуулышкан,
 Колхоз журтыс тыңыды.
 Эки-жангыс малыбыс
 Элбеп тоозы көптөди.
 Жүрген жаскы суу чылап
 Жүрген байып өгжиди.
 Жаш балдарыс бичикке –
 Јана баспай үренет.
 Јажы јаандар сүүнип,
 Јаш болорго күүнзейт!
Сен бистин Төрөлибис! Сеге эмес болзо, кемге айдатан
 Жүрүмде кандый тартыжу, бис оны көрөрис.
 Карыгандар жүк ле ырмааттанган санаага бас.
 Айдары жок жакшынак јединдибис
 Албатынын үлгерлеринде, куучындарында, табыскактарында
 Жакшынак керектер ле амадулар жуунадылды.
 Алтайдын тууларында, куучындарында ла керектеринде
 Албатынын геройлары, чөрчөктөри табылды.
 Бистин баатыр Сартакпай
 Төрөл Алтайын жагыртарга сананды.
 Јол жазап, субактар касты.
 Баатыр күчин кысканбай беринип,
 Кайкамчылу күрди бүдүрерге сананды.
 Кадын суузын бактырып болбоды,
 Бир мажактап жүс үрен аларга.
 Бистин албаты чөрчөктө амададылар.
 Албатынын куучынында билгир баатырлар
 Јылдан жылга бойлары угушты.
 Албаты өштүзинен коруланып тартышкан,
 Каандардын бажын оодо соккон.
**ЛЕНИН ЛЕ СТАЛИН ЈОЛДЫ КӨРГҮСКЕН ТУШТА
 АМАДУЛАР ОНЧОЗЫ ЖҮРҮМДҮ БОЛГОН.**
 Бистин албатынын кеен кожонгында
 Јайым мүркүттий кожондошконы тегиндү эмес:
 Келер баатыр эмес – тегин кижн.
 Чөрчөктөрднн керектерин эдип турганын билерис.
 Бистин Сталинский јыргалду өйдө.
 Јинт ороон озогызын чөрчөктөр эткен.
**АЛТАЙДЫН МӨНГҮ ТУУЛАРЫНДА
 БААТЫРДЫН КЕРЕКТЕРИ КҮЧТҮ ЈАРТАЛГАН.**
 Алтайда жаңы советский өй башталды,
 Бу советский жылдардын туркунына
 Мөнгү кайаларды јолдор кезип өттн.

Кадын суузына күр салынды.
 Јоктулар байга мүргүген жерде,
 Бөкөйип андазынла тырмаган жерде
 Колхозтын элбек жалаңы болды.
 Тракторлор кобыларда күүлеп туры.
 Ас бычык айылдар турган жерде.
 Колхоз журтыбыс чечектеди.
 Колхозтын кирелтези өзөрдө,
 Трудокүн жылдан жылга байыды.
 Кан-Оозынан темдектеп алзагар,
 Каганович ады колхоз-миллионер.
 Кош-Агаштын «Мухор-Тархата» колхозы
 Он мундар малдарды өскүрүп, оморкоды.
Озогыда мал сооктон өлөтөн,
 Эмди колхозто үчтен ферма төзөлгөн.
 Кышка азыралды белендеп жадык,
 Бистин малыс үрендү, су-кадык.
 Јүс үрендү мажакты ефромовтор тапты,
 Јүс пудтан тужумди кырадан жуунасты.
 Туулу жерлерге аш бүтпес – деп,
 Јөргөмөштү толыктарда «теория» таркаган.
 Алтын-мөңүн Ойротто жок деп,
 Кабинетте амырынча талмудтар бичиген.
 Бу «укаалар» салкынга чачтырды,
 Курайдын чөлдөринде аш бышты.
 Алтайыбысты бис шиндеп көрдибис,
 Урал ла Кавказта бүткени ончозы барын таптыбыс.
 Большевистский керекти табар иш болорында
 Кандый бир буудак тудуп болор бо?
 Мичуриннин «Природадан быйан сакубас» – деп сөзи.
 Сибирьде сад өскүрген ээжи төзөгөзи.
 Бистин туулу жерлерибисте
 Колхозтын жараш садтарында
 Јүзүн жилектер быжып турганда,
 Бис кожондошпой канайып отуратан.
 Мичуриннин өскүрген жилектү агаштары
 Алтайда мундарла отургузылган.
 Колхозты, турабысты ару тудуп жадыбыс.
 Радио, книга, кино, газет, театр
 Бис чыдадып алган артисттер, поэттер
 Тузалу культураны биске көргүзедилер.
 Вузтар, жарык школдор, садтар, яслялар
 Бистин балдарга чике жолдор,
 Жаңыс ла үренигер, билигер, өзигер!
Бистин Үредүчибис! Јүрүмде не барын, нени эткенин
 Ончозын тоолоп болбозыбыс.
 Мынын ончозына бштү кара санайт.
 Онойто ологго неме болбос.
 Неге једингенистин ончозы учун
 Тын туруп тартыжарыбыс.
 Кыйын-шыранын учурын бис билерибис!
 Алтын Украинанын јайымы ла ак-чеги учун,
 Белорусс наајыбыстын туразын шоктогону учун,
 Бу бандит андарды јаман өчтөп,
 Обь суунын комы бүктелет.
 Кадын суузын эмес, албатынын өчин
 Элбек јайылган чөлдөргө јетирет!
 Бистин јаман көргөнис, салда мизин курчыдат.
 Өч балтыр эдибисти болоттый кадырат.

Туу кара суузы чактарга агар
 Алтын жүрүмбис үргүлжиге турар.
 Ару сүрлү Алтайыбысты өштүлөр
 Качан да болзо, артадып болбостор.
Бистин Баштайчыбыс! Жуунын жылдарында
 Фронтко, черүге, ороонго болужарга,
 Ончо санаабыс оны кичеейт.
 Жагыс ла онын керегинде
 Тун-түш бисти иштендирет.
 Жегү бойы келбезин билерибис.
 Фронт тылла биригип, жегүни сулайт.
 Кажыбыс ла жегүлөрдү эдечилерге кичеенип,
 Фронттын ла трудтын жуучылдары болдыбыс.
 Алтайда жыл жагы, военный болуп,
 Фронтко металл керектүзүн билип,
 Туулардагы жажытту металлдарды коскорып,
 Рудниктерди бис төзөдүбис
 Жегүнинг күндери ылтам болзын деп,
 Черүге снарядтарды бис бердибис,
 Өштүлөрдү оодо согорында фронтко болуш эдип,
 Центнерле аш, эт, үс, сүт, тук бердибис.
 Продукталарды – снарядтарды көптөн эдерге,
 Герой-жуучылдарды десе неден де түрөтпеске,
 Мында терең тылда бис билерибис:
 Бистин мылтык – трактор ло салда,
 бистин патрондор – аш!
 Фронтто өлүмдү, калапту жууларда
 Эрчимдү тебүле геройлор бүткөндөр,
 Онойып ок туулу тылдагы военный күндөрдө
 Трудтын геройлору бүдүп чыктылар.
 Областьта ончозы сүүгени тегиндү эмес.
 «Тылдын гвардеецтери» – деп, тегиндү адаган эмес
 Жаан урожайдын – жаан мастерлерине.
 Он үч талдама ууларга, кыстарга.
 Трудта жегүлери учун төрөл жаан орооныс,
 Ордендерди бергени тегиндү эмес.
 Урожайдын мастерлеринин жозогын – мааныны,
 Салданы, аттарды, сеялканы, тырмууштарды ла тракторлорды
 Жууга шыйдынып алгандый бис апардыс,
 Жүк ле ой келерде, кыраны баштадыс.
 Туулу Кан-Оозы гвардейский нштеп.
 Беш майга кыра планын ажыра бүдүргөн.
 План үстүне эки мун гектар үрендеген.
 Кан-Оозынын колхозторы парды баштаган!
 Көксуу-Оозынын, Ондойдын ла өскө дө аймактын колхозторы
 Бийик урожайдын жакылтазын бүдүрди.
 Военный жасты бойынын ойинде божотты.
 Өткөн жылдагызынан көп үрендеди!
 Жажыл кебис кылгалар өсти,
 Жакшы өзүмиле бисти сүүндирди.
 Бистин жүрегеристе ижемчини тыгыдар,
 Бу жыл туулу жерлерде военный урожай болор.
 Бистин туулардын карына жетире
 Чечектү өлөндөр өзүп чыкты.
 Жаксы кыраны эрте баштагандый,
 Бистин черүге, фронтко, ороонго
 Продукталарды эки-үч катап көп берерге,
 Мал өзүминин төзөгөзүн төзөдүргө,
 Көк жажыл өлөң учук,

Мундарла обоголор учун,
 Умаазы жок көп азыралдар учун
 Бис база ла катап белетенип турубыс!
Бистинг Сталин,
 Кызыл Черүге, ороонго ло биске берген
 Сенин баштапкы майдын жуучыл приказын
 Биске кычырулу ла жакынталу жаңыланды,
 Кажы ла карууга ижемчилү чертендибис.
 Оштүни бу жыл оодо согорго,
 Бастыра күчибисти ишке саларыс,
 Кандый ла уурлар биске коркушту эмес.
Сталин айткан болзо, эдер учурлубыс!
 Пионер балдардан ала карыгандарга жетире
 Ончозына белен болгонын ла болорын,
 Алтайдын ончо тууларында
 Иштеп турганын фронт билзин.
 Калапту жууларда ла тартыжуларда
 Жүрүмиске ле каныска кысканбазыбыс.
 Ада-төрөлисти, журтыбысты ла жерибисти корулаарга,
 Кандый да жеткерден жалтанбай барарыбыс;
 Тоолу ойгө фашисттердин кыйынына түшкен
 Карындаштарыбысты айрып алары учун,
 Жадар туразын жемирткендерге болужары учун,
 Бойыбыстын жайымыс ла ак-чегис учун.
 Ырысту балдардын жүрүми учун,
 Жескимчилү оштүни жеңип салары учун,
 Кажы ла катудан коркубай барарыбыс!
 Эрчимдү уулдарыбыс төрөлин корулаганына,
 Бистинг санаабыс оморкоп жат.
 Бар жүрегинде өчтин жалбыжыла,
 Үзүктелбеген жууда оштүни сүрүп жат.
 Боевой эрчимдү труды учун,
 Сен мактулу «Красный звезда» орден берген,
 Комиссар Алексей Какиндий уулдарды
 Фронтко бергенисле оморкойдыбыс.
 Геройлорго мак! Олорго тын күч берилген,
 Олордын алдына Темир-Санаанын,
 Кёкин-Эркенин, Алтай-Буучайдын,
 Кан-Толонун күчтерин алгажын,
 Баланын күчине түңгей, шилидий тоскок болгон,
 Бистинг жуучылдардын күчи сүрекей бек,
 Ондый күч кемде де жок.
 Ондый эрчимдү ийде-күч жууларда бүдет.
 Оштүнинг шибеезин оодо согот.
 Карындаштарынын, адаларынын, энелерининг акту
 каны учун,
 Оогош өскүс балдардын көзининг жажы учун,
 Бу мындый ийде-күчти
 Очтөөргө шүүнген албаты берди.
 Ондый ийде-күчти жуучылдарга ороон берген,
 Ондый ийде-күчти жуучылдарга Сталин берген!
 Оштү шилемирлерин канча да көп ийзе,
 Бис ончобыс түңгей ле жеңип саларыбыска,
 Боецтер ле бис жуучылдар иженип турус.
 Ненинг учун дезе трудта ла жууда
 Бойыбыстын жайымысты корулаар макта
 Бисти улу СТАЛИН баштап жат!

*Колкүчиле жаткандардын депутаттарынын областной Советининг, Ойротский автономный область-
 тын 20-чи жылыно учурлалган VII Сессиязы письмону жарадып алган.*

ОЙРОТТОР БИЙИК ҰРЕДУ АЛГЫЛАЙТ
(Кепке базылганы айымча: Кызыл Ойрот. – 1942. – № 60)

Бийик ұредулу ойроттордың тоозы сыраңай ла көп эмес. Бу жыл 16 үренеечи тил ле литературный ойрот бөлүгининг баштапкы курсы божоткылап жат.

Төрөл тил ле литератураны, оның түүкизин студенттер үренедилер. Олор алтайлап ончо жакшы куучындашкылайт, же литературный тилле коомой. Оның учун олор ойрот тилдин урогында бойло-рынын санаазын төрөл тилле чике айдарына үренгилеген.

Профессор Кабо жебрендеги бйдөгизинен баштап, Алтайдын экономический ле физический географиязын кычырды. Алтайдын географиязы керегинде систематизированный материал, учебник жок. Оны төзөөр учурлу, онойдо ок өскө дө предметтердин учебниктерин бичиир керек.

Бистин выпускниктер келер бйдө Алтайдын тилин, литературазын, историязын, географиязын терен билип, үренип алар учурлу, же жаңыс ла үренип алары эмес, культураны да төзөөр учурлу. Бу күндерде олордың үлүзине быйанду, каруулу иш түшти.

Иштеерге көп келижер. Же бистин студенттер оной коркыбайдылар. Темдектезе, отличница Елена Зарибко ойрот фольклорды үренерин баштады.

– Мен балдарды сүүп жадым, сүрекей сүүп жадым, школдо мен күүнзеп иштеерим деп, ол айтты. – Меге, менин өскө дө нөкөрлөриме ойрот тилине жаңы учебниктер, хрестоматиялар бичиирге келижер. Ол ончозы солун, оның эн ле аңылузы – бистин албатыга керектүзи. Ол керектү болгондо, мен жазаарым. Отличница Полина Осипова алтай литератураны түүкизиле сыраңай терен соныркайт, же ого бойыла иштеерге келижер. Бистин задачабыс жаңыс ла ойрот тилдин ле литератураның преподавательдерин белетеери эмес, же научный да ишчилерди белетеери болот. Оңдуй мактулу задачаны бис бүдүрерибис.

Жаңы үредулу жылга бисте ойротский тилдин ле литератураның кабинеди төзөлип жат. Институттын профессорлары ла доценттери, Ойротиянын научный ишчилери ле писательдери Алтайдын культуразын үренеринде семинарлар өткүрер. Ойрот литература керегинде кандидатский диссертациянын белетүүзи төзөлип жат. Күскүде бисте база 30 студент үренер учурлу. Чындык үренерине ле иштеерине способный орто үредулу эн артык улусты талдап аларына аймакный организациялар ла партиянын райкомы биске болужар учурлу!

Москвада К. Либкнехттин адыла адалган государственный педагогический институт

1942-43 үредулу жылга тилдин ле литератураның факультетининг Ойрот бөлүгине студенттер аларын жарлап жат.

К. Либкнехттин адыла адалган МГП Институтта литфактын ойрот бөлүгү ойрот тилдин ле литератураның преподавательдерин белетеп жат, орто школго, педучилищеге, рабфакка орус тилдин ле литератураның, онойып ок ойрот тилдин ле литератураның үредүчилерин белетейт.

Ойрот бөлүкте үренер ой – 3 жыл

Ойрот бөлүкке орус ла алтай тилин билер 17 жаштан ала 22 жашка жетире орто үредулу (10 жылдын школын, педтехникумды, рабфакты божоткон УЛУС алынар). Учуралда чөлбө жер бар болзо, орто школдын курстарын, педтехникумнын 2 курсы божоткон улусты алар.

Институтка угузу-бичиктерди 1942 жылда 1 ала 15 июньга жетире алар.

Заявлениени директорго берер, оныла кожо беретен документтер.

1. Автобиография
2. Образованиени керегинде аттестат эмезе справка
3. Паспорт (оны бойы көргүзөр)
4. Уч фотожурук
5. Военнообязаннозы керегинде справка (военнообязанный болзо, биледи)

Ойрот бөлүктинг студенттерин жадар жерле, столовыйла жеткилдеер, стипендия текши основаниеле берилер.

Заявлениени ле справканы мындый адресле ийер: гор. Ойрот-Тура, Коммунистический 18, приемный комиссия.

Институттын директоры

СОБРАНИЕ В КОШ-АГАЧЕ
(Печатается по: Правда. – 1943. – № 300)

В областном центре задумали хорошее дело. Все это лето здесь много перебивало всяких комиссий и специалистов, чтоб разобраться в нуждах и недостатках местного животноводства, и в общем разобрались как будто, – а вот не было еще сделано одного: не выслушали пастуха. Что он скажет? О чем попросит?

Пастух же в Горной Ойротии – главное действующее лицо. И особенно велика его роль в самом далеком районе, Кош-Агаче, где стада круглый год проводят на пастбище, или «тебенюют», как здесь говорят, то есть ходят в табуне, на подножном корму, не только летом, но и зимой.

Задумано – сделано. Голубенькая «эмка» пустилась в трехдневный путь к Кош-Агачу, пересекая по диагонали всю область, крохотную на материке Сибири, но равную по числу квадратных километров целой Венгрии.

Навстречу нам все громче шумели горные речки, все круче перевалы, все ярче и выше цветы и травы, – розовые поля кипрея, синие поля аконита, черно-синие ковры корона, а на одном из перевалов, Чике-Таманском, забелели пушистые звезды редчайшего горного цветка – эдельвейса. В Швейцарии он цветет одиноко над пропастями, и чтоб сорвать его, альпинисты частенько рискуют головой, – а тут, не ведомый никому, красавец-эдельвейс разросся целой семьей, и мы, глазам своим не веря, рвали его в огромные букеты.

Был конец лета, а запах земли пьянил, – так медоносны здешние лесные долинки, «елани». Сравнить силу и глубину впечатления от земли, от красок, от звуков, от запахов Горной Ойротии ни с чем нельзя, природа все здесь устроила на «превосходную степень». Можно только сказать, что в этой жемчужине Сибири сочеталось лучшее, чем горд Тироль, – лесные ущелья, горные реки, водопады, – с лучшим, что есть у Швейцарии, – озерами, снеговыми вершинами («белки», по местному) и долинами цветов.

Чем выше забирались мы, тем больше отступало от нас дерево: сперва сдали сосны, не выдержав высоты; потом береза переродилась в так называемую полярную карликовую березку, да и та скоро исчезла; дальше удержалась шершавая, светло-зеленая, обомшелая лиственница, но на Семинском перевале отступила и лиственница, – остался один царственный кедр с могучими, мохнатыми, отягощенными шишкой, ветвями, – «батюшка Алтая», по любовному определению алтайского эпоса. За перевалом ушел и кедр, обнажив новую, необычную волнистую даль.

На полупустынной равнине только солончаковые пучочки грубой и серой, как сама земля, травы. Вокруг на горизонте – кристаллы голых гор, расцвеченные фиолетовым, голубым, пунцово-красным. Нигде ни кустика. Кош-Агач на местном языке означает: «Прости, дерево», – одно-единственное дерево растет здесь во дворе погранотряда, за высоким забором. Забвеньем пахнет полынь.

А жизнь кипит, – широкая улица с шумным движением местного транспорта – верблюдов и маленьких мохнатых лошадок под высокими алтайскими седлами. Пешком не ходит никто, все тут ездят верхом, и древнейшие старухи гарцуют на лошадях, как влитые в седла.

На границе пустыни Гоби, на высоте двух с четвертью тысяч метров, здесь, как и в каждом советском районном центре, спешат верхом люди с портфелями в райсовет, открыта дверь в уютную столовую, убрана книгами витрина, работает типография, возвращаются ребята из школы, несет почтальонша газеты и журналы в отличный парткабинет, – он здесь, как и всюду на Алтае в дни войны, выполняет огромную культурную функцию – сразу и библиотеки, и читальни, и лекционного зала, и консультационного бюро, и места для собраний, занятий и учебы.

Взглянув на забор перед зданием парткабинета, наш спутник сказал: «Чабаны уже в сборе!». В самом деле, множество маленьких лошадок, запыленных по брюхо, было привязано к забору: извещенные по телефону, люди съехались на собрание со всего аймака.

Сталинская Конституция в её историческом действии – это прежде всего сам человек, то, чем он стал, по сравнению с тем, чем он был, – и это особенно ярко видишь на отдельных наших народностях, до революции бесправных.

Ойрот, именующий сам себя «алтай-кижи», то есть «житель Алтая», по мнению Марра, – древнейший человек в мире, протоазиат, предшественник всех азиатских рас. Много племен составляют сейчас то, что мы называем алтайской народностью.

В Кош-Агаче живут преимущественно теленгеты, а бок о бок с ними – родственные алтайцам казахи.

До революции кто только ни помышлял ойротом, – он был в плену у собственного бая, его обирал свой шаман, он был опутан царскими чиновниками, миссионерами, купцами, кулаками. Рубаха гнила на нем, не снимаемая до последних дней жизни; женщина не смела скинуть тяжелой одежды «чеге-

дек», навсегда надеваемой на неё после замужества. Только ничтожный процент ребятшек выживал от болезней, у ойротов зеленью сочились изъеденные трахомой глаза, их донимали нищета, грязь, инфекции.

А сейчас бывший бесправный батрак-пастух стал хозяином богатейших пастбищ. В Ойротии 14 клубов, 590 красных уголков, 10 районных библиотек, 10 Домов культуры, 116 изб-читален, свой прекрасный национальный театр, своя драматургия, начало которой положил покойный советский писатель Кучияк, первый поэт и романист Ойротии.

И человек, чье лицо веками носило защитную маску приниженности, приbedненности, непротивления, человек, прятанный в сутулости, молчаливости, робости все своеобразие, весь многовековой наследственный дар своей национальной пластики, всю свободу своего национального жеста, расцвел и развернулся при советском строе не только морально, но и пластически.

Мы входим в узкую и длинную залу парткабинета. За столом, уставленным графинами со свежим белым, отрадно кисленьким в этот знойный день, кумысом, собрались знатные кормачи и чабаны, а вернее, кормачки и чабанки, потому что война и здесь на первое место в тылу выдвинула женщин.

При слове «пастушка» мы привыкли представлять себе нечто очень юное, зарю девичьей жизни. К этому приучило нас искусство XVIII века с его пасторалями в музыке, живописи и поэзии, еще звучащими в ранних стихах Пушкина. А здесь, рядом с молодыми пастушками, есть семидесяти-восьмидесятилетние старухи, опыту которых доверены самые трудные пастбища. Они сидят в острокопечных пирамидальных шапках, обшитых по краю барашковой кромкой; из-под шапок свисают у них две длинные, табачного цвета, не успевшие посесть косы. Эти старческие косы кокетливо заплетены ремешками, украшенными маленькими, завезенными из Индии, раковинами и заткнуты за широкий пояс справа и слева. Худенькие, смуглые, ставшие сухими и блестящими от солнца и ветра, лица; узкие, бездонно глубокие монгольские глаза, беззубые старушечьи рты с неуловимо-деликатным, почти детским выражением; и на этих лицах играют веки. Именно играют, – семидесятилетняя старуха-чабанка так тонко, с таким юмором вскидывает и опускает их, отвечая на ваши вопросы, что вы через эту величавую страницу времени, через письма этого лица угадываете новую, неизвестную вам доселе форму человечности, внезапно открывающуюся в живом жесте ярче и понятнее всякой книги.

Глубоким внутренним достоинством дышит этот жест.

У старой чабанки сын и внуки на фронте, и сейчас она, медленно раскуривая трубку и внимательно сблизив брови, слушает по радио последнюю сводку.

Курят все, даже молоденькие девочки. В синем дыму каким-то изваянием кажется знатный верблюжатник, казах Кадыр Ачубаев, почти сомкнувший узкие, косые глаза, вскинувший ястребиный профиль с кудреватым клином дымчатой бородки, весь острокопечный – от шапки до кончика сапога.

Все это – люди большой советской культуры, не раз бывавшие в Москве на Сельскохозяйственной выставке, отличные советчики, с которыми стоит поговорить.

И беседа в самом деле оказалась на редкость поучительной.

Маленькая Ойротия хоть и похожа на Швейцарию, а все же – Сибирь, страна сухого, резкого, холодного континентального климата с непрерывной сменой атмосферного давления, изнашивающей не только сердца людей, но и сердца овец и коров.

В животноводстве Ойротии есть свои разделы, которых нет в Швейцарии, – верблюдоводство, мараловодство. И скот здесь, выдержав многовековую борьбу с климатом, приспособился, закалился, приобрел свои качества – за счет других качеств, – силу и крепость в ущерб молочности. Сибирская корова дает, правда, меньше молока, чем симменталка, но она прекрасно зимует там, где симменталка гибнет, и не требует забот и ухода, как эта последняя. Овца местной породы дает, правда, грубую шерсть, но зато она во много раз выносливее меринсы, неприхотливее его и может нагуливать много жиру.

Старухи-чабанки отлично понимают всю диалектику происходящей борьбы за животноводство, отлично разбираются в принципе районирования. Одна из них, вставляя папиросу, которой угостили её, в свой чубук, сказала с неподражаемой восточной вежливостью:

«Ты говоришь о том, что мало молока у наших коров и мало шерсти у наших овец. Сколько знаю, – больше от других слышала, чем сама знаю, – направление нашего скотоводства в Кош-Агаче мясное. Наши коровы пасутся – нагуливают мясо, овцы нагуливают жир. Овчина алтайской овцы очень хорошая, хотя шерсть грубая. Меринсы у нас гибнет. Надо сохранить нашу алтайскую породу».

Другая на вопрос о том, в чем заключается хорошее качество пастушьей работы, ответила нам:

«Хорошо пасти – значит хорошо ходить. Чтоб овца жирела и шерсть на ней густела и становилась мягче, нужно выпас разбить на клетки и, когда пасешь, менять эти клетки, давать в течение полутора месяцев каждой клетке отдыхать, а уже потом возвращаться на старое место».

Иначе сказать, хороший чабан должен быть в своем роде землеустроителем, провести «пастбищеустройство» и сделать это не при помощи реек и геометрии, а при помощи собственных ног и памяти.

Алтайская речь удивительно образна, переводчик невольно упрощал её и огрублял. Это было особенно жаль, когда речь на собрании зашла о пастухе и его нуждах. Пастух здесь – самый нужный и ответственный человек. Ему колхоз поручает стадо, – то есть и свой долг государству, и хлеб насущный, и зажиточность завтрашнего дня. И вот, уходя зимою в тебеневку, пастух долгие месяцы проводит вдали от родной юрты, в безмолвии морозных, пустынных пространств; он становится одиноким «человеком у костра».

«Город, не забывай человека у костра! – воскликнула одна из чабанок. – Мы долгие зимние дни и ночи охраняем твой завтрашний день, бережем и пасем скот, но ведь надо позаботиться и о нас! Чем жив человек у костра? Три вещи нужны ему, и без этих трех вещей одиночество его еще глубже, работа его еще труднее, мороз для него еще холоднее». Она подняла узкую, коричневую, старческую руку и по пальцам сосчитала: «Первая вещь – металлический котелок. Вторая вещь – кок-чай. Третья вещь – соль». Нашим торговым организациям нужно прислушаться к этим словам и засылать в Ойротию не рассыпной, а плиточный зеленый чай.

Узнали мы на этом собрании и еще об одной немалой задаче алтайского животноводства: необходимости создать местную породу злых пастушьих собак в помощь чабану. Местная, как выразился переводчик, «маломощна», – волки, задирающие скот, ничуть её не боятся. О пастушьей собаке нужно позаботиться государственно, скрестить местную породу с овчаркой, с лайкой, сделать отбор среди местных алтайских собак.

И еще одно: до зарезу нужен Ойротии свой ветеринарный институт, подобный знаменитому Ветинституту в Ереване, куда приезжают советоваться чуть ли не со всего света. Быть может, силами и кадрами этого института следовало бы открыть в Ойрот-Тура хотя бы его филиал и создать при нем лабораторию для выработки вакцин.

Закончилась беседа торжественной частью, – лучших чабанок премировали: кого ягненком, кого телкой или жеребенком. Разъезжаются люди, все меньше лошадей остается у забора. Подкатила к ступеням и наша вычищенная голубая эмка.

Невероятный закат обливает горы. Машина мчится вниз под пение горной речки, сливающееся с рокотом мотора. Мелькают молочно-розовые зеркальца небольших озер. Умные утки ниточкой плывут подальше от ружья, к соседнему берегу. Небо, горы, одиночество этой пустынной земли в её острых, незабываемых контурах, такое тонкое, тончайшее, словно пером нарисованное по кисее, становится вдруг открытием: понимаешь, откуда взялось монгольское изобразительное искусство. Мы считаем его манерой, условностью, но оно реально. Его диктовала природа.

Еще сотня километров – и видение пустыни Гоби потухает в темноте наплывающего леса.

Ойрот-Тура.

Мариэтта Шагинян

ЈЕР ЧЕЧЕКТЕЕР

Текст јуунтынан алынган:

"Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи. Очерктердин јуунтызы" (Ойрот-Тура, 1947. – С. 141-144).

Биске јолды кўрди кечире кыр јаар чыгара кўргўзин бергендер. Городтын учы јаар апарып јаткан бу тапчы оромнын кадалгак тужы европейский курортный јерлердин кыйуларын: Италияны, Карпатты эске алындырып. Бистин јердий эмес, кандый да бскў болуп кўрўнди. Тарам јаашка бир эмеш чыкталып калган јер таныш эмес изўге јиргилденип турды. Ийттер, сырагај јок болгондый, ўрбей турдылар, пўтўктер этпей турган. Булут јок тенгериден кижы чыдажып болбос изў тўжўп турды. Онон ары барар јол там ла бийиктеп, там ла кўч болды. Оградадар ла агаш турачактар јылыйгылап, тротуар јылыйып барган сонгында, јажарып турган туу кўрўнип келгенде, јол туу јаар бурылды.

Кўн канайып та изў чалып ту эганын бу јердин бўдўўзин тўштўктин ле кўнбадыштын городторына јўзўн-јўўр тўгдештиргени эске алындыра айдып та турганын, је бис кайда болгоныбысты билип, ундыбаганыбыс. Машинага отурып алып, бир канча частар туркунына барганыбыс, бисти Гобининг эин јеринен ырадып турды; мынан эки район ўткўре – Кош-Агашта – јер ўргўлјиге тон јадат: мында кышкыда бежен градус соок каа-јаа болотон эмес. Бу Сибирь, чын ла Сибирь, Туулу Ойротиянын столицазы – Ойрот-Тура. Мында изў јай, недедеги амыраар кўндий, кыска болуп јат. Бис мынын бастыразын эске алынып тура бойыбыстын кўзибиске бўтпедибис.

Эмезе кайда да Кисловодскийде, туунын јантыгында фантастический немедий цветниктер турды. Олордон койу ароматтын јылу толкузы келип, јаба согуп турды. Бастыра кандый ла ўндў мунгар то олу роза чечектер бар эмтир. Ак танкы, от ўндў пиондор, кўк георгиндер. Сары ўндў лилия чечектер стене кеберлў тургулады. Мында клумбалар ла скамейкалар јок болгон, мында тоозы јок будактын

байлыгы, жалаңдагы чылап жаркындалып турган. Онон ары цветниктерди ээчий – жиилек агаштар. Онон ары – фруктовый ла ботанический сад – Ойротиянын оморкодузы, онын көрүмжилү «плодовая-годный питомниги» бистин алдыбыста көрүнип турды.

Бис өрө конторада бүдүминен көргөжин, практикага сыраңай жүзүндөш эмес, бу садтын төзбөчизи, бийик эмес сынду, очкалу шүүнчен Михаил Афанасьевич Лисовенколо таныштыбыс.

Сибирский садовод – аңылу киж. Сибирьде сад өскүрүп аларына, экспериментатор болуп бүдөр керек, кандый ла жиилекти бедиреерин ле табарын, шиндеп көрөрүн ле амтанын амзап, билер ченемелчи болор керек. Сибирьде соок, јут-јааш, кургак турары, изү кайкамчылу артыгынча берилген, мында жаңыс ла вегетационный өйгө лө сад өскүрерине өй ас берилген, мынызы не дегежин – өйдүн једишпей турганын јететени болуп јат. Јирме алты јыл мынаг кайра мында плодовой садтар сыраңай јок болгон, сибиряктар бойлоры садту болорына сыраңай бүтпей тургандар. Улус яблоконунг амтанын амзабай туруп, јуртап, блүп тургандар. Бойы отургускан яблоньды эн ле баштапкы көргөнин Лисовенко куучындап јат. Эмди десе кыска јайдын туркунына мында яблоктор до, сахарный свекло до, виноград та, арбуз та быжып јат.

Јиит кеберининг движениезиле кепказын алган бойынча, ээзи бисти эн баштап тоозы јок койу отургускан жиилектинг төс агажын, жиилекти көргүзип, бисти күндүлебей, амзаарга берип јат. Бис десе мендеш јогынаг амзап турадыбыс. Адару ошкош јенгил ле јелбер, күнге јылып калган малина јилеги; кызыл моронгот, тожыла, эн артык, сыраңай витаминный козур кара моронготтын сабалактары төгүлип калган јадат. Лисовенко Алтайдын төрт јүс тоолу јеринен јалагнын моронгодын јууп алып, 83000 төс өскүрүп, онон көп гибридтер төзөп алган, база көрбөй туруп ајдат: «Мынызын үспегер, ол кату сорт, туку онызын амзап көрүгер». Бис оны ооско салып, терен тынып, араай басып, эрмектежип брааткан ортозындагы өйдө бу сок жаңыс жиилектинг амтанынын јажытуун билип турганыбыс.

Бу жиилектинг садында баштапкы минутта слер кунукчылду болорыгар: јиле ештердин кызылы ас, карыган эмеген ошкош, јыпшыйып калган, талдамдуу десе «Сибирский ранеткалар» болуп јат. Је садовод десе оморды сүүгендү көрүп јат, омор сибирский яблоктын угынаг бүткен ийне. Бу ээзи десе јерде түшкен жиилекке качан да баспас, база жиилекти оозына алып тиштейле, јерге качан да таштабас, је оны көрүп тура, слер де база анайып этпезегер. Сибирский жиилектердинг сортторын өскүрүп аларына кижининг эрчимдү күчин салып, айлар ла јылдар туркунына эненин ошкош кичеемјизи салынган болуп јат.

Сибирьде яблоньдорды сооктон корулап алар керегинде, байалгак эдип өскүрерине, аңылу байалгак өзөр «бахчевый» кебериле отургузарын төзөп алган. Бу тужында жиилектинг агажына өрө бийик өзөрине јай бербей, оны јерге јаба байалгак өзөрине албадап јат. Јерге јаба јайылып барган узун сабалактардагы мааладагы огурчындар ошкош, алтын өндү козур яблоктор кайкап көргөдий шүүлтени эске алындырып јат. Ойротияда яблоньдор көбизинде соокко тонуп, үрелип турган эмес, је көп сабазы јерге јаба јатканынаг «чирип», үрелип турганын Лисовенко бойынын питомнигинде ачып, жиилектинг агажын «тарелка» кеберлү өскөдий эдип отургузарын шүүлтелеп јат. Онойып отургусканы жиилектинг агажынын сабы өрө бийигине 40-50 сантиметр өзөрине арга берип: онон онын бүрлерин, сабын айландыра байалгак эдип јер јаар бүктеп койгондо, бу агаш киж. јаалактанатан зонт ошкош эмесе јаан мешке кеберлү болот. Жиилектинг агажын јер бойынын айалгазына келнштире отургузар «технология» анайда кубулып јат.

Садтын элбегининг ле оны кайкап көрөрининг учы-куйузы јок. Тогус јыл мынаг кайра, эмди бу сад турган алдындагы ээн кобы јерге городтын јурт улустары уйларын одорго айдагылап тургандар. Бу сад Москвада колхозчылардын съездинде башталган.

Ол тужында «Крестьянская газета» Ойротияда пловодоствоны төзбозин деп, јиит сибиряк-ченемелчи Лисовенкогө јоп-јакулта берген. Лисовенко Ойрот-Турага јанып келди, ол јерди тургуза ла алып болбоды. Онын бойынын айдып турганыла, ол бир канча айлар туркунына «городторло эш кереги јок јерге тегин ле јүрген». Мынын кийнинде ого баштапкы төрт гектар јерди, төрт муң бюджетин јөптөп бергендер. 1934 јылдын јазында ол баштапкы яблоньдорды отургускан. Онон ол Алтайдын бастыра јерине јүрүп, бойынын колыла јалагнынг жиилектерин јууп, үрендерин чачып, отургускан. Омордын уктарын үренип турганча, оныла кожо онын саженецтерин Алтайдын да колхозчылары отургузып, үренгилеп, ченеп көргүлөп тургандар. Лисовенконын јакарузы аайынча бистин бастыра Союзка ады-чуу чыккан Алтайдын эн артык колхозынын председатели Федор Гринько бойынын садын өскүрүп алган.

Тогус јыл – сыраңай ас өй болуп јат. Онын ортозында бу јылдардын туркунына төрт гектар јер јүс јетен гектарга једе берди, төрт муң бюджет эки миллионго једе берди, питомник козур жиилектү 100000 саженецтерди, 500000 јуук жиилектинг јыраа төстөрүн, 725 000 кой жиилектинг саженецтерин таркатты. Мынајда таркадарына сортторды ченеп көрөтөни. Алтайдын үч зоналарынын кажызына ла плодоваягодный стандарт тургузылары өткүрилип турган: чөлдүн, агашту-чөлдүн ле туу-тайганын зоналарына; пловодоство аайынча јүске јуук болушту бичиктер кепке базылган, радио до

печать ажыра пропаганда үзүк жогынан өткүрилип турган.

Ойрот-Тура город өзүп, строительство жазалы өдүп турган. Архитекторго ло планировщикке садоводтон жарулу болуш аларын көргүзүп, питомник мында ла жаан учурлу болуп, городты сад өзүмдерле жажартарын өткүрүп, центральный скверлерди келиштире жарандыраарын агылап берген.

Арныкпас Лисовенко сок жагыскан бойы төрт гектар жерден бойынын питомнигин жагыс ла Ойротияга эмес, же бастыра Алтайга, чын сөслө айтса, садоводческий культуранын рассадниги эдип алган.

Уралда анчадала Свердловский областта эмди плодоваягодный сад өскүрерине жылбиркеп жадылар. Бу жылбу тегин кустарничество болуп калбазын деп, эн баштамызында организационный тутактардан улам токтоп калбазын деп, Свердловскийдин жанында шак мындый ажарулу ченемелдү питомник төзөп, ондо улусты воспитывать эдип, оны пловоодствонын культурный базазы эдип, ондо бастыра Уралга селекционный иш өткүрер керек.

Бис жирме алты жыл строить эткенибис, эмди дезе немецтер жирме тогус айдын туркунына бистин жерде ан кеберлү кылынгылап, коскору эдип, быжарзыдып жадылар. Немецтерди оодо согуп, бистин жерден чыгара сүрүп... Олорды энделтип салган жерлерди база катап өрө көдүрүп, строить эдер керегинде ийде-күч, труд, эрчим ас керек эмес. Же биске ой жагырта зайынча канайда толтырылып, эмди бис онын чокум чындыгын канайда болгооп турубыс! Кайда качан да элбек садоводство болбогон, күннин аайы ла ар-бүткенинин кату айалгазында Сибирьде тогус жыл кыска ойдин туркунына грушалар, яблоньдор, сливалар өзүп база да жиилегин берип туру. Алтай садтарла бүркеле берди. Иштеп бүдүреринин күчи коскору күчинен ийделү болуп жат. Керекти төзөп бүдүрүп тургандарга ой толуп көптөп жат, же ол коскоручыларга астап, «жайнуга түжүп», жылыып жат.

1943 жыл.

Сергей Михалков ло Эль Регистан

СОВЕТСКИЙ СОЮЗТЫН ГИМНЫ*

(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. - 1943. - № 91)

ССР Союзынын Совпарткомында Советский Союзтын Государственный гимны керегинде.

Советский Союзтын бу өйдөгү государственный гимны «Интернационал» бойынын содержанияезиле, бистин ороондо советский стройдын шылтуунда болгон жегүлерге түзедү солынтаны этпей, Советский государствонун социалистический учурын айтпай турганынан улам - ССР Союзынын Албаты Комиссарларынын Совети государственный гимнын тексттин жагы, бойынын содержанияези советский стройдын учурын ла санаазына келишкедий жагы текстле солыырын жөптөди.

Государственный гимнын мындый жагы текстти жөптөлгөн:

Жайым республикалардын бузулбас союзы
Улу Русьты үргүлжиге тыгыткан.
Албатынын табыла ийде-күчтү төзөлгөн,
Бирлик Советский Союз эзендик болзын!

Албатынын најылыгы, ижемжилү күни
Бистин жайым Төрөлис мактадат!
Советтин маанызы, албатынын маанызы
Жегүден жегүлерге баштап жат!

Жайымнын күни күкүрт өткүре биске чалыды,
Улу Ленин биске жолды жарытты.
Албатыга чындык турарына, Сталин бисти өскүрди,
Ишке ле жегүге бисти баштады.

Албатынын ырызы, ижемжилү куйагы
Бистин жайым Төрөлибис мактадат!
Советтин маанызы, албатынын маанызы
Жегүден жегүлерге баштап жат!

Бистин черүни тартыжуда өскүрдибис,
Жескимчилү тонокчыларды жолдон жалмарыбыс!
Жаш үйенин салымын бис тартыжуда бүдүрүп турубыс!
Бис бойыбыстын төрөлибисти макка апарарыс!

Албатының ырызы, ижемжилу куйагы
 Бистин жайым Торблибис мактадат!
 Советтин маанызы, албатының маанызы
 Женуден женулерге баштап жат!

Государственный жаңы гимнға композитор Александровтың музыкасын жараткан. Гимнның музыкасының нотазы жарланар. Государственный жаңы гимнды ончо жерлерде тузаланары 1944 жылда 15 марттан ала башталар.

* Ч. Енчинов алтай тилге көчүрген - примеч. ред.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ОЙРОТИЯ» 1944 г.

Ф. Моисеенко

Идущему вперед
 № 14 (6 февраля)

Бывшему колхознику сельхозартели «Кызыл Нацмен», Усть-Канского аймака, Герою Советского Союза Жанбеку Акатовичу Елеусову, отличившемуся при форсировании Днепра, посвящается.

Тебе, чья слава незаходна,
 Идущему в дыму, в бою,
 Я от лица всего народа
 Внимаю сердцем и пою.
 Ты шел на штурм Днепра, и ветры
 Неслись над самой головой,
 А за рекой в двух километрах
 Вздыхался древний Киев мой.
 Он простирал навстречу руки
 С крутого берега. Боец,
 Он знал: мучительной разлуке
 Ты положить пришел конец.
 И ты спешил... Все грохотало,
 Сливались рев и дикий вой.
 То ветер смерти и металла
 Витал над самой головой.
 А взгляд суровее и строже
 И путь один - вперед!..
 Приятно, братцы, до чего же,
 Что сила русских верх берет!
 Прими ж, товарищ Елеусов,
 Сердечный пламенный привет.
 Герой Днепра, Жанбек безусый,
 Живи и здравствуй много лет!

Сергей Швецов

Отрывок из поэмы «Чагандай Карманов»

№ 90 (6 августа)

Пусть летит из края в край
 Наша песня боевая.
 Пусть узнает весь Алтай
 О геройстве Чагандая.
 Пусть узнает весь народ
 Нашей Родины любимой,
 Как врага жестоко бьет
 Чагандай неуловимый.
 Много немцев взял в полон
 Воин смелый и бесстрашный.
 Много насмерть заколол
 В жаркой схватке рукопашной.

Много мы прошли болот,
 Рек больших и малых речек.
 Вместе с нами третий год,
 Расчищая путь вперед,
 Молодой идет разведчик.
 Наводя на немцев страх,
 К ним он ходит прямо на дом,
 Он во вражеских тылах
 Раздобудет все, что надо.
 В смелых поисках ночных
 Через все пройдет заслоны,
 Всех обманет часовых...
 В глубь немецкой обороны
 Он заходит далеко.
 Как совсем недавно было,
 И приводит «языков»
 Из разбойничьего тыла.
 Немец думал и гадал,
 Смелчака поймать пытался,
 Но Карманов Чагандай
 Обводил его вокруг пальца:
 Чуткий слух и зоркий глаз,
 Быстрый шаг у Чагандая...
 Рисковал собой не раз
 Он, задание выполняя.
 Ходит ночью он и днем
 С неразлучным автоматом,
 Наготове за ремнем
 Друг разведчика – граната.
 Б лютый холод и в жару,
 И в любое время года
 Бьет жестоко немчуру
 Сын ойротского народа.
 И ведут на смертный бой,
 Вдохновляют Чагандая
 К нашей Родине любовь,
 К немцам ненависть святая!

ТВОРЧЕСКИЙ ОБЪЕДИНЕНИИ ОЧЕРЕДНОЙ «ЧЕТВЕРГИНДЕ»
(Кепке базылганы аайынча: Кызыл Ойрот. – 1944. – № 38)

Творческий объединениенинг 30 мартта болгон очередной занятиезинде турушкандар композитор А. Зильбер жазаган ойротский кожондорды уккандар. Кожонды национальный театрдын артисттеринин кожон жанары ла база автордын музыказыла откүрилген.

Композитор шүүлтеге сегис кожон тургускан, кожонды Ойроттын јиит бичинчилери Кучияк, Ябыков, Тобоков ло Чапыев бичигендер. Мында ойротский албатынын мелодиказын јазап јарандылары керегинде јакшы шүүштилер. Куучындарда национальный музыка керегинде, этнографический материалдарды тuzаланары керегинде ајыкту дискуссиялар болды.

Куучындагандардын көп сабазы композитор гармонизацияны эптү эдип турган тушта бойынын кожонгына бир канча казах ла орус мелодиктерди кожуп, интонацияны ла ойротский музыкальный фольклорынын ладовой строениезин јаантайын тудунбайт.

«Колхозтын» (текстти) лозт Кучияктын «красноармейский» кожондорго композитор ойротский музыканы келиштире эптү жазаган. Кезик кожондорго десе артык немелер кожылган, Ойроттын элбек угаачыларына јарамыкту болор бүдүмин јылытып јат.

Кожондорды шүүжерине нок. Чапыев, Милаевский, Кыпчаков, Вольфензон, Каирский. Енчинов, национальный театрдын артисттери Шульгина, Алтарыкова, Монголов ло оскөлөри де турушкандар.

Композитор А. Зильбердин ајыкту ла тuzалу ижин темдектеп, объединениеде турушкандар ойротский национальный музыканы јарандылар керектерде онон ары јакшы иштезин деген куунду бол-

дылар.

Творческий объединениениг очередной занятиези 4 апрельде, вторникте 8 час эгирде нацтеатр-да болор. Ондо национальный театр тургузарга алган, ойротский драматург Ч. Енчиновтын «Ай-Тана» деп жаңы пьесазын шүүжер.

Константин Растегаев

ЛЕЙТЕНАНТ ШУКЛИН

Текст жуунтынаг алынган:

"Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи. Очерктердин жуунтызы"

(Ойрот-Тура, 1947. - С. 25-30)

1942 жылдын июль айдын 20 күни токуналу башталды. Лейтенант Шуклин эртен тура коштой турган деревнениг ары жанындагы агаштар ортозы жаар барды. Ондо алдындагы күнде онын батареязынын орудиелерин ремонтко берип салган болгон. Күнүг ле сайын өдүп турган тартыжулар орудиелерин тыг үрөп, специалисттердин заключениези аайынча олор тургузала, ремонт эдерин керексип турган.

Талтүшке жуук өйдө ичкери жанындагы крайда адыштын табыжы тыгып турды. Талтүштин 12 часта походный мастерскойго полктын командириинг помощниги јортуп келди.

– Ичкерилеш өткүрилип јат. Немецтер танктарлу. Бисте эмди тургуза противотанковый орудиелер база јок. Слердин орудиелеригер жууда туружар аргазы бар ба?

Шуклин ийинин бүдүмчи јок тартынып, мастерлер жаар көрди.

Мастерлер јарабас аайлу эдип, баштарыла јайкадылар.

– Айса болзо, бу мынызы – деп, олордын бирүзи сержант Акиншининг противотанковый пушказы жаар көргүсти. – Је онын айалгазы кандый дезе, оног адатаны јалтамчылу неме, јарылардан магат јок.

– Мениг пушкам ба! – Акиншин ачына берди.

– Ондый болбоско керек. Мен оны бойымды билип турган чылап билип јадым.

– Баралык, нөкөр лейтенант! – Шуклинге ол айтты.

Бир канча минуттын бажында тракторло колбоп салган орудие позиция жаар атанып чыкты. Озолодо мантада берген Шуклин орудиени тургузып, адыжарына эптү јер талдап алды. Оныла коштой взводтын командири лейтенант Мальцев болды.

Быжып калган арыжы јайканып турган элбек јалап, база өштү отурып алган төг, јакшы көрүнип турган јаан эмес межеликке орудиени тургузып алдылар. Узак сакыырга келишпеди. Удаган јокто кырлангнын ары жанында өштүниг танктары көрүнип келди. Олор арышты тепсей басып, төгнөг ээчий-деечий сыраңай ла Шуклинниг позициязы жаар түшкилеп јаттылар.

Шуклинге онын артиллерийский училищеде билип алган үредүзи шак ла бу тужында керектү болды. Танктарга јетире јердин ыраагын чүрчеле бодоп алып, прицелди тургускан кийинде Шуклин командовать эдип ийди.

– Ат!

Баштапкы ла снаряд тапмага чокум тийе берди. Өштүниг озо келип јаткан танкы отко алдырып тескине берди. Атка минип алып, адышты корректировать эдерге эптү болгон, Шуклин үзүги јок командовать эдип турды.

– Ат! Ат! Ат!

Качан өштүниг үчинчи танкын адып ийерде, арткандары орудиениг турган јерин сезип салала, калапту адып бердилер. Снарядтар торт жуук јарыла адылып турдылар. Позицияни түрген солыырга келишти.

Качан орудиени тракторло өскө јерге апарып турар тушта, немецтер бу бийинде танктарын база ла катап Шуклинниг турган јери жаар ийип турдылар. Алдында озолой келип јаткан танк сыраңай жуук болды.

– Романенко! – Шуклин наводчикке кыйгырды.

– Ол озолой келип јаткан танкты ат!

Пушканын стволы араайын бурылып, танкты каруулга алып турды. Команда угулып, бир минутын бажында оттын узун јалбыштары өштүниг жаңыс јерге тура берген танкын алып ийди.

Тартыжу уур болгон. Өштү адып турганча, позицияны канча ла катап солып турарга келижип турды. Качан алдында ичкери арышту кырада турган танктар күйүп, ышталып турарда, Акиншини јүрек-сиреп тура доложить этти: «Нөкөр лейтенант, снарядтар божоп браат!».

Снарядтарды экелерге тракторды баштап јүрген Осадчий ийилген. Тартыжу токтобой турды. Өштүниг јарылып турган снарядтары улусты стройдон чыгарып турды. Осколокко лейтенант Маль-

цевти жалмажына шыркалады, наводчик Романенконы база шыркалады. Панорамага жуучыл Куюмов келип турды.

Осадчий керектү бйинде једип келди. Снарядтарды божодо аткылап салган болгон. Осадчийди ол ок тарый кабыргазына шыркалап ийерде, ол күчи чыгып, арыштын ортозына жыгыла берди.

Качан тартыжунын јалангында оштунин он экинчи танкы кыймык јогынан туруп, ыштала берерде, арткандары ойто бурылдылар. Је олордын экизи бийик јерге тура тужеле, онон Шуклиннин орудиезин аткылаарын баштадылар. Позицияны база бир катап солыырга келижип, је тракторды баштап алып јүречи дезе сагыжы чыгып калган јатты. Канайдар? Шуклин тракторго бойы отурала, орудиени јангы јерге аварып салды.

Бу ойдо Шуклинге штабтаг связной јортуп келип, дивизиянын командиринен благодарность айтты.

Артиллеристтер оштүни адарын токтотпой турдылар. Оштүнин ол тӱнгӱ до чыгып алган эки танктарын үрей адып салган болгон.

Энди тыштанып алгадый болгон. Је жуучылдар јүзиндеги терди арчып алгалакта, бойларынын ижинин результатарын бодоштырып алгалакта, ыраактагы тӱстӱктин ары јанынан пехота отургызып алган беш тоолу немецкий грузовиктер чыга конуп келдилер. Уч машинаны чике адышла ӱртӱп ийерде, арткан экизи тӱнгинин ары јанына јажына бердилер.

Је уур айалга болуп, оштүнин јангы танктары чыгып келген тушта, орудие үрелип, атпай барды – полуавтоматика үрелип, затвор жабылбай барды. Је бистин тракторлордын күркүрөп турган табыжы угылып келди. Тылдан јангы орудиелер экелип турган.

Лейтенант Шуклин јенгилдене тынала, Акиншинди тын кучактай алып айдынды: «Изү болды, карындаш!».

Ол бойынын Тӱрӱлине берингенин кӱргүзип, оны калганчы тынышка јетире корырын чын керекте бӱдӱреле, лейтенант Шуклин, оны большевиктердин партиязынын членинин кандидадына алзын – деп, заявление берди.

Амырап алала, Шуклин айылы јаар баштапкы ла катап алдынан тартышканы керегинде письмо бичиди. Письмозынан кӱргӱндӱ, ол бойынын подвигине јаан учур салбай турган. Письмо кыска ла кургаксу болуп калды.

Илья бичип туры: «Кече јангыс ла менин орудием 14 танк ла 3 машинаны јок эдип салды. Машиналарда јӱс кирелү гитлеровецтер болгон. Мен артиллериянын командиринин приказын бӱдӱрӱп салдым, танковый атаканы кайра согуп салдыбыс, оштүни кӱнбадыш јаар таштап салдыбыс».

Онын кийинде оны генерал-майор алдырып, полковой командирлердин кӱзинче благодарить эдип, качан ого военный корреспонденттер ле писательдер келип, тартыжу керегинде сурап угуп турарда, Илья Шуклин ол ло тушта Тӱрӱлине мак болгодый кандый подвиг эткенин билди.

Ичкери јанында Северный Донец болгон. Онын ары јанында тӱредип салган Украинский јер јатты. Јайрадып салган Донбасс ышталып јатты, ондо кезек ӱйгӱ немецтер эленип турдылар. Украина ла Донбасс бойларынын јайымдаачыларын – Советский черӱнин жуучылдарын сакып турдылар.

Часть калапту тартыжуга белетенип турган.

Боецтер ле командирлер мылтык-јепселди јазап шыйдыгылап турдылар. Август айдын изӱзине чалдыгып, улус суузынын јулукту сливала, јыды јараш яблокаларла кандырып турдылар. Олорды коштой јаткан, бу ла јуукта јайымдап алган деревнелердин кызычактары ла уулчактары сыйлап, кӱндӱлегилеп турдылар.

Наступление августын учында башталды. Оштү тын удурлажып турды. Немецкий командование фронттын бу участогына кӱп тоолу уур танктар ийген. Бойынын јендиртпезине ијенип турган ла албаданчак фашистский танкисттер бистин позицияларга контратака эдерге ченежип турдылар. Бу орто артиллеристтерге тын туружары келишти.

Шуклиннин батареязы оштӱлердин танктарынын тӱс табарузына согылта берип, божотпой турды.

Августын 22-чи кӱнинде Шуклиннин батареязы корып турган участокты ӱзӱп ийерге канча ла катап ченештилер, је кажы ла тужында чике адыштан коркып, ойто бурылып турдылар. Олордын иштеринин результатады јарт кӱрӱнип турды: чике атканынан ичкери јанында оштунин јети уур танктары ышталып јаттылар. Шуклин тартыжуны командный пункт турган блиндажтаг башкарып турды.

Мӱр болбогонына чугулданып калган немецтер бойларынын уур артиллериязынын одын Шуклиннин батареязы јаар уулап, бир группа бомбардировщиктер ийдилер. Артиллеристтер јана баспай, бек турдылар. Оштунин калапту оды алдында турган јерлерин тӱрген солып, тургуза ла перестраиваться эдип турдылар.

Бир бомба Шуклин турган командный пунктқа қоштоу келип түшти. Блиндажты торт бузуп ийген болгон. Жуучылдар бойының командири жаар болдылар. Взрывтын ийдезиле оны тыштына чыгара таштап, ол блүп те жадала, база бир кезек ичкери бололо, оштүден база бир кичинек жерди жайымдап аларга турган чылап, колдорын ичкери сунуп алган, жүзиле төмөн болуп жатты. Командирдин сол колындагы комсомолдын Төс Комитеди сыйлап берген чазы жүрүп жатты. Часта «Бистин Төрөлибис учун» – деп бичип салган болгон.

Тартыжунун кийинде старший лейтенант Илья Захарович Шуклинның сөбгин, жуучылдын сөбгин жуур ээжиле, Святогорск станциядан ыраак эмес пионерский лагерьде жууп салдылар. Геройдын сөбгинде жуучыл нөкөрлөри жакшынак памятник тургузып салдылар. Олор сүүтөн командири учун оштүни онон ары кайралы жок оштөбөрине сөзин бердилер.

Геройлордын магы качан да өлбөс. Албатыдан чыккан геройлордын аттары олорло кожо жүрүп, жуулашкан нөкөрлөринин, кожо үренген, иштеген, тартышкан нөкөрлөринин жүректеринде жүрүп, олор бойларының жүрүмин кемнинг учун берген, ол улустардын ончозының жүректеринен качан да чыкпас.

«Ада-Төрөл учун жуу бойының Төрөлинин жайымы учун жүрүмин берерине белен болуп турган мундар тоолу геройлор ло героинялар берип жат» – деп, нөкөр Сталин айткан.

Ондый геройлордын бирүзи Төрөл учун өлгөн, Ойротский комсомолдын жакшынак воспитанниги, старший лейтенант Илья Захарович Шуклин болуп жат.

Фашистский олжочыларла өткүргөн тартыжуда көргүскөн геройство ло мужество учун Шуклин эки Кызыл жылдыс ордендерле, Ада-Төрөл учун жуунун баштапкы степень ордениле, «Сталинград-тын коруузы учун» медальла награждаться эдилеп, ССР Союзтын Верховный Совединин Президиу-мының Указыла ого Советский Союзтын Геройы деп бийик адын үргүлжиге берип салган.

Үренип, иштеп жүргөн Шуклинди Ойротияның колкүчиле жаткандары, оны үреткен школ, артил-лерийский жууга оны үреткен артиллерийский училище, ол жүрүп, жуулажып, өлгөн воинский часть качан да ундыгылабай, үргүлжиге билип турар.

Томский артиллерийский училище бойының жакшынак воспитаннигиле оморкоп жат.

Шуклин кожо тартыжып, өлгөн частька келген жинт жуучылдар геройдын өлүми жок подвибиле таныжып жадылар. Частьтын списогына Төрөлинин магы учун өлгөн старший лейтенант Илья За-харович Шуклиннинг ады үргүлжиге бичип салган. Эмди частьтын личный составына проверка эдер тужында бистин жердин кижизинин ады күнүн ле сайын торжественно угылып турат:

«Советский Союзтын Геройы, старший лейтенант Шуклин!» – деп, подразделениенин командири айдат. «Святогорсктын жанында немецкий олжочыларла тартышкан жууда жалтанбастардын өлүмиле өлгөн!» – деп, айткан каруу угылат...

Герой бойының өлүми жок подвигтериле оморкодып, бойының частинин боецтериле кожо, же көскө көрүнбей, кожо турган неме ошкош билдирет.

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «КРАСНАЯ ОЙРОТИЯ» 1945 г.

А. Зиновьев

НА БЕРЛИН! № 21 (23 февраля)

На Берлин, к волнующей победе,
Земляки, сегодня я иду,
И мечты о том, как к вам приеду,
Как вернусь я к милому труду,
Отгоняют в сторону усталость
И в боях давно забытый сон.
Нам теперь не долго уж осталось
Сталью разворачивать бетон,
Немцев доколачивать проклятых,
В их же ненавистных городах,
Пламенем возмездия объятых,
Гневом, что несем мы на штыках.
Земляки мои, родимые ойроты,
Вместе с нами вы идете на Берлин,
Вместе с нами разбиваете вы доты

Потому, что путь у нас один.
И когда настанет час победы,
Радость мы разделим пополам.
Ждите, ждите, скоро мы приедем,
Скоро мы вернемся к вам!

Полевая почта 77701-У

Константин Растегаев

Переправа

Обманчивая тишина ночи нависла над широким Днепром. На той стороне, скорее угадываемой, чем видимой, на высоких кручах укрепились немцы. Они считали Днепр неодолимой преградой, а потому спокойно отсиживались на своем высоком берегу, изредка для остротки разрывая тишину залпами. Тогда с шипением и всплесками погружались осколки снарядов и мин в потревоженные волны Днепра.

На левом, отлогом берегу реки под покровом ночи накапливались силы русских, шла усиленная подготовка к переправе. В качестве плавучих средств использовалось все, что только попадалось под руки и могло хорошо держаться на воде: плоты из досок заборов; ворота, снятые с петель; бочки пустые, рыбацьи лодки. Ждать, пока подойдут саперы, нельзя. Надо с хода, пока не опомнился враг и не ждет, переправляться на тот берег, цепляться за узкую прибрежную полосу отмели и с боем теснить врага, выбивая его из сильных укреплений, расширяя плацдарм для более крупных соединений.

Налимов по-хозяйски осматривает работу бойцов своего расчета, помогает им. Пушку они установили на две резиновых лодки, под неё подмостили жерди и установили пять ящиков со снарядами. Лошади оставались на этом берегу.

А когда одновременно со всеми начали переправу, батарейцы проплыли десятка полтора метров, немцы услышали подозрительный шум на реке. Над головами повисли пачки ракет, сразу как днем осветившие всю речку. Поняв, в чем дело, немцы открыли ураганный огонь по переправлявшимся бойцам. Сверху немцам при свете ракет было хорошо видно все происходившее на воде и удобно вести обстрел.

От большого количества взрывов снарядов и мин, от жвнякающего бульканья пуль вода как бы кипела в берегах. На ряби волн отсвечивались ракеты и пунктиры трассирующих пуль. Мимо налимовского плотика проплывали, уходя вниз по течению, обломки разбитых плотов, трупы убитых. Несколько мин разорвалось совсем рядом, и Сергея охватило холодной водой.

Низко, почти над самыми головами проносятся немецкие самолеты, сбрасывая бомбы и поливая свинцом из пулеметов. Налимов видит, как правее и левее его бойцы соскальзывают в разбитых плотиков в воду и плывут, держась за обломки. Плывут на правый берег, туда, где враг. За некоторыми тянется расплывающаяся полоска воды, окрашенной кровью.

Однако это было не самое главное. Главное началось потом. Когда бойцы, выбросившись на узкую песчаную отмель правобережья, мокрые и усталые шли сразу в бой, выбивая из окопов немцев, отбивали в десять, в пятнадцать раз превосходящие по силе контратаки врага, гранатами встречали танки противника. Надо было зацепиться за этот клочок земли, кровью своей полить, но устоять до подхода подкреплений.

Ночь, утро и весь день до темна бойцы сержанта Налимова вели огонь по врагу, быстро перекачивая орудие на руках в наиболее опасные места. За день они подбили несколько танков, подавили немало огневых точек и уничтожили около сотни немецких солдат.

Вечером переправили и подали расчету лошадей. Стало значительно легче. Но бой не прекращался ни на один час ни днем, ни ночью. Приходилось с боем отвоевывать каждый метр украинской земли у немцев, которые никак не хотели смириться с мыслью, что русские всерьез и прочно переступили неприступный водный рубеж.

Все более и более накапливались силы уже на правом берегу, и Красная Армия, перешагнув Днепр, прочно закреплялась на отвоеванном плацдарме, расширяя его.

За мужество и храбрость, проявленные при форсировании Днепра, сержанту Сергею Венедиктовичу Налимову Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено высокое звание Героя Советского Союза со вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

До войны Налимов работал председателем колхоза «Горный Алтай» Шебалинского аймака.

**Фронтвик в колхозе
№ 36 (30 марта)**

С самых первых дней войны с немцами тов. Арлахаев находился в действующей армии. Он со своей частью принимал участие в защите Москвы и других городов родной страны.

Освобождая священную советскую землю от немецких захватчиков, тов. Арлахаев был 4 раза ранен. За боевые подвиги он получил орден Красного Знамени, медаль «За отвагу» и боевой орден Монгольской Народной Республики.

В феврале 1944 года после пятого ранения тов. Арлахаев освобождается от военной службы и едет обратно в свой родной колхоз. Шебалинский райком ВКП (б) рекомендовал его заместителем председателя и партторгом колхоза «Большевик», в котором он и работает с сентября прошлого года.

В беседе с нашим корреспондентом тов. Арлахаев рассказал о работе своего колхоза:

– Наша сельхозартель принадлежит к числу передовых в Шебалинском аймаке. В прошлом году мы полностью рассчитались с государством в октябре месяце по хлебопоставкам и добавочно сдали в Фонд Красной Армии 50 центнеров зерна.

Семьям военнотружеников и инвалидам Отечественной войны колхоз оказывает постоянную всестороннюю помощь. В колхозе все дети школьного возраста одеты и обуты. По собственному опыту зная, какое большое значение имеет передвижение бойцов на лыжах в военное время, я организовал в колхозе лыжный спорт, которым теперь занимаются 32 молодых колхозника. Организована также в колхозе школа взрослых по ликвидации неграмотности. Эту школу посещает 50 человек.

В колхозе нашем имеется значительная ферма крупного рогатого скота. Ею заведует кандидат в члены ВКП(б) тов. Ойношева А. Она работает на ферме 3 года. За добросовестное отношение к порученному делу она получила дополнительную оплату 1 теленка и награждена почётной грамотой райкома ВКП(б) и аймакисполкома. Случайная кампания на ферме проведена полностью, и теперь начался уже отёл. За молодняком обеспечен хороший уход.

На этой же ферме в течение 8 лет работает опытная доярка тов. Бухтуева. Она регулярно перевыполняет план надоя молока и вырастила всех порученных ей телят. За это она получила от колхоза 2 центнера молока и одного телёнка.

На овцеводческой ферме у нас свыше 1 000 овец и коз. Окотная кампания проведена хорошо. Уже появляется молодняк. На ферме работает 2 хороших чабана: инвалид Отечественной войны тов. Лукин и тов. Лафосова К. Окотная кампания проходила под их присмотром, и в стаде не было ни одного случая падежа. Тов. Лукин получит по дополнительной оплате 3 ягнят, а Лафосова – 6 ягнят.

В колхозе имеется зооветтехник, постоянно наблюдающий за состоянием колхозного скота.

Колхоз старательно готовится к весенне-полевым работам. Приняты меры, чтобы семена были полностью заготовлены, очищены и проверены на всхожесть. Сбруя вся уже отремонтирована, сельхозинвентарь находится также в полной готовности. Полеводческая бригада вывозит на поля удобрения. Полеводческая бригада состоит из 3 звеньев, руководит бригадой уже несколько лет бригадир Е. Лафосова, имеющая большой опыт. За плодотворную работу она была неоднократно премирована.

Каждый понедельник для колхозников делаются доклады на политические темы. Регулярно проводим читки газет, информации о ходе военных действий. Мне помогает в том учительница тов. Елисеева, которая читает лекции на общеобразовательные темы. Нередко нас посещают и аймачные работники, проводящие с колхозниками беседы и дающие им консультации.

Колхозники прилагают все свои усилия для того, чтобы в этом году вырастить высокий урожай победы и значительно перевыполнить план развития животноводства.

**ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ
№ 54 (11 мая)**

Родной наш Иосиф Виссарионович!

Сегодня, в радостный день, когда наша партия, народы СССР и весь мир отмечают историческую победу над немецко-фашистскими захватчиками, трудящиеся города Ойрот-Тура, собравшись на митинг, посвященный великой победе, шлем ВАМ, мудрому вождю трудящихся всего мира, гениальному полководцу и стратегу, вдохновителю и организатору побед над немецко-фашистскими злодеями, свой пламенный привет!

Празднуя День Победы на всей территории нашей священной земли, навсегда очищенной от гитлеровских захватчиков, советские люди преисполнены гордостью, что наша героическая Красная Армия с честью до конца выполнила свою великую освободительную миссию.

Советские войска принесли свободу народам Польши, Чехословакии, Югославии, Австрии, своей самоотверженной борьбой изменили весь ход второй мировой войны, подготовили нынешний День Победы!

Вместе со всеми свободолюбивыми народами Красная Армия нанесла последние смертельные удары врагу, окончательно разгромила гитлеровскую Германию и задавила навеки фашистскую гадину.

Боевой союз народов СССР, Англии и США показал себя могучей и непобедимой силой, перед которой рассыпались в прах все надежды, все расчеты и ухищрения врага.

И советские люди говорят сегодня: «Да здравствует победа англо-советско-американского боевого союза над немецко-фашистскими захватчиками!»

Грандиозные, исторические победы нашей любимой Красной Армии, великого Советского союза неразрывно связаны с Вашим славным именем, ставшим победоносным знаменем для народов всего мира. Успехи эти достигнуты благодаря Вашему, дорогой Иосиф Виссарионович, выдающемуся, мудрому руководству, как великого государственного и политического деятеля. Под Вашим руководством многонациональный советский народ пришел к полному торжеству победы.

К Вам, родному отцу, другу и учителю, обращены взоры и любовь советского народа, которому вы дали счастье и радость.

Ваше имя живет и будет жить вечно в сердцах трудящихся всего мира как имя гениального создателя и стратега нашей большевистской партии, вдохновителя и организатора побед над немецко-фашистскими захватчиками, как человека гигантской силы, мысли и воли, мудрого из мудрых полководцев всех времен и народов.

Выражая чувства и мысли миллионов народных масс, мы клянемся Вам, наш родной, любимый товарищ Сталин, что все силы отдадим борьбе за укрепление экономического могущества нашей родины!

Трудящиеся Ойротии от всего сердца желают Вам долгих-долгих лет жизни и здоровья на радость нашей великой Родине!

Да здравствует родной, любимый СТАЛИН!

Да здравствует великий советский народ, его Красная Армия и Военно-Морской флот, с честью отстоявшие Отечество от немецко-фашистских погромщиков!

Принято на общегородском митинге, посвященном Дню Победы.

А. Зиновьев

Здравствуй, Ойротия!
№ 125 (28 октября)

Был бы я ветром, в небесную просинь
Взлетел бы и крикнул всем сердцем своим:
«Здравствуй, сторонка, одетая в осень!»,
И поклонился долинам твоим.
Был бы я ветром, от края до края
Тебя облетел бы, и всюду, где был,
Поведал бы людям, как, гневом пылая,
Всей силой своей я фашистов громил.
Как ночью бывало, в минуты затишья
Грустил по твоим белоснежным хребтам,
Рябиной казалась чужая мне вишня,
Тянувшая ветви к ночным облакам.
Сказал бы о той безысходной тоске я
По говору волн в изумрудных ручьях,
По речи ойротов, которой роднее
Не знал я, не слышал в далеких краях.
Так здравствуй, Ойротия, здравствуй, родная,
Здравствуй, любимая, нежная мать.
Горит над тобою заря золотая,
Горит, полыхает от края до края.
Меня в этом цвете ты вышла встречать!

СТАЛИНСКИЙ ЗАКОН ШЫЛГУУЗЫ

(Кепке базылганы айыпчы: Кызыл Ойрот. – 1945. – № 97)

Кош-Агач, Оңдой, Улаган,
 Жайа бүткен телкем Жабаган
 Капчал бүткен Эликманар
 Озогызын эске алактар,
 Эмдигизине тунгейдилер,
 Теренжиде шүүштилер.

Озо темичи жайзаңныг
 Кан сороочы ачап казнын,
 Калапту закондорынан:
 Базынчыкту ээжилеринен
 Ачап байдан айрылып,
 Жит тушта баш буурайып,
 Кыс балдар малдый саттырып,
 Албатыны карануйга бастырып,
 Албанду жүрүмнен онтоп,
 Түрөп, торолоп, өлүп, короп,
 Коронына ыйлап-сыктап,
 Аргазын бедиреп ол таппай,
 Чөкөп ачу комудайтан,
 Айды, күнди каргайтан.

Же карануй тун өдөлө,
 Жаркынду күн бийик өксөйлө,
 Жердин үсти жарыгандый
 Алтайыс жарана түжүп,
 Ырыс жаскы күндердий көптөп,
 Көгүс ачаптып жараш кейди
 Толо, толо тына берди.
 Бала-барка жаштан ала
 Карган-тижен буурайала,
 Бир де алаканча жогынан
 Кайран төрөл ороонынан
 Кичеemelди алып жүрет.
 Айдары жогынан сүүнет.
 Жит, жит уулдар, кыстар
 Ырысту бистиг уй улустар.
 Кайда да болзо, жолы ачык
 Кандый да жөбжөзи байлык.
 Эне төрөлгө беринип,
 Онын чындык ээзи болуп,
 Сүүнчилү иштеп жүрет.
 Чөрчөктөгидий кайкал эдет.
 Эргек тийбеген бүктөрдө,
 Ээн турган чөлдөрдө,
 Суу талай колы кептү
 Алтын ошкош кеен өңдү
 Ажыбыс жайканат,
 Кижин жүрегин сүүндирет.
 Элең чакка журтаган,
 Алтайдын кебери кубулган:
 Агын-тегин суулары,
 Кеен бүткен агаш-таштары,
 Тенеряге жеткен кырлары
 Күлүмзиренип тургылары.

Мындый болгонын көрүп тура,
Тереңжиде сананып турза.
Алтайдын мындый жыргалы –
Сталинский закон шылтуузы.

Илья Мухачев

ГОРЫ

(Печатается по: Сибирские огни. - 1946. - № 1. - С. 68)

Вот наши горы. Любо поглядеть –
Лесисты, зелены!
Здесь водится медведь.
Когда он пробирается тайгою,
Вослед ему цветы летят пургою.
Хрустят колоды, слышатся обвалы.
Порой здесь появляются маралы
Между поджарых елок, точно в раме,
Покачивая синеву рогами
И от горы
И до горы кочуя.
Там, на поляне, средь булыжин лысых,
Полосками огня мелькают лисы.
И человеческий шум едва почуя,
С деревьев тихих в папоротник мелкий
Комками снега упадают белки.
Пройдись травой:
езде барсучьи норы,
Бурундука дорога столбовая...
Но только ли зверьем богаты горы?
А этот лес
от края и до края?
На склонах, что изрезаны ручьями,
Чуть шевеля погнутыми сучками,
Стоит пихтач –
Над ним туман клочками.
К реке, чьи берега желты, отлоги,
Спускается березник белоногий.
И, растолкав осины, желтокорый
Взбирается сосняк на косогоры.
А кедры, кедры!
Душно им в долинах,
Где моложавым тополям – свобода.
Они у гор толпятся на вершинах –
Растений богатырская порода.
Бывает,
грозами себя измучив,
Мохнатые раскинув лапы-плети,
У их подножья отдыхают тучи.
Да, много чем богаты горы эти!
И по молве еще седой, старинной,
Что обошла и села, и аилы:
У них серебряная сердцевина
И золотом наполненные жилы.
И оттого в утробах здешней птицы
Находят драгоценные крупы.
И потому здесь,
на брусничном скате,
Избу поставил золотоискатель.

Да и не зря живут здесь лесорубы,
 Чьи плечи широки, ладони грубы.
 Да и недаром каждую зиму
 Сюда на лыжах, раздвигая хвою,
 От забураненных долинных пашен
 Приходят зверобой бородаты...
 Так слушай, друг мой, если так богаты,
 Богаты всем родные горы наши,
 Где каждый склон пересечен ручьями, –
 То нам ли не назваться богачами!

Павел Кучияк

ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ

(Печатается по: Сибирские огни. – 1946. – №1. – С. 102; перевод Е. Стюарт)

Как многоцветно твой наряд горит!
 А всех имен твоих – не перечислишь.
 С любовью каждый на тебя глядит,
 Раз полюбив, не расстается с мыслью.

Народ давно сумел тебя сыскать,
 Боясь утратить, в сердце сберегал он,
 Тебя пронес сквозь трудные века,
 Как на руках детей проносят малых.

Кто видел прелесть твоего лица,
 Душою светел в сказочных просторах,
 Ты исцеляешь скорбные сердца,
 Душевных зачинатель разговоров!

Ты старикам даришь веселый смех,
 Ты юношей цветами осыпаешь,
 Кто никогда не знал друг друга, тех
 Собою ты знакомишь и сближаешь.

Я сердцем тоже покорен тобой,
 Вслед за тобой идти его заставил.
 Мы связаны с тех пор одной судьбой
 И жизнь свою разъединить не вправе.

Мы ночью вместе видим небосвод,
 Любуемся смеющейся звездой,
 И весла, направляя лодки ход,
 Мы вместе поднимаем над водою.

На крыльях в небе проносясь вдвоем,
 Мы разрезаем тучу грозовую,
 И на коне стальном и вороном
 С тобой вдвоем по городам кочуем.
 Нет тайн у нас. И каждый может знать,
 Что влюблены мы, – все известно людям.
 Мы эту жизнь не станем изменить
 И наше счастье вечно с нами будет!

Твоя весна в разгаре. Мир объят
 Красой, что лучше с каждой минутой,
 И я сегодня около тебя
 Как бы твоим цветением окутан.

Но если сердце вздумает заснуть
 Когда-нибудь и тише станет биться,
 К твоим рукам я руки протяну –
 Нет, я с тобой не в силах разлучиться!

Друг в друга каждый навсегда влюблен,
 И вечно клятвы не нарушит чувство –
 Воспрянет сердце, прогоняя сон,
 Чтоб жить, как прежде, для тебя –
 Искусство.

Чалчык Чунижсеков

ЈАНҒЫ ЈЫЛҒА

(Кепке базылган аайынча: Кызыл Ойрот. – 1946. – № 1)

Ак тонын жамынган,
 Јакшы ба, жаңы жыл?
 Албатыны ыргаткан,
 Јаан ырысту жаңы жыл.
 Мөш агаштын бүриндий
 Јайканыжып, сен келдин.
 Мөнгүн алтын суудый
 Мызылдажып, сен келдин.

Соок таадак сени уткыды,
 Соныркап, сени јон сақыды.
 Алдындагы жылда эткен јенүлеринг
 Алдынга јазап айдып туру.

Кеен јолконы јазап алып,
 Балдар сени сүүнчилү сақыды.
 Иштинг кемин ажыра бүдүрип,
 Јаан улус алдына мактанды.

Сталинский бешжылдыктынг
 Баштапкы жылы сен болдың.
 Совет јон јенүчил јон
 Јенүни аларына иженет.

Көбөг јердин өлөңи
 Орө өспөй жыгылды.
 Оштү турбас болуп калды.
 Чапкан јердин өлөңи
 Јажантып јадар качан да.
 Чактаг арткан албаты
 Амыр јадарына јединди.

Јылу келип, кар кайылды,
 Јодра бүри чечектеер.
 Жаңы жылыбыс келгенде,
 Јаан јенүлерге темдектеер.
 Кулуннын жалын сыймап,
 Ат јетирип минелдер.
 Ырысту жаңы жылды уткуп,
 Јангансыбай иштектер.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕДИНЕНИЕ КАЧАН ИШТЕЕР?
(Кепке базылган аайынча: Кызыл Ойрот. - 1946. - № 84)

Советский литературалар колкучиле јаткан албатынын хозяйствозын брө көдүрерине, јадын-јүрүмин культурный эдип јарандыраына советский искусствоны өскүрерине јаан учурлу, тузалу болуп турганы, ончобыска јарт. Ондый болгондо, литератураларды көптөдөргө творческий ишти тыгыдар керек. Бу ишти бүдүрерге јилбиркеген озочыл активтерди ончозын творческий ишке күреелей тартып алып, олордын эдер ижине јаан болуш јетирип, једикпестерин темдектеп, оны түзедер јолын чике айдып берери база јаан учурлу керек болуп јат.

Бистин Ойрот областта творческий иштин өзүми коомой айалгада туруп јат. Ненин учун дезе бу ишти кем де кичееп көрөр, баштаар күүн јок. Байагы бир озогы кеп сөс бар: «куру калбак ооско јарабас» – деп. Онын бирүзи, мен бодозом, бу ишти башкарып иштеген учун јал акча јок болуп турганда, оны кем кичеезин.

Бу јыл јаскыда, ВКП (б) обкомынын пропаганда ла агитация бөлүги бу творческий ишти јарандыраына амадап, Нациздательстводо «литературный объединение» тбзбгөн. Је бу «литобъединение» нени де этпей јат. Бу өйгө јетире «литобъединение» эки ле катап јуун өткүрди. Мынан көргөндө, албатынын өзүп турган творчествозына «литобъединение» бойынын болушын ыраакта јеткилдеп болбой јат.

Бу өйдө анчада ла национальный колхозтордо творческий ишке күунду: кожончы, чөрчөкчи, кайчы, икиличи, комысчы улустар көп бар болуп јат. Олордын кезиги көп кожондор, туујылар-стихтер бичип, «Кызыл Ойрот» газеттин редакциязына бергилейт. Мында дезе мындый «ээжи» табылган: «Озо литобъединение көрбөгөнчө, газетке саларга јарабас» – деп айдыжат. «Литобъединение» дезе иштебей јат. Анайдарда, улустын бичиген кожондоры, стихтери, куучындары онды чиммерек айалгада калас јатпай кайда барзын?

Национальный издательство дезе бу өйгө јетире азыйдагы учебниктерди катап јангыртып чыгарып, база орус книгаларды алтай тилине көчүрип чыгарарына јаан нургун күчин ого салган. Творческий иштег дезе, Улагашевтин чөрчөктөринен ле Чот Енчиновтын «Ай-Тана» – деп пьесазынан ла коомой качеству туујыларынан башка алтай тилле нени де чыгарбады. Колхозчылардын бичиген кожондоры кыймык јоктон јадып јат.

Мынан ары онойып отураарга јарабас. Литобъединениенин руководительдеринен: улустын бичиген творческий ижине качан болу жар? деп сурап турум.

Чалчык Чунижеков

БИСТИН КОНСТИТУЦИЯ

(Кепке базылган аайынча: Кызыл Ойрот. - 1946. - № 100)

Ойгор Сталин бичиген,
Улу Конституция бисте бар.
Јеткерден бисти корулаган,
Күн јаркынду Закон бар.
Алтын арба үренди
Јаскы кырага чачылтар.
Алтын ла бичиген Законды
Јылдан јылга уткуйлар.

Капиталдын кыңызынаг
Айрып алган Законус.
Айдары јок шырадаг
Аргалап алган Законус.

Эрјененин туйгагы
Элегенче јелектер.
Эл-јоннын байрамына
Ойноп, јыргал алактар.

Јайканып өскөн чечектий
Јайым јыргап јүрерис.
Јаңы Конституция Законло

Җажына амыр җадарыс.
 Мбш ағаштың җажыл бұр
 Соокко тонгып саргарбас.
 Конституция Законыс
 Ұрғұлҗиге бузулбас.

Лев Неханевич

ОБРАЗОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ КАК ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

(к 25-летию Ойротской автономной области. 1922-1947)

*(Печатается по: Сборник лекций к 25-летию Ойротской автономной области.
 - Ойрот-Тура, 1947. - С. 29-54)*

Многонациональный Советский Союз после победоносного завершения Великой Отечественной войны уверенно приступил к созидательной работе, к залечиванию ран, нанесенных войной, к выполнению Сталинской послевоенной пятилетки.

Наша Социалистическая родина залечивает раны, нанесенные войной, гораздо быстрее, чем какая-либо другая страна.

Одним из источников наших исторических побед в период защиты нашей родины от врагов, а также в период мирного строительства является дружба народов нашей страны.

Впервые в мировой истории создана такая прочная дружба народов в государстве, которое насчитывает много десятков наций и народностей. Это достигнуто под руководством коммунистической партии большевиков и её вождей Ленина и Сталина в результате ленинско-сталинского разрешения национального вопроса в нашей многонациональной стране.

Великая Октябрьская социалистическая революция раскрепостила и подняла к новой жизни все народы нашей необъятной Родины, вывела их на широкий путь социалистического развития.

Партия Ленина-Сталина явилась той могучей организующей силой, которая освободила ранее поработанные народы от помещичье-капиталистического гнета и эксплуатации, вдохновила их на творческий труд, помогла им искоренить национальную рознь, укрепила их дружбу и морально-политическое единство.

Пример Советской Ойротии дает яркое представление о великой преобразующей силе социалистической революции и Советской власти. Ибо только победившая революция, только организующая воля большевиков могли превратить в столь короткий исторический срок – за 25 лет – бывшую царскую колонию – Ойротию – из отсталой, голодной, неграмотной в развитую, культурную область Российской Федерации.

Большевистская партия воспитала алтайский народ в духе самоотверженного служения социализму, в духе братской дружбы народов и непримиримой ненависти к врагам алтайского народа и всех трудящихся.

Товарищ Сталин, являясь вдохновителем и организатором всех наших исторических побед, социалистического строительства всего советского государства, проявляет исключительно большую заботу о развитии всех национальных республик и областей. Товарищ Сталин уделял и уделяет большое внимание и нашей Ойротской области.

IV. Разрешение национального вопроса в Ойротии и его результаты

Ярким примером проведения на практике ленинско-сталинской национальной политики является образование и развитие Ойротской автономной области.

После победы великой Октябрьской Социалистической революции в Сибири была установлена Советская власть и на Алтае.

Территория горного Алтая – нынешней Ойротской автономной области – была включена в состав Алтайской губернии.

Но все националистические контрреволюционные элементы Алтая начали борьбу с Советами.

В марте 1918 г. был выделен Каракорум-Алтайский округ. Возникшая «Каракорум-Алтайская областная управа», которая находилась в руках националистов, продолжала борьбу с советами, восстанавливала местное алтайское население против русских крестьян, живших на Алтае, поддерживала чехословацкий мятеж в Сибири.

Когда власть в Сибири захватил Колчак, – ставленник Японии, – Каракорумская управа помогла формировать отряды в помощь колчаковцам. «Алтайский туземный кавалерийский дивизион» участвовал в личной охране Колчака. Дивизион этот известен своими кровавыми расправами с трудящи-

мися. Слово «каракорумовец» стало символом зверств колчаковщины.

Националисты на Алтае ставили себе цель не допустить власть советов на территории горного Алтая, а оторвать горный Алтай от России, отдать территорию и алтайский народ в кабалу японским империалистам.

В период борьбы с чехословаками в Бийском уезде организовалась партийная большевистская организация. Под её руководством на Алтае стало развиваться партизанское движение. В декабре 1919 г. партизанский дивизион соединился с регулярной Красной Армией.

В конце 1919 г. на территории Алтая была восстановлена советская власть. Парторганизация вышла из подполья. Все партийные и советские силы были брошены на борьбу с остатками контрреволюции. Парторганизация проводила мобилизации членов партии, создавала чрезвычайные отряды. 90 проц. членов партии в 1921–1922 гг. было под ружьем.

Алтайцы перешли к мирному экономическому строительству. Гражданская война подорвала все хозяйство Ойротии и прежде всего основную отрасль – животноводство, которое сократилось по сравнению с 1916 г. на 56 проц.; посевные площади сократились на 29 проц.

В середине 1922 г. алтайцы по своей воле оформились в административном отношении. 1-го июня 1922 года Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, идя навстречу желаниям алтайского народа, объявил Ойротию автономной областью в составе РСФСР.

Административно-территориальное деление царской России устанавливалось исходя не из интересов народов, а из интересов царизма, помещиков и капиталистов. Царское правительство нередко устраивало такие границы административных районов, при которых единые народы оказывались в разных административных единицах: губерниях, округах и т. д., ибо это было удобнее для эксплуатации национальностей, населяющих Россию.

Советская власть, после свержения царизма и буржуазии, отменила все формы эксплуатации и угнетения, в том числе и национальное угнетение. Вместе с этим было ликвидировано и административно-территориальное деление дооктябрьской России.

После победы Октября большевистская партия приступила к проведению в жизнь национальной политики в интересах трудового народа. Советская власть дала возможность каждой национальности устраивать свою жизнь на свободных началах, в том числе на основе создания своей национально-государственной организации. Но, кроме выделения национальностей в самостоятельные территориальные единицы, большевики боролись за объединение в одно сильное могучее союзное государство на добровольных условиях.

И народы бывшей Российской империи, поняв, что только состоя в одной дружной семье они смогут отстоять свои завоевания, добровольно объединились в Великий Советский Союз.

За период существования и развития Советского государства в нашей стране установились следующие формы национально-государственного устройства народов: 1) союзная республика, 2) автономная республика, 3) автономная область и 4) национальный округ.

Исходя из национальных особенностей, географических и других условий тот или другой народ избрал ту или другую форму национально-государственного устройства – союзную республику, автономную республику, автономную область или национальный округ.

Товарищ Сталин в своем докладе на VIII чрезвычайном Всесоюзном Съезде Советов в 1936 году говорил об условиях создания тех или иных национально-государственных организаций.

Говоря о создании союзных и автономных республик, тов. Сталин указывает на 3 условия, необходимые для образования союзной республики

«Во-первых, необходимо, чтобы республика была окраинной, не окруженной со всех сторон территорией СССР...

Во-вторых, необходимо, чтобы национальность, давшая советской республике свое имя, представляла в республике более или менее компактное большинство...

В-третьих, необходимо, чтобы республика была не очень маленькой в смысле количества её населения, чтобы она имела населения, скажем, не меньше, а больше, хотя бы миллиона» (Сталин. Вопросы ленинизма, изд. XI, стр. 528–529).

Вот почему при определении своей национально-государственной организации народы должны были исходить из своих национальных особенностей. И поэтому одни народы избрали союзную республику как свою национально-государственную организацию, другие народы – автономную республику, третьи – автономную область, четвертые – национальный округ. А все советские народы вместе взятые добровольно объединились в одно государство – Союз Советских Социалистических Республик – СССР.

Союз ССР является союзным государством, которое образовалось в 1922 году на основе добровольного объединения и состоит сейчас из 16 союзных Советских Социалистических республик. Это объединение исходит из интересов всех объединившихся народов. Только такое объединение дало и дает возможность всем народам, входящим в состав СССР, развиваться быстрыми темпами свое народное хо-

зайство и культуру, а также объединить свои вооруженные силы для укрепления и защиты Родины от врагов.

Советский Союз образовался на основе принципов добровольности объединения и равноправия всех народов. Такой союз мог быть образован только при Советском строе, под руководством партии большевиков, партии Ленина-Сталина.

Алтайский народ добровольно избрал своей формой национально-государственной организации – автономную область. Автономная область – это такая форма национально-государственной организации, которая образуется малым народом и входит, как правило, в состав края. Народ, который образует автономную область, пользуется на своей территории правами государственного самоуправления по вопросам своей внутренней жизни. Высшим органом власти автономной области является областной совет депутатов трудящихся, который действует на основе «Положения об Автономной области». Это «Положение» разрабатывается Областным Советом депутатов трудящихся и утверждается Верховным Советом Союзной республики.

Трудящиеся автономной области решают не только дела своей области, но и привлекаются к решению общегосударственных задач. Так, например, алтайский народ выбирает депутатов не только в областной совет, но и в краевой совет, в Верховный Совет Российской Федерации и в Верховный Совет СССР.

Автономные национальные области играют огромную роль в деле подъема творческой самостоятельности, экономического и культурного развития народов, которые их создали.

Под руководством коммунистической партии и Советской власти трудящиеся Ойротии в союзе со всеми братскими народами СССР, после организации в национальную автономную область, приступили к восстановлению народного хозяйства, к строительству социализма.

Восстановительный период в Ойротской автономной области после окончания гражданской войны был отмечен неуклонным ростом сельского хозяйства.

На основе сплошной коллективизации было ликвидировано кулачество, байство и остатки зайсанства.

Трудящиеся крестьяне Ойротии вступили на путь колхозного строительства.

Целые столетия алтайский народ нес на своих плечах ярмо нищеты и бесправия.

И вот сравнительно за короткий исторический срок – за 25 лет существования – Ойротская автономная область сделала такие гигантские шаги вперед в своем развитии, какие возможны только в социалистическом обществе, при советском строе, под руководством большевиков.

Экономика, культура, быт алтайского народа за эти 25 лет по сравнению с прошлым стали неузнаваемыми.

В прошлом отсталая царская колония, Ойротия превратилась в экономически развитую культурную область.

В годы сталинских пятилеток горный Алтай строился. Прокладывались дороги от аймака к аймаку. Строились школы, больницы, маслозаводы. От села к селу прокладывались телефонные линии. По области телефонизировано 64 сельсоветов, 36 колхозов, 4 МТС, 6 совхозов.

До революции считали, что горный Алтай беден полезными ископаемыми. Но советские геологи опрокинули эти «теории».

В Ойротии имеется много залежей белого, розового, светло-серого и серого мрамора. Уже найдены богатые месторождения золота, ртути, молибдена, вольфрама, марганца, меди. Многие из этих месторождений уже разрабатываются.

В Ойротии – богатейшие запасы гидроэнергии.

Более 5 ½ млн га занимают леса, богатые растительностью и пушным зверем. До 26 проц. лесных насаждений Ойротии составляют кедровники.

Большие достижения достигло сельское хозяйство за годы социалистического строительства в Ойротии. В области имеется 273 колхоза. За ними закреплено на вечное пользование и бесплатно 102.378 га пахотной земли, 195.051 га сенокоса и 657.504 га пастбищ.

Посевная площадь в 1946 году составила более 36 тысяч га. По решению пленума Ойротского Обкома партии посевная площадь в 1947 году должна увеличиться на 8 тысяч с лишним га.

В области работают 4 МТС.

Ойротия в основном животноводческая область. За годы предвоенных сталинских пятилеток животноводство области достигло больших успехов. Правда, в годы Великой Отечественной войны животноводство по многим причинам сократилось. Но уже к концу новой пятилетки должен быть восстановлен и превзойден предвоенный уровень.

В новой сталинской пятилетке колхозы области поставили задачу увеличить поголовье крупного рогатого скота до 130.000 голов, лошадей до 45.000 голов, овец и коз до 525.000 голов. Это значительно превысит довоенный уровень. В Ойротии с каждым годом улучшается породность скота. За 7 лет, с

1935 по 1942 год количество породистого скота увеличилось в 16 раз.

Если раньше Ойротия была потребляющей областью, то сейчас она стала производящей. Она сейчас производит свой хлеб, свои овощи и картофель. Раньше алтайцы сеяли только ячмень, который употребляли для талкана. Сейчас в Ойротии сеют рожь, пшеницу, овес, просо и т.д.

В области все больше и больше развивается местная промышленность. У нас работает 94 мельницы, 4 маслобойки, 2 крупорушки, 68 различных мастерских. В области 51 артель, завод по производству кирпича, извести, пивоваренный завод, завод металлообработки, 4 швейных фабрики, мебельная и валяльно-войлочная, сыродельные заводы.

До революции грамотность в Ойротии достигала 5-6 %. Сейчас Ойротия – область почти сплошной грамотности. В 1913 году одна школа приходилась на десятки населенных пунктов. В настоящее время школы имеются во всех населенных пунктах. В 1913 году один школьник приходился на десятки крестьянских дворов, сейчас один школьник приходится на каждые 4-5 человек населения.

В 1947 году имеется по области 312 школ, в которых учится около 23.000 учеников. Начальных школ по области 240, из них алтайских около 100. Неполных средних и средних школ – 51, из них алтайских, казахских и смешанных – 21. На родном языке обучается 7.500 детей-алтайцев.

В Ойротии сейчас имеется и ряд других специальных средних учебных заведений: педучилище, рабфак, зооветтехникум, медицинская школа, кооперативная школа, театральная и художественная студия. Алтайская молодежь учится в высших учебных заведениях в ряде городов Советского Союза.

В области существует 31 интернат, в которых живет 1600 человек, 7 детских домов, в которых воспитывается 789 человек.

В Ойротии работает около 100 изб-читален, 10 районных домов соцкультуры, 16 библиотек, 26 детских клубов и 2 юрты-передвижки.

Ойротское национальное издательство выпускает на алтайском языке книги классиков марксизма-ленинизма, художественную литературу русских классиков, учебники и другие книги.

В области выходит 2 областных и 6 районных газет.

В нынешнем учебном году открылось 14 школ колхозной молодежи для подростков, которые в период Отечественной войны не имели возможности обучаться в нормальных школах.

В Ойротии работает сеть краткосрочных курсов, где готовятся кадры для сельского хозяйства, животноводства и местной промышленности.

Коммунисты, комсомольцы, советский беспартийный актив и интеллигенция изучают труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, изучают политику большевистской партии и советского государства в десятках партийных и политических школах и политкружках.

Кадры из коренного населения работают в партийных, советских, торгово-кооперативных и др. организациях области.

Алтайский народ гордится своими талантливыми писателями – Павлом Кучияк и орденоносцем-сказителем Николаем Улагашевым.

Создание Ойротского национального театра также является свидетельством торжества ленинско-сталинской национальной политики.

Большое внимание партия и правительство уделяют здравоохранению трудящихся Ойротии. В области работают 21 больница, 21 амбулатория, 118 фельдшерских пунктов, 20 родильных домов. В области имеется более 150 врачей и фельдшеров.

Алтайский народ послал и своих представителей в высший орган государственной власти – в Верховный Совет СССР. Много алтайцев работает на руководящей партийной и советской работе.

Ярким примером роста и развития нашей области является рост и развитие областного центра – гор. Ойрот-Тура, выросшего из небольшой деревушки.

К периоду образования Ойротской Автономной области – в 1922 г. – с. Улала – центр области – насчитывало 5-6 тысяч жителей. В 1928 г. село Улала было переименовано в г. Улала, а в 1932 году, в связи с десятилетием образования автономной области, г. Улала был переименован в гор. Ойрот-Тура.

До Великой Октябрьской революции в с. Улала было 4 церкви, 3 часовни, 1 монастырь, 2 школы на 100 чел., 1 врачебный пункт с фельдшером во главе.

Сейчас в гор. Ойрот-Тура проживает около 27.000 жителей. В городе имеется 8 общеобразовательных школ, в которых обучается 4.5 тысяч учеников, 6 специальных средних учебных заведений. В городе работает свыше 200 учителей. В Ойрот-Тура имеется театр (с алтайской и русской труппой), музей, нациздательство, типография, кино, хлебокомбинат, ряд других учреждений, предприятий и т.д., несколько больниц, в которых работает около 150 человек медперсонала.

Изменилось и лицо алтайских сел. Вместо дымных аилов – благоустроенные дома. В быт алтайца прочно вошла русская печь, фарфоровая посуда и др. предметы культурного обихода.

В каждой деревне – школа, почтовое отделение, изба-читальня. Большинство населенных пунктов радиофицировано. Во всех деревнях выписывают газеты, журналы, книги. Пожалуй, сейчас не най-

дется ни одного алтайца, который бы не видел кино.

Во многих селах и в ряде районных центров горят «лампочки Ильича» – электрический свет.

Забота большевистской партии и советского государства об Ойротской автономной области ярко выражается в росте областного бюджета. Общий бюджет области в 1947 году в 132 раза больше бюджета 1923 года. А бюджет по народному образованию за это же время увеличился в 223 раза.

Ярким свидетельством заботы партии большевиков и советской власти о трудящихся Ойротии является специальное постановление СНК СССР о мерах по улучшению животноводства в Ойротской автономной области, подписанное тов. Молотовым.

Великие задачи стоят перед Ойротией в послевоенной пятилетке, выполнение которых приведет к еще большему расцвету Ойротской автономной области.

В возрождении и расцвете Ойротии большую роль сыграл великий русский народ.

Русский народ сыграл выдающуюся роль в сплочении всех народов СССР, в создании могучего многонационального советского государства. Товарищ Сталин охарактеризовал русский народ как руководящую силу Советского Союза. Русский народ добился руководящей роли благодаря своему мудрому и гуманному отношению ко всем другим нациям, ко всем братским народам СССР... <...>

И алтайский народ впервые за всю свою долгую жизнь, полную горя, лишений и борьбы, только после великой Октябрьской Социалистической Революции приобрел Родину и стал равноправным членом могучего Советского Союза.

Алтайский народ под руководством партии Ленина-Сталина, с помощью братского русского народа идет к своему 25-летию юбилею с большими успехами, с великой верой в свое еще более светлое будущее.

Константин Растегаев

ЖАНБЕК ЕЛЕУСОВ

Текст жуунтынаан алынган:

"Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи. Очерктердин жуунтызы"

(Ойрот-Тура, 1947. – С. 31-33)

Јас айландыра кырларды чечектерле чоокырлап салды, јуртка јаба јаткан јаландар јажара берди. Колхозтын тураларынын көзнөктөринде јаскы күннин чогы чедиргенделип турат, улус та эрчимдү ле күлүмзиреништү боло берген.

Школдын ачык көзнөктөринен күзүнгичектин өткүн шыгырты ыраак угылат. Эжик кайра ачылды. Үренчиктер тал-табыжы јаан үрле сенекке чыга кондылар. Јурттын элбек оромдоры сайын таркай бердилер, ончозынын согында кирнестеде военный кебериле чекчил кийимдү, каткак јиит кижичыкты. Јаскы күн онын төжинен кичинек алтын јылдысты тапты. Јиит кижичуртты кууй базып браадат, балдар дезе оны сүүмчилү көрүштериле үйдешкилейт.

– Бистин Жанбек Акетовичибис барып јат!

Јаан јашту колхозчылар туштажат. Олор јиит кижиле күндүлү эзендешкилеп, онон оны ээчий узак көрүп турдылар. Ого јаба кандый бир солун кижичанында турган болзо, кыйалта јогынан айдыжар эди:

– Бистин герой! Уккан болбойгар? Андый болбой кайтсын, Жанбек Елеусовты канайып билбейбен...

Эгирлер сайын, качан бастыра керектер бүдүп калганда, уйку дезе тыштанарына јилбиркеткелек турганда, айылдаштары бойынын үредүчизиле эрмектежерге сүүйдилер. Жанбектин јаан эмес, је јаркынду јүрүми оок-тобырына јетире олорго јарлу. Је олор онын јуучыл эркиндер эткени: онын алган наградалары, немецкий генерал ла Елеусовтын эки катап тушташтары керегинде, дивизиянын командиринде, онын алдында дезе, качан Елеусов генералды олјоого алар туштагы тушташтар керегинде катап-катап сурагылап турадылар. Је угаачылардын сырагај јилбүлү деп угатандары – Днепр сууны форсировать эдип кечкени керегинде куучын. Ол тушта јиит јуучылдын анчадала эрчими јарлу јаркындалган.

Күстин соок салкыны сууны буурыл түргектерле көбүктендирип турды. Калтырап, атыланып тургандый, Днепр кумаку јадагај јаратка барынкый коомдоры чыгара чайбылтып турды.

Эгирлер сайын јуугында јаткан койу агаштын Днепрдин коомдорына чыкталып калган ол кумака советский јуучылдар чыгара базып, күски чыкка кызынгылап, он јараттын бийик учарлары јаар узак ајыктагылап туратандар. Суунын ол јанында өштү болгон Ийделү суу буудакты јенип кечерине, күчтерди ле средстволорды јууп алар керек болгон. Сакылтада јуучылдар Днепрдин јалбагын көстөриле кемјигилеп, одоштой јараттын агыларын ајарулап тургандар.

Ол жуучылдардын ортодо Жанбек Елеусов болгон. Полктын эң артык пулеметчиги, пулеметный взводтын командири Елеусовко он сегиз жаш жеткен. Днепр сууны капшаай кечеле, фашисттерле жуулажарына ол энчикпей турган.

Днепрди форсировать эдип кечери керегинде приказ 12 сентябрьда алынган. Түнде кечиш башталган. Лейтенант Жихаревтин стрелковый ротасы ла ого болушка берилген Елеусовтын пулеметный взводы он жарат жаар жүткүгиледи. Же немецтер эрчимдү жуучылдарга өлүмдү адышты көйлөдип, кечишти үзүп салдылар. Таң эртен турада сүрекей көп немецкий самолеттор учкылап келеле, сол жаратты бомбаларла урылтып ийгендер. Кечиш бир канча күндөргө токтодылган болгон.

Ойто кайра келгендердин ортодо Елеусов, база онын взводы да жок болгон. Он бир пулеметчиктер бойынын иит командирин ээчип, от буудакты өткилейле, Днепрдин он жарадына кече бергендер. Олордо 5 танковый пулеметтор, көп патрондор ло өштүгө согужарына түгенбес ойгор санаа бар болгон. Олор Днепрди кууй барган жаратка казынып алгандар.

Таң эртен тура, жүк ле жарып турарда, ол участоктын корузында турган немецкий батальон наступление баштады. Согуш токунабай түнге жеде берди. Экинчи түнди он жаратта тирү арткан эки ле пулеметчик – Жанбек ле барнаулец Василий өткүрдилер. Арткан тогузы өлтүрткен болгон. Экинчи күнде Василий де өлди. Жанбек жагыскан арткан. Түннин карануйыла бектенип, ол Днепрдин жарадынын сыраңай ла каскагына кайралап алала, беш пулеметторды бастыразын бойынын алдына – флангга экиден, алдына бирүзин тургузып алала, үчинчи таң адарын сакуды.

Немецтер бойлорын узак сакутпадылар. Таң эртенде, суудан көдүрилип турган туманды баштарыла чийе согорынан коркып турган чылап, жерге жаба жабыс энчейип, немецтер жалтанбас жаар жүткүдилер. Жууктада жетирип алала, Елеусов олорды пулеметтын одыла уткуды. Немецтер кайраладылар. Бу сок жагыс Советский солдат, олорго удурлажып тура, неге иженип турганын олор ондогылабай тургандар. Кыркыраак үндериле немецтер кыйгырып турдылар:

– Русь! Олжолот! Сен тирү болорун!

Елеусов кыжууркаганына түкүрип, немецтерге каруу берип, айдып турды:

– Мен тегин де тирү. Тирү де болорым. Сен мен кирези тирү болуп ал!

Бойлоры ортодо шүүлтелерин кыскарта угушкан сонгында; Елеусовтын олорды короодо адып турганына удур, олор уч-бажы жок албаданып, пулеметчикке жууктап алала, оны өлтүрип саларына амадаган ченелтелер катап-катап болуп турды. Елеусов немецкий батальонло база да үч күн үзүгн жок жуулажып турды. Ол үч күннин туркунына уйуктабаган, ажанбаган, суу да ичпеген.

Качан бежинчи күнде полк Днепрди кечип аларда, полктын командири Советский Союзтын геройы Смирнов Жанбекти кучактай алып, окшоорго бойы келди. Елеусов арыганынан көдүрилер аргазы жок болды. Ол тижип калган колдорыла пулеметтын тутказын кабыра тутканча жатты. Айландыра 60-нан ажыра өштүлөрдүн өлтүрткен сөөктөри жатты.

Ас-мас тыштанып алып, Елеусов ончозынын алдында болуп, бойынын взводыла кожо өштүни иштеже берди. Жирме күннин бажында Припять сууны форсировать эдип кечкендер. Полкка – дивизиянын командири генерал-лейтенант Пуков келеле, Елеусовты ого Советский Союзтын геройы – деп, звание бергениле поздравлять этти.

Кан-Оозы аймакта «Нацмен» колхозтын колхозчызы болгон Жанбек Елеусов Герой адын бийик ару-чек тудуп, Черниговтын ла Коростеньнин алдында, Житомирдин ле Ровнонын алдында жууларда, бойынын сүүген Төрөлин жайымдаары учун жууларда качан да болзо полкто эң артык жуучыл болгон.

Александр Каланаков

АЛТАЙСКИЙ ЗАПОВЕДНИКТЕ

Текст жуунтынан алынган:

“Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи. Очерктердин жуунтызы”

(Ойрот-Турс, 1947. – С. 193-197)

Алтын-Көлдү эбиреде жаан туулар курчап жат. Алтын-Көлдүн күнбадыш жарадында турган Алтын-Туу көк теңериге кычыру эдип турган чылап, бажын бийик көдүрип алган туры. Озогы тужында алтай улус бу Алтын-Туунын эдегине келип, мүргүүл эдил, берү берип туратандар. Же эмдиги бй өскө болуп жат.

Телегит карган өбөгөн Какаев Павел Алтын-Туу жаар кыймык жогынан көрүп айдат: «Жыш». Алтай улус мынайда тайганы адагылап жат.

– Тайгада агас, сарас, тийин ле оноң до өскө көп андар бар – деп, Какаев куучундайт.

– Же ондо заповедник, андаарга болбос – деп, өбөгөн күнчыгыш жанындагы жарат жаар көргүзип, үшкүрип турды.

– Бу заповедникке кирген жерлер сеге, байла, ачу болуп турган учун, мынайда тыгыда үшкүрип

турын, а? – деп, мен өбөгөннөн сурап жадым.

– Эмеш ачу эмей база. Је тайгада јүзүн-јүүр андар база да көп ийне, оноор до барып андабай. Заповедникте андар өзүп, көптөп јат. Андарды бастыра ла јерлерде аткылап, үзе кырып салган сонгында, кайдан барып андайтаныбыс?

Мындый карууны жагыс ла Какаев Павелден угар эмес. Онон до өскө анчылар, Алтайский государственный заповедник андаар керекти элбедерине кандый јаан учурлу болгонын билип алгандар. Бу 1932 жылда төзөлгөн заповедник – Алтын-Көлдүн јуугында улус јуртабай турган тайганы ээлеп јат. Онын бастыра территориясында күнбадыш јанында Алтын-Көлдөн ле Чолушман суудан ала күнчыгыш јанында Тувинский автономный областька јетире кандый да анды ла кушты андаары токтодып салган. Заповедниктин ар-бүткеннинин байлык айалгазы, јүзүн-јүүр климады ла элбек јайым телкеми кийик андардын өзүмине болушту болуп јат. Заповедникте научно-исследовательский де ишке јакшы айалга тургузып алган.

Заповедниктин оморкогону

Заповедниктин оморкоп турганы туйгакту андар: сыгын ла булан болуп јат. Тайга тууларынын күчтү, түрген манду јараш андары ајарулу, көскүр анчынын тозуулынан кыйып барып болбой јат. Эди амтанду, јаан, жылу терелү, јаан бүдүлү ан анчыга токыналу амыр бербей турды. Ан ыраак туулардын кандый ла каскактарына чыгып, кандый ла састарга кирип те турза, кайда да болзын, оны анчы истешкенче јүрүп, једижип өлтүрип турат.

Медицинский эң баалу препарат-пантокрин деп эм белетеерине сүрекей керектү болуп турган аннын мүүстери. Качан канла толуп келген май ай ойинде, ан андагылап турган анчы-тувинецтер айдыжат: «Бир ан өлтүрип алзан, жылына јиир эт болор».

Аннын үүри түрген астап турганына кайкаары јок. Заповедникти төзөөринен озо сыгынлар ла мыйгактар сырагай ыраактагы ла тууларда коруланып артатан.

Шинжүчилердин тоологоныла болзо, 1932 жылда заповедникте сыгынлардын тоозы ас болуп турган. Сескир ле ајыкчыл анды кижн бойынын корузына алган өйдөн ала ан кижиге үрениже берди. Эмди сыгын кижидек коркып, ыраада мантабай, кижиге бүдүмчилү көрүп, агаштын ортозынан јайым баскылап јүрет. Эмди заповедникте турган сыгынлардын тоозы көп болуп јат.

Киш јайымда

Киштин јүрүми онон до ас эмес ырысту боло берди. Мынан озо өйдө бу јаан баалу алу ангычак бойына коруланар јерди сырагай таппайтан болгон. Киш ак јаландарда, тайга тууларында, оок төндөрдө лб кырландарда – кайда ла јүргежин, оны анчылар улам ла истеп туратан. Изин булгап, өдүп болбос көчкө кардын алдына кирип, јажынып јүрери ангычакка болушту болгон. Је кишти андап үренип калган ченемелдү анчылар истежетен болгон. Ондый анчылар киштин изине узактан отурып, ангычактын «ойынын» билип алып, оны ээчий түни-түжиле истежип, мөнгүн түктү кишти једижип өлтүрип албаганча, ойто бурылбайтандар.

Он беш жыл мынан озо заповедниктин шинжүчилери бастыра тайганы јүрүп көргөндөр. Мынайда ајарулу шиндеп јүрүп, жагыс ла Корбо деп туунын сындарынын јиктеринен, ташту корумдардан үч-төрт лб эжер киштин изин тапкандар. Бу бастыра Алтайда озогыда өскөн тоозы јок көп киштердин арткандары болгон.

Киштер јүрүмге эпчил ан. Олор заповедниктин агаштарында түрген өзүп, көптөп јат.

Көп киштер жыш деп айдатан Алтын-Көлдүн ол јанына көчүп јат. Калганчы жылдарда анчылар киштин терезин заготовительный пунктка улам сайын экелеечи болдылар. Мынайда бистин областьта киш андаары ойто орныктырылды.

Барынтычыларга закон јок

Заповедниктин шинжүчилери ле научный ишчилери агажы јок јерлерден туунын кучалары-кочкорлордын сөөктөрүн таап жадылар. 18 пудка јетире кемјүлү јаан сөөктү андар ончозы кырылып калган. Эмезе күски тожонгон, эмезе узак кышка чыдажып болбой өлгөн андардын сөөктөри табылып јат. Мынайда тапкан сөөктөр научный ла практический јанынан анчадала јаан учурлу болуп јат.

Заповедниктин ар-бүткендеги бастыра бар зонаны корылап алар керек. Жагыс ла бөрүлерге закон јок. Олорды аткылап, корондоп, чалкылап өлтүрери кем јок. Заповедникте бөрүлер тын да көп эмес. Јайдын јаан баргаазы, кыштын калын түшкен кары олорды тайгадан сүрүп ийгенде, олор заповедниктин хозяйствозына кор јетирбей жадылар.

Шүлүзин анчадала јеткерлү. Айу јилектү јайда семирп алып, күскиде ичегенине кирип жадып койгондо, шүлүзин агаш ортозынын ээзи болуп турат. Эпчил, јалбак тамашту шүлүзин карга кадалып турар туйгакту тындуларга једижип, олорды тудуп турат. Барынтычы ла барынтычы эмес андар учуражып, узак эмес өйгө согушкылап туратандарын, шинжүчилер јааган карда истеп көрүп жадылар.

Шүлүзин көбизинде агашка чыгып алып, оноң бдүп брааткан агнын устине калып, житкезин кажап ийет. Аг канайып та секирип, канайып та тыгыда мантап, барынтычыны бойынан жайлады болбойт. Житкезин үзе кажадып алган аг, күчи чыгып, жыгыла берет. Шүлүзин агнын эдин амтандуу жеринен талдап, бөөрөгүн жип алала, жүре берет.

Шүлүзин жок болгожун, заповедникте андардын тоозы эки-үч катап көп болор эди. Шүлүзин көп сабазында туйгактуу андарга умзанып, туунын эликтерин бастыразын кырып салган. Табыргынын, буланнын, туунын текелеринин ле оноң до өскө тындулардын жүрүмү база андый ок болуп жат.

Заповедниктин научный ла управленческий тбс жери Айулуда блаш болуп жат. Бирүзи кандый да база барынтычы да андарды өлтүрбес деп айдыжып жадылар. Ар-бүткенде кандый ла андар бойлорунун табыла көптөп өзөт. Туйгактуу андар бойлорунун аргаларын таап, качып коруланар учурлу. Экинчилери десе анчадала казырланып, барынтычы андардын ончозун кырап керек деп айдыжадылар. Бу жаан да, база катуу да сурак болуп жат. Алтайский государственный заповедник бойынын телкемиле Советский Союзтын экинчи жерде турган заповедниги болуп, фауназыла да база анайып ок флоразыла да байлык болуп жат. Научный ишчилердин көп нургуны ого жаан ажару салып жадылар. Онын учун заповедниктин ар-бүткенин, онын бүткен бүдүмиле, корулап алатаны жаан учурлу болуп жат. Барынтычылар өскө дө тындулардын өзүмине айдары жок камаандуу болуп, научный жанынан десе оларды коротпой артыраы, кыйыш жоктон керектү болуп көрүлүп жат. Же, бис биологический проблеманы өткүрбөй турган улуска, заповедникте барынтычы андар өткүрө көп болорун жаратпай жадыбыс.

Бис заповедниктеги бастыра барынтычыларды кырып саларын жаратпай жадыбыс. Бистин шүлүтебисле болзо, бөрүле кожо, наука керегинде ас тоолузын артып, шүлүзинди де, жекекенди де кырап керек.

Кижинин корузында

Мында эң талдама алуу андар – Алтайдын тийинги болуп туры. Онын ады-чуузы озодон бери жарлуу болгон. Ол качан да болзо, сибирский де. Российский де алуу рынкаларда жаан баала садылып туратан. Заповедникте тийинги умазы жок көп өскөн керегинде, оны жанындагы мөш агаштуу жышка көчүргөдүй болды. Заповедниктен өскө дө тындуларды. Темдектезе, туйгактууларды көчүрүп турганы билдирип жат.

Заповедникке улай жаткан жерлер андаарга сырангай жарлуу боло берди.

Темдектегежин, 1945 жылда Улаган аймагынын «Пограничник», Сталин адыла адалган «Кызыл тоурак» ла оноң до өскө колхозтордын агчылары Чолушман сууны сол жараттай андагылап, күнине 60-70 тийингине аткылап тургандар. Агчылар заповедниктин агаштарына ак-чегинен ле государственной сознательностуу болуп тургандарын база да темдектеер керек. Сторожевой служба өткүрүп турган кордондор, канча жылдардын туркунына колхозчылар заповедниктин границазын бусканын темдектебей жат.

Мөш агаштуу тайгада көрүк нургулай ла учурап турат. Бу өңи-сүри де жок, баалуу да эмес анычак. Онын керегинде бичибес те керек болгон, же ол кандый да немени сүгүнчилү уткуп, ончозына суркулдап ийет. Мынайтканда, ол керегинде бичибегени жарамыктуу эмес болор эди. Ого үзери онын биографиязы жилбүлү. Көрүктин адазынын адазы качан бирде буруланган деп, айдыжат. Кыскарта айткажын, урданала, бурулаткан дежет. Андар онын жаманын таштагандар, же ондый да болзо оны сойгылап, арказын жолдоп салгандар. Же бу өйдөгү ала бастыра көрүктөр арказында чоокыр темдектүлөр.

Оноң до өскө куучын бар. Бу сырангай озогыда болгон. Айу көрүккө жолыгала, айдат:

– Э-э, мен сени көрбөгөнине бери удады, адын кем болгонын ундып салдым.

– Мен көрүк, көрүк ийне, таадак.

– Же сен бу өйгө жетире кайда болдын?

– Төрөгөн ада-энеме туштап, төрөгөндөрүмө жолыгып жүрдим.

– Шулмус эмтирин, көрүк, бери келзен, аркаңды сыймап берейин.

Айунын эркелегени жеңил эмес болды. Айу көрүктин арказын сыймап ийерде, онын тырмактарынын беш жолу артып калды. Оноң бери бастыра көрүктөр арказы беш жолду болуп калдылар.

Заповедниктин тайгалуу хозяйствозына онын ченемелдүү ишчилеринин жакшынак отряды жаан кичемелин салып жадылар. Научный бөлүктүн башчызы заповедниктен өскө бир де жерге барбай, алты жылдын туркунына ондо иштеп туры. Ол кийик андардын өзүмү керегинде жаан, баалуу научный бичиктер бичиген. Ол бастыра экспедицияларга ла научный ишчилерге баалап болбос болуш жетирип турат.

Алтайский государственный заповедникте ады-чуузы чыккан улус көп. Олор ончолоры научный задачаларды бүдүрүп, Ойротиянын ла Сибирьдин өскө дө областьтарынын алуу андаар керектерин байгызып, сүүгендүү иштенип жадылар.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОЙРОТИЯНЫНГ УЛУСТАРЫ ЛА ИЖИ

Текст жуунтынаг алынган: "Социалистический Ойротиянынгу улустары ла ижи. Очерктердин жуунтызы" (Ойрот-Тура, 1947. – С. 3–6, 11–13, 14–18)

1947 жылда 1-кы июньда Ойротский автономный область тѳзѳлгѳн кѳннег бери 25 жыл болды. Ѳткѳн жылдар эрчимдѳ тартыжунын ла жаан женѳлердинг жылдары болуп, алтай албатынынгу ѳзѳп тынгы-ганынынгу ла онынгу материальный ла духовный ийде-кѳчтери тѳрген ѳзѳп тынгып келгеннинг жылдары болгон.

Ас тоолу алтай албатынынгу революциядан озогы историзы – ол олордынг правозы жок, уур јѳрѳминг историзы. Олор монголо-язычный жужандардын, тюркский хандардын, китайский феодалдардын, азиатский јѳзѳн-јѳѳр князьтардын, монголдордынг башчызы Чингиз-Ханга јетире базынчыгында јаткандар; Джунгарский олјоочылар алтай албатыны эки јѳс жылга јуук базынчыктагандар. Ѳскѳ јердинг казыр базынаачылары алтай албатыны кыйнагандар, олорды тѳренде, карануйда тудуп, айыл-јуртын ѳртѳп, малын айдап апарып, бала-барказын, уй улустарын кулданарга апаратан болгон. Аку улустынг каны тѳгѳлип турган. Алтайдынг тууларын албаты «Канду Алтай» деп адагандар.

XVIII-чы чактынг экинчи јарымында Туулу Алтайды Российский империяга бириктирген болгон, онызы алтай албатынынгу хозяйствозын, јадын-јѳрѳминг ле культуразын ѳскѳреринде жаан учурлу болгон. Шак ла бу эн баштапкызында, алтай албатыны китайско-монгольский јуулап алаачыларынынгу бѳткѳл тоноп, јоксырадып, физический јоголтып саларынан корып алганы болуп јат. Экинчизинде, исторический ѳзѳминг эн бийик тепкижинде турган орус албатыла алтай албатыны кѳндѳре јуук болуп, јангыс болуп турарын тургусканы болуп јат.

Онон башка Алтайды Каан Россиязына бириктиргени, ол алтай улустынг јадын-јѳрѳминг јаранды-рарына арга эмес болгон, не дезе ол тужында Россия «албатынынгу тѳрмези» болгон. Туулу Алтай дезе онынгу јангы колѳнизы боло берген...

Революцияданг озо Ойротия культура јанынанг чик јок сондоп калган болгон. Алтай албаты эш неме ондобос, карануйда јуртагандар. Бичик билери 5–6 процент болгон. Кажы ла 2000 јурт кижинг тосзына бичикчи бир ле кизи болгон. Школдор јирме бештенг кѳп эмес болгон, ондо бийлердинг, абыстардынг ла байлардынг балдары ѳренип туратан.

Национальный литература, искусство ло музыка керегинде айдарга да келишпей турган. Алтай албатыда бойыннгу бичиги јок болгон. Олор карануй јѳрѳм керегинде, правозы јок болуп, ачу-коронго бастырып, тѳреп јатканы керегинде бойлорыннгу јакшы јадар шѳѳлтези керегинде уйедег уйеге куучын эдип, чѳрчѳк эдип айдып туратандар.

1917 жылда болгон Улу Октябрьский социалистический революция капиталистический кулдакыштынг темир кынјызын ургѳлјиге ѳзѳп салды. Революция кижиннгу кѳчин кизи јип турарын чек јоголторына бек фундамент салып; кѳп албатыны, ол тоодо алтай албатыны ѳлѳмнег айрып алып, колкѳчиле јаткан албатыга јайымды экелип, озогы Российский империяга кирген албатылардынг ортозында бузылбас наажылыкты баштап салды.

Је андый да болзо, Ойротиянынгу колкѳчиле јаткандарына ырысту јангы јадын-јѳрѳмди тургузала, революциянынгу кийнинде тѳзѳп тургузарына келишпеди. Советский јангы базып салала, помещиктердинг ле капиталисттердинг диктатуразын ойто тургузып, колкѳчиле јаткандарда ойто ло базынчыктаарга амадап, канча ла катап ченешкен ак бандиттерле, интервенттерле база буржуазный националисттерле Кызыл Черѳ база Алтайдынг партизандары Алтайдынг тууларында 5 жыл ажыра вооруженный тартыжу ѳткѳргендер. Је олордынг амадаган амадулу ченелтелери не де болбоды...

1922 жылда 1-кы июньде бастыроссийский Центральный Исполнительный Комитет Ойротский автономный областты тѳзѳѳри керегинде јѳп чыгарган. Советский республиканынгу Верховный органынынгу бу исторический јѳби ленинско-сталинский национальный политиканынгу торжествозыннгу база бир акты, большевистский партиянынгу X-чы съездиннгу решениезин практический бѳдѳрип јат, бу решениеде мынайда бичилген болгон:

«...партиянынгу задачазыннгу турганы – Тѳс Россияда ичкеери баргандарга једжерге улу орус эмес колкѳчиле јаткан албатыга болужары болуп, олорго мынайда болужар: а) бойында советский государственностьы бу алатылардынгу национальный јадын-јѳрѳм кебериннгу условиезине келиштире ѳскѳрип тынгыдар; б) бойында тѳрѳл тилле иштеп турган судты, администрацияны, хозяйствоннгу органдарын, јер бойыннгу албатызынынгу јадын-јѳрѳминг ле психологиязин билер улустарданг тургузып, ѳскѳрип тынгыдар; в) бойында прессаны, школдорды, театрларды, клуб керектерин, текши культурно-просветительный учреждениелерди тѳрѳл тилле ѳскѳрер; г) текшилей ѳренер ле профессионально-технический јанынанг тѳрѳл тилле ѳренер курстардынгу ла школдордынгу сетьтерин элбеде тургузып ла ѳскѳрер...»...

Ойротский автономный областтың тӱзӱлгӱни алтай албатыны жаңы жӱрӱм учун тартыжуга там ла жаан кӱдӱрди. Бойларының жаан карындажы – орус албатының болужыла, Ленинин-Сталиннин партиязына баштадып, олар бойларының государствозының тургузылган баштапкы жылдыгына Ойротияның јерин бандиттерден чек арулап алып, Советский социалистический Ойротияның строительствозына лапту кирип алгандар...

Ойроттың промышленнозы, оның јорыктаар јолдоры ла связь Улу октябрьский социалистический революцияның кийинде ӱскӱн. Бу јанынаң не ле эдилген немелер эмди иштеп јат, олардың ончозын алтай албаты бойының колдорыла калганчы он-он беш жылдардың туркунына јазап алган. Областың тӱрт јӱске јуук тоолу государственный ла кооперативный предприятиелер иштегилеп јат. Олардың ортозында 54 предприятиелер союзный ла республиканский учурлу, 23 предприятиелер областной учурлу, 58 предприятиелер промысловый ла инвалидтердин кооперациязына кожылып јат. Ойротто 99 сыр эдетен, база сарју эдетен заводтор бар, 108 механический ле суула иштейтен теермендер бар, Чемалдың ГЭС, райондор турган јурттарда, предприятиелерде ле совхозтор ло МТС-тердин ремонт эдер мастерскойларында 19 электростанциялар, агаш промхозторы ла ӱскӱлӱри де бар.

Ойротия ороонго Алтайдагы мӱнӱн суузын, вольфрамды, молибденди ле алтынды берип турар болды. Ойроттың мраморы Москвадагы метрополитеннин јер алдындагы ӱргӱлӱрин кееркедип јат...

Алтай албаты газеттер, журналдар алдыргылап, почта ла телеграфла тuzаланып јат. Радио ажыра тил алыжары жаңыдан ачылган база кажы ла жыл сайын элбеп јат.

Эки алтай уй кижии – Елена Упаева ла Софья Шабуракова – СССР-дин Верховный Соедининг депутаттары болуп јат, јӱстер тоолу уй улустар колкӱчиле јаткандардың краевой, областной, городской, аймачный ла јурт јерлердеги Советтердин депутаттарына тудылгандар. Мария Федоровна Саруева партияның областной комитедининг пропаганда ла агитация бӱлӱгининг заведующийининг заместители болуп иштеер ишке јетире ӱскӱн. Ордендӱ Ябыкова Мария жаан колхозты башкарып јат...

Советский жаң Ойротияның колкӱчиле јаткандарын карануй ла сондогонынаң айрыган. Алтай албатының культурный кебери тазылынаң ала кубулган. Национальный кеберлӱ, социалистический бӱдӱмдӱ культура ла искусство чечектелип ӱзӱп јат...

Ойротия бойының 25 жылдыгына јетире бастыразына јуук бичикчи болуп калган. Текши ӱредӱнинг школдорыла кожо областтың аңылу ӱредӱлӱ заведениелер иштеп туры: педагогический училище, рабфак, зооветтехникум, фельдшерско-акушерский ле торгово-кооперативный школ, база кыска ӱйдин курстары иштейт.

Албаты ӱредӱзининг ижинде 1300-тең ажыра ӱредӱчилер иштегилеп јат, олардон 300-тең ажыразы алтайлар. Школдордың ишчилерининг ортозында ӱредӱнинг јакшы деген устары бар.

Бойларының ат-нерелӱ иштери учун Ленининг ордениле Ойрот-Тура городтың 12-чи школының ӱредӱчизи Истигешева Екатерина Ивановна, Трудовой Красный Знамя орденле областтың педагогический кабинетининг директоры, СССР-дин Верховный Соедининг депутаты – Шабуракова Софья Николаевна награда алгандар, школдың директоры болуп иштеп турган Киришина Клавдия Григорьевна ла ӱредӱчи Веденина Таисия Владимировна медальдарла награда алгандар.

Революциядан озо тушта алтай улус театр, клуб, кино ло библиотека дегенин билбей тургандар. Каан башкару албатының акчазына церквелер, монастырьлар ла кабактар тудуп турган. Революциядан озо Ойротияда церквелер, часовнялар ла кабактар кажы ла жаан јурт јерлерде бар болгон, оной башка эки монастырь бар болгон – Улалуның ла Чолушманның.

Советский башкару ла большевистский партия колкӱчиле јаткандардың культурный ӱзӱмин ле токуналу амыраар амырын тӱзӱлгӱ нени де кысканбай јат. Культураның ӱргӱлӱри ле туралары, театрлар, клубтар, изба-читальнялар, краеведческий музей, драматический театр, 35 кинотургузулар, алтай ла орус тилле чыккан 97300 экземпляр политический, экономический, научный ла художественный литература фондту 16 библиотека иштеп туры; пионерлердин клубы, балдардың технический станциязы ла база да кӱп учреждениелер бар.

Алтай албатының бир жаан јенӱзи – 1936 жылда тӱзӱлгӱн кичинек студиядан ӱзӱп чыккан тӱрӱл тилле иштеп турган драматический театрды ӱскӱрип алганы болуп јат. Областың театры бойының башталганынаң бери ӱткӱн он жылының туркунына сӱрекей жаан воспитательный иш ӱткӱрген. Ол 600 ажыра спектакльдар тургускан, ол ойындарды 270000 ажыра тоолу улустар кӱргӱндӱр. Театр бойының ойындарын кӱргӱзерге областтың эн узактагы јерлерине баргылап, колкӱчиле јаткандарга орус ла ӱскӱ ороондордың классиктерининг, онойдо ок эмди советский драматургтардың ойындарын кӱргӱзип турган.

Театрдың једин алган жаан јенӱзи – ол алтай албатыдан чыккан бир кезек талантливый артист

терди өскүрүп алганында болуп жат, олардын тоозында: Алтарыкова, Быйхыев, Уксегешева, Тыдыкова ла өскөлөри де бар. Театр национальный драматургияны төзөбөр жөмөлтө болгон. Алтайдын драматургы, поэт база писатель Павел Кучияктын бичиген «Чейнеш» ойынын Ойрот-Тура ла бастыра областтың албатызы канча-канча катап көргөн. «Чейнешти» алтай ла орус улустар ортозында жаан жылбиркеп көрөрүн тузаланып жат.

1945 жылда Москвада национальный театрлардын ижин көрбөр тушта Ойроттын национальный театры баштапкы жерлердин бирүзин алган.

Ойротияда областной национальный издательство иштеп жат. Жетире эмес тооло, ол мун печатный листтен ажыра кемјүлү жүзүн-жүүр бичиктер чыгарган, ол бичиктердин тиражы 650 мун экземплярдан артык. Ол политический ле научный бичиктерди, баштапкы ла толо эмес орто үредүлү школдордо үренерге керектү бичиктерди чыгарып жат.

Бичик деп немени билбеген алтай албаты эмди бойынын тилиле Лениннин ле Сталиннин бичиктерин, марксизм-ленинизмнин үредүлү энциклопедиязы – ВКП (б) историязынын кыска курсы кычыргылап жат. Пушкиннин, Горькийдин, Чеховтын, Крыловтын, Н. Островскийдин, Шолоховтын ла Маяковскийдин бичигендери алтай тилге көчүрилген.

Алтай албатынын бойынын бичиги башталганыла кожо бойынын поэттери ле писательдери табылгандар. Жаан поэт, драматург ла бичиичи, база онойдо ок алтай албатынын кожондор, куучын, чөрчөк айдар творчествозын токунал жок жууган жууйчы Павел Васильевич Кучияк болуп жат (ол 1897 жылда чыккан, 1943 жылда өлүп калган). Ол бойынын кыска өйи туркунына көп тоолу талантливый ла бийик художественный произведениелер бичиген.

П. В. Кучияктын бичигенинен алтай тилле 11 книгалар кепке базылып чыккан, орус тилле – 5, олардын тоозында бу мындый жуунты-бичиктер бар: «Төрөл жалаңдарда», «Ойротиянын кожондору», «Алтай чөрчөктөр», «Правда» кепке базып чыгарган. «СССР албатызынын творчествозынын» жуунтызы П. Кучияктын «Алтын тандак жарыды» деп тууяла ачылып жат. П. В. Кучияк керегинде алтай албаты мынайда айдат:

«Мылтыгын алза – аңчы, топшуурын алза – кайчы,
Жүзине грим салза – актер, перо алза – поэт».

Алтай албатынын экинчи талантты жанынан база учурлузы жаан болуп, бойы өскөн кайчызы, советский башкарула «Знак почёт» орденле наградалаткан Николай Улагашевич Улагашев болуп жат. Бек санаалу болгон Н. Улагашев бойынын көп жылдарга жүрген жүрүмунин туркунына албатынын көп тоолу чындык куучындарын, легендаларын, чөрчөктөрүн ле кожондорун бойына шиндирип алып, бастыра мыны бистин күндерге жетирген.

Н. Улагашев советский жаң тужында бирме жылдан ажыра жаткан, онын жажы карый да берген болзо, же алтайлардын озогы жүрүми керегинде, бойынын албатызынын жайымы учун тартыжу керегинде, Социализмнин жазалы керегинде кожондогон. Ол большевистский партия ла албатынын улу башчызы нөкөр Сталин керегинде сүүмжилү кожондогон.

Н. Улагашев көп тоолу чөрчөктөрдү, кожондорду, легендаларды ла чындык куучындарды айдып бергени бичилип, база бичик болуп чыккан. Удабас онын чөрчөктөрүнүн 13 печатный лист кемјүлү жуунтызы орус тилле чыгар.

Поэт база драматург Чот Енчинов жакшы бичип жат. «Темир-Санаа», «Ай-Тана» онын произведениелери болуп жат, онын лирический стихтери «Айрылышкан», «Май», «Жаңы Алтай» ла өскөлөри де солун жакшы стихтер болгылап жат. Советский Союзтын гимнин алтай тилге көчүргөн мак онын болуп жат.

Жиит алтай литературага жаңы-жаңы улустар кожылып жат. Ч. Чунжеков балдардын чөрчөктөрүн ле куучындарынын эки жуунтызын берген. Чөрчөктөрдүн книжказын Ябыков бичиген. Бойларынын ийделерин жаңы баштап турган литераторлор Каланаков, Кочеев ле өскөлөри де стихтер ле прозалар бичип, ченегилеп көргүлөп турылар.

Алтай ла орус тилле бичиген, база орус тилден алтай тилге көчүрүп жазаган художественный литература өзүп турганыла коштой алтай тил үзүги жогынан жаранып жат. Школдорго керектү учебниктерди бичириине жакшы белетеп алган авторлордын ла орус тилден алтай тилге көчүрөтөн көчүрөөчилердин жаан тоолу улустары бар болуп жат.

Эмди тургуза Ойротияда областной эки, база алты аймакный газеттер чыгып жат. Олордон бир областной ло үч аймакный газет алтай тилле чыгып жат. Онон башка алтай улус бойынын төрөл тилиле областной ло жербойынын аймакный радиоберилтелерди угуп жат...

Культура керегинде – алтай албатынын национальный кеберлү, социалистический бүдүмдү культуразын онон бийик кемине жетире көдүрүп, Ойротиянын колкүчиле жаткандарынын культуразын ла искусствозын, жадын-жүрүмин произведениелерде көргүзүп турар керек.

Алтай албатынын алдында жаан да, мактулу да задачалар туруп жат. Алтай албаты Лениннин маанызынын алдына туруп, Сталиннин баштаганыла улу Советский Союзтын карындаштык албатызынын болужыла бу задачаларды мактулу бүдүрүп салар.

**УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР
О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ОЙРОТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
(Печатается по: Звезда Алтая. – 1948. – № 5)**

Удовлетворить просьбу трудящихся Ойротской автономной области, Алтайского края, о переименовании Ойротской автономной области в Горно-Алтайскую автономную область, города Ойрот-Тура в город Горно-Алтайск и Ойрот-Турского сельского аймака в Майминский аймак.

*Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР И. Власов.
Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР П. Бахмутов.*

Александр Сапего

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ ОБЛАСТИ
(Печатается по: Звезда Алтая. – 1948. – № 5)**

Идя навстречу пожеланиям трудящихся, Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 7 января 1947 года переименовал нашу область в Горно-Алтайскую автономную область. Городу Ойрот-Тура дано новое наименование – Горно-Алтайск, а Ойрот-Турский аймак переименован в Майминский аймак.

Президиум Верховного Совета удовлетворил справедливое желание трудящихся нашей области, так как термин «ойрот» не соответствует исторической действительности и за 25 лет существования области не получил признания среди коренного населения. Он не мог получить народного признания в силу своей искусственности и полнейшего отсутствия исторического обоснования.

Термина «ойрот», как названия своей национальности, у группы тюркоязычных племен Горного Алтая, объединенных в 1922 году в автономную область, никогда не было и не бытовало. В народной лексике этого термина нет, а есть единственный термин, как исторически сложившееся самоназвание – алтаец (алтай-кижи).

Термин же «ойрот» – это алтайское произношение монгольского термина «ойрат», означающего – «западный монгол» или «калмык». Ойраты – это западная ветвь монгольского племени, то есть западные монголы или же калмыки, населяющие сейчас северо-западную часть Монгольской Народной республики и частично живущие в Восточном Туркестане и в низовьях Волги и Астраханской области. Ойраты говорят на монгольском языке и никакого языкового родства с тюрко-язычными племенами, населяющими Горный Алтай, не имеют.

Термин «ойрат» известен в литературе с XVII века. В то время им называли одно из лесных охотничьих племен Саянского нагорья, говорившее на монгольском языке. После распада Монгольской империи Чингис-хана и ликвидации владычества монголов в Китае этот термин окончательно закрепился за западными монголами.

Исторические документы указывают, что алтайцы в XVII и первой половине XVIII века находились в политической и экономической зависимости от западных монголов – ойратов. Последние в это время объединились в большое феодальное государство Джунгарию. Джунгария управлялась династией западно-монгольских или ойратских ханов.

Алтайцы были в Джунгарии на колониальном положении. Живя под властью зайсанов, они платили ойратской династии исключительно тяжелые налоги и несли тяжкое ярмо феодального владычества. О жестокостях и насилиях, чинимых ойратскими ханами и их чиновниками, говорят многочисленные документы XVII и XVIII веков.

Современные алтайцы хорошо сохранили память об этом тяжелом периоде в форме различных преданий и легенд, в которых говорится «об ойротском времени» или «об Ойрот-хане». В этих легендах и преданиях также отражен тяжелый гнет, который испытывали алтайцы от ойротских ханов.

Распространенность легенды об Ойрот-хане среди алтайцев, отражающая период политического и экономического угнетения алтайцев со стороны ойротских ханов, постоянно использовалась в эксплоататорских целях то монгольскими ламами, то зайсанами и баями, то белогвардейцами и контрреволюционными националистами, мечтавшими продать Алтай иностранным капиталистам.

Уже с конца XIX века известны попытки появления на Алтае Ойрот-хана, который возвещал алтайцам о необходимости возрождения Ойротского или Джунгарского государства и отделения от России. За Ойрот-хана выдавали себя ламы-монголы.

В 1904–1905 годах на Алтае вспыхнуло, так называемое, бурханистское движение, организованное группой баев, тесно связанных с монгольскими ламами-агентами восточных капиталистов. Вожаки бурханизма ставили задачей отторжение Алтая от России и передачу его под протекторат Японии. В бурханистских песнях-агитках, которые баи распространяли среди алтайцев под видом молитв, всю-

ду фигурировал Ойрот-хан, отождествлявшийся с Япон-ханом.

Мечтая об отделении Алтая от России, о реставрации полной власти над трудящимися алтайцами, алтайские зайсаны и бай сделали знаменем своих замыслов Ойрот-хана, то есть династию ойротских ханов, при которой они рассчитывали стать распорядителями судеб трудящихся алтайцев.

Следующим периодом оживления националистических тенденций явился период контрреволюционного «сибирского правительства» и колчаковщины. Зайсанско-байская верхушка в союзе с националистической интеллигенцией, эсерами и белогвардейцами, организовали в феврале 1918 года в селе Улале учредительный съезд под председательством сибирского областника и эсера В.И. Анучина. Съезд ставил своей задачей объединить контрреволюционные силы Алтая для борьбы с советской властью и взял в свои руки решение национального вопроса для алтайцев. На съезде В. Анучин выступил с докладом о необходимости объединения в самостоятельную республику земель бывшего «государства Ойрот». Он утверждал, что «осуществить это не трудно и вот почему: население русского Алтая, монгольского Алтая, Урянхайского края и жителей Джунгарии составляет одно племя, один род, язык, нравы и обычай у них одни. Когда-то они составляли вместе великий народ «ойрот».

Стремясь разжечь националистические чувства участников съезда с целью мобилизовать их на борьбу с Советами, Анучин фальсифицировал науку, говоря заведомую чепуху по поводу общности языка, нравов, обычаев перечисленных выше совершенно различных народов.

По докладу Анучина белогвардейский съезд принял решение образовать «республику Ойрот». Для учреждения «республики Ойрот» был намечен «Курултай» (съезд депутатов) в селе Кош-Агач. Но, как известно, из этой контрреволюционной затеи у буржуазных националистов и эсеров типа Анучина ничего не вышло. Из сказанного видно, что в период борьбы за установление советской власти контрреволюционные силы Алтая пытались объединиться в союзе с зарубежными пан-монголистами, опять-таки под именем ойрот.

В годы окончания иностранной интервенции и перехода советской страны на мирную работу по восстановлению народного хозяйства, когда стало практически осуществляться проведение в жизнь ленинско-сталинской национальной политики и для малых народов окраин нашей страны, именем «ойрот» еще раз воспользовались враги Советской власти на Алтае – алтайские буржуазные националисты. Это выразилось в том, что они захватили в свои руки подготовку вопроса о выделении алтайцев в автономную область. Националисты стали выступать со статьями в печати, в которых снова протаскивали старые контрреволюционные идеи о создании государства Ойрот.

Пробравшись в комиссию для разработки вопроса о выделении «Алтайской автономной единицы», работавшую при Президиуме Алтайского губисполкома, в составленном докладе они протаскивали свои установки, а в основу «исторических обоснований» положили антинаучный бред «этнографа» В. Анучина.

Буржуазным националистам все это было нужно для того, чтобы под флагом советской автономии восстановить старые порядки. Националисты мечтали не о настоящей советской автономной области, а о такой автономии, где советский строй был бы подменен буржуазным строем.

Контрреволюционная попытка буржуазных националистов при разрешении национального вопроса на Алтае, разумеется, потерпела крах. Трудящиеся алтайцы были выделены в автономную область, вошедшую в состав РСФСР. Однако, область получила название «Ойротской», в чем и сказалось влияние местных буржуазных националистов.

Но старые мечты не покидали националистов. Еще лет десять тому назад местные буржуазные националисты, совместно с троцкистско-бухаринским отребьем, снова облекли свои замыслы именем «ойрот», мечтая о создании «Ойрот Го». И эта затея националистов потерпела полный крах. Но так или иначе термин «ойрот» в известное время использовался ими как знамя борьбы с советской властью за отторжение Горного Алтая от Советского Союза.

Вот почему термин «Ойрот» не мог найти признания у трудящихся нашей области и вот почему наименования – Ойротская автономная область, город Ойрот-Тура, Ойрот-Турский аймак – не отвечают исторической справедливости, а, следовательно, и оставлять эти наименования было бы невозможным.

Вопрос переименования области не влечет за собой какого-либо изменения её административных границ.

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о переименовании области еще раз свидетельствует о великой заботе большевистской партии, советского правительства и лично товарища Сталина о кровных интересах алтайского народа, еще раз подтверждает величие принципов ленинско-сталинской национальной политики.

Лучшим ответом трудящихся нашей области на Указ Президиума Верховного Совета РСФСР явится самоотверженная работа по дальнейшему подъему народного хозяйства Горно-Алтайской автономной области, по выполнению нового пятилетнего плана в четыре года.

В ответ на заботу партии и правительства о наших кровных интересах мы должны еще больше усилить борьбу за сохранение и дальнейший рост нашего социалистического животноводства, своевременно и качественно подготовиться к весеннему севу, хорошо провести зимовку скота, поднять производительность труда на наших промышленных предприятиях. Укрепить государственную дисциплину в советских учреждениях. Мы должны еще сильнее развивать культуру алтайского народа, национальную по форме, социалистическую по содержанию, и поднять работу учреждений идеологического фронта на уровень требований сегодняшнего дня, смело выдвигать и заботливо выращивать наши национальные кадры.

Первое областное совещание политпросветработников, г. Ойрот-Тура, март 1941 г.

Н. У. УЛАГАШЕВ
С К А З И Т Е Л Ь -
О Р Д Е Н О Н О С Е Ц

АЛТАЙ-БУЧАЙ

ОЙРОТСКИЙ НАРОДНЫЙ ЭПОС

Под редакцией
А. КОПТЕЛОВА

ОГИЗ—ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК—1943

Слушатели первого выпуска курсов заведующих изб-читален, г. Ойрот-Тура, 1941 год

Алтайская лексика, встречающаяся в русскоязычных текстах

1. *Абыл* – ручной инструмент для обработки земли.
2. *Аил* – 1) дом, жилище; 2) юрта; основной тип традиционного жилища алтайцев, представленный несколькими разновидностями: деревянная конусообразная юрта с остовом из жердей, который покрывался корой лиственницы (аланчик, чадыр) или юрта цилиндрического типа с решетчатым остовом (решетчатыми складными стенками), обтянутым войлочными пластинами прямоугольной формы (кереге, керене, айл). Дверь юрты ориентирована на восток. Внутренняя часть юрты делилась на мужскую (слева от входа) и женскую (справа от входа). В центре аила находится очаг.
3. *Аймак* – 1) род, племя; 2) народ; 3) административный район.
4. *Арака* (арака) – алкогольный молочный напиток, который получают путем перегонки из чегеня; молочная водка.
5. *Арчимак* (арчимак) – часть конского снаряжения, кожаная переметная сума.
6. *Бурхан* (бырхан) – обозначение божества вообще и духов (включая богов разных религиозных систем и даже демонов).
7. *Дельбегень* – персонаж алтайской мифологии; семиголовое чудовище.
8. *Демичи* (уст. темичи) – помощник зайсана.
9. *Дер-су* – досл. «земля-вода», название одного из высших божеств алтайского пантеона.
10. *Дзерен* (алт. јеерен) – небольшая, легкая и стройная антилопа, встречающаяся в предгорьях хребта Сайлюгем, в урочищах Чаган-Бургазы и Уландрык.
11. *Дючина* – административная единица, население, прикрепленное к управлению зайсана, не имевшая строгих территориальных границ; состав определялся не территорией, а населением, приписанным к ней, «приписывали» население к зайсану по названию рода-сёока.
12. *Зайсан* (алт. јайзан) – руководитель дючины, предводитель какого-либо рода, племени; родовой староста; отвечал за сбор ясака, осуществлял суд.
13. *Кайдрухан* (Кайракан) – олицетворение неба как начала всего сущего.
14. *Кайчи* – сказитель, исполнитель героического эпоса в традиционной манере своеобразного горлового пения под аккомпанемент музыкального инструмента топшуура.
15. *Карагана* (*Caragana arborescens* Lam) – листопадный кустарник семейства бобовых (акация желтая, караганник обыкновенный, чилига, чилижник, гороховник, гороховик или сибирский горох).
16. *Кандык* (*Erythronium*) – многолетнее травянистое луковичное растение, ранневесенний эфемероид; сушеные луковицы используются в пищу.
17. *Кечим* (по-алтайски – кејим) – чепрак, часть конского снаряжения.
18. *Корон* (*Aconitum*, аконит, борец, волкобой) – многолетнее травянистое растение, ядовито.
19. *Корум* – щебень, россыпь камней, мелкие камни, образовавшиеся от обрушившейся скалы; груды камней, упавших со скал и скопившихся в одном месте; одно из самых опасных для путешественника обрушением, подобным снежной лавине, мест.
20. *Кудай* – 1) бог, божество; 2) миф. дух-небожитель, обитающий, по анимистическим представлениям шаманистов, в верхней сфере, т.е. на небе.
21. *Кумандинцы* (татар-кижи, тадарлар, куманды-кижи, инородцы; в последнее время – кумандинцы) – тюркский народ, с 1993 официально отнесенный к числу коренных малочисл. народов Севера. Этноним кумандинцы является наименованием самого крупного рода сев.-зап. группы сев. алтайцев, к-рый стал употребляться исследователями по отношению ко всей группе близких родов, не имевших общего самоназвания.
22. *Кумыс* (кымыс) – напиток из квашеного кобыльего молока.
23. *Курут* – копченый сырный продукт из молока, высушенный на решетке над огнем.

24. **Кыс** – 1) девушка, девочка; 2) дочь.
25. **Обо** (обоо таш) – грудка камней, сложенная в ритуальных целях, сооружается преимущественно на перевалах.
26. **Пучка** (*Heracleum sibiricum*, борщевик сибирский, пикан) – травянистое растение семейства зонтичные; стебель достигает до 2 м. в высоту, листья крупные.
27. **Сарана** (*Lilium martagon*) или саранка, лилия кудреватая, царские кудри – многолетнее луковичное растение; в традиционной алтайской кухне луковицы употребляют в сыром, варёном, жареном, сушёном виде и в качестве приправы.
28. **Сарлык** – як; сарлыкчы – яковод.
29. **Сеок** (сеек, сёок) – 1) кость; 2) род, племя; 3) тело, труп, останки, скелет; 4) могила; 5) косточка.
30. **Табыш** – 1) шум; 2) звук; 3) новость; 4) скандал. Вопрос «Не табыш?» – обязательная часть алтайского ритуала приветствия.
31. **Тайга** – самые высокие горы, на вершинах которых не растёт лес.
32. **Талкан** – толокно, продукт, произведенный из поджаренных, очищенных и протертых зерен ячменя.
33. **Ташаур** (тажуур) – кожаный сосуд для араки, служил обязательным атрибутом в свадебном церемониале.
34. **Теленгиты** – этническая группа южных алтайцев, самоназвание – чуй кижы (люди реки Чуя). В исторических документах XVII в. и старой литературе именуется урянхайцами или урянхайскими калмыками. Живут по долинам рек Чуя, Аргут, Чулышман, Башкаус. Теленгиты составляют этническую, генетическую и историческую основу алтайцев. Происходят от теле – группы тюркских племен кочевников-скотоводов, обитавших преимущественно в восточной части Центральной Азии в первой пол. I тыс. н.э.
35. **Телеуты** – этническая группа Южного Алтая, родственная алтайцам (алтай кижы и теленгитам). Их самоназвание телегет восходит к древнетюркскому этнониму теле. Ныне включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.
36. **Той** – свадебный пир, один из важных праздников в символическом и ритуальном осмыслении земной жизни человека в представлениях алтайцев.
37. **Топшур** (топшуур) – алтайский щипковый музыкальный инструмент, который имеет две волосяные струны; изготавливается из древесины кедра.
38. **Тубалары** – этническая группа, относящаяся к сев. алтайцам. Самоназв. Ыш/Ыйш-кижи (дословно человек черневой тайги), туба, туба-кижи, тубалар, тубинцы. Населяют Турочакский, Чойский, Майминский р-ны РА. Ныне включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.
39. **Хан-Алтай** – собирательный образ божества, возвышающегося над всем Алтаем.
40. **Челканцы** (лебединцы) – группа северных алтайцев, проживающих в басс. р. Лебедь, прав. притока р. Бия, также проживали по лев. притокам р. Лебедь (реки Байгол, Тогоно, Садра, Бийка, Чуйка). Ныне включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.
41. **Чегень** – кисломолочный напиток из заквашенного кипяченого молока.
42. **Шоор** – национальный инструмент из пустотелого дягиля, относится к роду продольной флейты.
43. **Эззи** (туу эззи, суу эззи) – духи-хозяева гор, духи-хозяева воды. В сознании алтайцев горы, реки, источники мифологизированы. Каждый род почитал свою гору, которая считалась родовой, священной (Ыйык-туу). Дух-хозяин воды обитает в горных озерах, реках и больших морях.

Приложение 2

Малоупотребительная и устаревшая алтайская лексика

1. **Ааја** (аача) – ада.
2. **Алгый** – конок, сабат.

3. *Антыгып* – кекенип, ачынып, канзырап.
4. *Аптап* – абына кийдирер, сүмеленип, эптеп.
5. *Арбыдай* – көптөдө, арбынду.
6. *Арныкпас* – арыбаг, чучурабас, кыйналбас.
7. *Арчашпа* – ачынышпа, керишпе; жыжынба; айрылышпа;.
8. *Астам* – кирелте.
9. *Байалгак* – жайылып өскөн; жалбайта.
10. *Барык мөш* – карагуй, жык ла тудуш өскөн мөш.
11. *Барынтычы* – 1) жерлик, казыр ан (бөрү); 2) малды уурыга айдаачы киж.
12. *Барынкай* – 1) барынкый, бүрүнкый, карагуй; 2) боро эмезе кара-боро өг.
13. *Бос таг* – эрте таг, сары-боро таг.
14. *Бөкөн чийиктү* – энгилип калган чийү, толголып.
15. *Бускалан* – косколон, күч.
16. *Жабылап* – курчап, ороп.
17. *Жанчык бичик* – 1) кереестенип, санаага кийдирип алар бичик; 2) жанчык – мылтыктын огын салар жаан эмес каптыра.
18. *Жеззелү* – жеззелү, калың, байлу журт, мал-ашту, арбынду.
19. *Кажап ийет* – кемирп, кезе тиштеп.
20. *Карачкыда* – карагуйда, бүрүнкыйде.
21. *Каруунча* – турбастан жыгылар; чек барып түжер.
22. *Карыштак* – жылдыс-курт, курт.
23. *Көмдор* – толкуланган суу.
24. *Коолондыра* – 1) жаңыландыра; 2) чике, түп-түс.
25. *Көдүре* – ончо, бастыра.
26. *Көйлөдип* – көөрөдип, күйбүредип, көкүдип.
27. *Кубуксуулу* – омок, көдүрингилү, бийик күүн санаалу.
28. *Куйунтак* – куйундап жаткан салкын, түүнөктү салкын.
29. *Кызуур* – мылтыктын ичин арчып, сүркүштеп турган темир эдим.
30. *Кыйгаа жылдыс* – энгир жылдыс.
31. *Кыракыланым* – аярынып, аярулу.
32. *Кысталаңга* – кызалаңду, уур, кыйынду.
33. *Магат жок* – маат жок.
34. *Мокоортып* – мокодыл, күчи жетпей.
35. *Нургуны* – текши, көп жандай.
36. *Ойлу* – керсү, көгүстү, санаалу.
37. *Сайак* – байыркак, сайыркак.
38. *Салгадаарын* – араайынан оорып, ырын-сырын жүргөн, тыны чыгып.
39. *Сергелен* – сергек, седег; аярынкай.
40. *Сормо буржуйды* – жимекчи; соро тартар.
41. *Сүреттип* – табарып, сүрүжип.
42. *Тарам жааш* – табыр-тубыр жааш; кыска өйдүн жаажы.

43. *Тергенип* – жуунып, жазанып.
44. *Туркаары* – улайын, жаантайын.
45. *Туш* – тужында.
46. *Чакырым* – беристе.
47. *Чуулданып* (чугулданып) – ачынып, кородоп.
48. *Шуур таш* – 1) коралл; эрекен, жинји эдетен таш; 2) шуур терек – жалбырактары мызылдажып, шуулап турган терек.
49. *Ылтам* – түрген, удабай.
50. *Эркиндер* – талдама, артыгы.
51. *Эртип* – каткырып; сүүнип.
52. *Эрчимелдү* – эрчимдү; ийделү.

Приложение 3

Сибирская лексика и историзмы

1. *«Акорт»* – акционерное общество розничной торговли, действовавшее в различных населённых пунктах на территории Сибирского края в 1926—1934 гг.
2. *Алтайская горная дума* – общественная организация коренного населения южной части Томской губернии. Учреждена на съезде представителей инородческих волостей Бийского и Кузнецкого уезда (1–6 июля 1917, Бийск). Председателем был избран Г. И. Гуркин. Основной вопрос – самоопределение инородцев Бийского и Кузнецкого уездов.
3. *АМО* – первый советский серийный грузовик (Автомобильное Московское Общество – основанный в 1916 г. первый автозавод в России; с 1925 г. – 1-й Государственный автомобильный завод (ГАЗ), с 1931 г. – 1-й государственный автомобильный завод имени И. В. Сталина (ЗиС), с 1956 – Московский автомобильный завод имени Лихачева (ЗиЛ).
4. *Баян* – в русской поэзии имя нарицательное для обозначения славянского бродячего певца.
5. *Белки* – сибирское название заснеженных в летнее время горных вершин. Белками либо гольцами на Алтае называют обособленные возвышенности с уплощёнными вершинами, которые значительную часть года покрыты снежниками (Айгулакские, Катунские, Теректинские, Чуйские и др.).
6. *Бикатунская линия* – участок Сибирских укрепленных линий, созданных на юге Западной Сибири в XVII–XVIII вв. для защиты южных границ России от набегов кочевников. Линии начинались с правого берега Тобола и тянулись цепью более чем на 2000 верст через междуречье Тобола, Ишима, Иртыша, далее на юго-восток вдоль Иртыша до крепости Усть-Каменогорской; Бикатунская линия входила в состав Колывано-Кузнецкой, включавшей 4 крепости (Кузнецкую, Бийскую, Катунскую, Усть-Каменогорскую), ряд форпостов, защит и маяков; на линии дислоцировался 9-й Сибирский казачий полк.
7. *Бом* – в Горном Алтае узкое место между рекой и горой, по которому пролегает дорога, а также скалистый обрыв, крутой обрывистый берег (что отчетливо отразилось в топонимике Республики Алтай: Белый Бом, Бичикту-боом, Кынгынар бом и др.).
8. *ВЛКСМ* – Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (комсомол) – молодежная общественно-политическая организация в СССР, создана в 1918 г., по Уставу – «активный помощник и резерв Коммунистической партии Советского Союза». Принимались юноши и девушки с 14 до 28 лет.
9. *Всекопромсовет* – Всесоюзный совет промысловой кооперации (1927-1941).
10. *ВЦИК* – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, законодательный, распорядительный и контролирующий орган государственной власти Российской Советской Республики в 1917-1918 гг. и РСФСР – с 1918 по 1937 г.
11. *Госплан* – Государственная плановая комиссия при Экономическом Совете РСФСР.
12. *Двоеданство* – исторический термин, обозначающий уплату дани двум государствам. На сибирской границе в XVII–XIX веках были жители, платившие дань одновременно России и Китаю.

После китайского завоевания Джунгарии в бассейнах рек Чуя, Аргут и Чулышман Россия и Китай не препятствовали друг другу в сборе податей. При этом телесы, а также чуйские и аргутские теленгиты оказались в русско-китайском двоеданстве. Алтайские двоеданцы были известны как «зюнгорские» (джунгарские) двоеданцы. Двоеданцы перестали платить дань Китаю в 1866 году, после подписания в 1864 году Чугучакского протокола они стали подданными России.

13. **Дом алтайки** – культурно-просветительное учреждение в Ойротской автономной области, куда направлялись женщины-алтайки на 3–4 месяца для усвоения гигиенических навыков, обучения грамоте, ведению домашнего хозяйства, шитью, огородничеству; для ознакомления с основами семейного права; зачастую Дома алтайки служили первой ступенью для включения женщин в общественную жизнь.

14. **Елань** – поляна среди леса, покрытая мелким кустарником и душистыми травами; обширная прогалина, луговая или полевая равнина.

15. **Западно-Сибирский край** – административно-территориальная единица РСФСР с 1930 по 1937 год, краевой центр – г. Новосибирск. Образован Постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 года путём разделения Сибирского края на западную (центр – Новосибирск) и восточную (центр – Иркутск) части. В Западно-Сибирский край вошли 14 округов бывшего Сибирского края и Ойротская автономная область.

16. **Изба-читальня** – один из видов клубных учреждений в сельской местности, культурно-просветительное учреждение, возникшее в СССР в 1920-х гг. как форма ликвидации неграмотности (ликбеза). Избач – заведующий избой-читальней, библиотекарь-пропагандист.

17. **Инородцы** – юридический термин, особая категория подданных в Российской империи, отличавшаяся по правам и методам управления от остального населения империи. «Устав об управлении инородцев» 1822 г. определял систему управления неславянскими народами Сибири.

18. **Калмыки** (белые калмыки) – этноним, под которым с XVII в. русским были известны телеуты и предки алтай-кижи и теленгитов.

19. **Каракольцы** – древние жители Горного Алтая, следы существования которых обнаружены археологами в селе Каракол Онгудайского района; Каракольская культура – археологическая культура бронзового века (II тыс. до н.э.), большинство исследованных каракольских погребений расположены по берегам реки Урсул и её притоков.

20. **Каракорум-Алтайская окружная управа** (март 1918–дек. 1919) – орган исполнительной власти Каракорум-Алтайского округа – горной части Алтая, выделенной из Алтайской и Томской губерний в особую административную единицу при попытке создания национальной государственности в Горном Алтае. В состав управы вошли Г. И. Гуркин, В. К. Манеев, Г. М. Токмашев, Сары-Сэп Канзычаков и Тибер-Петров.

21. **Кедровка** (*Nucifraga caryocatactes*) – вид птиц из семейства врановых, небольшая птица, чуть меньше галки и с более тонким и длинным клювом. Окрашена в тёмный коричневато-бурый цвет с белыми пятнами, которых нет только на верхней стороне головы, на конце хвоста светлая кайма. Распространена в лесах таёжного типа. Является единственным массовым распространителем кедр (сосны сибирской) в Сибири.

22. **Кержаки** – этноконфессиональная группа, старообрядцы (название происходит от реки Керженец в Нижегородской области); носители культуры северорусского типа. Одни из первых русскоязычных жителей Сибири, «старожильческое население». В Горном Алтае компактно проживают в Усть-Коксинском районе. Вели и ведут достаточно замкнутый общинный образ жизни со строгими религиозными правилами и традиционной культурой.

23. **Киргизы** («киргиз-кайсаки», «киргиз-касаки», «киргизцы») – так русские в XVIII–начале XX в. называли казахов; собственно киргизов именовали «Алат киргизы» или «Алатай-киргиз».

24. **Колывано-Воскресенские (Алтайские) заводы** – промышленные предприятия Колывано-Воскресенского горного округа – административно-хозяйственного комплекса на юго-востоке Сибири в 1747–1896; принадлежали императорской фамилии; плавил золото, серебро, медь, железо, свинец; на Сузунском чеканили монету; развивали камнерезное производство; к заводам приписывались государственные крестьяне.

25. **Комбед** (комитет бедноты) – в 1918–1919 гг. сельские органы советской власти в деревне, в их задачи входило выявление скрытых крестьянами от властей продовольственных запасов, помощь

продотрядам при изъятии «излишков» хлеба, перераспределение реквизированного продовольствия, скота и сельскохозяйственных орудий среди селян.

26. **Коммуна** – в 1920-е годы в СССР – форма коллективной организации, при которой производственная деятельность осуществляется сообща. Все ресурсы принадлежат коллективу. Семьи живут в общих домах, питаются в общих столовых, дети воспитываются в общих яслях, детских садах и школах. Вознаграждение труда в форме заработной платы или в какой-либо другой форме распределения доходов отсутствует – коммуна берет на себя обеспечение своих членов всем необходимым.

27. **Кормач** – работник колхоза или совхоза, задающий корм животным и птице.

28. **Кошма** – большой кусок войлока, войлочный ковер из овечьей или верблюжьей шерсти.

29. **КУТВ** – Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина, учебное заведение, функционировавшее в Москве с 1921 по 1938 гг. Было создано для студентов азиатских национальностей; готовило партийных и советских работников для национальных номенклатур советских республик и областей; иностранных студентов готовили к борьбе за установление коммунизма в своих странах, организации восстаний и революций.

30. **Маральник** – 1) растение, рододендрон Ледебура (*Rhododendron ledebourii*), багульник сибирский – полувечнозелёный кустарник, цветущий ранней весной. В Горном Алтае произрастает по каменистым склонам гор, на каменистых россыпях, на скалах, в подлеске преимущественно лиственничных, реже еловых лесов, по склонам берегов горных речек в лесной и субальпийской областях; 2) огражденная территория горного пастбища для содержания маралов (подвид благородного оленя), выращиваемых в основном ради пантов, используемых в фармацевтике.

31. **Ликбез** – сокр. от «ликвидация безграмотности» – государственная программа ликвидации безграмотности в РСФСР (начало – 1919 г.); население Советской России в возрасте от 8 до 50 лет, не умевшее читать или писать, было обязано учиться грамоте на родном или на русском языке. Для обучения неграмотных привлекались все грамотные. Была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (ВЧК ликбез).

32. **Ликпункт** – школа грамотности, которую должен был иметь каждый населённый пункт с числом неграмотных свыше 15; срок обучения в такой школе составлял 3–4 месяца; программа обучения включала чтение, письмо, счёт (с 1925/26 уч. г. – политграмоту); создавались специальные буквари для взрослых.

33. **Многопромсоюз** – многопромышленный союз кооперации. Кооперативный – негосударственный – сектор экономики составляли промышленные артели (небольшие предприятия от 10 до 200 работников-пайщиков, которым принадлежало предприятие); артели объединялись в отраслевые либо городские, межрайонные промыслово-кооперативные союзы с выборным руководством.

34. **Мошна** – мешок для хранения денег; перенос. – деньги, богатство.

35. **МТС** – машинно-тракторная станция, государственное сельскохозяйственное предприятие в СССР, обеспечивавшее техническую и организационную помощь колхозам и совхозам; создавались в период коллективизации для обслуживания и ремонта тракторов и комбайнов, сдаваемых ими в аренду.

36. **Наркомзем** – Народный комиссариат земледелия, государственный орган руководства сельскохозяйственным производством СССР (1929–1946).

37. **Нацмен** – слово из советского новояза, сокр. от национальное меньшинство; в довоенном Советском Союзе – лицо, принадлежащее к одному из национальных меньшинств.

38. **НКВод** – Народный комиссариат водного транспорта.

39. **НККхоз** – Народный комиссариат коммунального хозяйства.

40. **НКППром** – Народный комиссариат пищевой промышленности.

41. **Ново-Николаевск** – название г. Новосибирска до 1926 г.

42. **Областничество сибирское** – «система взглядов части местной интеллигенции второй половины XIX–начала XX вв. на прошлое, настоящее и будущее края как специфической области (территории) в составе российского государства; общественно-политическое и культурное движение, пытавшееся пропагандировать и реализовывать на практике эти идеи» (М.В. Шиловский). Один из пунктов программы – предоставление инородцам Сибири национально-культурной автономии. Иде-

ологи движения П. А. Словцов, А. П. Шапов, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин.

43. **Обком** (областной комитет) – в СССР высший орган областной организации ВКП(б)-КПСС между областными конференциями, избирался областными партийными конференциями; занимался реализацией решений областных конференций, организацией и утверждением районных партийных организаций, выполнением решений ЦК партии: отвечал за идеологическую работу в области.

44. **Облисполком** (областной исполнительный комитет) – в СССР орган областного Совета народных депутатов, коллегиальный орган управления областью как административно-территориальной единицей, руководивший государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством; организовывавший исполнение предписаний вышестоящих государственных органов; разрабатывавший планы развития хозяйства и культуры в пределах своей территории и организовывавший их исполнение; обеспечивавший соблюдение законов, охраны общественного порядка и прав граждан.

45. **Огоньки** – местное назв. цветов купальницы азиатской (*Trollius asiaticus*) или жарков (название дано за оранжево-красный цвет лепестков). Растут по сырым лугам, лесным полянам, в лесах, заходят в высокогорья, поднимаясь до альпийского пояса; при массовом цветении луга и поляны буквально полыхают; растение используется в народной медицине; в некоторых регионах Сибири занесено в Красные книги.

46. **Ойрот-Тура** – название столицы Ойротской автономной области (ныне г. Горно-Алтайск) с 1932 по 1948 гг.

47. **Переселенец** – население Сибири традиционно делится на старожилов и переселенцев. Переселение – система государственных мероприятий по созданию условий для добровольного перемещения населения из постоянного места жительства на территории, подлежащие заселению и освоению. Указ об организации переселения крестьян в связи с освоением Сибири от 1843 г. регламентировал переселение государственных крестьян из губерний европейской части России за Урал. В сент. 1906 г. был издан указ о передаче под переселение свободных кабинетских земель Алтайского округа.

48. **Пятилетка** – пятилетний план экономического развития СССР, 1 пятилетка – 1929–1932, 2 – 1933–1937 гг.; главная задача – индустриализация страны, укрепление обороноспособности.

49. **Сибирский край** – административно-территориальная единица РСФСР, образован 25 мая 1925 г. вместо бывших губерний: Алтайской, Енисейской, Новониколаевской, Омской, Томской, Иркутской. Включал: 16 округов, 221 район, 1 автономную область – Ойротскую (10 аймаков), 1 губернию (4 уезда, 26 районов). Постановлением ВЦИК от 30 июля 1930 г. разукрупнен на Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский.

50. **Сибирский революционный комитет** (1919–1925) – полномочный представитель центральных органов советской власти РСФСР в сфере гражданского управления Сибири; с 1921 г. штаб-квартира располагалась в Ново-Николаевске.

51. **СНК** – Совет народных комиссаров, правительство Российской Федерации в 1917–1946 гг.

52. **Соцреализм** (социалистический реализм) – творческий метод советского искусства, объявленный на I съезде советских писателей (1934) ведущим методом литературы. В Уставе Союза писателей были закреплены, в частности, требования изображать действительность в её революционном развитии; правдивость и историческую конкретность художественного изображения сочетать с задачей идейной переделки и перевоспитания трудящихся людей в духе социализма.

53. **Танну-Тува** – независимая Народная Республика Танну-Тува, провозглашена в 1921 г.; с 1926 года – Тувинская Народная Республика. В 1944 году республика была включена в состав РСФСР на правах автономной области.

54. **Таратайка** – легкая двухколесная повозка.

55. **Терпентинное производство** – изготовление из живицы канифоли, скипидара (терпентин – смола, выделяющаяся при подсочке стволов хвойных деревьев).

56. **Улала** – село, с 1928 г. – город, столица Ойротской автономной области (ныне г. Горно-Алтайск).

57. **Урянхайцы** – жители Урянхайского края (русское название Тувы в 1914–1921 гг.). До 1912 года край находился под властью маньчжурской династии Цин, правившей Китаем, и назывался «Танну-Урянхай». Урянхайцами (урянхами) русские называли тувинцев в XVII–нач. XX вв.

58. **Центросоюз** - Центральный союз потребительских обществ России, РСФСР, СССР и РФ. На протяжении своей истории менял название и принципы действия.

59. **Чернь** (черневая тайга) - густой, малопроезжимый лес с темнохвойными деревьями, пихтами и елями, с примесью осины и березы, рябиново-черемухового подроста, также с высокими травами; одна из древнейших растительных формаций Сибири, включающая около 30 эндемичных видов.

60. **ЧОН** - часть особого назначения («коммунистические дружины», «военно-партийные отряды»); создавались при партийных ячейках с 1919 г. для борьбы с контрреволюцией в период продразверстки и гражданской войны.

61. **Чудь** - древний мифический народ, встречается в том числе и в фольклоре народов Сибири; в основе преданий лежат сюжеты об уходе автохтонного населения или гибели первого поколения людей. «Чудаки и чудаки, сиб. Чудь (т. е. странный и чужой) ж. собр. народ-дикарь, живший, по преданию, в Сибири, и оставивший по себе одну лишь память в буграх (курганах, могилах); испугавшись Ермака и внезапно явившейся с ним белой березы, признака власти белого царя, чудь или чудаки вырыли подкопы, ушли туда со всем добром, подрубили стойки и погибли...» (В. В. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»).

62. **Школа 1 и 2 ступени**. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 18 декабря 1923 года была создана единая трудовая школа, в которой обучаются совместно дети обоих полов. Школа состояла из двух ступеней:

- школа первой ступени для детей 8-11 лет (первые начальные 4 года обучения);
- школа второй ступени для детей 12-17 лет (обучение с 5-го по 9 классы).

63. **ЭКОСО** - Экономический совет при СНК РСФСР (1923-1937).

64. **Юрта-передвижка** (кызыл-аил, красная юрта) - форма мобильной культурной, санитарно-просветительной работы среди кочевого населения Ойротской автономной области в период перехода на оседлость; совмещала функции избы-читальни и врачебно-консультационного пункта; в состав бригады такой передвижки входили юртач - заведующий, избач-библиотекарь, киномеханик, зоотехник, медицинский работник.

65. **Яналиф** (по-алтайски - жангайлып) - с татарского букв. «новый алфавит»; новый тюркский алфавит (НТА), введенный для перевода всех тюркских языков СССР на единообразную графику на основе латиницы в 1928 г.; использовался в тюркоязычных республиках, автономных республиках и областях. В 1938-1940 гг. заменен на алфавиты на основе кириллицы. Насчитывал 33 знака, из них 9 для гласных. В настоящее время не используется.

66. **Ярка** - молодая, еще не ягнившаяся овца.

Приложение 4

Персоналии

1. **Автоманов Григорий** - самодеятельный поэт, активный участник литературной жизни Ойротской автономной области 1930-1940-х годов; печатался в газете «Красная Ойротия».

2. **Айхенвальд Борис Юльевич** (1902-1938) - литературовед, философ, преподаватель, внештатный сотрудник Государственной академии художественных наук; работал в Комиссии по составлению «Словаря эстетической терминологии» (понятия «Искусство», «Искусство и природа» и др.).

3. **Алексеев Никандр Алексеевич** (1891-1963) - прозаик, поэт, переводчик, член Союза писателей СССР. В 1929 году был редактором журнала «Охотник и рыбак Сибири». В 1930-х - один из руководителей Западно-Сибирского объединения пролетарско-колхозных писателей (Зап-СибОПКП). Публиковался в журналах «Вселенная», «Нашим детям», «Сибирские огни» и др.

4. **Анохин Андрей Викторович** (1869-1931) - исследователь культуры народов Южной Сибири, этнограф, композитор; его имя носит Национальный музей Республики Алтай.

5. **Аргоков Иосиф Никитич** (1892-1949) - учитель, переводчик, редактор первых алтайских учебников.

6. **Ачубаев Кадыр** (1884-1963) - верблюдовод колхоза «Кызыл Тан», награжден Орденом Ленина (1939), участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1939).

7. **Бакич Андрей Степанович** (1878-1922) - российский офицер, видный деятель белого движе-

ния в Сибири.

8. **Баскаков Николай Александрович** (1905–1996) – лингвист-тюрколог, фольклорист, этнограф, доктор филологических наук, декан ойротского отделения Педагогического института имени К. Либкнехта в 40-е годы.

9. **Беседин Константин Алексеевич** (1902–1938) – сибирский поэт, автор одного из первых поэтических сборников, изданных в Новониколаевске («Странствования», 1922).

10. **Борбуев Андрей Матвеевич** (Батпанакович) (1906–1985) – алтайский поэт, переводчик, публицист. Его стихи публиковались в газетах «Кызыл Ойрот», «Крестьян газет», «Ойроттың комсомолы», «Белен бол».

11. **Вербицкий Василий Иванович** (1827–1890) – протонерей, алтайский миссионер, фольклорист, этнограф; один из разработчиков алтайской грамматики (1869 г.).

12. **Воронский Александр Константинович** (1884–1937) – писатель, критик, редактор журнала «Красная новь», создатель литературной группы «Перевал». Обвинен в создании террористической группы, готовившей уничтожение вождей ВКП(б), и расстрелян.

13. **Второв Александр Федорович** (1841–1911) – купец 1 гильдии, крупнейший торговец текстильными товарами в Сибири, его магазины-пассажи были во всех её крупных городах, в т.ч. в Бийске (ныне ул. Л. Толстого, 46).

14. **Глебов Николай Александрович** (1899–1974) – русский советский писатель, журналист. С 1949 г. член Союза писателей СССР. В 40-е годы работал в Ойротской автономной области, был связан с газетой «Красная Ойротия».

15. **Голиков Иван Иванович** (1886–1937) – русский художник-миниатюрист, создатель Артели древней живописи Палеха; заслуженный деятель искусств РСФСР.

16. **Гордиенко Петр Яковлевич** (1891–1938) – политический и партийный деятель Западной Сибири, писатель, в 1920–1924 и в 1930–1932 гг. занимал ответственные посты в руководстве Ойротской автономной области.

17. **Горностаев Николай Николаевич** (1896–1938) – профессор, крупнейший специалист по геологии золота Сибири, известный геолог-съёмщик; автор публикаций по региональной геологии Горного Алтая.

18. **Добычин (Алтайский) Николай Ефимович** (1904–1942) – прозаик, переводчик с алтайского языка, член Союза писателей СССР, друг Павла Кучняка.

19. **Долгих Иван Иванович** (1896–1956) – участник гражданской войны в Горном Алтае, позднее – сотрудник системы ГУЛАГа, полковник НКВД.

20. **Елеусов Жанибек Акатович** (1925–1996) – Герой Советского Союза (1943); уроженец Усть-Канского аймака.

21. **Ерошин Иван Евдокимович** (1894–1965) – поэт-лирик, участник гражданской войны в Сибири, один из первых авторов журнала «Сибирские огни»; много путешествовал по Горному Алтаю, изучал алтайский фольклор, что нашло отражение в сборниках «Синяя юрта» (1929) и «Песни Алтая» (1935).

22. **Енчинов Толуш-Николай Иванович** (1908–1965) – зав. отделом пропаганды и агитации РК ВКП (б), инструктор обкома ВКП (б), 2-й секретарь Ойротского обкома ВКП (б), литератор.

23. **Забродин Иван Степанович** (1908–1979) – основатель профессионального театра в Ойротии, актер, режиссер, заслуженный артист РСФСР; с 1936 г. – руководитель Ойротской национальной театральной студии, до 1948 был художественным руководителем Ойротского национального колхозно-совхозного театра; поставил около 30 пьес.

24. **Зазубрин (Зубцов) Владимир Яковлевич** (1895–1937) – писатель, сценарист, один из создателей журнала «Сибирские огни», организатор Сибирского союза писателей; автор первого советского романа «Два мира» и романа о начале советских преобразований в Горном Алтае – «Горы» (1933).

25. **Зарудин (Эйхельман) Николай Николаевич** (1899–1937) – советский поэт, прозаик, публицист, один из руководителей группы «Перевал», в 1935 г. приезжал в Ойротию; дружил с П.В. Кучняком.

26. **Иванов Всеволод Вячеславович** (1895–1963) – советский писатель, драматург, журналист; его приключенческая повесть на революционные темы «Партизаны» вышла в 1921 г.

58. **Центросоюз** - Центральный союз потребительских обществ России, РСФСР, СССР и РФ. На протяжении своей истории менял название и принципы действия.

59. **Чернь** (черневая тайга) - густой, малопроеходимый лес с темнохвойными деревьями, пихтами и елями, с примесью осины и березы, рябиново-черемухового подроста, также с высокими травами; одна из древнейших растительных формаций Сибири, включающая около 30 эндемичных видов.

60. **ЧОН** - часть особого назначения («коммунистические дружины», «военно-партийные отряды»); создавались при партийных ячейках с 1919 г. для борьбы с контрреволюцией в период продразверстки и гражданской войны.

61. **Чудь** - древний мифический народ, встречается в том числе и в фольклоре народов Сибири; в основе преданий лежат сюжеты об уходе автохтонного населения или гибели первого поколения людей. «Чудаки и чудаки, сиб. Чудь (т. е. странный и чужой) ж. собр. народ-дикарь, живший, по преданию, в Сибири, и оставивший по себе одну лишь память в буграх (курганах, могилах); испугавшись Ермака и внезапно явившейся с ним белой березы, признака власти белого царя, чудь или чудаки вырыли подкопы, ушли туда со всем добром, подрубили стойки и погибли...» (В. В. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка»).

62. **Школа 1 и 2 ступени**. Постановлением Совета Народных Комиссаров от 18 декабря 1923 года была создана единая трудовая школа, в которой обучаются совместно дети обоих полов. Школа состояла из двух ступеней:

- школа первой ступени для детей 8-11 лет (первые начальные 4 года обучения);
- школа второй ступени для детей 12-17 лет (обучение с 5-го по 9 классы).

63. **ЭКОСО** - Экономический совет при СНК РСФСР (1923-1937).

64. **Юрта-передвижка** (кызыл-аил, красная юрта) - форма мобильной культурной, санитарно-просветительной работы среди кочевого населения Ойротской автономной области в период перехода на оседлость; совмещала функции избы-читальни и врачебно-консультационного пункта; в состав бригады такой передвижки входили юртач - заведующий, избач-библиотекарь, киномеханик, зоотехник, медицинский работник.

65. **Яналиф** (по-алтайски - жанайлып) - с татарского букв. «новый алфавит»; новый тюркский алфавит (НТА), введенный для перевода всех тюркских языков СССР на единообразную графику на основе латиницы в 1928 г.; использовался в тюркоязычных республиках, автономных республиках и областях. В 1938-1940 гг. заменен на алфавиты на основе кириллицы. Насчитывал 33 знака, из них 9 для гласных. В настоящее время не используется.

66. **Ярка** - молодая, еще не ягнившаяся овца.

Приложение 4

Персоналии

1. **Автоманов Григорий** - самодеятельный поэт, активный участник литературной жизни Ойротской автономной области 1930-1940-х годов; печатался в газете «Красная Ойротия».

2. **Айхенвальд Борис Юльевич** (1902-1938) - литературовед, философ, преподаватель, внештатный сотрудник Государственной академии художественных наук; работал в Комиссии по составлению «Словаря эстетической терминологии» (понятия «Искусство», «Искусство и природа» и др.).

3. **Алексеев Никандр Алексеевич** (1891-1963) - прозаик, поэт, переводчик, член Союза писателей СССР. В 1929 году был редактором журнала «Охотники и рыбак Сибири». В 1930-х - один из руководителей Западно-Сибирского объединения пролетарско-колхозных писателей (Зап-СибОПКП). Публиковался в журналах «Вселенная», «Нашим детям», «Сибирские огни» и др.

4. **Анохин Андрей Викторович** (1869-1931) - исследователь культуры народов Южной Сибири, этнограф, композитор; его имя носит Национальный музей Республики Алтай.

5. **Аргоков Иосиф Никитич** (1892-1949) - учитель, переводчик, редактор первых алтайских учебников.

6. **Ачубаев Кадыр** (1884-1963) - верблюдовод колхоза «Кызыл Тан», награжден Орденом Ленина (1939), участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (1939).

7. **Бакич Андрей Степанович** (1878-1922) - российский офицер, видный деятель белого движе-

ния в Сибири.

8. **Баскаков Николай Александрович** (1905–1996) – лингвист-тюрколог, фольклорист, этнограф, доктор филологических наук, декан ойротского отделения Педагогического института имени К. Либкнехта в 40-е годы.

9. **Беседин Константин Алексеевич** (1902–1938) – сибирский поэт, автор одного из первых поэтических сборников, изданных в Новониколаевске («Странствования», 1922).

10. **Борбуев Андрей Матвеевич** (Батпанакович) (1906–1985) – алтайский поэт, переводчик, публицист. Его стихи публиковались в газетах «Кызыл Ойрот», «Крестьян газет», «Ойроттын комсомолы», «Белен бол».

11. **Вербицкий Василий Иванович** (1827–1890) – протонерей, алтайский миссионер, фольклорист, этнограф; один из разработчиков алтайской грамматики (1869 г.).

12. **Воронский Александр Константинович** (1884–1937) – писатель, критик, редактор журнала «Красная новь», создатель литературной группы «Перевал». Обвинен в создании террористической группы, готовившей уничтожение вождей ВКП(б), и расстрелян.

13. **Второв Александр Федорович** (1841–1911) – купец 1 гильдии, крупнейший торговец текстильными товарами в Сибири, его магазины-пассажи были во всех её крупных городах, в т.ч. в Бийске (ныне ул. Л. Толстого, 46).

14. **Глебов Николай Александрович** (1899–1974) – русский советский писатель, журналист. С 1949 г. член Союза писателей СССР. В 40-е годы работал в Ойротской автономной области; был связан с газетой «Красная Ойротия».

15. **Голиков Иван Иванович** (1886–1937) – русский художник-миниатюрист, создатель Артели древней живописи Палеха; заслуженный деятель искусств РСФСР.

16. **Гордиенко Петр Яковлевич** (1891–1938) – политический и партийный деятель Западной Сибири, писатель, в 1920–1924 и в 1930–1932 гг. занимал ответственные посты в руководстве Ойротской автономной области.

17. **Горностаев Николай Николаевич** (1896–1938) – профессор, крупнейший специалист по геологии золота Сибири, известный геолог-съемщик; автор публикаций по региональной геологии Горного Алтая.

18. **Добычин (Алтайский) Николай Ефимович** (1904–1942) – прозаик, переводчик с алтайского языка, член Союза писателей СССР, друг Павла Кучияка.

19. **Долгих Иван Иванович** (1896–1956) – участник гражданской войны в Горном Алтае, позднее – сотрудник системы ГУЛАГа, полковник НКВД.

20. **Елеусов Жанибек Акатович** (1925–1996) – Герой Советского Союза (1943); уроженец Усть-Канского аймака.

21. **Ерошин Иван Евдокимович** (1894–1965) – поэт-лирик, участник гражданской войны в Сибири, один из первых авторов журнала «Сибирские огни»; много путешествовал по Горному Алтаю, изучал алтайский фольклор, что нашло отражение в сборниках «Синяя юрта» (1929) и «Песни Алтая» (1935).

22. **Енчинов Толуш-Николай Иванович** (1908–1965) – зав. отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б), инструктор обкома ВКП(б), 2-й секретарь Ойротского обкома ВКП(б), литератор.

23. **Забродин Иван Степанович** (1908–1979) – основатель профессионального театра в Ойротии, актер, режиссер, заслуженный артист РСФСР; с 1936 г. – руководитель Ойротской национальной театральной студии, до 1948 был художественным руководителем Ойротского национального колхозно-совхозного театра; поставил около 30 пьес.

24. **Зазубрин (Зубцов) Владимир Яковлевич** (1895–1937) – писатель, сценарист, один из создателей журнала «Сибирские огни», организатор Сибирского союза писателей; автор первого советского романа «Два мира» и романа о начале советских преобразований в Горном Алтае – «Горы» (1933).

25. **Зарудин (Эйхельман) Николай Николаевич** (1899–1937) – советский поэт, прозаик, публицист; один из руководителей группы «Перевал», в 1935 г. приезжал в Ойротию; дружил с П.В. Кучияком.

26. **Иванов Всеволод Вячеславович** (1895–1963) – советский писатель, драматург, журналист; его приключенческая повесть на революционные темы «Партизаны» вышла в 1921 г.

27. **Иванов-Меджит Никита Федорович** (1882–1943) – общественно-политический деятель; принимал участие в создании первых органов советской власти в Ойротии, был председателем облревкома, председателем Ойротского облисполкома; с 1924 г. руководил советским консульством в Монголии.
28. **Ильин Алексей Михайлович** (1908–1972) – первый профессиональный композитор в Ойротии, педагог, музыкант; создал музыкальную драму «Чейнеш», «Алтайскую сюиту» для струнного оркестра, симфоническую поэму «Горный Алтай», ряд произведений по мотивам алтайского фольклора, в т.ч. сборник «Народные песни Горного Алтая».
29. **Казанский Порфирий Алексеевич** (1885–1938); псевдонимы Премудрая крыса Онуфрий, К. Порфирьев; в 1913–1914 гг. редактор газеты «Жизнь Алтая»; в 1917 г. в Барнауле был одним из организаторов литературного объединения «Агулипрок»; в советскую эпоху сотрудничал в изданиях «Алтайский крестьянин», «Алтайский кооператор», «Алтайская деревня».
30. **Кайгородов Александр Петрович** (1887–1922) – есаул, полный Георгиевский кавалер; участник гражданской войны в Горном Алтае, лидер крестьянского повстанческого движения.
31. **Каланаков Александр Андреевич** (1908–1943) – первый алтайский театральный художник, иллюстратор учебников, алтайских сказок и героических сказаний.
32. **Каланаков Николай Андреевич** (1888–1969) – алтайский поэт, прозаик, драматург, переводчик, составитель школьных учебников.
33. **Канзачаков (Конзычаков) Сары-Сэн Леонид Алексеевич** (1891–1937) – зав. отделом по делам национальностей Алтайского губисполкома, автор проекта декрета ВЦИК «Об автономной области ойротского народа».
34. **Кант Иммануил** (1724–1804) – родоначальник немецкой классической философии.
35. **Карманов Чагандай Иванович** (1916–1989) – уроженец с. Кокоря, участник Великой Отечественной войны, награжден двумя орденами Красной Звезды, орденами Красного Знамени, Отечественной войны I ст., Славы III ст., боевыми медалями.
36. **Каспинский Иван Андреевич** (1888–?) – уроженец с. Каспа, преподаватель алтайского языка, переводчик, составитель учебников вместе с Н.А. Каланаковым, автор учебника грамматики и правописания для 3–4 классов «Баштамы школдорго ойрот тилиниг учебниги. Грамматика ла правописаннези» (1935).
37. **Катаев Иван Иванович** (1902–1937) – русский советский писатель, член РАПП, с 1926 года один из руководителей группы «Перевал», член правления СП СССР, участвовал в создании «Литературной газеты». В 1935 г. вместе с И. Зарудиным был в журналистской командировке в Ойротии; дружил с П.В. Кучияком, которому посвятил вступление к речи «Искусство социалистического народа», произнесенной на общем собрании московских писателей 31 марта 1936 г.
38. **Кату-Собк** – псевдоним не расшифрован, автор статьи «Алтайдын жангы бичигине канайда үренер» в учебнике 1930 г. «Янгалыф Янгы алтай бичиктос. (Бичик билер улусты «Янгалыфке» үредер бичик)».
39. **Кожевников Савва Елизарович** (1903–1962) – прозаик, очеркист, литературовед. Работал в сибирских окружных и краевых газетах «Молодой большевик», «Красный Алтай», «Советская Сибирь»; редактор Новосибирского книжного издательства.
40. **Коломин Иван Яковлевич** (1912–1950) – общественно-политический деятель, приехал в Ойротию в 1941 г. после окончания Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), первый секретарь Горно-Алтайского ОК ВКП(б) с 1949 по 1950 г.
41. **Коптелов Афанасий Лазаревич** (1903–1990) – прозаик, публицист, общественный деятель. Сотрудничал в газетах «Алтайская деревня», «Красный Алтай», «Звезда Алтая» (Бийск). Печатался в журналах «Сибирская деревня», «Сибирские огни». Автор первого романа об алтайцах – «Великое кочевье» (1935). Лауреат Государственной премии 1979 г. за романную трилогию о Ленине.
42. **Крупп** – династия немецких промышленников, сталелитейных магнатов, владельцев военных заводов.
43. **Крылов Порфирий Никитич** (1850–1931) – русский ботаник, флорист, профессор Томского университета; в 1891–1915 гг. совершил 5 экспедиций в Горный Алтай; автор 17-томного труда «Флора Алтая и Томской губернии» (1903–1914).

44. *Кульджины*, братья *Аргымай* (1865–?) и *Манжи* (Манди) – из семьи потомственных зайсанов; конезаводчики, общественные деятели, меценаты.
45. *Кумандин Сергей Яковлевич* (1881–?) – учитель, переводчик, составитель алтайско-русского словаря (1923), автор учебников «Ойрот школа» (1924), «Эрјинелу бичик» (1925).
46. *Кучияк Павел Васильевич* (1897–1943) – основатель ойротской советской литературы; поэт, прозаик, драматург, член Союза писателей СССР.
47. *Ленин (Ульянов) Владимир Ильич* (1870–1924) – революционер, теоретик марксизма, советский политический и государственный деятель, главный организатор и руководитель Октябрьской революции 1917 г. в России.
48. *Макарий*, митрополит (Михаил Андреевич Невский, при рождении Парвицкий, 1835–1926) – алтайский миссионер, начальник Алтайской духовной миссии с 1883 по 1891 г.; митрополит Московский и Коломенский, канонизирован в 2000 г.
49. *Марков Сергей Николаевич* (Сергей Мар, Памирец; 1906 – 1979) – русский советский писатель, историк, путешественник, архивист, этнограф, журналист.
50. *Март Николай Яковлевич* (1865–1934) – востоковед, филолог, историк, этнограф; академик, вице-президент АН СССР (с 1930); создатель т. н. «нового учения о языке», до 1950-го г. пропагандированного как основа «подлинно марксистского» языкознания.
51. *Мечешев Ярымка Эреденович* (1908–1941) – скульптор, учился в Ойротской художественной школе (1932–1937); участник сибирских выставок 1936, 1939 гг., Всесоюзной выставки народного самодеятельного изобразительного искусства к XX годовщине Октябрьской революции (1937).
52. *Миллер Герард Фридрих* (Gerhard Friedrich Müller, 1705–1783) – русско-немецкий историограф, путешественник, действительный член Императорской академии наук и художеств в СПб., действительный статский советник; руководитель Академического отряда Второй камчатской экспедиции, автор первого научного труда по истории Сибири – «Описание Сибирского царства» (1750).
53. *Модзалевский И. А.* – в 1926 г. редактор газеты «Ойратский край» (им подписаны номера с 51-го по 77 й).
54. *Мухачев Илья Андреевич* (1896–1958) – сибирский поэт, член Союза писателей СССР; основная тема творчества – люди и природа Горного Алтая (Ойротии); первый сборник стихов – «Чуйский тракт» (1926).
55. *Мундус-Эдоков Мирон Васильевич* (1879–1942) – поэт, прозаик, драматург, переводчик, учитель, адвокат. Составил первые книги для чтения на родном (алт.) языке – «Ойротская школа» («Ойрот школ», 1924), «Утренняя Звезда» («Таг чолмон», 1925).
56. *Мызаев Терпан Мызаевич* (1894–?) – родился в с. Бешпельтир, коневода, пастух, одним из первых стахановцев Ойротии награжден Орденом Ленина.
57. *Навои Алишер* (Низамиддин Мир Алишер; 1441–1501) – тюркский (узбекский) поэт, суфий, государственный деятель.
58. *Налимов Сергей Венедиктович* (1914–1976) – Герой Советского Союза (1943), уроженец Солонешенского района Алтайского края, в 1932 г. переехал в с. Шебалино, ушел добровольцем на фронт в 1941.
59. *Непомящих Василий Иннокентьевич* (1907–1954) – сибирский поэт, прозаик, активный сотрудник «Сибирских огней».
60. *Неханевич Лев Абрамович* (1908–1986) – профессиональный лектор, преподаватель Горно-Алтайского педагогического училища, библиофил.
61. *Низами Гянджеви* (Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф; ок. 1141–ок. 1209) – классик персидской литературы, крупнейший поэт средневекового Востока.
62. *Низовой (Тупиков) Павел Георгиевич* (1882–1940) – русский советский писатель; в 1918 г. из Москвы приехал в Барнаул, год работал лесником-объездчиком в Телецком лесничестве; по алтайским впечатлениям написал повести «Язычники», «В горах Алтая», книги рассказов «В горных ущельях» и «Золотое озеро».
63. *Обручев Владимир Афакасьевич* (1863–1956) – русский и советский геолог, географ, исследо-

ватель Сибири, Центральной и Средней Азии; путешественник, писатель и популяризатор науки, академик Академии наук СССР; его именем назван пик на хребте Сайлюгем и ледник на хребте Чихачева.

64. **Орлов Сергей Иванович** (1889–1937) – сибирский зоолог, охотовед, этнограф; внес значительный вклад в организацию охотничьего хозяйства и в изучение промысловой фауны Сибири.

65. **Плетнев Василий Иванович** (1887–1935) – общественно-политический деятель, участник гражданской войны в Горном Алтае, возглавил первый Совет крестьянских депутатов; в 1920 подписал приказ о выделении Горного Алтая в самостоятельный уезд; руководимый им уездный ревком подготовил основу для создания Ойротской автономной области.

66. **Потапов Леонид Павлович** (1905–2000) – советский и российский этнограф, доктор исторических наук, профессор, крупнейший исследователь истории и культуры алтайцев, создатель научной школы по изучению народов Сибири; его «Очерки по истории алтайцев» (1948) удостоены Государственной премии.

67. **Пушкарев Глеб Михайлович** (1889–1961) – сибирский прозаик, драматург, член СП СССР; работал в алтайских газетах, Алтайском книжном издательстве, затем в Сибкрайиздате, принимал участие в создании Союза сибирских писателей (1926); публиковался в журналах «Сибирский рассвет», «Алтайская деревня», «Красная нива», «Сибирские огни», «Сибирь», «Товарищ»; составитель первых сибирских хрестоматий; Ойротии посвятил книгу «В хребтах Алтая» (1930).

68. **Руставели (Торели) Шота** (ок. 1172–1216) – грузинский поэт, мыслитель, государственный деятель.

69. **Сабашкин Алексей Макарович** (1898–1935) – первый председатель алтайской литературной коллегии в Москве, делегат Первого Всесоюзного тюркологического съезда в Баку (1926), редактор газеты «Кызыл Ойрот».

70. **Самойлович Николай Самойлович** (1880–1938) – советский востоковед, академик АН СССР, крупнейший российский тюрколог, директор Института востоковедения АН СССР; проводил полевые исследования языка, фольклора и быта тюркских народов, в том числе и в Горном Алтае.

71. **Сапего Александр Игнатьевич** (?–?) – с 29.11.1946 по 29.2.1948 – секретарь Горно-Алтайского обкома ВКП(б).

72. **Симонов Константин Михайлович** (1915–1979) – русский советский прозаик, поэт, драматург и киносценарист, общественный деятель, журналист, военный корреспондент, Герой Социалистического Труда, Лауреат Ленинской и шести Сталинских премий. Участник боёв на Халхин-Голе и Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

73. **Сперанский Михаил Михайлович** (1772–1839) – реформатор эпохи Александра I, граф, сибирский генерал-губернатор (1818–1821); под его руководством создано «Полное собрание законов Российской Империи» в 45 томах; его «Устав об управлении инородцев» (1822) юридически закрепил права коренных жителей российских окраин.

74. **Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович** (1878–1953) – советский политический, партийный, государственный и военный деятель; с 1924 по 1953 гг. – руководитель СССР.

75. **Стонов Дмитрий Миронович** (Влодавский Дмитрий Меерович, 1897–1962) – русский советский писатель.

76. **Сухов Петр Федорович** (1884–1918) – участник гражданской войны в Горном Алтае, командир отряда Красной Гвардии.

77. **Тантыев Исай** (1912–1943) – уроженец Улаганского района, поэт-самоучка, избач (библиотекарь); публиковался в «Крестьянской газете» на ойротском языке.

78. **Терентьева (Терентьева-Катаева) Мария Кузьминична** (1906–1996) – русская поэтесса, прозаик; в молодости приезжала в Сибирь, печаталась в книге «Вьюжные дни: Сборник сибирских поэтов революции» (Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925).

79. **Третьяк Иван Яковлевич** (1884–1937) – начальник Первой горно-конной алтайской партизанской дивизии, автор книги «Партизанское движение в Горном Алтае. 1919» (Новосибирск, 1933).

80. **Тозыяков Алексей Васильевич** (1882–1938) – поэт, учитель, автор первых драматических произведений и первых учебников (в соавторстве). Его стихи под псевдонимом Тонжан (Тон-Жан)

издавались в периодической печати и входили в школьные учебники.

81. *Токмашев Георгий Маркелович* (1892–1960) – просветитель, этнограф, фольклорист, соавтор первых учебников. В 30-е годы преподаватель алтайского языка в педтехникуме и совпартшколе.
82. *Толтоков (Толток) Алтайк* (1906–1937) – общественный деятель, публицист, поэт.
83. *Тоцакова Таусия Макаровна* (1902–1970) – языковед, канд. филол. наук; автор более 20 крупных научных работ, словарей, учебников для национальных школ, методических пособий.
84. *Улагашев Николай Улагашевич* (1861–1946) – алтайский сказитель, репертуар которого состоял из 32 героических сказаний; награжден орденом Знак Почета. Основные записи его сказаний сделаны в 1937 г. П. Кучияком и московской фольклористкой А. Гарф; тексты сказаний положены в основу книжной серии «Алтай баатырлар» («Алтайские богатыри», 1958–2004).
85. *Фирсов Андрей Петрович* (1875–1918) – бийский купец 1 гильдии, в 1909 г. пристроивший в Бийске к пассажу Второва свой магазин.
86. *Хмелевский Владимир Александрович* (?–?) – первый руководитель Ойротского областного архивного бюро.
87. *Филатов Константин Иванович* (1901–1938) – литработник, заведующий нац. сектором ОГИЗ (Зап. Сиб. ОГИЗ).
88. *Чагат-Строев (Трепихин) Павел Александрович* (1887–1938) – алтайский поэт, переводчик, член СП (1934).
89. *Чоков Алексей Павлович* (1908–1938) – алтайский поэт, уроженец Улаганского района; 1937 г. – редактор газеты «Кызыл Ойрот».
90. *Чунижеков Чалчык Анчинович* (1898–1973) – алтайский писатель, журналист, поэт-сказитель, член Союза писателей СССР (1958).
91. *Шабураков Алексей Григорьевич* (1904–?) – алтайский языковед, методист, специалист по издательскому делу.
92. *Шагинян Мариэтта Сергеевна* (1888–1982) – советская поэтесса и прозаик, искусствовед, журналист, историограф; в годы Великой Отечественной войны была в эвакуации на Урале, откуда выезжала в журналистские командировки по Сибири; Герой Социалистического Труда, Лауреат Сталинской премии третьей степени и Ленинской премии.
93. *Шевченко Тарас Григорьевич* (1814–1861) – украинский поэт, мыслитель, этнограф, общественный деятель.
94. *Шолом-Алейхем* (Рабинович Соломон Наумович; 1859–1916) – еврейский писатель и драматург, основоположник современной литературы на идише.
95. *Шуклин Илья Захарович* (1922–1943) – Герой Советского Союза (1943), уроженец Усть-Канского аймака; артиллерист.
96. *Эйхе Роберт Индрикович* (1890–1940) – советский государственный и партийный деятель; организатор коллективизации и раскулачивания в Сибири.
97. *Эдоков Иван (Аргымай) Ильич* (1908–1938) – алтайский поэт, переводчик, учитель. Печатался в первом коллективном сборнике «Совет Ойроттыг бзүми» (Новосибирск, 1935).

Приложение 5

Источники текстов

«*Власть Советов*» – ежемесячный журнал Всероссийского центрального исполнительного комитета, издавался в 1917–1938 гг.

Canalif: canь altaj biciktos: (bichik biler ylustь «Canalifka» yugreder bicik) = Јаналиф: новый алтайский алфавит – учебное пособие для обучения грамотных на Јаналиф. - Ulalu : Ojrot-oblastьp Canalif - Komitedь съgargan, 1930. - 64 с.

Целое десятилетие (1928 – 1938 г.г.) проводилась работа по введению нового латинизированного алфавита в Горном Алтае. В связи с переводом школ с 1928–29 учебного года на латинизированный алфавит в области проводится работа по переизданию действующих и созданию новых учебников

на алтайском языке. В 1930 г. в Улале тиражом 5000 экземпляров выходит «Janalif - Новый алтайский алфавит».

Цель издания – помощь в изучении латинизированного алфавита алтайского языка. Книга издана Областным Комитетом нового алфавита. На каждой странице напечатаны буквы с показом написания, затем идут слова и предложения с данной буквой, тексты для чтения. Содержание - жизнь алтайцев, поучительные статьи о коллективном труде, коммуне («Когда орешничаешь, не бей кедр колотушкой, кедр испортится»), «Крещенные алтайцы три года не будут платить налог» и др.) В конце книги дается новый алфавит.

«Красная звезда» – центральная военная газета СССР, издается с января 1924 гг. Главный печатный орган Министерства обороны СССР, в годы Великой Отечественной войны приобретший исключительный авторитет.

«Красная Ойротия» – газета, орган Ойротского обкома ВКП(б), Облсполкома и Облпрофсовета / Ойротского областного, Ойрот-Турского городского комитетов ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся (1931 – 1948 гг.). С № 5 1948 г. – «Звезда Алтая» – орган Горно-Алтайского областного, Горно-Алтайского городского комитетов ВКП(б) и областного Совета депутатов трудящихся.

«Кызыл Ойрот» – орган Ойротского обкома ВКП(б), Облсполкома и Облпрофсовета / Ойротского областного, Ойрот-Турского городского комитетов ВКП(б) и областного совета депутатов трудящихся (1925 – 1947 гг.). С 1938 г. газета «Кызыл Ойрот» самостоятельно не готовилась, с этого времени стали переводить «Красную Ойротию» на алтайский язык.

«На стройке МТС и совхозов» - ежемесячный художественно-иллюстрированный журнал (1934-1937), средствами фотоочерка и фоторепортажа пропагандировавший достижения совхозного и колхозного строительства в СССР.

«Наши достижения» – журнал художественного очерка (1929-1937), созданный по инициативе М. Горького для освещения достижений советского строя «на фабриках и заводах, на полях, во всех областях науки, техники и культуры, в быту трудящихся», чтобы рассказывать «о наших достижениях широким массам рабочих и крестьян в живой и доступной для понимания форме». Раздел науки вел О.Ю. Шмидт, разделы культуры и быта, искусства – А. В. Луначарский. В журнале кроме того были отделы сельского хозяйства, техники и производства, хроники. Тиражи доходили до 100 000 экз. В 1930 из издания выделился пропагандистский иллюстрированный журнал «СССР на стройке».

«Новый мир» – ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал, издавался в Москве с 1925 г. в издательстве «Известия». В довоенные годы тираж доходил до 80 000 экз. В начале 1930-х был признан основным журналом тогдашней русской советской литературы. Ознакомиться с изданием можно на сайте «Фонд Новый мир» <http://novymirjournal.ru/index.php/allnewworld/453-all-new-wolrd-open>

«Октябрь» – ежемесячный литературно-художественный журнал, издававшийся в Москве с 1924г. Первоначально он был органом МАПП (Московской ассоциации пролетарских писателей), затем – ВАПП (Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей), с 1933 г. – органом Союза писателей РСФСР и СССР. В журнале публиковались С. Есенин, В. Маяковский, М. Зощенко, А. Платонов, К. Паустовский, М. Пришвин и др. Многие из напечатанного в «Октябре» в 1920–30-е годы вошло в историю русской литературы. С первых номеров журнал знакомил читателей и с творчеством современных зарубежных писателей.

«Ойротский край» - первая в истории Ойротии газета. В 1922 году вышел единственный номер к 7 ноября, тип издания был обозначен как «еженедельная газета Облревкома и Обкома РКП»; в качестве заставки был использован рисунок Г.И. Гуркина. В 1923 г. вышло 16 номеров «газеты-листочка Ойротского Обкома РКП (б-в) и облсполкома» «Ойратский край» с припиской: «Выходит нерегулярно». С 1924 г. уже была объявлена подписка на дважды в неделю выходящую газету. С №10 за 1928 год название стало писаться «Ойротский край». В 1931 г. газета переименована в «Красную Ойротию». Ныне - «Звезда Алтая».

«Ойроттын комсомолы» = Ойротский комсомолец – газета, орган Ойротского областного комитета ВЛКСМ. Выходила 1 раз в пять дней. Издавалась на алтайском и русском языках (1931 – 1941)

«Охотник и пушник Сибири» – ежемесячный журнал, издававшийся в 1923–1937 годах в Барнауле и Новониколаевске-Новосибирске; издание меняло названия («Охотник Алтая», «Охотник и пушник Сибири», «Охотник и рыбак Сибири», «Охотник Сибири»). Отражал работу охотоведов, охотников, звероводов, орнитологов, участников научных экспедиций. В литературном отделе публиковались

проза, очерки и стихи новосибирских писателей: В. Итина, Н. Алексеева, Е. Пермитина, А. Коптелова, И. Мухачева, П. Гинцеля, К. Урманова и др.; есть материалы московских писателей М. Пришвина и В. Правдухина.

«Правда» – ежедневная газета, основное печатное средство массовой информации в СССР, орган ВКП(б) – КПСС, издается с 1912 г. День выпуска первого номера – 5 мая – был объявлен в СССР Днем печати.

«Сибирские огни» – старейший литературный журнал России, издающийся в Новониколаевске-Новосибирске с 1922 года. Главная задача издания – «зажечь духовную жизнь грандиозной Сибири». Первыми руководителями были писатели В. Зазубрин и В. Правдухин. На базе журнала была проведена работа по подготовке первого съезда писателей региона, на котором было создана творческая организация – Сибирский союз писателей (1926). С 1930 года журнал – орган Сибирской ассоциации пролетарских писателей (СибАПП). Полный архив журнала с 1922 года доступен в электронной форме на сайте издания <http://сибирскиеогни.рф/archive>.

«Сибирь» – литературный иллюстрированный журнал, издававшийся в 1925 – 1926 гг. Сибкрайиздатом в Новониколаевске.

Совет - јоктуга арга: ойротто јаан улус уурэнэр бичик = Советы – опора бедняку: книга для взрослых / сост.: П. П. Тыдыков, В. И. Фролов; худ. Н. И. Чевалков. – [Улала]: Облит, 1926. – 51 с. : ил.

Для обучения грамоте взрослого населения издавались специальные буквари, названия которых даны в форме лозунга, содержание агитационно-просветительского характера. «Совет јоктуга арга» («Советы – опора бедняку»), книга иллюстрирована рисунками и сюжетными картинками Н.И. Чевалкова. К текстам дается словарь.

Sovet oirottyn ozymı = Рост советской Ойротии: сборник стихов начинающих писателей и поэтов советской Ойротии / отв. ред. И. Аргоков. – Новосибирск: ОГИЗ, 1935. – 87 с. – 2000 экз.

Предисловие написано К.Филатовым (о нем очень мало сведений). Литературную обработку сделал П.В. Кучияк. Начинающие писатели из среды молодых колхозников: Кудачин Токна, М. Шагмаков, Иван Эдоков, И. Попов, В. Моможок, Ј. Чаминов, Исая Тантыев и другие. Из названных имен читателю известны только П. Кучияк, И. Эдоков, Исая Тантыев как писатели 20–30-х годов XX века. Начинающие писатели Т. Кудачин из Кулады, М. Шагмаков, И. Попов, В. Моможок, Ј. Чаминов, Р. Сюрюлова до сих пор не известны читателям. Сборник состоит из четырех разделов: «Октябрьдын јенүзи» (Победа Октября), «Совет Ойроттын 10 јылы» (10 лет Советской Ойротии), «Колхоз јазалы» (Строительство колхоза), «Јаңы кожондор» (Новые песни). Включено более 40 произведений: П.В. Кучияк – 18; И. Эдоков – 6; Ч. Чунижеков – 3; Чагат-Строев – 3; И. Тантыев – 2; В. Моможок – 3; М. Шагмаков – 2; Ј. Чаминов из Кулады – 2; Т. Кудачин из Кулады – 1; Ф. Шабураков – 1; Р. Сюрюлова – 1, И. Попов – 1. Токна Кудачин в стихотворении «Кулады коммуназына мак кожон» (Песня прославления о коммуне Кулады) 1934 г. ярко передал риторику того времени, вместе с агитационными призывами к новой жизни он призывает читателей быть бдительными. Сборник «Совет Ойроттын озүми» является бесценным документом начального периода алтайской литературы, в нем собраны стихотворения начинающих писателей из сел Кулада, Куюм, из Чулышманской долины.

Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи = Дела и люди Социалистической Ойротии: сборник очерков / ред. коллегия: М. Тектиев (отв. ред.), И. Коломин, А. Герман, М. Саруева, К. Растегаев. – Ойрот-Тура, 1947. – 198 с.

Сборник подготовлен к 25-летию Ойротской автономной области. В него вошли очерки о героях войны и труда (И. Шуклине, Д. Елеусове, С. Налимове, Е. Упаевой, М. Клешеев, Н. Тадышеве, С. Адикановой, А. Порошине, Д. Замятине, П. Чевалкове, И. Забродине). Авторы: И. Коломин, К. Растегаев, М. Шагинян, В. Дремов, А. Демченко, М. Олегов, А. Каланаков, А. Шашкин, И. Кочеев, Н.Глебов, А. Герман, Б. Каирский.

«СССР на стройке» – ежемесячный иллюстрированный журнал новостей и пропаганды, ориентированный на иностранную аудиторию; издавался на 5 языках с 1930 по 1941 гг. и в 1949 г.; с 1950 стал выходить под названием «Советский Союз». Создавал идеализированную картину жизни в СССР средствами фотоочерка, оформлялся в стиле конструктивизма с применением фотомонтажа.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
<i>Шастина Т. П.</i> Ойротия в зеркале литературы: художественно-идеологическое воображение региона	6
1922	
<i>Ерошин И.</i> На Алтае шумит много рек	15
<i>Конзычаков Сары-Сеп Л.</i> Культурно-исторический очерк об алтайцах	15
(к вопросу о выделении автономной области «Ойрат»)	15
<i>Декрет ВЦИК</i> об образовании автономной области ойратского народа	20
<i>Низовой П.</i> Язычники (фрагмент повести)	21
<i>Пушкарев Г.</i> Младенцы гор	24
<i>Кучияк П.</i> Октябрьдын јенүзи	29
1923	
<i>Иванов-Меджит Н.</i> К годовщине Ойратской области	30
<i>Ерошин И.</i> Советы матери	31
<i>Беседин К.</i> Чемал – хрустальная вода	33
1924	
<i>В Президиуме ВЦИК</i>	33
<i>Потапов Л.</i> На камланы	33
<i>Эдоков И.</i> Советти колго алганы	34
<i>Кучияк П.</i> Башчыбыстын јогына	35
1925	
<i>Вяткин Г.</i> Алтын-Коо	36
<i>Казанский П.</i> Чемал – алтайская Ялта	37
<i>Журавлев С.</i> Чуйский тракт	40
<i>Вегман В.</i> Как гибнут культурные ценности	42
<i>Терентьева М.</i> В горной заимке	43
<i>Толтоков А.</i> Алтайдын јерине јераплан учканы	43
<i>Мундус-Эдоков М.</i> Јуу	44
<i>Тонгжан.</i> Ойроттор кичеегер	45
1926	
<i>Добычин-Алтайский Н.</i> Ит-Кара	45
<i>Модзалевский И.</i> Алтай-кижи	57
<i>Мухачев И.</i> Чуйский тракт	59
<i>Хан-Алтай</i> (алтайская народная песня). Пер. П. Казанский	59
<i>Казанский П.</i> Алтаец	60
<i>Тонгжан.</i> Ленин нокөргө кожон	60
<i>Каланаков Н.</i> АржанСуу. Алтын көл	61
1927	
<i>Хмелевский В.</i> Легенды племени туба	62
<i>Мухачев И.</i> Ойротия	63
<i>Тозыяков А.</i> Актардын мекези	63
Алтай делегаткалардын јуундарынын программы	70

1928	
<i>Орлов С.</i> По Алтаю	74
<i>Кумандин С.</i> Ангчылар	75
1929	
<i>Мар С.</i> Обновленные племена.....	77
<i>Яцунская О.</i> По Алтаю (записки экскурсанта)	83
<i>Айхенвальд Б.</i> Образы Алтая.....	88
Јаңы алтай бичиктӱс «Јаңгалиф»	99
Јаңгалифка улусты ўредер керегинде Хакас округла мӱрӱй иш башталды.....	99
<i>Борбуев А.</i> Кооператив јонго арга	100
<i>Чагат-Строев П.</i> Јаңгалиф	100
1930	
<i>Коптелов А.</i> Ойратия.....	101
<i>Стонов Д.</i> Повести об Алтае (фрагмент очерка)	109
"Советтердин јолы..." деп јуунтыдан: Омӱлик	116
Машина	117
<i>Кату Сӱбк.</i> Алтайдыг јаңы бичигине канайда ўренер	117
1931	
<i>Халяпин А.В</i> страну Ойрат	118
<i>Гордиенко П.</i> Ойротия (фрагмент очерка)	121
"Јаңы школ" деп бичиктен алынган: Ликпункт.....	123
Бичик кычырар тура	124
<i>Тверской В.</i> Бичиичи кижн канайда иштеер. Кӱчӱргени Леонид Сары-Сеп	124
1932	
<i>Долгих И.</i> Рассказ о снежном походе	126
<i>Каланаков Н.</i> Метод бичиги	127
<i>Кучияк П.</i> Ойроттыг он јылына	130
1933	
<i>Ерошин И.</i> У детей ойрота веселые лица...; В черной ступке обтолкла.....	131
<i>Зазубрин В.</i> Горы (фрагмент романа)	132
<i>Кучияк П.</i> Јаңгалиф	134
1934	
<i>Шадрин З.</i> На Бие	135
<i>Шагмаков М.</i> Гражданский јуу	136
<i>Моможоков В.</i> Уй улустыг эмдиги јурӱни	138
<i>Кучияк П.</i> Колхозчылардын кожоны	138
<i>Тантыев И.</i> Јыргал бичикте	139
<i>Кучияк П.</i> Шинжилеткен јуучыл	139
1935	
Есть в Москве человек	141
<i>Филатов К.</i> Кире сӱстин'ордына	141
1936	
<i>Чоков А.</i> Улу Сталинге ойрот албатынын'бичиги	143

Письмо ойротского народа великому Сталину. Пер. В. Непомнящих	154
<i>Зарудин Н.</i> Прекрасная Ойротия	161
<i>Тодошев И.</i> Клевета на действительность.....	167
<i>Катаев И.</i> В долине Чолышмана.....	168
<i>Сабашкин И.</i> На смерть Горького	168
<i>Енчинов Т.</i> Ойрот бичиктерде буржуазно-националистический контрабандала тартыжары	171

1937

<i>Постановление Президиума ВЦИК</i> о советском, хозяйственном и культурном строительстве в Ойротской автономной области за 15 лет.....	174
<i>Алексеев Н.</i> Алтын Нор	177
<i>Кожевников С.</i> Машина идет в Кош-Агач	179
<i>Обручев В.</i> Горный Алтай.....	190
<i>Новиков А., Гладков И.</i> Ойротская автономная область (Ойротия).....	192
<i>Чоков А.</i> Орустын улу Прометейге	204
<i>Пушкин А.</i> Кавказ	205
<i>Пушкин А.</i> Күс	206
<i>Моможоков В.</i> Улу үлгерчи	206

1938

<i>Алексеев Н.</i> Алтын-Коль	207
<i>Борбурев А.</i> Кызыл черунинг 20 жылдыгына	207

1939

<i>Кожевников С.</i> Первые страницы алтайской литературы	208
<i>Улагашев Н.</i> Сталин	222
<i>Улагашев Н.</i> Бакол Балезич (алтай чөрчөк)	223

1940

<i>Кожевников С.</i> Рождение театра	276
<i>Кучияк П.</i> Жажына сүуген искусство	283
<i>Глебов Н., Быстров П.</i> Баштап бичинчи авторлор керегинде.....	284

1941

По страницам газеты «Красная Ойротия»:

<i>Кучияк П.</i> Матка ячменя	285
<i>Автоманов Г.</i> Враг, пощады не жди	286
Джигит	287
Война и люди	288
Фронту – всё важное	289
<i>Духовный И.</i> Московский Государственный Педагогический Институт им. К. Либкнехта в г. Ойрот-Тура	290
<i>Симонов И.</i> Институт имени Мичурина	290
<i>Тоцакова Т.</i> Областной языковедческий научный баштапкы конференциянын итогторына.....	291

1942

<i>Симонов К.</i> Единоборство	293
Улу Сталинга	295
<i>Баскаков Н.</i> Ойроттор бийик үредү алгылайт.....	301

1943

<i>Шагинян М.</i> Собрание в Кош-Агаче	302
<i>Шагинян М.</i> Јер чечектеер	304
<i>Сергей Михалков</i> ло Эль Регистан. Советский Союзтын гимны	306

1944

По страницам газеты «Красная Ойротия»:

<i>Моисеенко Ф.</i> Идущему вперед	307
<i>Швецов С.</i> Отрывок из поэмы «Чагандай Карманов»	307
Творческий объединениенини очередной «четвергнде»	308
<i>Растегаев К.</i> Лейтенант Шуклин	309

1945

По страницам газеты «Красная Ойротия»:

<i>Зиновьев А.</i> На Берлин!	311
<i>Растегаев К.</i> Переправа	312
Фронтвик в колхозе	313
Верховному Главнокомандующему маршалу Советского Союза товарищу Сталину	313
<i>Зиновьев А.</i> Здравствуй, Ойротия!	314
<i>Шабураков А.</i> Сталинский закон шылтуузы	315

1946

<i>Мухачев И.</i> Горы	316
<i>Кучияк П.</i> Вечная любовь	317
<i>Чунижеков Ч.</i> Јангы Јылга	318
<i>Чунижеков Ч.</i> Литературный объединение качан иштеер?.....	319
<i>Чунижеков Ч.</i> Бистинг Конституция	319

1947

<i>Неханевич Л.</i> Образование и развитие Ойротской автономной области как торжество ленинско-сталинской национальной политики (к 25-летию ойротской автономной области. 1922-1947)	320
<i>Растегаев К.</i> Жанбек Елеусов	324
<i>Каланаков А.</i> Алтайский заповедникте	325
<i>Коломин И.</i> Социалистический Ойротиянын улустары ла ижи	328

1948

Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О переименовании Ойротской автономной области Алтайского края»	331
<i>Сапего А.</i> К вопросу о переименовании области	331

Справочные приложения

<i>Приложение 1.</i> Алтайская лексика, встречающаяся в русскоязычных текстах	337
<i>Приложение 2.</i> Малоупотребительная и устаревшая алтайская лексика	338
<i>Приложение 3.</i> Сибирская лексика и историзмы	340
<i>Приложение 4.</i> Персоналии	344
<i>Приложение 5.</i> Источники текстов	349

ОЙРОТИЯ В ЗЕРКАЛЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Издано к столетию со дня образования Ойротской автономной области

Ответственный за выпуск – С. К. Штанакова

Составление, подготовка текстов, приложения:
Э. П. Чинина, Т. П. Шастина, вступительная статья Т. П. Шастина,
подбор иллюстраций М. М. Алушкина

Рецензент:

Тюхтенева С. П., доктор исторических наук, этнограф

 Полиграфика

649000, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 21.
Тел.: 8 983 584-92-29, 8 (38822) 5-92-29.

ОФ "ФНТМ" Республика Алтай, 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Улагашева, д. 4, оф. 33.

Подписано в печать 06.04.2022.

Формат 210x297

Печать офсетная.

Тираж 300 экз. Заказ № 346.

1610,00

Кавказ мал-аш ерегинде мөрбй-т алганын бис казетке сатганы ий журты бу ишт билини, иштетени, Ойругшкаратап бюр-Бистий облас калбас керек. э ишти там ты керек. иеген планы-ла иштеген кра ктар болор. Бу

болды. Области 2 аймакты 87 деремнеде, мал-аш ижн кичееп кбрттн 290 уиолномочейный улустар тудулды. План-ла 309 ченемел участкалар эдетенин эжиледебис. Кбрт жалга машина беретен жерлерди эжилегени 47 болгон; брткени 23 болуп жат. Урен аш арулайтан жерлер 32 болды, оларды иайы брткени 4 Облас ичине 74000 салководный машиналарын тартырды. Жаскы ип керегине 116510 салковой кредит акча чыкты. Иайы тбзблгн коллективтарды

талып жат. Ойрот облазында бу уреду-екинчи уреду болуп туру. Кызыл черуге барып туратан улус 38 коноко казармаа жулып келди. Черуге баратан алтай-ла орус улдар уреду тужунда тунгей кичееп, тили де ижи-де жангыс болгоны откон жылдагы уредуден билдирди. Бу уреду узак емес болуп жат. Оный учун уреду тужунда жулган улдар уредуге кичемкей, укур болуп журер керек, Уредуге турган улустый кунун иштейтенин ончозын эжилеп салган.

бош тужунда уреду кер кичееп журер керек. 38 конок-ол коп емес. Сзына уренип аларга куч бс Же кичеенип, куруенип ур черу керегинин уч-бачын билип алар. Черу улустын и жин, алардын нени иштеп ганын билип алар. Газет, б кычырарына уренип алар, керегин уренип турган кру: торго болужатанын, жаш б румнин ортозында иштейте билип алар. Уредуге ту улус оной ары бойы кана урениетенин билип алар.

једикпес-те керек, Ани-азетке салза муп турга-дырары бе-инде мбрйр кандый ин бис „Кы

кереке турала ижин тескери иштеп турган болзо, ондый кижиний кылактарын саларга учурлу. Бу керекти журткорлор газетке бичип турарда жарт билип отулар керек. Эмди тургуза бистий тый-ла кичейтен керегибис мбрйлбжбр керек болуп жат Анчадала колхозторды ижи

кээтирип турарлар. Кантон дэгн городто јайыс оромдо јаткан улус бойы бойлорына јукчи болор учурлу. Деремнэ јэрлэрдэ јаантаин јаткан улустын тоозын алып бичип јат. Дэрэмнэ јайы кэлгн киж ил дэрэмнэний јаанына барып угузар учурлу. Коммунист улустый јаткан

јат, эдин јара сокон јэринэ тус салып јат, ичи јарылганча уузына суу урып јат, жангыс таарг канча-канча кижини тыйы-ла јыда-ла сайгыштап, оный кийн дэ Устунэ караснай урала брт-ди јат јайыс јылга 100 уездт крестьян улус туймэп чыкан. 12 провинцияда јайыс јылда блтүрт-кэн улустый тоозы 337568 крес-